

ДЖЕЙН ОСТЕН

3

ДЖЕЙН ОСТЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1989

ДЖЕЙН ОСТЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ ТРЕТИЙ

ЭММА

Роман

ДОВОДЫ РАССУДКА

Роман

Перевод

с английского

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

19 89

ББК 84. 4Вл
0—76

JANE AUSTEN
(1775—1817)

Редколлегия:

Г.АНДЖАПАРИДЗЕ, Е.ГЕНИЕВА, М.КЛИМОВА, Н. МИХАЛЬСКАЯ

Составление и комментарии

Е. ГЕНИЕВОЙ

Оформление

А. ЛЕПЯТСКОГО

Иллюстрации

Ч. БРОКА, Э. УОЛЛИСА МИЛЛЗА, Дж. ОСТЕНА, Х. ТОМСОНА

О 4703000000—025 подписное
028(01) — 89

ISBN 5—280—00306—9 (Т. 3)
ISBN 5—280—00303—4

© Состав, переводы, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1989 г.

ЭММА
роман

*Перевод
М. Кан*

EMMA

1816

КНИГА I

ГЛАВА I

Эмма Вудхаус, красавица, умница, богачка, счастливого нрава, наследница прекрасного имения, казалось, соединяла в себе завиднейшие дары земного существования и прожила на свете двадцать один год, почти не ведая горестей и невзгод.

Младшая из двух дочерей самого нежного потатчика-отца, она, когда сестра ее вышла замуж, с юных лет сделалась хозяйкою в его доме. Ее матушка умерла так давно, что оставила ей лишь неясную память о своих ласках; место ее заступила гувернантка, превосходная женщина, дарившая своих воспитанниц поистине материнскую любовь.

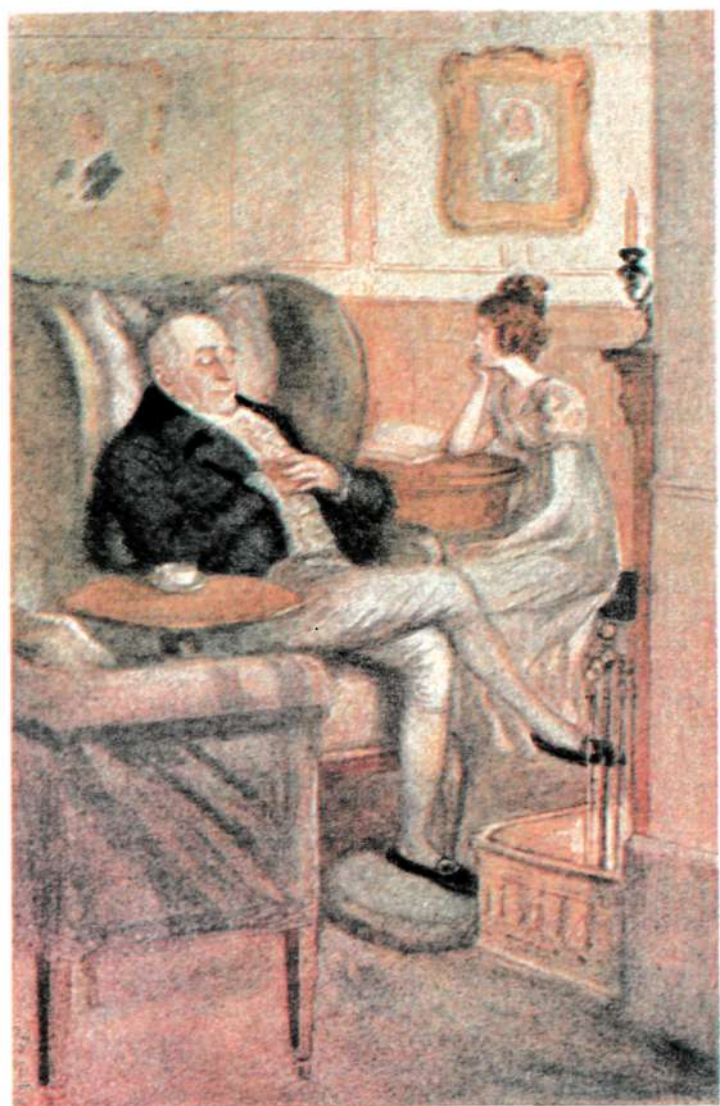
Шестнадцать лет прожила мисс Тейлор в доме мистера Вудхауса, более другом, нежели гувернанткой, горячо любя обеих дочерей, но в особенности Эмму. С нею у нее завязалась близость, какая чаще бывает у сестер. Мисс Тейлор, даже до того, как формально сложить с себя должность гувернантки, неспособна была по мягкости характера принуждать и обуздывать; от всякого намека на ее власть давно уже не осталось и следа, они жили вместе, как подруга с подругой, храня горячую обоюдную привязанность; Эмма делала, что ей вздумается, высоко ценя суждения мисс Тейлор, но руководствуясь преимущественно своими собственными.

Здесь, правду сказать, и таился изъян в положении Эммы; излишняя свобода поступать своевольно, склонность излишне лестно думать о себе — таково было зло, грозившее омрачить многие ее удовольствия. Покамест, впрочем, опасность была столь неприметна, что Эмма ни в коей мере не усматривала в этом ничего дурного.

Явилась скорбь — нежная скорбь — однако вовсе не в образе горького прозрения. Мисс Тейлор вышла замуж. Утрата мисс Тейлор и сделалась для Эммы причиной первого горя. В день свадьбы милого друга Эмма впервые долго сидела, погруженная в унылое раздумье. Свадьба кончилась, собравшиеся разошлись, и они с отцом сели обедать вдвоем, уже не чая, что присутствие третьей скрасит им долгий вечер. После обеда родитель Эммы расположился, по обыкновению, соснуть, а ей оставалось теперь только сидеть и думать о том, чего она лишилась.

Сегодняшнее событие, судя по всему, обещало стать счастливым для ее друга. Мистер Уэстон был человек безупречной репутации, состоятельный, подходящего возраста и с приятными манерами; к тому же некоторое удовлетворение заключала в себе мысль о том, с каким великодушным дружеским бескорыстием она всегда сама желала этого брака и способствовала ему; но мрак в душе ее не рассеивался. Всякий день и час ощутительно будет отсутствие мисс Тейлор. Ей припомнилась неизменная доброта — доброта и ласка целых шестнадцать лет, — то, как ее с пятилетнего возраста учили, как играли с нею, как, не жалея сил, привечали ее и забавляли, когда она была здорова, как ухаживали за ней, когда она болела разными детскими болезнями. Уже это обязывало ее к великой благодарности, но еще дороже, светлее, была память об их отношениях в последние семь лет, на равной ноге и совершенно откровенных, которые установились меж ними вскоре после того, как Изабелла вышла замуж и они оказались предоставлены самим себе. Немногие могли бы похвалиться такою подругой и наперсницей; разумная, образованная, умелая, она до тонкости знала весь обычай семейства, принимала к сердцу все его заботы, а особенно — все, что касалось до Эммы, малейшее ее удовольствие, малейшую затею; ей можно было поверить всякую мысль, какая бы ни зародилась в голове, ее любовь все оправдывала и все прощала.

Как снести эту перемену? Правда, ее друга будет отделить от них всего полмили, но Эмма понимала, сколь велика должна быть разница меж миссис Уэстон, хотя бы и в полумиле от них, и мисс Тейлор у них в доме; при всех преимуществах, природных и благоприобретенных, ей теперь угрожала прямая опасность страдать от духовного одиночества. Она всем сердцем любила отца, но его общества ей было мало. Он не мог быть для нее достойным собеседником в серьезном или шутилом разговоре.

Такая досадная помеха, как различие в возрасте (а мистер Вудхаус женился немолодым), весьма усугублялась состоянием его здоровья и привычками; будучи всю жизнь рыхлым, болезненным, не упражняя достаточно ум и тело, он был по всей повадке своей много старше своих лет и, любимый повсюду за сердечность и добродушный характер, не блистал никакими талантами.

Сестра ее, оторванная от них замужеством, жила сравнительно недалеко, в Лондоне, в каких-нибудь шестнадцати милях, но была все же недосыгаема для повседневного общения; не один тягостно долгий вечер предстояло Эмме скоротать в октябре и ноябре, прежде чем рождество опять приведет в Их опустелый дом Изабеллу с мужем и малыми детьми и вновь подарит ей приятное общество.

Хайбери — обширное и многолюдное селение, только что не город, коего часть, несмотря на отдельную лужайку возле дома, живую изгородь и название, составлял Хартфилд, — не мог ей предложить равных. Вудхаусы были тут первыми по положению. На них взирали с почтительностью. Со многими в здешних местах Эмма водила знакомство, ибо учтивость отца ее не допускала исключений, но ни один и на полдня не заменил бы ей мисс Тейлор. Печальная то была перемена, и Эмма невольно вздыхала, думая о ней и давая волю несбыточным мечтам, покуда отец своим пробуждением не напомнил ей о необходимости сохранять беспечный вид. Дух его нуждался в поддержке. Человек он был слабонервный, легко впадал в хандру, благоволил ко всем тем, к которым привык, терпеть не мог с ними разлучаться и вообще не терпел никаких перемен. Супружество, как изначальная причина перемен, всегда внушало ему неприязнь; он далеко еще не смирился с замужеством родной дочери, отзывался о ней не иначе как с состраданием, хотя та вышла замуж единственно по любви, и вот его уже принуждали расстаться также с мисс Тейлор; по привычке к безобидному эгоизму, не в состоянии предположить, что другие могут иметь чувства, отличные от его собственных, он предпочитал держаться того взгляда, что мисс Тейлор повредила своим поступком не только им, но ничуть не меньше самой себе и была бы не в пример счастливее, когда бы до конца дней своих оставалась в Хартфилде. Эмма улыбалась и как могла весело болтала, силясь отвлечь его от подобных мыслей, однако когда подали чай, у него вырвались опять те же слова, которые были им сказаны за обедом:

— Бедная мисс Тейлор! Желал бы я видеть ее теперь с нами. Какая жалость, что мистеру Уэстону вздумалось взять ее на примету!

— С этим нельзя согласиться, папа, вы знаете, что нельзя. Мистер Уэстон такой прекрасный, милый человек, такая добрая душа, что, без сомненья, достоин иметь хорошую жену, и признайтесь, разве лучше было бы мисс Тейлор век жить у нас, терпеть мои странности и причуды, имея возможность жить собственным домом?

— Собственным домом! Что пользы в собственном доме? Наш в три раза больше, а странностей и причуд, душа моя, за тобой никогда не водилось.

— Подумайте, как часто мы будем навещать их, а они — нас! Мы будем видаться постоянно! И начать надлежит нам. В самом скором времени нам следует нанести новобрачным первый визит.

— Куда мне, душенька, пускаться в эдакую даль? До Рэндалса путь неблизкий. Мне и половины не одолеть.

— Да, папа. Никто и не помышляет о том, чтобы вам идти пешком. Разумеется, нам нужно ехать в карете.

— В карете! Но Джеймс будет не слишком рад гонять лошадей взад и вперед из-за столь ничтожного расстояния, да и куда им, бедняжкам, деваться, покуда мы будем сидеть в гостях?

— Их отведут в конюшню мистера Уэстона, папа. Все это мы уже уладили, вы знаете. Обо всем вчера вечером договорились с мистером Уэстоном. А что до Джеймса, то можете быть совершенно уверены, он будет всегда рад случаю съездить в Рэндалс, где его дочь служит в горничных. Более того, я сомневаюсь, захочет ли он возить нас куда-либо еще. А ведь это ваших рук дело, папа. Это вы пристроили Ханну на такое хорошее место. До вас никому не приходило в голову назвать Ханну, вы догадались первым — Джеймс так вам обязан!

— Я и сам доволен, что вспомнил о ней. Очень получилось удачно, иначе бедный Джеймс, пожалуй, вообразил бы, будто им пренебрегают, чего я не мог допустить ни под каким видом, — а из нее, я верю, выйдет славная горничная, девушка она обходительная, услужливая — я о ней самого лучшего мнения. Когда бы ни повстречался с нею, непременно присядет, осведомится о здоровье, да так приветливо, а когда ты зовешь ее к нам рукодельничать, то она, я заметил, ни за что не хлопнет дверью, а повернет ручку и закроет дверь как следует. Уверен, что из нее получится отличная служанка, и для бедной мисс

Тейлор будет большим утешением видеть подле себя привычное лицо. Знаешь ли, всякий раз, как Джеймс будет ездить к дочери, она получит известие о нас. Он может рассказывать ей, как мы здесь поживаем.

Эмма не жалела усилий, стараясь удерживать ход его мыслей в этом, более отрадном направлении, и надеялась, что сумеет с помощью триктрака благополучно провести отца через подводные камни этого вечера, не осаждаемая ничьими сожалениями, помимо своих собственных. Уже и столик был вынесен для триктрака, но он оказался не нужен, ибо сразу же вслед за тем в дверь вошел посетитель.

Мистер Найтли, рассудительный господин тридцати семи или восьми лет, был не только старинный и близкий друг семейства Вудхаусов, но даже состоял с ними в свойстве, приводясь старшим братом Изабеллину мужу. Жил он в миле от Хайбери и был у них частым гостем, неизменно желанным, а тем более желанным сегодня, когда он приехал прямо от общей их родни в Лондоне. Пробыв в отъезде несколько дней, он вернулся к позднему обеду, а потом отправился пешком в Хартфилд сообщить, что на Бранзуик-сквер все живы и здоровы. Эта весть пришлась как нельзя более кстати и на некоторое время привела мистера Вудхауса в оживление. Бодрое обращение, отличавшее мистера Найтли, всегда действовало на него благотворно; на многочисленные расспросы о «бедняжке Изабелле» и ее детях он получил ответы самые обнадеживающие. Когда с этим было покончено, мистер Вудхаус с благодарностью заметил:

— Как это мило с вашей стороны, мистер Найтли, что вы решились покинуть дом в столь поздний час и известить нас. Боюсь, что вы нашли дорогу прескверной.

— Отнюдь, сэр. Вечер нынче выдался ясный, лунный, а теплынь такая, что мне лучше будет отодвинуться от вашего жаркого камина.

— Но на дворе, должно быть, сырость и слякоть. Как бы вам не простудиться.

— Слякоть, сэр? Взгляните на мои башмаки. На них ни пятнышка.

— Гм, это, право же, удивительно, ведь у нас тут прошел сильный дождь. Полчаса лил как из ведра, когда мы завтракали. Я уж было хотел, чтобы отложили свадьбу.

— К слову сказать, я не поздравил вас с радостным событием. Живо представляю себе, какого сорта радость вы оба должны испытывать, и оттого не торопился с по-

здравлениями, но надеюсь, все сошло более или менее гладко. Хорошо ли вы все держались? Кто плакал горше всех?

— Ах! Бедная мисс Тейлор! Как это все прискорбно.

— Бедные мистер и мисс Вудхаус, если угодно, но назвать «бедною» мисс Тейлор я никак не могу. Как ни высоко ценю я вас и Эмму, но когда стоит вопрос о зависимом положении или независимости... Во всяком случае, вероятно, лучше, когда приходится угождать одному, а не двоим.

— Особенно если в числе этих двоих имеется столь своенравное, докучливое существо, — игриво подхватила Эмма. — Вот что у вас на уме, я знаю, и что вы непременно сказали бы, не будь здесь моего батюшки.

— Что ж, это справедливо, душа моя, — со вздохом проговорил мистер Вудхаус. — Боюсь, что я и точно бываю по временам несносно своенравен и докучлив.

— Голубчик папа! Ужели вы могли подумать, будто я подразумеваю вас или предполагаю, что это о вас так отозвался бы мистер Найтли? Что за чудовищная мысль! Нет, нет! Я подразумевала только себя. Вы знаете, мистер Найтли любит находить во мне недостатки — шутки ради, — все это шутка, не более того. Мы всегда говорим друг другу все что вздумается.

Мистер Найтли действительно был из тех немногих, кто умел видеть в Эмме Вудхаус недостатки, и единственный, кто отваживался говорить ей о них; это было не слишком приятно для самой Эммы, но во много раз неприятнее было бы для отца ее, и она, зная это, не давала ему повода заподозрить, что кто-то не считает ее совершенством.

— Эмма знает, я никогда ей не лъщу, — сказал мистер Найтли, — впрочем, я не имел намерения никого порицать. Мисс Тейлор привыкла угождать двум людям — теперь у нее будет один. Скорее всего она останется в выигрыше.

— Итак, — сказала Эмма, предпочитая уклониться от этой темы, — вы желали слышать о свадьбе. Извольте, я расскажу вам с большим удовольствием, ибо все мы вели себя примерно. Каждый был точен, каждый выглядел как нельзя лучше — ни единой слезинки, почти ни одной вытянутой физиономии. О нет — мы помнили, что между нами пролягут всего лишь полмили, и укрепляли себя уверенностью, что будем видеться каждый день.

— Милая Эмма всегда так прекрасно держится, — молвил ее отец. — На самом деле, мистер Найтли, она

ужасно огорчена утратою мисс Тейлор и будет, я убежден, ощущать ее отсутствие гораздо более, нежели ей кажется.

Эмма отвернулась, улыбаясь сквозь слезы.

— Невозможно, чтобы Эмма не ощущала отсутствие такого друга, — сказал мистер Найтли. — Этого нельзя предположить, сэр, иначе мы бы ее не любили так, но ей известно, как много значит этот брак для блага мисс Тейлор, сколь отраднo в ее лета зажить собственным домом, сколь важно быть покойной за свою будущность, обеспеченную достатком, — и, зная это, она не дозволит печали возобладать над радостью. Всякий друг мисс Тейлор должен радоваться, что она так удачно вышла замуж.

— Вы позабыли, что у меня есть еще одна причина быть довольной, — сказала Эмма, — и немаловажная, — то, что я сосватала их сама. Я их прочила друг за друга еще четыре года назад, и то, что я оказалась права и этот брак состоялся, когда все кругом твердили, что мистер Уэстон ни за что больше не женится, может служить мне достаточным утешением.

Мистер Найтли покачал головой.

— Ах, душа моя, — любовно возразил дочери мистер Вудхаус, — хорошо бы ты не занималась сватовством да пророчеством, а то прямо беда: что ни напороочишь, то все сбывается. Сделай милость, не устраивай больше браков.

— Для себя не буду, папа, обещаю вам, но для других, право, обязана. Нет в мире занятия веселее! И посмотрите, каков успех! Все говорили, что мистер Уэстон никогда не женится вторично. Ни в коем случае! Мистер Уэстон, который так долго прожил вдовцом и великолепно обходился без жены, постоянно занятый либо делами в городе, либо здесь, в кругу друзей, радушно принимаемый всюду, куда бы он ни пожаловал, всегда в прекрасном расположении духа — мистер Уэстон, которому нет ни малейшей нужды проводить в одиночестве хоть единый вечер в году? Помилуйте, конечно нет! Мистер Уэстон ни за что не женится снова. Поговаривали даже о некоем обещании, данном им жене, когда та лежала на смертном одре, а другие говорили, что ему не дадут жениться сын и его дядя. Какого только не болтали напыщенного вздора об этом предмете — но я ничему не верила. С того дня — тому будет года четыре, — как он повстречался нам с мисс Тейлор на Бродвей-лейн и, когда стал накрапывать дождь, с такой галантностью устремился к фермеру Мит-

челлу раздобыть для нас зонтики, все было для меня решено. С того самого часа я замыслила устроить этот брак, и можно ли полагать, милый папа, что я откажусь заниматься сватовством, если мне в этом случае сопутствовал такой успех!

— Успех? — сказал мистер Найтли. — Не понимаю, отчего вы выбрали это слово. Успех предполагает усилия. Ежели вы и вправду отдали последние четыре года усилиям по устройству этого брака, то это было проделано до чрезвычайности осторожно и тонко. Достойное занятие уму молодой девицы! Но ежели, как я склонен подозревать, устройство этого брака, прибегая к вашему выражению, состояло лишь в том, что вы его замыслили, что в минуту праздности сказали себе: «А славно было бы, я думаю, для мисс Тейлор, если бы мистер Уэстон женился на ней», — и после повторяли это себе время от времени, — тогда зачем вы толкуете об успехе? В чем ваша заслуга? Чем вам тщеславиться? Вас осенила удачная догадка, и больше тут говорить не о чем.

— А вам ни разу не доводилось изведать сладость и торжество удачной догадки? Мне жаль вас. Я полагала, что вы более проницательны, ибо, поверьте, для удачной догадки одной лишь удачи мало. Для этого всегда потребна доля таланта. Что же до злосчастного слова «успех», на которое вы нападаете, то я не уверена, что вовсе не имею права употреблять его. Вы живописно изобразили две картинки: «все» и «ничего», но, по-моему, возможна и третья: «нечто среднее». Когда бы я не приглашала сюда мистера Уэстона с таким усердием, не выказывала ему так часто маленьких знаков поощрения, не сглаживала маленьких шероховатостей, то, быть может, ничего бы и не вышло. Вам, который досконально изучил Хартфилд, это должно быть ясно, я думаю.

— Когда речь идет о столь прямодушном, искреннем мужчине, как Уэстон, и здравомыслящей, далекой от жеманства женщине, как мисс Тейлор, им можно со спокойной совестью предоставить самим устраивать свои дела. Вашим вмешательством вы, по всей вероятности, принесли более вреда себе, нежели пользы им.

— Эмма никогда не подумает о себе, если видит возможность принести пользу другому, — вставил словечко мистер Вудхаус, лишь отчасти улавливая смысл разговора. — Но, милочка, заклинаю тебя, не занимайся ты больше сватовством, эти браки — пустое дело, а для семейного круга они сплошной урон.

— Еще один только раз, папа, — только для мистера Элтона. Бедный мистер Элтон! Он вам нравится, правда, папа? И я должна подыскать для него жену. В Хайбери нет такой, которая была бы его достойна, — между тем он здесь уже целый год и отделал свой дом с таким удобством, что грех оставлять его долее в холостяцком положении, — нынче, когда он соединял руки молодых, очень было похоже, что он не прочь, чтоб и ему самому оказали подобную услугу! Я очень хорошо отношусь к мистеру Элтону и не имею иного способа сослужить ему.

— Мистер Элтон очень милый молодой человек, правда твоя, весьма достойный молодой человек, и я душевно к нему расположен. Но если ты желаешь оказать ему внимание, душа моя, то лучше попроси его когда-нибудь к нам отобедать. Так-то оно будет много лучше. Смею надеяться, что и мистер Найтли любезно согласится составить ему компанию.

— Охотно, сэр, в любое время и с превеликим удовольствием, — отозвался, смеясь, мистер Найтли. — Совершенно с вами согласен, так будет много лучше. Приглашайте его обедать, Эмма, потчуйте отборною рыбой и птицей, но предоставьте ему самому выбрать себе жену. Будьте покойны, мужчина в двадцать шесть или двадцать семь лет от роду умеет позаботиться о себе сам.

ГЛАВА 2

Мистер Уэстон был уроженец Хайбери и происходил из почтенного семейства, которое за последние сто лет понемногу возвысилось из низов до благородного и имущего сословия. Он получил хорошее образование, но, унаследовав смолodu небольшие деньги, проникся нерасположением к более обыденным занятиям, коим посвятили себя его братья, и, влекомый живым, деятельным умом и общительною натурой, вступил в ряды сформированной в ту пору милиции своего графства.

Капитан Уэстон был всеобщий любимец, и, когда превратности военной жизни свели его с мисс Черчилл, принадлежавшей к одной из знатнейших фамилий Йоркшира, и мисс Черчилл в него влюбилась, это никого не удивило, кроме ее брата с женою, которые никогда его не

видели, но исполнены были гордыни и сознания своей значительности, каковые не могло не оскорбить подобное родство.

Мисс Черчилл, однако, будучи в совершенных годах и полновластно распоряжаясь своим состоянием — никоим образом, правда, не соизмеримым с фамильными богатствами, которыми владело ее семейство, — упрямо не поддавалась на уговоры, и замужество состоялось, к безмерному унижению мистера и миссис Черчилл, которые, соблюдая для видимости должное благоприличие, порвали всякие отношения с нею. То был неудачный союз, он никому не принес счастья. Миссис Уэстон следовало бы найти в нем для себя больше хорошего, так как ей достался муж, который, по чистоте сердечной и щедрости натуры, рад был отдать ей что угодно за великую милость быть ею любимым; но она хотя и обладала характером, однако не самым лучшим. Ей хватило духу настоять на своем вопреки воле брата, но недоставало решимости удержаться от безрассудных сожалений о безрассудном братнем гневе и от тоски по роскоши, окружавшей ее дома. Они жили не по средствам, и все-таки в сравнении с Энскумом это было ничто; она не разлюбила мужа, но ей хотелось быть в одно и то же время и женою капитана Уэстона, и мисс Черчилл из имения Энскум.

Капитан Уэстон, который, как считали все, а в особенности Черчиллы, составил столь бесподобную партию, понес от нее в конечном счете наибольший урон, ибо когда жена его, после трех лет замужества, умерла, он оказался заметно беднее, чем вначале, и к тому же с ребенком на руках. Впрочем, от расходов по содержанию ребенка он в скором времени был избавлен. Мальчик сделался причиною худого ли, доброго ли, но примирения, коему, в качестве обстоятельства, смягчающего сердца, способствовала и долгая болезнь его матери: мистер и миссис Черчилл, не имея своих детей, ни другого юного существа, равно близкого им по родству, вызвались вскоре после ее кончины полностью взять на себя заботу о маленьком Фрэнке. Можно предположить, что вдовый отец его испытал сомнения и неохоту, однако соображения иного порядка взяли верх, и он вручил дитя попечениям богачей Черчиллов; сам же отныне должен был тревожиться только о собственном благополучии и думать о том, как поправить свое состояние.

Ему настала пора круто переменить свою жизнь. Он решил покинуть милицию и заняться торговлей, благо

его братья успели хорошо зарекомендовать себя на этом поприще в Лондоне и ему не замедлила представиться удачная возможность начать. Дела по службе обременяли его как раз в меру. Он по-прежнему владел маленьким домиком в Хайбери, где и проводил большею частью дни досуга, и, деля свое время меж полезной работой и приятным обществом, беспечально прожил следующие восемнадцать или двадцать лет. За этот срок он обеспечил себя изрядным достатком — таким, что мог позволить себе приобрести примыкающее к Хайбери именье, давний предмет его вожделений, позволить себе взять в жены такую невесту, как мисс Тейлор, без гроша за душою — одним словом, жить сообразно влечениям своей дружелюбной и общительной натуры.

Влияние мисс Тейлор на его планы начало ощущаться довольно давно, но не то тираническое влияние, которое молодость оказывает на молодость, — оно не ослабило в нем решимости зажить семейной жизнью не ранее, нежели он сможет приобрести Рэндалс, хотя до продажи Рэндалса оставалось далеко; он твердо следовал своим путем, не теряя из виду этой цели, и наконец достиг ее. Он нажил себе такое состояние, купил такой дом, завел такую жену, которых желал, и новый период существования обещал ему больше счастья, чем любой из пережитых дотоле. Он никогда не бывал несчастлив: от этого, даже во времена первого брака, его уберегал склад характера, однако теперь, во втором браке, ему предстояло изведать, сколь усладительно общество женщины благомыслящей, неподдельно добросердечной, обрести приятнейшее свидетельство тому, насколько лучше, когда вы выбираете, а не вас выбирают; когда вы не испытываете чувство благодарности, а сами внушаете его другим.

Ему не было нужды угождать своим выбором никому, кроме себя, он один был хозяин своему состоянию, — что до Фрэнка, то его не просто воспитывали, молчаливо подразумевая, что готовят в наследники дядюшке, но усыновили открыто и гласно: ему предстояло, достигнув совершеннолетия, взять себе фамилию Черчилл, а потому представлялось более чем сомнительным, чтобы ему когда-либо могла потребоваться отцовская помощь. Отец его не имел подобных опасений. Тетка Фрэнка была особа с прихотями и безраздельно управляла супругом, но мистер Уэстон по природе своей был не способен вообразить, чтобы из прихоти, пусть даже самой сильной, можно было причинить ущерб тому, кто столь дорог — и дорог, полагал

он, столь заслуженно. Он каждый год виделся с сыном в Лондоне, гордился им и неизменно отзывался о нем с похвалою, как о превосходном молодом человеке, вследствие чего своеобразная гордость за него сообщилась также и обитателям Хайбери. К нему относились как к одному из своих, что делало его достоинства и виды на будущее отчасти предметом общей заботы.

Мистер Фрэнк Черчилл был для Хайбери своего рода местной достопримечательностью; все сгорали от нетерпения поглядеть на него, хотя он сам, как видно, вовсе не думал отвечать тем же, ибо ни разу за всю жизнь не побывал здесь. Нередко возникали толки, что он приедет навестить отца, однако этого до сих пор так и не произошло.

Теперь, когда отец его женился, все сходились на том, что такой визит был бы как нельзя более уместным изъяснением сыновнего внимания. Сидела ли миссис Перри за чаем у миссис и мисс Бейтс, приходили ли эти последние, в свой черед, почаяевничать к миссис Перри, ни единый голос не раздавался в противоречие этому. Мистеру Фрэнку Черчиллу было самое время появиться среди них, и надежда на это окрепла, когда прошел слух, что он написал к своей новоявленной матушке по случаю ее свадьбы. Несколько дней кряду, кто бы в Хайбери к кому ни пришел, в разговоре непременно упоминалось милое письмо, полученное миссис Уэстон. «Вы, верно, слышали, какое милое письмо написал миссис Уэстон мистер Фрэнк Черчилл? В самом деле премилое письмо, сколько я понимаю. Мне сказывал о нем мистер Вудхаус. Он читал его и говорит, что такого милого письма в жизни не читывал».

Письмо и вправду было дорогим подарком. У миссис Уэстон, разумеется, и без того составилось о молодом человеке наилучшее представление, а этот красивый знак внимания был несомненным доказательством его недюжинного здравомыслия и счастливо дополнял собою добрые пожелания и поздравления, которые она получила к свадьбе. Она считала себя редкостною счастливницей и, имея за плечами довольно лет, понимала, какую счастливницей может по справедливости казаться другим, а если о чем и сожалела, то о том лишь, что частично разлучена с дорогими друзьями, чье дружество к ней не охладевало никогда и которым тяжело было расстаться с нею.

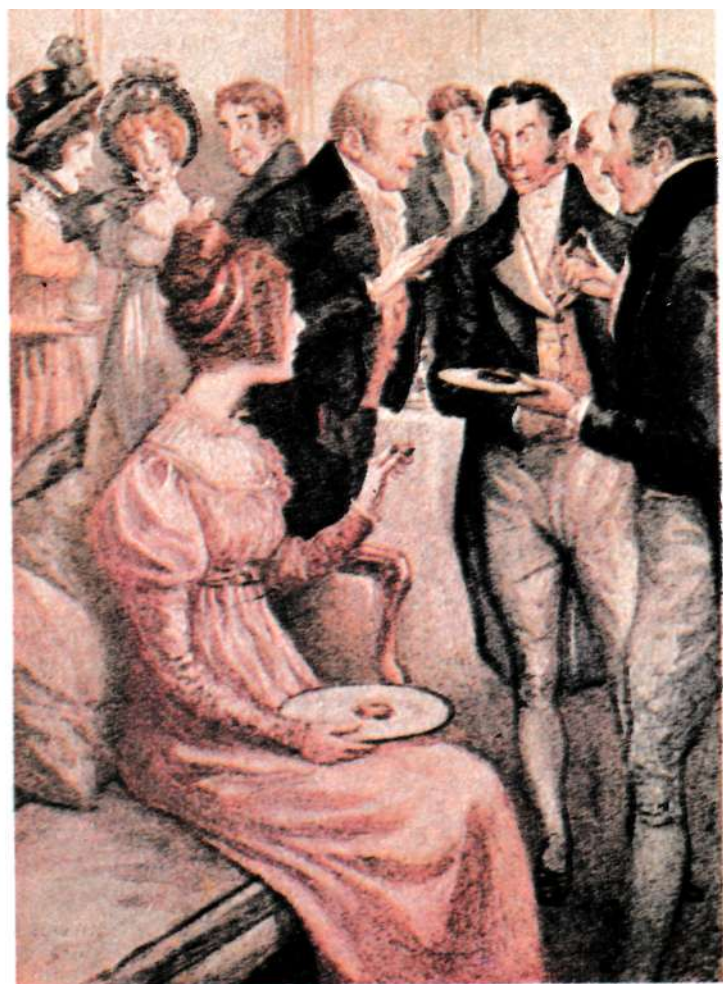
Она знала, что по временам ее должно недоставать в их доме, и не могла без сердечной боли подумать, что своим отсутствием отняла у Эммы хотя бы одно удовольствие,

прибавила хотя бы единый час тоскливой скуки, — а впрочем, ее милая Эмма была не из слабодушных, ей по плечу было справиться с трудностями, перед которыми иная на ее месте спасовала бы; можно было смело рассчитывать, что ум, энергия и сила духа помогут ей благополучно перенести маленькие тяготы и утраты нового ее положения. И потом, какая удача, что от Рэндалса до Хартфилда рукой подать — ей или Эмме ничего не стоит прогуляться туда и обратно даже без провожатых, — какая удача, что у мистера Уэстона столь покладистый нрав и отменные обстоятельства и даже наступление зимы не помешает им проводить вместе каждый второй вечер.

Вообще говоря, только изредка часы довольства и благодарности судьбе перемежались у миссис Уэстон минутами сожалений; ее довольство, более того, откровенная радость были столь уместны, столь очевидны, что Эмма, хотя и хорошо знала своего батюшку, подчас диву давалась, видя, что он по-прежнему может с жалостью отзываться о «бедной мисс Тейлор», когда они покидали Рэндалс, оставляя ее окруженной всяческим уютом и комфортом, либо она сама покидала их ввечеру, удаляясь в сопровождении своего приятного мужа к собственной карете. Не было случая, чтобы мистер Вудхаус при этом не молвил с тихим вздохом:

— Ах, бедная мисс Тейлор! Она так рада была бы остаться!

Мисс Тейлор уж не воротить было назад — а значит, по всей видимости, не устранить и причину жалеть ее, но все же по прошествии нескольких недель мистер Вудхаус испытал некоторое облегчение. Поток поздравлений иссяк, соседи не донимали его более изъявлениями радости в связи с событием столь горестным, а свадебный торт, стоивший ему таких огорчений, съеден был до крошки. Собственный его желудок не принимал сладкого и жирного, а допустить, что у других что-то может обстоять иначе, нежели у него, он не умел. То, что было нездорово для него, представлялось ему непригодным и для всех прочих, и потому он горячо уговаривал жениха и невесту вовсе отказаться от свадебного торта, а когда это ни к чему не привело, с такою же горячностью старался воспрепятствовать тому, чтобы кто-либо отведал его. Он даже взял на себя труд испросить мнения о сем предмете у аптекаря, мистера Перри. Мистер Перри, человек понимающий, благовоспитанный, чьи постоянные визиты очень скрашивали мистеру Вудхаусу существование, будучи призван выска-

заться, не мог не признать (хотя и казался не весьма к тому расположен), что свадебный торт может в некоторых случаях — пожалуй, в большинстве случаев — действительно повредить здоровью, если, угощаясь им, не соблюдать меры. Заручась таковым мнением в поддержку своему собственному, мистер Вудхаус надеялся оказать влияние на всякого, кто посетит новобрачных, но торт, невзирая на это, продолжали все-таки поедать, и не было доброй душе его успокоения, покуда его не доели до последней крошки.

Бродили по Хайбери злостные слухи, что будто бы каждого из малолетних отпрысков мистера Перри видели с куском пресловутого торта в руках, но мистер Вудхаус решительно отказывался этому верить.

ГЛАВА 3

мистер Вудхаус на свой лад не чуждался общества. Он очень любил, когда к нему приходили друзья и, по совокупности разных причин — таких, как старожительство в Хартфилде и врожденное радушие, как богатство, и дом, и дочь, — мог большей частью регулировать дружественные визиты в пределах своего тесного кружка, как ему нравилось. Ни с одним семейством за пределами этого кружка он не поддерживал особых сношений; беседы допоздна и многолюдные званые обеды внушали ему ужас, он мог водить близкое знакомство лишь с теми, кто соглашался навещать его на его собственных условиях. К счастью для него, в Хайбери — считая Рэндалс в том же церковном приходе и Донуэллское аббатство, имение мистера Найтли в соседнем, — таковые имелись во множестве. Частенько, уступая настояниям Эммы, он звал кого-нибудь из самых достойных, избранных, к обеду, но предпочитал собирать у себя друзей по вечерам, и редко выпадал такой вечер — разве что сам он, по недомоганию, мнил себя неспособным принять гостей, — чтобы ему недоставало партнеров за ломберным столом.

Неподдельная, испытанная привязанность приводила к нему в дом чету Уэстонов и мистера Найтли, что же до мистера Элтона, то можно было не сомневаться, что сей молодой человек, живя один и наскуча этим, не упустит

лестную возможность променять в свободный вечерок пустое одиночество в своем доме на общество в изысканной гостинной мистера Вудхауса и на улыбки его прелестной дочери.

За этой компанией следовала другая, и в ней наиболее легки на подъем были миссис и мисс Бейтс, а также миссис Годдард — три дамы, почти всегда готовые откликнуться на приглашение в Хартфилд, — их привозили и отвозили столь часто, что мистер Вудхаус не усматривал в том ни малейшей тягости ни для Джеймса, ни для лошадей. Когда бы такое случалось всего раз в году, то сетованиям его не было бы конца.

Миссис Бейтс, вдова прежнего хайберийского викария, была глубокой старушкой и мало на что годилась, помимо чашки чая да партии в кадриль. Она жила с единственной дочерью крайне скромно, и все относились к ней с почтением и заботливостью, какие внушает безобидная старость в стесненных обстоятельствах. Дочь ее пользовалась популярностью чрезвычайно необычной для женщины, не обладающей ни молодостью, ни красотой, ни богатством, и притом незамужней. Дабы снискать себе всеобщее расположение, ничего худшего нельзя придумать, и добро бы недостающее возмещалось у мисс Бейтс умственным превосходством, понуждающим тех, кто невзлюбил ее, выказывать ей из робости внешнее уважение, — но нет. Она никогда не могла похвастаться ни женскою привлекательностью, ни большим умом. Молодые годы ее прошли, не отмеченные ничем примечательным; зрелые посвящены были заботам о дряхлеющей матери и стараниям как-то сводить концы с концами при более чем скудных доходах. А между тем она была счастливою женщиной — женщиной, которую никто не поминал иначе, как добром. Творило эти чудеса ее собственное доброе расположение к людям, ее умение довольствоваться малым — она всех любила, принимала к сердцу благо каждого, в каждом умела разглядеть хорошее, себя считала истинной избранницей судьбы, которая осыпала ее своими дарами, дав прекрасную мать, столько добрых друзей и соседей и дом, в котором есть все, что нужно. Простодушие и непритязательность, добрый нрав и благодарная натура располагали к ней всякого и не давали унывать ей самой. Она была изрядная любительница посулать о разных пустяках, чем как нельзя более соответствовала вкусу мистера Вудхауса, для которого постоянно служила источником незначащих новостей и невинных сплетен.

Миссис Годдард содержала школу — не гимназию, не институт или иное высокоученное заведение, где, не жалея пустых и вычурных фраз, превозносят обучение, построенное на самоновейших принципах и новомодных системах, в коем гуманитарные познания сочетаются с правилами высокой нравственности и где учениц, за непомерную плату, корежат на все лады, отнимая у них здоровье и награждая взамен тщеславием, — но настоящую, без обмана, старомодную школу-пансион, где за умеренную плату можно приобрести умеренные знания, куда можно отослать с рук долой юную девицу понабраться кой-какого образования, не опасаясь, что она вернется назад кладезем учености. Пансион миссис Годдард пользовался доброю славой, и справедливо: климат Хайбери почитался целебным, миссис Годдард держала просторный дом и большой сад, кормила детей обильной и здоровой едою, летом не мешала им резвиться в саду, а зимой собственноручно оттирала им обмороженные щеки. Неудивительно, что в церковь ее сопровождали парами сорок юных воспитанниц. Это была женщина с простым лицом, по-матерински степенная, которая в молодые годы трудилась, не зная устали, и считала, что ей не грех теперь изредка побаловать себя чаепитием в гостях; многим обязанная в прошлом доброте мистера Вудхауса, она признавала за ним исключительное право вытребовать ее к себе из опрятной гостиной, увешанной вышивками пансионеров, и при случае не отказывалась выиграть или проиграть несколько шестипенсовых монет, сидя у его камина.

Таковы были дамы, которых Эмма могла очень часто собирать у себя и счастлива была, что может, хоть ей самой это ни в коей мере не возмещало отсутствия миссис Уэстон. Она радовалась, видя, что отец ее убогатворен, и не могла не хвалить себя, что столь славно всем распоряжается, однако под усыпительно размеренную беседу, которую вели ее достопочтенные гости, невольно ловила себя на мысли, что не зря со страхом рисовала себе долгие вечера без миссис Уэстон.

Однажды утром, когда она сидела в предвидении того, что и нынешний день завершится так же, ей принесли записку от миссис Годдард, в которой та со всевозможной почтительностью испрашивала позволения привести с собою мисс Смит, и ее просьба пришлась очень вовремя — эту мисс Смит, девицу семнадцати лет, Эмма хорошо знала в лицо и давно к ней приглядывалась с интересом, привлеченная ее красотой. В ответ последовало любезное

приглашение, и мысль о предстоящем вечере уж не страшила более очаровательную хозяйку Хартфилда.

Гарриет Смит была побочною дочерью, но чьей? Кто-то несколько лет назад поместил ее в школу миссис Годдард; кто-то возвысил ее недавно до положения пансионерки, живущей одним домом с хозяйкою пансиона. Вот и все, что было общеизвестно об ее истории. Она, кажется, не имела друзей, кроме тех, которыми обзавелась в Хайбери, и теперь только что вернулась из деревни, где продолжительное время гостила у прежних своих подруг по пансиону.

Она была очень недурна собой и обладала того рода красою, которой в особенности восхищалась Эмма, — невысокого роста, пухленькая и белокурая, с ярким румянцем, молочно-белой кожей, голубенькими глазками и правильными чертами лица, хранящего удивительно ясное выражение. Ее манеры пленили Эмму не менее, чем ее наружность, и задолго до окончания вечера она исполнилась решимости продолжить это знакомство.

Не сказать чтобы мисс Смит хоть единожды поразила ее в разговоре блеском ума, однако это не помешало Эмме найти ее чрезвычайно располагающей к себе — ни обременительной застенчивости, ни привычки отмалчиваться, — а между тем она была столь далека от навязчивости, столь прилично держалась на должном расстоянии, дышала такою признательностью за то, что допущена в Хартфилд, столь безыскусственно показывала, какое впечатление производит на нее обстановка, несравненно превосходящая своею изысканностью ту, к которой она привыкла, что все это изобличало в ней здравый смысл и заслуживало поощрения. А если так, то следовало оказать ей это поощрение. Нельзя, чтобы эти томные голубые взоры, чтобы все эти природные прелести расточались напрасно в низком обществе Хайбери и его окрестностей. Знакомства, которые у нее завязались здесь, не достойны ее. Те друзья, от которых она только что приехала, хотя и неплохие люди, но дружба с ними не может не быть для нее вредна. То было семейство по имени Мартин, хорошо известное Эмме по отзывам; они арендовали большую ферму у мистера Найтли и жили в Донуэллском приходе очень достойно — по всей видимости, мистер Найтли был о них высокого мнения, — но наверняка оставались при этом людьми грубыми, неотесанными и никак не годились в близкие друзья девушке, которой для полного совершенства недоставало лишь немного искушенности и лоска.

Она сама обратит на нее внимание, разовьет ее способности, отвратит от дурного общества и введет в хорошее, образует ее суждения и манеры. Это будет увлекательное и, конечно же, доброе дело, в высшей степени подходящее ее положению, досугу и способностям.

Она была так занята своею гостью, любуясь ее томными голубыми глазками, расспрашивая и слушая ее, а в промежутках вынашивая свои планы, что вечер, против обыкновения, пролетел, как одна минута, — стол уже накрыт был для ужина, которым всегда завершались подобные встречи, и придвинут к огню, и кушанья готовы, а она и не заметила, хотя прежде, бывало, томилась в ожидании, когда для него настанет время. С готовностью, вызванной не одною только всегдашней слабостью к хвалу, которой награждают умелую и заботливую хозяйку, — с неподдельным радушием и в восторге от мысли, которая посетила ее, Эмма принялась хлопотать за столом и, зная привычку своих гостей рано ложиться спать, а также их благовоспитанную сдержанность в обществе, с особым усердием потчевала их фрикасе из цыплят и устрицами, запеченными в раковинах.

Бедный мистер Вудхаус, как обычно в подобных случаях, раздираем был противоречивыми чувствами. Он любил угощать друзей за своим столом, ибо таков был обычай его молодости, но уверенность, что ужинать не полезно, заставляла его морщиться при виде каждого нового блюда; из хлебосольства он счастлив был бы накормить гостей до отвала — из тревоги за их здоровье огорчался, видя, как они отдают должное его угощению.

Единственное, что он мог бы рекомендовать им со спокойной совестью, — это мисочку жидкой овсяной каши, вроде той, которая стояла перед ним самим, однако, глядя, как его гости преспокойно уплетают более лакомые яства, он довольствовался замечаниями, вроде:

— Миссис Бейтс, я рекомендовал бы вам отведать яичко. От яйца всятку не может быть большого вреда. Никто так не умеет сварить яйцо, как наш Сэрли, я никогда не предложил бы вам яйцо, сваренное не им... Да вы не бойтесь — видите, какие они мелкие, — одно маленькое яичко, это не беда. Мисс Бейтс, если позволите, Эмма отрежет вам кусочек сладкого пирожка — *совсем крошечный*. У нас пекут пироги только со свежими яблоками, можете не опасаться. Все, что заготовлено впрок, нездорово. Крем? Не советую. Миссис Годдард, полрюмочки вина — что вы скажете? *Меньше* половины, а остальное

дольем водой? Я полагаю, от такой малости здоровье ваше не пострадает.

Эмма не мешала отцу говорить, а сама тем временем подкладывала и подливала гостям щедрой рукою; в этот вечер ей было как никогда приятно доставить им удовольствие. В отношении мисс Смит это вполне ей удалось. Мисс Вудхаус была в Хайбери такою важной персоной, что перспектива быть представленной ей вызвала в душе мисс Смит столько же смутения, сколько радости,— но, покидая ее дом, маленькая смиренница была наверху блаженства, исполненная благодарности к мисс Вудхаус, которая так обладала ее в этот вечер и даже пожала ей руку на прощанье!

ГЛАВА 4

В скором времени Гарриет Смит сделалась в Хартфилде своим человеком. Эмма, быстрая и решительная по природе, без отлагательства начала приглашать ее и приваживать, поощряя ее приходить чаще, и, по мере того как укреплялось их знакомство, возрастала и обоюдная приязнь. Сколь полезной может оказаться мисс Смит как спутница во время прогулок, Эмма предвидела с самого начала. В этом отношении утрата миссис Уэстон весьма была заметна. Родитель Эммы никогда не заходил далее аллеи парка, которого ближняя или дальняя половина, смотря по времени года, служила ему границею прогулки, и Эмме после замужества мисс Тейлор очень доставало моциона. Она отважилась как-то предпринять одна вылазку в Рэндалс, но нашла это неприятным, и в такой подруге, как Гарриет Смит, которую в любое время можно позвать на прогулку, видела ценное для себя приобретение. Впрочем, и во всех других отношениях чем ближе она узнавала ее, тем более одобряла и тем прочнее утверждалась в своих добродетельных замыслах.

Гарриет определенно не отличалась большим умом, но зато обладала легким, покладистым, благодарным нравом, не знала, что такое тщеславие, и с готовностью подчинялась руководительству того, которого почитала выше себя. Привязанность ее к Эмме с первых же дней внушала умиление, а ее склонность к хорошему обществу, умение достойно оценить изящество и изощренность в других

выдавали хороший вкус, хотя напрасно было бы ждать глубины и тонкости от нее самой. Словом, Эмма не сомневалась, что Гарриет Смит и есть та наперсница, которая ей надобна, — то самое, чего недостает ей в доме. Не миссис Уэстон, разумеется, — об этом не могло быть и речи. Второй такой было не найти. Второй такой Эмма и не желала. То стояло особняком — то было чувство неповторимое, единственное. Миссис Уэстон была предметом любви, возвращенной благодарностью и уважением. Гарриет будет дорога тем, что ей можно принести пользу. Для миссис Уэстон ничего нельзя было сделать; для Гарриет можно было сделать все.

Первые усилия Эммы принести пользу состояли в попытке установить, кто родители Гарриет, однако ей не удалось добиться толку. Гарриет рада была бы сообщить все, что может, но расспросы в этом случае оказались тщетны. Эмме оставалось воображать что угодно — она только не могла не думать, что *сама* в подобных обстоятельствах непременно выведала бы правду. Гарриет не отличалась пытливостью. Она довольствовалась тем, что почитала нужным сказать ей миссис Годдард — она слушала, верила и не задавалась вопросами.

Миссис Годдард, учительницы, пансионерки, вообще школьные дела занимали, естественно, большое место в ее разговоре — и заполнили бы его без остатка, когда бы не знакомое ей семейство Мартинов с фермы Эбби-Милл. К Мартинам мысли ее обращались постоянно; она провела у них два безоблачных месяца и любила рассказывать, какие удовольствия получила за это время и каких прелестей и чудес насмотрелась на ферме. Эмма поощряла ее словоохотливость — ее развлекали эти картинки иной жизни и занимала юная простота, способная с таким жаром рассказывать, что у миссис Мартин в доме «две залы, отличнейшие залы — одна, право же, не уступает величиною гостиной миссис Годдард, и она держит экономку, которая живет у нее целых двадцать пять лет, а коров у них восемь, среди них две олдернейской породы и одна валлийской, прехорошенькая коровка, и миссис Мартин сказала, что раз ей так приглянулась эта коровушка, то ее следует называть отныне *ее* коровушкой, а в саду у них красивая беседка, и в будущем году все они как-нибудь пойдут туда пить чай, ужасно красивенькая беседка, и в ней без труда могут поместиться десять человек».

Некоторое время Эмма предавалась своему развлечению, не задумываясь о том, что стоит за каждою фразой,

но, получая все более полное представление о семействе Мартинов, мало-помалу прониклась новым чувством. Ей казалось, что на ферме живут мать с дочерью, сын и его жена, но когда выяснилось, что мистер Мартин, который непременно присутствовал в рассказах и упоминался всякий раз с похвалою за добродетель, явленную в том или ином поступке, — что этот мистер Мартин холост и что молодой миссис Мартин, жены его, не существует, тогда заподозрила Эмма, чем угрожает бедняжке Гарриет все это гостеприимство и радушие, — и поняла, что если не взять ее под свою защиту, то ей не миновать уронить себя невозвратно.

Одушевленная этою мыслью, она умножила число своих вопросов и углубила их, с умыслом побуждая Гарриет больше говорить о мистере Мартине, что явно не вызвало сопротивления. Гарриет с великой охотою рассказывала о том, как он участвовал в прогулках при луне и веселых играх по вечерам, не забывая отмечать, сколь он приветлив и любезен. Однажды извездил три мили вокруг, чтобы добыть ей грецких орехов, потому что она обмолвилась, как любит их, — да и во всем прочем он неизменно так был услужлив! Как-то вечером он позвал в залу сына своего пастуха затем лишь, чтобы мальчик пел для нее. Она ужасно как любит пение. Он и сам недурно поет. Вообще он, кажется, умеет и понимает все на свете. Овцы у него отборные — в бытность ее на ферме никому в округе не предлагали такую высокую цену за шерсть, как ему. Ни от кого не слыхала она о нем ничего, кроме хорошего. Мать и сестры души в нем не чают. Миссис Мартин однажды сказала ей — говоря это, Гарриет зарделась, — что лучшего сына и вообразить невозможно и она уверена, что он станет примерным супругом, когда женится. Она, впрочем, вовсе не жаждала, чтобы он женился. Торопиться незачем.

«Ловко, миссис Мартин! — подумала Эмма. — Вы свое дело знаете».

А когда она уезжала, то миссис Мартин была столь добра, что послала миссис Годдард отменного гуся — миссис Годдард в жизни не видывала такого славного гуся! Она изжарила его в воскресенье и пригласила к ужину всех трех учительниц — мисс Нэш, мисс Принс и мисс Ричардсон.

— Мистер Мартин, я полагаю, человек, не слишком сведущий в тех предметах, кои не входят в круг его занятий? Он не привержен к чтению?

— Ах, напротив! А впрочем, нет... не знаю... но, по-моему, он изрядно начитан — только в ваших глазах такого рода чтение мало что значит. Он читает «Земледельческие ведомости» и другие книжки, сложенные на диванчике у окна,— *эти* он читает про себя. А по вечерам, прежде нежели нам садиться за карты, читает и вслух «Извлечения из изящной словесности» — чудо, как интересно. «Векфилдского священника» он читал, я знаю, а такие книжки, как «Лесной роман» и «Дети аббатства», — нет. Про эти книги он и не слыхивал, покуда я не помянула их, но теперь непременно постарается раздобыть их как можно скорее.

Следующий вопрос был:

— А каков он собою, этот мистер Мартин?

— Ах, не красавец — ничуть не бывало! Вначале он показался мне страх как неказист, но теперь таковым не кажется. Это, вы знаете, со временем проходит. Но разве вы не видели его? Он то и дело навевается в Хай-бери, а каждую неделю непременно проезжает мимо по дороге в Кингстон. Вы много раз ему встречались по пути.

— Да, возможно,— и может статься, сама видела его сто раз, не имея понятия, как его зовут. Молодой фермер, будь он конный или пеший,— не тот человек, который способен возбудить во мне любопытство. Крестьяне средней руки — это сословие, с которым у меня не может быть ничего общего. Почтенный селянин ступенькой-другую ниже мог бы еще привлечь мой интерес, его семейству можно было бы надеяться принести ту или иную пользу. Фермер же нисколько не нуждается в моей помощи и потому стоит в одном смысле чересчур высоко, а во всяком ином — слишком низко для моего внимания.

— Это верно. Да, вы едва ли могли его заметить, но он-то знает вас прекрасно — со стороны, я хочу сказать.

— Не сомневаюсь, что он весьма порядочный молодой человек. Более того, я доподлинно знаю это и потому желаю ему добра. Как вы думаете, сколько ему лет?

— Восьмого июня минуло двадцать четыре, а день моего рождения двадцать третьего — ровно две недели и один день разницы! Не удивительно ли!

— Только двадцать четыре года. В такие лета рано обзаводиться семьею. Его мать совершенно права, что не торопится. Им и без этого хорошо, мне кажется, и если бы она теперь постаралась женить его, то после, верно, пожалела бы. Вот если бы лет через шесть нашлась для

него подходящая девушка того же круга, и с деньгами, тогда это было бы вполне уместно.

— Лет через шесть! Помилуйте, мисс Вудхаус, ему будет тридцать!

— Ну что ж, ранее этого мужчина чаще всего и не может позволить себе жениться, если не рожден с независимым состоянием. Мистеру Мартину, как я понимаю, только еще предстоит нажить капитал — он, должно быть, совсем не богат. Те деньги, которые достались ему после смерти отца, та доля семейного имущества, которая принадлежит ему,— все это, вероятно, пущено в дело, вложено в скот и так далее, и, хотя со временем, при должном усердии и удаче, он может разбогатеть, весьма сомнительно, чтобы он уже теперь получал чистый доход.

— Наверное, правда ваша. Но живут они в полном довольстве. Разве что не держат в доме мужской прислуги — да и то миссис Мартин подумывает взять мальчика на будущий год,— а так они ни в чем не ведают нужды.

— Как бы вам, Гарриет, не попасть в неловкое положение, когда он все-таки женится — я говорю о знакомстве с его женою; сестры еще куда ни шло, они хотя бы изрядно образованны, но отсюда не следует, что он непременно женится на особе, достойной вашего внимания. Досадные обстоятельства рождения вашего обязывают вас к сугубой щепетильности в выборе знакомых. Вы — дочь человека высшего круга, в этом нет сомнений, и должны всеми способами, доступными вам, подтверждать свою принадлежность к этому кругу, иначе всегда сыщутся люди, которые рады будут принизить вас.

— Да, конечно,— как им не сыскаться. Но покуда я вхожу в Хартфилд и вы так ко мне добры, мисс Вудхаус, меня никто и ничто не страшит.

— Вы, я вижу, понимаете, Гарриет, какую силу имеет покровительство влиятельного лица, однако я желала бы для вас столь прочного положения в хорошем обществе, чтобы вам не зависеть даже от Хартфилда и мисс Вудхаус. Я хочу постоянно видеть вас в подобающем окружении — а для этого разумно было бы по возможности избегать ненужных связей, и потому я говорю, что если вы все еще будете в здешних краях, когда мистер Мартин женится, то не хотелось бы, чтобы дружба ваша с его сестрами вынудила вас к знакомству с его женою, которой станет скорее всего необразованная дочка простого фермера.

— Да. Разумеется. Правда, я думаю, что если мистер Мартин женится, то не иначе как на девушке с образо-

ванием — и очень хорошо воспитанной. А впрочем, я не собираюсь оспаривать ваше мнение и вовсе не намерена искать знакомства с его женой. Я всегда буду высоко ценить барышень Мартин, в особенности Элизабет, и мне очень было бы жаль расстаться с ними, тем более что они нисколько не уступают мне в образованности. И все же, если он женится на какой-нибудь неученой простушке, мне лучше будет не посещать ее без крайней надобности.

Эмма следила за переходами этой речи и не усматривала в "ней тревожных признаков любовного недуга. Молодой фермер, как подозревала Эмма, был первый поклонник, и только, не значил ничего большего, и она не предвидела серьезных трудностей — Гарриет не станет противиться тому, чтобы она по дружбе устроила ее судьбу.

На другой же день, прогуливаясь по Донуэллской дороге, они встретили мистера Мартина. Он шел пешком и, почтительно поглядев на нее, с нескрываемым удовольствием перевел взгляд на ее спутницу. Эмма была только рада возможности рассмотреть его, и, покуда они разговаривали, она, пройдя несколько шагов вперед, острым глазом учинила мистеру Роберту Мартину осмотр. Он был опрятно одет и вид имел смысленный, однако сверх этого не был отмечен ни единым личным преимуществом и при сравнении с настоящим джентльменом, решила она, должен был без остатка утратить завоеванную им благосклонность Гарриет. Гарриет не была бесчувственна к манерам, недаром она не только с изумлением, но и с восхищением отмечала учтивость ее отца. Мистер Мартин, похоже было, понятия не имел о том, что такое хорошие манеры.

Они постояли вдвоем лишь несколько минут, ибо негоже было задерживать мисс Вудхаус; затем Гарриет подбежала к ней с улыбкой на лице и в смятении чувств, которое мисс Вудхаус надеялась унять в самом скором времени.

— Подумать только, что нам привелось с ним встретиться! Удивительно! Он говорит, что по чистой случайности не пошел через Рэндалс! Он и не знал, что мы ходим гулять по этой дороге. Он думал, мы обыкновенно ходим по направлению к Рэндалсу. А книжку «Лесной роман» он покамест еще не раздобыл. Когда ездил в Кингстон последний раз, то был так занят, что совсем позабыл о ней, но завтра едет опять. Нет, это, право же, удивительно, что мы повстречали его! Ну что, мисс Вудхаус, таков

ли он, как вы ожидали? Что вы думаете о нем? Так ли уж он невзрачен, на ваш взгляд?

— Без сомнения, невзрачен — чрезвычайно, — но это бы еще не беда, когда б не полное отсутствие в нем хорошего тона. Я не имела причины ожидать многого — я многого и не ожидала, но я не могла сообразить, что он столь неотесан, столь безнадежно непрезентабелен. Признаться, я рассчитывала увидеть в нем хоть немного больше породы.

— Да, конечно, — возразила Гарриет, уязвленная, — по сравнению с природным джентльменом, породы в нем меньше.

— Мне думается, Гарриет, с тех пор, как вы сблизились с нами, вам не единожды случалось бывать в обществе природных джентльменов, и вам самой должно было броситься в глаза отличие от них мистера Мартина. В Хартфилде вы имели возможность составить себе представление о том, каков должен быть образованный, благовоспитанный мужчина. Странно, если бы после этого вы, находясь в обществе мистера Мартина, не распознали бы в нем существо низшего порядка и не спросили себя с недоумением, как могли когда-то счесть его привлекательным. Разве вы уже не почувствовали это? И вас ничто в нем не поразило? Вас, я уверена, должны были поразить и нескладная фигура его, и угловатые движения, и этот резкий голос, который достигал даже до меня, ибо его не потрудились понизить.

— Разумеется, до такого, как мистер Найтли, ему далеко. Нет у него ни благородной осанки мистера Найтли, ни его походки. Я хорошо вижу разницу. Но ведь с мистером Найтли трудно равняться!

— У мистера Найтли весь облик исполнен такого благородства, что равнять мистера Мартина с *ним* было бы несправедливо. Такой, как мистер Найтли, сыщется, может быть, один из ста, столь явственно на нем написано: «джентльмен». Но вы не только с ним одним встречались в последнее время. Что скажете вы о мистере Уэстоне и мистере Элтоне? Попробуйте-ка сравнить мистера Мартина с *ними*. Сравните манеру держаться, ходить, разговаривать, молчать. Различие должно быть очевидно для вас.

— О да! Различие есть, и немалое. Но мистер Уэстон уже почти старик. Мистеру Уэстону, вероятно, за сорок, около пятидесяти.

— Тем более ценно, что у него хорошие манеры. Чем человек старше, Гарриет, тем в нем важнее умение вести

себя — тем заметнее и отвратительнее становятся несдержанность, грубость, неловкость. То, что сходит человеку в молодости, отталкивает от него под старость. Мистер Мартин и теперь неловок и резок, каков же будет он в возрасте мистера Уэстона?

— В самом деле, как знать! — отозвалась с серьезным видом Гарриет.

— Знать нельзя, но можно догадываться. Окончательно огрубеет, опростится, станет мужик мужиком — пренебрежет благоприличием и будет держать в голове одни лишь барыши да убытки.

— Неужели? Это и впрямь будет скверно.

— Он и теперь уже в такой мере поглощен заботами о своей ферме, что забыл спросить себе книжку, которую вы хвалили. Помыслы о купле-продаже вытеснили из памяти его все остальное — как и пристало человеку, который стремится преуспеть в делах. Что такому до книг? И он непременно преуспеет в делах, не сомневаюсь, и разбогатеет со временем, — а что останется при этом невежествен и груб, так *нас* это не должно тревожить.

— Не понимаю, как он мог не вспомнить про книгу, — только и молвила в ответ Гарриет с важностью и неудовольствием, которым, решила Эмма, можно спокойно было предоставить вызревать и давать плоды. Поэтому она какое-то время хранила молчание. Затем нарушила его:

— В одном отношении, пожалуй, как мистер Найтли, так и мистер Уэстон уступают манерою держаться мистеру Элтону. Он любезнее их. Его манеры скорее можно поставить в пример другим. Мистера Уэстона отличает откровенность, непосредственность, порой граничащая с бесцеремонностью, и *в нем* эти качества всем нравятся, ибо им сопутствует бесконечное добродушие, — однако они не могут служить образцом для подражания. Точно так же, как и манеры, свойственные мистеру Найтли, прямолинейному, решительному, властному, — хотя *к нему* они подходят как нельзя лучше — при его фигуре, осанке, при том положении, которое он занимает, они позволительны, но вздумай их перенять человек помоложе, и он сделался бы несносен. И напротив, всякому молодому человеку можно смело посоветовать взять себе за образец мистера Элтона. Мистер Элтон незлобив, покладист, обязателен и любезен. А в последнее время, мне кажется, стал вдвойне любезен. Не знаю, Гарриет, кроется ли здесь умысел произвести впечатление на одну из нас, но только

я примечаю, что никогда еще манеры его не были столь умильны. И если это делается с умыслом, то, значит, в угоду вам. Я вам не говорила, как отозвался он об вас на днях?

И она, не скупясь на краски, пересказала слова похвалы, которую вынудила от мистера Элтона; Гарриет зарделась, улыбнулась и сказала, что всегда отдавала должное его любезности.

Мистер Элтон и был тот, которому, по выбору Эммы, назначалось изгнать из головы Гарриет мысли о молодом фермере.. Она решила, что это будет отличная пара — союз, столь несомненно желательный, естественный, возможный, что не так уж велика заслуга устроить его. Может статься, опасалась она, о нем думают, его предрекают все вокруг. Едва ли, впрочем, кто-либо мог оспаривать у нее первенство во времени, ибо она вынашивала этот план еще с того вечера, когда Гарриет впервые появилась в Хартфилде. Чем долее она его обдумывала, тем глубже проникалась ощущением его целесообразности. Положение мистера Элтона было самое подходящее — истый джентльмен, не отягощенный низким родством, но в то же время и не столь родовитый, чтобы сомнительное происхождение Гарриет могло вызвать нарекания со стороны его семейства. Он мог предложить ей прекрасный дом и, как полагала Эмма, полный достаток, ибо хотя доходы викария в Хайбери были невелики, но все знали, что он помимо того владеет порядочным состоянием; о нем самом она составила себе весьма лестное мнение как о благожелательном, добропорядочном, достойном молодом человеке, не лишенном должной сметливости и знания света.

Она уже удостоверилась, что красота Гарриет не осталась им не замеченной, и видела в этом для него — при возможности часто встречаться с Гарриет в Хартфилде — многообещающее начало; что же до Гарриет, то на нее, без сомненья, произведет свое обычное безотказное действие та мысль, что ее предпочли другим. И потом, он был в самом деле очень милый молодой человек — молодой человек, способный понравиться любой женщине, если только она не чересчур привередлива. Его считали интересным, его наружность приводила в восхищение многих — правда, не ее, ибо чертам его не доставало утонченности, без которой она не мыслила себе красоты,— но девочка, которая радовалась тому, что какой-то Роберт Мартин изъездил округу, добывая для нее орехи, вряд ли могла устоять перед поклонением такого человека, как мистер Элтон.

е знаю, миссис Уэстон, какого мнения вы об этой задушевной близости между Эммой и Гарриет Смит,— сказал мистер Найтли,— но я о ней думаю дурно.

— Дурно? Вы в самом деле видите в ней дурное? Отчего же?

— По-моему, ни той, ни другой не будет от нее пользы.

— Вы меня удивляете! Общество Эммы безусловно полезно для Гарриет, а Гарриет по-своему полезна для Эммы, вносит в жизнь ее нечто новое и интересное. Я наблюдаю за дружбою между ними с величайшим удовольствием. Как мы по-разному смотрим на вещи! Думать, что им не будет друг от друга пользы! Определенно, мистер Найтли, нам с вами не миновать опять поссориться из-за Эммы.

— Вы, чего доброго, вообразили, что я затем и пожаловал сюда, чтобы затеять ссору с вами, зная, что Уэстона нет дома и вам придется самой достоять за себя.

— Мистер Уэстон непременно поддержал бы меня, будь он дома, потому что его мнение в точности совпадает с моим. Мы вчера только говорили, как это удачно, что в Хайбери живет девица, которая может составить общество для Эммы. Вас, мистер Найтли, я не назову в этом случае беспристрастным судьей. Вы так приучились жить один, что не знаете, сколь дорог может быть товарищ — да и потом, пожалуй, мужчине вообще не дано судить, сколько для женщины отрады в обществе другой женщины, ежели она сызмальства привыкла иметь его. Я представляю себе, каковы ваши возражения против Гарриет Смит. Она не обладает духовным совершенством, которое естественно предположить в подруге Эммы. Но с другой стороны, поскольку Эмма желала бы видеть ее более осведомленной, это может послужить для нее самой побуждением больше читать. Они станут читать вдвоем. Я знаю, Эмма намерена серьезно заняться чтением.

— Эмма намерена серьезно заняться чтением с тех пор, как ей сровнялось двенадцать. Много я повидал списков книг для систематического чтения, составленных Эммою в разное время,— и каких списков, один лучше другого,— что выбор, что расположение — тут в алфавитном порядке, там сообразно иному! Запомнился мне

один список, составленный ею в совсем еще нежном возрасте, на пятнадцатом году,— я даже хранил его какое-то время — какую честь делал он ее суждению и вкусу! Так что теперь, надо полагать, она составила и подавно отменный список. Да только я теперь разуверился, что Эмма способна осилить курс основательного чтения. Ей никогда не подчинить себя ничему, что требует усидчивости и терпения, в чем надобно смирять фантазию перед рассудком. Там, где тщетны оказались усилия мисс Тейлор, Гарриет Смит не преуспеть. Ведь как вы с нею ни бились, она читала по крайней мере вдвое меньше, нежели вы хотели. Признайтесь, что это правда.

— *Тогда* я, возможно, и считала так, но, с тех пор как мы разлучились, не могу вспомнить ни одного случая, когда бы Эмма не исполнила того, что я хотела.

— Ну что ж, такого рода память освежать грешно.— Мистер Найтли помолчал.— Но я,— прибавил он через минуту,— которого чувства не подвластны подобным чарам, вижу, слышу и помню все так, как есть. Эмму испортило то, что она самая смышленная в своем семействе. В десять лет она, к несчастью, легко отвечала на вопросы, которые сестру ее в семнадцать ставили в тупик. Она всегда была сметлива и бойка, а Изабелла — туговата на понятие и несмела. И притом, с двенадцати лет Эмма сделалась хозяйкою в доме и госпожой над всеми вами. Единое существо, могущее справиться с нею, она потеряла, лишившись матери. Это от матери унаследовала она свои способности и ее, по-видимому, слушалась.

— Хороша бы я была, мистер Найтли, когда бы, покинув семейство мистера Вудхауса, искала себе другое место и вынуждена была полагаться на *вашу* рекомендацию — думаю, у вас не нашлось бы для меня доброго слова. Я уверена, вы всегда считали, что я не подхожу для своей должности.

— Верно,— сказал он улыбаясь.— Вам более подходит быть *здесь*, быть женою, не гувернанткой. Впрочем, время, проведенное в Хартфилде, было для вас приготовлением к тому, чтобы стать превосходной женой. Эмме вы, быть может, не дали столь полного образования, которое в силах были дать, зато *сами* получили весьма недурное образование от *нее*, научась, что так существенно в супружестве, подавлять собственную волю и делать то, что велят,— а потому, если бы Уэстон спросил у меня совета, кого взять в жены, я не колеблясь назвал бы ему мисс Тейлор.

— Благодарю. Невелика заслуга быть хорошей женою такому мужу, как мистер Уэстон.

— Хм, правду сказать, боюсь, что вы, отчасти, и впрямь пропадаете даром — видна полная готовность все вытерпеть, а терпеть-то и нечего. Однако погодим отчаиваться. Уэстон от избытка благополучия еще может сделаться злобным ворчуном, а нет, так его доведет сынок.

— Только не *это*, будемте надеяться! Да и непохоже... Нет уж, мистер Найтли, не пророчьте вы нам эдаких страстей.

— Что вы, ни в коем случае. Я называю возможности, и только. Я, в отличие от Эммы, не притязаю на обладание даром прорицать и предугадывать. От души надеюсь, что молодой человек будет не только богат, как Черчилл, но и достохвален, как Уэстон. Однако ж вернемся к Гарриет Смит. Я отнюдь еще не покончил с Гарриет Смит. Так вот, худшего общества для Эммы, по-моему, нельзя и придумать. Сама ничего не знает и оттого мнит, что Эмма знает все. Она воплощенная лесь, и тем более опасна, что о том не подозревает. Своим неведением она льстит ежечасно. Где уж Эмме задумываться о том, что в ее собственных познаниях есть пробелы, когда рядом — столь восхитительный образчик несовершенства? Да и Гарриет тоже, осмелюсь утверждать, не может выиграть от такого знакомства. Хартфилд лишь отобьет у нее охоту быть там, где ей место. Она наберется хорошего тона ровно настолько, чтобы чувствовать себя чужой в среде, которая волею обстоятельств назначена ей от рождения. Очень сомневаюсь, чтобы наставления, полученные от Эммы, могли сообщить молодой девушке твердость духа или помочь разумно применяться к превратностям судьбы. Они способны разве что сообщить ей лишь некоторый лоск.

— Я либо более вас полагаюсь на здравый смысл Эммы, либо более озабочена тем, чтобы ей хорошо жилось, так как все же не вижу причин сожалеть об этом знакомстве. Как чудесно выглядела Эмма вчера вечером!

— А, так вам предпочтительнее толковать об ее внешности, не о существе! Ну что ж, не буду спорить, она и точно мила.

— Мила! Скажите лучше — красива! Лицо, фигура — можно ли вообразить себе более совершенную красоту?

— Что можно вообразить себе — разговор особый, но я готов признать, что редко кто лицом или фигурой нравился мне больше Эммы. Впрочем, я — старинный друг и оттого небеспристрастен.

— Что за глаза! Чистейший карий цвет — и что за блеск в них! Правильные черты, открытое выражение, а румянец! Какое цветение безупречного здоровья! Какой хороший рост, какая соразмерность сложения, какая крепкая, прямая фигура! Не только цвет лица выдает в Эмме здоровье, но и осанка, взгляд, посадка головы. Порою слышишь, как о ребенке говорят, что он «пышет здоровьем», — так вот она, по-моему, именно дышит вся молодым здоровьем. Прелесть что такое! Не правда ли, мистер Найтли?

— О внешности ее я могу отозваться только с похвалой, — отвечал он. — Все ваши описания справедливы. Люблю смотреть на нее и, к чести ее, хочу прибавить, что она, по-моему, не тщеславится своей наружностью. Она так красива, а между тем это очень мало занимает ее, тщеславие ее иного свойства. При всем том, миссис Уэстон, я продолжаю настаивать, что мне не нравится ее близость с Гарриет Смит, и я боюсь, как бы она не наделала им обоим вреда.

— А я, мистер Найтли, не менее вас тверда в убеждении, что никакого вреда от нее не будет. Милая Эмма, при всех своих маленьких недостатках, — прекрасный человек. Где еще видели вы такую преданную дочь, нежную сестру, такого верного друга? Нет-нет, у ней есть качества, на которые можно положиться — она никого не подтолкнет к тому, что в самом деле дурно, не совершит непоправимой оплошности. Эмма ошибется единожды, а права будет сто раз.

— Ну хорошо, не стану более вас мучить. Пусть Эмма остается ангелом, а я буду держать свою брюзгливость при себе, покуда не настанет рождество и не придут Джон и Изабелла. Джон любит Эмму рассудочной и потому не слепою любовью, а Изабелла всегда и на все смотрит так же, как он, хотя подчас ей кажется, что он недостаточно дрожит над детьми. Уверен, что они разделят мое мнение.

— Я знаю, все вы так любите ее, что не допустите по отношению к ней малейшей несправедливости или жестокости, и все же — простите, мистер Найтли, позволю себе заметить, ибо считаю, что, отчасти заменив ей мать, я вправе изъясняться с некоторой свободой, — что, если

вы сделаете ее близкие отношения с Гарриет Смит предметом обсуждения, от этого вряд ли будет большая польза. Не сердитесь, но даже предполагая, что от этих отношений может и правда произойти какая-то неловкость, нельзя рассчитывать, что Эмма, для которой никто не указ, кроме ее батюшки — а он вполне одобряет это знакомство, — положит им конец, пока они ей доставляют удовольствие. Моею обязанностью, мистер Найтли, столько лет было давать советы, что не удивляйтесь, если я сохранила привычку, порожденную моею должностью.

— Отнюдь! — воскликнул мистер Найтли. — Я вам весьма за него обязан. Это отличный совет, и его ждет лучшая участь, чем та, которая часто постигала ваши советы в прошлом, — ему последуют!

— Супругу мистера Джона Найтли легко встревожить, она может огорчиться за нее.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Я не буду смущать ничей покой. Не покажу виду, что недоволен. Мне глубоко небезразлична судьба Эммы. Она внушает мне чувство столь же братское, как Изабелла, столь же — если не более — горячее участие. Все, что относится к Эмме, трогает, возбуждает любопытство. Что-то станет с нею в жизни, интересно мне знать!

— Мне тоже, — мягко сказала миссис Уэстон, — и очень.

— Она постоянно твердит, что не пойдет замуж, — это, понятно, одни разговоры. Но я не помню, чтобы из всех мужчин, которых она встречала, ей хоть один пришелся по душе. А ей недурно было бы без памяти влюбиться в подходящего человека. Хотелось бы мне увидеть Эмму влюбленной и не очень уверенной, что ей отвечают тем же, — это пошло бы ей на пользу. Но только здесь поблизости ей увлечься нечем, а из дому она отлучается так редко.

— Да, ей покамест и правда нечем прельститься и некому поколебать ее решимость, — сказала миссис Уэстон, — впрочем, до поры до времени оно и к лучшему. Ей теперь так славно живет в Хартфилде, а привязанность подобного рода неизбежно создала бы массу трудностей из-за бедного мистера Вудхауса. Я не спешила бы рекомендовать Эмме супружество, хотя вообще, поверьте, далека от намерения хулить институт брака.

Отчасти эти ее слова были попыткой скрыть известные соображения на сей счет, втайне взлелеянные ею и мистером Уэстоном. В Рэндалсе питали свои особые надежды

на устройство Эмминой судьбы, однако выдавать их не следовало, но по тому, с каким спокойствием мистер Найтли сразу же перешел к вопросу: «Ну, а что думает Уэстон о погоде — будет ли у нас дождь?» — она поняла, что ему нечего более сказать или заключить о положении дел в Хартфилде.

ГЛАВА 6

Эмма не сомневалась, что поступила правильно, дав помыслам Гарриет иное направление, и не напрасно пробудила в юной душе ее благодарное тщеславие, ибо в последнее время Гарриет сделалась определенно чувствительнее к тому, сколь привлекательна наружность мистера Элтона и сколь любезно обхождение его; она не замедлила подкрепить рассказы о том, что он пленен, лестными намеками и вскоре окончательно уверилась, что сумела внушить Гарриет должное к нему расположение. Мистер же Элтон, по ее убеждению, если еще и не влюбился, то готов был влюбиться со дня на день. В отношении его совесть ее была спокойна. Говоря о Гарриет, он расхваливал ее с таким жаром, что остальное, полагала она, было лишь делом времени, и самого скорого. Одним из приятнейших свидетельств его возрастающей привязанности было то, что от него не укрылась разительная перемена в манерах Гарриет, произошедшая с тех пор, как она стала вхожа в Хартфилд.

— Вы дали мисс Смит все, чего ей недоставало, — говорил он Эмме, — дали изящество, непринужденность. Она тогда уже была прелестное создание, когда впервые явилась к вам, но достоинства, коими одарили ее вы, неизмеримо превосходят, на мой взгляд, все, чем наградила ее природа.

— Рада слышать от вас, что была ей бесполезна, но достоинства Гарриет лишь требовалось выявить, лишь подсказать ей кое-что, и весьма небольшое. Милый нрав, безыскусственность — это все уже в ней было. Мне мало что оставалось доверить.

— Какая жалость, что прекословить даме недозвоительно... — галантно вставил мистер Элтон.

— Я ей прибавила, быть может, твердости характера, научила задумываться над тонкостями, которые прежде для нее не существовали.

— Вот именно, это первое, что бросается в глаза. Сколь много прибавилось в ней твердости характера! Великое искусство — произвести подобную перемену.

— Великое удовольствие, поверьте. Никогда еще не встречала я столь покладистой, незлобивой натуры.

— Охотно верю.— Это сказано было с горячностью и сопровождалось тем подавленным вздохом, по которому легко распознать влюбленного. Не меньше порадовал он ее и в другой раз, когда с воодушевлением поддержал ее внезапное желание написать портрет Гарриет.

— Вас пробовали писать, Гарриет? — спросила Эмма.— Приводилось ли вам позировать для портрета?

Гарриет, которая в это время выходила из комнаты, приостановилась и отвечала с подкупающей наивностью:

— Ах, что вы, нет! Никогда!

Едва она скрылась за дверью, как Эмма воскликнула:

— Каким сокровищем был бы хороший портрет Гарриет! Я отдала бы за него любые деньги. Меня даже берет соблазн самой попытать свои силы. Вы, верно, о том не знаете, но года три тому назад я не на шутку увлекалась портретами и пробовала изобразить иных своих знакомых — находили, что у меня довольно верный глаз. Потом по разным причинам я охладела и забросила это занятие. Но, право же, отважилась бы вновь, если б Гарриет согласилась мне позировать. Как восхитительно было бы иметь ее портрет!

— Поистине восхитительно,— подхватил мистер Элтон.— Отважьтесь, умоляю вас. Умоляю, мисс Вудхаус, употребите ваш чудесный дар и запечатлейте образ вашего друга. Мне знакомы ваши рисунки. Как могли вы подумать, что мне о них неизвестно? Разве стены этой комнаты не украшены вашими пейзажами и цветами? Разве не висят в гостиной миссис Уэстон ваши неподражаемые фигуры?

«Так-то оно так, любезный друг! — подумала Эмма.— Но какое отношение все это имеет к портретам? Ничего-то вы не смыслите в рисовании. Не прикидывайтесь, будто вы в восторге от моих рисунков. Приберегите свои восторги для личика Гарриет».

— Что ж, мистер Элтон, если вы поощряете меня столь добрым напутствием, то я, пожалуй, дерзну. У Гарриет такие нежные черты лица, что передать сходство трудно, однако форме глаз ее и очерку рта присуща особенность, которую я надеюсь уловить.

— Форме глаз и очерку рта — вот именно. Я более чем уверен, что вас ждет успех. Непременно дерзните,

непременно. В вашем исполнении это, говоря вашими словами, подлинно будет сокровище.

— Боюсь только, мистер Элтон, что Гарриет не захочет позировать. Она так мало ценит свою красоту. Вы заметили, каким голосом она мне отвечала? В нем так и слышалось: «С какой стати кому-либо писать мой портрет?»

— О да, как не заметить. Уверяю вас, от меня это не ускользнуло. И все-таки я не могу представить себе, чтобы ее нельзя было уговорить.

Вскоре вернулась Гарриет, и ей почти сразу же предложено было позировать; Эмма и мистер Элтон насели на нее с таким усердием, что рассеять ее сомнение оказалось делом нескольких минут. Желая приняться за работу без отлагательств, Эмма достала портфель, в котором хранились — все, как один, неоконченные — ее портретные наброски, чтобы сообща решить, какой размер более всего подойдет для портрета. Одна за другою извлечены были ее зарисовки. Миниатюры, поясные портреты, портреты во весь рост: карандашные, пастели, акварели — все испробовано было по очереди. Ей всегда хотелось заниматься всем сразу, и, если говорить о рисовании и музыке, немногие преуспели бы, как она, затратив столь мало труда. Она играла и пела, она рисовала в самых различных стилях, однако во всем и всегда ей не хватало упорства, ни в чем не достигла она той степени совершенства, которой рада была бы и, казалось, непременно должна была бы достигнуть. Сама она не слишком обманывалась в оценке своего искусства как художницы или музыкантши, но ничего не имела против, когда обманывались другие, и не терзалась сознанием, что зачастую ей незаслуженно приписывают качества, которыми она не обладает.

В каждом рисунке были свои достоинства — и более всего, пожалуй, в наименее завершенных; стиль художницы отличался живостью, а впрочем, будь ее творения гораздо хуже или, напротив, в десять раз лучше, все равно они приняты были бы двумя поклонниками ее таланта с бурным восторгом. Оба пришли в неописуемое восхищение. Сходство в портрете всегда нравится, а мисс Вудхаус умела его передать.

— Не ждите большого разнообразия, — говорила Эмма. — У меня не было иной натуры, кроме моих близких. Вот это батюшка — это тоже он, — однако мысль о том, что нужно сидеть и позировать, повергала его в такое волнение, что я могла рисовать его лишь украдкой, —

оттого оба раза получилось не очень похоже. Вот миссис Уэстон, и снова она, и снова — видите? Милая миссис Уэстон! Что за добрый друг всегда и во всем! Попросишь ее позировать — никогда не откажет. А это моя сестра — ее изящная фигурка! По-моему, схвачено верно, и в лице тоже ощущается сходство. Можно было бы сделать лучше, если бы она подольше позировала, но ей так не терпелось, чтобы я нарисовала четырех ее деток, что она не в силах была усидеть на месте. Дальше — мои попытки изобразить трех старших, вот они, слева направо — Генри, Джон и Белла, и каждый мог бы с легкостью сойти за другого. Ей так хотелось, чтобы их нарисовали, и я не могла отказать, но, знаете, ребенка трех-четырёх лет не заставишь стоять спокойно, да и сходство уловить не так-то просто, разве что общее выражение и краски — резкие черты лица редко встретишь у маменькиных баловней. А вот и четвертый, он тут совсем младенец. Я делала набросок, когда он уснул на диване, — видите, хохолок на головке прямо как настоящий. Очень удобно подставил мне свою макушечку. По-моему, маленький Джордж вышел удачно. Я им довольна. Угол дивана особенно хорош. И, наконец, последнее... — вынимая прелестный небольшой мужской портрет во весь рост, — последняя и лучшая моя работа — мой братец, мистер Джон Найтли. Еще немного, и он был бы готов, но тут меня обидели, я убрала его прочь и дала себе слово, что никогда больше не стану писать портретов. Нельзя было не обидеться — я так старалась, добилась такого сходства, — миссис Уэстон находила, что сходство *разительное*, — чуточку приукрашено, быть может, излишняя красивость, но такой недостаток простителен, — и после всего этого услышать, как моя милая сестрица холодно роняет: «Да, отдаленное сходство есть — но в жизни он, конечно, гораздо лучше». Мало того что мы измучились, уговаривая его позировать! Мне сделали большое одолжение... Одним словом, все это было просто нестерпимо, и я решила, что не стану его заканчивать ни за что — недоставало еще, чтобы всякому гостю на Бранзуик-сквер объясняли, какой это неудачный портрет... В общем, повторяю, я поклялась себе не писать больше портретов. Но теперь, ради Гарриет, а вернее ради собственного удовольствия, и поскольку здесь покамест ни жены, ни мужа не замешаны, я нарушу свой зарок.

На мистера Элтона это последнее соображение произвело, казалось, весьма сильное и приятное действие; он подхватил его, повторяя: «*Покамест* не замешаны — как

справедливо! Вот именно. Покамест!» — с такою подчеркнутой многозначительностью, что Эмма подумала было, не лучше ли ей теперь же уйти, оставив их наедине. Но ей хотелось тотчас взяться за работу, а объяснение могло и подождать.

Решить, какого рода и размера писать портрет, было для нее делом недолгим. Он будет, как и портрет мистера Джона Найтли, писан акварелью, во весь рост, и предназначен, если она им останется довольна, занять почетное место над каминною доской. Сеанс начался; Гарриет улыбалась и краснела, боясь нарушить свою позу и выражение лица и являя пристальному взгляду художницы премилое смешение юных чувств. Но как было Эмме работать, когда за спиною у ней топтался мистер Элтон, следя за каждым штрихом карандаша? Нужно отдать ему справедливость, он расположился так, чтобы пожирать ее глазами, не мешая ей, но этому все же следовало положить конец, попросив его отойти на другое место. Ей пришлось в голову занять его чтением.

Не хочет ли он оказать им добрую услугу и почитать вслух? Под чтение и работа лучше спорится, и мисс Смит не так утомительно будет позировать.

Мистер Элтон с готовностью согласился. Гарриет слушала, а Эмма спокойно занималась своим делом. Ей приходилось мириться с тем, что он поминутно вскакивал и подходил посмотреть, но что взять с влюбленного? Стоило ей на мгновение отнять карандаш от бумаги, и он уже порывался взглянуть, как подвигается работа, и рассыпаться в похвалах. Трудно было бы сердиться на такого, как он, ценителя, который от полноты чувств ухитряется обнаружить сходство, когда его еще быть не может. Верность его суждений была, пожалуй, сомнительна, но его любовь и желание сделать приятное не вызывали сомнений.

Сеанс прошел во всех отношениях успешно; Эмма осталась очень довольна первоначальным наброском и полна была желанием продолжать. Сходство было схвачено, поза выбрана удачно — она хотела лишь подправить кое в чем фигуру, слегка прибавив ей росту и изрядно прибавив грации, и твердо верила, что рисунок получится очаровательный и с честью займет предназначенное ему место, служа непреходящим свидетельством красоты одной из них, искусства другой и их обоюдной дружбы — и, возможно, навеявая также приятные воспоминания иного свойства, которые сулит оставить нежная привязанность мистера Элтона.

На другой день Гарриет предстояло позировать снова, и мистер Элтон, как того и следовало ожидать, умолял, чтобы ему опять позволили при сем присутствовать и читать им вслух.

— Сделайте одолжение. Мы только рады будем принять вас в свою компанию.

Назавтра работа над картиною сопровождалась теми же изъявлениями учтивости и любезности и, ко всеобщему удовольствию, подвигалась успешно и споро. Портрет нравился всем, кто б ни увидел его; что же до мистера Элтона, он пребывал от него в совершенном упоении и, заслышав хоть слово критики, тотчас вставал на его защиту.

— Мисс Вудхаус наделила свою приятельницу тем единственным, чего не хватало красоте ее, — заметила ему миссис Уэстон, нимало не подозревая, что обращается к влюбленному. — Выражение глаз передано очень верно, а вот таких бровей и ресниц у мисс Смит нет. И это портит ей лицо.

— Вы находите? — возразил он. — Я не согласен. Помоему, портрет верен до малейших подробностей. В жизни не видывал такого сходства! Тут, знаете ли, надобно брать в расчет игру света и тени.

— Вы сделали ее выше ростом, Эмма, — сказал мистер Найтли.

Эмма и сама знала, что это правда, ей только не хотелось в том сознаться, мистер же Элтон с горячностью вступился:

— Выше ростом? Помилуйте, нисколько, то есть ничуть не бывало! Посудите сами, ведь она сидит — что, естественно, представляет ее нам в ином... что, короче, именно и создает впечатление... нельзя же, знаете ли, не соблюдать пропорции! Пропорции, перспектива, а как же... Нет, помилуйте, он создает впечатление именно такого роста, как у мисс Смит. Именно, уверяю вас!

— Красиво, — сказал мистер Вудхаус. — Прехорошенький рисунок! Впрочем, они у тебя все красивые, душенька. Не знаю, кто еще так нарисует. Одно только не слишком мне нравится — она сидит, как видно, на открытом воздухе, а на плечах — ничего, кроме легкой шали, так и простудиться недолго.

— Но, папенька, предполагается, что дело происходит летом, в жаркий летний день. Взгляните на это дерево.

— Сидеть под открытым небом, душенька, всегда небезопасно.

— Вы вольны говорить что угодно, сэр, — воскликнул мистер Элтон, — но, должен признаться, я считаю, что поместить мисс Смит на открытый воздух — замечательно счастливая мысль, дерево написано с такой душой! Неподражаемо! Всякий иной фон был бы не в пример менее сообразен. Безыскусственность, отличающая мисс Смит, — и вообще... — нет, это дивно! Глаз не оторвать. Никогда не видывал такого сходства.

Теперь нужно было вставить картину в раму, но здесь имелись свои трудности. Это следовало сделать без промедлений, и сделать в Лондоне, и через понимающего человека, на вкус которого можно положиться, а обратиться к Изабелле, обычной исполнительнице всяческих поручений, было на сей раз нельзя, ибо стоял декабрь месяц, и мистеру Вудхаусу подумать страшно было о том, чтобы дочь его ступила за порог дома в пору декабрьских туманов. Однако стоило прослышать об этих затруднениях мистеру Элтону, как они тотчас были устранены. В своей готовности оказать любезность он не ведал усталости. Когда бы это дело доверили ему, с каким бесконечным удовольствием он бы его исполнил! Он готов отправиться в Лондон в любую минуту. Невозможно передать, какую радость ему доставит такое поручение.

Он слишком добр! Она и мысли не может допустить — ни за что не решится она утруждать его такими хлопотами!.. Ответом, как и предполагалось, были новые мольбы и уверения, и через несколько минут дело было улажено.

Мистер Элтон должен отвезти рисунок в Лондон, выбрать раму и отдать надлежащие распоряжения; она знает, как упаковать картину, чтобы она не пострадала дорогою и в то же время не слишком обременяла собой мистера Элтона — а мистер Элтон меж тем, казалось, только того и опасался, что его недостаточно обременят.

— Что за бесценная ноша! — молвил он с нежным вздохом, принимая от нее рисунок.

«Не слишком ли он для влюбленного любезничает со мной, — думала Эмма. — Я бы сказала, слишком, но, вероятно, есть сотни способов вести себя, когда вы влюблены. Он превосходный молодой человек и очень подходит Гарриет — «именно то», говоря его же словами, — и все-таки он столь усердно вздыхает, и томится, и расточает комплименты, что, будь я его предметом, я бы этого не вынесла. Мне и как приближенной перепадает с лихвою. Но это лишь в благодарность за Гарриет».

тот самый день, как мистер Элтон отбыл в Лондон, Эмме представился случай оказать своей приятельнице новую услугу. Гарриет, по обыкновению, вскоре после завтрака уж была в Хартфилде, а спустя некоторое время ушла домой, с тем чтобы вновь воротиться к обеду; вернулась, однако же, ранее условленного часа, разгоряченная, в большом волнении, и объявила, что произошло нечто чрезвычайное, о чем она жаждет рассказать. Все разъяснилось за полминуты. Придя в дом миссис Годдард, она узнала, что час назад туда заезжал мистер Мартин и, услышав, что ее нет дома и неизвестно в точности, когда ее ждать, оставил для нее небольшой пакет от своей сестры, а сам уехал; вскрыв пакет, она обнаружила две песни, которые давала Элизабет переписать, а также письмо, адресованное ей, а написанное им, мистером Мартином, и содержащее прямое и недвусмысленное предложение руки и сердца. Подумать только! Она в такой растерянности, что не знает, как и быть. Да, предложение по всей форме, и прекрасно написано — по крайней мере, ей так кажется. Написано, словно он ее в самом деле очень любит, — она прямо растерялась и поспешила к мисс Вудхаус спросить у нее, как ей быть... Эмме немножко стыдно сделалось за свою подопечную, за ее обрадованный и нерешительный лепет.

— Каков хват! — вскричала она. — Этот молодой человек своего не упустит. Отчего бы не составить себе хорошую партию, раз подвернулась возможность?

— Вы, может быть, прочтете письмо? — воскликнула Гарриет. — Прошу вас. Пожалуйста.

Эмма не заставила себя упрашивать. Она прочла и удивилась. Стиль письма превосходил все ее ожидания. Мало сказать, что в нем не было ошибок, — оно и манерою изложения сделало бы честь любому джентльмену: слог, хотя и незатейливый, был упруг и ясен; чувства, им выражаемые, рекомендовали автора наилучшим образом. Письмо было кратким, но в нем виделся трезвый ум, пылкое, щедрое сердце, благопристойность и даже утонченность чувств. Эмма медлила, склонясь над ним, а Гарриет, стоя в нетерпеливом ожидании, повторяла: «Ну?», «Ну что?» — и наконец не выдержала:

— Ну как, хорошее письмо? Или оно вам кажется чересчур коротким?

— Нет, письмо точно очень хорошее, — с расстановкою отвечала Эмма, — Такое хорошее письмо, Гарриет, что, принимая во внимание все обстоятельства, невольно ловишь себя на мысли, что ему, должно быть, помогала одна из его сестер. Не верится, чтобы молодой человек, которого я видела на днях, когда он разговаривал с вами, способен был сам так прекрасно изъясняться на бумаге, хоть, впрочем, оно по стилю определенно не женское — писано слишком упругим, сжатым слогом, чересчур немногословно для женщины. Он, бесспорно, неглуп и, вероятно, от природы одарен талантом... мыслит ясно и четко и когда берет в руку перо, то без усилий находит нужные слова для выражения своих мыслей. У мужчин это случается. Да, мне понятен подобный склад ума. Деятельная натура, решителен, не лишен чувствительности, душа не огрубела. Письмо, Гарриет, — возвращая его, — написано лучше, чем я ожидала.

— Ну? — с тою же нетерпеливой надеждой сказала Гарриет. — И что же?.. Что мне делать?

— Что делать? В каком смысле? В отношении письма, вы хотите сказать?

— Да.

— Но какие тут могут быть сомнения? Ответить, разумеется, — и поскорее.

— Ну да. Но что сказать? Дорогая мисс Вудхаус, посоветуйте мне, пожалуйста.

— Ах, нет, нет! Гораздо лучше, если письмо будет написано одною вами, от начала до конца. Я уверена, вам не составит труда надлежащим образом высказать все, что вы думаете. Вам не грозит опасность дать невразумительный ответ, это главное, — а уж в каких выражениях изъяснить, как того требуют приличия, свою благодарность и свое сожаление, что вы причиняете ему боль, *вам* наставлять нет нужды — они, я убеждена, придут вам на ум сами. Вам незачем притворяться, будто вы опечалены тем, что он обманулся в своих надеждах.

— Так вы полагаете, ему следует отказать, — сказала Гарриет, потупляя глаза.

— Следует? Гарриет, моя милая, что это значит? У вас есть сомнения на этот счет? Я думала... но, впрочем, простите, я, возможно, заблуждалась. Я понимала вас неверно, раз вы сомневаетесь, каков должен быть *смысл* ответа. Мне казалось, вы спрашиваете лишь, какие выбрать слова.

Гарриет промолчала. Эмма с некоторою сдержанностью продолжала:

— Итак, я заключаю, что вы намерены дать ему благоприятный ответ.

— Да нет — то есть не то, чтобы намерена... Ну, как мне быть? Как вы советуете? Мисс Вудхаус, миленькая, умоляю вас, скажите, что мне делать?

— Я вам не стану давать советы, Гарриет. Я не желаю быть к этому причастна. Советчиком в подобном деле вам должно служить ваше сердце.

— Я и понятия не имела, что так нравлюсь ему, — молвила Гарриет, устремляя задумчивый взгляд на письмо. Эмма хранила молчание, но через несколько минут, начиная сознавать, сколь сильны могут оказаться прельстительные чары письма, сочла нужным нарушить их:

— Я полагаю за общее правило, Гарриет, что, ежели женщина *сомневается*, принять ли ей предложение, ей следует, конечно же, ответить отказом. Коль скоро она не решается сказать «да», ей следует напрямик сказать «нет». Замужество — это шаг, который опасно совершать с противоречивыми чувствами, скрепя сердце. Как друг ваш, как старшая, я считаю долгом сказать вам об этом. Но не подумайте, будто я пытаюсь навязать вам свое решение.

— О нет! Я знаю, вы слишком добры, чтобы... но если б вы только посоветовали, как будет лучше, — нет-нет, не то я говорю — вы правы, надобно самой твердо знать, чего хочешь, — в таком деле нельзя колебаться — это очень серьезный шаг. — Пожалуй, вернее будет сказать «нет»! Как вы думаете, лучше сказать «нет»?

— Ни за что вам не стану советовать ни того, ни другого, — сказала, ласково улыбаясь, Эмма. — Кому, как не вам самой, судить, что лучше для вашего счастья? Ежели мистер Мартин любезнее вам всякого другого мужчины, ежели никогда и ни с кем не было вам так приятно, как в его обществе, тогда зачем колебаться? Вы краснеете, Гарриет? Может быть, перед вашим мысленным взором встает при этих словах кто-то другой? Гарриет, Гарриет, не обманывайте себя, не позволяйте благодарности и состраданию увлечь вас на ложный путь. О ком подумали вы в эту минуту?

Внешние приметы обнадеживали. Гарриет в ответ на это отворотилась, пряча смущение, и в задумчивости стала у огня; она по-прежнему держала письмо, но теперь машинально, не глядя, вертела его в руках. Эмма нетерпели-

во ждала, что будет дальше, с каждой минутой все более укрепляясь в своих надеждах. Наконец Гарриет не совсем уверенно проговорила:

— Мисс Вудхаус, раз вы не хотите сказать ваше мнение, я должна, как умею, распорядиться собою сама, и теперь твердо — почти окончательно — решилась... отказать мистеру Мартину. Как по-вашему, я права?

— Совершенно правы, Гарриет, милочка вы моя, — совершенно! Именно так вам и следует поступить. Покуда у вас еще оставались сомнения, я не желала выдавать свои чувства, но теперь, когда вы решились бесповоротно, я без всяких раздумий вас одобряю. Дорогая Гарриет, для меня это радость. Мне тяжело было бы лишиться знакомства с вами, а таково было бы неизбежное следствие брака вашего с мистером Марином. Покамест вы еще хоть немного колебались, я ничего не говорила, ибо это могло повлиять на ваше решение, но знайте, я тогда потеряла бы друга. Я бы не могла бывать у жены мистера Роберта Мартина с фермы Эбби-Милл.

Гарриет в голову не приходило, что ей может грозить такая опасность, и эта мысль глубоко поразила ее.

— Не могли бы у меня бывать! — воскликнула она, переменяясь в лице. — Да, это правда, не могли бы — как же я раньше не подумала! Это было бы просто ужасно. Какое счастье, что эта участь миновала меня!.. Дорогая мисс Вудхаус, ни на что на свете не променяла бы я высокую честь и удовольствие быть вашим близким другом.

— Поверьте, Гарриет, что и мне мучительно было бы потерять вас, но это было бы необходимо. Вы невозвратно оторгли бы себя от хорошего общества. Я должна была бы отказаться от вас.

— Ах, что вы!.. Разве могла бы я это перенести! Я умерла бы, если бы двери Хартфилда закрылись для меня навеки!

— Милое, нежное создание! Заточить *вас* на ферме в Эбби-Милл! *Вас* обречь на всю жизнь обществу невежд и простолудья! Удивительно, как мистеру Мартину хватило духу предложить вам это. Недурного же мнения должен быть о себе этот молодой человек.

— Вообще-то говоря, он, по-моему, не отличается самомнением, — сказала Гарриет, которой совесть не позволяла согласиться с этой хулою. — Во всяком случае, сердце у него предоброе, и я всегда буду испытывать благодарность к нему и большое уважение — но это совсем другое, чем... И хотя я ему, может быть, нравлюсь, из

этого еще не следует, что я непременно... И разумеется, надобно признать, что, с тех пор как я стала бывать в вашем доме, я встречаю людей... словом, если их сопоставить, по внешнему виду, по манерам, то какое же может быть сравнение — *один* так необыкновенно хорош собой, так обходителен. При всем том мистер Мартин, мне кажется, очень милый молодой человек, я высоко его ставлю, и он так ко мне привязан — и такое письмо написал, — но покинуть вас... нет, ни за что, никогда!

— Благодарю, благодарю вас, милый мой дружок. Мы не разлучимся. Нельзя, чтобы женщина выходила замуж оттого лишь, что кто-то питает к ней привязанность и умеет сносно писать письма.

— Ну да! И притом, письмо такое коротенькое...

Эмма не преминула отметить про себя, что другу ее не хватает вкуса, но вслух лишь сказала, что это «совершенно справедливо, слабым было бы ей утешением знать, что муж, который ежедневно и ежечасно оскорбляет ее своею неотесанностью, хорошо пишет письма».

— Ах, это очень верно. Что проку в письмах, главное — постоянно быть в обществе, где вам легко и приятно. Да, я решила твердо, отвечу ему отказом. Только как это сделать? Что сказать?

Эмма заверила ее, что написать ответ не составит труда, и посоветовала сделать это немедленно — совет был принят с надеждой, что его помогут исполнить, и, сколько ни твердила Эмма, что в этом нет ни малейшей надобности, на деле без ее помощи не написана была ни единая фраза. Сочиняя ответ, поневоле приходилось вновь и вновь заглядывать в письмо, и это оказывало на Гарриет столь размягчающее действие, что не раз потребовалось в самых энергических выражениях призвать ее к твердости; она так терзалась сознанием, что причинит ему горе, так тревожилась о том, что подумают и скажут мать его и сестры, так боялась, что ее могут счесть неблагодарной, — что, оказись молодой фермер в эти минуты поблизости, его предложение, полагала Эмма, в конце концов было бы все-таки принято.

Ответ, тем не менее, был написан, запечатан и отослан. Дело было сделано, и Гарриет спасена. Весь вечер она была подавлена, и Эмма, понимая, какими угрызениями томится это жалостливое сердце, старалась облегчить их то ласковым словом, то напоминанием о мистере Элтоне.

— Никогда уж не пригласят меня больше в Эбби-Милл, — говорилось с оттенком грусти в голосе.

— Даже если б и пригласили, моя Гарриет, разве могла бы я разлучиться с вами? Вы слишком необходимы в Хартфилде, чтобы отпускать вас в Эбби-Милл.

— А мне и самой туда не захочется, для меня нет большего счастья, чем быть в Хартфилде.

И немного спустя:

— Воображаю, как удивилась бы миссис Годдард, когда бы узнала, что случилось. А мисс Нэш тем более — ведь мисс Нэш полагает, будто ее сестра очень удачно вышла замуж, хоть муж сестры всего-то навсего торговец полотном.

— Наставнице из пансиона, Гарриет, и не пристало выказывать большую гордость и взыскательность. Мисс Нэш, вероятнее всего, позавидовала бы, узнав, что у вас есть такой случай выйти замуж. В ее глазах даже такая партия имела бы цену. Об участии более для вас завидной она, по-видимому, и не подозревает. Едва ли знаки внимания со стороны известной вам особы уже успели сделаться в Хайбери предметом пересудов. Я полагаю, вы да я покамест единственные, кому разъяснился истинный смысл его взглядов и вздохов.

Гарриет зарделась, улыбнулась и что-то пролепетала о том, как странно ей, что она так нравится некоторым людям. Мысль о мистере Элтоне заметно оживила ее, но вскоре ее сердце вновь исполнилось состраданием к отвергнутому мистеру Мартину.

— Он теперь получил мое письмо, — тихо говорила она. — Желала бы я знать, что там у них делается — знают ли уже его сестры... Ежели он страдает, то и они, конечно, страдают за него. Хорошо бы он не слишком огорчился.

— Будемте лучше думать о тех, кто вдали от нас нашел себе более веселое занятие, — воскликнула Эмма. — В эту минуту, может статься, мистер Элтон показывает ваш портрет своей матушке и сестрам, оговорясь, что оригинал во сто крат прекраснее, и, после настоятельных расспросов, решается назвать им его имя — ваше заветное имя.

— Портрет? Да ведь он оставил портрет на Бонд-стрит.

— В самом деле? Если так, я совсем не знаю мистера Элтона. Нет, дружок мой, моя милая скромница, ваш портрет попадет на Бонд-стрит не ранее завтрашнего дня, перед тем как мистеру Элтону настанет пора садиться на коня и ехать назад. Сегодня же он весь вечер будет при нем, будет его утехой, его усладой. Он открывает семье

мистера Элтона его намерения, вводит вас в ее круг, возбуждая в каждом из них приятнейшие чувства, свойственные нашей натуре, — живое любопытство и доброе предрасположение. Какую сладостную, дразнящую, живительную пищу дает он деятельному их воображению!

Гарриет снова улыбнулась и повеселела окончательно.

ГЛАВА 8

этот день Гарриет ночевала в Хартфилде. В последние недели она проводила здесь большую часть времени, и ей в конце концов отвели особую спальню; Эмма рассудила, что до поры до времени — для верности, да и для блага самой Гарриет — во всех отношениях разумней будет держать ее поближе к себе. Наутро она должна была на часок-другой отлучиться к миссис Годдард, но с условием, что, воротясь, останется погостить в Хартфилде уже на несколько дней.

В ее отсутствие явился мистер Найтли и посидел немного с мистером Вудхаусом и Эммой, покуда Эмма не принялась уговаривать отца, который собирался перед тем выйти прогуляться, чтобы он не откладывал прогулку, и мистер Вудхаус, уступая настояниям в два голоса, не согласился, вопреки собственным понятиям о приличиях, уйти из дома, покинув гостя. Мистер Найтли не любил разводить церемонии и своими скупыми, четкими репликами являл забавную противоположность витиеватым извинениям и учтивым отступлениям мистера Вудхауса.

— Итак, ежели вы не осудите меня, мистер Найтли, и не сочтете, что я совершаю по отношению к вам непростительную грубость, то я, пожалуй, послушаюсь совета Эммы и выйду на четверть часика прогуляться. Воспользуюсь тем, что светит солнце, и, покуда оно не скрылось, пройдуся три раза туда и обратно. Я обхожусь с вами запросто, мистер Найтли, без церемоний. Мы, болящие, привыкли считать себя на особом положении.

— Полноте, сэр, я свой человек.

— Оставляю вас на дочь, она отлично меня заменит. Эмма счастлива будет вас занять. А уж я, знаете ли, с вашего позволения, совершу свой зимний моцион — три раза туда и обратно.

— И прекрасно, сэр.

— Я с удовольствием предложил бы вам составить мне компанию, мистер Найтли, да боюсь, вам это скучно будет, я хожу очень медленно и к тому же вам еще предстоит дальняя дорога назад в Донуэлл.

— Спасибо, сэр, спасибо — я сам ухожу сию минуту, так что на вашем месте не стал бы терять времени. Позвольте, я подам вам шубу и открою дверь в сад.

Наконец мистер Вудхаус ушел, но мистер Найтли, вместо того чтобы тотчас последовать его примеру, снова сел, располагаясь, по всей видимости, продолжить беседу. Он завел речь о Гарриет и впервые на памяти Эммы по собственному почину отметил ее достоинства.

— Я не столь высокого, как вы, мнения об ее наружности, — сказал он, — но она довольно миловидное создание, и притом, я склонен полагать, самого приятного нрава. Характер ее зависит от того, с кем она находится, и, попади она в хорошие руки, из нее выйдет очень достойная женщина.

— Я рада, что вы так думаете — ну, а за хорошими руками, надеюсь, дело не станет.

— Вот как, — сказал он, — вы напрашиваетесь на комплименты. Что ж, извольте — да, в ваших руках она стала лучше. Вы избавили ее от пансионской привычки хихикать, это можно поставить вам в заслугу.

— Благодарю. Обидно было бы думать, что от меня уж вовсе нет проку, — хоть, правда, не всякий любит признавать чужие заслуги. *Вашими* похвалами я не избалована.

— Так вы говорите, что скоро ждете ее назад?

— С минуты на минуту. Что-то долго она не идет, ей бы уже пора быть здесь.

— Что-нибудь задержало — гости, может статься.

— Противные хайберийские сплетники! Что за скука!

— Возможно, Гарриет не скучно с теми, которых находят скучными вы.

Эмма, зная, что это вполне справедливо и возражать было бы глупо, промолчала. Немного погодя он прибавил с улыбкой:

— Не берусь точно назвать время и место, но, должен заметить вам, есть все основания полагать, что вскоре подружка ваша услышит интересную для себя новость.

— В самом деле? Какую же? Какого рода?

— Очень серьезную, — продолжая улыбаться, — смею вас уверить.

— Серьезную? Тогда мне одно лишь приходит в голо-

ву... И кто же в нее влюбился? Кто вам поверил свою тайну?

Эмма почти не сомневалась, что это мистер Элтон проговорился ему о своих чувствах. Мистеру Найтли свойственно было выступать в роли всеобщего друга и советчика, и она знала, как чтит его мистер Элтон.

— Есть причины полагать, — отвечал он, — что Гарриет Смит скоро сделают предложение, и притом такой претендент, что лучше и желать невозможно, — имя его Роберт Мартин. Приехала она этим летом погостить в Эбби-Милл, и кончено дело. Влюблен до безумия и намерен жениться.

— Весьма любезно с его стороны, — сказала Эмма, — так он уверен, что Гарриет собирается за него замуж?

— Ну, хорошо, хорошо — намерен сделать ей предложение, если угодно. Довольны вы теперь? Два дня назад приехал ко мне в аббатство посоветоваться. Он знает, какого я высокого мнения об нем и о его семействе, и считает меня, я думаю, одним из лучших своих друзей. Спрашивал, не кажется ли мне опрометчивым, когда женятся так рано, не чересчур ли она, на мой взгляд, молодда — короче, одобряю ли я вообще его выбор, ибо ему, вероятно, внушает опасение то, что ее — особенно с тех пор, как она столь обласкана *вами*, — ставят выше его. Все, что он говорил, очень мне понравилось. Редко от кого услышишь речи столь разумные, как от Роберта Мартина. Этот всегда говорит дело — прямо, без обиняков и с недюжинною здравостью суждений. Он поведал мне все — свои обстоятельства, свои планы и как они все устроятся в случае его женитьбы. Превосходный молодой человек, примерный сын и брат. Я, не колеблясь, советовал ему жениться. Он меня убедил, что средств для этого ему достанет, а ежели так, то можно было лишь приветствовать его намерения. Я не забыл похвалить его избранницу, и он ушел от меня окрыленный. Если б раньше слово мое ничего для него не значило, он за один этот вечер исполнился бы ко мне уважения и, смею утверждать, покинул мой дом, убежденный, что лучшего друга и наставителя не сыскать в целом свете. Было это позавчера. Ну, а так как резонно предположить, что он не станет надолго откладывать разговор со своею любезной, и так как вчера, сколько можно судить, он подобного разговора не заводил, то, стало быть, есть вероятность, что он явится к миссис Годдард нынче, а значит, возможно, Гарриет задержал гость, которого она отнюдь не находит ни противным, ни скучным.

— Позвольте, мистер Найтли, — сказала Эмма, которая на протяжении этой речи большею частью улыбалась про себя, — но откуда вы знаете, что вчера мистер Мартин не заводил такого разговора?

— Наверное не знаю, разумеется, — отвечал он удивленно, — но это нетрудно заключить. Разве не провела она весь вчерашний день у вас?

— Ладно. В ответ на то, что вы мне сказали, скажу и я вам кое-что. Нет, он завел этот разговор вчера — вернее, написал письмо и получил отказ.

Это понадобилось повторить, ибо мистер Найтли не верил своим ушам; от удивления и досады лицо его покрылось багровым румянцем, он встал и гневно выпрямился во весь рост.

— В таком случае она глупее даже, чем я предполагал. О чем только она думает, дурочка?

— Ну да, конечно! — воскликнула Эмма. — Мужчине никогда не понять, как это женщина может отказаться выйти замуж. Мужчина всегда воображает, что женщина готова пойти за всякого, кто ей сделает предложение.

— Вздор! Ничего подобного мужчина не воображает. Но как это понимать? Чтобы Гарриет Смит отказала Роберту Мартину? Ежели так, это чистое безумие, и я только надеюсь, что вы ошибаетесь,

— Я читала ее ответ — яснее не скажешь.

— Читали! Вы же сами и написали ответ! Эмма, это ваших рук дело. Это вы убедили ее отказать ему.

— Что же, будь это и так — не подумайте, впрочем, будто я подтверждаю это, — я не считала бы, что поступила неправильно. Мистер Мартин весьма порядочный молодой человек, однако его никак не назовешь ровнею Гарриет, и меня немало удивляет, что он посмел ухаживать за ней. Судя по вашему рассказу, у него таки были кой-какие сомнения. Очень жаль, что он их отбросил.

— Ровнею? — в запальчивости вскричал мистер Найтли громким голосом и, помолчав минуту и немного успокоясь, жестко продолжал: — Да, он ей точно неровня, ибо как по уму, так и по положению во много раз ее выше. Эмма, ваше непомерное увлечение этой девицей ослепляет вас. Какие могут быть притязания у Гарриет Смит на лучшую партию, нежели Роберт Мартин? Происхождение, природные качества, образование? Неведомо чья побочная дочь, вероятно, без сколько-нибудь надежного обеспечения, определенно без приличной родни! Известно лишь, что она делит кров с хозяйкою обычного пансиона. Особа,

которая не может похвалиться ни разумом, ни изрядными познаниями. Ничему полезному ее не научили, а выучиться сама она по молодости лет и по простоте своей не удосужилась. В ее лета ей негде было приобрести опыт, с ее скудным умишком она едва ли что-либо путное приобретет и в дальнейшем. У ней есть миленькая мордочка и добрый нрав, и только. Меня одно лишь смущало, когда я советовал ему жениться, и то были опасения за него — что она его недостойна, что для него она незавидная партия. Ежели говорить о состоянии, то он с легкостью мог бы найти себе что-нибудь получше, ежели о разумной подруге жизни и дельной помощнице, то не мог найти ничего худшего. Но рассуждать подобным образом с влюбленным невозможно, и я положился на то, что она, по крайней мере, существо безобидное, такого склада, что в хороших руках, как у него, легко может исправиться, и в конце концов из нее выйдет толк. Я понимал, что для нее, во всяком случае, преимущества этого брака бесспорны, и не сомневался, да и теперь не сомневаюсь, что все в один голос твердили бы о том, как ей необыкновенно посчастливилось. Даже *вы*, полагал я, останетесь довольны. Мне сразу же пришло на ум, что вам не жаль будет, если подруга ваша покинет Хайбери ради того, чтобы столь счастливо устроить свою судьбу. Я, помню, сказал себе: «Даже Эмма, с ее пристрастным отношением к Гарриет, решит, что это прекрасная партия».

— Не могу не удивиться тому, что вы так плохо знаете Эмму. Как! Решить, что фермер — а мистер Мартин, при всем своем уме и прочих достоинствах, простой фермер, и не более того — прекрасная партия для близкой моей подруги? Не сожалеть, что она покинет Хайбери, дабы связать судьбу свою с человеком, которого я ни при каких обстоятельствах не назову даже своим знакомым? И вы могли допустить, что я на это способна? Уверю вас, вы судите о моих чувствах весьма превратно. Я решительно не могу согласиться с вашими утверждениями. Вы несправедливы, объявляя притязания Гарриет неосновательными. Другие, в том числе и я, судят об этом совсем иначе. Мистер Мартин, быть может, богаче ее, но, несомненно, уступает ей по положению в обществе. Тот круг, в котором она вращается, недостижим для него. Она уронила бы себя, ответив ему согласием.

— Безродное невежество уронило бы себя, заключив брак с достойным, умным молодым фермером из хорошей фамилии!

— Что до обстоятельств ее рождения, то пусть согласно закону она никто, но здравый смысл согласиться с этим не может. Несправедливо наказывать ее за чужие прегрешения и ставить ниже тех, среди кого она росла и воспитывалась. Вряд ли есть причины сомневаться, что отец ее — дворянин, и дворянин с состоянием. Ей назначено щедрое содержание, она никогда не знала отказа в том, что способствовало бы ее развитию и довольству. Что она благородного происхождения, для меня неоспоримо, что общество ее составляют особы благородного происхождения, никто, я полагаю, оспаривать не станет. Мистер Роберт Мартин ей не пара.

— Кто бы ни были ее родители, — сказал мистер Найтли, — на ком бы ни лежала обязанность заботиться о ее судьбе, непохоже, чтобы они ставили себе целью ввести ее в так называемое хорошее общество. Получив довольно-таки посредственное образование, она остается у миссис Годдард, предоставленная самой себе — короче говоря, среди людей того же уровня, что и миссис Годдард, в кругу ее знакомых. Очевидно, ее попечители считали такое общество вполне для нее подходящим — оно и *было* подходящим. До тех пор, покуда вам не вздумалось произвести ее в свои подруги, в душе ее не было и следа неприязни к тем, кто окружает ее, — лучшего она для себя и не желала. Гости летом у Мартинов, она была совершенно счастлива в их доме. Тогда у нее не было чувства собственного превосходства. Ежели оно есть теперь, то это вы его внушили. Вы были плохим другом Гарриет Смит, Эмма. Роберт Мартин никогда не зашел бы так далеко, не будь у него уверенности, что и она к нему равнодушна. Я хорошо его знаю. В нем слишком много природной чуткости, чтобы навязываться женщине, не имея более надежных на то оснований, нежели собственные чувства. Что же до сомнения, то я не знаю другого мужчины, который был бы столь его чужд. Можете не сомневаться, ему дали повод надеяться.

Эмме удобнее было уклониться от прямого ответа, и она предпочла развивать прежнюю свою мысль.

— Вы, я вижу, горячий сторонник мистера Мартина, но, как я уже говорила, несправедливы к Гарриет. Причины Гарриет претендовать на хорошую партию не столь ничтожны, как вы их изобразили. Да, она не отличается умом, и все же она разумнее, чем вы думаете, и не заслуживает того, чтобы о ее умственных способностях отзывались с таким пренебрежением. Впрочем, если даже

отбросить этот довод и согласиться, что у нее, как вы заключили, нет ничего, кроме миленькой мордочки и доброго нрава, то и это, позвольте вам заметить, не пустое в глазах людей, когда девица мила и добронравна в такой мере, как Гарриет, которую девяносто девять из ста назовут красавицей, — и доколе мужчины не научатся более философически относиться к красоте, доколе не начнут они влюбляться в умных и образованных, пренебрегая миловидностью, такая красotka, как Гарриет, будет пленять и восхищать и обладать возможностью выбирать из многих, а следовательно, и правом быть придирчивой. Не стоит также умалять и такую причину для претензий, как добрый нрав, ибо в ее случае, он означает мягкость характера и манер, самое скромное мнение о себе и невзыскательность к другим. Я не ошибусь, если скажу, что редкий мужчина не сочтет подобную внешность и подобный нрав у женщины более чем достаточным основанием для самых высоких притязаний.

— Честное слово, Эмма, ежели вы, с вашим умом, несете такую чепуху, то я готов согласиться. Уж лучше вообще не иметь мозгов, нежели находить им столь дурное применение.

— Вот-вот! — шаловливо подхватила Эмма. — *Все* вы так думаете, я знаю. Я знаю, предел мечтаний для всякого мужчины — именно такая, как Гарриет, которая будет услаждать чувства, не слишком при этом обременяя рассудок. Да! Гарриет имеет все основания быть разборчивой и привередливой. Вот и для вас, вздумай вы жениться, она была бы как раз то, что нужно. Удивительно ли, если семнадцати лет от роду, едва успев вступить в жизнь, едва начав приобретать знакомство, она не соглашается выйти за первого, кто предложил ей руку? Нет уж — сделайте милость, дайте ей время оглядеться.

— Я всегда полагал, что эта ваша тесная дружба — большая глупость, — сказал, помолчав, мистер Найтли, — хотя и держал свои мысли при себе. Теперь же мне очевидно, что для Гарриет она еще и большое несчастье. Вы так напичкаете ее этими сказками о ее красоте да о том, чего она вправе ждать от жизни, что очень скоро никто поблизости не будет для нее хорош. Тщеславие, зароненное в хилые мозги, дает пагубные всходы. Нет ничего легче, как внушить юной девице непомерные упования. Мисс Гарриет Смит, возможно, обнаружит, что хоть она и прехорошенькая, но предложения выйти замуж не посыплются на нее дождем. Умный мужчина не поже-

дает взять в жены дурочку. Родовитый не поспешит связать судьбу свою с девицей без роду, без племени, а осмотрительный убоится позора и затруднений, в которые может оказаться вовлечен, когда откроется тайна ее происхождения. Дайте ей выйти замуж за Роберта Мартина, и ей на всю жизнь обеспечен надежный кров, прочное положение и семейное счастье — а будете поддерживать в ней надежду на блистательную партию, твердить, что ей подходит в мужья лишь человек влиятельный и с большим состоянием, а все другие не пара — и она останется жить у миссис Годдард до конца своих дней, или — ибо такая девушка, как Гарриет Смит, непременно должна хоть за кого-нибудь да выйти замуж — по крайней мере, до тех пор, покуда с отчаяния не ухватится обеими руками за сына старичка учителя чистописания.

— Мы с вами так расходимся во взглядах, мистер Найтли, что я не вижу смысла обсуждать далее этот предмет. Мы только будем все больше сердиться друг на друга. Что до того, чтобы дать ей выйти за Роберта Мартина, то это невозможно — она отказала ему, и столь решительно, что о вторичном предложении с его стороны, по-моему, не может быть и речи. Велико ли зло, нет ли, его уж не поправишь — отказала, и на том должна стоять. Что же касается до самого отказа, не скрою, возможно, я и оказала на нее некоторое влияние, но уверяю вас, здесь мало что зависело от меня или кого-нибудь другого. Против мистера Мартина все — и внешность его, и дурные манеры. Ежели она когда и была расположена к нему, то теперь это не так. Допускаю, что она относилась к нему сносно, покуда не видала ничего лучшего. Он брат ее приятельниц, он всячески старался угождать ей, да и вообще, отчего было ей, гостя в Эбби-Милл, не находить его довольно приятным, если никого лучше она дотоле не встречала — что, очевидно, главным образом и сыграло ему на руку? Теперь другое дело. Теперь она знает, что такое джентльмен, и только человек с образованием и манерами истинного джентльмена может иметь надежду понравиться Гарриет.

— Вздор, сущий вздор, просто уши вянут! — вскричал мистер Найтли. — У Роберта Мартина отличные манеры, в них виден ум, искренность, доброжелательность. Душе его свойственно подлинное благородство, которое Гарриет Смит оценить не способна.

Эмма не отвечала, пытаясь сохранить напускную беззаботность, а между тем ей было очень не по себе и не

терпелось, чтобы он ушел. Она не жалела о сделанном, по-прежнему полагая себя лучшим, чем он, судьей в таком вопросе, как право выбора и тонкости женского вкуса, — но в то же время слишком привыкла уважать его мнение, и ей не нравилось, что он открыто осуждает ее, и не очень было приятно видеть его лицом к лицу в таком гневе. Минуты тянулись в тягостном молчании; Эмма попробовала было завести речь о погоде, но не дождалась ответа. Мистер Найтли погружен был в раздумье. Но вот наконец думы его нашли исход в словах:

— Роберт Мартин потерял не много. Хорошо бы ему понять это — надеюсь, в скором времени так оно и будет. О ваших видах в отношении Гарриет вам лучше знать, но, так как вы не делаете тайны из вашей страсти заниматься сватовством, естественно предположить, что такие виды, планы и прожекты у вас есть, — а посему, на правах друга, хочу только остеречь вас, что, ежели вы имеете в предмете мистера Элтона, — это, боюсь, будет напрасный труд.

Эмма рассмеялась и покачала головой. Он продолжал:

— Будьте уверены, с Элтоном ничего не выйдет. Элтон славный малый и достойный пастырь хайберийского прихода, однако он не из тех, кто может заключить опрометчивый брак. Он не хуже других знает цену хорошему доходу. Элтон может быть чувствителен на словах, но всегда будет рассудочен в поступках. Он столь же ясно, как вы в отношении Гарриет, отдает себе отчет, чего он вправе ждать от жизни. Он обладает весьма приятной наружностью и знает это — знает, что повсюду, где бы ни появился, найдет самый ласковый прием. Судя по его разговорам в минуты откровенности, когда кругом одни мужчины, я составил впечатление, что он отнюдь не намерен продешевить, распоряжаясь своей судьбою. Слышал я, с каким он пылом рассказывает про обширный кружок девиц, с которыми водят душевную дружбу его сестры и из коих каждая владеет состоянием в двадцать тысяч фунтов.

— Премного вам благодарна, — вновь рассмеявшись, сказала Эмма. — Куда как было бы мило с вашей стороны открыть мне глаза, ежели б я и в самом деле вознамерилась женить мистера Элтона на Гарриет, однако у меня покамест нет иной цели, как держать Гарриет подле себя. Я не занимаюсь более сватовством. Все равно у меня нет надежды устроить второй такой союз, как в Рэн-

далее. Отойду от этих дел, покуда не посрамила самое себя.

— Тогда прощайте, — сказал мистер Найтли и, порывисто встав, вышел. Он был вне себя от досады. Он живо представлял себе, каким ударом для молодого фермера должен быть отказ Гарриет, и уязвлен был сознанием, что сам тому способствовал, высказав ему свое одобрение; он до крайности раздражен был тою ролью, которую, как он не сомневался, играла в этой истории Эмма.

Раздосадована была, в свою очередь, и Эмма, однако причины ее досады отличались большей неопределенностью. Она, в отличие от мистера Найтли, не всегда была совершенно собою довольна, не всегда вполне уверена, что права в своих суждениях, а тот, кто не согласен с ними, заблуждается. Он ушел, оставив ее полной сомнений в своей правоте. Не столь серьезных, впрочем, чтобы надолго повергнуть ее в уныние, — вскоре вернулась Гарриет и с нею вместе к Эмме вернулось обычное расположение духа. Она уже начинала беспокоиться, что Гарриет так долго нет. Ее тревожила мысль, как бы молодой фермер не зашел сегодня к миссис Годдард и, повстречав там Гарриет, не вымолил у нее согласие. Страх потерпеть, после всего, что было, такое поражение был главной причиной ее беспокойства, и, когда Гарриет вернулась, в прекрасном настроении и не имея, по всей видимости, подобных причин для своего долгого отсутствия, у Эммы отлегло от сердца и сомнения, точившие ее, сменились уверенностью, что она не совершила ничего такого, чему женская дружба и женские чувства не послужили бы оправданием, — что бы там ни думал и ни говорил мистер Найтли.

Он слегка напугал ее насчет мистера Элтона, но, рассудив, что мистер Найтли не имел возможности наблюдать за ним, как это делала она — с пристрастным вниманием, с тонким (что не грех было отметить, вопреки придирам мистера Найтли) знанием дела и умением разбираться в подобных вопросах, — Эмма убедила себя, что мистер Найтли наговорил это все второпях и в сердцах, движимый скорее обидою и стремлением выдать желаемое за действительное, нежели подлинной осведомленностью. Он мог, конечно, слышать, как мистер Элтон высказывается с большею свободой, чем в ее присутствии, и вполне вероятно было, что мистер Элтон в самом деле не столь уж опрометчив и неосмотрителен в денежных делах, а напротив, склонен придавать им большое значение; однако

мистер Найтли не подумал, что сильное чувство способно опрокинуть любые корыстные побуждения. У мистера Найтли не было случая увидеть воочию проявления этого чувства, и он, естественно, не принял его в расчет — она, напротив, видела их предостаточно и не сомневалась, что такая страсть сметет прочь любые колебания, подсказанные на первых порах разумною осмотрительностью; разумная же осмотрительность только красит мужчину, и мистер Элтон, полагала она, обладал ею в самую меру, не более.

Ей быстро передалось веселое оживление Гарриет, которая вернулась вовсе не с тем, чтобы вновь предаться мыслям о мистере Мартине, а сразу же завела речь о мистере Элтоне. Мисс Нэш поведала ей новость, которую она поспешила с восторгом сообщить Эмме. Одна из воспитанниц миссис Годдард заболела и ее приходил осмотреть мистер Перри — мисс Нэш видела его, — и он рассказал, что, возвращаясь вчера из Клейтон-парка повстречал мистера Элтона и, к большому удивлению своему, узнал, что мистер Элтон направляется в Лондон, причем вернется только на следующий день, хотя вечером, по заведенному обычаю, собирался вист-клуб, которого мистер Элтон, как известно, ни разу до сих пор не пропускал, — и мистер Перри принялся увещевать его и говорить, как нехорошо с его стороны, что он не придет, ведь он у них лучший игрок, и всячески старался убедить его отложить поездку на один-единственный денек, но все было напрасно: мистер Элтон остался непреклонен в решимости продолжать свой путь и объявил, *до чрезвычайности многозначительно*, что едет по делу, которое его не заставят отложить никакие уговоры на свете, прибавив что-то насчет крайне лестного поручения, и что он якобы везет с собой такое, чему нет цены. Мистер Перри не слишком хорошо его понял, однако проникся уверенностью, что в этом деле явно замешана *дама*, о чем и сказал ему, — в ответ мистер Элтон только смешался, заулыбался и, прищипнув коня, лихо поскакал дальше. Все это рассказала ей мисс Нэш и еще много что говорила про мистера Элтона, а потом, выразительно на нее поглядев, заключила, что «не берется разгадать, в чем состоит дело, призвавшее мистера Элтона в Лондон, но, во всяком случае, та, которой мистер Элтон окажет предпочтение, будет счастливейшей из женщин, ибо мистер Элтон, как ей кажется, по красоте и обаянию не знает себе равных».

так, хотя мистер Найтли не поладил с Эммой, сама она не видела причин быть с собою не в ладу. Он был так сердит, что минуло более обычного времени, пока он вновь появился в Хартфилде, и, когда они встретились, по строгому виду его было ясно, что он ее не простил. Это огорчило ее, но она не раскаивалась. Напротив, все, что происходило в ближайшие дни, только оправдывало замыслы ее и действия, делало их лишь милее ее сердцу.

Портрет, вставленный в изящную раму, был вскоре по приезде мистера Элтона благополучно ей вручен, повешен над каминною доской в общей гостиной, и мистер Элтон, вскочив полюбоваться им, должным образом рассыпался в бессвязных изъявлениях восторга, а что касается Гарриет, то чувства ее буквально на глазах перерастали в привязанность, столь сильную и прочную, сколь позволяли ее молодость и склад натуры. Эмма в самом скором времени убедилась, что, если она и вспоминает мистера Мартина, то не иначе как для сравнения с мистером Элтоном — сравнения, целиком в пользу последнего.

Ее мечты образовать и развить ум юной своей подруги систематическим серьезным чтением и обсуждением прочитанного не принесли покамест иных плодов, помимо знакомства с несколькими начальными главами да намерения завтра пойти дальше. Куда легче было не заниматься, а болтать, куда приятнее не трудиться, упражняя ум Гарриет и обогащая его точными фактами, а давать волю воображению, рисуя себе картины ее будущего и строя планы, — и пока единственным литературным занятием Гарриет, единственною духовной пищей, которой запасалась она про черный день на склоне лет, было собирать разного рода загадки, которые ей попадались, и переписывать их на четвертки ложенной бумаги, приготовленные Эммой и украшенные вензелями и орнаментом в виде воинских доспехов.

В наш просвещенный век подобные собрания, порой весьма обширные, не редкость. У мисс Нэш, старшей наставницы в пансионе миссис Годдард, загадок набралось по крайней мере триста, а Гарриет, которая начала их переписывать, подражая ей, надеялась, при содействии мисс Вудхаус, далеко ее превзойти. Эмма призывала на помощь свою изобретательность, память и вкус, а так как

Гарриет обладала красивым почерком, то собрание обещало быть первоклассным как по форме, так и по величине.

Мистер Вудхаус обнаружил к этому занятию не меньше интереса, чем обе девицы, и частенько напрягал свою память, сиюсь найти что-нибудь подходящее. Столько было прехитрых загадок в дни его юности — да вот беда, ни одна не идет на ум! Но дайте срок, он еще вспомнит! И всякий раз дело кончалось строкою: «Китти-печурка была холодна».

Добрый друг его мистер Перри, посвященный в эту затею, тоже не мог вспомнить ничего стоящего из области загадок, но мистер Вудхаус призывал его держать ушки на макушке, ибо, бывая повсюду, мистер Перри мог услышать что-нибудь достойное внимания.

В расчеты его дочери никак не входило призывать на помощь лучшие умы Хайбери. Единственным, к кому она обратилась, был мистер Элтон. Ему одному предложили внести свою лепту, припомнить занимательные загадки, шарады и головоломки, и Эмме приятно было видеть, с каким усердием он роется в памяти, добросовестно следя в то же время, чтобы не обронить с языка что-нибудь не слишком любезное, в чем не таился бы тонкий комплимент прекрасному полу. Ему обязаны были они двумя-тремя изящнейшими загадками, а когда он наконец вспомнил и с некоторой слащавостью продекламировал нехитрую шараду:

Мое первое — это согласия знак,
А второе лепечет, проснувшись, дитя.
Что же целое? Это прекрасный очаг,
Можно греться, а можно обжечься шута¹, —

то радовался и торжествовал столь бурно, что Эмме просто жаль было признаться, что она уже переписана на одной из предыдущих страниц.

— Отчего бы вам самому не сочинить для нас шараду, мистер Элтон? — сказала она. — Вот верная порука тому, что это будет свежо и ново, притом же для вас ничего нет легче.

Ах, нет! Он никогда не пробовал — можно сказать, ни разу в жизни. Куда ему! Он боится, что даже мисс Вудхаус... — заминка на мгновенье, — или мисс Смит не могли бы вдохновить его на это.

Однако свидетельство такового вдохновения не замедлило появиться на другой же день. Мистер Элтон на

¹ Перевод Р. Сефа.

минутку заглянул в Хартфилд и положил на стол листок бумаги, объяснив, что принес шараду, которую посвятил одной молодой особе, предмету своих вздыханий, его приятель, — но по виду, с которым это было сказано, Эмма тотчас догадалась, что он говорит о себе.

— Она не предназначается для собрания мисс Смит, — прибавил он. — Я не вправе выставить ее на всеобщее обозрение, ибо она принадлежит моему другу, — но вам, может статься, любопытно будет взглянуть на нее.

Слова эти обращены были не столько к Гарриет, сколько к Эмме, и Эмма понимала почему. Он изнывал от смущения и, боясь поднять глаза на Гарриет, предпочитал адресоваться к ней. Через минуту он ушел, помедлив перед тем Один короткий миг.

— Возьмите, — с улыбкою сказала Эмма, подвигая листок к Гарриет, — это написано для вас. Берите же, это ваше.

Однако Гарриет, вся охваченная трепетом, не дотрагивалась до бумаги, и Эмма, которой никогда не претило быть первой, принуждена оказалась ознакомиться с нею сама.

«К мисс...

ШАРАДА

Мой первый слог — он возле или близь,
Как сад у дома, где кусты сплелись.

Мое второе — это мощь ума,
Ключ к тайне мира, истина сама!

Но стоит вместе их соединить,
Протянется от сердца к сердцу нить.

Твой быстрый ум ответ найдет тотчас,
Он вспыхнет в блеске этих томных глаз!¹»

Эмма пробежала ее глазами, задумалась на минуту, нашла разгадку, перечла шараду для верности, вникая в каждую строчку, и, передав листок Гарриет, сидела с довольною усмешкой, говоря себе, покуда Гарриет, в сумбуре надежд и несообразительности, ломала над ним голову: «Недурно, мистер Элтон, совсем недурно. Я читывала шарады похуже. *Признание* — намек изрядный. Отдаю вам должное. Это первый осторожный шаг. Это явственная мольба: «Умоляю, мисс Смит, позвольте мне открыть

¹ Перевод Р. Сефа.

вам мои чувства. Отгадайте мою шараду, и вам откроется смысл моих намерений».

«Он вспыхнет в блеске этих томных глаз!»

Живая Гарриет. «Томные» — очень точное слово, наилучший из эпитетов, коими можно наградить ее глазки.

«Твой быстрый ум ответ найдет тотчас...»

Хм-м, быстрый ум, — и это у Гарриет! Что ж, тем лучше. Нужно и впрямь влюбиться по уши, чтобы приписывать ей такие свойства. Ах, мистер Найтли, какая жалость, что вас здесь нет, — я думаю, это бы вас убедило. Раз в жизни вам пришлось бы признать, что вы не правы. В самом деле, отличная шарада! И очень кстати. Теперь дело быстро пойдет к развязке.

От сих отрадных размышлений, кои могли бы при иных обстоятельствах занять ее надолго, ее оторвали нетерпеливые вопросы озадаченной Гарриет:

— Что же это, мисс Вудхаус? Что бы это могло быть?.. Не представляю — мне ни за что не догадаться. Что это может значить? Попробуйте разгадать вы, мисс Вудхаус. Пожалуйста, помогите мне. Я такой трудной не видывала. Это не аллея? Интересно, кто этот его приятель — и эта молодая особа! А хороша, по-вашему, шарада? Может быть, это пряжа?

«Протянется от сердца к сердцу нить».

Или сирень, может быть?

«Как сад у дома, где кусты сплелись».

Или забор? Или газон? Или парк? Хотя нет, «парк» — это только один слог. Должно быть, страх как мудрено, иначе бы он не принес ее. Ой, мисс Вудхаус, вы думаете, мы найдем ответ?

— Парки, заборы! Вздор! Гарриет, голубушка, о чем это вы? С какой ему стати приносить нам шараду, которую его приятель составил о парке или заборе? Дайте-ка мне ее сюда и слушайте: «К мисс...» — следует читать: «К мисс Смит».

«Мой первый слог — он возле или близь,
Как сад у дома, где кусты сплелись».

Это — *при*.

«Мое второе — это мощь ума,
Ключ к тайне мира, истина сама!»

Это — знание, — ясно, как день. А теперь главная изюминка:

Но стоит вместе их соединить,

— видите, получается *признание* —

Протянется от сердца к сердцу нить.

Очень к месту сказано! И далее следует заключение, понять которое, милая Гарриет, вам, думаю, не составит большого труда. Прочтите его и утешьтесь. Это, бесспорно, написано к вам и для вас.

Долго противиться столь заманчивым увещаниям Гарриет была не в силах. Она прочла заключительные строчки и вся просияла, затрепетала. Она не могла выговорить ни слова. Но это и не требовалось от нее. Ей довольно было чувствовать. Говорила за нее Эмма.

— Этот мадригал исполнен столь очевидного, столь точного смысла, — сказала она, — что не оставляет места сомнениям насчет намерений мистера Элтона. Вы — предмет его чувств и в скором времени получите полнейшее тому доказательство. Я так и думала. Я и раньше думала, что не могу обманываться, — теперь это подтвердилось, теперь в душе его та же ясность и определенность, какая, с тех пор как я узнала вас, была и в моих пожеланиях на этот счет. Да, Гарриет, с тех самых пор хотела я, чтобы случилось именно так, — и вот это случилось. Между вами и мистером Элтоном непременно должна была возникнуть взаимная склонность — это было так желательно, естественно, что не скажешь даже, чего тут больше. Это было и вероятно, и уместно в равной мере. Вот привязанность, которою вправе гордиться женщина. Вот узы, которые не сулят ничего, кроме хорошего. Они дадут вам все, что надобно — положение, независимость, дом, достойный вас, — дадут остаться среди всех подлинных друзей ваших, поблизости от Хартфилда и от меня, и навсегда скрепят нашу дружбу. Вот, Гарриет, союз, за который никогда не придется краснеть ни вам, ни мне.

— Мисс Вудхаус... дорогая мисс Вудхаус... — только и способна была лепетать Гарриет в первые минуты, вновь и вновь нежно обнимая своего друга, — и когда между ними все-таки возобновилась наконец более или менее связанная беседа, Эмма ясно увидела, что Гарриет смотрит на вещи, чувствует, предается надеждам и воспоминаниям именно так, как ей надлежит. Преимущества мистера Элтона получили полное признание.

— Что бы вы ни сказали, всегда выходит по-вашему,— воскликнула Гарриет,— и оттого лишь я полагаю, верю и надеюсь, что все это в самом деле так. Иначе мне бы и в голову не пришло. Я не заслуживаю ничего подобного. Мистер Элтон, который мог бы жениться на ком угодно! Уж о нем-то двух мнений быть не может. Все достоинства при нем. Взять хотя бы эти стихи — прелесть! «К мисс...» Надо же так уметь... Неужели он и впрямь разумеет меня?

— Конечно. Для меня тут вопроса нет и для вас не должно быть. Положитесь на мое суждение. Это своего рода пролог к пьесе, эпиграф, предпосланный главе,— за ним не замедлит последовать проза, излагающая существо дела.

— Но кто бы мог предположить... Мне бы месяц назад, право же, и во сне не приснилось!.. Чудеса, да и только!

— Ну как не чудеса, когда мистер Элтон знакомится с мисс Смит,— поистине чудеса, поистине странно, когда вдруг сбывается то, что столь очевидно, столь явно отвечает разумным пожеланиям — отвечает также заветным планам других людей. Вы с мистером Элтоном назначены друг другу самым положением дел, по всем домашним обстоятельствам, его и вашим, вам суждено быть вместе. Брак ваш ничем не уступит тому, который свершился в Рэндалсе. Как видно, в хартфилдском воздухе витает нечто, ведущее любовь по верному пути, направляющее течение ее в нужное русло.

Гладким не бывает путь истинной любви,—

— в хартфилдском издании эта Шекспирова строка была бы снабжена пространным примечанием.

— Чтобы мистер Элтон влюбился не в кого-нибудь, а в меня — хотя я до Михайлова дня ни разу словечком с ним не перемолвилась и знала его только в лицо! И кто влюбился — красавец, каких на свете нет, который к тому же у всех в почете, совсем как мистер Найтли! Повсюду-то он нарасхват — говорят, ему никогда нет надобности садиться за стол в одиночку, разве что по доброй воле, а так и дня не проходит, чтобы не пригласили куда-нибудь. А как прекрасно говорит он в церкви! У мисс Нэш записаны все тексты, на которые он составлял проповеди с тех пор, как приехал в Хайбери. Подумать только! Как вспомню день, когда увидела его в первый раз!.. Могла ли я вообразить! Мы с девицами Эббот как услышали, что он идет мимо, так сразу бегом в ту комнату, где окна на

улицу, и ну глядеть в щелку между шторами — а тут вошла мисс Нэш, забранилась, прогнала нас, а сама осталась поглядеть, но, правда, по доброте сердечной тотчас сжалилась, позвала меня назад и тоже дала посмотреть. И каким же он показался нам красавчиком! Он шел рука об руку с мистером Коулом.

— Это союз, который непременно придется по душе друзьям вашим — кем бы и чем они ни были — если только они способны мыслить здраво, — ну, а соразмеряться в поступках с мнением глупцов нам незачем. Если они желают видеть вас *счастливою* в браке — вот человек, которого легкий нрав служит верным тому залогом! Если надеются, что вы будете жить в той местности и в том кругу, который сами избрали бы для вас, — вот случай, когда это сбудется! Если единая их цель — знать, что вы, как принято выражаться, *удачно* вышли замуж — вот партия, которая обеспечит вам порядочное состояние, прочное положение, поднимет вас на ту ступень общества, которая их удовлетворит!

— Да, правда. Как вы хорошо говорите, заслушаться можно. Все-то вы понимаете. Все умеете — вы и мистер Элтон. Что за шарада!.. Я бы, кажется, год ломала голову, а такого не придумала.

— По тому, как он отнекивался вчера, понятно было, что он не преминет испробовать свое искусство.

— Я только могу сказать, что из всех шарад, какие мне приводилось читать, эта лучшая.

— Во всяком случае, несомненно, как нельзя лучше служит своему назначению.

— И длинная, каких у нас было мало.

— Как раз длина, я считаю, не слишком большое достоинство. Такие штуки, вообще говоря, чем короче, тем лучше.

Гарриет, вновь поглощенная шарадой, не слышала ее. Сравнения самого благоприятного свойства приходили ей на ум.

— Одно дело, — говорила она, а щечки у самой так и пылали, — когда у человека голова как у всякого другого, — понадобилось сказать что-то, он садится и пишет письмо, в котором сказано самое необходимое, и вкратце, — и другое дело сочинять стихи и шарады, вроде этой.

Более решительного неприятия мистера Мартина с его скучною прозой и желать было нельзя.

— Прелесть что за строки! — продолжала Гарриет. — В особенности две последние... Но как вернуть ему листок,

сказать что я нашла разгадку?.. Ах, мисс Вудхаус, как нам теперь быть?

— Предоставьте это мне. Вам делать ничего не надо. Нынче же вечером, я полагаю, он будет здесь, и я верну ему шараду — мы обменяемся незначущими фразами, а вы будете ни при чем. Пускай ваш томный взгляд вспыхнет для него во благовремение.

— Ах, какая жалость, мисс Вудхаус, что эту прекрасную шараду нельзя переписать в мой альбом! Там ни одна не сравнится с нею.

— А что вам мешает? Опустите две последние строки и переписывайте на здоровье.

— Да, но эти две строки...

— Самые лучшие. Согласна — чтобы наслаждаться ими наедине. Вот вы наедине и наслаждайтесь ими. Они не станут хуже оттого, что их отделили от целого. Двустилишние не распадется, и смысл его не изменится. Вы только уберете его, и исчезнет всякий намек на то, кому посвящаются стихи, — останется изящная и галантная шарада, способная украсить собою любое собрание. Уверяю вас, небрежение к его шараде понравится ему не более, чем небрежение к его чувствам. Влюбленного поэта, если уж поощрять, то непременно и как влюбленного, и как поэта, не иначе. Дайте альбом, я запишу ее сама, и уж тогда никто не усмотрит в ней ни малейшей связи с вами.

Гарриет повиновалась, хотя в ее сознании части шарады оставались неразделимы и ей не верилось до конца, что не объяснение в любви записывает в альбом ее подруга. Слишком сокровенными казались ей эти строки, чтобы предавать их гласности.

— Я этот альбом теперь из рук не выпущу, — сказала она.

— Очень хорошо, — возразила Эмма, — вполне естественное побуждение, и чем долее оно не покинет вас, тем мне будет приятней. Однако сюда идет мой батюшка, и вы не станете противиться тому, чтобы я прочла ему шараду. Она доставит ему такое удовольствие! Он обожает подобные вещи, в особенности когда в них сказано что-нибудь лестное о женщинах. Его нежнейшая душа исполнена самой рыцарской галантностью! Позвольте же прочитать ее ему.

Лицо Гарриет изобразило серьезность.

— Гарриет, голубушка, негоже так носиться с этой шарадой... Вы рискуете, в нарушение всех приличий, выдать свои чувства, ежели обнаружите чрезмерную понятливость и готовность и покажете, что придаете шараде боль-

шее, чем следует, значение — что вы вообще придаете ей значение. Пусть столь скромная дань восхищения не обескураживает вас. Если бы он желал строгой тайны, то не оставил бы листок, покамест рядом была я, но ведь он и подвинул его скорее не к вам, а ко мне. Не будем же впадать в излишнюю торжественность по этому поводу. Он обнадежен довольно, и незачем томиться и вздыхать над этой шарадою, дабы подвинуть его на дальнейшие шаги.

— О да! Меньше всего я хотела бы выставить себя из-за нее в нелепом свете. Поступайте, как считаете нужным.

Вошел мистер Вудхаус и вскоре вновь навел разговор на этот предмет, осведомясь, как обычно:

— Ну, мои милочки, как идут дела с альбомом? Есть ли что-нибудь новенькое?

— Да, папа, у нас есть, что почитать вам, кое-что свеженькое. Сегодня утром на столе был найден листок бумаги — оброненный, надобно полагать, некой феей, — а на нем премилая шарада, которую мы только что записали в альбом.

И Эмма прочла ему шараду так, как он любил: медленно, внятно, два или три раза подряд, объясняя по ходу чтения, что означает каждая часть, и мистер Вудхаус остался очень доволен; в особенности, как она и предвидела, приятно пораженный галантными словами в адрес дамы.

— Да, очень уместно сказано, очень кстати. И справедливо. «В блеске томных глаз». Шарада так хороша, душенька, что я без труда угадаю, какая фея принесла ее... Никто не мог бы написать так красиво, кроме тебя, Эмма.

Эмма только кивнула головою и усмехнулась.

После минутного раздумья он с нежным вздохом прибавил:

— Ах, сразу видно, в кого ты пошла. Твоя дорогая матушка великая была искусница по этой части! Мне бы такую память! Но я ничего не помню — даже загадку, которую называл тебе. Ничего не удержалось в голове, кроме первой строфы, а их несколько.

Китти-печурка была холодна,
Но от огня распалилась она.
Я, простофиля, обманутый ей,
Должен платиться одеждой своей,
Шел на огонь, и меня же
Черной измазали сажей¹.

¹ Перевод Р. Сефа.

Вот и все, что мне запомнилось,— а только знаю, что ловко там в конце закручено. Но ты, кажется, говорила, душенька, что она у тебя есть.

— Да, папа,— на второй странице. Мы списали ее из «Изящных извлечений». Она, как вы знаете, принадлежит перу Гаррика.

— Совершенно верно... Жаль, не помню, как там дальше.

Китти-печурка была холодна...

При этом имени мне думается невольно о бедной Изабелле — ее едва было не окрестили Кэтрин, в честь бабушки. Надеюсь, мы увидим ее у себя на будущей неделе. Ты не подумала, душенька, куда ее поместить и какую комнату отвести детям?

— О да! Она, конечно, займет свою комнату, ту, что и всегда,— а для детей есть детская... Все как обычно. Для чего что-то менять?

— Не знаю, душа моя,— но ее так давно не было,— с самой пасхи, да и тогда она приезжала всего на несколько дней. Какое неудобство, что мистер Джон Найтли — адвокат!.. Изабелла, бедняжка, совсем от нас оторвана! Воображаю, как опечалится она по приезду, не застав в Хартфилде мисс Тейлор!

— Для нее это вовсе не будет неожиданностью, папа.

— Как сказать, душенька. Для меня, по крайней мере, было большою неожиданностью, когда я впервые услышал, что она выходит замуж.

— Мы непременно должны позвать мистера и миссис Уэстон обедать, когда Изабелла будет здесь.

— Конечно, милая, если успеем... Ведь она,— удрученным голосом,— приезжает всего лишь на неделю. У нас ни на что не хватит времени.

— Да, обидно, что они не могут остаться дольше,— однако же так диктует необходимость. Двадцать восьмого мистер Джон Найтли должен снова быть в городе, и нужно за то сказать спасибо, папочка, что все их время здесь будет отдано нам, из него не выпадут два-три дня на посещение аббатства. Мистер Найтли обещает на сей раз не предъявлять свои права — хотя у него, как вы знаете, они не были даже дольше, чем у нас.

— Душа моя, просто ужасно было бы, если б Изабелле, бедняжке, пришлось жить не в Хартфилде, а где-то еще.

Мистер Вудхаус никогда не признавал, что у мистера Найтли могут быть права на брата, а у кого-либо, кроме

него самого,— права на Изабеллу. Минуты две он посидел в задумчивости, затем продолжал:

— Только не понимаю, отчего Изабелла тоже обязана ехать так скоро назад, если должен он. Постараюсь-ка я, пожалуй, уговорить ее задержаться. Она и дети могли бы прекрасно побыть у нас еще.

— Ах, папа,— это вам никогда не удавалось и, думаю, не удастся. Для Изабеллы немислимо остаться, когда муж уезжает.

То была неоспоримая правда. Сколь она ни казалась горька, мистеру Вудхаусу оставалось лишь покорно вздохнуть, и Эмма, видя, как он приуныл при мысли, что дочь его привязана к мужу, тотчас перевела разговор на тему, которая не могла не рассеять его грусть.

— Пока мои сестра и брат будут здесь, Гарриет должна проводить у нас как можно больше времени. Я уверена, ей понравятся дети. Детки — наша гордость, верно, папа? Любопытно, кто ей покажется красивее, Генри или Джон?

— Да, любопытно. Бедные крошки, то-то будет им радость приехать сюда. Они так любят бывать в Хартфилде, Гарриет!

— Еще бы, сэр! Кто же не любит здесь бывать!

— Генри — славный мальчуган, настоящий мужчина, а Джон — вылитая мать. Генри — старший, его называли в честь меня, а не отца. В честь отца называли второго, Джона. Кому-то, я думаю, может показаться странным, что не старшего, но Изабелла настояла, чтобы его назвали Генри, чем я был очень тронут. Удивительно смывленный мальчуган. Впрочем, все они на удивление понятливы, и такие милашки! Подойдут, станут подле моего кресла и скажут: «Дедушка, не дадите ли мне веревочку?», а Генри однажды попросил у меня ножик, но я сказал, что ножи делают только для дедушек. Их отец, по-моему, зачастую бывает с ними крутенок.

— Вам так кажется,— сказала Эмма,— потому что сами вы — воплощенная мягкость. Ежели б вы могли сравнить его с другими папеньками, то не подумали бы, что он крут. Он хочет вырастить сыновей деятельными, крепкими и, когда они расшались, может изредка осадить их резким словом, но он любящий отец — мистер Джон Найтли определенно любящий, заботливый отец. И дети платят ему любовью.

— А потом приходит их дядюшка и подкидывает их до потолка, так, что смотреть страшно.

— Но им это нравится, папа, они это обожают! Для них это первое удовольствие, и если бы дядя не завел для них строгий порядок, то самый первый ни за что не уступил бы очередь другому.

— Не знаю, мне это непонятно.

— Но так всегда бывает, паночка. Одной половине человечества всегда непонятно, почему что-то нравится другой.

В четвертом часу, когда девицы, в преддверии обеда, готовились уединиться каждая у себя, вновь пожаловал герой неподражаемой шарады. Гарриет отворотилась, — но Эмма встретила его с улыбкой, как ни в чем не бывало, и зоркий взгляд ее быстро прочел в его глазах сознание того, что жребий брошен — что послан вызов Судьбе. По-видимому, он явился посмотреть, чем это может для него обернуться. Нашелся, кстати, и удобный повод: спросить, состоится ли нынче вечером без него партия у мистера Вудхауса. Если его присутствие хоть в малой степени необходимо, все прочее отступает; если же нет — его друг Коул давно уже с таким упорством зазывает его отобедать — придает этому такое значение, что он условно обещался прийти.

Эмма поблагодарила его, прибавив, что не допустит, чтобы он из-за них обманул надежды друга; партия у ее батюшки, конечно, состоится и без него. Он вновь изъявил готовность — она вновь отказалась, и он уже было собрался откланяться, когда она взяла со стола листок бумаги и протянула ему со словами:

— Ах, да! Вот та шарада, которую вы столь любезно оставили, — спасибо, что вы показали нам ее. Она нас привела в такой восторг, что я позволила себе переписать ее в альбом мисс Смит. Надеюсь, ваш приятель не рассердится. Понятно, я не пошла далее первых шести строк.

Мистер Элтон явно не знал, что сказать. На лице его изобразилась неуверенность, изобразилось замешательство; он пробормотал что-то о «высокой чести», покосился на Эмму, потом на Гарриет, увидел на столе раскрытый альбом и, взяв его, принялся внимательно читать. Эмма, желая замаять неловкость этой минуты, сказала с улыбкою:

— Вы должны принести за меня извинения вашему ДРУГУ, ^{но} шарада его так хороша, что грех ограничивать число ее ценителей одним или двумя. Он может быть уверен, что, куда будет писать столь галантно, снищет одобрение всякой женщины.

— Скажу без колебаний,— отвечал мистер Элтон, хоть в каждом слове его угадывалось колебание,— скажу без колебаний, что... во всяком случае, если чувства приятеля моего совпадают с моими... ежели б он видел, подобно мне, какой чести удостоились его скромные вирши...— вновь обращая свой взгляд на альбом и кладя его обратно,— то, несомненно, счел бы эту минуту счастливейшею в своей жизни.

С этими словами он поспешил удалиться. И очень вовремя, невольно подумалось Эмме, ибо, при всех его отменных и похвальных качествах, речам его присуща была напыщенность, от которой ее разбирал неудержимый смех. Не в силах более противиться ему, она убежала к себе, оставив радости более нежного и возвышенного свойства на долю Гарриет.

ГЛАВА 10

ла середина декабря, но погода по-прежнему не препятствовала девицам более или менее регулярно совершать моцион; и Эмме предстояло поутру навестить с благотворительною целью семью недужных бедняков, живущую неподалеку от Хай-бери.

Путь к уединенной хижине пролегал по Пастырской дороге, которая под прямым углом отходила от широкой, хотя и беспорядочной, главной улицы и на которой, как нетрудно заключить, находилась благословенная обитель мистера Элтона. Сперва нужно было с четверть мили пройти вдоль плохоньких домишек, а там, почти вплотную к дороге, возвышался и дом викария — старый и не ахти какой удобный. Место выбрано было неудачно, однако дом, благодаря стараниям нынешнего своего хозяина, за последнее время сильно похорошел — как бы то ни было, обе путницы, проходя мимо, не преминули замедлить шаг и обратить к нему любопытные взоры. Эмма при этом заметила:

— Вот он. Вот где вам в скором времени не миновать водвориться вместе с вашим альбомом.

А Гарриет:

— Ах, что за дом,— чудо! Как хорош!... Вот они, желтенькие занавески, которыми восхищается мисс Нэш.

— *Теперь* я захоживаю сюда нечасто,— сказала Эмма, когда они пошли дальше,— но *тогда* у меня появится стимул и мало-помалу я сведу близкое знакомство с каждым кустиком и деревцем в этой части Хайбери, с каждым прудиком и каждою калиткой.

В самом доме, как выяснилось, Гарриет ни разу не бывала, и ее так снесало любопытство, что Эмма, по всем явным и скрытым приметам, не могла не усмотреть в нем такое же свидетельство любви, как склонность мистера Элтона приписывать ей живость ума.

— Как бы нам изловчиться зайти туда,— сказала она.— Ни одного благовидного предлога — ни прислуги, о которой я желала бы навести справки у его экономки, ни поручения к нему от моего батюшки.

Она поразмыслила еще, но так ничего и не придумала. Несколько минут минуло в обоюдном молчании, и прервала его Гарриет:

— Мне, право же, удивительно, мисс Вудхаус, что вы не замужем и в ближайшее время не собираетесь замуж! Такая очаровательная...

Эмма рассмеялась.

— Если я и очаровательна, Гарриет, это еще не причина выйти замуж,— отвечала она,— тут надобно счесть очаровательными других — по крайней мере, одного. И мало сказать, что я не собираюсь замуж в ближайшее время,— я вообще не намерена идти замуж.

— Ах, это лишь слова, им нельзя верить.

— Чтобы соблазниться замужеством, мне еще надо встретить человека, превосходящего достоинствами всех, кто встречался мне доньше... О мистере Элтоне,— спохватясь,— как вам известно, речь идти не может... Да я и не *желаю* такой встречи. Я предпочла бы не подвергаться соблазну. Перемена в жизни не принесет мне лучшего, чем то, что я имею. Заранее знаю, что, выйдя замуж, раскаялась бы в этом.

— Возможно ли!.. Как странно слышать от женщины такие рассуждения!

— У меня нет причин, обыкновенно побуждающих женщин к замужеству. Ежели б я полюбила — тогда, конечно, другое дело! Но я никогда не любила и уже вряд ли полюблю, это не в моем обычае и не в моем характере. А без любви менять такую жизнь, как моя, было бы просто глупо. Богатства я не ищу, занятия себе не ищу, положения в обществе тоже — все это есть у меня. Редкая женщина, я полагаю, чувствует себя в доме мужа столь

полновластной хозяйкой, как я — в Хартфилде, и никогда, никогда ни один мужчина не любил бы меня так преданно, как мой отец, ни для кого я не была бы так важна, как для него, всегда права и всегда на первом месте.

— Да, но сделаться старой девой наподобие мисс Бейтс!

— Страшной картинке не придумаешь, Гарриет, и если б я хоть на миг допустила, что стану когда-нибудь похожей на мисс Бейтс — такую же глупенькой, довольной малым, улыбчивой и нудной, такой же неразборчивой и невзыскательной, с тою же склонностью все выбалтывать про всех вокруг, — я бы завтра же вышла замуж. Но между нами, я уверена, сходства быть не может, кроме того, что обе мы не замужем.

— Но вы все-таки будете старой девой! А это так ужасно!

— Не беспокойтесь, Гарриет, бедной старой девой я не буду, а лишь при бедности презренно безбрачие в глазах света. Незамужняя женщина, стесненная в средствах, нелепа, противна — она-то и есть старая дева, извечная мишень для насмешек детворы! Но незамужняя дама с состоянием внушает уважение, ничто не мешает ей быть наравне с другими не только приемлемым, но и приятным членом общества. Такое разграничение не столь несправедливо и вздорно, как может показаться на первый взгляд, ибо от скудости средств нередко оскудевает душа и портится нрав. Люди, которые еле сводят концы с концами и поневоле проводят жизнь в очень замкнутом и, большей частью, низком обществе, отличаются, по преимуществу, скупостью и озлобленностью. Это, впрочем, никак не относится к мисс Бейтс — она лишь на мой вкус чересчур благодушна и глупа, всем другим она очень по нраву, хоть и не замужем, и бедна. Ее душа ничуть не оскудела от бедности — будь у нее один-единственный шиллинг в кармане, она охотно поделилась бы с кем-нибудь половиной, злиться же она просто не умеет, и это очень привлекательная черта.

— Вот как! Но что вы будете делать? Чем займете себя в старости?

— Сколько я могу судить о себе самой, Гарриет, я обладаю умом живым, деятельным, чрезвычайно изобретательным и не понимаю, отчего в сорок или пятьдесят лет мне должно быть труднее занять себя, свои глаза, руки, голову, нежели в двадцать один год. Обычные женские занятия будут тогда столь же доступны мне, как и те-

перь,— может быть, с самою незначительной разницей. Если я меньше буду рисовать, значит, больше читать, если заброшу музыку, значит, возьмусь плести коврики. Если же речь о том, что одинокой женщине некого любить, дарить вниманием,— да, в этом, и точно, уязвимое место незамужнего положения, главное зло, которого следует опасаться. Однако мне оно не угрожает, раз у любимой сестры моей столько детей — мне будет о ком заботиться. Со временем их, по всей видимости, будет довольно, чтобы ответить на всякое движение стареющей души. С ними у меня достанет и надежд и страхов, и хотя моя привязанность никогда не сравнится с родительской, мне так покойнее, меня она больше устраивает, чем горячая и слепая родительская любовь. Племянники и племянницы! Частыми гостями будут племянницы в моем доме!

— А знаете ли вы племянницу мисс Бейтс? То есть видели вы ее, должно быть, сто раз, это понятно,— но знакомы ли вы с ней?

— О да! Нам с нею волей-неволей приходится поддерживать знакомство всякий раз, когда она приезжает в Хайбери. Вот, кстати, пример, способный отбить охоту слишком пылко восторгаться племянницами. Чтобы я, во всяком случае, имея целый выводок юных Найтли, так докучала людям, как она со своею Джейн Фэрфакс? Боже сохрани! При одном имени Джейн Фэрфакс уж берет скука. Каждое письмо ее надобно непременно прочесть всем сорок раз, без конца передавать поклоны всем друзьям — а уж если она удосужится хотя бы прислать своей тетушке фасон корсажа или свяжет для бабушки подвязки, то разговоров хватит на целый месяц. Я желаю Джейн Фэрфакс всяческих благ, но слушать о ней мне надоело до смерти.

Они уже подходили к лачуге, и на этом досужая их беседа оборвалась. Несчастья бедняков всегда внушали Эмме глубокое сострадание, она почитала своим долгом облегчать их как личным вниманием и советами, добротой и терпеливостью, так и щедрыми даяниями. Она знала их нравы, многое им прощала за их невежество и за искушения, коим их подвергает судьба,— не тешила себя романтической надеждой встретить необычайные добродетели у тех, кому столь мало дано было вкусить от просвещения; с живым участием вникала в их невзгоды и оказывала им помощь столь же охотно, сколь и умело. У тех, которых она пришла навестить нынче, нищета отягощалась болезнями, и, пробыв у них сколько требуется, чтобы

утешить и дать добрый совет, она покинула хижину под таким впечатлением от виденного, что, выйдя наружу, сказала:

— Вот зрелище, Гарриет, которое полезно запомнить. Каким пустячным выглядит в сравнении с ним все иное!.. Теперь у меня такое чувство, будто я весь день ни о чем не смогу думать, кроме этих несчастных, а между тем, как знать, не вылетит ли все это очень скоро у меня из головы?

— Вы правы,— отвечала Гарриет.— Несчастные! Невозможно думать ни о чем другом.

— Я полагаю все-таки, впечатление такого рода сотрется не скоро,— говорила Эмма, выходя за низенькую живую изгородь и спускаясь опять на дорогу по расшатанному приступку, к которому вела через сад узкая, скользкая дорожка.— Да, полагаю, не скоро,— повторила она, озираясь на запущенное жилье и вызывая в памяти картину еще большего запустения внутри него.

— Да, конечно! — отозвалась ее спутница.

Они пошли назад. В одном месте дорога плавно поворачивала в сторону, и сразу же за поворотом взорам их предстал мистер Элтон, да так близко, что Эмме едва хватило времени произнести:

— А вот нам, Гарриет, судьба неожиданно-негаданно посылает испытание постоянства в благих помыслах. Ну что ж,— с улыбкой,— надеюсь, если наше сочувствие прибавило страдальцам сил и принесло облегчение, то можно считать, что главное сделано. Важно, чтобы сострадание побуждало нас всеми силами помогать несчастным, а прочее — пустая жалостливость, без всякой пользы растрavляющая душу.

Гарриет не успела пролепетать в ответ: «О да, конечно!» — как они поравнялись с молодым викарием. Разговор, впрочем, первым делом зашел о страданиях и нуждах бедствующей семьи. Мистер Элтон как раз направлялся проведать их. Он сказал, что немного отложит свой визит, и они обменялись покамест ценными соображениями о том, что можно и должно предпринять. После чего он пошел назад проводить их.

«Так сойтись в добрых побуждениях,— размышляла Эмма,— такая встреча на благотворительной стезе! От этого любовь с обеих сторон должна разгореться еще пуще. Не удивлюсь, если она послужит толчком к объяснению — и непременно послужила бы, не будь здесь меня. Как жаль, что я тут оказалась».

Стремясь отделиться от них, она вскоре оставила их вдвоем на дороге, а сама перешла на тропинку, которая тянулась чуть повыше по обочине. Однако буквально через две минуты обнаружилось, что Гарриет, из привычки подчиняться и подражать, сворачивает туда же и что, короче говоря, скоро они будут шагать за нею по пятам. Это никуда не годилось — Эмма тотчас остановилась, нагнулась, загораживая собою тропинку, и сделала вид, будто хочет ту же зашнуровать свой полусапожок, а их просила не останавливаться — она через полминуты пойдет следом. Они так и сделали; когда же время, нужное, по ее подсчетам, на шнуровку, истекло, ей представился удобный повод задержаться еще немного: к ней подошла, с кувшином в руке, девочка из семьи тех самых бедняков — ей было приказано сходить и принести из Хартфилда крепкого бульона. Пойти рядом с ребенком, расспрашивая его и болтая с ним, было более чем естественно — вернее, было бы естественно, когда бы Эмма не имела при этом задней мысли. Таким образом, другие двое могли по-прежнему спокойно идти на отдалении, не видя надобности дожидаться своей спутницы. И все-таки она невольно догоняла их, потому что девочка шла быстро, а они — довольно медленно, и это было совсем некстати, тем более что оба явно увлечены были разговором. Мистер Элтон с воодушевлением что-то рассказывал, Гарриет с довольным видом внимательно слушала, и Эмма, велев девочке идти вперед, уже подумывала о том, как бы ей снова отстать немного, — но тут оба они разом оглянулись, и ей пришлось догнать их.

Мистер Элтон еще не договорил, еще описывал что-то интересное, и Эмма с чувством легкого разочарования поняла, что он всего лишь посвящает свою прекрасную спутницу в подробности вчерашнего обеда у своего друга Коула, и она как раз подроспела к сырам — стилтону и уилтширу, к маслу, сельдерею, свекле и сладкому.

«За этим скоро последовало бы, конечно, нечто более серьезное, — мысленно утешала она себя, — для любящих всякая малость полна значения и всякая малость способна послужить предисловием к тому, что хранится в сердце. Как жаль, что мне удалось лишь ненадолго оставить их вдвоем!»

Они мирно шли втроем, покуда впереди не показалась ограда дома, в котором жил викарий; тогда, повинувшись внезапной решимости хотя бы предоставить Гарриет случай побывать внутри, Эмма вновь обнаружила непорядок

с сапожком и опять замешкалась, затягивая шнурок. Она проворно оборвала его, выкинула в канаву и, окликнув спутников, призналась, что у нее ничего не получается, а идти так дальше невозможно.

— Шнурок оборвался,— сказала она,— не знаю, как теперь дойти до дому. Я оказалась плохой попутчицей, но скажу себе в оправдание, что не всегда со мною столько хлопот. Мистер Элтон, я вынуждена просить позволения зайти к вам в дом и раздобыть у вашей экономки веревочку, тесемку или что-нибудь еще, чтобы ботинок не спал с ноги.

Мистеру Элтону, казалось, ничто не могло доставить большей радости — никто другой не мог бы с такою заботливостью и предупредительностью ввести их в дом и постараться представить им все в наилучшем виде. Комната, куда он привел их, находилась в передней части дома, в ней он проводил большую часть времени; с нею сообщалась другая, задняя,— дверь между ними была открыта, и Эмма прошла туда вместе с экономкой, чтобы там, без помех, воспользоваться ее помощью. Дверь пришлось оставить в том же положении, то есть незакрытой, но она не сомневалась, что мистер Элтон закроет ее. Однако дверь как была приоткрытой, так и осталась, и тогда Эмма принялась занимать экономку несмолкаемым разговором в надежде, что он под шумок изберет для беседы в соседней комнате милый его сердцу предмет. Целых десять минут слышала она лишь звуки собственного голоса. Затягивать далее свое отсутствие было невозможно. Ей оставалось только закончить разговоры и появиться в комнате.

Влюбленные стояли рядышком у окна. Зрелище было самое обнадеживающее, и Эмма на мгновение вкусила сладость торжества, полагая, что ее планы увенчались успехом. Но она обманулась; оказывается, он так и не заговорил о главном. Вел себя как нельзя более приветливо и мило, признался Гарриет, что видел, как они идут мимо и умышленно последовал за ними; отпускал любезности и галантные намеки, но не сказал ничего серьезного.

«Осторожен, очень осторожен,— думала Эмма,— подвигается вперед шагок за шагом и ничего не предпримет без полной уверенности в успехе».

И хотя ее ухищрения пока ни к чему не привели, ей все же лестно было сознавать, что это маленькое происшествие доставило двум другим немало приятных минут и не могло не приблизить их к решающему событию.

Теперь мистера Элтона следовало предоставить самому себе. Руководить и дальше устройством его счастья и торопить ход событий было уже не в ее силах. Вот-вот должна была приехать сестра с семейством, и отныне первою заботой Эммы сделались сначала приготовления, а затем прием дорогих гостей; в течение тех десяти дней, которые им предстояло провести в Хартфилде, ей невозможно, да и не нужно было бы оказывать влюбленным помощь, разве что при случае, невзначай. Впрочем, будь на то их желание, дело могло бы разрешиться очень быстро; а разрешиться так или иначе оно должно было независимо от их желания. Эмма не слишком сожалела, что не сможет уделять им много времени. Бывают люди, которым вредно помогать: чем больше для них делают, тем менее они склонны делать для себя сами.

Приезд мистера Джона Найтли и его супруги в Суррее вызывал на сей раз необычный интерес по той понятной причине, что их не было в здешних местах необычно долго. До этого года они, с тех пор как поженились, неизменно проводили большие праздники частью в Хартфилде, частью в Донуэллском аббатстве — нынешнюю же осенью вывозили детей на морские купанья, и их родственники в Суррее уже много месяцев виделись с ними лишь урывками, а мистер Вудхаус, которого даже ради бедняжки Изабеллы невозможно было выманить в Лондон, не виделся вовсе, вследствие чего пребывал теперь в счастливом и тревожном возбуждении, предвкушая это чрезмерно краткое свидание.

Его очень волновала мысль о том, как перенесет его дочь дорожные тяготы, а также, хотя и меньше, — не устанут ли его лошади и кучер, которым предстояло везти всю компанию по крайней мере половину пути; но опасения его оказались напрасны: мистер Джон Найтли, его жена и пятеро детей, с соответствующим числом нянюшек и мамушек, благополучно проехали все шестнадцать миль пути и прибыли в Хартфилд целехоньки и невредимы. Радостная суeta по их приезде — когда столько сразу надобно было встретить и приветить, обласкать, препроводить и разместить одних туда, других сюда — произвела такой шум и неразбериху, что при любых других обстоятельствах нервы мистера Вудхауса не выдержали бы, да

и при настоящих могли бы выдержать недолго; однако миссис Найтли так считалась с порядками, заведенными в Хартфилде, и с чувствами своего батюшки, что — сколь бы ни было велико ее материнское нетерпение убажить своих малюток, тотчас предоставив им наилучший уход и полную свободу есть, пить, спать и играть сколько им заблагорассудится и без малейших промедлений — детям никогда не дозволялось причинять ему длительное беспокойство и взрослым — слишком рьяно их унимать.

Миссис Найтли была прехорошенькое, изящное создание с приятною, мягкой манерой держаться, приветливая и ласковая по природе, целиком поглощенная своим семейством, преданная жена и страстная мать — и столь нежно привязанная к отцу и сестре, что, когда бы не эти высшие узы, горячее любить, казалось бы, невозможно. Она не видела ни в ком из них ни единого порока. Глубиною и живостью ума она не отличалась, походя в этом на отца, и унаследовала от него также, в значительной мере, хрупкость здоровья; болезненная сама, она вечно дрожала за детей, всего боялась, от всего приходила в нервическое расстройство и была столь же привержена к своему лондонскому мистеру Уингфилду, как ее батюшка — к мистеру Перри. Помимо прочего, они были схожи по благодушию нрава и незыблемой привычке ценить старых знакомых.

Мистер Джон Найтли был высокий господин благородной наружности и недюжинного ума, восходящее светило в своей профессии, домоседливый и семейственный в частной жизни, но внешне суховатый, что мешало ему нравиться всем подряд, — и склонный подчас бывать не в духе. Он был не вздорный человек, не столь часто без причины выходил из себя, чтобы заслужить подобный упрек, и все же характер его был далек от совершенства — да и неудивительно: трудно быть ангелом при обожающей жене. Ее чудесный характер дурно сказывался на его характере. Он в полной мере обладал ясностью и остротою ума, которых недоставало ей, и способен был иной раз на бесцеремонный поступок или суровое слово. У своей прелестной свояченицы он не пользовался большим фавором. Она подмечала малейшую его слабость. В ней больно отзывалась всякая мелочь, обидная для Изабеллы, хотя самое Изабеллу она нисколько не задевала. Возможно, Эмма относилась бы к нему снисходительнее, ежели б он обнаруживал охоту к ней подольститься, но он держался с нею спокойно и просто, как добрый друг и брат, не более того,

не расточая ей в ослеплении похвал — впрочем, даже если бы он на каждом шагу рассыпался перед ней в комплиментах, это никоим образом не заслонило бы от нее величайшее, по ее меркам, прегрешение, в которое он изредка впадал: недостаток почтительной терпимости к ее отцу. Здесь умение сдерживаться порою изменяло ему. В ответ на маленькие странности и страхи мистера Вудхауса у него могло вырваться возражение, столь же разумное, сколь и резкое, и в равной мере бесполезное. Это случалось не так уж часто — ибо, вообще говоря, мистер Джон Найтли читил тестя и вполне готов был воздать ему должное — и все-таки непозволительно часто, на взгляд Эммы, тем более что, даже когда все обходилось благополучно, она сплошь да рядом должна была проводить томительные минуты в предчувствии взрыва. Всякий раз, впрочем, по их приезде радость встречи первое время оттесняла другие чувства, и так как нынешний визит был, по необходимости, столь краток, он обещал пройти в обстановке ничем не омраченной сердечности. Едва только все расселись по местам и успокоились, как мистер Вудхаус, покачав с грустным вздохом головою, обратил внимание своей дочери на печальную перемену, которая совершилась в Хартфилде с тех пор, как она была здесь последний раз.

— Ах, душенька,— молвил он,— это прискорбная история... Бедная мисс Тейлор!

— О да, сэр,— воскликнула та с живым сочувствием,— как должны вы скучать по ней!.. И милая Эмма тоже!.. Что за ужасная потеря для вас обоих! Я так за вас огорчилась! Представить себе не могла, как вы будете обходиться без нее... Поистине печальная перемена... Но у нее, надеюсь, все обстоит благополучно?

— Благополучно, душа моя,— все благополучно, будем надеяться. Сколько я знаю, она чувствует себя сносно на новом месте.

Мистер Джон Найтли при этих словах вполголоса осведомился у Эммы, внушает ли им сомнения рэндалский климат.

— О нет,— никаких! Я никогда еще не видела миссис Уэстон в лучшем состоянии — такой цветущей. В папе всего лишь говорит сожаление.

— К великой чести для них обоих,— последовал галантный ответ.

— Но вы хотя бы достаточно часто видите, сэр? — спросила Изабелла жалостным голоском, попадая прямо в тон отцу.

Мистер Вудхаус замялся.

— Гораздо реже, чем хотелось бы, душенька.

— Позвольте, папа, был лишь один день с тех пор, как они поженились, когда мы их не видели. За этим единственным исключением мы виделись ежедневно, если не утром, то вечером, либо с мистером, либо с миссис Уэстон, а большею частью с ними обоими, и если не здесь, то в Рэндалсе — но чаще, как ты догадываешься, Изабелла, здесь. Они очень, очень щедры на визиты. И мистер Уэстон не менее щедр, чем она. Папа, у Изабеллы составитя превратное впечатление, если вы будете говорить столь удрученно. Каждому ясно, что нам недостает мисс Тейлор,— однако должно быть ясно также, что, благодаря доброте мистера и миссис Уэстон, недостает далеко не в той степени, как мы опасались, и это истинная правда.

— Как тому и следует быть,— сказал мистер Джон Найтли,— как и следовало надеяться, судя по вашим письмам. Она, несомненно, стремится оказать вам внимание, а он человек общительный, ничем не занят, и это не составляет для них труда. Я вам все время говорил, Изабелла, друг мой, что перемена в Хартфидде, по-моему, не столь чувствительна, как вы думаете, и теперь, когда Эмма подтвердила это, вы, надеюсь, будете покойны.

— Что ж, не спорю,— сказал мистер Вудхаус,— да, конечно, не стану отрицать, что миссис Уэстон — бедняжка миссис Уэстон — в самом деле приходит к нам довольно часто — но, однако ж, всякий раз принуждена бывает снова уходить.

— Было бы очень жестоко по отношению к мистеру Уэстону, папа, если б она не уходила. Вы совсем забыли про бедного мистера Уэстона.

— Правда,— благодушно сказал Джон Найтли,— я тоже полагаю, что мистер Уэстон имеет кой-какие права. Мы с вами, Эмма, отважмся взять сторону бедного мужа. Я, будучи и сам мужем, а вы, не будучи женою, по-видимому, одинаково склонны признавать за ним определенные права. Что же до Изабеллы, она достаточно давно замужем, чтобы понимать, сколь удобно считаться со всеми мистерами Уэстонами как можно меньше.

— Я, мой ангел? — вскричала его жена, уловив эти слова и смысл их лишь отчасти.— Вы обо мне говорите? Поверьте, нет и быть не может более ревностной сторонницы брака, чем я,— и когда б не злосчастная необходимость покинуть Хартфилд, я почитала бы мисс Тейлор первую счастливицей на земле, а что до мистера Уэстона,

превосходнейшего мистера Уэстона, то можно ли говорить о моем пренебрежении к нему, коль я думаю, что он заслуживает всего самого лучшего. Редкий мужчина обладает столь прекрасным характером. Не знаю, кто может с ним поспорить в этом, кроме вас и вашего брата. Мне ли забыть, как он в тот ветреный день на пасху запустил для Генри бумажного змея. А с тех пор как в сентябре прошлого года он в полночь сел писать мне записку лишь затем, чтобы успокоить меня, что в Кобэме нет скарлатины, я знаю, что такого славного человека и доброй души не сыскать в целом свете... Ежели кто и заслуживает такого мужа, то, уж конечно, мисс Тейлор.

— Ну, а сынок? — спросил Джон Найтли. — Был он здесь ради такого случая или нет?

— Еще не был, — отвечала Эмма. — Его очень ждали вскоре после свадьбы, но он так и не приехал, а в последнее время о нем вообще не слышно.

— Ты расскажи про письмо, душенька, — сказал ее отец. — Он, как и подобало, прислал бедной миссис Уэстон письмо с поздравлением, и такое учтивое, милое письмо. Она показывала его. По-моему, это весьма похвально. Его ли была эта мысль, трудно сказать. Он, знаете ли, еще молод, и, вероятно, это его дядюшка...

— Помилуйте, папа, ему двадцать три года. Вы забываете, как быстротечно время.

— Двадцать три! В самом деле?.. Хм, никогда бы не подумал — а ведь ему было всего два года, когда не стало его бедной матушки!.. Да, время и впрямь летит быстро — а память у меня никуда не годится. Однако письмо было отличнейшее и доставило мистеру и миссис Уэстон истинное удовольствие. Писано из Уэймута и помечено двадцать восьмым сентября — а начиналось так: «Сударыня!» — дальше я забыл, — и подпись: «Ф. Ч. Уэстон Черчилл»... Это я прекрасно помню.

— Как это благородно и достойно с его стороны! — воскликнула добросердечная миссис Найтли. — Не сомневаюсь, что он прекраснейший молодой человек. Но как печально, что живет не дома, не с отцом! Нельзя не содрогнуться, когда дитя забирают у родителей, из родного дома! Мне никогда не понять, как мистер Уэстон мог расстаться с ним. Отказаться от родного ребенка! Я не могла бы хорошо относиться ни к кому, кто предложил другому сделать это.

— Никто, я думаю, и не относится хорошо к Черчиллем, — холодно заметил мистер Джон Найтли. — Только

не нужно думать, будто мистер Уэстон испытывал при этом те же чувства, какие испытали бы вы, отказываясь от Джона или Генри. Мистер Уэстон не берет все к сердцу, он человек легкий, веселого склада. Принимает вещи такими, каковы они есть, и умеет находить в них хорошее, скорее видя, как я подозреваю, источник утехи в том, что принято именовать «обществом» — то есть возможности пять раз в неделю есть, пить и играть в вист с соседями, — нежели в привязанности домашних и прочем, что можно обрести в кругу семьи.

Эмме не нравилось, что этот отзыв о мистере Уэстоне граничит с осуждением; ее так и подмывало дать ему отпор, однако она совлادала с собою и промолчала. Важнее было сохранить мир и покой — и притом нечто возвышенное, благородное было в приверженности ее зятя семейным устоям, в самодовлеющей ценности для него домашнего очага — отсюда и проистекала его склонность с пренебрежением смотреть на более поверхностные, упрощенные отношения между людьми и на тех, кто их предпочитает... За это можно было простить ему многое.

ГЛАВА 12

обеду ждали мистера Найтли — что не внушало большого восторга мистеру Вудхаусу, который ни с кем не желал бы делить в первый же день общество Изабеллы. Однако Эмма, движимая чувством справедливости, одержала верх; к сознанию, что каждый из братьев вправе рассчитывать на эту встречу, примешивалось у нее особое удовольствие, что ей представился случай пригласить мистера Найтли в Хартфилд после их недавней размолвки.

Она надеялась, что теперь они могут вновь стать друзьями. Ей казалось, что им пора помириться. «Помириться», впрочем, было не то слово. *Она*, конечно, была права, а *он*, хоть и был не прав, никогда бы в том не признался. Об уступке другому, таким образом, речь не шла, но наступило время сделать вид, что оба позабыли о ссоре. Возобновлению дружбы, втайне надеялась Эмма, должно было благоприятствовать то обстоятельство, что, когда он вошел в комнату, при ней находилась одна из племянниц — младшая, симпатичнейшая девица восьми месяцев от

роду, которая впервые пожаловала в Хартфилд и блаженствовала теперь, кружась по комнате на руках у тетки. Ее надежда сбылась, ибо, начавши с серьезных взглядов и сухих, отрывистых вопросов, он незаметно разговорился и отобрал у нее девочку с бесцеремонностью, свидетельствующей о полном дружелюбии. Эмма поняла, что они снова друзья; эта уверенность в первые минуты придала ей духу, а затем и бойкости, и, пока он любовался девочкой, она не удержалась от шпильки:

— Как утешительно, что мы с вами сходимся в суждениях о наших общих племянниках и племянницах! Когда речь идет о взрослых, наши взгляды порою совершенно различны, но в отношении этих детей, я замечаю, между нами всегда царит согласие.

— Ежели бы в оценке взрослых вы более руководствовались природою и были столь же свободны в отношениях с ними от власти прихоти и каприза, как в поведении с детьми, то наши мнения сходились бы постоянно.

— Ну, разумеется, все разногласия происходят от того, что я не права.

— Да,— отвечал он с улыбкой,— и по вполне понятной причине. Когда вы появились на свет, мне уже шел семнадцатый год.

— Существенная разница для того времени,— возразила она,— в ту пору нашей жизни вы, бесспорно, могли судить обо всем гораздо лучше меня — но разве за двадцать один год, прошедший с тех пор, мы не изрядно приблизились друг к другу в способности судить и понимать?

— Да, *изрядно*.

— Но все же не настолько, чтобы я вдруг оказалась правой, ежели мы думаем розно?

— Я все-таки старше на шестнадцать лет и, значит, опытней, а еще имею то преимущество, что я не хорошенькая девица и не балованное дитя. Полноте, милая Эмма, оставимте это и будемте друзьями. А ты, маленькая Эмма, скажи своей тетушке, чтобы не подавала тебе дурной пример, вороша старые обиды, и пусть знает, что, если даже она не совершила ошибку прежде, то совершает ее теперь.

— Вот это верно сказано,— воскликнула Эмма,— очень верно! Будь лучше тетки, когда вырастешь, маленькая Эмма. Постарайся стать в тысячу раз умнее ее и мнить о себе в тысячу раз меньше. А теперь, мистер Найтли, еще два слова, и кончено. В части добрых намерений мы были *оба* правы, и, нужно сказать, живых доказательств того, что я не права, как не было, так и нет. Я только хочу

услышать, что мистер Мартин не очень... не слишком сильно горюет.

— Сильнее невозможно,— был краткий и прямой ответ.

— Вот как?... Право, очень жаль... Ну что ж, теперь пожмемте друг другу руку.

Едва лишь рукопожатие, и притом самое сердечное, состоялось, как появился Джон Найтли и последовали скупые, в истинно английском духе: «Здравствуй, Джордж» и «Джон, как поживаешь», скрывающие под видимой невозмутимостью, едва ли не равнодушием, глубокую привязанность, которая в случае надобности побудила бы каждого из них сделать ради другого все на свете.

Вечер прошел за мирною беседой; мистер Вудхаус на сей раз изменил картам, дабы спокойно и всласть наговориться с душенькой Изабеллой, и маленькое общество само собою разделилось на две части: с одной стороны отец и дочь, с другой братья Найтли; каждая со своим предметом разговора, который лишь изредка становился общим,— а Эмма время от времени вставляла слово то там, то тут.

Братья толковали о своих делах и заботах, причем главным образом тех, которые имели касательство до старшего, гораздо более общительного по природе и большого любителя поговорить. Как мировой судья, он пользовался всякой возможностью обсудить с Джоном ту или иную тонкость закона или хотя бы поделиться с ним любопытным случаем из своей практики; как хозяин, которому приходилось заправлять фермой при фамильном имении, пользовался всякой возможностью рассказать о том, что уродит в будущем году каждое поле, и сообщить все домашние новости, зная, что они не могут не быть интересны его брату, который большую часть жизни провел, как и он, под Донуэллским кровом и имел обыкновение хранить верность своим привязанностям. План водосточной канавы, новый забор, поваленное дерево, который акр земли отвести под пшеницу, а который под брюкву или яровые хлеба — во все это Джон, сколько позволяла ему его более сдержанная натура, вникал с не меньшим интересом, чем сам рассказчик, а ежели словоохотливый брат его что-нибудь оставлял недосказанным, то расспрашивал его чуть ли не с жадностью.

Покуда они заняты были разговором, счастливый мистер Вудхаус изливал душу перед дочерью в потоках приятных сожалений и нежных опасений.

— Изабелла, бедняжечка моя,— говорил он, любовно беря ее за руку и отрывая на несколько минут от усердных трудов над одежкой для кого-то из пятерых ее детей.— Как давно, как ужасающе давно тебя здесь не было! И как ты, должно быть, утомилась в дороге! Тебе надобно пораньше лечь спать, душа моя,— а перед тем я рекомендовал бы тебе съесть овсяной каши... Мы оба с тобой съедим по мисочке. Эмма, душенька, пускай нам всем принесут овсянки, ты согласна?

Эмма была решительно не согласна, прекрасно зная, что оба мистера Найтли незыблемы в своем отвращении к пресловутому лакомству, как и она сама,— и, соответственно, велела подать только две мисочки. Распространяя еще немного в похвалах овсянке и выразив недоумение по поводу того, что почему-то не все едят ее каждый вечер, он с важным и глубокомысленным видом произнес:

— Как это нескладно получилось, душа моя, что ты не сюда поехала осенью, а в Саут-Энд. Я был всегда невысокого мнения о морском воздухе.

— Нам это настоятельно советовал мистер Уингфилд, сэр,— иначе мы бы не поехали. И воздух, и морские купанья,— он очень их рекомендовал для всех детей, а в особенности для Беллы, у которой часто болит горло.

— Хм! А вот Перри, душенька, совсем не уверен, что ей полезно море. Я уж не говорю о себе, я давно убежден — хотя, быть может, до сих пор не имел случая сказать это тебе,— что от моря очень редко бывает польза. Меня, признаться, оно однажды чуть не погубило.

— Ну будет, будет! — вскричала Эмма, чувствуя, что разговор принимает нежелательное направление.— Сделайте милость, не говорите о море. Меня от этого берет тоска и зависть — ведь я никогда его не видела! Объявляю Саут-Энд запретной темой. Изабелла, милая, что ты не спросишь, как поживает мистер Перри? Он никогда не забывает осведомиться о тебе.

— Ах! Славный мистер Перри,— как у него дела, сэр?

— Недурно, очень недурно, только не все благополучно со здоровьем. Бедный Перри страдает разлитием желчи и не имеет времени заняться собой — он мне не раз говорил, что ему недосуг собой заняться,— и это очень прискорбно, но что поделаешь, его у нас постоянно рвут на части. Я полагаю, ни один медик нигде не имеет столь обширной практики. Впрочем, такого знающего медика больше и нет нигде.

— А миссис Перри и дети, как они? Дети очень выросли? Я так люблю мистера Перри! Надеюсь, он скоро навестит нас. Ему приятно будет увидеть моих крошек.

— Я тоже надеюсь, что он придет завтра же, мне необходимо узнать у него кое-что важное насчет себя. Но когда бы он ни пришел, душа моя, пусть непременно посмотрит горлышко у Беллы.

— О, у нее с горлом теперь обстоит настолько лучше, сэр, что я почти не вижу причин тревожиться. То ли это морские купанья сослужили добрую службу, то ли подействовали превосходные припарки, которые мы, по совету мистера Уингфилда, ставили ей с августа месяца.

— Маловероятно, душенька, чтобы ей могли пойти на пользу купанья,— а ежели б я знал, что ты ищешь состав для припарок, то поговорил бы с...

— Тобою, кажется, совсем забыты миссис и мисс Бейтс,— сказала Эмма,— я не слышала, чтобы ты хоть раз о них справилась.

— Ах, да! Добрые Бейтсы — мне так стыдно,— но, впрочем, ты упоминаешь о них почти в каждом письме. Надеюсь, у них все благополучно. Милая старенькая миссис Бейтс — я непременно проведу ее завтра, и детей возьму с собой... Они всегда так радуются, глядя на моих деток... А эта превосходная мисс Бейтс! Вот истинно достойные люди!.. Как они поживают, сэр?

— В общем, неплохо, душенька. Правда, еще месяца не прошло с тех пор, как миссис Бейтс, бедняжка, болела простудой.

— Как мне жаль ее! Но больше всего простуда свирепствовала нынешней осенью. Мистер Уингфилд говорил, что никогда на его памяти не бывало так много случаев простуды и она не протекала столь тяжело — разве что когда это был уже настоящий грипп.

— У нас было^то же самое, душа моя, хотя, быть может, в меньшей степени. Перри говорит, что случаев простуды было очень много, однако не столь тяжелых, какие часто бывают в ноябре. Перри считает, что зимняя погода не так уж вредна для здоровья!

— Не очень, мистер Уингфилд, по-моему, тоже так думает, хотя...

— Ах, бедное дитя мое, беда в том, что в Лондоне всегда нездоровая погода. В Лондоне все нездоровы, иначе и быть не может. Сущее несчастье, что ты вынуждена жить там!.. В такой дали!.. И дышать этим скверным воздухом!..

— Да нет же, сэр,— у нас не скверный воздух. Наша часть Лондона не в пример лучше остальных. Лондон вообще — это одно, а мы — совсем другое, как можно смешивать. На Бранзуик-сквер и поблизости все иначе. У нас столько воздуха! Если бы речь шла о другой части Лондона, то да, мне бы, признаться, там жить не хотелось — другой, которую я нашла бы подходящей для моих детей, больше нет — но у нас воздух замечательно чист! Мистер Уингфилд положительно считает, что в рассуждении воздуха Бранзуик-сквер и его окрестности чрезвычайно благоприятны.

— Ах, душа моя, а все не то, что Хартфилд. Да, вероятно, вам могло быть и хуже — и однако, пробыв неделю в Хартфилде, все вы преображаетесь, вас нельзя узнать. Вот и теперь, надо сказать, у всех у вас, по-моему, далеко не лучший вид.

— Вы находите, сэр? Очень жаль... но уверяю вас, что, не считая легких приступов нервного сердцебиения и головной боли, от которых я не могу до конца избавиться, где бы ни была, я совершенно здорова, а ежели дети были бледненькие, когда их уводили спать, так оттого лишь, что несколько более обычного утомились после долгой дороги и всех радостных волнений. Надеюсь, завтра их вид понравится вам больше, ибо, поверьте, мистер Уингфилд сказал мне, что никогда еще, пожалуй, не провожал нас из Лондона в лучшем состоянии. Надеюсь, вам хотя бы не кажется, что мистер Найтли тоже плохо выглядит,— обращая нежный, заботливый взгляд к своему супругу.

— Средне, душа моя, не могу тебя обрадовать. По-моему, у мистера Джона Найтли тоже далеко не лучший вид.

— Что такое, сэр? Вы это мне? — воскликнул, услышав свое имя, мистер Джон Найтли.

— К сожалению, ангел мой, батюшка находит, что у вас неважный вид,— надеюсь, это просто от усталости. И все-таки напрасно вы не показались перед отъездом мистеру Уингфилду, как я просила.

— Дорогая Изабелла,— вскричал он,— сделайте милость, не беспокойтесь о том, какой у меня вид! Лечитесь сами, лечите и нежьте детей, и хватит с вас — мне же предоставьте выглядеть так, как я считаю нужным.

— Я не совсем поняла,— поспешно вмешалась Эмма.— Вы сейчас говорили брату, что ваш друг, мистер Грэм, намерен выписать управляющего для своего нового имения из Шотландии. Но будет ли толк от этого? Не окажется ли застарелое предубеждение слишком сильным?

Она продолжала в том же духе так долго и так успешно, что когда вновь подошла к отцу и сестре, то услышала лишь безобидный вопрос доброй Изабеллы о Джейн Фэрфакс — и, хотя Джейн Фэрфакс, вообще говоря, не пользовалась особым ее расположением, только рада была присоединить хвalebный голос к голосу сестры.

— Любезная, милая Джейн Фэрфакс! — говорила миссис Найтли. — Я не виделась с нею так давно, не считая случайных, мимолетных встреч в городе! Как счастливы должны быть славная старушка-бабушка и добродетельная тетка ее, когда она приезжает к ним! Мне всегда так обидно за милую Эмму, что Джейн Фэрфакс не может чаще бывать в Хайбери, а теперь, когда дочь полковника Кэмпбелла вышла замуж, полковник и его жена, верно, и вовсе не будут отпускать ее от себя. А она была бы такой прелестной подругой для Эммы.

Мистер Вудхаус, заметив, что совершенно с нею согласен, счел, однако же, нужным прибавить:

— С нами здесь, впрочем, водит дружбу столь же прелестная молодая особа, по имени Гарриет Смит. Тебе понравится Гарриет. Лучшей подруги для Эммы, чем Гарриет, и желать невозможно.

— Очень отраднo слышать это — но одна Джейн Фэрфакс, сколько я знаю, соединяет столь высокие достоинства, как блестящее образование и утонченное воспитание, — и как раз подходит к Эмме по возрасту.

Предмет этот в полном единодушии подвергнут был обсуждению, его сменили другие, столь же значительные — и с тою же приятностью канули в прошлое, однако прежде, чем вечер завершился, мирное течение его опять нарушилось легким всплеском. Явилась овсянка, а с нею и повод для новых разговоров — пространнх восхвалений и отступлений, — категорических утверждений о благотворном ее воздействии на всякий организм и суровых филиппик по адресу тех, которым никогда не удастся сварить ее мало-мальски сносно; к несчастью, в числе этих горемык самым свежим и оттого разительным примером, названным его дочерью, оказалась ее же собственная кухарка, молодая особа, нанятая на время их пребывания в Саут-Энде, которая упрямо отказывалась понять, что госпожа ее разумеет под доброю мисочкой овсянки, сваренной без комков, не круто, но и не слишком жидко. Сколько раз Изабелла ни заказывала ее, она так и не получила вожделенного результата. Это был неожиданный и опасный поворот.

— Мда,— молвил мистер Вудхаус, покачивая головою и устремляя на дочь глаза, полные отеческой тревоги. В ушах Эммы это восклицание звучало так: «Мда! Конца не видно плачевным последствиям твоей поездки в Саут-Энд. У меня нет слов». И несколько мгновений в ней теплилась надежда, что слов и в самом деле не будет и он, помолчав в задумчивости, вновь обретет способность смаковать свою, по всем правилам сваренную овсянку. Однако через несколько мгновений слова все-таки нашлись.

— Я никогда не перестану сожалеть, что ты поехала осенью к морю, а не сюда.

— Сожалеть, сэр? Но отчего же? Уверяю вас, детям это очень пошло на пользу.

— И скажу больше: ежели так уж необходимо ехать к морю, то, во всяком случае, не в Саут-Энд. Саут-Энд нездоровое место. Перри просто поразился, услышав, что ты выбрала Саут-Энд.

— Я знаю, сэр, у многих такое представление, но, поверьте, оно ошибочно... Все мы чувствовали себя там прекрасно, грязи перенесли без малейших осложнений, да и мистер Уингфилд говорит, что считать Саут-Энд нездоровым местом — заблуждение, а ему, несомненно, можно довериться, потому что кому и судить о свойствах морского воздуха, если не ему, тем более что и родной брат его неоднократно ездил туда со своим семейством.

— Если куда и ехать, душенька, то в Кромер. Перри однажды провел в Кромере неделю и полагает, что для морских купаний лучшего места не найти. Открытое море, простор, чистейший воздух. И жить, сколько я понял из его слов, можно на порядочном отдалении от моря — за четверть мили,— что тоже составляет изрядное удобство. Тебе следовало спросить совета у Перри.

— Да, сэр, но расстояние! Вы только подумайте, какая разница — ехать за сто с лишним миль вместо сорока.

— Знаешь, душенька, говоря словами Перри, когда речь идет о здоровье, все прочее не важно, и раз уж ты пускаешься в дорогу, то сорок миль тебе ехать или сто — это не главное... лучше вовсе не трогаться с места, лучше вообще остаться в Лондоне, нежели ехать за сорок миль туда, где воздух хуже. Перри так и сказал. На его взгляд, это был опрометчивый поступок.

Эмма несколько раз пыталась остановить отца, но тщетно, и не очень удивилась, когда при этом замечании ее зять не выдержал.

— Мистеру Перри,— сказал он голосом, в котором

явственно слышалось недовольство,— лучше бы держать свое мнение при себе, когда его не спрашивают. С какой стати должен он поражаться моими поступками? Какое ему дело, везу ли я свою семью в тот приморский город или в этот? Надеюсь, я точно так же, как мистер Перри, имею право полагаться на собственное суждение. Я не нуждаюсь ни в его снадобьях, ни в его указаниях.— Он замолчал и, остыв немного, прибавил уже только с суховатым сарказмом: — Ежели мистер Перри укажет мне, каким образом перевезти жену и пятерых детей за сто тридцать миль с теми же затратами и тем же удобством, как за сорок, то я, как и он, охотно предпочту Саут-Энду Кромер.

— Что верно, то верно,— с готовностью подхватил, улучив момент, мистер Найтли,— ты совершенно прав. Это немаловажное соображение... Да, так вернемся, Джон, к моей мысли о том, что тропу на Лэнгам следует передвинуть, провести правее, чтобы она не шла через наши луга,— я не предвижу здесь затруднений. И никогда не задумал бы ничего подобного, если бы это могло повлечь за собою неудобства для жителей Хайбери, но когда ты представишь себе, где именно пролегает тропа в настоящее время... А впрочем, тут мало что докажешь без карты. Надеюсь, я завтра утром увижу тебя в аббатстве. Мы справимся с картами, и ты скажешь свое мнение.

Мистер Вудхаус был не на шутку взволнован столь резким выпадом против его друга Перри, которому он, признаться, сам того не замечая, во многом приписал собственные мысли и чувства; однако внимание и ласка дочерей мало-помалу успокоили его, а так как один брат был с этой минуты постоянно начеку, а другой лучше держал себя в руках, то подобные неприятности больше не повторялись.

ГЛАВА 13

е было в мире существа счастливее миссис Найтли во время этого краткого пребывания в Хартфилде; с утра, взяв с собою пятерых детей, она отправлялась по старым знакомым, вечером же обсуждала с отцом и сестрою то, что делала утром. Ей одного лишь не доставало: чтобы дни чуть-чуть замедлили свой бег. Это было полное, но быстротечное блаженство.

Вечера они реже отдавали друзьям, чем утра; но все же один из вечеров, притом рождественский, им неизбежно предстояло провести вне дома. Миссис Уэстон слышать ничего не хотела: один раз они должны были отобедать в Рэндалсе и даже мистер Вудхаус, желая поддержать компанию, склонялся к мысли, что это возможная вещь.

Как добраться туда всей компанией — вот вопрос, который он, будь на то его воля, возвел бы до непреодолимой трудности, но так как карета и лошади его зятя уже находились в Хартфилде, то вопрос остался вопросом, и только, притом довольно простым; более того, Эмма сравнительно быстро убедила его, что в одной из карет найдется, вероятно, место и для Гарриет.

Гарриет, мистер Элтон и мистер Найтли, как ближайшие друзья дома, званы были тоже, съехаться предполагалось рано и малым числом, руководствуясь превыше всего вкусами и привычками мистера Вудхауса.

Вечер накануне знаменательного события (а обедать в гостях двадцать четвертого декабря было для мистера Вудхауса событием весьма знаменательным) Гарриет провела в Хартфилде и пошла домой с такою сильной простудой, что, когда бы не ее настоятельное желание вверить себя попечениям миссис Годдард, Эмма ни за что не отпустила бы ее. На завтра Эмма пошла ее проводить и обнаружила, что ей не суждено ехать в Рэндалс. У нее была лихорадка, сильно болело горло; встревоженная миссис Годдард не отходила от ее постели и подумывала о том, чтобы призвать к ней мистера Перри, а сама Гарриет была слишком больна и слаба, чтобы противиться приговору, что ей нельзя воспользоваться заманчивым приглашением, хотя и не могла говорить об этом без горьких слез.

Эмма посидела с ней сколько могла, ухаживая за нею, когда миссис Годдард по необходимости отлучалась; старалась ободрить ее, живописуя, как удручен будет мистер Элтон, когда узнает о ее болезни, — и наконец ушла, оставив ее утешаться приятным сознанием, что без нее званый обед будет ему не в радость, да и всем будет ее недоставать. Едва только отошла она на несколько шагов от двери миссис Годдард, как, явно направляясь к упомянутой двери, ей повстречался мистер Элтон собственной персоной, а когда они медленно шли вдвоем, беседуя о больной — мистер Элтон, прослышав, что ей худо, поспешил к миссис Годдард навести справки и потом явиться в Хартфилд с последними новостями — их нагнал мистер Джон Найтли, который возвращался из Донуэлла с двумя

старшими сыновьями, чей румянец во всю щеку неоспоримо свидетельствовал о том, сколь полезно пробежаться по деревенскому свежему воздуху, и не оставлял сомнений, что с жареным барашком и рисовым пудингом, к которым они теперь поспешали, расправятся в два счета. Далее все двинулись вместе. Эмма в подробностях описывала состояние болящей: «...красное, воспаленное горло, вся пышет жаром, слабый и частый пульс и так далее — она узнала от миссис Годдард, что Гарриет, к сожалению, очень подвержена подобным ангинам и часто внушает ей серьезную тревогу...» — как вдруг мистер Элтон встрепенулся и с крайне обеспокоенным видом воскликнул:

— Ангина?.. Не заразная, надеюсь? Надеюсь, без гнойных пробок? Перри еще не смотрел ее? Вам следует и о себе позаботиться, не только о вашей подруге. Заклинаю вас не рисковать. Отчего к ней не позвали Перри?

Эмма, которая, правду сказать, нисколько не разделяла сих преувеличенных опасений, умерила их, сказав, что больная находится в опытных и заботливых руках, — но предпочла, тем не менее, не рассеивать их до конца, а напротив, слегка поддержать, дав им новую пищу, и вскоре — как бы переводя разговор на иную тему — прибавила:

— Какой сегодня холод! В такую стужу, того и гляди, пойдет снег... Будь нынешний обед в другом доме и обществе, я бы, право, постаралась никуда больше не выходить и отговорила бы батюшку, но так как он уже настроил себя ехать и, сколько можно судить, не слишком чувствителен к холоду, то я не хочу ему мешать, зная, тем более, каким это было бы огорчением для мистера и миссис Уэстон. А вот на вашем месте, мистер Элтон, я бы определенно сочла непогоду причиной не ехать. Вы, кажется, уже немного охрипли, а подумайте, как вам предстоит напрягать голос завтра и сколь утомителен будет для вас этот день. Простая осмотрительность требует, по-моему, чтобы сегодня вечером вы остались дома и поправились.

Мистер Элтон, казалось, не знал, что ответить. Так оно и было, ибо, с одной стороны, ему необыкновенно льстило внимание прекрасной дамы к его особе и не хотелось отклонять ее советы, а с другой, он нимало не расположен был отказываться от визита в Рэндалс; однако Эмма, слишком занятая и увлеченная своими предвзятыми взглядами и замыслами, уже не могла беспристрастно слышать его или ясно видеть — она удовлетворилась его

невнятным подтверждением, что сегодня и правда «холодно, очень холодно», и пошла дальше, радуясь, что избавила его от надобности ехать в Рэндалс и дала взамен возможность целый вечер ежечасно осведомляться о здоровье Гарриет.

— Вы правильно поступаете,— сказала она.— Мы принесем за вас извинения мистеру и миссис Уэстон.

Но не успела она договорить, как услышала, что ее зять любезно предлагает мистеру Элтону воспользоваться его каретою, ежели одна погода служит ему препятствием, а мистер Элтон, не раздумывая, принимает его предложение. Все решилось в одну минуту; мистер Элтон ехал с ними, и никогда еще благообразное, полное лицо его не изображало такого удовольствия, никогда не сияло оно столь широкой улыбкой, а глаза не блестели таким торжеством, как в тот миг, когда он вслед за тем взглянул на нее.

«Хм, странно! — размышляла она.— Предпочтенью ехать в гости, бросив больную Гарриет, когда я нашла для него превосходную отговорку!.. Очень странно!.. По-видимому, во многих мужчинах, особенно холостых, столь сильна тяга, даже страсть к званым обедам — обед в гостях занимает столь почетное место среди их развлечений, занятий, обыкновений, едва ли не обязанностей, что все прочее перед ним отступает,— так, должно быть, обстоит и с мистером Элтоном. Превосходный молодой человек, положительный, приятный, бесспорно, и очень пылко влюбленный в Гарриет — и, однако же, не в силах отказаться от приглашения на обед, должен во что бы то ни стало ехать, куда ни позовут. Странная вещь любовь! Способен обнаружить у Гарриет быстрый ум, но не может ради нее разок отобедать в одиночестве».

Вскоре мистер Элтон отстал от них, и Эмма, отдавая ему справедливость, отметила, что имя Гарриет он произнес при расставании с большим чувством, уверив ее проникновенным голосом, что ранее, чем будет иметь удовольствие вновь с нею свидеться, непременно зайдет к миссис Годдард узнать, как чувствует себя ее прелестная подруга, и надеется принести добрые вести; его прощальные вздохи и улыбки опять расположили ее в его пользу.

Первые минуты прошли в полном молчании, затем Джон Найтли начал:

— В жизни не видывал человека, который так стремился бы произвести хорошее впечатление, как мистер Элтон. Старается прямо-таки в поте лица, особенно перед

дамами. С мужчинами он держится просто и естественно, но когда надобно сделать приятное даме, все лицо его от усердия ходит ходуном.

— Манеры мистера Элтона не безупречны,— возразила Эмма.— Но тому, в ком есть желание сделать приятное, многое следует прощать и многое прощается. Человека, который усердствует, располагая скромными средствами, я предпочту равнодушному совершенству. В мистере Элтоне столько предупредительности и доброжелательства, что их невозможно не ценить.

— Это верно,— не без лукавства произнес, помолчав, мистер Джон Найтли.— По отношению к *вам* в нем точно достаёт доброжелательства.

— Ко мне? — возразила она с изумленной улыбкой.— Не воображаете ли вы, что я имею честь быть его предметом?

— Да, Эмма, должен признаться, подобная мысль посещала меня, и если вы до сих пор о том не думали, то теперь рекомендую вам задуматься.

— Мистер Элтон влюблен в меня?.. Что за нелепость!

— Я этого не утверждаю, однако вам следовало бы хорошенько подумать, так это или нет, и вести себя соответственно. Я считаю, что вы своим поведением подаете ему надежды. Я говорю с вами как друг, Эмма. Оглянитесь вокруг и проверьте, насколько ваши поступки отвечают вашим намерениям.

— Благодарю, но, поверьте, вы ошибаетесь. Мы с мистером Элтоном добрые друзья, не более того.— И она пошла дальше, втайне посмеиваясь над недоразумениями, возникающими подчас, когда кому-то известны не все обстоятельства дела; над заблуждениями, в которые вечно впадают люди, чересчур уверенные в непогрешимости своих суждений,— и не слишком довольная зятем, который мог вообразить, что она слепа, бестолкова и нуждается в чужих советах.

Мистер Вудхаус столь твердо настроил себя на поездку в гости, что, хотя холод крепчал, мысль уклониться от нее, казалось, не приходила ему в голову, и точно в назначенный час он тронулся в путь в своей карете вместе со старшей дочерью, меньше других обращая внимание на погоду, сам дивясь тому, что отважился ехать, и предвкушая, как этому обрадуются в Рэндалсе,— слишком всем этим переполненный, чтобы замечать холод и слишком тепло укутанный, чтобы чувствовать его. А между тем холод завернул нешуточный; к тому времени, как тронулась вто-

рая карета, в воздухе закружились редкие снежинки, а небо нахмурилось так грозно, что при малейшем потеплении обещало очень скоро выбелить всю окрестность.

Эмме сразу бросилось в глаза, что ее попутчик пребывает не в лучшем расположении духа. Приготовления и вылазка из дому в такую погоду, необходимость пожертвовать обществом детей в послеобеденное время были злом или, по крайней мере, неприятностью, которая не вызывала у мистера Джона Найтли ничего, кроме досады, и всю дорогу до дома викария он изливал свое недовольство:

— Сколь же высоким мнением о собственной персоне надобно обладать, чтобы вытащить людей из дому в эдакий денек и залучить к себе в гости. Должно быть, он считает себя неотразимым — я бы не мог так поступить. Величайшая нелепица... Вот уже и снег пошел!.. Что за глупость из чистой прихоти лишать людей удовольствия спокойно сидеть дома — и что за глупость со стороны этих людей лишать себя такого удовольствия ради чьей-то прихоти! Ежели бы нам в подобный вечер пришлось покинуть теплый кров по зову долга или дела, сколь тягостной сочли бы мы такую повинность — а тут, изволите ли видеть, влечемся куда-то по своей воле, одетые, пожалуй, легче обыкновенного, без мало-мальски серьезной причины, вопреки голосу естества, который повелевает нам, во имя верности нашим взглядам и чувствам, сидеть дома самим и не пускать наружу других — влечемся, изволите ли видеть, изнывать от скуки битых пять часов в чужом доме, где мы не скажем и не услышим ничего такого, что уже не было бы сказано вчера и не может быть вновь сказано завтра. Уезжаем в ненастную погоду, с тем чтобы, возможно, ехать назад по еще худшему ненастью! Четырех лошадей и четырех слуг гонят в дорогу, дабы пять праздных, дрожащих от стужи созданий могли сменить теплые комнаты на холодные, приятное общество — на менее приятное.

Эмма не находила в себе сил умильно поддакивать, к чему он, несомненно, был приучен; пролепетать что-либо равнозначное тому: «Вы совершенно правы, мой ангел», которое он, вероятно, слышал всегда от спутницы жизни, но ей достало твердости хотя бы удержаться от ответа. Соглашаться она не могла, ссориться не хотела; ее героических усилий хватило на то, чтобы промолчать. Она предоставила ему говорить, а сама, не размыкая губ, играла лорнеткой и плотнее куталась в накидку.

Подъехали к дому викария; карета развернулась, опустили подножку, и мистер Элтон, весь в черном, шеголева-

тый и улыбающийся, тотчас оказался подле них. Эмма с удовольствием предвкушала перемену в разговоре. Мистер Элтон был сама обаятельность, сама оживленность — он был, правду сказать, столь оживлен, произнося приличные случаю учтивости, что, вероятно, подумала Эмма, располагал иными сведениями о Гарриет, чем те, которые дошли до нее. Одеваясь к обеду, она послала справиться о больной, и ответ был: «Все то же — не лучше».

— Вести, которые я имею от миссис Годдард, — сказала она, когда он сделал передышку, — не столь утешительны, как я надеялась... *Мне* ответили: «Не лучше».

Лицо его мгновенно вытянулось, голос исполнился чувствительности.

— Ах да! — отвечал он. — Сколь ни жаль, но... я как раз собирался сказать вам... когда я, возвращаясь переодеться, наведаясь по пути к миссис Годдард, мне сообщили, что мисс Смит чувствует себя не лучше, ничуть не лучше, скорее даже хуже. Чрезвычайно опечален и встревожен — льстил себя надеждой, что, получив нынче утром известное нам целительное средство, она непременно поправится.

Эмма улыбнулась.

— В части нервов мой визит, возможно, доставил ей облегчение, — сказала она, — однако даже мне не по силам заговорить больное горло. Она в самом деле очень сильно простужена. Ее смотрел мистер Перри, как вы, очевидно, слышали.

— Да, у меня было впечатление... то есть, нет — не слышал...

— Ему хорошо знакомы ее ангины, и я надеюсь, завтрашнее утро принесет нам более добрые вести. Но все-таки за нее нельзя не тревожиться. Какая потеря для нашего сегодняшнего общества!

— Ужасающая!.. Да, именно так... Ее будет не хватать каждую минуту.

Ответ был надлежащий — вздох, которым он сопровождался, мог вызвать лишь одобрение; однако непродолжительность печали противоречила всем правилам. Эмму неприятно поразило, что уже через полминуты он заговорил о другом, и прежнее радостное воодушевление слышалось в его голосе.

— Что за превосходная мысль, — говорил он, — пользоваться в карете овчинным пологом. Какое удобство создает подобная предусмотрительность — вовсе не чувствуется холод! Право же, современные приспособления довели ка-

рету благородного человека до совершенства. Путник огражден и защищен от капризов погоды столь надежно, что ни единое дуновение воздуха не проникает к нему без его воли. Погода просто теряет значение. Сегодня очень холодно, а мы сидим себе здесь и в ус не дуем... Ха! Смотрите, вот и снежок пошел.

— Да,— отозвался Джон Найтли,— и думаю, нас ждет обильный снегопад.

— На то и рождество,— заметил мистер Элтон.— По времени и погода — и вы подумайте, как счастливо для нас сложилось, что снегопад не начался вчера и не помешал нашей сегодняшней поездке,— а очень мог бы, потому что мистер Вудхаус вряд ли решился бы ехать, если б накануне выпало много снега,— ну, а нынче он нам не страшен. Теперь самое время для дружеских встреч. На рождество всякий созывает к себе друзей, и мало кто задумывается о погоде, как бы она ни злилась. Однажды я из-за снегопада на неделю застрял в доме приятеля. Вспоминаю об этом с наслаждением. Приехал на один вечер и не мог выбраться обратно ровно семь суток.

Лицо мистера Джона Найтли изобразило неспособность постигнуть, в чем заключалось наслаждение, однако он ограничился сухим возражением:

— Не желал бы я из-за снегопада застрять на неделю в Рэндалсе.

В другое время Эмму позабавил бы этот разговор, но теперь все прочие чувства в ней заглушало недоумение. Мистер Элтон в радостном предвкушении званого обеда, казалось, и думать забыл о Гарриет.

— Нас ждет пылающий камин, уют и нега,— продолжал он.— Очаровательные люди мистер и миссис Уэстон. Миссис Уэстон поистине выше похвал, а он — воплощение всего, что мы ценим в ближнем, такой гостеприимный хозяин, любитель общества — на сей раз оно будет немногочисленно, однако когда небольшое общество составляют избранные, ничто, пожалуй, не может быть приятнее. В столовой миссис Уэстон с удобством помещаются десять человек, не более, и, если вы спросите меня, я скажу, что предпочтительнее в подобном случае недосчитаться двух из этого числа, нежели двух к нему прибавить. Вы, думаю, поддержите меня,— оборотясь с умильным видом к Эмме,— в вашей согласии я, думается, могу быть уверен, хоть мистер Найтли, привыкший к многолюдным вечерам в столице, быть может, и не вполне разделяет наши взгляды.

— Я не имею никакого представления, сэр, о многочисленных вечерах в столице — я никогда и ни к кому не езжу обедать.

— Вот как? — С изумлением и жалостью: — Не предполагал, что занятия юриспруденцией — столь рабский труд. Что ж, сэр, придет, должно быть, время, когда вам за все это воздастся, когда в жизни вашей будет меньше трудов и гораздо больше удовольствий.

— Для меня, — возразил Джон Найтли, когда карета въезжала в ворота, — первым удовольствием будет вновь подобру-поздорову очутиться в Хартфилде.

ГЛАВА 14

ри входе в гостиную миссис Уэстон двум джентльменам потребовалось несколько изменить выражение лица: мистеру Элтону — придать спокойствие своим сияющим чертам, мистеру Джону Найтли — разгладить нахмуренное чело. Одна только Эмма могла оставаться такою, как ей подсказывала природа, и открыто предаваться своей радости. Она всегда радовалась случаю побыть с Уэстонами. Мистер Уэстон пользовался особенным ее расположением, и не было на свете человека, с которым она могла бы делиться всем столь откровенно, как с его женою, — говорить со столь твердым убеждением, что ее выслушают и поймут с полуслова, с интересом входя в подробности домашних дел, как приятных, так и затруднительных; в подробности будничных событий и недоразумений, относящихся к ней и ее батюшке. Все, что имело касательство до Хартфилда, находило живейший отклик в душе миссис Уэстон, и не было для них обеих большей отрады, чем посидеть полчасика вдвоем, толкуя о тех незначущих предметах, из коих ежедневно складывается счастье домашней жизни.

Не всякий день в гостях друг у друга дарил им это удовольствие, и уж подавно не обещали его те полчаса, которые оставались теперь до обеда, однако само присутствие миссис Уэстон, ее улыбка, прикосновение, голос были приятны Эмме, и она решила поменьше размышлять о странностях мистера Элтона и больше радоваться тому, что способно доставить радость.

Незадачу с простудою Гарриет обстоятельно обсудили еще до ее приезда. Мистер Вудхаус, благополучно водворенный в кресла, успел поведать эту историю, а заодно, и со всевозможной обстоятельностью, историю своего с Изабеллой путешествия сюда и долженствующего быть приезда Эммы им вослед, изъявил свое удовлетворение возможностью для Джеймса свидеться с дочерью — и как раз договаривал последние слова, когда явились остальные и миссис Уэстон, принужденная до той минуты всецело заниматься им одним, могла подняться навстречу своей любимице.

Положа себе на время выкинуть из головы мистера Элтона, Эмма, когда все общество расселось по местам, не без досады обнаружила, что он расположился подле нее. Как было ей не думать о его непонятной бесчувственности в отношении Гарриет, когда он мало того что поместился у ней под самым боком, но и непрестанно подставлял ей на обозрение свою сияющую физиономию, назойливо адресуясь к ней при всяком удобном случае! Он не только не давал ей забыть о нем, но всем поведением своим неизбежно внушал ей тайную мысль: «Неужели то, что вообразил мой брат, правда? Возможно ли, чтобы этот человек в самом деле начал переносить свои нежные чувства на меня, отвратясь от Гарриет?.. Нелепо, нестерпимо!» А между тем он изъявлял в своих речах столько заботы о том, довольно ли она согрелась, столько участия к отцу ее, столько восторгов, что очутился в обществе миссис Уэстон, и наконец принялся со столь великим жаром и малым разумением восхищаться ее картинами, что ужасно всем этим напоминал ретивого влюбленного, и Эмме стоило больших усилий держаться в ответ на все это в рамках, предписываемых хорошим воспитанием. Из уважения к себе она не могла отвечать грубостью; из уважения к интересам Гарриет — в надежде, что все еще образуется — вела себя, более того, с отменной учтивостью, но это давалось ей нелегко, тем более что у других в самый разгар трескотни мистера Элтона завязался разговор, который ей в особенности любопытно было бы послушать. По тому, что все-таки долетало до нее, она поняла, что мистер Уэстон рассказывает им о сыне; слова «мой сын», «Фрэнк», и снова «сын мой» несколько раз достигали ее слуха, а по другим обрывкам слов можно было догадаться, что он извещает их о скором приезде сына, однако она еще не успела унять мистера Элтона, когда разговор неотвратно покатился дальше и возвращать его вспять наводящим вопросом было бы неловко.

Здесь нелишне заметить, что, вопреки намерению Эммы никогда не выходить замуж, было в имени, в образе мистера Фрэнка Черчилла нечто неизменно для нее притягательное. Часто — и особенно часто с тех пор, как его отец женился на мисс Тейлор — ей приходило на ум, что ежели все же ей *привелось бы* выйти замуж, то по годам, по званию, по состоянию никто не подошел бы ей более его. Казалось, самые узы между их семьями с определенностью указывали, что он назначен для нее. Нельзя было не предположить, что всякому, который знает их, сама собою напрашивается мысль об их союзе. В том, что ее лелеют мистер и миссис Уэстон, она не сомневалась ни минуты, и, хотя не собиралась, сколько бы он или кто-нибудь еще ни склонял ее к тому, отказываться от нынешнего своего положения, ибо не верила, что другое может сулить ей столь же изобильные блага, в ней велико было желание увидеть его, воочию убедиться в его достоинствах, самой произвести хорошее впечатление, а сознание, что друзья мысленно соединяют их имена, не лишено было для нее приятности.

При таковом умонаправлении Эммы галантности мистера Элтона пришлось отчаянно не ко времени; ей оставалось лишь то утешение, что хотя вся она внутри кипит от злости, но вид сохраняет самый вежливый — а прямодушный мистер Уэстон наверняка не утерпит и до скончания вечера еще раз огласит свою новость, хотя бы в общих чертах. Так и случилось — ибо, когда обед принес ей счастливое избавление от мистера Элтона и она оказалась за столом рядом с мистером Уэстоном, он воспользовался первою же передышкой от своих обязанностей хозяина, первою же минутой после того, как нарезал седло барашка, чтобы сообщить ей:

— Нам здесь недостает лишь двоих для ровного счета. Сюда бы еще вашу хорошенькую приятельницу, мисс Смит, и моего сына — и тогда я сказал бы, что все в сборе. Вы, ежели не ошибаюсь, не слышали, как я говорил в гостиной, что мы ждем Фрэнка? Я нынче утром получил от него письмо — он будет через две недели.

Эмма с подобающей долей сдержанности отвечала, что ей очень приятно слышать это, и от души подтвердила, что мистер Фрэнк Черчилл и мисс Смит как нельзя удачнее дополнили бы собою их кружок.

— Он собирается приехать еще с сентября месяца, — продолжал мистер Уэстон, — только о том и пишет в каждом письме, но он не свободен распоряжаться своим вре-

менем. Ему приходится угождать другим, а этим другим, между нами говоря, зачастую нельзя угодить иначе, как довольно многим жертвуя. Но на сей раз у меня нет сомнений, и ко второй неделе января мы все-таки увидим его здесь.

— То-то будет вам радость! Вероятно, и миссис Уэстон рада не меньше вас, ведь ей так не терпится познакомиться с ним.

— Была бы рада, когда б не полагала, что все кончится новой отсрочкой. В ней нет такой уверенности, как во мне, что он приедет,— однако ей хуже моего известна подоплека этого дела и участвующие в нем лица. А суть, видите ли, в том,— но это уже сугубо между нами, об этом я там в гостиной даже не заикался, в каждом семействе, знаете, есть свои тайны,— так вот, суть в том, что на январь в Энском приглашены гости, и Фрэнк может приехать лишь в том случае, ежели этих гостей отменят. Иначе ему нельзя тронуться с места. Ну, а мне доподлинно известно, что их отменят, так как именно этих знакомых терпеть не может некая особа, пользующаяся в Энскоме достаточным влиянием, и хотя раз в два-три года их почитают нужным приглашать, но всякий раз, когда доходит до дела, отменяют. Я твердо знаю наперед, чем это кончится. Голову даю на отсечение, что до середины января Фрэнк будет здесь, но добрая наперсница ваша,— указывая кивком головы на другой конец стола,— столь чужда всяческой блажи сама и не приучена была встречаться с нею в Хартфилде, что не может принимать в расчет ее последствия, как это издавна привык делать я.

— Мне жаль, если в этом деле нет полной определенности,— возразила Эмма,— однако я склонна принять вашу сторону, мистер Уэстон. Раз вы считаете, что он приедет, значит, и я буду так считать, ибо вам лучше судить, каковы порядки в Энскоме.

— Да,— полагаю, что я отчасти вправе составить себе таковое суждение, хотя ни разу в жизни там не был. Эта дама гораздо на причуды!.. И все же из-за ее отношения к Фрэнку я не позволяю себе дурно о ней отзываться — по-моему, она искренне его любит. Одно время я думал, что никого, кроме себя, она любить не способна, но к нему она всегда была добра — на свой лад, то есть не без причуд, и прихотей, и желаний во всем непременно поставить на своем. И ему делает, на мой взгляд, немалую честь то, что он умел возбудить в ней подобное чувство, ибо — пусть я никому больше об этом не обмолвлюсь — все

прочие находят в ней каменное сердце и дьявольский нор.

Эмме предмет сей был столь любезен, что, едва только дамы перешли в гостиную, как она завела о нем речь с миссис Уэстон, поздравив ее — однако заметив при этом, что первой встречи, она знает, мы всегда ожидаем с тревогой. Миссис Уэстон согласилась, но, впрочем, прибавила, что предпочла бы знать поточнее, когда именно ей предстоит испытать волнения первой встречи, «потому что я не слишком полагаюсь на то, что он придет. Я не столь радужно смотрю на вещи, как мистер Уэстон. Боюсь, как бы все это не кончилось ничем. Мистер Уэстон сообщил вам, вероятно, как обстоят дела».

— Да,— все зависит, кажется, единственно от капризов миссис Черчилл, а они, сколько я понимаю, отличаются редкостным постоянством.

— Эмма, дитя мое! — возразила, улыбаясь, миссис Уэстон.— Как связать постоянство с переменчивостью? — И, отнесясь к Изабелле, которая до сих пор не следила за их разговором: — Знайте, дорогая миссис Найтли, что, на мой взгляд, у нас вовсе нет оснований для той уверенности, что мистер Фрэнк Черчилл посетит нас, какую питает его отец. Это целиком зависит от воли и благорасположения его тетушки или, попросту говоря, от ее настроения. Вам — дочерям моим — я не побоюсь сказать всю правду. Миссис Черчилл единовластно царствует в Энском, и куда как своенравна — придет он или нет, зависит от того, пожелает ли она его отпустить.

— Ох, уж эта миссис Черчилл, кто же ее не знает,— отозвалась Изабелла,— бедный юноша, не могу о нем подумать без сострадания. Что за пытка, должно быть, жить под одною крышей с человеком, у которого такой скверный нрав. Нам, к счастью, не дано было это изведать, но каждому и без того понятно, это не жизнь, а сущее наказание. Хорошо еще, что у нее нет и не было своих детей! Как она мучила бы их, бедняжек!

Эмме жаль было, что им с миссис Уэстон нельзя остаться вдвоем. Тогда она узнала бы больше — при ней одной миссис Уэстон говорила бы с откровенностью, на которую не отваживалась в присутствии Изабеллы, и, полагала она, вряд ли старалась бы скрыть что-либо, относящееся до Черчиллов, помимо суждений о молодом Черчилле, подсказанных ей собственным чутьем и воображением. Покамест, однако, прибавить к сказанному было нечего. Вослед им вскоре перешел в гостиную и мистер

Вудхаус. Надолго засиживаться в мужском обществе после обеда казалось ему нестерпимой повинностью. Ни вино, ни беседа не имели цены в его глазах, и он рад-радешенек был перебраться поближе к тем, с которыми всегда чувствовал себя легко и свободно.

Тут-то, покуда он ворковал с Изабеллой, Эмма и воспользовалась удобною минутой.

— Итак, у вас, значит, нет твердой уверенности, что сын ваш придет. Жаль. В первом знакомстве мало приятного, когда бы оно ни совершилось, и чем скорей оно произойдет, тем лучше.

— Да,— и с каждою отсрочкой невольно нарастает предчувствие новых отсрочек. Боюсь, если даже визит этих знакомых, Брейсуэитов, отменят, все равно отыщется какой-нибудь предлог обмануть наши ожидания. О нежелании с его стороны я не могу и мысли допустить, зато убеждена в великом желании Черчиллов держать его при себе. Они его ревнуют. Даже его уважение к отцу внушает им ревность. Короче говоря, у меня нет большой надежды, что он придет, и лучше бы мистер Уэстон не ликовал раньше времени.

— Он обязан приехать,— сказала Эмма.— Пускай хоть на два дня — обязан, и как-то трудно себе представить, чтобы взрослый молодой человек не властен был распоряжаться собою даже в столь скромной мере. Я понимаю, молоденькую *женщину*, попади она в дурные руки, немудрено мелочным тиранством удерживать вдали от тех, с которыми ей хочется быть, но чтобы молодого *мужчину* держали в такой узде, что ему нельзя, при желании, на недельку навеститься к родному отцу,— это невероятно.

— Надобно сперва побывать в Энскуме да разобраться, каковы там порядки, а уж после решать, что ему можно, а что нельзя,— возразила миссис Уэстон.— Вероятно, подобную осторожность следует соблюдать всякий раз, когда мы беремся судить о поведении отдельного лица или же семейства, и уж тем более нельзя исходить из общих правил, составляя суждение об Энскуме,— там все подчиняется *ей*, а для нее законы не писаны.

— Да ведь она обожает племянника, души в нем не чает. Сколько я себе представляю, для особы вроде миссис Черчилл естественно было бы, ничем не поступаясь ради мужа, которому она обязана всем на свете — помыкая *им*, как ей взбредет на ум, сплошь да рядом,— идти в то же время на поводу у племянника, которому она не обязана решительно ничем.

— Голубчик Эмма, вам ли с вашим добрым нравом разгадывать чей-то вздорный иль устанавливать для него правила — пусть его следует своим правилам. Не сомневаюсь, что к голосу племянника прислушиваются подчас с большим вниманием, но очень может быть, что ему невозможно знать наперед, *когда* выдастся такой час.

Эмма выслушала и заметила холодно:

— Все равно, что ни говорите, а он должен приехать.

— Он может иметь огромное влияние в одних вопросах и ничтожное — в других, а вопрос, ехать ли ему к нам, скорей всего, относится как раз к числу тех, в которых миссис Черчилл недоступна его влиянию.

ГЛАВА 15

Вскоре мистер Вудхаус уже готов был пить чай, а откушав чаю, был совершенно готов ехать домой, и три его собеседницы наперебой старались отвлечь его внимание от часовой стрелки, покуда к ним не присоединятся остальные мужчины. Мистер Уэстон, человек словоохотливый, общительный, был не охотник торопить минуту расставанья, но наконец к обществу в гостиной прибыло-таки пополнение. Одним из первых, и в наилучшем расположении духа, вошел мистер Элтон. Миссис Уэстон с Эммою сидели на софе. Он сразу направился к ним и, не дожидаясь приглашения, уселся между ними.

Эмма, также в приятном настроении, освежась увлекательными спекуляциями о видах на приезд мистера Фрэнка Черчилла, не прочь была сменить гнев на милость, предав забвению недавние его оплошности, и, когда он первым делом заговорил о Гарриет, она приготовилась слушать с самою приветливой улыбкой.

Он объявил, что до крайности озабочен состоянием ее приятельницы — ее милого, доброго, прелестного друга. Что слышно? Не поступило ли новых известий за то время, покуда они в Рэндалсе? Он очень беспокоится — он должен признаться, что природа ее недуга внушает ему серьезные опасения. И так далее, в том же похвальном ключе, не слишком прислушиваясь к тому, что ему говорят в ответ, но столь уместно встревоженный зловещими свойствами тяжелой ангины, что Эмма не судила его строго.

Но вот речи его приняли несколько странное направление; не столько из-за Гарриет, почудилось вдруг, боится он, как бы ангина не оказалась тяжелой, сколько из-за нее самой; не то ему страшно, что в горло Гарриет может проникнуть инфекция, а скорее то, что инфекция может передаваться ей. Он с жаром уговаривал ее до поры до времени не входить больше в комнату больной — *обещать* ему, что она не станет подвергать себя такому риску, пока он не повидает мистера Перри и не узнает его мнение, и, как ни старалась Эмма обратить разговор в шутку и вернуть его в должное русло, преувеличенной заботе мистера Элтона о ее персоне не видно было конца. Она начинала терять терпение. Похоже было — что греха таить, — он в самом деле тщился показать, будто влюблен в нее, а не в Гарриет; презренное, гнусное непостоянство, ежели так!.. Эмме стоило труда сохранять хладнокровие. Ища союзницы, он воззвал к миссис Уэстон: не окажет ли она ему поддержки? Не присоединит ли свой голос к его увещаниям, что мисс Вудхаус не следует бывать у миссис Годдард, пока не подтвердится, что болезнь мисс Смит не заразна? Мисс Вудхаус должна обещать это, иначе он не успокоится, — не употребит ли миссис Уэстон свое влияние в помощь ему?

— Столько заботы о других, — продолжал он, — и такое небрежение к себе! Желать, чтобы я нынче остался дома лечиться от простуды, а себя подвергать опасности заразиться гнилою ангиной! Где же справедливость, миссис Уэстон? Будьте нам судьей. Не вправе ли я попенять ей за это? Полагаюсь на любезную помощь вашу и поддержку.

Эмма видела, что миссис Уэстон удивлена — и весьма, должно быть, — обращением, в коем он каждым словом, всею манерою своею, присваивал право принимать в ней первостепенное участие; сама она, оскорбленная, возмущенная до глубины души, не находила слов для достойного ответа. Она лишь смирившись его взглядом — но таким взглядом, который, думалось ей, должен привести его в чувство, — а затем, встав с софы, пересела к сестре и уж более не удостоивала его вниманием.

Узнать, как принял мистер Элтон этот безмолвный выговор, она не успела, ибо тотчас вслед за тем произошло новое событие: мистер Джон Найтли, выйдя проверить, какова погода, воротился и объявил во всеуслышание, что на дворе валит снег, все кругом занесло и сильно метет и, обращаясь к мистеру Вудхаусу, заключил:

— Куда как браво открываете вы зимний сезон, сэр! Для кучера и лошадей ваших будет внове прокладывать дорогу сквозь снежный буран.

Бедный мистер Вудхаус онемел, пораженный ужасом, зато все прочие дружно заговорили — одних это удивило, других не удивило; одни задавали вопросы, другие бодрились. Миссис Уэстон и Эмма изо всех сил старались успокоить мистера Вудхауса и отвлечь его внимание от зятя, который, с торжеством и изрядной бесчувственностью, продолжал:

— Я был в восхищении, сэр, — говорил он, — когда вы отважно пустились в путь по такой погоде, хотя не могли не видеть, что очень скоро пойдет снег. Всякому ясно было, что снега не миновать. Я восхищен вашею твердостью и не вижу причин сомневаться, что мы превосходно доедем до дому. Едва ли за час-другой дорогу окончательно завалит снегом, да и на то у нас две кареты — перевернет ветром *одну* в открытом поле, так неподалеку будет другая. Глядишь, к полуночи и доберемся до Хартфилда в полной сохранности.

Мистер Уэстон, тоже по-своему торжествуя, признался, что уже некоторое время знает про снегопад, но помалкивал из опасения, как бы мистер Вудхаус не всполошился и не заспешил домой. Но говорить, что такой снег помешает им доехать, можно разве что в шутку — увы, они могут ехать без всяких опасений. Он пожалел, что дорогу не завалило снегом — уж тогда-то он бы оставил гостей в Рэндалсе, — и изъясил простодушную уверенность, что всем им нашлось бы место, призвав жену подтвердить, что, слегка пораскинув умом, можно было бы всех их прекрасно устроить на ночь, от чего она несколько смешалась, зная, что в доме есть только две свободные комнаты.

— Что же делать, Эмма, душенька?.. Что делать?.. — только и способен был восклицать мистер Вудхаус в первые минуты. У нее искал он утешения, и, лишь когда она уверила его, что никакой опасности нет, напомнив, что у них отличные лошади, что Джеймс мастер своего дела, а вокруг так много друзей, — лишь тогда он немного ожил.

Не меньше его всполошилась и старшая дочь. Воображение рисовало ей страшную картину, как они застрянут в Рэндалсе, отрезанные от Хартфилда и от детей; убежденная, что ехать по такому снегу впору лишь людям отчаянным, но не в силах вынести промедления, она ратовала за то, чтобы отцу и Эмме остаться в Рэндалсе, а ей самой

с мужем безотложно отправиться в дорогу, какие бы непроходимые сугробы ни намело за это время.

— Велите немедленно закладывать, ангел мой, — сказала она, — думаю, еще есть кой-какая надежда пробраться, если выехать немедленно, — ну, а в крайнем случае, я вылезу и пойду пешком. Ничего страшного. Спокойно пройду пешком, хотя бы и полдороги. Дома сразу же сменю обувь, только и всего, я от таких вещей не простужаюсь.

— Вот как! — возразил он. — Тогда, дорогая моя Изабелла, это не иначе как чудеса, потому что, вообще говоря, вы простужаетесь от всего на свете. Идти домой пешком!.. Мило вы обуты для такой прогулки, нечего сказать. Тут даже лошадям придется туго.

Изабелла, обратясь к миссис Уэстон, спросила, одобряет ли она ее план. Миссис Уэстон ничего не оставалось, как ответить утвердительно. Тогда Изабелла подошла к Эмме, но Эмма не спешила отказаться от надежды уехать всем вместе; они так и не порешили ни на чем, когда вернулся мистер Найтли, который вышел из комнаты, едва только брат его объявил о снегопаде, и сказал, что был на дворе и готов поручиться, что, когда бы им ни вздумалось выехать, сию минуту или через час, они доедут домой без малейшего труда. Он выходил за ворота — прошелся по дороге на Хайбери — снега выпало от силы на полдюйма, кое-где лишь слегка припорошило землю; сейчас еще падают редкие снежинки, однако тучи расходятся и по всему видно, что снег скоро кончится. Он заглянул и в кучерскую, и оба кучера согласились с ним, что опасаться нечего.

Изабелла приняла эту весть с превеликим облегчением, да и Эмма обрадовалась ей не меньше, из-за отца, который мгновенно успокоился, сколько позволяла ему его нервическая организация — то есть, иными словами, не мог после пережитых волнений быть совершенно покоен, покуда оставался в Рэндалсе. Он утвердился в мысли, что ехать теперь домой безопасно, но никакими силами нельзя было внушить ему ту мысль, что и остаться безопасно тоже, и между тем как другие занимались советами да уговорами, мистер Найтли с Эммою уладили дело, обменявшись короткими фразами:

— У вашего батюшки душа не на месте, отчего вы не едете?

— Остановка за другими, я готова.

— Тогда я позвоню?

— Извольте.

Сказано — сделано: он позвонил и велел подавать кареты. Пройдут считанные минуты, уповала Эмма, и ее беспокойных спутников доставят домой; одного — протрезвиться и остыть, а другого — опомниться и прийти в себя после всех бурь и треволнений этой поездки.

Кареты были поданы; хозяин дома и мистер Найтли бережно проводили к одной из них мистера Вудхауса, который всегда в подобных случаях был предметом первой заботы; но как ни пытались оба они обнадежить его, все же, при виде снега на земле и темных туч на небе, в нем снова ожила тревога. Их ждет, он боится, тяжелая дорога. Изабелле, бедняжке, придется трудно. И каково-то будет Эмме, бедняжке, ехать позади. Что бы такое придумать, он не знает. Им следует по возможности держаться всем вместе — и призван был Джеймс, и получил наставление ехать потихоньку и не отрываться от второй кареты.

Вслед за отцом в карету села Изабелла, а вслед за нею, забыв о том, что его место не здесь, очень естественно туда же сел и ее муж; таким образом, когда мистер Элтон подвел ко второй карете Эмму и сам уселся рядом, то дверцу, как и положено, захлопнули и обнаружилось, что им предстоит ехать *tete-a-tete*. В обычное время это не смутило бы ее ни на минуту, скорей доставило бы удовольствие: его можно было бы вызвать на разговор о Гарриет, и путь в три четверти мили сократился бы втрое. Но теперь, после его подозрительного поведения, она бы предпочла этого избежать. Вероятно, когда мистер Уэстон потчевал мужчин добрым вином, он хлебнул лишнего и настроен был болтать чепуху.

Решив по мере сил удерживать его в границах холодной учтивостью, она приготовилась сразу, с тонко рассчитанным спокойствием и важностью, повести речь о погоде, о позднем времени, однако не успела начать, не успели они выехать за ворота и догнать первую карету, как ее перебили — схватили за руку, потребовали ее внимания, и мистер Элтон очертя голову уж объяснялся ей в любви: как не воспользоваться ему счастливым случаем, как не признаться в чувствах, которые, конечно же, давно не тайна, в надежде — в страхе — с обожанием — с готовностью погибнуть, ежели его отринут, но в то же время осмеливаясь думать, что его пылкая привязанность, его беспримерная любовь и пожирающая страсть не могла не возыметь действия, а короче — с самыми серьезными намерениями и твердою решимостью добиться исполнения их как

можно скорее. Да, она не ошиблась. Без всякого стыда, без оправданий, без особых церемоний, мистер Элтон, влюбленный в Гарриет, признавался, что влюблен *в нее*. Она порывалась остановить его — напрасно: он говорил без умолку, покуда не выложил все. Как ни сердита она была, но когда наконец заговорила, то мысль, что это минутное помрачение, помогла ей сдержаться. Это, видно, хмель ударил ему в голову, а значит, есть надежда, что через час он образумится. Соответственно, и отвечала она ему полусерьезно, полушутя, в манере, наиболее понятной, по ее представлениям, полупьяному человеку:

— Вы поражаете меня, мистер Элтон. Говорить такие вещи *мне*! Вы забываетесь — вы меня приняли за мою приятельницу — я с удовольствием передам все это от вашего имени мисс Смит, но *меня*, сделайте милость, вперед увольте от признаний.

Мисс Смит?.. Передаст мисс Смит?.. Как прикажет она это понимать? И он повторил ее слова с такою развязной самоуверенностью, таким хвастливым напускным изумлением, что она не могла не вспылить:

— Мистер Элтон, ваше поведение ни на что не похоже! Я могу объяснить его единственно тем, что вы теперь сами не свой, иначе не позволили бы себе говорить со мною, ни говорить о Гарриет в подобном тоне. Будьте добры, возьмите себя в руки, и ни слова более, тогда я постараюсь забыть об этом.

Однако мистер Элтон, оказывается, выпил вина лишь в меру, для поднятия духа, но вовсе не до помутнения рассудка. Он прекрасно знал, что говорит, и, с горячностью опровергнув ее подозрение как в высшей степени для него обидное, а также засвидетельствовав мимоходом свое уважение к мисс Смит как ее приятельнице — но, впрочем, отметив, что не понимает, при чем тут вообще мисс Смит, — вновь вернулся к любовной теме, с настойчивостью намекая, что ждет благоприятного ответа.

Чем сомнительнее становилось для Эммы его опьянение, тем определеннее — его непостоянство и наглость и тем менее принуждала она себя к вежливости, отвечая ему:

— Мне более невозможно сомневаться. Вы все сказали слишком ясно. Мистер Элтон, у меня нет слов. Вы ошеломили меня. Как! После того поведения, которому я весь этот месяц была свидетельницей, тех знаков внимания к мисс Смит, кои привыкла наблюдать изо дня в день, — обращать ко мне такие речи?.. Какая невообразимая ветреность! Могла ли я предположить! Поверьте, сударь, мне

отнюдь, отнюдь не лестно быть предметом такого рода излияний.

— Небеса милосердные! — вскричал мистер Элтон. — Да с чего вы взяли? Мисс Смит!.. Никогда в жизни у меня и мысли не было ни о какой мисс Смит — никогда не оказывал я ей знаков внимания иначе, как другу вашему, никогда не существовала она для меня иначе, как ваш друг. Ежели она вообразила себе иное, то, стало быть, приняла желаемое за действительное, и я о том весьма сожалею — чрезвычайно, — но помилуйте! Мисс Смит, вот новость!.. Ах, мисс Вудхаус! Кто может думать о мисс Смит, когда рядом мисс Вудхаус! Нет, клянусь честью, меня нельзя упрекнуть в ветренности. Я думал только о вас. Я утверждаю, что ни на миг другая не была предметом моего внимания. Что бы ни говорил я, что б ни делал в последние недели, все имело единую целью изъяснить вам мое обожание. Быть не может, чтобы вы вправду, в самом деле, имели сомнения на этот счет. Нет! — С нарочитою многозначительностью: — Я уверен, вы все видели и понимали.

Нельзя сказать, что испытала, услышав это, Эмма, которое из сонма неприятных чувств овладело ею с наибольшей силой. От потрясения она не вдруг нашлась что ответить, и воспламененный мистер Элтон, тотчас приняв минутное замешательство ее за добрый знак, вновь попытался схватить ее за руку и радостно воскликнул:

— Очаровательная мисс Вудхаус! Позвольте мне истолковать ваше красноречивое молчание. Оно означает, что вы давно поняли меня.

— Нет, сударь! — вскричала Эмма. — Оно не означает ничего подобного. Я вас не только не поняла, но до последней минуты имела совершенно превратное представление о ваших видах. О чувствах ваших ко мне скажу одно: очень жаль, что вы дали им волю, — я хотела этого меньше всего. Я с удовольствием наблюдала, как отличаете вы моего друга Гарриет — преследуете ее, да, преследуете, именно так это выглядело, — но когда бы хоть на минуту заподозрила, что не она вас привлекает в Хартфилд, то, несомненно, сочла бы, что вы напрасно рассудили за благо столь часто бывать у нас. Должна ли я понимать, что вы никогда не искали особенного расположения мисс Смит — никогда не думали о ней серьезно?

— Никогда, сударыня, — вскричал он, уязвленный теперь в свою очередь, — никогда, смею вас уверить. *Мне* думать серьезно о мисс Смит!.. Мисс Смит очень милая

девица, и я душою был бы рад, ежели б она прилично устроила свою судьбу... не сомневаюсь, что найдутся мужчины, коих не смутит... ну, словом, каждому свое, но, говоря о себе, могу заметить, что, кажется, пока еще не впал в подобную крайность. Не настолько пока еще отчаялся найти равную себе, чтобы ухаживать за мисс Смит! Нет, сударыня, ради вас одной бывал я в Хартфилде и, встречая поощрение...

— Поощрение?.. От меня?.. Сударь, вы заблуждаетесь! Как вы могли это предположить! Я видела в вас поклонника моей приятельницы, и только. Лишь в этом качестве могли вы значить для меня больше, чем простой знакомый. Я бесконечно сожалею об этом недоразумении, но хорошо, что оно разъяснилось. Если бы вы и далее вели себя так же, то мисс Смит, возможно, пребывая, подобно мне, в неведении, что между вами существует великое и столь очевидное для вас неравенство, чего доброго, ложно истолковала бы ваши намерения. Ну, а теперь муки обманутых надежд достались лишь одному из нас и, полагаю, ненадолго. Я же пока не помышляю о замужестве.

Он не мог вымолвить ни слова от бешенства; ее решительный вид говорил, что мольбы были бы бесполезны; и в оскорбленном молчании, одинаково негодуя друг на друга, они ехали вдвоем еще несколько минут, осужденные, по милости мистера Вудхауса с его страхами, тащиться черепашным шагом. Оба изнывали бы от неловкости, когда бы их не душил гнев, прямой и откровенный, не оставляющий места для конфузливых обиняков. Они и не заметили, как карета свернула на Пастырскую дорогу, как остановилась; неожиданно для себя они очутились у дверей его дома, и он, без единого звука, выскочил наружу... Эмма почла нужным пожелать ему доброй ночи. Он высокомерно, холодно, сквозь зубы, ответил, и она, в неописуемо раздраженном состоянии духа, проследовала в Хартфилд.

Там ее с восторгом встретил отец, который трепетал за нее, рисуя себе опасности одинокой поездки от Пастырской дороги — крутой поворот, о котором подумать жутко, — карета в чужих руках — добро бы, Джеймс — а то посторонний кучер... Там, казалось, только и не хватало ее приезда, чтобы все пошло на лад; мистер Джон Найтли, устыдясь того, что поддался дурному настроению, был сама доброта и предупредительность и так старался ублаготворить тестя, что — хоть, правда, не изъяснял особой готовности выкушать с ним за компанию мисочку

овсянки — охотно соглашался признать несравненные ее достоинства; день завершался в мире и благополучии для всех в их маленьком кружке, кроме нее... Небывалое смятение царило в душе ее, и ей с большим усилием удалось вести себя как ни в чем не бывало и поддерживать разговор, покуда урочный час отхода ко сну не принес с собою желанную возможность поразмыслить обо всем наедине.

ГЛАВА 16

олосы закручены были в папильотки, горничная отпущена, и Эмма уселась думать и терзаться... Прескверная вышла история! Рухнуло все, чего она добивалась! Сбылось все, чего хотела бы избежать!.. Какой удар для Гарриет! Вот что было хуже всего. Все в этой истории было так или иначе тяжело и унизительно, но в сравнении со злом, причиненным Гарриет, остальное выглядело несерьезным; она бы согласилась теперь еще сильнее страдать от сознания, что ошибалась и упорствовала в своем ослеплении, что позорно просчиталась, — лишь бы последствия ее оплошности не коснулись никого, кроме нее самой.

— Все бы не страшно, если бы я не навязала Гарриет нежных чувств к этому господину. Я бы вытерпела его наглые притязания, пускай бы он хоть удвоил их... Но бедная Гарриет!

Как могла она так обмануться!.. Он утверждал, будто никогда серьезно не думал о Гарриет — никогда! Она напрягала память, вглядываясь в прошлое, но там все смешалось. Ею овладела единая мысль, и под эту мысль подлаживала она все остальное. Впрочем, и он, должно быть, держался неопределенно, двусмысленно, неуверенно, иначе не ввел бы ее в подобное заблуждение.

Портрет!.. Как воодушевлен был он портретом! И шарада! И сотня других примет — как ясно, кажется, указывали они на Гарриет! Правда, в шараде упоминался «быстрый ум», но ведь и «томные глаза» — тоже, строго говоря, она не подходила ни к одной из них — какая-то путаница, безвкусная и бессмысленная. Подите-ка разберитесь в этой топорной белиберде!..

Конечно, она замечала, особенно в последнее время, что он с нею преувеличенно любезен, однако принимала

это лишь за манеру держаться, за неумение взять верный тон, недостаток тонкости и вкуса, лишнее свидетельство того, что ему доводилось вращаться в не лучшем обществе, что при всей галантности его обращения ему порою недостает подлинной изысканности; но ни на минуту до сего дня не приходило ей в голову, что за всем этим кроется не просто благодарное уважение к ней как другу Гарриет, а что-то иное.

Мистеру Джону Найтли обязана она была первым проблеском света на этот счет, первую мысль о том, что это возможно. Спору нет, братьям нельзя было отказать в проникательности. Ей вспомнилось, что говорил ей однажды про мистера Элтона мистер Найтли, как остерегал ее, как настаивал, что никогда мистер Элтон не женится опрометчиво, — и ее бросило в краску при мысли о том, сколь же верно судил он о человеческих свойствах викария и как ему уступала в этом она. Как ни обидно, выходило, что мистер Элтон вовсе не тот, за которого она его принимала, а во многих отношениях — прямая противоположность: чванливый, заносчивый, тщеславный, с непомерными претензиями и полным пренебрежением к чувствам других.

Вопреки тому, что происходит в подобных случаях обычно, мистер Элтон своими поползновениями ухаживать за нею только уронил себя в ее глазах. Его признания и домогательства сослужили ему дурную службу. Она не придавала никакой цены его приверженности, а его притязания казались ей оскорбительны. Он подыскивал себе хорошую партию и, дерзнув в непомерном самомнении обратить свои взоры к ней, прикинулся влюбленным, но она была покойна за него — обманутые надежды не причинили ему мук. Ни в речах его, ни в манере не было и следа истинного чувства. Вздохов да красивых слов ей досталось в изобилии, но ни одно выражение лица его, ни единая нотка в голосе не имели ничего общего с искреннею любовью. Не стоило утруждать себя сочувствием мистеру Элтону. Его лишь прельщала мысль обогатиться и возвыситься, и, коли заполучить мисс Вудхаус из Хартфилда, наследницу тридцатитысячного состояния, оказалось не так-то просто, значит, он в самом скором времени посягнет на двадцать или десять тысяч какой-нибудь мисс Икс.

Но что он посмел говорить, будто встречал поощрение, намекать, будто она знала о его намерениях и благосклонно принимала от него знаки внимания или (проще говоря) собиралась за него замуж!.. Что он посмел счесть себя

равным ей по рождению и уму!.. Смотрел свысока на ее приятельницу, отлично понимая, кому где место ниже его, но — в слепоте к тому, что находилось выше — не понимал, какая наглость со стороны такого, как он, навязываться к ней в воздыхатели!.. Вот что бесило ее.

Возможно, несправедливо было бы требовать от него ясного представления о том, сколь много он уступает ей в природной одаренности и духовном совершенстве. Этого он мог не сознавать как раз по неспособности подняться до нее, но он не мог не знать, насколько превосходит она его богатством и знатностью. Не мог не знать, что поколения сменились с тех пор, как Вудхаусы, младшая ветвь старинного рода, обосновались в Хартфилде, меж тем как Элтоны были никто. Конечно, Хартфилд как земельное владение занимал довольно скромное место, врезаясь малым клином в обширные земли, принадлежащие, вместе с остальною частью Хайбери, Донуэллскому аббатству; однако богатые доходы из других источников уравнивали Вудхаусов с владельцами аббатства во всем прочем, и они издавна пользовались почетом в здешних местах, куда мистер Элтон явился впервые каких-нибудь два года назад пробивать себе дорогу на собственный страх и риск, не имея иного родства, кроме как в торговой среде, иных причин быть на примете, кроме рода занятий да учтивых манер... Впрочем, он ведь воображал, будто она влюблена в него; на том, очевидно, и строил свои расчеты — и Эмма, побушевав по поводу видимого несоответствия между вкрадчивым обхождением и тщеславною головой, вынуждена была унять свое негодование и признать, положив руку на сердце, что сама обходилась с ним столь мягко и приветливо, столь внимательна была и любезна, что — раз об истинных ее побуждениях не догадывались — заурядный человек вроде мистера Элтона, не отличающийся тонкостью и наблюдательностью, определенно имел основания вообразить себя ее избранником. Если *она* могла превратно толковать его чувства, то вправе ли была изумляться тому, что *он*, ослепленный своекорыстием, неверно понимал ее?

Первую и главную ошибку совершила она сама. Неразумно, недопустимо принимать столь деятельное участие в устройстве судьбы двух посторонних людей. Это значит заходить слишком далеко, брать на себя слишком много, легко подходить к тому, в чем требуется серьезность, мудрость там, где требуется простота. Эмму мучили стыд и совесть, и она дала себе слово, что больше такое не повторится.

Это я своими разговорами пробудила у бедняжки Гарриет нежные чувства к этому господину,— размышляла она. — Когда б не я, она, возможно, и не подумала бы о нем, и, уж во всяком случае, не подумала бы с надеждой, если бы я не уверила ее, что он к ней равнодушен, ибо ей в полной мере свойственны смирение и скромность, которые я приписывала ему. Ох, что бы мне, отговорив ее выходить за молодого Мартина, тем и удовольствоваться! Тут-то я не ошиблась. Тут поступила правильно, но на этом следовало остановиться и дальше полагаться на время и счастливый случай. Ввела ее в хорошее общество, предоставила возможность снискать внимание достойного человека, и незачем было покушаться на большее. Теперь же ей, бедненькой, какое-то время не знать покоя. Неважным я оказалась ей другом, и если даже она *не очень* огорчится, то, право, понятия не имею, кого бы еще можно было ей подобрать... Уильям Кокс, молодой стряпчий?.. Ах, нет, не выношу этого фертика...

Эмма осеклась, покраснела, рассмеялась, поймав себя на том, что снова принялась за старое, и вернулась к более серьезным и удручающим раздумьям о том, что было, что будет и чего не миновать. Предстоящее ей тягостное объяснение с Гарриет, страдания, которые оно доставит несчастной, неловкость встреч в будущем, трудный вопрос о том, продолжать или прервать знакомство, необходимость подавлять отныне свои чувства, скрывать неприязнь, бояться огласки — в невеселых думах обо всем этом провела она еще некоторое время, покуда наконец не легла спать, так ни к чему и не придя, кроме убеждения, что своими руками натворила ужасных бед.

Жизнерадостное молодое существо вроде Эммы, ненадолго омрачась в ночные часы, непременно воспрянет духом с наступлением дня. Оно и само сродни веселому раннему утру и живо отзывается на приход своего двойника — ежели сон, пересилив горе, все-таки смежил ему очи, то поутру они откроются без прежней печали и с новою надеждой.

Эмма встала наутро с более утешительными мыслями, чем те, с которыми ложилась накануне, с большею готовностью видеть просветы в темной туче и уповать, что ее пронесет мимо.

Во-первых, очень утешало то, что мистер Элтон по-настоящему не влюблен в нее и не такого он голубинного нрава, что грех его обидеть, во-вторых — что Гарриет не принадлежит к тем возвышенным натурам, коим свой-

ственно чувствовать глубоко и сильно; и в третьих — что никому, кроме трех действующих лиц, а главное, батюшке ее, нет нужды знать о случившемся и ни минуты волноваться по этому поводу.

От этих мыслей на душе становилось легче, и сделалось подавно легче, когда она увидела, что за ночь выпало много снега, а значит, у них троих есть на первое время уважительная причина держаться врозь.

С погодой ей посчастливилось: нельзя было идти в церковь, хотя стоял первый день рождества. Мистер Вудхаус был бы чрезвычайно расстроен, задумай это его дочь сама; теперь же ей не грозила опасность внушить или выслушать неприятные и крайне нелестные предположения. Снег на земле да беспогодица с перепадами от заморозков до оттепели, которой хуже нет для моциона, когда с утра моросит вперемешку со снегом, а вечером подмораживает, позволят ей на почетных условиях провести в затворничестве не один день. Никаких сношений с Гарриет, кроме как на письме; ни церкви для нее самой в воскресный день, на том же основании, что и нынче; ни надобности придумывать объяснения тому, что к ним не показывается больше мистер Элтон.

В такую погоду всяк имел хороший резон сидеть дома, и, хоть она надеялась и верила, что мистер Элтон не станет скучать в одиночестве, ей очень приятно было видеть, что ее батюшке одиночество в собственном доме только по душе, что ему достает благоразумия не выходить наружу, — и слышать, как он говорит мистеру Найтли, которого никакое ненастье не могло надолго удержать вдали от них:

— Ах, мистер Найтли, не лучше бы вам взять пример с бедного мистера Элтона и отсидеться под своею крышей?

Эти уединенные дни протекали в замечательной безмятежности, лишь для нее нарушаемой тайным смятением души, ибо подобное домоводство как нельзя более отвечало вкусу ее зятя, с чувствами коего окружающим всегда надобно было очень считаться; притом же он столь основательно излил всю желчь свою в Рэндалсе, что в Хартфилде ему уже до конца не изменяло благодушие. Он со всеми держался мило, ни с кем ни разу не повздорил, ни о ком не сказал дурного слова. Однако, хотя и кстати пришлось для Эммы эта отсрочка, хотя и придавали ей бодрости надежды, но мысль, что близок час объяснения с Гарриет, все же зловеще тяготела над нею и не давала покоя.

мистер Джон Найтли с супругой ненадолго задержались в Хартфилде. Погода вскоре начала разгуливаться, и те, которым необходимо было ехать, могли ехать; мистеру Вудхаусу, после очередной попытки уговорить дочь побыть у него еще вместе с детьми, не оставалось ничего другого, как проводить всех гостей в дорогу и вновь приняться оплакивать участь бедняжки Изабеллы, — каковая бедняжка Изабелла, живя среди тех, в которых души не чаяла, видя в них одни лишь достоинства и не замечая пороков, ежеминутно поглощенная нехитрыми насущными делами, являла пример полного счастья, назначенного женщине.

Они уехали, а к вечеру мистеру Вудхаусу принесли записку от мистера Элтона, многословную, вежливую, по всей форме составленную записку, в которой мистер Элтон, засвидетельствовав мистеру Вудхаусу для начала совершеннейшее свое почтение, уведомлял, что завтра утром намерен отправиться из Хайбери в Бат, где, уступая настоятельным просьбам своих знакомых, предполагает провести несколько недель и весьма сожалеет, что по разным причинам, связанным с погодой и делами, лишен возможности лично проститься с мистером Вудхаусом, коего себя полагает вечным должником за дружеские о нем попечения, — а буде мистер Вудхаус имеет поручить ему что-либо, то он почтет за счастье все исполнить.

Эмму приятно поразила эта новость. Уехать именно теперь — ничего лучшего мистер Элтон и придумать не мог. Она мысленно похвалила его, отметив, впрочем, что способ оповестить об этом, избранный им, не делает ему особой чести. Учтивость к отцу ее, столь подчеркнута исключаящая ее самое, яснее всяких слов выдавала затаенную обиду. Даже почтительные расшаркивания в начале не распространялись на нее... Имя ее не упоминалось вовсе, — и была во всем этом столь разительная перемена и столь не к месту была эта прощальная напыщенность в изъявлениях благодарности, что батюшка ее, подумалось ей в первую минуту, не мог не заподозрить неладное.

И однако же — не заподозрил. Мистер Вудхаус слишком захвачен был удивлением по поводу столь внезапной поездки и опасениями, что мистеру Элтону ни за что не доехать благополучно, — и не заметил в его манере выражаться ничего необычного. Сама же записка пришлось

чрезвычайно кстати, ибо на весь остаток этого одинокого вечера дала им свежую пищу для размышлений и разговоров. Мистер Вудхаус высказывал свои страхи, а Эмма с удвоенным воодушевлением спешила, как всегда, уверить его в их обоснованности.

Теперь она решилась не держать более Гарриет в неведении. Она имела причины полагать, что Гарриет уже почти излечилась от простуды, и желала дать ей возможно больше сроку, чтобы справиться и с другим недугом прежде, чем воротится назад его виновник. Соответственно, она на завтра же отправилась к миссис Годдард, дабы поведать правду и тем подвергнуть себя заслуженной каре; и каре суровой... Ей предстояло разрушить надежды, которые она сама поддерживала с таким усердием, выступить в неприглядной роли разлучницы, признать, что все ее соображения об известном предмете за последние полтора месяца, все наблюдения, все выкладки и предсказания — грубейшая ошибка и просчет.

Признание заставило ее вновь пережить минуты мучительного стыда, и при виде слез Гарриет она подумала, что никогда уже не сможет жить в ладу с собою.

Гарриет приняла известие прекрасно — никого не обвиняла и обнаружила всем поведением своим такое простодушие, такую неприязнательность, что показала себя своей приятельнице в самом выгодном свете.

Эмме в эти минуты ничто столь не казалось ценно, как простота и скромность, и выходило, что всеми привлекательными свойствами, которые должны красить нас в глазах других, обладает не она, а Гарриет. Гарриет считала, что не имеет никакого права роптать. Снискать внимание такого человека, как мистер Элтон, было бы для нее чересчур большою честью... Она решительно его недостойна — никто, кроме столь снисходительного и доброго друга, как мисс Вудхаус, не мог бы вообразить, будто она способна понравиться ему.

Она заливалась слезами; однако это бесхитростное проявление горя внушало Эмме куда больше уважения, нежели любые попытки сохранить достоинство, и она от всей души старалась выслушать, понять, утешить, искренне в тот миг убежденная, что из них двоих не она, а Гарриет более возвышенное и совершенное создание, и что для нее самой много лучше и полезней было бы походить на Гарриет, а не полагаться на собственный ум и таланты.

Переделываться на образец невежественной простушки ей было, впрочем, поздновато, и все же она покинула дом

миссис Годдард, еще более утвердись в решимости быть вперед скромнее и смиреннее и до конца жизни держать в узде свое воображение. Отныне первую обязанностью ее, после забот о родителе, было печься о благе Гарриет, доказывая ей свою привязанность лучшим способом, чем сватовство. Она пригласила Гарриет в Хартфилд, была неизменно добра с нею, стремясь занять и развлечь ее чтением и беседой и вытеснить мысли о мистере Элтоне из ее головы.

По-настоящему, знала она, на это требовалось время, но, хоть она вообще и не могла почитать себя достойным судьей в подобных делах, а тем паче искренне сочувствовать любви к такому человеку, как мистер Элтон, — ей казалось разумным предполагать, что, принимая во внимание возраст Гарриет и полное крушение ее надежд, возможно будет к приезду мистера Элтона привести ее в относительно уравновешенное состояние, что позволит им всем встречаться на правах простых знакомых, не опасаясь выдать или усугубить при этом чувства, владеющие ими.

Правда, Гарриет чистосердечно видела в мистере Элтоне верх совершенства, как внешнего, так и внутреннего, настойчиво повторяла, что равного ему нет на свете, — и, откровенно говоря, оказалась влюблена гораздо сильнее, чем полагала Эмма, но все же была надежда, что это не надолго, столь естественно и необходимо казалось ей подавлять такого рода склонность, раз ей не отвечают *взаимностью*.

Вряд ли Гарриет доставит большое удовольствие по-прежнему встречаться с мистером Элтоном и мечтать о нем, ежели он, воротясь, начнет выказывать ей полное и очевидное безразличие, а в том, что именно так он и сочтет нужным поступить, Эмма не сомневалась.

Худо было для каждого из них в отдельности и для всех вместе, что они были столь прочно, столь незыблемо привязаны к Хайбери. Ни один из трех не мог уехать либо избрать для себя иное общество. Обстоятельства вынуждали их встречаться и делать хорошую мину при плохой игре.

Для Гарриет дело осложнялось еще и атмосферою в пансионе миссис Годдард, где мистер Элтон был в глазах учительниц и старших воспитанниц кумиром; ей негде было, кроме как в Хартфилде, услышать, как о нем говорят с охлаждающей сдержанностью или нелестной прямою. Где нанесли рану, там ее, по справедливости, и следовало врачевать — и Эмма дала себе зарок, что не успокоится, покуда не увидит подругу на пути к исцелению.

мистер Фрэнк Черчилл не приехал. Приблизился назначенный срок, и, подтверждая опасения миссис Уэстон, от него пришло письмо с извинениями. В настоящее время ему, «к величайшей его досаде и сожалению», нельзя отлучиться из Энскума, «однако он не теряет надежды приехать в Рэндалс в недалеком будущем».

Миссис Уэстон опечалилась чрезвычайно — опечалилась, правду сказать, куда больше, чем ее муж, хотя, с присущею ей трезвостью, куда меньше его полагалась на то, что молодой мистер Черчилл в самом деле придет: человек сангвинического склада, постоянно надеясь на лучшее, не всегда расплачивается соответственной мерой уныния, если надежды его не сбываются. С легкостью перепархивает он от неудачи в настоящем к новой надежде на будущее. На полчаса мистер Уэстон удивился и взгрустнул, но очень быстро начал смекать, что только лучше будет, ежели Фрэнк придет через два-три месяца, — и время года лучше, и погода, да и пробыть у них он, без сомнения, сможет много дольше, чем если бы приехал теперь.

Рассудив подобным образом, он тотчас и утешился, между тем как миссис Уэстон, более тонко понимая суть вещей, предвидела в дальнейшем лишь повторение отсрочек и отговорок и, болея душою за мужа, которого ждали новые огорчения, огорчалась вдвойне.

Эмму в ее теперешнем расположении духа не слишком занимало, пожалуй ли к ним мистер Фрэнк Черчилл или нет, ей только жаль было, что ее друзей в Рэндалсе постигло разочарование. В эти дни закомство с ним более не прельщало ее. Ей хотелось теперь побольше покоя и поменьше соблазнов; но так как, с другой стороны, благоразумие требовало не показывать виду и держаться как всегда, то она старалась обнаруживать надлежащий интерес к случившемуся и разделять с мистером и миссис Уэстон их огорчение, как подобает истинному другу.

Она первой объявила эту новость мистеру Найтли, поахав сколько нужно (пожалуй, даже больше, чем нужно, из усердия хорошо сыграть свою роль) над поведением Черчиллов, которые не пожелали его отпустить. Затем, с жаром, которого в действительности не ощущала, заговорила о том, сколь неоценимым прибавлением он мог бы

сделаться их замкнутому обществу в Суррее, и как приятно было бы увидеть новое лицо, и каким праздником для всех от мала до велика в Хайбери стал бы его приезд. Высказав напоследок еще раз все, что думает о Черчиллях, она тут же вовлечена оказалась в спор с мистером Найтли и с веселым изумлением поймала себя на том, что сама себе противоречит, прибегая к тем же доводам, которыми пользовалась, противореча ей, миссис Уэстон.

— Черчиллы, может статья, и виноваты, — сказал с холодностью мистер Найтли, — и все-таки, при желании, он мог приехать.

— Не знаю, почему вы так говорите. Он-то рад бы приехать, это дядюшка с теткой его не пускают.

— Я не поверю, чтобы он не властен был приехать, ежели бы задался таковою целью. Без доказательств в подобные небылицы не верится.

— Какие странные речи! Что сделал мистер Фрэнк Черчилл, чтобы вы подозревали в нем столь противоестественные свойства?

— Напротив, вполне естественно предположить, что, живя у людей, которые постоянно служили ему в том примером, он научился ставить себя выше своих близких и ни с кем не считаться, а думать только о себе. Вполне естественно, к сожалению, когда молодой человек, воспитанный спесивыми, изнеженными роскошью эгоистами, сам вырастает спесивым, изнеженным роскошью эгоистом. Ежели бы Фрэнк Черчилл действительно хотел свидеться с отцом, то за время с сентября по январь он изыскал бы способ это сделать. Чтобы мужчине в его годы — сколько там ему, двадцать три, двадцать четыре? — непосильна была такая малость? Быть того не может.

— Легко вам рассуждать, вы всю жизнь сами себе хозяин. Нет, мистер Найтли, кому другому, но не вам судить о сложностях зависимого положения. Вы не знаете, каково это — применяться к чужому своенравию.

— Уму непостижимо, чтобы мужчина в двадцать три — двадцать четыре года был до такой степени лишен свободы решать и действовать. Добро бы еще ему не хватало денег, не хватало досуга. Но мы ведь знаем обратное — того и другого у него в таком избытке, что он рад транжирить их повсюду, куда съезжаются самые отъявленные бездельники в королевстве. Вечно только о том и слышишь, что он пропадает где-нибудь на водах. Да вот хоть бы недавно взять, — был в Уэймуте. Стало быть, может он отлучаться от Черчиллов?

— Да, может, — иногда.

— То есть тогда, когда считает нужным, когда это сулит ему удовольствие.

— Несправедливо судить о поступках человека, ежели вам не все досконально известно о его положении. Можно ли говорить, что трудно, а что легко для такого-то члена семьи, не зная, какова обстановка внутри этой семьи? Надобно сперва познакомиться с порядками в Энском де да с нравом миссис Черчилл, а уже после заключать, велика ли у ее племянника свобода действий. Весьма вероятно, что в одних случаях он может поставить на своем, а в других — нет.

— Есть один случай, Эмма, когда всякий может поставить на своем, ежели захочет — не дипломатикой да изворотливостью, но решительностью и твердостью, — тот случай, когда речь идет о долге. Оказать отцу этот знак внимания — долг Фрэнка Черчилла. Судя по его посулам и посланиям, он это знает и мог бы исполнить его, когда бы в самом деле имел такое желание. Мужчина с подлинным чувством долга сразу сказал бы миссис Черчилл прямо и твердо: «Я всегда готов ради вашего удобства поступиться любым удовольствием, но сейчас обязан безотлагательно поехать навестить отца. Я знаю, он будет огорчен, ежели я теперь не окажу ему уважение таким образом. И потому я завтра же еду...» Если бы он сразу так ей и сказал, с решимостью, приличной для мужчины, то не услышал бы никаких возражений.

— Верно, — смеясь, отвечала Эмма, — но он, возможно, услышал бы их, воротясь назад. Чтобы молодой человек, полностью зависимый, позволил себе объясняться подобным языком!.. Никому, кроме вас, мистер Найтли, такое не пришло бы в голову. Вы просто понятия не имеете, как требуется вести себя в положении, прямо противоположном вашему. Мыслимое ли дело для мистера Фрэнка Черчилла объясняться в этаким тоне с дядюшкой и теткой, которые вырастили его и намерены обеспечить его будущее!.. Да еще, чего доброго, громко, во весь голос, и стоя посреди комнаты!.. Как вы могли вообразить, что для него допустимо такое поведение?

— Будьте уверены, Эмма, человек здравомыслящий не нашел бы здесь ничего для себя затруднительного. Он сознавал бы, что прав, а открытое заявление — конечно, человек благоразумный сделает его в надлежащей манере — принесло бы ему больше пользы, дало больше выгоды, больше возвысило бы его в мнении людей, от которых

он зависит, нежели поведение, основанное на хитростях и увертках. К привязанности прибавилось бы уважение. Они почувствовали бы, что могут на него положиться, что племянник, верный сыновнему долгу, верен будет и долгу перед ними; ведь им понятно — точно так же, как ему, как понятно должно быть всему свету, — что нанести визит отцу — его обязанность, и, злоупотребляя своею властью, чтобы оттянуть этот визит, они же в душе презирают его за то, что он покоряется их прихотям. Достойный поступок внушает уважение каждому. Поставил бы он себе за правило действовать таким образом последовательно, постоянно, и эти мелкие душонки подчинились бы ему.

— Я в этом склонна сомневаться. Вы хотя и большой любитель обуздывать мелкие душонки, однако когда эти душонки принадлежат богатым и могущественным, им, наблюдаю я, свойственно бывает сильно раздуваться и они становятся столь же неуправляемы, как и великие души. Я вполне допускаю, что ежели б вас, мистер Найтли, вдруг взять, как вы есть, и перенести на место мистера Фрэнка Черчилла, то вы бы говорили и делали именно так, как теперь предлагаете ему, и очень возможно, что это произвело бы прекрасное действие. Возможно, Черчиллы не стали бы перечить вам ни единым словом, но ведь вас не связывала бы привычка повиноваться, усвоенная с детства, многолетний навык к почтительному послушанию. Ему, который связан ими, не так-то легко, быть может, прорваться сквозь эти путы к совершенной независимости, отменя прочь их притязания на дань признательности и почтения. Он, может быть, не хуже вашего сознает, как надлежало бы поступить, но, при нынешних обстоятельствах, менее вас способен доказать это на деле.

— Значит, хуже сознает, ежели не способен. Значит, менее убежден, раз не может сделать усилие.

— Но различие в положении, в привычках! Отчего вы не постараетесь понять, какие чувства должен испытывать любезный молодой человек, идя наперекор людям, которых с детских и отроческих лет приучен чтить всю жизнь?

— Ваш любезный молодой человек — очень слабодушный молодой человек, если первый раз столкнулся с необходимостью настоять на своем и поступить правильно, вопреки воле других. В его лета пора бы привыкнуть руководствоваться в своих поступках долгом, а не своекорыстием. Я могу понять страхи мальчика, но не мужчины. Возмужав, он должен был расправить плечи и стряхнуть

с себя все мелкое и недостойное, что навязала ему власть Черчиллов. Ему следовало воспротивиться первой же их попытке заставить его выказать неуважение к отцу. Поведи он себя надлежащим образом с самого начала, то теперь не имел бы затруднений.

— Нам никогда не прийти к согласию на его счет, — вскричала Эмма, — да и неудивительно. Мне он вовсе не представляется слабодушным молодым человеком, я уверена, что это не так. Блажь и испорченность не укрылись бы от мистера Уэстона, хотя бы и в натуре родного сына, — вероятнее, что он от природы слишком уступчив, покладист, мягок, чтобы отвечать вашим понятиям о воплощении мужского совершенства. Я смею полагать, что он таков, и пусть это лишает его одних преимуществ, но зато дает другие.

— Да, верно, — то преимущество, что он не трогается с места, когда обязан был бы ехать, что проводит жизнь в пустых развлечениях и мнит себя изрядным ловкачом, когда находит тому оправдания. Всегда ведь можно сесть и составить цветистое письмо, полное лживых уверений, и убедить себя, что найден лучший в мире способ сохранить в доме покой, а в то же время и отца лишить оснований жаловаться. Мне отвратительны его письма.

— Вы одиноки в этом. Все остальные, кажется, ими довольны.

— Подозреваю, что миссис Уэстон недовольна. Да и возможно ли удовольствоваться ими женщине столь трезво мыслящей и тонко чувствующей, оказавшейся на положении матери, и, однако же, не ослепленной материнскою любовью? Ради нее вдвойне обязан он оказать внимание Рэндалсу — и для нее вдвойне чувствительно должно быть невнимание. Будь она сама важной персоной, он бы, я думаю, не преминул явиться, хотя как раз в этом случае не имело бы значения, явится он или нет. Вы полагаете, что доброму другу вашему не приходится на ум подобного рода соображения? Что она не говорит себе часто все это? Нет, Эмма, ваш любезный молодой человек может быть любезен лишь в том смысле, как это понимают французы, но не англичане. Может быть *«tres aimable»*, иметь прекрасные манеры, производить приятное впечатление; но он не обладает тем бережным отношением к чувствам других, которое разумеет англичанин под истинною любезностью, — она не свойственна ему.

— Вы, кажется, определенно решили думать об нем дурно.

— Я? Нисколько, — отвечал мистер Найтли с неудовольствием. — Я не хочу думать о нем дурно и первый готов был бы признать его достоинства, да что-то про них не слышно, ежели не считать чисто внешних — что он высок ростом, хорош собою, непринужден и вкрадчив в обращении.

— Что ж, если ему и нечем более похвалиться, для Хайбери он все-таки станет неоценимым приобретением. Не столь уж часто видим мы приятных молодых людей с хорошими манерами и привлекательною наружностью. Грешно нам было бы привередничать и требовать от него в придачу всяческих добродетелей. Ужели вы не понимаете, мистер Найтли, какой переполох учинит он своим приездом? Один предмет занимать будет собою умы в Донуэллском и Хайберийском приходах — будоражить воображение, дразнить любопытство! Мистер Фрэнк Черчилл, он один — о нем одном будем мы и говорить и думать.

— Прошу исключить меня из числа тех, для коих он столь неотразим. Я буду рад с ним познакомиться, когда увижу, что с ним есть о чем поговорить, но если это всего лишь паркетный пустозвон, то он не будет занимать собою ни времени моего, ни мыслей.

— Сколько я себе представляю, он умеет подлаживаться к вкусу любого собеседника, имеет способность и желание быть приятным всем и каждому. С вами он станет толковать о сельских делах, со мною — о рисовании иль музыке, и так, соответственно, с каждым, располагая теми общими сведениями о самых разных предметах, которые позволяют следовать за ходом мысли другого либо излагать собственную мысль, как потребует того приличие, и говорить всякий раз весьма дельно — вот каковым я представляю его себе.

— А я, — сказал с сердцем мистер Найтли, — представляю себе, что если он окажется в самом деле таков, то несноснее малого свет не видывал! Как! В двадцать три года быть душою общества — важною птицей — ловким политиком, который норовит раскусить всякого другого и, в чем бы ни был у того талант, показать собственное превосходство — источать лесть, чтобы выставить всех кругом дураками в сравнении с собою! Милая Эмма, когда дойдет до дела, вам, с вашим здравым рассудком, покажется нестерпим подобный фат.

— Я больше ничего не скажу о нем, — вскричала Эмма, — вы видите во всем только худое. Мы оба судим

о нем предвзято; вы настроены против него, я — за, и нам никогда не сойтись во взглядах, покуда он не приехал.

— Предвзято! Я сужу не предвзято.

— А я — да, и очень, и вовсе этого не стыжусь. Любовь к мистеру и миссис Уэстон определенно настраивает меня в его пользу.

— Меня его персона занимает очень мало, я месяц проживу и не вспомню о нем, — отозвался мистер Найтли столь резко, что Эмма немедленно заговорила о другом, хоть и не понимала, отчего он так рассердился.

Невзлюбить юношу за то одно, что он скроен на иной образец, было недостойно человека широких взглядов, каковым она всегда его почитала, ибо, хотя и частенько укоряла его в том, что он о себе чересчур высокого мнения, но ни на минуту не предполагала дотоле, что он может из-за этого несправедливо судить о достоинствах другого.

КНИГА II

ГЛАВА I

днажды утром Эмма и Гарриет прогуливались вдвоем и уже, по мнению Эммы, на целый день наговорились о мистере Элтоне. Больше было положительно некуда, ни в утешение Гарриет, ни в наказание за провинности ей самой, и на обратном пути она старалась отделаться от надоевшего предмета — но только порадовалась, что преуспела в этом, как он снова вторгся в разговор, и когда, заведя речь о том, как тяжело приходится бедным людям зимней порою, она в ответ услышала лишь жалобное: «Мистер Элтон так печется о бедных!», то поняла, что следует прибегнуть к иному средству.

Они как раз приближались к дому, где жили миссис и мисс Бейтс, и Эмма решила зайти к ним, уповая найти спасение в численности. Оказать им подобное внимание были все причины: миссис и мисс Бейтс обожали принимать гостей, и Эмма знала, что те немногие, кто осмеливается видеть в ней несовершенства, укоряют ее в небрежении, полагая, что она вносит неподобающе малую лепту в их скромные радости.

Много раз намекал ей на это упущение мистер Найтли, а порою и собственная совесть, но пересиливало убеждение, что это чересчур неприятно — пустая трата времени — две скучные гусыни, а ужасней всего — опасность встретиться с местной публикой второго и третьего сорта, которая вечно у них толчется; и Эмма предпочитала держаться подальше от их дома. Теперь же в одну минуту решила не проходить мимо, о чем и объявила Гарриет, заметив, что нынче, по ее расчетам, их не должны потчевать письмом от Джейн Фэрфакс.

Миссис и мисс Бейтс занимали гостиный этаж в доме, принадлежащем купцу; здесь, в тесной квартирке, состав-

ляющей все их владения, посетительниц приняли с распростертыми объятьями, даже с благодарностью; опрятная, тихонькая старушка, сидящая с вязаньем в самом теплом углу, порывалась уступить мисс Вудхаус свое место; суетливая, говорливая дочь ее готова была уморить их добротой и вниманием, бессчетно благодаря за визит, тревожась, не промочили ли они ноги, участливо осведомляясь, здоров ли мистер Вудхаус, радостно сообщая о добром здравии своей матушки и доставая из буфета сладкий пирог. Только сию секунду от них ушла миссис Коул, заглянула на десять минут и была столь добра, что просидела целый час, — так вот *она* отведала пирожка и любезно сказала, что очень вкусно, а потому, она надеется, мисс Вудхаус и мисс Смит доставят им удовольствие и тоже скушают по кусочку.

Упоминание о Коулах означало, что неизбежно упомянут будет и мистер Элтон. Они были приятели, и мистер Коул имел от мистера Элтона известия после его отъезда. Эмма знала, что сейчас последует: в который раз придется разбирать по косточкам письмо и поддакивать, что он долгонько не едет — верно, отбоя нет от приглашений, ведь он повсюду и всегда любимец общества, и какой пышный бал открыл церемониймейстер... Она проделала это достойно, показывая вид, как и требовалось, будто все это интересно и похвально, и не давая Гарриет вставить ни словечка.

К этому, направляясь сюда, она была готова, но полагала, что, отдав должное мистеру Элтону, ей не станут навязывать более тягостных предметов, а предоставят свободу перебирать в разговоре местных дам и девиц и их карточные вечера. Она не была готова к тому, что мистера Элтона сменит Джейн Фэрфакс, однако мисс Бейтс, скороговоркой покончив с ним, внезапно опять перескочила на Коулов, дабы затем перейти к письму от своей племянницы.

— Ах да! Мистер Элтон, сколько я понимаю... возвращаясь к балам... в бальных залах Бата, по словам миссис Коул... кстати, миссис Коул засиделась у нас за разговорами о Джейн, так мило с ее стороны — не успела войти, как первым долгом осведомилась, что о ней слышно. Они в Джейн души не чают — всякий раз как она приедет к нам погостить, миссис Коул не знает, что и придумать, чтобы ее побаловать, хотя Джейн, надо сказать, вполне того стоит. Да, так спросила она, что слышно, и говорит: «За последние дни, конечно, ничего нового, письму быть

еще не время», и когда тут же услышала на это: «А вот и нет, только утром получили от Джейн письмо», то прямо ахнула от удивления: «Неужели правда? Скажите же скорей, что она пишет».

Вежливость, тотчас пришедшая на выручку, помогла Эмме изобразить на лице интерес и сказать с улыбкой:

— Значит, у вас от мисс Фэрфакс есть свежие вести? Какая радость! Надеюсь, она здорова?

— Спасибо! Вы так добры, — в блаженном заблуждении отозвалась любящая тетка, суетливо ища письмо. — Ах, вот оно! Я же помню, что оно должно быть где-то здесь, просто, видите, нечаянно поставила сверху рабочую корзинку и закрыла его от глаз, а ведь только сейчас держала в руках и наверное знала, что оно должно быть на столе. Сперва читала его миссис Коул, а когда она ушла, перечла еще раз матушке, для нее это первое удовольствие — письмо от Джейн! — без конца готова слушать, и я уверена была, что оно где-то под рукою, так и оказалось, прямо под рабочей корзинкой, и раз уж вы любезно изъявили желание послушать, о чем она пишет, — но прежде позвольте мне, как того требует справедливость, извиниться за Джейн, что письмо такое коротенькое, всего две странички, и то неполных, — у ней вообще такая привычка, испишет целую страницу и половину вымарает. Матушка иногда только диву дается, как это я ухитряюсь разбирать. Скажет, бывало, когда мы только вскрыем письмо: «Ну, Хетти, будет тебе теперь работы разбираться в этой мозаике!» — верно я говорю, сударыня? А я отвечаю, что она бы и сама разобралась, когда бы некому было за нее это сделать — поразмыслила бы над ним немножко, и все прочла бы до последнего слова. Поверите ли, хотя у матушки уже не те глаза, что прежде, она в очках видит на удивленье хорошо, слава богу! Это такое благо! Такому зрению, как у матушки, можно позавидовать. Вот и Джейн, когда приезжает, нет-нет да и скажет ей: «Хороши у вас должны быть глаза, бабушка, если вы так видите — и это после того, как всю жизнь занимались тонким рукодельем! Вот бы мне так послужили глаза!»

Высыпав все это горохом, мисс Бейтс вынуждена была сделать передышку, и Эмма, заполняя паузу, из вежливости пробормотала что-то об изящном почерке мисс Фэрфакс.

— Вы чересчур добры, — просяив от удовольствия, отозвалась мисс Бейтс, — но кому и судить, как не вам, вы сами пишете так красиво. Для нас нет дороже похвалы,

чем из уст мисс Вудхаус. Матушка не расслышала, она, знаете ли, туговата на ухо. Вы слышите, сударыня, какие лестные слова говорит мисс Вудхаус о почерке Джейн?

И Эмме выпало счастье слушать, как ее пустую похвалу дважды повторяют почтенной старушке, дабы она уразумела, о чем речь. А Эмма в это время ломала голову, как бы поделикатней спастись бегством, покуда не начали читать письмо, и совсем уже было решилась улизнуть под благовидным предлогом, когда мисс Бейтс, оборотясь к ней, вновь завладела ее вниманием:

— Матушка глуховата лишь самую малость — так, пустяки. Скажешь чуточку громче два-три раза, она и услышит, она ведь привыкла к моему голосу. Но самое поразительное, что Джейн она всегда слышит лучше, чем меня. Джейн говорит так внятно! Впрочем, она убедится, что за минувшие два года ее бабушка не стала слышать хуже, а в таком возрасте это что-нибудь да значит — верите ли, целых два года минуло с тех пор, как она приезжала в последний раз. Никогда не бывало, чтобы мы так долго ее не видели, и теперь, как я говорила миссис Коул, знать не будем, куда ее усадить и чем потчевать.

— И скоро ли вы ждете к себе мисс Фэрфакс?

— Да, очень — на следующей неделе.

— Вот как! Воображаю, как вы рады.

— Благодарю вас. Вы так добры. Да, на следующей неделе. Все удивляются, и каждый говорит те же сердечные слова. Она, конечно, счастлива будет свидеться со своими друзьями в Хайбери, как и они — с нею. Да, в пятницу или субботу, более точно она сказать не может, потому что в один из этих дней полковнику Кемпбеллу самому понадобится карета. Страшно мило, что они берутся доставить ее до самого места. Хотя, вы знаете, они всегда так делают. Да, словом, в пятницу или в субботу. Об этом она и пишет. По этой причине и написала, что называется, раньше срока, а по закону письму бы полагалось прийти только на будущей неделе, не раньше, — во вторник или среду.

— Да, мне так и представлялось. Я и думала, что сегодня едва ли услышу новости о мисс Фэрфакс, — к сожалению.

— Спасибо вам на добром слове! И не слышали бы, когда бы не эта оказия — что она вот-вот приезжает. Матушка просто в восторге, ведь она пробудет у нас месяца три, не меньше. Три месяца, сказано с полной определенностью, о чем я и буду иметь удовольствие вам

прочсть. Дело в том, видите ли, что Кемпбеллы уезжают в Ирландию. Миссис Диксон уговорила отца и мать теперь же приехать к ней в гости. Они собирались к ней только летом, но ей слишком не терпится повидаться с ними, ведь она, до того как в октябре вышла замуж, ни разу не разлучалась с ними даже на неделю и должна себя чувствовать очень неуютно в чужом королевстве, то бишь, виновата, оговорилась — в чужом краю, а потому написала матери — или отцу, я уж не помню, но это мы сейчас выясним из письма Джейн — не только от себя написала, но и от имени мистера Диксона, упрашивая их приехать теперь, а они встретят их в Дублине и отвезут в свое загородное поместье Бейликрейг, редкостной красоты уголок. Джейн много наслышана о тамошних красотах, от мистера Диксона, я хочу сказать, и, сколько мне известно, от него одного, но ведь это так естественно, когда молодой человек, ухаживая за девицей, желает рассказать ей о родном гнезде, — а поскольку во время прогулок их чаще всего сопровождала Джейн, так как полковник Кемпбелл и его жена строго следили, чтобы их дочь пореже гуляла вдвоем с мистером Диксоном, и я нимало их не виню — то все, что он рассказывал мисс Кемпбелл о своем поместье в Ирландии, понятно, слышала и она. Она, по моему, писала, что он показывал собственные рисунки с видами поместья. Милейший молодой человек, сколько можно судить, очаровательный. Джейн после всех его рассказов прямо-таки загорелась желанием побывать в Ирландии.

Каждая жилка вдруг встрепенулась в Эмме от пронзительной догадки насчет Джейн Фэрфакс, неотразимого мистера Диксона, несостоявшейся поездки в Ирландию, и она, с коварным умыслом побольше выведать, сказала:

— Вам посчастливилось, что мисс Фэрфакс отпустили к вам в такое время. Зная, какую тесной дружбой связана она с миссис Диксон, вы вряд ли могли рассчитывать, что ей не придется сопровождать чету Кемпбеллов в Ирландию.

— Правда ваша, истинная правда. Этого мы как раз всегда опасались — неприятно было бы, если б она на несколько месяцев укатила в такую даль и, случись что у нас, не могла сюда добраться. Но, как видите, все обернулось к лучшему. Они — мистер и миссис Диксон — ужасно хотят, чтобы она приехала с полковником и его женою, твердо на это полагаются, в самых любезных и настойчивых выражениях шлют ей, как вы сейчас узнае-

те из письма Джейн, *совместное* приглашение — мистер Диксон никогда не скупится на знаки внимания. Прелестнейший молодой человек! С того дня, как он отвел от Джейн беду во время морской прогулки в Уэймуте, когда неожиданно развернуло какой-то парус и ее чуть не сбросило в воду, и непременно бы сбросило, если бы он с величайшим присутствием духа не схватил ее вовремя за рукав (подумать об этом не могу без содрогания) — с тех пор, как нам известна стала эта история, я положительно питаю слабость к мистеру Диксону.

— И все же, вопреки всем настояниям своей подруги, вопреки собственному желанию побывать в Ирландии, мисс Фэрфакс предпочитает провести это время с вами и миссис Бейтс?

— Да, и единственно по своей воле, по собственному выбору, причем полковник Кемпбелл с супругой считают, что она поступает как нельзя более правильно, они бы и сами рекомендовали ей это, и *в особенности* ей полезно подышать родным воздухом, так как она в последнее время не очень хорошо себя чувствует.

— Мне жаль это слышать. По-моему, они умно рассуждают. Вот только для миссис Диксон это будет большое огорчение. Миссис Диксон, ежели не ошибаюсь, не слишком хороша собой, ее никак не сравнишь с мисс Фэрфакс.

— О да! Очень мило, что вы это говорите, — но так оно и есть. Никакого сравнения. Мисс Кемпбелл всегда была совершеннейшей дурнушкой, но сколько в ней изысканности, обаяния.

— Это — да, конечно.

— Джейн, бедненькая, сильно простудилась, еще седьмого ноября (как вы узнаете из письма), и с того времени никак не поправится. Очень уж надолго привязалась к ней простуда, вы не находите? До сих пор она ничего не говорила, чтобы нас не волновать. Как это на нее похоже! Сама заботливость!.. Тем не менее чувствует она себя очень плохо, и Кемпбеллы, как добрые ее друзья, думают, что ей разумнее поехать домой, в тот климат, который всегда действовал на нее благотворно. Они не сомневаются, что за три-четыре месяца в Хайбери она совершенно выздоровеет, — и правда, раз она нездорова, ей следует ехать не в Ирландию, а сюда. Кто еще так за нею будет ухаживать, как мы?

— Чудесный план, как мне кажется, лучшего не придумаешь.

— Таким образом, она в пятницу или субботу приезжает к нам, а Кемпбеллы в следующий понедельник отправятся из города на Холихед, в чем вы удостоверитесь, когда я вам прочту письмо от Джейн. Такая неожиданность!.. Нетрудно догадаться, дорогая мисс Вудхаус, в какое возбуждение меня повергла эта новость! Если бы все не омрачала ее болезнь... но, боюсь, мы должны быть готовы к тому, что увидим ее исхудалой и бледной. А тут еще, скажу я вам, со мною приключилась такая незадача! У меня правило: до того, как читать письмо от Джейн вслух матушке, прочесть его сначала про себя — знаете, вдруг там окажется что-нибудь, что ее огорчит. Таково было желание Джейн, и я всегда исполняю его — вот и сегодня тоже прибегла к этой предосторожности, но едва лишь дошла до слов о том, что она нездорова, как у меня с перепугу вырвалось: «Заболела! Бедная Джейн!» — а матушка, следившая за мною, расслышала это и сильно встревожилась. Правда, читая дальше, я убедилась, что все не так страшно, как мне почудилось в первую минуту, и стала говорить об этом между прочим, так что она несколько успокоилась. Только уму непостижимо, как это я могла совершить такую оплошность! Если Джейн скоро не станет лучше, позовем к ней мистера Перри. Это тот случай, когда с расходами не считаются, и хотя он, со свойственной ему широтою и из любви к Джейн, вероятно, не захочет ничего взять за визит, мы этого не допустим. У него есть жена и семейство, которых надобно содержать, и он не может тратить свое время даром. Ну, а теперь, когда я вам дала некоторое представление о том, что пишет Джейн, приступим к чтению письма, и вы увидите, рассказ из первых уст звучит куда более складно, чем пересказ.

— Боюсь, что нам пора бежать, — сказала Эмма, оглядываясь на Гарриет и поднимаясь с места. — Нас уже заждался мой батюшка. Я не рассчитывала... Идучи к вам, я полагала, что мы посидим минут пять, не больше. Я заглянула только спроситься о здоровье миссис Бейтс, не могла пройти мимо — и задержалась по столь приятному поводу! Теперь, однако, нам настало время проститься с вами.

Все уговоры остаться оказались безуспешны. Эмма вновь очутилась на улице, рада-радешенька, что хотя многое навязали ей против воли, хотя она, в сущности, выслушала-таки все содержание письма Джейн Фэрфакс — но все же чтения самого письма ей удалось избежать.

ГЛАВА 2

жейн Фэрфакс, единственное дитя младшей дочери миссис Бейтс, была сиротой.

В свое время женитьба лейтенанта Н-ского пехотного полка Фэрфакса на мисс Джейн Бейтс явилась громким и радостным событием, возбуждавшим во многих душах надежду и интерес; теперь же ничего не осталось, кроме скорбных воспоминаний о том, как он погиб на поле брани в чужой стороне, — а вдова ненадолго пережила его, истаяв от чахотки и горя, — и кроме этой девочки.

По рождению она принадлежала Хайбери, и когда, лишись в три года матери, осталась на бабушку и тетку, став их питомицей, их утешением и баловницей, то по всему ей выходило осесть там навеки, учиться, сколько дозволят самые мизерные средства, и вырасти с тем, что дала природа: приятною внешностью, умной головкой и двумя любящими, пекущимися о ее благе родственницами — вырасти дичком, не облагороженным преимуществами, кои даются положением и связями.

Однако участливое сердце человека, связанного дружбой с ее отцом, решило судьбу ее иначе. То был полковник Кемпбелл, который высоко ценил Фэрфакса как отличного офицера и во всех отношениях достойного молодого человека, а сверх того почитал себя обязанным ему жизнью за то, что Фэрфакс выходил его, когда он лежал в тяжелом тифу. Время не стерло этих заслуг из его памяти, хотя не один год миновал после смерти несчастного Фэрфакса, пока полковник вернулся в Англию и смог что-то предпринять. Воротясь наконец, он разыскал девочку и принял в ней участие. Он был женат; из всех его детей в живых оставалась только дочь, девочка почти тех же лет, что и Джейн; Джейн стала часто и подолгу гостить у них в доме, сделавшись там всеобщей любимицей; ей шел девятый год, когда полковник, видя, как привязалась к ней его дочка, и желая также быть истинным другом отцу ее, предложил, что возьмет на себя все расходы по ее образованию. Предложение было принято, и с тех пор Джейн вошла в семью полковника Кемпбелла и окончательно поселилась у них, лишь время от времени навещая свою бабушку.

Ей предстояло выучиться учить других, так как жить независимо на те несколько сот фунтов, которые достались

ей от отца, было невозможно. Обеспечить ее иначе полковник Кемпбелл не имел средств, ибо, при весьма порядочном жаловании, владел сравнительно небольшим капиталом, который целиком предназначался его дочери, но он надеялся, давая девочке образование, предоставить ей приличный способ впоследствии зарабатывать себе на жизнь.

Такова была история Джейн Фэрфакс. Она попала в хорошие руки; не видела от Кемпбеллов ничего, кроме доброты, и получила прекрасное образование. Жизнь в доме сведущих, здравомыслящих людей открыла перед нею возможности для истинного воспитания чувств и совершенства духа, а так как дом этот находился в Лондоне, то, стараниями первоклассных учителей, получила полное развитие и всякая склонность в ней к изящному. Она, впрочем, как по характеру, так и по способностям была достойна всего, чем может одарить щедрая дружба, и в восемнадцать—девятнадцать лет вполне уже сама годилась исправлять должность наставницы, насколько столь ранний возраст соответствен с попечением о детях; ее, однако же, любя, не отпускали. Отец и мать равно не в силах были приблизить расставанье; их дочь — не в силах перенести его. Роковой день продолжали откладывать. Легко было говорить себе, что она еще слишком молода; и Джейн оставалась у них, предаваясь, наравне с их дочерью, благопристойным удовольствиям изысканного общества, разумно перемежая домашние занятия развлечениями и омрачаясь одним лишь будущим, отрезвляющими напоминаниями рассудка, что скоро все это может кончиться.

Любовь всего семейства и в особенности пылкая привязанность дочери еще и потому делали честь их благородству, что Джейн как красотой, так и способностями определенно превосходила мисс Кемпбелл. Молодая девушка не могла не видеть, что природа наградила ее подругу лучшей внешностью, как и родители не могли не замечать ее умственного превосходства. И тем не менее, это не помешало им дожить в нерушимом согласии до самой свадьбы мисс Кемпбелл, которая — по прихоти судьбы, большой любительницы подшутить над матримониальными чаяниями, наделяя привлекательностью среднее в обход превосходного, — чуть ли не с первой встречи покорила сердце богатого и приятного молодого человека по имени Диксон, с каковым и сочеталась браком, благополучно и счастливо, меж тем как Джейн Фэрфакс предстояло в поте лица зарабатывать свой хлеб.

Событие это произошло совсем недавно — так недавно, что менее удачливая из двух подруг не успела еще предпринять никаких шагов, ведущих на трудовое поприще, хоть и достигла уже возраста, который назначила себе для этого. Она давно решила, что начнет трудиться в двадцать один год. С послушническою стойкостью назначила себе в двадцать один год принести себя в жертву, навсегда отречься от мирских радостей, от общения, питающего ум, отринуть душевный покой и надежду и со смирением исполнять наложенную на себя епитимью.

Здравый смысл подсказывал Кемпбеллам не противиться такому решению, как ни восставали против него их чувства. Покуда они были живы, ей не было необходимости надрываться, их дом мог по-прежнему служить ей домом; ради себя они предпочли бы не отпускать ее, но понимали, что это эгоизм — чем раньше случится неизбежное, тем лучше. Теперь, может быть, им стало казаться, что разумнее и добрее было бы в свое время не соблазняться отсрочкой — пусть бы она вообще не вкусила сладость довольства и праздности, если должна от них отказаться. А любовь все равно рада была ухватиться за любой удобный предлог оттянуть горькую минуту. С самой свадьбы их дочери Джейн не переставала прихварывать, и ей, покамест ее здоровье не окрепнет окончательно, сочли должным запретить приниматься за обязанности, никоим образом не совместимые с надломленным здоровьем и душевною неустойчивостью, а напротив, даже при самых благоприятных обстоятельствах требующие для мало-мальски сносного их отправления нечеловеческих сил, как телесных, так и духовных.

О том, почему она не едет с Кемпбеллами в Ирландию, Джейн поведала тетке сухую правду, хотя, может быть, и не всю правду. Это ей принадлежала мысль пожить в Хайбери, покуда они будут в отъезде, провести последние, возможно, месяцы полной свободы у добрых родственников, которым она столь дорога; и Кемпбеллы, из тех или иных побуждений, как сообща, так и каждый в отдельности, охотно дали на то согласие, сказав, что несколько месяцев в родном климате, по их мнению, окажутся полезней для ее здоровья, чем любые лекарства. Ясно было одно: что она приезжает, и обитателям Хайбери вместо долгожданной, никем не виданной новинки — мистера Фрэнка Черчилла — придется покамест удовольствоваться относительной новизною Джейн Фэрфакс, которую не видели всего два года.

Эмму это не радовало — три долгих месяца делать милое лицо, встречаясь с особою, которая ей неприятна! Делать из вежливости более, чем хотелось бы, и менее, чем бы следовало! Ответить, за что она невзлюбила Джейн Фэрфакс, было бы затруднительно; мистер Найтли сказал однажды: за то, что видит в ней гармоническое сочетание достоинств, какими сама желала бы обладать в глазах других, и хоть Эмма тогда с жаром отвергла это обвинение, случались минуты, когда она, наедине со своею совестью, не могла оправдать себя до конца. И все же «с нею сблизиться невозможно, она не знает, в чем тут дело, но эта холодность и замкнутость, это подчеркнутое безразличие к тому, нравится она или нет, и эта ее тетушка, которая болтает без умолку! А как все носят с нею! И отчего это всегда считалось, что они непременно должны подружиться, — неужели если они ровесницы, то обязаны быть без ума друг от друга?» Таковы были ее резоны — лучших не находилось.

Неприязнь эта была столь мало обоснована, столь раздут был воображением каждый приписываемый недостаток, что всякий раз, впервые видя Джейн после значительного перерыва, Эмма невольно чувствовала, что незаслуженно обижает ее; вот и теперь, когда, по случаю приезда Джейн после двухлетнего отсутствия, она, как полагается, пришла с визитом, на нее заново произвели разительное впечатление те самые манеры и внешность, о которых она эти два года не уставала отзываться с пренебрежением. Джейн Фэрфакс была очень изысканна — удивительно изысканна; а изысканность Эмма ценила превыше всего. Она была хорошего роста — такого, что всякий назвал бы ее высокою и никто — долговзростой; прекрасно сложена, грациозна; не толста и не худая, а в самую меру, хотя налет болезненности, пожалуй, склонял чашу весов в сторону последнего из двух зол. Всего этого Эмма не могла не увидеть, и потом, это лицо — эти черты — она совсем забыла, как они прекрасны; неправильные, но такие, что залюбуешься. Глазам, глубоким, серым, с темными бровями и ресницами, она никогда не отказывала в похвале, но и кожа, которую привыкла бранить, находя несколько землистой, была так чиста, нежна, что румянец только испортил бы ее. Пред нею была та особая красота, в которой главенствует изящество, и Эмма, по чести и совести, по всем правилам своим, не могла ей не отдать дань восхищения — с изяществом, будь оно внешним или внутренним, она встречалась в Хайбери так

редко. Здесь не было и тени вульгарности, — были высокие и неподдельные достоинства.

Короче, во время первого визита Эмма сидела и глядела на Джейн Фэрфакс, вдвойне довольная собою от сознания, что ей приятно и что справедливость восстановлена, и начинала верить, что с неприязнью теперь покончено. Напоминая себе ее историю, размышляя о том, какая этой изысканности уготована участь, что оставляет она позади, как будет жить, невозможно было испытывать ничего, кроме жалости и уважения, — особенно если к известным всем подробностям, наделяющим ее притягательностью, прибавить то весьма вероятное обстоятельство, столь естественно напросившееся Эмме, что она влюблена в мистера Диксона. В этом случае тем более благородна была и достойна сострадания жертва, на которую она решилась. Эмма уж не спешила с прежнею легкостью обвинять ее в умысле отвести мистера Диксона от жены и прочих кознях, подсказанных ей вначале воображением. Ежели любовь и была, то скорее уж безыскусная, тайная, напрасная — только с ее стороны. Она скорее всего впитывала губительную отраву, сама того не замечая, когда вместе с подругой заслушивалась его речами, а теперь из самых лучших, из чистейших побуждений лишила себя этой поездки в Ирландию с твердым намерением бесповоротно оборвать все нити, связывающие ее с ним и его близкими, и начать в ближайшее время тяжелую трудовую жизнь.

В общем, уходила от нее Эмма столь размягченная и подобревшая, что по дороге домой окидывала мысленным взором Хайбери и досадовала, что не видит ни одного подходящего молодого человека, который подарил бы Джейн независимость, — такого, чтобы залучить его для Джейн в силки.

Благостны были эти порывы, однако же недолговечны. Раньше, чем Эмма успела сделать последний шаг, во всеуслышанье объявив себя отныне и навеки другом Джейн Фэрфакс и отрекшись от былых предубеждений и ошибок, когда только сказала мистеру Найтли: «Она и правда недурна собою — лучше, чем недурна!», Джейн, с бабушкой и теткой, провела вечер в Хартфилде, и снова все воротилось на старое место. Прежние раздражители ожили с новой силой. Тетушка была утомительна, как всегда, даже больше, потому что к восторгам по поводу совершенств племянницы присоединились теперь тревоги о ее здоровье. Им пришлось выслушать доскональный

отчет о том, что за завтраком ею съедается лишь такусенький кусочек хлебца с маслом, а за обедом — вот столечко баранинки, а также тщательно обследовать обновы, привезенные ей и ее матери: чепцы и мешочки для рукоделия; и Джейн опять впала в немилость. Они музицировали; Эмму уговорили играть, затем, как водится, благодарили и хвалили — с потугами на искренность, как ей представлялось, и с величественным видом, а в сущности-то лишь похвалялись, на высокий манер, собственной блистательной игрою. И главное — она была так холодна, так осмотрительна! Не допытаться, что думает на самом деле. Маска вежливости, с уст которой никогда не сорвется неосторожное слово. Отталкивающая и подозрительная скрытность.

Наибольшую сдержанность — хотя, казалось бы, куда уж больше — выказывала она, когда речь заходила об Уэймуте и о Диксонах. Она, можно было подумать, связала себя зарокom никому не открывать, что за человек мистер Диксон, какое она составила мнение об его обществе и хорошая ли они с мисс Кемпбелл пара. Одни только общие слова, доброжелательные и гладкие, без задоринки, без единой живой краски. Только это ее не спасло. Она скрытничала напрасно. Несмотря на все ее ухищрения, Эмма видела ее насквозь и вернулась к первоначальной своей догадке. Вероятно, ей все-таки было что скрывать, помимо собственных чувств, — наверно, мистер Диксон был очень близок к тому, чтобы изменить одной подруге с другою, а если и остался верен мисс Кемпбелл, то единственно из видов на двенадцать тысяч фунтов.

Подобная же сдержанность распространялась и на другие предметы. В одно время с нею был в Уэймуте мистер Фрэнк Черчилл. Все знали, что они немного знакомы, однако никаких сведений о том, что он собою являет в действительности, — ни звука — Эмма так и не добилась. «Хорош ли он?» — «Слывет молодцом, сколько ей известно». — «И приятен в обращении?» — «На этом, большею частью, сходятся единодушно». — «Производит ли впечатление мыслящего молодого человека — человека просвещенного?» — «Будучи на водах или мимолетно видясь в Лондоне, трудно сделать заключение о свойствах такого рода. При недолгом знакомстве, как у них с мистером Черчиллом, можно смело судить разве что о манерах. Манеры его как будто все находят отменными». Эмма не могла ее простить.

Эмма не могла ее простить, — однако это зло, как и причина, вызвавшая его, укрылись от внимания мистера Найтли, который тоже был в числе гостей и усмотрел с обеих сторон лишь должную внимательность и милое поведение, а потому, снова придя наутро в Хартфилд по делу к мистеру Вудхаусу, с одобрением отозвался о вчерашнем вечере — не столь открыто, как мог бы, не будь в комнате ее отца, но все же достаточно вразумительно для Эммы. Привыкши думать, что она несправедлива к Джейн, он теперь с большим удовольствием отмечал перемену к лучшему.

— Очень приятный вечер, — начал он, как только втолковал мистеру Вудхаусу необходимое, услышал в ответ, что все понятно, и убрал со стола бумаги. — В высшей степени приятный. Вы и мисс Фэрфакс угостили нас музыкой на славу. Есть ли большая роскошь, сэр, чем посидеть себе с удобством, когда две такие девицы целый вечер развлекают вас то музыкою, то разговором. Уверен, Эмма, что и мисс Фэрфакс осталась довольна вечером. Вы превзошли самое себя. Хорошо, что вы заставили ее так много играть, ведь в доме ее бабки нет инструмента и для нее, должно быть, это был настоящий подарок.

— Я рада, что вам понравилось, — с улыбкой сказала Эмма, — хотя, надеюсь, вообще не часто грешу невниманием к гостям Хартфилда.

— Что ты, душенька, — тотчас отозвался ее отец, — в чем другом, а *в этом* тебя не упрекнуть. Никому не сравниться с тобою в радушии и любезности. Скорее уж ты грессишь избытком гостеприимства. Взять хоть вчерашний вечер, когда обносили булочками, — по-моему, довольно было бы и одного раза.

— Да, нечасто, — почти одновременно с ним отозвался мистер Найтли. — Нечасто вы грешите также недостатком хороших манер и проницательности. И оттого, я думаю, понимаете, о чем я говорю.

Лукавый взгляд сказал ему: «И очень понимаю», меж тем как вслух она молвила только:

— Мисс Фэрфакс очень сдержанна.

— Немножко, — я давно вам говорил. Однако излишнюю сдержанность, ту, которая проистекает от застенчивости, вы скоро преодолеете. Ту же, что подсказана благоразумием, надлежит уважать.

— Это вы находите ее застенчивой. Я не нахожу.

— Милая Эмма, — сказал он, пересаживаясь на стул, стоящий ближе к ней, — надеюсь, вы не хотите сказать, что были недовольны вчерашним вечером.

— Нет, отчего же! Была довольна тем, что с таким упорством задаю вопросы, и позабавилась, наблюдая, как мало сведений получаю в ответ.

— Вот оно что! Не ожидал, — отрывисто заметил он.

— Надеюсь, все приятно провели время, — со свойственным ему благодушием проговорил мистер Вудхаус. — Я — очень. Была минута, когда мне сделалось жарковато у камина, но я чуточку отодвинул стул, совсем чуть-чуть, и жар уже не доставал до меня. Мисс Бейтс, по обыкновению, была так говорлива, оживлена — правда, она говорит несколько быстро. Но при всем том, милейшая особа, и миссис Бейтс, на иной лад, тоже. Люблю старых друзей! И мисс Джейн Фэрфакс очень милая барышня, прехорошенькая и прекрасно воспитана. Ей должен был понравиться этот вечер, мистер Найтли, потому что с ней была Эмма.

— Справедливо, сэр. А Эмме — потому что с ней была мисс Фэрфакс.

Эмма видела, что он расстроен, и, желая утешить его хотя бы на время, сказала с неподдельною искренностью:

— Она такое изящное создание, что глаз не оторвать. Всякий раз гляжу и люблюсь — и сочувствую ей от души.

На лице мистера Найтли изобразилось нескрываемое удовлетворение, но он не успел отозваться, ибо в этот миг мистер Вудхаус, коего мысли заняты были Бейтсами, произнес:

— Какая жалость, что им приходится жить в столь стесненных обстоятельствах! Ужасно жаль! Мне часто хочется... но многое ли можно сделать, не обидев, — побаловать их изредка чем-нибудь не совсем обычным, маленьким подношением... Вот закололи свинку, и Эмма думает послать им ногу или филейчик, мясо молоденькое, нежное — хартфилдская свинина совсем не то, что свинина вообще — но все-таки свинина... так что пусть, Эмма, душенька, они ее непременно разделяют на ломтики и легонько обжарят, как жарят у нас, без жиринки, а ни в коем случае не запекают, никакой желудок не выдержит запеченной свинины... Пожалуй, лучше будет послать ножку — ты как полагаешь, душа моя?

— Папенька, я послала половину задней части целиком. Я знала, что вы бы так хотели. Окорок они засолят,

он очень для этого хорош, как вы знаете, а филей пойдет прямо к столу, в том виде, какой им больше понравится.

— Правильно, душенька моя, совершенно правильно. Мне сразу в голову не пришло, но это самое лучшее. Пусть только не пересолят окорок — когда он засолен в меру, его еще проварить хорошенько, как проваривает для нас Сэрли, и, если есть очень понемножку, с вареной репой, да туда же морковки или пастернака, то получается, я сказал бы, не столь уж обременительное для желудка блюдо.

— Эмма, — начал спустя немного мистер Найтли, — у меня для вас новость. Вы ведь охотница до новостей — так вот, я по дороге сюда узнал такую, которая, думаю, будет вам любопытна.

— Новость? Ах, верно, — я всегда рада новостям! Что же это за новость? И чему вы так усмехаетесь?.. Где вы ее узнали — не в Рэндалсе?

Он только успел сказать:

— Да нет, — я нынче не был в Рэндалсе... — как дверь распахнулась и в комнату вошли мисс Бейтс и мисс Фэрфакс. Распираемая благодарностью, но распираемая и новостями, мисс Бейтс положительно не знала, чему отдать предпочтение. Мистер Найтли скоро увидел, что момент упущен и не ему быть рассказчиком.

— Ах, сударь, здравствуйте — доброе утро! Мисс Вудхаус, дорогая моя, я слов не нахожу! Какая чудесная свинина, и вся половина задней части! Вы чересчур щедры! А слышали вы новость? Мистер Элтон женится.

Эмма, которая меньше всего в эту минуту думала об мистере Элтоне, невольно вздрогнула от неожиданности при этом имени и чуть заметно покраснела.

— Это и есть моя новость, я полагал, вам она покажется любопытной, — сказал мистер Найтли с усмешкою, таящей осуждение и намека на известные им обоим события в недавнем прошлом.

— Но от кого же *вы* могли слышать, мистер Найтли? — вскричала мисс Бейтс. — Кто мог вам сказать? Ведь пяти минут нету, как я получила записку от миссис Коул, — не прошло и пяти минут — от силы десять... я как раз собиралась выйти, надела уже и капор, и спенсер, хотела лишь еще разок наведаться к Патти насчет свинины... Джейн в это время стояла в коридоре, — верно, Джейн? — потому что матушка беспокоилась, не маловата ли будет для засолки наша большая кастрюля. Вот я ей и сказала, что сойду вниз посмотреть, а Джейн говорит:

«Не лучше ли мне спуститься? Вы, по-моему, немного простужены, а Патти только что мыла кухню». «Ах, милая...» — говорю я ей, и тут-то принесли записку... На некой мисс Хокинс — это все, что мне известно. Мисс Хокинс, которую он встретил в Бате. Но вы, мистер Найтли, — как вы могли узнать? Ведь не успел мистер Коул сообщить об этом миссис Коул, как она сразу села писать мне записку. Что это некая мисс Хокинс...

— Я полтора часа назад был у мистера Коула по делу. Когда вошел, он только что кончил читать письмо от Элтона и тотчас протянул его мне.

— Вот как! Понимаю... конечно, всем интересно узнать такую новость. Сударь, щедротам вашим, право же, нет конца. Матушка просила вас кланяться, она вас тысячу раз благодарит и решительно не знает, что с вами поделать.

— Мы считаем, — отозвался мистер Вудхаус, — что наша хартфилдская свинина не идет ни в какое сравнение со всякою другою, так оно и есть, несомненно, и потому для нас с Эммой первое удовольствие...

— Ах, сэр, правду говорит моя матушка: наши друзья чрезмерно к нам добры! Ну кто еще, не будучи слишком богат, имеет все чего душа пожелает? Кто, как не мы, может по справедливости сказать: «Межи наши прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня!..» Так вы, мистер Найтли, стало быть, читали письмо собственными глазами — и что же...

— Письмо короткое — одно это известие и больше ничего, но, разумеется, радостное, торжествующее. — Хитро покосившись на Эмму: — Что, дескать, имеет счастье... — уж не помню точно, как там сказано, — да и не к чему запоминать, — но суть, как вы правильно изволили сказать, та, что он женится на некой мисс Хокинс. По его тону можно заключить, что все решилось только-только.

— Итак, мистер Элтон женится! — проговорила Эмма, когда к ней вновь вернулся дар речи. — Пожелаем же ему счастья.

— Ему рано жениться, — вывел свое заключение мистер Вудхаус. — Напрасно он торопится. По-моему, ему и так жилось прекрасно. Мы всегда рады были видеть его в Хартфилде.

— Будет нам, мисс Вудхаус, новая соседка! — радостно объявила мисс Бейтс. — Моя матушка так довольна! Ей грустно было, что бедный дом викария стоит без хозяйки. Да, это новость так новость! Джейн, тебе

ведь не приводилось видеть мистера Элтона, не удивительно, что ты сгораешь от любопытства!

Может быть, Джейн и сгорала от любопытства, но мысли ее при этом, сколько можно было заметить, витали вдалеке.

— Мистера Элтона?..— вздрогнув, откликнулась она на этот призыв.— Нет, не приводилось. Он что... высок ростом?

— Как на такой вопрос ответить? — воскликнула Эмма.— Батюшка скажет — да, мистер Найтли — нет, а мы с мисс Бейтс — что он среднего роста, которого лучше быть не может. Когда вы поживете у нас подольше, мисс Фэрфакс, то поймете, что мистер Элтон для Хайбери — образец совершенства, как внешнего, так и внутреннего.

— Очень метко сказано, мисс Вудхаус, так оно и есть. Прекраснейший молодой человек... Но, Джейн, милая, если помнишь, я говорила тебе вчера, что он в точности такого роста, как мистер Перри. Мисс Хокинс... наилучших правил, должно быть, девица. Его крайнее внимание к моей матушке... усадил ее на одну из скамей, отведенных для семьи викария, там лучше слышно, а матушка, знаете ли, глуховата, не то чтобы очень, но может не расслышать с первого раза. Джейн говорит, полковник Кемпбелл тоже глуховат. Возлагал надежды на водолечение — теплые ванны,— но большой пользы, по ее словам, от них не было. Полковник Кемпбелл, вы знаете, просто наш добрый ангел. Да и мистер Диксон, такое у меня впечатление, прелестнейший молодой человек и вполне ему под стать. Какое счастье, когда жизнь сводит вместе хороших людей, а ведь так обыкновенно и происходит. Посмотрите — приедут мистер Элтон с мисс Хокинс, а тут им и Коулы — такие отличные люди, и мистер Перри с женою — счастливее и лучше четы нигде не встретишь! Знаете, сэр,— относясь к мистеру Вудхаусу,— я думаю, не много найдется мест, где собралось бы такое общество, как в Хайбери. Я всегда благословляю судьбу за то, что послала нам таких соседей... Сударь, если и есть у моей матушки любимое блюдо, то это свинина — запеченный свиной филей...

— Любопытно бы узнать,— поторопилась сказать Эмма,— кто такая эта мисс Хокинс, давно ли он с нею знаком. Едва ли это давнее знакомство. Он ведь только четыре недели как уехал.

На этот счет никаких сведений ни у кого не оказалось, и Эмма, полюбопытствовав в пространство еще немало, сказала:

— Вы все молчите, мисс Фэрфакс, но я надеюсь, что и вы рано или поздно выкажете интерес к этой новости. Вы столько за последнее время наслышаны о подобных предметах, столько повидали, так были всем этим поглощены, благодаря мисс Кемпбелл — мы не простим вам безучастия к мистеру Элтону и мисс Хокинс.

— Когда я увижу мистера Элтона,— возразила Джейн,— мне, вероятно, станет интересно, но *ранее* этого — не думаю. А с тех пор, как мисс Кемпбелл вышла замуж, прошел не один месяц, и впечатления мои несколько поблекли.

— Да, ровно четыре недели, как он уехал,— сказала мисс Бейтс,— вы совершенно верно заметили, мисс Вудхаус,— как раз вчера было четыре недели... Мисс Хокинс... А мне-то представлялось всегда, что это будет девица из здешних,— не то чтобы я хоть раз позволила себе... Миссис Коул, правда, шепнула однажды... но я ей тотчас ответила: «Нет. Хотя у мистера Элтона и много достоинств, но...» Короче говоря, выходит, я не очень-то дальновидна в такого рода делах. Ну что же, нет так нет. Значит, далее того, что у меня перед глазами, я не вижу. Хотя, по совести сказать, никого бы не удивило, если бы мистер Элтон решился просить... Мисс Вудхаус так снисходительна, я заболталась, а она меня не останавливает. Она знает, что я ни в коем случае не хочу сказать ничего обидного. А как поживает мисс Смит? Кажется, совсем поправилась? А от миссис Найтли слышно что-нибудь в последнее время? Ах! Что за восторг эти милые малютки! Знаешь ли, Джейн, я всегда рисую себе мистера Диксона похожим на мистера Джона Найтли. По виду, я хочу сказать,— тоже высокий, и что-то в выражении лица... и тоже не очень разговорчивый.

— Совсем не то, милая тетушка,— между ними совершенно нет сходства.

— Вот странно! Хотя заранее никогда не составишь себе точного портрета. Дашь волю воображению, и оно заводит неведомо куда. Так ты говоришь, мистера Диксона нельзя назвать красивым в полном смысле слова?

— Красивым? Отнюдь! Наоборот — он явно некрасив.

— Но, милая, ты сказала, мисс Кемпбелл так не считает — и что ты тоже...

— Я? Мое суждение не имеет ровно никакой цены. Я ежели к кому расположена, то всегда нахожу привлекательной и его внешность. Назвавши его некрасивым, я высказала общее мнение, сколько оно мне известно.

— Ну что ж, Джейн, милочка моя,— пожалуй, нам настало время бежать. Что-то небо нахмурилось, бабушка будет волноваться. Вы очень любезны, дорогая мисс Вудхаус, но нам, право, нужно идти. Такая приятная новость! Я по пути на минутку загляну к миссис Коул — трех минут у нее не пробуду,— ты же, Джейн, иди-ка прямо домой, иначе можешь попасть под дождь, а для тебя с ним шутки плохи!.. Мы находим, ей *уже* стало лучше за то время, что она в Хайбери. Да, в самом деле, спасибо. К миссис Годдард я заходить не буду — она, я знаю, признает только *вареную* свинину... вот поспеет окорок, тогда другое дело. До свиданья, сударь. Что, и мистер Найтли с нами? Ах, это очень!.. Ежели Джейн устанет, вы, я уверена, не откажете в любезности подать ей руку... Да, мистер Элтон и мисс Хокинс... Прощайте же, до свиданья.

Оставшись наедине с отцом, Эмма слушала краем уха его сетования о том, что молодые люди зачем-то спешат жениться — и на ком жениться, на посторонних,— и в это же время прислушивалась к собственным мыслям. Ее самое эта новость и позабавила и успокоила, с очевидностью подтвердив, что мистер Элтон страдал недолго, но она с жалостью думала о Гарриет — Гарриет больно будет это узнать. Оставалась одна надежда — первой сообщить ей новость, пока удар внезапно не нанесли другие. Близился тот час, когда она обыкновенно приходила. Что, если ей по дороге встретится мисс Бейтс!.. Стал накрапывать дождь, вынуждая Эмму смириться с предположением, что Гарриет может, пережидая его, задержаться в доме миссис Годдард, где ее, без сомнения, неожиданно-негаданно и ошеломят этим известием.

Хлынул дождик, проливной, но короткий, и не прошло после него пяти минут, как появилась Гарриет, с тем самым разгоряченным, возбужденным видом, который говорил, что она торопилась сюда излить душу, а восклицание, которое немедленно вырвалось у нее: «Ах, мисс Вудхаус, подумайте, что случилось!» — свидетельствовало, что душа эта в неопишемом волнении. Удар был нанесен, а значит, поняла Эмма, лучшее, что можно сделать для нее,— это выслушать, не перебивая; и Гарриет, захлебываясь, еле переводя дух, выложила перед нею то, с чем пришла. Она вышла от миссис Годдард полчаса назад — испугалась, что пойдет дождь, он грозил начаться с минуты на минуту,— но подумала, что успеет прежде добраться до Хартфилда, ежели пойдет быстрым шагом, а как дорога

ей лежала мимо дома, где живет девушка, которая шьет для нее платье, то она решила, что забежит взглянуть, как подвигается работа, пробыла там, кажется, всего полминутки, но когда пошла дальше, все-таки полил дождь, — что было делать? — она пустилась во всю прыть прямо к Форду и укрылась там. Форд был торговец сукнами, полотняным и мелочным товаром; все это, вместе взятое, продавалось в лавке, которую он содержал, — самой большой и модной в Хайбери. И вот просидела она там, наверно, целых десять минут, ни о чем таком не помышляя, ничего не подозревая, как вдруг входит — кто бы вы думали? — это так удивительно, хотя, правда, они всегда покупают у Форда, — входит не кто иной, как Элизабет Мартин и с нею ее брат.

— Дорогая мисс Вудхаус, вообразите только! Мне чуть дурно не стало! Я не знала, что делать. Я сидела прямо у входа, и Элизабет сразу увидела меня, а он — нет, он возился с зонтом. Я уверена, что она узнала меня, но она тотчас отвернулась и сделала вид, будто меня не замечает, они отошли вдвоем в самый дальний угол лавки, а я осталась сидеть подле двери!.. Ах, не могу передать, как мне было худо! Я, верно, стала белая, как мое платье. Уйти было нельзя, на дворе шел дождь, но я готова была сквозь (емлю провалиться... Ах, мисс Вудхаус, если б вы знали!.. В конце концов он, вероятно, оглянулся и увидел меня, во всяком случае, они перестали заниматься покупками, а начали перешептываться — обо мне, я уверена. И скорее всего он убеждал ее заговорить со мною — как вы думаете, мисс Вудхаус, могло это быть? Потому что она вскоре подошла ко мне, стала рядом, спросила, как я поживаю, и видно было, что она готова протянуть мне руку, если и я отвечу тем же. Все это она делала не так, как бывало, я видела, что она другая, но она хотя бы *старалась* держаться дружески, и мы пожали друг другу руки и постояли, разговаривая, только не помню, что я говорила, — меня всю колотило от волнения!.. Она, я помню, говорила о том, как ей жаль, что мы теперь совсем не видимся, и поразила меня своей добротой в самое сердце! Дорогая мисс Вудхаус, я чувствовала себя такой гадкой! Дождь в это время стал стихать, и я решила, что не останусь там более ни под каким видом, но тут — вы не поверите! — увидела, что он тоже подходит ко мне, медленными шагами и с таким лицом, знаете, словно не очень уверен, то ли он делает. Но все-таки подошел и заговорил, я ответила и минуту стояла с таким ужасным чувством, не могу вам передать,

потом набралась духу и сказала, что дождь кончился и мне пора идти,— выхожу, но не успела отойти от двери и трех ярдов, как он догнал меня, и для того только, чтобы остеречь, что ежели я направляюсь в Хартфилд, то лучше будет дать крюку и пройти мимо конюшни мистера Коула, потому что на ближней дороге будут после дождя одни лужи. Ах, мисс Вудхаус, легче мне было умереть в эту минуту! Я сказала, что весьма ему обязана — не могла не сказать, как вы понимаете,— и он воротился опять к Элизабет, а я пошла дальней дорогой, мимо конюшни,— наверное так, хотя я плохо понимала, где я и что я. Мисс Вудхаус, я все на свете отдала бы, чтобы этого не случилось, но знаете, где-то в глубине души была рада, что он так добр и так мило себя ведет. И Элизабет тоже. Дорогая мисс Вудхаус, поговорите со мною, успокойте меня.

Эмма искренне рада была бы сделать это, но не вдруг нашла в себе силы. Ей надобно было сначала поразмыслить. У нее самой было не очень-то спокойно на сердце. За поведением молодого человека — и сестры его — она угадывала неподдельное чувство и невольно проникалась к ним состраданием. В поведении их, как описала его Гарриет, трогательно смешались оскорбленная любовь и утонченное благородство. Впрочем, она ведь и прежде знала, что они благонамеренные, достойные люди, но разве от этого породниться с ними становилось меньшим несчастьем? Глупо смущаться таким происшествием. Разумеется, ему жалко должно быть ее терять — всем им должно быть жалко. И не одна тут любовь была задета, но еще, пожалуй, и честолюбие. Надеялись, вероятно, благодаря знакомству с Гарриет возвыситься в обществе, да и потом, многого ли стоят описания Гарриет — такой покладистой, простенькой — такой близорукой,— что значит ее похвала?

Эмма взяла себя в руки и принялась ее успокаивать, стараясь представить случившееся сущим пустяком, который не заслуживает внимания.

— Неудивительно, что это несколько вас расстроило,— говорила она,— однако, как я могла понять, вы держались превосходно, а теперь все позади и более никогда не повторится — по крайней мере, это будет уже не первая встреча — а значит, следует все это выбросить из головы.

Гарриет пролепетала, что это «очень верно», что она «выбросит все из головы», но, однако же, только о том и продолжала говорить, ни о чем другом говорить не могла, и, дабы все-таки отвлечь ее от Мартинов, Эмма в конце

концов принуждена была без всяких обиняков сообщить ей новость, которую предполагалось преподнести со всевозможной деликатностью,— и сама уже не знала, радоваться ей или сердиться, стыдиться или, может быть, просто посмеяться подобной перемене в душе бедняжки Гарриет — подобному завершению всепоглощающей страсти к мистеру Элтону!

Мало-помалу, впрочем, мистер Элтон был восстановлен в правах. Хотя в первые минуты известие о нем и не произвело того действия, которое могло бы произвести вчера или час назад, но вскоре интерес к нему увеличился, а к концу их беседы Гарриет, за разговорами об этой счастливнице мисс Хокинс, столь распалила в себе любопытство, изумление и сожаление, горечь и умиление, что Мартины должным образом отступили в тень.

Эмма постепенно заключила, что все вышло к лучшему. Встреча с Мартинами пригодилась, чтобы смягчить для Гарриет первое потрясение, и теперь, отгесненная назад, не давала оснований для тревоги. При нынешней своей жизни Гарриет никак не соприкасалась с Мартинами, разве что они стали бы сами искать с нею встреч, а они до сих пор то ли не имели на это духу, то ли не снисходили до этого — во всяком случае, сестры Мартин с тех пор, как она отказала их брату, не переступали порога миссис Годдард, и, стало быть, целый год мог пройти, покамест случай снова сведет их вместе и даст возможность хотя бы обменяться несколькими словами.

ГЛАВА 4

атура человеческая столь благорасположена к тем, кто находится в чрезвычайных обстоятельствах, что обо всяком, который заключает в молодые лета семейный союз или умирает, непременно сказано будет доброе слово.

Недели не минуло с тех пор, как в Хайбери первый раз прозвучало имя мисс Хокинс, а уже обнаружилось неизвестными путями, что она всем взяла — и красотой, и умом; что она хороша собой, изящна, образованна и прекрасно воспитанна, со всеми мила, и, когда мистер Элтон явился торжествовать свою счастливую победу и прославлять окрест достоинства своей нареченной, ему

мало что оставалось прибавить к тому, как ее зовут и чью музыку она охотней всего играет.

Мистер Элтон вернулся счастливым. Уезжал он отвергнутый и уязвленный, обманувшись в радужных надеждах после того, как ему недвусмысленно и многократно, верил он, давали повод их питать; уезжал, не только лишась завидной партии, но и удостоверясь, что ему смеют прочить унизительно незавидную. Он уезжал жестоко оскорбленный одною — он воротился обрученный с другою, лучшей, разумеется, ибо в подобных положениях то, что удалось обрести, несравненно лучше того, что утрачено. Воротился веселый, самодовольный, оживленный, и добрый, не выдающий ни малейшего интереса к мисс Вудхаус и уже подавно не удостаивающий вниманием мисс Смит.

Обворожительная Августа Хокинс, в придачу к упомянутым преимуществам, как красота и всяческие совершенства, владела еще и капиталом во столько-то тысяч, при этом всякий раз называлась цифра десять — обстоятельство немаловажное само по себе, но и придававшее немалую важность рассказчику — тут было чем гордиться: он не предался рассеянию, он нашел себе невесту с десяти тысячным (или около того) состоянием, и нашел ее с такою восхитительной быстротой, так скоро после первых минут, когда их представили друг другу, отмечен был вниманием! Великолепно звучала история, поведенная им миссис Коул, по ее настоянию, о завязке и развитии романа, стремительном развитии: от первой нечаянной встречи — к обеду у мистера Грина — к вечеру у миссис Браун; улыбки, все более многозначительные; стыдливый румянец, красноречивое смущение, смятенные взоры — с какою легкостью он произвел впечатление, какой живой отклик нашел в ее душе, — а короче и проще говоря, за него схватились с такою готовностью, что и расчетливость осталась удовлетворена, и в равной мере тщеславие.

Он сумел добыть для себя как основательное, так и эфемерное — и деньги, и любовь, и был по праву счастлив; не говорил ни о чем, кроме себя и своих забот; принимал как должное поздравления; смеялся вместе с теми, кто над ним подтрунивал, — и бесстрашно, от всей души, одарял подряд улыбками местных девиц, с которыми еще несколько недель назад любезничал бы более осторожно.

Свадьба была не за горами; ничье дозволение на нее не требовалось, ее отдавало только время для необходи-

мых приготовлений, и когда он снова отправился в Бат, то общее мнение, которое как будто не опровергала и тонкая улыбка миссис Коул, сошлось на том, что обратно он придет уже с молодою женой.

За короткие дни, проведенные им в Хайбери, Эмма видела его лишь мельком, но и этого было довольно для сознания, что первая встреча позади, а также заключения, что эта новая его мина, полубоженная, полукичливая, не красит его. Честно говоря, она все меньше понимала, что могла находить в нем хорошего прежде; зрелище его слишком неразрывно связывалось с тяжелыми ощущениями, и, когда бы не высоконравственные помыслы о том, что это заслуженная кара, что это ей наука — горькое, но целительное лекарство от гордыни, — она бы рада была век его не видеть. Она желала ему здравствовать и процветать, но видеться с ним было сущее наказание; куда бы лучше было знать, что он благоденствует миль где-нибудь за двадцать.

Впрочем, то зло, что он по-прежнему будет жить в Хайбери, несомненно, должна была умерить его женитьба. Не одну докучную заботу поможет она устранить, не одну сгладить неловкость. *Миссис* Элтон станет удобным поводом произвести перемену в отношениях; бывшие дружеские узы канут, не вызвав ни у кого нареканий.

От самой будущей миссис Элтон Эмма многого не ожидала. Без сомненья, достаточно хороша для мистера Элтона, достаточно образованна для Хайбери, достаточно миловидна, хоть, вероятно, рядом с Гарриет будет глядеть дурнушкой. Что до ее происхождения, тут Эмма была покойна, твердо зная, что в этой части мистер Элтон, после всех своих спесивых претензий и своего пренебрежения Гарриет, не преуспел. Узнать на сей счет правду не составляло труда. *Что* она такое, поневоле оставалось неясным; *кто* она, оказалось возможным выяснить, и получалось, что, ежели отбросить в сторону десять тысяч фунтов, то никаких преимуществ перед Гарриет у нее нет. Ни имени, ни знатности, ни родства. Мисс Хокинс была младшею из двух дочерей бристольского... назовем его коммерсантом, если угодно, но так как доходы от его коммерции были, деликатно выражаясь, скромны, то сама собою напрашивалась догадка, что торговлишку он держал самую мизерную. Зимой девица часть времени проводила в Бате, но домом ей был Бристоль, самое сердце Бристоля; ибо, хотя отец и мать ее несколько лет как умерли, но оставался дядюшка — он занимался чем-то по юриди-

ческой части,— ничего более почтенного, чем род занятий по юридической части, молва ему не приписывала — у него она и жила. Эмма предполагала, что он служил клерком в конторе какого-нибудь стряпчего и выше не мог подняться по тупости. Все поползновения на знатность, таким образом, связаны были со старшей сестрой, которая составила блестящую партию, выйдя замуж за джентльмена из *высшего* общества, жила невдалеке от Бристоля на *очень* широкую ногу и держала две кареты! Тем и завершалась история — в том и состояло величие мисс Хокинс.

Если б ей можно было внушить свои нынешние чувства Гарриет! Она сама уговорила ее полюбить, но отговорить ее от этого оказалось, увы, не так-то просто. Слова бес-силжны были отнять обаяние у предмета, заполнившего собою обширные пустоты в головке Гарриет. Его мог бы — и несомненно должен был когда-нибудь — вытеснить оттуда другой, для чего подошел бы даже Роберт Мартин; однако иного исцеления, как подозревала Эмма, не существовало. Гарриет принадлежала к числу тех, которые, влюбившись единожды, уже всегда потом будут влюблены, не в одного, так в другого. А теперь ей, бедной, только пуще разбередил душу приезд мистера Элтона. Он, как на грех, без конца то тут, то там попадался ей на глаза. Эмма видела его всего один раз, Гарриет же, что ни день, ухитрялась непременно раза два-три *только что* встретить его, либо *только что* с ним разминуться, *только что* услышать его голос, увидеть удаляющуюся спину, либо у нее *только что* происходило какое-нибудь событие, дающее пищу воображению и любопытству и подогревающее чувство. Мало того, она постоянно слышала разговоры о нем, ибо не считая часов, проводимых в Хартфилде, находилась все время среди тех, в глазах кого мистер Элтон был непогрешим и для которых не было интересней занятия, как судить да рядить об его делах, а потому малейшее о нем известие, малейшая, имеющая до него касательство, включая доходы, прислугу, мебель, догадка о том, что было, есть и будет, повторялись вокруг нее на тысячи ладов. Ее лестное мнение о нем ежечасно подкреплялось славословиями, ее сожалениям не давали утихнуть, а ранам — затянуться, бесчетные упоминания о том, сколь счастлива должна быть мисс Хокинс, и наблюдения в части того, как сильно ее любят,— весь его вид, когда он проходил мимо окна, даже заломленная шляпа свидетельствовали, сколь пылко он влюблен!

Эмму, когда бы позволительно было обращаться в потеху колебания Гарриет, когда бы не были они мукой для ее подруги и укором для нее самой, позабавила бы ее переменчивость. Нынче главенствовал для нее мистер Элтон, завтра — Мартины; и внимание к одному на время служило средством освободиться от другого. Весть, что мистер Элтон обручен, помогла унять бурю после встречи с мистером Мартином. Страдания же, вызванные этою вестью, через несколько дней немного облегчил, в свою очередь, визит Элизабет Мартин к миссис Годдард. Гарриет не застали дома, но оставили ей записку, написанную в таком духе, что невозможно было не растрогаться, с малою долей укоризны и бездною доброты, так что, покуда мистер Элтон не приехал сам, Гарриет только с нею и носилась, непрестанно соображая, чем бы ей ответить, и не смея признаться, чем ей самой хотелось бы ответить. Но явился мистер Элтон, и заботы эти рассеялись в прах. Покамест он оставался в Хайбери, Мартины были забыты, и, когда ему подошло время снова ехать в Бат, Эмма, чтобы несколько развеять скорбь Гарриет по этому поводу, распустила за благо снарядить ее в то же самое утро к Элизабет Мартин с ответным визитом.

Как ей вести себя при этом — что будет неизбежно, чего благоразумнее избегать, — составило для Эммы предмет сомнений и раздумий. Держаться с матерью и сестрами высокомерно, когда ее пригласят войти, значило бы выказать себя неблагодарной. Это недопустимо — да, но как же опасность, которою чревато возобновление знакомства?..

Хорошенько поразмыслив, Эмма сочла наилучшим то решение, что визит нанести следует, однако всем поведением своим дать понять — сколько это доступно их пониманию, — что знакомство отныне будет лишь формальным. Она отвезет Гарриет в Эбби-Милл в своей карете, там оставит, сама проедет дальше и вернется за нею с таким расчетом, чтобы не дать им времени для вкрадчивых заискиваний или опасных обращений к прошлому и со всею определенностью показать, каково между ними и ею расстояние.

Лучшего решения она найти не могла, и, хоть было в нем нечто такое, что в глубине души претило ей, некая неблагодарность, припудренная сверху приличием, его надобно было исполнить, а иначе что случилось бы с Гарриет?

еньше всего лежало у Гарриет сердце к этому визиту. Лишь за полчаса до того, как за нею заехала к миссис Годдард ее подруга, злая судьба привела ее к тому месту, где как раз в это время грузили на тележку мясника дорожный сундук с табличкою: «Его преподобию Филиппу Элтону, Уайт-Харт, Бат», чтобы подвезти его к дилижансу, с каковой минуты ничто на свете, кроме этого сундука и этой таблички, для нее не существовало.

Тем не менее она села в карету, и когда они доехали до фермы и она высадилась в конце широкой, заботливо посыпанной гравием дорожки, ведущей между шпалерных яблонь к дверям дома, то картина, которая столь радовала ее минувшею осенью, оживила в ней некоторое волнение; Эмма, отъезжая, видела, как она озирается вокруг с каким-то робким любопытством, и еще раз сказала себе, что воротится за нею не позже чем через четверть часа. Сама она за это время собиралась провести старую прислугу, которая вышла замуж и жила в Донуэлле.

Ровно через четверть часа ее карета остановилась возле белой калитки; мисс Смит вышла к ней по первому зову и без внушающих тревогу провожатых. На минуту из дверей показалась какая-то из сестер, простилась с нею как будто бы с церемонной учтивостью,— и гостья пошла по дорожке одна.

Долгое время не удавалось Гарриет собраться с мыслями и толком связать рассказ. Она была слишком взволнованна; однако в конце концов из сбивчивых слов ее у Эммы все же сложилось представление о том, как проходило это свиданье и почему о нем трудно говорить. Видела Гарриет только миссис Мартин и сестер. Ее встретили с нерешительностью, даже, может быть, с холодком — разговор касался все время только самых общих мест,— как вдруг, уже под конец, миссис Мартин перевела его неожиданно на более близкую тему, задала более сердечный тон, сказав, что мисс Смит, как ей кажется, выросла. В этой самой комнате она и две подруги ее в сентябре мерились ростом. На панели у окна остались отметины и памятная запись карандашом. Это *он* их сделал. Всем им вспомнился сразу тот день и час, то событие, те, кто был при нем,— всех охватило одно общее чувство, одно и то же сожаление — готовность вернуться к прежнему

доброму согласию — они только-только начали становиться опять похожими на себя (и Гарриет, по подозрениям Эммы, первая счастлива была бы отбросить в сторону натянутость), как вновь подъехала карета, и все кончилось. Характер ее визита, краткость его обозначились с беспощадною очевидностью. Четырнадцать минут уделить тем, у которых она меньше полугода назад провела шесть недель, и благословляла каждую минуту!.. Эмма, рисуя себе это все, не могла не почувствовать, сколь справедливо их возмущение, сколь естественны угрызения Гарриет. Неприглядная получалась картина. На многое согласилась бы она, многое отдала бы за то, чтобы Мартини принадлежали к более высокому разряду в обществе. Хотя *капельку* бы повыше, очень уж стоящие были люди, но при нынешнем их положении возможно ли было ей поступить иначе? Нет, нельзя!.. Она не раскаивалась. Их надобно разлучить, но это болезненная процедура — столь болезненная, на сей раз для нее самой, что вскоре она ощутила потребность слегка утешиться и, соответственно, решила ехать домой через Рэндалс. Мистер Элтон, Мартини — она была сыта ими по горло. Ей положительно требовалось отдохнуть душою в Рэндалсе.

Это была удачная мысль, однако, подкатив к дверям, они услышали, что «хозяина и хозяйки нет дома», причем уже довольно давно; слуга полагал, что они отправились в Хартфилд.

— Какая жалость! — вскричала Эмма, когда они тронулись дальше. — А там их теперь не застать, вот незадача!.. Никогда мне не было так досадно. — И она откинулась назад в уголке, чтобы отвести сердце, мысленно ропща на судьбу или, напротив, урезонивая себя, а возможно, делая то и другое понемножку, как и свойственно натурам, не склонным брюзжать. Но вот карета стала; она подняла голову — это мистер и миссис Уэстон остановили ее, желая с нею поговорить. Едва их увидев, она тотчас повеселела, а услышав, повеселела еще больше, ибо мистер Уэстон в то же мгновение обратился к ней с такою речью:

— Здравствуйте, здравствуйте! Мы посидели с вашим батюшкой, рад был видеть его столь бодрым. Завтра приезжает Фрэнк — я получил письмо нынче утром — непременно будет завтра к обеду — сегодня он в Оксфорде — и останется на целых две недели — а ведь я так и знал! Если б он приехал на рождество, то не имел бы в запасе и трех дней. Я все время рад был, что он не

приехал к рождеству, а теперь и погода будет самая подходящая — ясная погодка установилась, сухая. Поживет здесь в свое удовольствие; все сложилось как нельзя лучше.

Невозможно было, глядя на сияющее лицо мистера Уэстона, не заразиться его торжеством при этой вести, которой подтверждением служили также улыбки и слова жены его, более скупые и сдержанные, но выражающие ту же уверенность. Эмме было довольно увидеть, что *она* верит в приезд Фрэнка, чтобы поверить в него самой, и она всем сердцем разделила их радость. Сладко было воспрянуть истомленной душой! Прошрое, изжив себя, утонуло в новизне грядущего; у Эммы только в какую-то долю секунды мелькнула надежда, что разговоры о мистере Элтоне прекратятся.

Мистер Уэстон изложил ей, какие перестановки в рас-порядке энскупской жизни открыли его сыну возможность выкроить для себя эти две недели; изложил также его маршрут и способ передвижения, и она слушала, и улыбалась, и поздравляла.

— Скоро я приведу его в Хартфилд,— объявил он в заключение.

Эмма успела уловить при этих словах еле заметное прикосновение к его локтю жениной руки.

— Пойдемте, мистер Уэстон, нам пора,— сказала она,— не будем задерживать девиц.

— Да-да, я готов...— И вновь адресуясь к Эмме: — Только не рассчитывайте увидеть нечто *особенное*, вы ведь знаете о нем лишь по *моим* рассказам, а в действительности он, очень может быть, самый заурядный молодой человек...— хотя в глазах его сверкала убежденность в противоположном.

Эмма с самым наивным и простодушным видом молвила в ответ ни к чему не обязывающие слова.

— Думайте завтра обо мне, милая Эмма, около четырех часов,— было прощальное наставление миссис Уэстон, сказанное с легким трепетом в голосе и предназначавшееся только ей одной.

— Четырех! Можете быть покойны, он уже к трем будет тут как тут,— немедленно внес уточнение мистер Уэстон, тем и завершив эту приятнейшую встречу. Теперь уже Эммой владело отличное расположение духа, все вокруг представлялось глазам ее преображенным, с Джеймса слетела сонливость, да и лошади больше не спали на ходу. Она смотрела на живые изгороди и думала, что

бузине вот-вот настанет время распускать листочки — оглянувшись на Гарриет и даже в ней усмотрела некое просветление, первое пробуждение весны. Однако вопрос, заданный ею, обнадеживал не слишком:

— Что, мистер Фрэнк Черчилл по пути будет и Бат проезжать, не только Оксфорд?

Что ж, душевное равновесие, как и знание географии, приходят не сразу, и Эмма добродушно сказала себе, что со временем то и другое все-таки придет к ее подруге.

Наступил знаменательный день, и ни в десять часов, ни в одиннадцать, ни в двенадцать не забыла верная ученица миссис Уэстон, что в четыре должна думать о ней.

— Дорогой мой заботливый друг,— говорила она сама с собою, спускаясь из своей комнаты по лестнице,— всегда умеете позаботиться о других и никогда-то — о себе. Воображаю, в каких вы теперь хлопотах, как вы снова и снова заходите в его комнату, проверяя, все ли в порядке.— Когда она проходила по передней, пробили часы.— Двенадцать,— через четыре часа я не забуду о вас подумать. А завтра в это время или, пожалуй, чуть позже буду, наверное, думать, что все они, быть может, придут к нам. Я уверена, скоро они приведут его сюда.

Она отворила дверь в гостиную и увидела, что там сидят с ее батюшкою два господина — мистер Уэстон и его сын. Они только что пришли, мистер Уэстон успел лишь сообщить, что Фрэнк приехал на день раньше, а хозяин дома еще не высказал и половины любезнейших приветствий и поздравлений, когда появилась она, чтобы в свою очередь изумляться, приветствовать и выражать удовольствие.

Итак, Фрэнк Черчилл, о котором столь долго шли разговоры, который вызывал к себе столь жгучий интерес, был перед нею — был представлен ей, и Эмме подумалось, что его хвалили не зря. Молодой человек был *очень* красив; рост, осанка, манеры — безукоризненны, в чертах — те же одушевление и живость, что и у отца, во взгляде — ум и проницательность. С первых минут она почувствовала, что он понравится ей; по изысканной непринужденности, с которой он держался, по готовности, с какой поддерживал беседу, она видела, что он пришел с намерением свести с нею доброе знакомство и что добрыми знакомыми они должны сделаться очень скоро.

Он приехал в Рэндалс накануне вечером. Эмма про себя одобрила нетерпение приехать как можно быстрее, побудившее его изменить план своего путешествия —

раньше выехать, быстрее ехать, реже останавливаться ради того, чтобы выиграть полдня.

— Ну, что я вам говорил! — вскричал с ликованием мистер Уэстон. — Говорил я вам вчера, что он придет раньше времени! Я, помнится, и сам так поступал. Нет сил плестись потихоньку, когда путешествуешь — невольно подгоняешь себя, что хоть и стоит некоторых усилий, зато с лихвою окупается удовольствием свалиться к друзьям как снег на голову, когда вас еще не начали поджидать.

— Большое удовольствие, когда его можно себе позволить, — возразил его сын, — только не так-то много домов, где я решился бы на подобную вольность, — но когда едешь *домой*, то знаешь, что все можно.

При слове «домой» отец взглянул на него с особенным умилением. К Эмме сразу пришла уверенность, что он знает, как расположить к себе других, и последующее подкрепило эту уверенность. Он был в восторге от Рэндалса, находил, что дом обставлен и ведется образцово, даже с неохотою соглашался, что он не слишком велик, восхищался местоположением его, дорогой на Хайбери, самим Хайбери и уж тем более Хартфилдом и признавал, что постоянно испытывал тяготенье к этим краям, какое одни только *родные* края и способны вызвать, а также стремление посетить их. У Эммы мелькнула мысль, что несколько странно в таком случае, отчего он пораньше не изыскал возможности поддаться этому похвальному чувству, но, впрочем, ежели он и покривил душою, то проделал это из лучших побуждений и наилучшим манером. Ничего деланного, наигранного не слышалось в его речах. Он говорил с видом человека, которому и в самом деле необыкновенно хорошо.

Вообще же предметы их разговора были такими, которые и бывают при первом знакомстве. С его стороны они большею частью облекались в форму вопросов. Ездит ли она верхом? Хороши ли места поблизости для верховых прогулок? А для прогулок пешком? Многочисленно ли у них соседство? Очевидно, нет недостатка в друзьях из Хайбери? Он заметил и там, и в окрестности премилые дома. А балы? Дают ли здесь балы? Устраивают ли музыкальные вечера?

Когда же любопытство его было удовлетворено и они несколько освоились друг с другом, а их отцы заняты были своим, он, улучив удобный момент, заговорил о своей мачехе, отзываясь о ней с такой щедрой хвалой, таким

непритворным восхищением, такую благодарностью за то счастье, которое она принесла отцу его, и за тот теплый прием, который оказала ему, что лишний раз доказал этим, как он умеет снискать расположение и как для него важно расположить к себе *ее*. Воздавая хвалу миссис Уэстон, он ни единым словом не превысил того, что она заслуживала в самом деле, как о том знала Эмма, но, конечно, не мог знать он сам. Он просто понимал, что именно найдет благоприятный отклик, и действовал наверняка. Женитьба его отца, говорил он, была разумнейший шаг, всякий, который желает ему добра, должен приветствовать ее — он же должен чувствовать себя навеки обязанным семейству, от которого снизошла к нему такая благодать.

Казалось, еще немного, и он примется благодарить ее за достоинства мисс Тейлор, но он, как видно, не совсем забыл, что, вообще-то говоря, естественней предположить, что не мисс Тейлор воспитывалась у мисс Вудхаус, а все-таки мисс Вудхаус — у мисс Тейлор. А под конец, как бы сообщая своему отзыву о ней последний штрих, который поможет словам вернее дойти до цели, он объявил о том, сколь поражен ее молодостью и красотой.

— Умение держаться, обаяние,— к этому я был готов,— сказал он,— однако, принимая в расчет все обстоятельства, признаюсь, ожидал увидеть приятную особу определенного возраста и никак не предполагал, что встречу хорошенькую, молоденькую женщину.

— Для меня,— отвечала Эмма,— что вы ни скажете лестного о миссис Уэстон, все будет мало; дадите ей *восемнадцать* лет, я только порадуюсь, слыша это,— а вот она вас не похвалит. Я бы на вашем месте не выдавала ей, что вы ее называете молоденькой да хорошенькой.

— На это, надеюсь, у меня достанет сообразительности,— возразил он.— Нет, будьте уверены, я хорошо понимаю, кого в разговорах с миссис Уэстон могу хвалить в самых неумеренных выражениях и не бояться осуждения.

Эмма спрашивала себя, мелькало ли у него когда-нибудь подозрение, не покидавшее ее, о том, какие надежды могут возлагать другие на их знакомство, и о чем говорят в этом случае его комплименты,— что, он их в душе одобряет или бесповоротно отвергает? Надобно было дольше знать его, чтобы верно толковать его поведение; пока что она могла лишь сказать, что оно ей по душе.

Зато она наверное знала, какие мысли вертятся сейчас в голове у мистера Уэстона. То и дело перехватывала она

брошенный с широкою улыбкой в их сторону быстрый взгляд и, даже когда он заставлял себя не оглядываться на них, не сомневалась, что он прислушивается к ним одним ухом.

Как хорошо, что мыслям подобного рода был совершенно не подвержен ее батюшка, начисто лишенный какой бы то ни было подозрительности или прозорливости. Он был, по счастью, столь же чужд умению предвидеть брак, как и обнаруживать к нему терпимость. Всякий раз изъясняя недовольство, ежели надвигалась чья-либо свадьба, он никогда еще не опечалился заранее ее предвидением и, похоже было, держался слишком хорошего мнения о человеестве, чтобы допустить, что какие-то двое способны замышлять такую глупость, покамест жизнь не доказывала обратное. Эмма только благословляла эту благую слепоту. Он мог теперь со спокойной душою, не омрачаясь ни единым сомнением, не тшась распознать в госте приметы возможного вероломства, дать полную волю прирожденной доброжелательной учтивости, заботливо осведомляясь о том, с удобством ли путешествовал мистер Фрэнк Черчилл, благополучно ли перенес два раза кряду такое бедствие, как ночлег в дороге, и с неподдельной участливостью желая удостовериться, что ему в самом деле удалось избежать простуды, но, впрочем, остерегая его от окончательной в том уверенности до истечения еще одной ночи.

Посидев, сколько требует приличие, мистер Уэстон собрался уходить. Ему пора. Он еще должен навеститься в «Корону» насчет сена, а после — к Форду, со множеством поручений от миссис Уэстон, но никого другого он не торопит. Его сын, слишком хорошо воспитанный, чтобы не понять намеков, тотчас поднялся следом, говоря:

— Ежели вам дальше по делам, сэр, то я воспользуюсь случаем и нанесу визит, который рано или поздно нанести необходимо, а значит, можно с тем же успехом нанести сейчас. Я имею честь быть знакомым с вашей соседкой, — относясь к Эмме, — дамой, которая имеет жительство то ли в Хайбери, то ли поблизости от него, в семействе Фэрфаксов. Мне, полагаю, не составит труда отыскать их дом, хотя я, кажется, неточно выразился, назвав их Фэрфаксами, — следовало бы, скорее, сказать «Барнсы» или, может быть, «Бейтсы». Известно ли вам такое семейство?

— Еще бы не известно! — воскликнул его отец. — Миссис Бейтс — мы проходили мимо ее дома, я заметил в окошке мисс Бейтс. Верно-верно, ты знаком с мисс

Фэрфакс, помнится, встретился с нею в Уэймуте — очень хорошая девица. Непременно навести ее.

— Навещать ее нынче же нет особой надобности,— сказал молодой человек,— это можно сделать в любой другой день, просто наше доброе знакомство в Уэймуте предполагает...

— Нет-нет, пойди сегодня. Не откладывай. Раз это все равно следует сделать, значит, чем раньше, тем лучше. К тому же должен предупредить тебя: недостаток внимания к ней *здесь* недопустим. Ты видел ее, когда она была с Кемпбеллами, встречаясь с теми, кто окружал ее, на равной ноге,— здесь же она живет у старой бабушки, которая едва сводит концы с концами. Если ты промедлишь с визитом, это будет выглядеть как неуважение.

Казалось, он убедил своего сына.

— Я слышала от нее о вашем знакомстве,— сказала Эмма.— Она удивительно изящна.

Он подтвердил это, но столь глухим «да», что Эмма едва не усомнилась в его искренности; сверхъестественное изящество господствовало, должно быть, в модном свете, ежели ту меру его, которой одарена была Джейн Фэрфакс, могли счесть заурядной...

— Если вас до сих пор не поразила изысканность ее манер,— сказала она,— то нынче, я думаю, поразит. У вас будет случай разглядеть ее как следует, разглядеть и послушать — впрочем, нет, боюсь, послушать ее вам не удастся вовсе, потому что у нее есть тетушка, которая никогда не закрывает рот.

— Так вы знакомы с мисс Джейн Фэрфакс, сударь? — сказал мистер Вудхаус, как всегда последним уловив нить разговора.— Тогда позвольте вас уверить, вы в ней найдете премилую молодую девицу. Она тут в гостях у бабушки и тетки — весьма почтенные дамы, я их знаю всю жизнь. Уверен, что они будут чрезвычайно вам рады, а мой слуга пойдет с вами и покажет, как их найти.

— Ни в коем случае, сэр, благодарю вас, мне укажет дорогу батюшка.

— Но вашему батюшке идти не туда, ему только до «Короны», а это совсем не на той стороне улицы, кроме того, там очень густо стоят дома, недолго и запутаться, а как шагнете с тротуара — непролазная грязь. Мой кучер объяснит вам, где безопасней всего переходить улицу.

Мистер Фрэнк Черчилл, с трудом сохраняя на лице серьезность, продолжал отказываться, и отец горячо его поддержал, возгласив:

— Добрый друг мой, это совершенно лишнее. Фрэнку не впервой на своем веку видеть лужи, а от «Короны» до миссис Бейтс ему дойти ровным счетом два шага.

Скрепя сердце им разрешили идти одним, и оба джентльмена, один с сердечным кивком, другой с изящным поклоном, удалились. Эмма осталась очень довольна таким началом знакомства и могла теперь думать о каждом из них в любой час дня, зная, что в Рэндалсе все благополучно.

ГЛАВА 6

аутро мистер Фрэнк Черчилл был у них снова. И не один, а с миссис Уэстон, которая, сколько можно было судить, как и Хайбери, очень пришлась ему по сердцу. Он, оказывается, сидел дома, деля с нею компанию, покуда ей не настало время совершать ежедневный моцион, и, получив предложение выбрать маршрут для прогулки, немедленно остановился на Хайбери. «Он не сомневается, что здешние места, в какую сторону ни пойти, хороши для прогулок, но ежели спросят его, то выбор будет всегда один и тот же. Хайбери, где все радует глаз, веселит и дышит привольем,— Хайбери останется притягателен для него неизменно». Для миссис Уэстон слово «Хайбери» означало Хартфилд, она уповала, что и он вкладывает в него тот же смысл. Прямо туда они и направились.

Эмма, по совести говоря, их не ждала, потому что мистер Уэстон, который забежал на полминутки услышать, что его сын молодец хоть куда, не знал, каковы у них планы, и для нее было приятным сюрпризом увидеть, как они рука об руку приближаются к дому. Ей хотелось повидать его еще раз, и особенно в обществе миссис Уэстон, ибо от того, как он будет вести себя с нею, зависело, какое у нее сложится об нем мнение. Окажись он тут не на высоте, он уже ничем не мог бы этого искупить в ее глазах. Однако, увидев их вдвоем, она осталась вполне довольна. Не просто красивыми словами да преувеличенными комплиментами воздавал он ей должное — он вообще умел взять с нею такой верный, подкупающий тон, что лучше и не придумать, не выразить лучше свое желание видеть в ней друга и заслужить ее расположение. А времени составить себе основательное суждение оказалось у Эммы

довольно, так как они провели вместе все утро. Часа два-три прогуливались они втроем, сначала — по обсаженным кустами аллеям Хартфилда, потом — по Хайбери. Все приводило его в восторг, слух мистера Вудхауса усадился досыта его дифирамбами Хартфилду, а когда решено было двинуться дальше, то он признался, что хотел бы ознакомиться со всем селением, и Эмма не могла предположить, что там найдется столь много для него интересного и достойного доброго слова.

Подчас его любопытство к иной достопримечательности позволяло сделать лестное заключение о его чувствах. Так, он просил показать ему дом, в котором прожил долгие годы его отец, а до него — отец его отца, вспомнив же, что еще жива старушка, когда-то вскормившая его, обошел всю улицу из конца в конец, ища, где находится ее домик, и даже когда его внимание привлекало что-нибудь не очень стоящее, это само по себе многого стоило в глазах его спутниц как свидетельство хорошего отношения к Хайбери вообще.

Эмма, наблюдавшая за ним, решила, что человека, который обнаруживает подобные чувства, нельзя заподозрить в злом умысле оттянуть свой приезд, что он не мог ломать комедию, лицемерить в изъявлениях сыновней привязанности и мистер Найтли, конечно же, обвинял его незаслуженно.

Первую остановку сделали они у трактира «Корона», средней руки заведения, хотя и первого среди прочих в Хайбери, где держали лишь отчасти для проезжающих, а более для удобства местных жителей, две пары почтовых; дамы никак не ожидали, что их задержит здесь что-либо примечательное, однако им случилось помянуть мимоходом историю обширной пристройки, которая сразу бросалась в глаза. Ее сделали много лет назад, предназначая под бальную залу, и в дни многолюдства и балов она не однажды служила своей цели, но блистательное время это давно миновало, и ныне наивысшим ее предназначением было собирать под свои своды благородных и полублагородных джентльменов из местного вист-клуба. Мистер Фрэнк Черчилл тотчас наострил уши. Его поразило, что это бальная зала; вместо того чтобы пройти мимо, он на несколько минут остановился под окнами — оба превосходных подъемных окна были открыты — и, заглядывая внутрь, стал оценивать ее возможности и сетовать на то, что ею больше не пользуются по назначению. Он не нашел в зале ни единого недостатка, он отказывался

признать те, на которые ему указывали. Нет-нет, и длина подходящая, и ширина подходящая, и общий вид. И вмещает самое подходящее число людей. Здесь следует хотя бы раз в две недели на протяжении всей зимы устраивать балы. Отчего мисс Вудхаус не возродила для этой залы ее славное прошлое? Ведь она здесь всесильна! То возражение, что в Хайбери слишком мало хороших фамилий, никого, кроме жителей Хайбери да ближайших соседей, на такие балы не созовешь, не убедило его. Он не поверит, чтобы, когда кругом стоят красивые дома, в них не нашлось нужное число обитателей, достойных составить подобного рода собрание; даже услышав в подробностях описание местных семейств, он все-таки не желал согласиться, что кто-нибудь может пострадать от их смешения и что другое же утро не расставит всех снова по прежним местам. Он спорил со страстью завязанного танцора, и Эмма дивилась, глядя, как уэстонский норов берет верх над нравами Черчиллов. Казалось, ему в полной мере достались отцовская живость и общительность, кипучий, неунывающий дух — и ничего от энскупской чопорности и гордыни. Гордыни, правду сказать, попросту не хватало — подобное равнодушие к соблюдению общественных различий граничило с невзыскательностью вкуса. А впрочем, и мог ли такой, как он, судить о зле, коему придавал столь малую важность? Это лишь выплеснулся наружу избыток его задора, и только.

Наконец его уговорили оторваться от окон «Короны» и пойти дальше, и, когда перед ними очутился дом, в котором квартировали Бейтсы, Эмма, вспомнив, что он накануне имел намерение посетить их, спросила, состоялся ли визит.

— Ах да, состоялся,— отвечал он,— я как раз хотел об этом сказать. Он сошел как нельзя более удачно — я застал дома всех трех дам и очень вам обязан за своевременное предостережение. Когда бы словоохотливость тетюшки застигла меня врасплох, я бы, наверное, погиб. А так отделался лишь тем, что принужден был затянуть свой визит сверх меры. Нужно было бы — и, пожалуй, прилично было бы — посидеть минут десять, не долее, я и батюшку предупредил, что определенно буду дома раньше его, но как выбрать момент, когда нет ни умолку, ни передышки; и когда он, нигде меня не найдя, наконец зашел туда за мною, я с несказанным изумлением обнаружил, что просидел у них добрых три четверти часа. Почтенная дама не дала мне ни малейшей возможности вырваться раньше.

— И как, на ваш взгляд, выглядит мисс Фэрфакс?

— Неважно, совсем неважно, ежели, разумеется, допустить, что юная девица может неважно выглядеть. Но ведь так думать непозволительно, не правда ли, миссис Уэстон? Где это видано, чтобы особа прекрасного пола выглядела неважно? И притом, откровенно говоря, мисс Фэрфакс так бледна от природы, что всегда имеет нездоровый вид. Цвет лица ее оставляет желать лучшего.

Эмма, не соглашаясь с ним, взяла цвет лица мисс Фэрфакс под защиту. «Да, он и правда не ярок, но это не причина утверждать, будто в нем всегда присутствует нездоровый оттенок, а главное, ее коже свойственна чистота и прозрачность, от которых лицо ее приобретает неповторимую утонченность». Он с должною почтительностью выслушал ее, подтвердил, что слышал это от многих, но счел нужным признаться, что для него самого отсутствие здорового румянца — непоправимый изъян. Когда в чертах лица нет ничего особенного, румянец красит их, когда же они хороши, то действие его... но, к счастью, ему нет нужды здесь описывать, каково тогда его действие.

— Что ж, — отозвалась Эмма, — о вкусах не спорят. Во всяком случае, если отбросить цвет лица, она вам нравится.

Он покачал головою и рассмеялся.

— Для меня мисс Фэрфакс и цвет ее лица неразделимы.

— Вы с нею часто встречались в Уэймуте? Часто бывали в одном и том же обществе?

Они в эту минуту приближались к Форду, и у него вырвалось восклицание:

— Ха! Это, должно быть, и есть та самая лавка, в которой, как мне сообщил отец, всяк от мала до велика бывает каждый день? Он и сам, по его словам, шесть раз на неделе навещается в Хайбери, и всякий раз непременно найдется дело, которое приведет его к Форду. Прошу вас, зайдемте туда, ежели это вас не затруднит, — докажу тем самым, что и я здешний, что я тоже гражданин Хайбери. Я непременно должен купить что-нибудь у Форда. И таким образом утвердиться в правах гражданства... Я полагаю, у них торгуют перчатками?

— Да, и перчатками, и всем прочим. Я в восхищении от вашего патриотизма. Вас будут обожать в Хайбери. Вы пользовались известностью еще до вашего приезда, так как доводитеесь сыном мистеру Уэстону, но выложите полгинии у Форда, и ваша добрая слава будет зиждиться на ваших личных заслугах.

Они вошли; покамест с полок доставали и раскладывали по прилавку лоснистые, плотно перевязанные пачки «мужских фильдеперсовых» и «кожаных кофе с молоком», он сказал:

— Однако простите, мисс Вудхаус, я прервал вас, вы что-то говорили в ту минуту, когда во мне внезапно взыграла *amor patriae*¹. Не лишайте меня удовольствия узнать, что именно. Уверяю вас, самая громкая слава в обществе не возместит для меня утрату малейшей радости в частной жизни.

— Я только спросила, много ли вы бывали в Уэймуте вместе с мисс Фэрфакс, в одном кружке.

— Теперь, когда мне понятен ваш вопрос, скажу вам, что об этом спрашивать нечестно. Определять, какова степень знакомства — исконная привилегия дамы. Должно быть, мисс Фэрфакс, рассказывая об Уэймуте, уже обозначила для вас эту степень, и я не желаю попасть впросак, претендуя на большее.

— Помилуйте, судя по этому ответу, вы ей не уступаете в осмотрительности. В речах мисс Фэрфакс столько недосказанного, в ней самой — столько скрытности, нежелания сообщить хоть что-либо о ком бы то ни было, что вы, по-моему, право, можете без оглядки говорить об вашем знакомстве все что вздумается.

— В самом деле?.. Тогда скажу правду, тем более что это мне будет приятней всего. Я часто встречался с нею в Уэймуте. Кемпбеллы были мне немного знакомы по Лондону, и в Уэймуте мы вращались, большею частью, в одном кругу. Полковник Кемпбелл — милейший человек, миссис Кемпбелл приветлива и добра. Мне нравится их семейство.

— Тогда, я заключаю, вам известно, в каком положении находится мисс Фэрфакс и какая ее ожидает судьба.

— Да... — с некоторою заминкой, — известно, я думаю.

— Вы касаетесь деликатных предметов, Эмма, — с улыбкой вмешалась в разговор миссис Уэстон, — и забываете о моем присутствии. Мистер Фрэнк Черчилл не знает, что и сказать, когда вы заводите речь о таких вещах, как положение мисс Фэрфакс. Я лучше отойду в сторонку.

— Конечно, я забыла подумать о *ней*, — сказала Эмма, — потому что всегда вижу в ней только друга моего, дорогого, верного друга.

¹ Любовь к отчизне (*лат.*).

По его лицу было видно, что он вполне понимает подобное чувство и уважает его.

— Вы когда-нибудь слышали, как играет молодая особа, о которой мы только что говорили? — спросил Фрэнк Черчилл, когда покупка перчаток состоялась и они снова вышли из лавки.

— Когда-нибудь? — переспросила Эмма. — Вы забываете, насколько она неотделима от Хайбери! Я слушаю ее каждый год с тех пор, как мы обе начали учиться музыке. Она прелестно играет.

— Правда, вы так думаете? Мне хотелось знать мнение кого-то, кто может в самом деле почитаться судьей. Мне и самому показалось, что она играет недурно, то есть с большим вкусом, только я совершенно в этом не разбираюсь... Страшно люблю музыку, но совсем не играю, а значит, и не имею права судить о чужом исполнении. Другие, я слышал, им восхищались, мне запомнилось одно из свидетельств того, сколь высоко ставят ее игру. Некий господин, большой знаток музыки — мужчина, влюбленный в другую, обрученный с другою — им вот-вот предстояло жениться, — никогда не просил эту другую сесть за клавиши, ежели вместо нее могла сесть за них упомянутая молодая особа, ни разу не изъявил желания слушать одну, ежели возможно было послушать другую. Такое со стороны человека, известного своею музыкальной одаренностью, по-моему, кое о чем свидетельствует.

— Бесспорно свидетельствует! — весело подхватила Эмма. — Так мистер Диксон, стало быть, тонкий ценитель музыки? От вас мы за полчаса узнаем больше, чем мисс Фэрфакс соизволит выдать из себя за полгода.

— Да, я имел в виду мистера Диксона и мисс Кемпбелл и счел, что это говорит о многом.

— Несомненно, об очень многом — столь многом, что, правду сказать, окажись я на месте мисс Кемпбелл, я была бы от этого далеко не в восторге. Я бы не простила мужчине, что музыка ему дороже любви, усада слуха важнее улады очей, что прекрасные звуки понятней для него, нежели мои чувства. А как относилась к этому мисс Кемпбелл?

— Видите ли, речь шла о ее закадычной подруге.

— Слабое утешение! — смеясь, возразила Эмма. — По мне, скорее уж пусть отмечают чужую, нежели закадычную подругу, — с чужой такое, быть может, больше не повторится, но что за несчастье постоянно иметь под боком закадычную подругу, которая все делает лучше вас!..

Бедная миссис Диксон! Душевно рада за нее, что она уехала жить в Ирландию.

— Вы правы. Все это выглядело не слишком лестно для мисс Кемпбелл, но, право, непохоже было, чтобы ее это хоть сколько-нибудь волновало.

— Тем лучше — или, может быть, тем хуже, я не знаю. Но чем бы это ни объяснялось, кротостью ли характера или глупостью, пылкостью в дружбе или холодностью в любви, был человек, которого, я думаю, такое не могло не волновать — и это сама мисс Фэрфакс. *Она-то* уж наверное не осталась нечувствительна к тому, что ей оказывают столь неприличное и опасное предпочтение.

— Ну, что до этого... я не берусь...

— О, не подумайте, будто я рассчитываю получить от вас или кого-нибудь другого отчет о том, каковы были чувства мисс Фэрфакс. Этого, как я догадываюсь, кроме нее самой, не ведает ни одна живая душа. Однако ежели она продолжала играть всякий раз, как попросит мистер Диксон, то можно предположить что угодно.

— Между ними тремя, казалось мне, царило столь доброе согласие... — быстро начал он, но осекся и продолжал спокойно: — А впрочем, не скажу, каковы были в самом деле их отношения, что там скрывалось за внешней видимостью. Скажу только, что на взгляд со стороны все шло гладко. Вам, знающей мисс Фэрфакс с детских лет, лучше судить о том, что она за человек и как ей более свойственно вести себя в чрезвычайных обстоятельствах.

— Да, я знаю ее с детских лет, это верно, — мы вместе были детьми, вместе выросли, и лишь естественно предположить, что нас связывает такая дружба, что всякий раз, когда она навещает родных, мы сходимся с нею накоротке. Но ничего похожего нет. Сама не знаю, как это вышло — отчасти тут был виною, пожалуй, мой гадкий дух противоречия, мне сделалась противна девочка, которую вечно так превозносят, боготворят, и тетка, и бабушка, и все окружающие. И потом, эта ее скрытность... я никогда бы не могла привязаться к столь замкнутому существу.

— Отталкивающая черта, согласен, — сказал он. — Без сомненья, зачастую весьма удобная, но всегда неприятная. В скрытности есть надежность, но в ней отсутствует привлекательность. Невозможно полюбить скрытного человека.

— Да, куда его скрытность в отношении вас не прекратится, и тогда он, может быть, станет привлекателен

вдвойне. Но я покамест не дошла до столь крайней нужды в хорошей приятельнице, подруге, чтобы брать на себя труд преодолеть чью-то скрытность и обнаружить за нею привлекательные свойства. О дружеских отношениях между мною и мисс Фэрфакс речи быть не может. У меня нет причин думать об ней дурно — ни малейших причин, — но только эта неизменная, эта сугубая осторожность в словах и манере держаться, этот страх дать другому мало-мальски ясное понятие о ком бы то ни было невольно внушают подозрение, что ей есть что скрывать.

Он совершенно с нею согласился, и Эмме после столь долгой прогулки вместе и такого сходства в их взглядах стало казаться, будто они хорошо знакомы, и не верилось, что они видятся всего-навсего второй раз. Он оказался не совсем таков, как она ожидала, менее светским человеком в некоторых своих взглядах, в меньшей степени баловнем судьбы и, значит, оказался лучше, чем она ожидала. Требования его были более умеренны, чувства более горячи. Особенно поразили ее соображения, высказанные им о доме мистера Элтона, который, как и церковь, они, уступив его настойчивой просьбе, сходили посмотреть и в котором он, не соглашаясь с их мнением, не усмотрел больших изъянов. Нет, по его впечатлению, дом совсем недурен — не стоит жалеть человека, которому достанется такой дом. Не жалости достоин мужчина, который будет делить кров, подобный этому, с любимой женщиной. Здесь вполне хватит места, чтобы устроиться со всяческим комфортом. Болваном надобно быть, чтобы требовать большего.

Миссис Уэстон только посмеялась этому. Он не знает, что говорит. Он, который привык жить только в большом доме, никогда не задумывался о том, сколько удобств и преимуществ связано с его размерами, поэтому не ему судить о лишениях, неизбежно проистекающих от необходимости ютиться в маленьком доме. Однако Эмма про себя решила, что он *отлично* знает, что говорит, — что в словах его видна похвальная склонность с молодых лет зажить своим домом и жениться из достойных побуждений. Он не догадывается, может быть, какими грозами чревато для мира в семье отсутствие комнаты для экономки или скверная кладовая, зато прекрасно сознает, что не в Энскуме счастье, и когда полюбит, то не задумываясь откажется от непомерного богатства, чтобы снискать самостоятельность уже в молодые лета.

завтра лестное мнение Эммы о Фрэнке Черчилле несколько поколеблено было известием, что он уехал в Лондон, и лишь затем, чтобы подстричься. Эта прихоть внезапно взбрела ему в голову за завтраком; он послал за фаэтоном и укатил, с намерением воротиться к обеду и не имея в виду цели более уважительной, чем стрижка волос. Конечно, невелик грех проехать по такому случаю шестнадцать миль туда и обратно, но отдавал этот поступок чем-то фатовским, вздорным, что претило ей. Он не вязался с тем здравомыслием в планах, умеренностью в требованиях и даже тем бескорыстием в движениях души, которые, верилось ей, она в нем разглядела накануне. Суетное тщеславие, невоздержанность, страсть к переменам, непрестанный зуд чем-то занять себя, не важно, дурным или хорошим, неумение подумать, приятно ли это будет отцу и миссис Уэстон, безразличие к тому, как будет выглядеть такое поведение в глазах людей,— вот обвинения, которые казались ей применимы к нему теперь. Батюшка ее только назвал его фертом и новость счел презанятной, но миссис Уэстон была недовольна, как явствовало из того, что она упомянула ее вскользь и более к ней не возвращалась, уронив лишь, что «у молодых людей всегда бывают маленькие причуды».

Не считая этого единственного пятнышка, у миссис Уэстон, как убедилась Эмма, сложилось о нем за то время, что он пробыл у них, впечатление самое благоприятное. Она с готовностью отмечала, как он внимателен и мил в общении, сколько она в нем увидела черт, которые ей нравятся. Открытая, по всему казалось, натура; бесспорно живой, веселый характер; в суждениях его она не заметила ничего дурного и определенно нашла много хорошего — он отзывался с большой теплотой о дяде, охотно о нем рассказывал, утверждая, что будь он предоставлен самому себе, то лучше его не было бы в мире человека, а к тетке хоть и не обнаруживал привязанность, но все же с благодарностью вспоминал ее доброту к нему и всякий раз говорил о ней уважительно. Все это очень обнадеживало, и не было, помимо злополучной его блажи стричь волосы, других причин считать, что он не заслуживает высокой чести, которой удостоен был в ее воображении — чести пусть не любить ее, но быть во всякую минуту готовым влюбиться, когда бы не останавливало ее безразличие (ибо она по-прежнему верна остава-

лась своему решению никогда не выходить замуж) — чести, короче говоря, быть избранным для нее всеми их общими друзьями.

Со своей стороны и мистер Уэстон, сверх того что сказано было его женою, назвал одно немаловажное достоинство. Он дал понять Эмме, что Фрэнк от нее в восхищении, очарован ее красотою и обаянием; одним словом, столь многое говорило в его пользу, что ей положительно нельзя было слишком строго его судить. А что до маленьких причуд, то они, как справедливо заметила миссис Уэстон, бывают у молодых людей всегда.

Был среди новых знакомцев мистера Черчилла в Суррее один, настроенный не столь снисходительно. Вообще как в Донуэллском приходе, так и в Хайберийском его поступок не слишком осуждали, благодушно прощая мелкие излишества красивому молодому человеку, который столь щедро расточает улыбки и умеет так ловко кланяться, но одну строгую душу среди них не так-то было легко задобрить улыбками да поклонами — и это был мистер Найтли. Ему сообщили эту новость в Хартфилде; минуту он помолчал, наклонясь над газетой, которую держал в руке, и тут же Эмма услышала, как он буркнул себе под нос:

— Хм! Пустой, ничтожный малый, как я и думал.

Она хотела было вспылить, но пригляделась внимательней и поняла, что это сказано не из желания позлить ее, а просто чтобы отвести душу,—> и сдержалась.

Хотя мистер и миссис Уэстон пришли и не с очень-то доброю вестью, но в одном отношении их приход был чрезвычайно своевременным. Пока они находились в Хартфилде, произошло событие, побудившее Эмму искать у них совета, и, что самое удачное, как раз того совета, который они ей дали.

Событие это было вот какого рода. Уже несколько лет, как в Хайбери поселилась чета Коулов, очень славные люди — дружелюбные, радушные, простые, но с другой стороны — низкого происхождения, из торговцев, так что причислить их к хорошему обществу можно было лишь с большою натяжкой. Приехав сюда, они жили первое время по средствам, тихо и скромно, мало кого принимали, а если и принимали, то без затей; однако вот уже года два, как состояние их значительно увеличилось, торговый дом в Лондоне начал давать больше прибыли, да и вообще им начало улыбаться счастье. Вместе с доходами возросли и запросы; им понадобилось больше места в доме, захотелось чаще принимать гостей. Они сделали к дому пристройку, завели

больше прислуги, больше стали тратить и ныне уступали в богатстве и роскоши только владельцам Хартфилда. Зная их гостеприимство и видя новую их столовую, все ждали, что они будут давать званые обеды, каковые и были устроены уже несколько раз, по преимуществу для холостых мужчин. Исконные, лучшие фамилии они, полагала Эмма, приглашать не осмелятся — Донуэлл, Хартфилд, Рэндалс были для них недоступны. А если бы все-таки осмелились, то она бы к ним не поехала ни за что на свете — жаль только, что из-за домоседных привычек ее батюшки отказ ее лишился бы отчасти того смысла, который она желала ему придать. Коулы были по-своему очень порядочные • люди, однако их следовало научить кой-чему — не им было предлагать семейству, которое стоит выше их, условия, на которых оно может их посетить. И преподать этот урок предстояло, подозревала она, не кому иному, как только ей, — на мистера Найтли она особых надежд не возлагала, на мистера Уэстона — и вовсе никаких.

К несчастью, она слишком уж заранее обдумала, как поставит Коулов на место, — прошло много недель, покуда ей представился случай сделать это, а тогда уже оскорбление было ею воспринято совсем иначе. В Донуэлл пришло приглашение — пришло и в Рэндалс, но они с батюшкой такового не получили, и объяснения миссис Уэстон, что, «вероятно, они не отважились так много взять на себя в отношении вас, зная, что вы не бываете на обедах», было ей маловато. Ее лишали желанной возможности ответить отказом, а после, вновь и вновь возвращаясь к раздумьям об этом вечере, на котором соберутся именно те, чьим обществом она дорожила более всего, она стала чувствовать, что и сама, быть может, не прочь была бы принять приглашение. Звана была Гарриет, званы Бейтсы. Об этом обеде шел разговор и вчера, во время прогулки по Хайбери, и Фрэнк Черчилл искренне сокрушался, что ее не будет. Он полюбопытствовал, не завершится ли вечер танцами. От одной этой мысли она еще более омрачилась духом; остаться в гордом одиночестве — даже при самом лестном для себя истолковании того, что ее не пригласили, — было не слишком утешительно.

И вот как раз когда в Хартфилде находились Уэстоны, приглашение пришло — потому-то и оказалось их присутствие столь своевременным, ибо, хотя первые ее слова по прочтении его были: «Конечно, надобно отказаться», она с такою поспешностью стала вслед за тем спрашивать

у них совета, как ей поступить, что они не раздумывая отвечали: «Ехать», и совет их был принят.

Она призналась, что, беря многое в расчет, не ощущает в себе крайнего нежелания поехать на этот вечер. Приглашение Коулов составлено было в столь надлежащем тоне, изложено с такою неподдельной предупредительностью, выказывало такое внимание к отцу ее... Они испросили бы этой чести ранее, но дожидались, покуда из Лондона прибудет ширма, которая, как они надеялись, оградит мистера Вудхауса от малейшего сквозняка и он охотнее согласится оказать им честь своим присутствием. В общем, она поддалась уговорам с большою легкостью, и, наспех обсудив между собою, как все обставить с наибольшим удобством для мистера Вудхауса — по всей вероятности, если не миссис Бейтс, то миссис Годдард не откажется составить ему компанию, — они приступили к задаче добиться от него согласия отпустить дочь на целый вечер, позволив ей в один из ближайших дней поехать на званый обед. О том, чтобы ехать *ему*, Эмма и мысли не допускала — вечер кончится слишком поздно, и слишком многолюдное соберется общество. Он смирился довольно быстро.

— Не любитель я ездить по обедам, — говорил он, — никогда этого не любил. И Эмма не охотница. Нам вредно засиживаться допоздна. И для чего только понадобилась мистеру и миссис Коул эта затея? Куда как лучше было бы им, по-моему, прийти к нам как-нибудь летом пить, чай, а потом отправились бы все вместе погулять — мы ведь рано пьем чай, и они успели бы домой до того, как станет сыро. Росы летними вечерами опасны, я бы всякому советовал их остерегаться. Но раз уж им непременно хочется видеть у себя на обеде Эмму, и так как вы оба тоже едете, и мистер Найтли, а значит, будет кому приглядеть за нею, то я не стану мешать — конечно, если не подведет погода, не будет ни сырости, ни холода, ни ветра. — И, с нежною укоризной обращая взгляд к миссис Уэстон: — Ах, мисс Тейлор, не вышли бы вы замуж — и скоротали бы мы с вами дома вдвоем этот вечер.

— А когда так, сэр, — вскричал мистер Уэстон, — раз это я забрал у вас мисс Тейлор, то, стало быть, мне надлежит и возместить вам, сколько возможно, ее отсутствие — если хотите, я сию же минуту зайду к миссис Годдард!

Однако от мысли, что кто-то кинется делать что-то *сию минуту*, волнение мистера Вудхауса не унялось, а только усугубилось. Дамы лучше знали, как с этим справиться.

Пусть мистер Уэстон утихомирится, все следует устроить с толком, не торопясь.

От такого обращения мистер Вудхаус быстро успокоился и в свойственной ему манере повел речь дальше. Он очень будет рад видеть у себя миссис Годдард. Он душевно расположен к миссис Годдард, так что пусть Эмма напишет ей несколько строк и пригласит ее прийти. Записку можно послать с Джеймсом. Но прежде всего необходимо написать ответ миссис Коул.

— Извинишься за меня перед нею, душенька, и как-нибудь поучтивей. Скажешь, что я никуда не гожусь, нигде не бываю по слабости здоровья и вынужден отказаться от ее любезного приглашения — вначале, разумеется, *поклонись* ей от меня. Впрочем, ты все сама сделаешь как следует. Тебя учить незачем. Вот только не забыть бы предупредить Джеймса, что во вторник понадобится карета. Ему я могу тебя доверить со спокойной душой. Мы, правда, всего раз были там с тех пор, как они провели к дому новый подъезд, но я все же не сомневаюсь, что Джеймс доставит тебя невредимой. А как доедете, скажи ему, в какое время за тобою заехать, и назови лучше ранний час. Ты ведь там не задержишься очень долго. Уже после чая ты устанешь.

— Но вы же не хотите, папа, чтобы я ехала домой до того, как устану?

— Конечно нет, милая, только ты устанешь очень скоро. Народу будет много, и все будут разом говорить. Шум тебя утомит.

— Но позвольте, сударь мой,— воскликнул мистер Уэстон,— ежели Эмма уедет рано, то распадется вся компания.

— Что за важность,— возразил мистер Вудхаус.— Чем раньше распадается любая компания, тем лучше.

— Да, но вы и о том подумайте, каково это будет выглядеть в глазах Коулов! Если Эмма сразу после чая уедет, они могут расценить это как обиду. Люди они незлобивые и без особых притязаний, но и они понимают, что, если гость торопится уйти, это сомнительный комплимент хозяину, и ладно бы какой другой гость, а то сама мисс Вудхаус! Не захотите же вы, сэр,— я в том уверен — расстроить и унижить Коулов, безобидных, добрейших людей, и притом — ваших соседей вот уже десять лет!

— Конечно нет, мистер Уэстон, ни в коем случае. Весьма вам обязан за то, что вы мне указали на это. Меньше всего мне бы хотелось их огорчить. Я знаю, какие это достойные люди. Перри утверждает, что мистер Коул даже пива в рот не берет. По виду никогда не скажешь, но он

страдает разлитием желчи — он очень этому подвержен, мистер Коул. Нет, я ни в коем случае не хочу причинить им огорчение. Эмма, душа моя, мы об этом не подумали. Ты согласишься, что лучше тебе пересилить себя и чуточку там задержаться, чем допустить, чтобы мистер и миссис Коул обиделись. Потерпи, если устанешь. Рядом будут друзья, так что ничего страшного не приключится.

— Ну разумеется, папенька. Я нимало за себя не тревожусь и не задумалась бы пробыть там столько же, сколько миссис Уэстон, если бы не вы. Единственное, что пугает меня, — это как бы вы не стали меня дожидаться. Покуда здесь будет миссис Годдард, я за вас покойна — она, вы знаете, вполне разделяет вашу страсть к пикету. Но боюсь, когда она уедет домой, вы, вместо того чтобы в обычное время лечь спать, будете сидеть в одиночестве, поджидая меня, — мысль об этом испортит мне всякое удовольствие. Вы должны обещать мне, что не будете меня ждать.

Он обещал на том условии, что и она, со своей стороны, кое-что пообещает ему, а именно: что ежели озябнет по дороге домой, то непременно хорошенько согреется; если проголодается — возьмет что-нибудь поесть; что ее горничная не ляжет спать, покуда ее не дождется, а Сэрли с дворецким присмотрят за тем, чтобы все в доме оставалось, как обычно, в полной сохранности.

ГЛАВА 8

Приехал назад Фрэнк Черчилл — но задержался ли из-за него обед в отчем доме, осталось для Хартфилда тайной, ибо миссис Уэстон, желая представить его мистеру Вудхаусу в самом выгодном свете, не проговаривалась о его прегрешениях, когда их возможно было скрыть.

Он приехал и в самом деле подстриженный, очень добродушно над собою же подсмеиваясь, но как будто ничуть не пристыженный тем, что выкинул подобную штуку. Ему не было причины печалиться о длинных волосах, за которыми можно спрятать смущение, или причины горевать о потраченных деньгах, когда он и без них был в превосходном настроении. Так же весело и смело, как прежде, глядели его глаза, и Эмма, повидав его, предавалась потом наедине с собою вот каким рассуждениям нравоучитель-

ного свойства: «Не знаю, хорошо ли это, но глупость уже не выглядит глупо, когда ее без стыда, на виду у всех, совершает неглупый человек. Злоба всегда есть зло, но не всякая дурь заключает в себе дурное, а смотря по тому, от кого она исходит...

Нет, мистер Найтли, *неправда*, что он пуст и ничтожен. Когда бы так, он бы это проделал по-другому. Он бы тогда либо кичился своим подвигом, либо стыдился его. Он бы выказывал бахвальство завзятого хлыща или же увертливость души, слишком слабой, чтобы постоять за себя в своем тщеславии... Нет, не пустой он человек и не ничтожный, я уверена».

Подошел вторник, неся с собою заманчивую перспективу увидеть его опять, и не на столь короткое время, как до сих пор; посмотреть, как он ведет себя в обществе и заключить из этого, что означает его поведение с нею; строить догадки о том, скоро ли ей настанет минута сбросить с себя холодность; воображать, каковы должны быть впечатления тех, кто впервые видит их вместе.

Она предвкушала этот вечер с удовольствием, хоть он и должен был состояться у Коулов,— памятуя также и то, что еще в те дни, когда мистер Элтон был у нее в фаворе, из всех его недостатков ее более всего смущало пристрастие к обедам у мистера Коула.

Все устроено было так, чтобы отец ее не скучал: не одна миссис Годдард смогла составить ему компанию, но и миссис Бейтс, и последней приятной ее обязанностью перед тем, как покинуть дом, было засвидетельствовать им свое почтение, когда они сидели втроем после обеда и, покамест мистер Вудхаус любовался ее платьем, предложить обеим дамам по большому куску сладкого пирога с полным бокалом вина, дабы вознаградить их по мере сил за вынужденное воздержание, на которое, очень может статься, их обрекла за обедом забота хозяина дома об их здоровье... Она предусмотрительно заказала обильный обед, но только не чувствовала уверенности в том, что гостям дали им насладиться.

К дверям мистера Коула она подъехала следом за другим экипажем и с удовольствием узнала в нем карету мистера Найтли, ибо мистер Найтли, не держа лошадей, имея мало свободных денег, но много энергии, а также крепкое здоровье и независимый характер, был слишком, по мнению Эммы, склонен передвигаться по земле как придется и реже пользовался своею каретою, чем подобало владельцу Доуэллского аббатства. Сейчас у нее была возможность

высказать ему по горячим следам свое одобрение, так как он задержался, чтобы высадить ее.

— Вот теперь вы приехали как полагается,— сказала она,— как и пристало джентльмену... Очень рада видеть это.

Он поблагодарил ее, заметив:

— Какая удача, что мы приехали с вами минута в минуту! А не то встретились бы только в гостиной и вы бы не распознали, пожалуй, что я нынче более обычного джентльмен. Сомнительно, чтобы по внешнему виду и манерам вы различили бы, каким я способом сюда добрался...

— Нет, различила бы, уверяю вас. Когда человек добирается до места заведомо неподобающим для себя способом, в нем всегда заметна некая натянутость — либо суматошливость. О себе вы, верно, думаете,* что у вас это сходит великолепно, но на самом деле вас выдает своего рода рисовка, нарочитая пренебрежительность — я в таких случаях замечаю это немедленно. Теперь же вам пыжиться незачем. Незачем опасаться, как бы не заподозрили, что вам стыдно. Тянуться, стараясь быть выше всех. Теперь для меня войти в дом вместе с вами — одно удовольствие.

— Выдумщица! — проворчал он, но вовсе не сердито.

У Эммы были все причины остаться довольной не только мистером Найтли, но и остальным обществом. Ее встретили с почтительной сердечностью, которая не могла не льстить,— ее положению отдавали должное полной мерой. Это ей, когда прибыли Уэстоны, предназначались самые ласковые, самые восторженные взгляды как мужа, так и жены; сын их приблизился к ней с веселым нетерпением, выделяя ее среди прочих как свою даму, а за обедом — не без ухищрений со своей стороны, она это твердо знала — оказался рядом с нею. Общество собралось довольно многочисленное: приехало еще одно семейство, которое Коулы с гордостью называли в числе своих знакомых,— очень почтенное и родовитое, из сельской знати; приехал и хайберийский стряпчий, мужской представитель семейства Коксов. Гости рангом пониже — и с ними мисс Бейтс, мисс Фэрфакс и мисс Смит — ожидались вечером, но уже за обедом из-за большого числа собравшихся трудно было поддерживать общий разговор, и, куда одни толковали о политике, а другие — об мистере Элтоне, Эмма могла со спокойной совестью целиком посвятить свое внимание обаятельному соседу. Первые слова, которые, долетев со стороны, невольно заставили ее насторожиться, были: «Джейн Фэрфакс». О ней говорила

что-то миссис Коул, и кажется, что-то интересное. Она прислушалась и поняла, что послушать очень стоит. Воображение, столь ей любезное, столь неотъемлемое от нее, почуяло лакомую пищу. Миссис Коул рассказывала, что ходила навестить мисс Бейтс, и едва только переступила порог комнаты, как ей бросилось в глаза фортепьяно — прекрасный, изящно отделанный инструмент — не рояль, правда, но хороших размеров пианино, а суть рассказа — главное, к чему сводился последовавший между ними диалог: восклицания, расспросы, поздравления с ее стороны и разъяснения со стороны мисс Бейтс,— была та, что доставили фортепьяно накануне, от Бродвуда, к величайшему удивлению как тетушки, так и племянницы, неожиданно-негаданно для той и другой — Джейн, по словам мисс Бейтс, просто растерялась вначале, не зная, что подумать и кто бы мог заказать для них такую вещь, но теперь обе были совершенно убеждены, что прислать ее мог только один человек — и это, разумеется, полковник Кемпбелл.

— Тут и гадать не о чем,— прибавила миссис Коул,— я даже не поняла, как можно было сомневаться. Но, оказывается, Джейн на днях получила от них письмо, и в нем ни слова не сказано про пианино. Ей лучше знать их особенности, но я бы не считала, что ежели они молчат о подарке, значит, он не от них. Может быть, им хотелось сделать ей сюрприз!

Миссис Коул дружно поддержали остальные; все, кто высказывал свое мнение, единодушно сходились на том, что подарок сделал полковник Кемпбелл, и все единодушно радовались тому, что он сделал,— желающих высказать свое мнение нашлось так много, что Эмме можно было держать собственные мысли по этому поводу при себе и все-таки услышать, что еще скажет миссис Коул.

— Поверьте, редкая новость доставляла мне подобное удовлетворение! Мне всегда больно было видеть, что у Джейн Фэрфакс, которая так чудесно играет, нет своего инструмента... Суший позор — в особенности, как подумаешь, сколько есть домов, в которых великолепные инструменты буквально пропадают даром. Да что далеко ходить! Только вчера я говорила мистеру Коулу, что стыдно смотреть, как стоит новый рояль у нас в гостиной, когда я сама двух нот взять не умею, наши девочки только-только начинают, и еще вопрос, получится ли у них что-нибудь, а в это время бедной Джейн Фэрфакс, такой бесподобной пианистке, вообще не на чем играть — хотя бы плохонький

спинет для утехи, так и того нету... Не далее как вчера говорила я это мистеру Коулу, и он вполне согласился со мною, только он страшно любит музыку и позволил себе сделать эту покупку в надежде, что, может быть, время от времени кто-нибудь из добрых соседей любезно согласится найти инструменту лучшее применение, чем способны найти мы сами. Из этих соображений, сказать откровенно, и был приобретен рояль, а иначе нам было бы в самом деле совестно... Сегодня мы очень надеемся, что нам удастся уговорить мисс Вудхаус испробовать его.

Мисс Вудхаус, как полагается, дала себя уговорить и, удостоверясь, что ничего ценного из разговоров миссис Коул более почерпнуть нельзя, обернулась к Фрэнку Черчиллу.

— Чему вы улыбаетесь? — сказала она.

— А вы чему?

— Я?.. Ну, мне, наверное, приятно сознавать, что полковник Кемпбелл такой богач и такая широкая натура... Это щедрый подарок.

— Очень.

— Несколько удивляет, правда, что его не сделали раньше.

— Раньше, очевидно, мисс Фэрфакс не уезжала сюда на столь долгое время.

— А еще, что полковник не предоставил в ее распоряжение их собственный инструмент, который, должно быть, заперт сейчас в Лондоне и никто к нему не прикасается.

— У них рояль,— возможно, полковник счел, что это слишком громоздкая вещь для домика, в котором живет миссис Бейтс.

— *Говорить* вы можете что угодно, однако *думаете*, судя по выражению вашего лица, примерно то же, что и я.

— Не знаю. Вы, по-моему, награждаете меня проницательностью, которой я не обладаю. Я улыбаюсь, потому что улыбаетесь вы, и, может быть, узнав, каковы ваши подозрения, начну подозревать то же самое, но в настоящую минуту не вижу, в чем тут сомневаться. Ежели это не полковник Кемпбелл, тогда кто же?

— Что вы сказали бы о миссис Диксон?

— Миссис Диксон? А что — совершенно верно! Я и не подумал о миссис Диксон. Ей не хуже, чем отцу ее, известно, сколь нужен в доме инструмент, а все то, чем это было обставлено,— эта таинственность, внезапность — пожалуй, скорее указывает на молодую женщину, а не на пожилого мужчину. Да, похоже, что это миссис Диксон.

Я же сказал вам, что в своих подозрениях буду следовать за вами.

— Ежели так, вам надобно распространить ваши подозрения и на мистера Диксона.

— На мистера... А, ну да. Да, я вас тотчас понял — конечно, это их общий подарок, мистера и миссис Диксон. У нас ведь недавно был разговор о том, какой он горячий поклонник ее искусства.

— Да. И то, что вы мне в связи с этим сказали, подтверждает одну мысль, которая у меня зародилась раньше... Я не хочу усумниться в благих побуждениях как мистера Диксона, так и мисс Фэрфакс, но не могу в то же время избавиться от подозрения, что, предложив руку мисс Кемпбелл, он затем либо имел несчастье влюбиться в ее подругу, либо почувствовал, что сама она к нему чуточку равнодушна. Возможны и другие предположения, хоть двадцать, и ни одно не будет в точности соответствовать истине — но только я уверена, что неспроста отказалась она от путешествия в Ирландию с Кемпбеллами и поехала вместо этого в Хайбери. Здесь ждала ее трудная жизнь, полная лишений, там — одни удовольствия. В том объяснении, что ей будто бы необходимо подышать родным воздухом, я вижу всего лишь отговорку... Летом оно бы еще могло выглядеть правдоподобно, но много ли проку в родном воздухе, когда на дворе январь, февраль, март? Тут при слабом здоровье — а значит, я полагаю, и в ее случае — полезней жаркий камин и карета. Я не требую, чтобы вы вслед за мною разделили эти подозрения, хоть очень благородно с вашей стороны было заявить о том. Я только честно вам их излагаю.

— А я отвечу, что они звучат до чрезвычайности убедительно. Во всяком случае, готов поручиться, что мистер Диксон определенно предпочитал слушать, как играет она, а не ее подруга.

— Ну, и потом, он спас ей жизнь. Это вам известно? Во время морской прогулки, — что-то произошло, и она едва не упала в воду. А он ее подхватил.

— Верно. Я был при этом, в той же лодке.

— Ах, так? Вот оно что... И конечно же, ничего не заметили, раз эта мысль для вас нова... Окажись там я, — я бы, думаю, сделала кой-какие открытия.

— Вы — да, охотно верю, но я, простак, увидел только, что мисс Фэрфакс едва не сбросило за борт, а мистер Диксон успел ее удержать... Все это было делом одной секунды. Общее потрясение и переполох продолжались по-

том гораздо дольше — добрых полчаса, наверное, минуло, покуда мы вновь пришли в себя, — но в этом едином для всех порыве каких-либо признаков сугубого волнения ни с чьей стороны не замечалось. Хотя я и не хочу сказать, что вы бы при этом не сумели все-таки сделать кой-какие открытия.

На этом разговор прервался. Затянувшаяся пауза между двумя переменами блюд призвала их разделить со всеми томительные минуты ожидания, сидя с таким же, как у других, сдержанным и чинным видом; но вот стол опять благополучно заставился кушаньями, каждый судок и соусник водворился точно на положенное ему место, и, когда к обществу, занятому едою, опять воротилась непринужденность, Эмма сказала:

— Появление этого фортепьяно разрешило для меня все сомнения. Мне лишь немного недоставало, и этим сказано довольно. Будьте уверены, мы скоро услышим, что это подарок мистера и миссис Диксон.

— А ежели Диксоны отопрутсся и скажут, что знать ничего не знают, то надобно будет сделать вывод, что это подарок Кемпбеллов.

— Нет, от Кемпбеллов оно прийти не могло. Мисс Фэрфакс знает, что оно не от Кемпбеллов, иначе она бы все поняла в первую же минуту. Не пришла бы в недоумение, а смело объявила, что это они прислали. Быть может, вас я не убедила, но сама твердо убеждена, что главный, кто здесь замешан, — мистер Диксон.

— Поверьте, вы ко мне несправедливы, ежели допускаете, что не убедили меня. Я положительно не в силах противиться в своих суждениях вашим доводам. Вначале, решив, что вы считаете дарителем полковника Кемпбелла, я принял этот поступок за изъявление отеческой заботы, то есть самую естественную вещь на свете. Потом, когда вы помянули миссис Диксон, мне ясно сделалось, насколько более вероятно, что это — дань крепкой женской дружбы. Теперь же я не могу рассматривать его иначе, как дар любви.

Развивать эту тему далее не было оснований. Его слова звучали искренне, похоже было, что она и точно убедила его. Эмма ничего больше не прибавила; разговор перешел на другое, и за разговором обед незаметно завершился; подали сладкое, в столовую привели детей, над ними поахали, поумилились под шум обычного застольного говора, когда изредка скажут нечто глубокомысленное, изредка — отъявленную глупость, а большею частью слы-

шится ни одно и ни другое, а то же, что и каждый день: перепевы известного, старые новости, тяжеловесные шуточки.

Дамы недолго пробыли в гостиной, когда — кто вместе, а кто порознь — подоспели и остальные гости. Эмма следила за появлением своей маленькой приближенной, и, хотя, быть может, рано было бы торжествовать, что она вполне усвоила и благородство и грацию, все же цветущая прелесть ее и безыскусные манеры ласкали глаз, а сердце радовалось тому, что у нее такой неунывающий, легкий, счастливый нрав, который позволяет ей находить для себя, среди терзаний обманутого чувства, столько невинных утех. Она сидела — и кто, при взгляде на нее, угадал бы, сколько ею пролито слез за последнее время? Принарядиться, быть в обществе, видеть, как нарядно одеты другие; сидеть, улыбаться, мило выглядеть и ничего не говорить — вот и все, что требовалось ей для счастья на этот час. Куда было ей тягаться благородством и грацией с Джейн Фэрфакс, а между тем, подозревала Эмма, та, возможно, рада была бы поменяться с Гарриет самым сокровенным, охотно согласилась бы взять себе унижение неразделенной любви — да хотя бы и к мистеру Элгону — взамен опасного удовольствия сознавать, что она любима мужем своей подруги.

Подходить к Джейн на столь многочисленном собрании не было необходимости. Эмме не хотелось начинать с нею разговор о фортепьяно, она чувствовала себя достаточно причастной его тайне, чтобы сознавать, сколь было бы ненеликодушно выказывать к нему интерес и любопытство, а потому умышленно держалась на расстоянии; зато другие повели о нем речь немедленно, и Эмма видела краску неловкости, вызванную поздравлениями, виноватый румянец, сопровождавший слова «бесценный друг мой полковник Кемпбелл».

Особенный интерес к появлению фортепьяно обнаружила миссис Уэстон, с ее участливым сердцем и любовью к музыке, и Эмма невольно усмехалась про себя, наблюдая, с каким упорством преследует она сей предмет, без устали его обсуждая, допытываясь, каков у инструмента звук, удар, педали, и вовсе не подзревая о желании прекрасной героини происшествия распространяться об нем как можно меньше, которое она сама явственно читала в ее чертах.

Вскоре к ним присоединился кое-кто из господ мужчин, и первым среди этих ранних пташек был Фрэнк Черчилл. Он вышел к ним, самый первый и самый краси-

вый, проследовал, поклонясь мимоходом мисс Бейтс и ее племяннице, прямо на другую сторону кружка — туда, где сидела мисс Вудхаус, и тогда только сел, когда нашел себе место подле нее. Эмма догадывалась, что должны думать сейчас те, кто находится в гостиной. Ее отмечал он, одну из всех, и каждому это было ясно. Она представила его своей приятельнице мисс Смит, и потом, дважды улучив удобный момент, услышала, что подумали эти двое друг про друга. Первый раз видит он такое прелестное личико — и что за восторг эта наивность! А от нее: это, конечно, для него чересчур большой комплимент, но ей кажется, он чем-то слегка напоминает мистера Элтона. Эмма с трудом подавила в себе раздражение и молча от нее отвернулась.

Фрэнк Черчилл прежде всего бросил взгляд на мисс Фэрфакс и обменялся с Эммой понимающей улыбкой, однако оба благоразумно воздержались от замечаний. Он начал с того, что только и ждал минуты покинуть столовую — терпеть не может сидеть так долго — всегда уходит при первой же возможности; что отец его и с ним вместе мистер Найтли, мистер Кокс и мистер Коул с головою ушли в какие-то свои приходские дела; что он все же провел это время в мужском обществе не без приятности, ибо нашел, что люди в нем подобрались разумные, порядочные — он вообще так расхваливал Хайбери, так поражаюсь тому, что здесь столько семейств, с которыми славно было бы водить знакомство, что Эмма уже спрашивала себя, заслуженно ли глядела до сих пор на этот уголок с таким презрением. Она, в свою очередь, расспрашивала его про общество в Йоркшире: велико ли соседство вокруг Энскума, какого оно рода, и поняла из ответов, что в Энскуме очень мало кого принимают, что есть ряд знатных домов, куда они ездят сами, но все довольно далеко, и что, даже когда приглашение принято, можно ожидать, что в назначенный день у миссис Черчилл окажется неподходящее для визита самочувствие или настроение; что у них правило никогда не посещать новых людей, и, хотя у него есть свой круг знакомых, ему стоит труда — стоит *подчас* немалых ухищрений — выбраться к кому-нибудь или кого-нибудь пригласить вечером к себе.

Она поняла, отчего молодой человек, наскучив чрезмерным уединением дома, может быть недоволен Энскумом и находить столько хорошего в Хайбери — в том лучшем, что может предложить Хайбери. Что он пользуется в Энскуме влиянием, было очевидно. Он не хвастался — толь-

ко рассказывал, но само собой выходило, что иной раз тет-ка слушалась его, а дядюшка ничего с нею не мог поделаться, и когда Эмма, смеясь, указала ему на это, он признался, что, не считая двух случаев, добиться от нее чего угодно для него — лишь вопрос *времени*. Один такой случай, когда он, несмотря на свое влияние, оказался бессилен, он назвал. Ему очень хотелось поехать за границу, он просто мечтал, чтобы его отпустили постранствовать, но она и слышать об этом не захотела. Было это в прошлом году. *Теперь*, сказал он, это желание начинает у него пропадать.

Второй случай, когда все уговоры оказывались напрасны, он не стал называть — Эмма сама догадалась, что он связан с должным вниманием к его отцу.

— Я сделал пренеприятное открытие, — помолчав, прибавил он. — Завтра будет неделя, как я приехал, — половина отпущенного мне срока! Никогда не видел, чтобы дни летели так быстро. Завтра — уже неделя!.. А я только начал входить во вкус. Едва успел познакомиться с миссис Уэстон, с остальными... Уж лучше бы не вспоминать!

— Теперь вы, может быть, сожалеете, что целый день, когда у вас их так мало, убили на стрижку волос.

— Нет, — возразил он улыбаясь, — об этом ничуть не сожалею. Я лишь тогда люблю видеться с друзьями, когда знаю, что сам являюсь перед ними в надлежащем виде.

К этому времени и другие господа мужчины собрались в гостиной, и Эмма на несколько минут вынуждена была отвернуться от соседа, слушая, что ей говорит мистер Коул. Когда же мистер Коул отошел и она снова могла уделить ему внимание, она увидела, что Фрэнк Черчилл в упор глядит через всю комнату на мисс Фэрфакс, сидящую как раз напротив.

— В чем дело? — спросила она.

Он вздрогнул.

— Спасибо, что вы меня окликнули, — отвечал он. — Я, кажется, вел себя очень грубо, но мисс Фэрфакс, право же, соорудила себе такую странную прическу на голове, такую немыслимую, что я не мог оторвать глаза. Первый раз встречаю подобную экстравагантность!.. Эти кудельки!.. Вероятно, плод собственной фантазии. Больше ни у кого таких не видно!.. Надо бы к ней подойти и спросить: это что, в Ирландии так носят? Спросить, в самом деле?.. Решено, спрошу — подойду и спрошу, а вы смотрите, как она это примет, покраснеет или нет.

Он мгновенно вскочил и через минуту уже стоял перед мисс Фэрфакс и что-то говорил ей, однако разобрать, какое действие производят на молодую особу его слова, оказалось невозможно, так как он непредусмотрительно поместился как раз между нею и Эммой, совершенно загородив собою мисс Фэрфакс.

Он не успел воротиться назад, когда стул его заняла миссис Уэстон.

— Вот чем прекрасно большое общество,— сказала она,— всегда можно уединиться и посекретничать. Милая Эмма, мне не терпится рассказать вам что-то! Я тут, вроде вас, тоже делала открытия и замышляла планы и, покуда все это свежо во мне, спешу с вами поделиться. Знаете, каким образом сюда попали мисс Бейтс и ее племянница?

— Каким образом?.. Их пригласили, разве не так?

— Да, это понятно! Но как они добирались сюда, каким способом?

— Пешком, надобно полагать. Как им было иначе добраться?

— Очень справедливо. Так вот, в какую-то минуту мне представилось, как будет грустно, ежели Джейн Фэрфакс и отсюда пойдет пешком, на ночь глядя, а ночи в эту пору студеные. Я взглянула на нее и увидела, что хотя она нынче и хороша, как никогда, но вся покраснелась, и значит, тем легче ей простудиться. Бедная! Я не могла примириться с этой мыслью и, как только мистер Уэстон вышел из столовой и мне удалось выбрать подходящую минуту, поговорила с ним насчет кареты. Нетрудно догадаться, с какою готовностью отозвался он на мою идею, и я, заручась его одобрением, сразу пошла сказать мисс Бейтс, что до того, как отвезти нас домой, карета будет к ее услугам. Я подумала, что ей это приятней будет знать заранее. Добрая душа,— с какою благодарностью она выслушала меня! Есть ли на свете вторая такая счастливица, как она! Спасибо, тысячу раз спасибо, но им незачем причинять нам это беспокойство — они приехали в карете мистера Найтли, и она же отвезет их домой. Признаться, я удивилась, приятно удивилась, конечно, но все же очень... Эта заботливость, доброта, эта предупредительность!.. Редкий мужчина додумается так поступить. Короче, зная привычки мистера Найтли, я склонна думать, что он скорее всего вообще воспользовался сегодня каретой только ради них. Подозреваю, что для себя одного он бы не стал нанимать пару лошадей,—

то был всего лишь предлог предоставить это удобство дамам.

— Похоже,— сказала Эмма.— Очень похоже. Не знаю, кто больше мистера Найтли способен на такое — кто более его, от чистого сердца, из истинно благих побуждений, способен на доброе участие и заботу о пользе других. В нем нет галантности, но есть большая человечность, и он, памятуя о слабом здоровье Джейн Фэрфакс, счел, что это как раз тот случай, когда требуется выказать человечность, а уж умения изъять непоказную доброту мистеру Найтли не занимать. Я знаю, что он нанял сегодня лошадей,— мы с ним подъехали сюда одновременно, и я еще подтрунивала над ним, но он не выдал себя ни единым словом.

— Боюсь,— сказала с улыбкой миссис Уэстон,— что вы усматриваете в поступке мистера Найтли больше простой и бескорыстной участливости, нежели я. У меня, когда я слушала, что говорит мисс Бейтс, мелькнуло подозрение иного рода, и я уже не в силах от него отделаться. Чем более думаю, тем оно кажется мне вероятней. Одним словом, сосватала я мысленно мистера Найтли и Джейн Фэрфакс! Видите, что значит водиться с вами!.. Ну, что вы на это скажете?

— Мистера Найтли и Джейн Фэрфакс? — вскричала Эмма.— Дорогая миссис Уэстон, как вам могло это прийти в голову?.. Мистер Найтли!.. Как можно, чтобы мистер Найтли женился? Не хотите же вы, чтобы маленький Генри лишился Донуэлла!.. Нет-нет, Донуэлл непременно должен достаться нашему Генри. Я решительно не согласна, чтобы мистер Найтли женился, да он и не собирается, уверяю вас. Странно, как вы могли подумать?

— Эмма, милая, я уже сказала, что заставило меня так подумать. Мне этот брак не нужен — не нужно мне, чтобы пострадали интересы маленького Генри,— но что поделаешь, сами обстоятельства наводят на такую мысль, и ведь не захотели бы вы, ежели б мистер Найтли всерьез задумал жениться, чтобы он отказался от своего намерения ради шестилетнего мальчугана, который еще и понятия ни о чем не имеет.

— Нет, захотела бы. Я бы не потерпела, чтобы кто-то оттеснил в сторону Генри... Жениться — мистеру Найтли? Да нет, я никогда и мысли такой не допускала и теперь не могу допустить. И на ком? На Джейн Фэрфакс, видите ли!

— А что? Вы сами знаете, она всегда была первой его любимицей.

— Да, но неблагоразумие такого брака!

— Я не говорю, что это благоразумно,— говорю лишь, что вероятно.

— И вероятного я ничего не вижу, ежели у вас нет более веских оснований, чем те, которые вы привели. Его участливость и человечность — вполне достаточное объяснение тому, что он нанял лошадей. Тут даже никакой Джейн Фэрфакс не надобно. Он, как вы знаете, независимо от нее очень расположен к Бейтсам и всегда рад оказать им внимание. Нет уж, милая миссис Уэстон, не беритесь за сватовство. Это занятие не для вас. Джейн Фэрфакс — хозяйка аббатства?! Нет-нет,— вся душа содрогается! Ради него же самого я не дала бы ему выказать подобное безрассудство.

— Неблагоразумие — согласна, но не безрассудство. Кроме неравенства состояний, пожалуй, известной разницы в годах, не вижу, чем они не пара.

— Но мистер Найтли вовсе не хочет жениться! Даже не помышляет об этом, я уверена. Не подавайте вы ему такую мысль. Ну, для чего ему жениться? У него и так все есть для полного счастья — ферма, овцы, библиотека, и всеми приходскими делами он заправляет, и души не чает в детях своего брата — чего же ему еще? Время и сердце его заполнены, ему нет причины жениться.

— Да, покамест он сам так считает, дорогая моя Эмма, но ежели он в самом деле любит Джейн Фэрфакс...

— Глупости! Ничего он ее не любит — я имею в виду настоящую любовь. Он, конечно, всегда готов сделать ей, или родным ее, добро, но...

— Что же,— смеясь, сказала миссис Уэстон,— наверное, он не мог бы им сделать большего добра, как ввести Джейн хозяйкою в столь почтенный дом.

— Ей-то он бы сделал добро, но себе самому, конечно, причинил бы этим зло — такой союз принес бы ему стыд и унижение. Как бы он стал выносить мисс Бейтс в качестве родственницы? Видеть ее день-деньской в аббатстве, слышать, как она с утра до вечера благодарит его за то, что он женился на Джейн! Так великодушно, так мило!.. Впрочем, они всегда столько видели добра от милого соседки!.. И, прервав себя на полуслове, помчится к старенькой юбке своей матушки. Не такая уж она, кстати, и старенькая, эта юбка — она еще послужит,— да и вооб-

ще, она рада отметить, юбки у них в семье прочны на удивление.

— Перестаньте, Эмма! Как не стыдно передразнивать! Вот и меня, хоть и совестно признаться, рассмешили. А между тем не уверена, что мисс Бейтс так уж сильно досаждала бы мистеру Найтли. Ему не свойственно раздражаться по пустякам. Стрекотала бы себе и стрекотала, а захотел бы что-нибудь сказать сам, так повысил бы голос и заглушил ее. Вопрос, однако, не в том, плох ли был бы для него этот союз, а в том, желает ли он его, и я думаю — да. Сколько раз я слышала — и вы тоже, должно быть, — как необыкновенно хорошо отзывался он о Джейн Фэрфакс! А участие, которое она в нем вызывает, а его огорчение, что столь печальны ее виды на будущее! Как взволнованно говорил он об этом! А как восхищался ее игрою на рояле, ее голосом! Он при мне говорил, что готов бы слушать ее без конца. Да, совсем забыла! Мне явилась еще одна идея — а как насчет пианино, которое ей кто-то прислал? Мы решили, что это подарок от Кемпбеллов, и успокоились, а вдруг оно от мистера Найтли? Не могу отрешиться от этой мысли. Он, как мне кажется, как раз тот человек, который может это сделать, — неважно, влюблен он или не влюблен.

— Тогда это еще не доказательство того, что он влюблен! Только, по-моему, это совсем на него непохоже. Мистер Найтли не обставляет свои поступки таинственностью.

— Мне приходилось часто слышать, как он сокрушается, что у нее нет инструмента, — чаще, чем можно было бы ожидать при обычном положении вещей.

— Хорошо, но ежели б он задумал подарить его, он бы ей так прямо и сказал.

— Мог не отважиться, дорогая моя, из деликатности. Я все-таки сильно подозреваю, что оно — от него. Он, я теперь вспоминаю, как-то очень притих, когда миссис Коул нам рассказывала за обедом эту новость.

— Ох, миссис Уэстон, не однажды вы мне пеняли, что, напав на какую-то мысль, я пускаюсь безудержно фантазировать, а теперь сами так делаете. Не вижу я никаких признаков влюбленности, не верю насчет пианино, и никому без веских доказательств не убедить меня, что мистер Найтли намерен жениться на Джейн Фэрфакс.

В том же духе продолжался меж ними спор об этом предмете еще некоторое время — причем Эмма наступала, а миссис Уэстон, более из них двоих привыкшая покоряться, постепенно сдавалась, — когда легкая суета в гости-

ной возвестила о том, что чай окончен и рояль готовят для концерта; к ним шел уже мистер Коул просить, чтобы мисс Вудхаус оказала им честь испробовать его. К мистери Коулу присоединился с тою же настоятельной просьбой Фрэнк Черчилл, которого она, в пылу разговора с миссис Уэстон, совсем упустила из глаз, успев лишь заметить, что он подсел к мисс Фэрфакс; и Эмма, сочтя, что для нее во всех отношениях выгоднее начать первой, отвечала любезным согласием.

Нисколько не обманываясь относительно своих возможностей, она исполняла лишь то, что ей удавалось, и не покушалась на большее; ей хватало вкуса и чувства на легкие вещицы, какие всегда тешат слух, и она сносно себе аккомпанировала. Одной песенке, к ее приятному изумлению, негромкий, но верный аккомпанемент составил и голос Фрэнка Черчилла. Когда песенка была допета, он должным образом принес ей свои извинения, а далее последовало все то, что и бывает обычно в подобных случаях. Его обличали в том, что у него чудесный голос, что он законченный музыкант, — он же, как водится, отнекивался, твердя, что ничего не смыслит в музыке и совершенно безголос. Они спели дуэтом еще раз, и Эмма поднялась, уступая место Джейн Фэрфакс, с которой, как она никогда не пыталась скрыть от себя, ей и думать нечего было равняться ни в пении, ни в игре на рояле.

Со смешанным чувством уселась она слушать немного поодаль от остальных, сидящих вокруг инструмента. Фрэнк Черчилл пел снова. Оказалось, они раза два певали вместе в Уэймуте. Однако вскоре Эмма заметила, с каким необычайным вниманием слушает мистер Найтли, и на нее опять нахлынули мысли, связанные с подозрениями миссис Уэстон, — лишь изредка прорывалось сквозь них сладкозвучное пение на два голоса. В ней все с прежнею силой противилось женитьбе мистера Найтли. Ничего, кроме дурного, не видела она в таком браке. Он принес бы серьезное разочарование мистери Джону Найтли, а следовательно, и Изабелле. Существенный ущерб для детей — унижительная перемена и имущественный урон для всей семьи — невосполнимый пробел в повседневном жизненном распорядке ее батюшки — ну, а что до нее, то ей самая мысль была нестерпима, что в Донуэллском аббатстве может водвориться Джейн Фэрфакс. Новоиспеченная миссис Найтли, перед которой обязано расступаться все и вся!.. Нет — мистери Найтли никак нельзя жениться! Маленький Генри должен остаться наследником Донуэлла.

Через несколько минут мистер Найтли оглянулся и пересел к ней. Сначала они говорили только о музыке, звучащей в гостиной. Он — с большим восхищением, в котором, однако, если б не миссис Уэстон, она бы не уловила ничего особенного. Но все-таки, для пробы, Эмма завела речь о том, какое доброе дело он сделал, позаботясь предоставить к услугам тетушки и племянницы свою карету, и хотя отрывистый ответ его выдавал желание прекратить этот разговор, она его объяснила себе просто несклонностью рассуждать о собственной доброте.

— Меня не однажды удручало,— сказала она,— что мне не хватает смелости чаще использовать в подобных целях *нашу* карету. И не потому, что я не хочу, но вы же знаете, для моего отца неслыханное дело утруждать ради этого Джеймса.

— Какое там, и думать нечего,— отозвался он,— хотя я уверен, что вам часто хочется.— И улыбнулся, столь явно черпая в этой уверенности удовольствие, что она отважилась продвинуться на шаг дальше.

— Этот подарок от Кемпбеллов,— сказала она,— это фортепьяно,— не правда ли, красивый жест?

— Правда,— отозвался он без малейшего замешательства.— Только лучше им было предупредить ее. Глупость одна эти сюрпризы. Радости от них не прибавляется, а конфуз может выйти изрядный. Я ожидал бы от полковника Кемпбелла большей рассудительности.

С этой минуты Эмма готова была поклясться, что мистер Найтли не имеет никакого касательства к появлению инструмента. Однако сомненьям, не питает ли он нежных чувств к известной девице — не отдает ли ей особого предпочтения,— суждено было продлиться дольше. К концу второй песни голос у Джейн слегка охрип.

— Ну, и довольно,— сказал, думая вслух, мистер Найтли, когда песню допели.— И хватит пения на один вечер — теперь вам полезней помолчать.

Но публике казалось мало. Еще одну — они ни в коем случае не хотят утомить мисс Фэрфакс,— одну-единственную, больше они не попросят. И все слышали, как Фрэнк Черчилл сказал:

— Вот с этой, я думаю, вы справитесь без усилий, тут первому голосу делать нечего. Она трудна для второго.

Мистер Найтли возмутился.

— Этот молодчик ни о чем не думает,— сказал он сердито,— ему бы только щегольнуть лишний раз перед всеми своим голосом. Ну, нет.— И он тронул за руку

проходящую мимо мисс Бейтс.— Мисс Бейтс, вы что, с ума сошли, что это вы позволяете племяннице петь до хрипоты? Ступайте и вмешайтесь. Они ее замучат.

Мисс Бейтс, успев в неподдельной тревоге за Джейн лишь раза два пролепетать «спасибо», устремилась вперед и положила конец разговорам о пении. На том и завершилась музыкальная часть вечера, так как, кроме мисс Вудхаус и мисс Фэрфакс, молодых певиц не было, но не прошло и пяти минут, как сама собою — откуда она взялась, неизвестно — возникла мысль затеять танцы; мистер и миссис Коул, подхватив ее, обнаружили такую распорядительность, что через минуту из гостиной уже выносили, освобождая место, все лишнее. И уже миссис Уэстон, никем не превзойденная в контрадансах, села за рояль и заиграла зажигательный вальс, и Фрэнк Черчилл, подлетев с неподражаемой галантностью к Эмме, подал ей руку и повел занять место во главе танцующих.

Поджидая, покуда разделится на пары остальная молодежь, Эмма, под градом комплиментов своему голосу и музыкальности, все-таки находила время оглянуться и посмотреть, что поделявает мистер Найтли. Минута была решающая. Обыкновенно мистер Найтли не танцевал. Ежели он теперь кинется приглашать Джейн Фэрфакс, это могло кое-что знаменовать собою. Но нет. Он занят был беседой с миссис Коул — он безучастно, краем глаза, наблюдал за происходящим; вот уже кто-то другой пригласил Джейн, а он продолжал все так же беседовать с миссис Коул.

Больше Эмма за маленького Генри не волновалась, его интересам покамест ничто не угрожало, и она весело, с подлинным воодушевлением открыла бал. Танцующих набралось всего пять пар, но это не мешало ей наслаждаться редким и столь неподвижным удовольствием, тем более что и кавалер оказался ей под стать. Пара из них получилась на загляденье.

К сожалению, им, по воле обстоятельств, пришлось ограничиться только двумя танцами. Час был поздний, и мисс Бейтс, беспокоясь о своей матушке, заторопилась домой. Слабые попытки возобновить танцы увенчались неудачей — им оставалось печально развести руками, поблагодарить миссис Уэстон и собираться восвояси.

— Быть может, оно и к лучшему,— заметил, провожая Эмму к карете, Фрэнк Черчилл,— пришлось бы, чего доброго, пригласить мисс Фэрфакс, а мне бы не очень-то улыбалось танцевать с такою вялою дамой после вас.

Эмма не раскаивалась, что удостоила Коулов своим посещением. О многом приятно ей было вспомнить назавтра, и все то, чего она, может статься, лишилась, отказавшись от величавого уединения, с лихвою возмещалось великолепным сознанием своего успеха. Коулам она, вероятно, доставила величайшее блаженство — и заслуженно, отчего было не осчастливить такую славную чету!.. Да и на прочих произвела впечатление, какое не скоро еще изгладится.

Полное счастье, даже в воспоминаньях, дается нам редко — были два обстоятельства, о которых она не могла думать без легких угрызений совести. Во-первых, ее ему, щало сомненье, не нарушила ли она долг женщины перед другою женщиной, посвятив Фрэнка Черчилла в свои познания насчет сердечной тайны Джейн Фэрфакс. Едва ли она поступила хорошо, но мысль об этой тайне овладела ею с такою силой, что она не удержалась, а его готовность согласиться со всем, сказанным ею, была столь лестным комплиментом ее проницательности, что Эмма затруднилась бы сказать с определенностью, следовало ей держать язык за зубами или нет.

Второе обстоятельство, о котором она сожалела, также имело отношение к Джейн Фэрфакс — только тут у нее сомнений не было. Ей было определенно и искренне жаль, что она хуже ее поет и играет. Она всем сердцем горевала о том, что предавалась в детские годы лени, — и, засадив себя за рояль, с усердием занималась полтора часа.

Занятия прервались приходом Гарриет, и ежели б мнения Гарриет было для Эммы довольно, то она бы мигом утешилась.

— Ах! Вот бы мне так играть, как вы с мисс Фэрфакс!

— Не ставьте меня с нею рядом, Гарриет. Мне до нее далеко, как лампе далеко до солнца.

— Ах, что вы! По-моему, вы играете лучше. Во всяком случае, не хуже. Мне, по крайней мере, больше нравится слушать вас. Вчера все в один голос сказали, что вы чудесно играете.

— Те, кто хоть сколько-нибудь разбирается в музыке, не могли не увидеть разницы. Правду не утаишь, Гарриет, — моя игра заслуживает похвалы с натяжкой, а игра Джейн Фэрфакс выше всяких похвал.

— Ну, а я думаю и буду думать, что вы несколько ей не уступаете, а если разница и есть, то такая, которая никому не видна. Не зря мистер Коул говорил о том, с каким выражением вы играете, и мистер Фрэнк Черчилл тоже много говорил о выразительности, и что для него самое ценное — не техника, а чувство.

— Да, но у Джейн Фэрфакс, Гарриет, есть и то и другое.

— Вы уверены? Технику я заметила, а насчет чувства — не знаю. Про это никто не говорил. И не люблю я, когда поют по-итальянски — ни словечка не понять... А потом, если она и в самом деле так уж прекрасно играет, то ведь это прямая ее обязанность и больше ничего, ей же придется давать уроки. Сестры Кокс вчера говорили, что интересно знать, в знатное ли она попадет семейство. А как выглядели, на ваш вкус, девицы Кокс вчера вечером?

— Точно так же, как всегда,— до крайности вульгарно.

— Они мне сказали одну вещь...— нерешительно проговорила Гарриет,— хотя это неважно...

Эмме ничего не оставалось, как спросить — не без трепета навлечь на себя тем самым незримое присутствие мистера Элтона,— что же ей сказали.

— Сказали, что... в прошлую субботу у них обедал мистер Мартин.

— Вот как!

— Пришел по какому-то делу к их отцу, и его оставили к обеду.

— Вот как!

— Они очень много о нем говорили, в особенности — Энн Кокс. Не знаю, зачем это ей, но она спрашивала, не собираюсь ли я к ним опять этим летом.

— Затем это ей, что она любопытна до неприличия, чего и следует ждать от такой особы, как Энн Кокс.

— Она сказала, он так был любезен в тот день... За обедом сидел с нею рядом. Мисс Нэш думает, что любая из барышень Кокс пошла бы за него с большою радостью.

— Очень может быть. Вульгарней их, по-моему, нет ни одной девицы в Хайбери.

Гарриет что-то нужно было у Форда, и Эмма почла благоразумным отправиться с нею. Как знать, не ждала ли ее опять случайная встреча с Мартинами — при теперешнем ее состоянии она была бы небезопасна.

Для Гарриет, у которой разбежались глаза и от полуслова, сказанного другим, менялось решение, всякая по-

купка была делом долгим, и, покуда она канителилась с муслинами, поминутно выбирая то один, то другой, Эмма, ища себе развлечения, отошла к дверям. Уличные картинки Хайбери, даже в наиболее оживленной его части, не могли предложить взору особого разнообразия: торопливо пройдет мимо мистер Перри, отойдет дверь своей конторы и войдет в нее мистер Уильям Кокс, поведут с проминки выездных лошадей мистера Коула, протрусит, понукая упрямого мула, случайный рассыльный с почты — вот самое большее, на что могла рассчитывать Эмма, и когда ее взгляду представился лишь мясник со своим лотком, да просеменила из лавки домой с полною корзинкой чистенькая старушка, да две дворняги погрызлись, не поделив грязную кость, да детвора, слоняясь по улице, облепила полукруглую витринку булочной поглазеть на пряники — то она знала, что ей грешно жаловаться, и находила это все занимательным, столь занимательным, что продолжала стоять в дверях. Живой ум и в праздную минуту найдет, чем себя занять, и довольствуется малым.

Она перевела глаза на дорогу в Рэндалс. Картина пополнилась; на ней появились еще двое — миссис Уэстон с пасынком; они шли в Хайбери — шли, конечно же, в Хартфилд... Они, однако, не дойдя немного до Форда, остановились первым делом у дома миссис Бейтс и уже собирались постучаться, когда их взгляд упал на Эмму. Они немедленно перешли через дорогу и подошли к ней — после того удовольствия, которое доставил им вчерашний вечер, встретиться опять казалось по-новому приятно. Миссис Уэстон сообщила, что идет к Бейтсам послушать, как звучит новый инструмент.

— Потому что мой спутник утверждает,— продолжала она,— что я вчера определенно обещала мисс Бейтс зайти нынче утром. У меня самой было другое впечатление. Мне казалось, я точно день не называла, но он говорит, что называла, и значит, так тому и быть.

— А мне, надеюсь,— сказал Фрэнк Черчилл,— позволят, покуда миссис Уэстон будет в гостях, составить компанию вам и подождать ее в Хартфилде, ежели вы теперь направляетесь домой.

Миссис Уэстон огорчилась.

— Я думала, вы идете со мной! Они бы так были рады...

— Я? Я там буду лишний. Хотя, пожалуй... я и здесь, наверное, буду лишний. Судя по выражению лица мисс Вудхаус, я здесь совсем не нужен. Моя тетушка всякий

раз отсылает меня прочь, когда делает покупки. Я, по ее словам, только путаюсь под ногами, и мисс Вудхаус, я вижу, не прочь была бы сказать то же самое. Как мне быть?

— Я тут не по своим делам,— отвечала Эмма.— Я только жду своего друга. Она, вероятно, скоро освободится, и мы пойдем домой. А вам лучше пойти с миссис Уэстон и послушать инструмент.

— Что ж, раз вы советуете... Ну, а вдруг полковник Кемпбелл доверил выбор фортепьяно небрежному другу, вдруг выяснится, что звук у него посредственный,— что мне тогда говорить? Миссис Уэстон не найдет во мне поддержки. Без меня она скорее с честью выйдет из положения. Она преподнесет горькую истину деликатно, я же последний человек, когда нужно из вежливости сказать неправду.

— Вот уж не поверю,— возразила Эмма.— Убеждена, что в случае надобности вы покривите душою не хуже всякого другого... Только, по-моему, нет оснований предполагать, что у этого фортепьяно посредственный звук. Совсем наоборот, если я верно поняла вчера мисс Фэрфакс.

— Прошу вас, пойдемте со мной, ежели вы не очень настроены против,— сказала миссис Уэстон.— Мы не надолго. А потом следом за ними пойдем в Хартфилд. Мне правда хочется зайти вместе с вами. Они увидят в этом такое доброе внимание! И потом, я с самого начала так поняла, что вы тоже идете.

На это сказать было нечего — и, выразив надежду, что потом его вознаградит Хартфилд, он вместе с миссис Уэстон воротился к дверям миссис Бейтс. Эмма проводила их глазами, когда они вошли, а затем направилась к роковому прилавку, дабы со всею силою убеждения, на какую была способна, доказывать Гарриет, что незачем смотреть муслин с рисунком, ежели ей требуется гладкий, и что голубая лента, будь она хоть небесной красоты, никогда не подойдет к желтой материи. Наконец все было решено — вплоть до пункта назначения, в который надобно доставить пакет.

— К миссис Годдард прикажете послать, сударыня? — спросила миссис Форд.

— Да — то есть нет... да, к миссис Годдард. Только выкройка у меня в Хартфилде. Нет, будьте любезны, пришлите в Хартфилд. Да, но миссис Годдард захочет посмотреть... А выкройку я могу в любой день забрать домой... Но вот лента понадобится мне сразу же... так что

все-таки лучше в Хартфилд — по крайней мере, ленту. Ее ведь можно послать отдельно — правда, миссис Форд?

— Не стоит, Гарриет, доставлять миссис Форд лишние хлопоты с двумя пакетами.

— Да, это верно.

— Помилуйте, сударыня, что за хлопоты,— вставила услужливая миссис Форд.

— Нет, пусть будет один, мне так самой гораздо удобнее. Заверните, пожалуйста, вместе и пришлите к миссис Годдард... хотя не знаю... Нет, мисс Вудхаус. Я думаю, пускай уж лучше в Хартфилд, а вечером я все отнесу домой. Как вы советуете?

— Я советую не тратить на это больше ни секунды. В Хартфилд, пожалуйста, миссис Форд.

— Да, это самое правильное,— с глубоким удовлетворением заключила Гарриет.— А к миссис Годдард было бы совсем ни к чему.

К лавке приближались два голоса, вернее — один голос и две дамы: в дверях Эмма и Гарриет столкнулись с миссис Уэстон и мисс Бейтс.

— Дорогая мисс Вудхаус,— начала эта последняя,— я прибежала сюда — мне ведь только улицу перебежать — с просьбой. Доставьте нам удовольствие, зайдите посидеть на минутку, а заодно скажете, как вам нравится наш новый инструмент — вам и мисс Смит. Здравствуйте, мисс Смит, как поживаете?.. Благодарю вас, превосходно... Вот и миссис Уэстон позвала с собою для большей уверенности в успехе.

— Надеюсь, миссис Бейтс и мисс Фэрфакс...

— Совершенно здоровы, благодарствуйте. Матушка чувствует себя чудесно, а Джейн вчера ни капельки не простудилась. А как мистер Вудхаус?.. В самом деле? Я так рада! Миссис Уэстон сказала мне, что вы здесь,— о, тогда я бегу, говорю я на это, бегу и постараюсь позвать мисс Вудхаус к нам — я уверена, она не откажет, узнав, что матушка просто счастлива будет ее видеть, а потом, у нас собралась такая дивная компания! «Да-да, позовите ее,— сказал мистер Фрэнк Черчилл.— Весьма ценно услышать мнение мисс Вудхаус о вашем фортепьяно...» Но я вернее добьюсь успеха, говорю я, ежели кто-нибудь из вас пойдет со мною. «Одну минуту,— сказал он,— сейчас, только dokonчу свою работу». А знаете ли, чем он занят теперь, мисс Вудхаус? Вообразите, любезнейшим образом вызвался починить матушкины очки! Сегодня утром из них выскочила заклепка. Такая обязательность! Ими стало не-

возможно пользоваться, матушка даже надеть их не могла! Вот, кстати, урок для всякого — непременно надобно иметь две пары очков, уверяю вас. И Джейн так сказала. Я собиралась сразу же отнести их к Джону Сондерсу, да провозилась с делами, целое утро то одно, то другое — не знаю, на что и время ушло. То Патти приходит объявить, что на кухне не тянет печка и пора звать трубочиста. Ох, Патти, говорю я ей, не вовремя вы ко мне с дурными вестями. Тут у вашей хозяйки заклепка вылетела из очков! То приносят печеные яблоки — миссис Уоллис прислала с мальчиком, они необыкновенно к нам внимательны, Уоллисы, всегда рады услужить — говорят, миссис Уоллис бывает резковата, от нее иной раз и грубость услышишь в ответ, но мы никогда ничего от них не видали, кроме заботы и внимания. И не по той причине, что им дорог хороший покупатель, много ли нам теперь нужно хлеба? Нас всего трое — сейчас прибавилась милая Джейн, только она-то вообще ничего не ест, видели бы вы, чем она завтракает, прямо оторопь берет! Я все боюсь, как бы матушка не дозналась, какими крохами она питается, — придумаю что-нибудь для нее, скажу то, скажу се, и кое-как сходит с рук. Но около полудня у нее пробуждается аппетит, и ничем она так не любит перекусить, как печеным яблочком, а это чрезвычайно здоровая пища — я нарочно справлялась на днях у мистера Перри, когда нам случилось встретиться на улице. Хоть, впрочем, и раньше не питала на этот счет сомнений — сколько раз мистер Вудхаус при мне настоятельно советовал есть печеные яблоки! По моим впечатлениям, он считает, что этот фрукт в печеном виде полезней всего. У нас, правда, их чаще принято запекать в тесте. Патти запекает яблоки в тесте изумительно... Ну что, миссис Уэстон, кажется, ваши уговоры подействовали и милые девицы согласны?

Эмма, как принято, отвечала, что «с удовольствием воспользуется случаем навестить миссис Бейтс» и так далее, — и они наконец-то двинулись прочь из лавки, хотя и не без совсем уже коротенького промедления напоследок.

— Ах, добрый день, миссис Форд! Простите, что не заметила вас в первую минуту. Говорят, к вам поступили из города обворожительные ленты, большая партия. Джейн от вас воротилась вчера в полном восторге... Да, спасибо, перчатки мне как раз по руке — чуточку широковаты в запястье, но Джейн взялась их ушить... Так о чем,

бишь, я говорила? — схватилась она, когда все они очутились на улице.

Эмма любопытствовала про себя, что именно выделит мисс Бейтс из этого вороха всякой всячины.

— Никак не припомню, о чем собиралась рассказать... Ах, да! О матушкиных очках. Такая обязательность со стороны мистера Фрэнка Черчилла! «Ну-ка,— сказал он,— посмотрим, не сумею ли я сам укрепить заклепку — у меня страсть к такого рода работе». Согласитесь, это рекомендует его наилучшим... Должна сказать — хотя я и прежде наслышана была об нем, хотя и многого ожидала — но это уже сверх всяких... Горячо вас поздравляю, миссис Уэстон. Таким сыном любой родитель может... «Ну-ка, — говорит он, — поглядим, не сумею ли я сам укрепить заклепку. Всегда питал страсть к подобной работе». Век не забуду, как он это произнес. А когда я достала из шкафа печеные яблоки и изъявила надежду, что гости не откажутся их отведать, он тотчас откликнулся: «Ого! Какой другой фрукт сравнится с печеным яблоком, а столь соблазнительные я вижу вообще первый раз!» Вы понимаете, что это в высшей степени... И по его тону ясно было, что это не пустая любезность. Яблоки, надобно отдать справедливость миссис Уоллис, и точно, объеденье — правда, их пропекают не более двух раз, хотя мистер Вудхаус взял с нас обещание, что будут пропекать трижды, — уж вы меня не выдавайте, мисс Вудхаус, будьте так добры. Вообще этот сорт яблок определенно, как ни один другой, хорош в печеном виде, и все они из Донуэлла, от щедрот мистера Найтли. Он присылает нам мешок со своей яблони каждый год, и никакие яблоки не держатся так долго — у него в саду их две, мне кажется. Матушка говорит, в дни ее молодости фруктовый сад Донуэлла славился на все графство. А на днях мне довелось испытать такое потрясение... Судите сами, заходит к нам в одно прекрасное утро мистер Найтли, а Джейн как раз ест эти яблоки, — ну, мы заговорили о них, о том, как она их любит, а он поинтересовался, осталось ли что-нибудь от того мешка. «Готов поручиться, что нет, — прибавил он. — Я пришлю вам еще, у меня их столько, что не знаю, куда и девать. Уильям Ларкинс в этом году оставил для домашнего потребления гораздо больше, чем обыкновенно. Так что пришлю вам еще, покуда они не начали портиться». Я умоляла его не делать этого — правда, нельзя сказать, чтобы у нас их осталось много — от силы полдюжины, честно говоря, но все они припасены для

Джейн, а от него я ни в коем случае принять больше не могу, он и так уже щедро нас одарил, — и Джейн меня поддержала. А когда он ушел, чуть было не поссорилась со мною... нет, «поссорилась» не то слово, мы с нею никогда в жизни не ссоримся, но ужасно расстроилась — для чего я призналась ему, что яблоки у нас на исходе, когда надобно было показать, будто их еще более чем достаточно. Ах, родная моя, говорю я ей, разве я не сопротивлялась изо всех сил? Как бы то ни было, в тот же самый вечер приходит к нам Уильям Ларкинс и приносит большую корзину яблок, по крайней мере бушель, — я страшно была тронута. Схожу вниз и, как вы понимаете, говорю ему все, что следует. Уильяма Ларкинса у нас в доме знают с незапамятных времен! Я всегда ему рада. Однако после узнаю от Патти, что яблок *этого* сорта, по словам Уильяма, у его хозяина совершенно не осталось, все послали нам, и теперь хозяину ни испечь, ни сварить нечего. Самому Уильяму это как будто все равно — он радовался, что хозяин так много яблок продал на сторону, потому что Уильям, знаете ли, думает об одном — чтобы у его хозяина росли доходы, а прочее ему не важно, но миссис Ходжес, сказал он, недовольна, что из дому унесли все до последнего яблочка. Как же так, оставить хозяина на всю весну без яблочного пирога! Он не скрыл этого от Патти, но велел ей не обращать внимания и ни под каким видом не рассказывать нам, так как миссис Ходжес *всегда* любит поворчать, — главное, что столько мешков продано, а кто съест остаток — какая разница. Ну, а Патти все доложила мне, и не могу вам передать, как я была потрясена! Только бы мистер Найтли ничего не узнал! Его бы это невероятно... Я и от Джейн собиралась утаить, да нечаянно проговорилась.

Последние слова мисс Бейтс сказала как раз в ту секунду, когда Патти открыла дверь, так что гости поднялись по лестнице, не сопровождаемые связным поведением, — только отрывочные напутствия неслись им вслед:

— Осторожней, прошу вас, миссис Уэстон, на повороте ступенька. Пожалуйста, будьте осторожны, мисс Вудхаус, у нас на лестнице темновато — не мешало бы ей быть посветлей и пошире... Осторожно, мисс Смит, я вас прошу. Мисс Вудхаус, вы не ударили ногу?.. У меня прямо сердце оборвалось. Мисс Смит, не забудьте — ступенька на повороте...

В маленькой гостиной, когда они вошли, царили тишь и безмятежность: миссис Бейтс в вынужденном бездействии мирно дремала у камелька; за столиком подле нее Фрэнк Черчилл озабоченно трудился над ее очками, а у фортепьяно, стоя спиной к ним, усердно перебирала ноты Джейн Фэрфакс.

При виде Эммы молодой человек, как ни был он поглощен своею работой, выказал радостное оживление.

— Прелестно! — заметил он ей, понизив голос. — Пришли ло крайней мере минут на десять раньше, чем я рассчитывал. А я, как видите, занялся полезным трудом — получить из этого что-нибудь, на ваш взгляд?

— Как! — сказала миссис Уэстон. — Вы еще не кончили? Скромно же вы будете зарабатывать на жизнь, господин серебряных дел мастер, при эдакой скорости.

— Меня отрывали, — возразил он. — Я помогал мисс Фэрфакс сделать так, чтобы ее инструмент тверже держался на ногах, хотя бы не качался — в полу, вероятно, есть неровность. Видите, мы подложили бумажку... Как это мило, что вы дали себя уговорить и пришли. Я побаивался, что вы заторопитесь домой.

Он изловчился усадить ее возле себя и, покуда Джейн Фэрфакс готовилась снова сесть за фортепьяно, не терял времени даром, то выбирая для нее лучшее печеное яблоко, то обращаясь к ней за советом или подмогой в своей работе. Неготовность Джейн играть немедленно Эмма объясняла себе ее нервическим состоянием: она слишком недавно владела инструментом, чтобы сесть за него без волнения, ей надобно было сперва настроить себя для игры — подобного рода чувства, независимо от причин, их порождающих, не могли не вызывать сострадания, и Эмма дала себе слово никогда более не упоминать о них своему соседу.

Наконец Джейн заиграла. Первые такты прозвучали неуверенно, однако мало-помалу возможности пианино раскрылись в полную силу. Миссис Уэстон, пленясь еще раньше, пленилась заново; Эмма вторила ее похвалам, и фортепьяно, во всех тонкостях разобравши его достоинства, объявили первоклассным.

— Не знаю, кому доверил полковник Кемпбелл покупку инструмента, — лукаво покаясь на Эмму, промолвил Фрэнк Черчилл, — но этот человек не ошибся в выборе.

Я много слышал в Уэймуте про отменный слух полковника Кемпбелла и убежден, что для него, *как и для прочих*, мягкость звучания на верхах представляла особую ценность. Надобно полагать, мисс Фэрфакс, он либо снабдил своего доверенного подробнейшими указаниями, либо собственноручно написал к Бродвуду. Что вы скажете?

Джейн не повернула головы. Она могла и не расслышать. Ей говорила что-то в этот момент миссис Уэстон.

— Так нечестно, — прошептала ему Эмма, — я лишь высказала предположение наугад. Не терзайте ее.

Он покачал головою с улыбкой, в которой было столь же мало сомнения, сколь и жалости. И вскоре начал опять.

— Как должны радоваться, мисс Фэрфакс, ваши друзья в Ирландии, что могли вам доставить такое удовольствие. Верно, частенько вас вспоминают, размышляя о том, когда, в какой именно день, окажется инструмент в ваших руках. Вы думаете, полковник Кемпбелл точно знает, когда его должны были привезти? Думаете, заранее оговорено было, что его доставят в определенный день, или он дал только общее распоряжение, чтобы доставили, когда и как будет удобно?

Он замолчал. На этот раз она уже не могла не расслышать, а значит, и уйти от ответа.

— Ничего не могу сказать наверное, — с деланным спокойствием отвечала она, — покуда не получу письмо от полковника Кемпбелла. До тех пор это будет гаданье на кофейной гуще.

— Гаданье... м-да, иногда гаданье дает нам верный ответ, иногда уводит в сторону. Я вот гадаю, скоро ли у меня эта заклепка будет прочно держаться. Какую чепуху подчас болтает язык, мисс Вудхаус, когда голова занята работой, — честный труженик, я полагаю, делает свое дело и помалкивает, но коли к нам, джентльменам-работникам, прицепится словцо... Мисс Фэрфакс обронила что-то насчет гаданья, и... Ну вот, готово. Сударыня, — адресуясь к миссис Бейтс, — имею удовольствие возвратить вам очки исцеленными на время.

Мать и дочь принялись наперебой благодарить его; ища спасения от последней, он подошел к фортепьяно и взмолился, чтобы Джейн Фэрфакс сыграла еще что-нибудь.

— Сделайте мне одолжение, — сказал он, — пусть это будет один из тех вальсов, которые мы танцевали вчера, — дайте мне пережить те минуты еще раз. Вам они не доставили особой радости — вы казались утомленной. По-

жалуй, вы были рады, что танцы так скоро кончились, но я все бы отдал — все на свете, — чтобы продлить их еще на полчаса.

Она заиграла.

— Что за блаженство слышать вновь мелодию, с которой связаны *подлинно* счастливые мгновенья! Ежели не ошибаюсь, этот вальс танцевали в Уэймуте...

Она бросила на него быстрый взгляд, густо покраснела и тотчас заиграла другое. Фрэнк Черчилл взял со стула, стоящего возле фортепьяно, пачку нот и обернулся к Эмме.

— Смотрите, здесь что-то новенькое. Крамер. Знакомы вам эти вещи? А вот новый сборник ирландских песен. Неудивительно, когда мы вспомним, кто их прислал. Ноты пришли вместе с инструментом. Полковник Кемпбелл обо всем позаботился — не правда ли, как мило? Он знал, что здесь мисс Фэрфакс негде будет взять ноты. Такая предусмотрительность внушает особое уважение, она показывает, что все делалось поистине с душою. Ничто не забыто второпях, ничто не упущено из виду. Только любящий человек способен выказать подобную заботливость.

Эмма предпочла бы, чтоб он изъяснялся менее откровенно, и корила себя за то, что ей, помимо воли, смешно, однако, мельком взглянув на Джейн, она подметила на лице ее следы улыбки, увидела, что за густою краской смущения пряталась улыбка тайного восторга, и ей стало уже не так стыдно за свою смешливость; укоры совести больше не мучили ее. Эта благовоспитанная, достохвальная, безупречная Джейн Фэрфакс лелеяла в сердце весьма предосудительные чувства.

Он принес ей всю пачку нот и стал просматривать их с нею вместе. Эмма, воспользовавшись случаем, шепнула:

— Вы выражаетесь чересчур ясно. Она, наверное, все понимает.

— Надеюсь. Мне и надобно, чтобы она понимала. Я вовсе не стыжусь того, что хочу сказать.

— Зато мне, признаться, немного стыдно. Лучше бы эта мысль вообще не приходила мне в голову.

— А я очень рад, что пришла и что вы поделились ею со мной. Для меня теперь разъяснилось значение этих ее странных взглядов и странностей в поведении. Это она должна стыдиться. Ежели дурно поступает, то пусть ей будет стыдно.

— По-моему, она не лишена этого чувства.

— Я что-то не наблюдаю. Знаете ли, что она сейчас играет? *Его* любимую вещь — «Робин Адэр».

Вскоре после этого мисс Бейтс, проходя мимо окна, заметила невдалеке мистера Найтли верхом на лошади.

— Кого я вижу — мистер Найтли! Мне нужно сказать ему два слова, если удастся, — хотя бы поблагодарить. Это окно я открывать не стану, иначе вы все озябнете, — побегу в комнату матушки. Он, верно, не откажется зайти, когда узнает, кто у нас собрался. Вот будет чудесная встреча! Такая честь для нашей маленькой гостиной!

Договаривала это мисс Бейтс уже в соседней комнате; проворно распахнув окно, она окликнула мистера Найтли, и тем, кто сидел в гостиной, явственно слышен был весь их разговор до последнего слова.

— Здравствуйте! Как вы поживаете?.. Спасибо, очень хорошо. Так вам обязана за вчерашнюю карету! Мы успели домой как раз вовремя, как раз в ту минуту, когда матушка нас ждала. Не зайдете ли к нам? Зайдите, прошу вас. Вы здесь увидите знакомые лица.

Так зачастила мисс Бейтс, но мистер Найтли, по всей видимости, имел твердое намерение, чтобы его слова тоже достигали до ее слуха, ибо решительно и властно произнес:

— Как ваша племянница, мисс Бейтс? Я желал бы осведомиться о здоровье всего вашего семейства, но в первую очередь — о вашей племяннице. Здорова ли мисс Фэрфакс? Не простудилась вчера, я надеюсь? Как она нынче себя чувствует? Скажите, как мисс Фэрфакс?

И мисс Бейтс вынуждена была дать ему прямой ответ, видя, что без этого он ее дальше слушать не станет. Сидящие в гостиной весело переглянулись, а миссис Уэстон послала Эмме многозначительный взгляд. Но Эмма, по-прежнему отказываясь верить, упрямо покачала головой.

— Так вам обязана за карету! — вновь завела свое мисс Бейтс. — Так бесконечно вам...

— Я еду в Кингстон, — перебил он. — Нет ли у вас каких поручений?

— Ах, в самом деле, — в Кингстон? Миссис Коул обмолвилась на днях, что ей надобно что-то в Кингстоне.

— У миссис Коул есть на то прислуга. У *вас* имеются поручения?

— Спасибо, нет. Но зайдите же! Как вы думаете, кто у нас теперь? Мисс Вудхаус и мисс Смит. Были столь добры, что пришли послушать, как звучит новое фортепьяно. Оставьте вашего коня в «Короне» и зайдите к нам.

— Ну, разве что на пять минут, — сказал он с сомнением в голосе.

— И миссис Уэстон здесь с мистером Фрэнком Черчиллом! Подумайте, какая прелесть — столько собралось друзей!

— Нет, благодарю вас — не сегодня. Сейчас не имею двух минут. Должен как можно скорее попасть в Кингстон.

— Пожалуйста! Очень вас прошу, они так будут рады повидать вас...

— Нет-нет, у вас уже и так полно народу. Приду послушать фортепьяно в другой раз.

— Ах, мне ужасно жаль!.. Чудесный вчера был вечер, мистер Найтли, такое удовольствие... А танцы — видели вы что-либо подобное? Восхитительное зрелище, вы согласны? Мисс Вудхаус и мистер Фрэнк Черчилл... нет, это было бесподобно!

— Бесподобно, согласен, — да и как я могу не согласиться, когда мисс Вудхаус и мистер Фрэнк Черчилл, наверное, отлично нас слышат. Только не знаю, — еще более повышая голос, — отчего в таком случае не упомянуть и мисс Фэрфакс. По-моему, мисс Фэрфакс прекрасно танцует, а уж так играть контрадансы, как миссис Уэстон, не умеет никто во всей Англии. Ну, а теперь ваши гости, ежели им знакомо чувство благодарности, должны в ответ сказать что-нибудь громким голосом про нас с вами — жалко, мне недосуг остаться послушать.

— Нет, погодите, мистер Найтли, один момент — кое-что важное... такое потрясение! Мы с Джейн потрясены — эти яблоки...

— Ну-ну, в чем дело?

— Подумать, — вы прислали нам все, что у вас было в запасе! Говорили, будто вам их девать некуда, а у вас не осталось ни одного! Мы просто потрясены! Неудивительно, что миссис Ходжес сердится. Уильям Ларкинс не утаил этого, когда был здесь... Зачем вы так делаете — нехорошо! Ну зачем было... Ой, куда же вы? Уехал. Терпеть не может, когда его благодарят. Я-то надеялась, он останется, — вот и пришлось к слову... Увы, — возвращаясь назад в гостиную, — меня постигла неудача. Мистер Найтли не смог задержаться. Он едет в Кингстон. Спрашивал, нет ли у меня пору...

— Да, мы слышали его любезное предложение, — сказала Джейн, — здесь все было слышно.

— Вот что! Да, милая, и в самом деле, ведь дверь была открыта, и окно открыто, а мистер Найтли говорил громко... Конечно, вы должны были все слышать. Сказал:

«Нет ли у вас каких поручений в Кингстоне?» — а я на это... Как, мисс Вудхаус, вы уже уходите?.. Вы же, кажется, только минуту назад пришли — так было мило с вашей стороны...

Эмме и правда пора было домой; визит затянулся; поднялась и миссис Уэстон со своим спутником — при взгляде на часы обнаружилось, что утро почти на исходе и им достанет времени лишь проводить девиц до хартфилдских ворот, а там уже надобно будет возвращаться в Рэндалс.

ГЛАВА 11

бывает, что в жизни можно обходиться вообще без танцев. История знает случаи, когда отдельные молодые люди, без существенного ущерба для тела и души, ни разу за много, много месяцев не почтили своим присутствием ни одного маломальски стоящего бала; но уж когда начало положено — когда, хотя бы мимолетно, изведено блаженство быстрого движения, — надобно быть очень тяжелой на подъем компанией, чтобы не захотелось еще.

Фрэнку Черчиллу посчастливилось танцевать в Хайбери единожды, и он жаждал танцевать еще, — а потому, когда мистера Вудхауса удалось на вечерок выманить с дочерью в Рэндалс, то последние полчаса молодые люди провели, строя на сей счет основательные планы. Замысел исходил от Фрэнка, и от него же — наибольшее рвение, ибо его соучастница в этом деле лучше могла судить о предстоящих трудностях и более его была озабочена такими вещами, как удобство и внешние атрибуты. Но и она не прочь была еще раз показать людям, как бесподобно танцуют вдвоем мистер Фрэнк Черчилл и мисс Вудхаус, — повторить то, в чем могла, не краснея за себя, потягаться с Джейн Фэрфакс, да и, в конце концов, просто потанцевать, без всякой задней мысли, подсказанной тщеславием, — и столь была не прочь, что с охотой помогала ему мерить шагами гостиную, где они сидели, чтобы посмотреть, многое ли может в ней поместиться, а потом измерить и столовую, в надежде, что вдруг — вопреки утверждениям мистера Уэстона, что обе комнаты в точности одного размера, — обнаружится, что она все-таки чуть побольше.

Его первоначальное предложение и просьба устроить в Рэндалсе завершение танцев, начатых в доме мистера Коула, — собрать тех же танцоров, заручиться помощью той же музыкантши — встретило полное одобрение. Мистер Уэстон немедленно загорелся этою мыслью, а миссис Уэстон с готовностью изъявила согласие играть до тех пор, покуда танцоры не свалятся с ног; после чего устроители занялись хитроумною задачей подсчитать, кто именно придет, и вычислить, сколько места требуется отвести на каждую пару.

— Вы, мисс Смит и мисс Фэрфакс — это трое, да две девицы Кокс — это пять, — повторялось снова и снова. — А с нашей стороны — двое Гилбертов, молодой Кокс, отец и я, не считая мистера Найтли. Да, так будет в самый раз — вполне достаточно. Вы и мисс Смит, мисс Фэрфакс — это трое, и две мисс Кокс — выходит пять, а на пять пар места хватит за глаза.

Но вскоре послышались иные речи. С одной стороны:

— Но достанет ли простора на пять пар? Мне сомнительно, право...

И — с другой:

— Да и стоит ли, наконец, затевать все это ради каких-то пяти пар? Пять пар — это несерьезно. Пять пар *не приглашают*. В таком количестве дозвоительно танцевать лишь по наитию, под влиянием минуты.

Тут кто-то вспомнил, что приезжает мисс Гилберт и ее тоже следует пригласить вместе с братом и племянником. Кто-то другой заметил, что ежели бы на вечере у Коулов кто-нибудь догадался пригласить на танец миссис Гилберт, то она бы не отказалась. Еще кто-то замолвил слово за второго из Коксов-младших, а когда миссис Уэстон напоследок помянула одно двоюродное семейство и одну старинную приятельницу, коих невозможно было обойти приглашением, то с несомненностью обрисовалось, что пять пар перерастают по меньшей мере в десять и очень стоит задуматься над тем, каким их образом разместить.

Двери в обе комнаты приходились как раз напротив друг друга. «Нельзя ли занять обе комнаты, соединив их коридором?» План казался недурен, однако чувствовалось, что можно бы придумать и лучший. Эмма сказала, что так танцевать неловко, миссис Уэстон недоумевала, как тогда быть с ужином, мистер же Вудхаус решительно воспротивился подобной угрозе для здоровья. Он так всполошился, что нечего было и думать осуществить эту мысль.

— Ах нет! — говорил он. — Это был бы верх неблаго-

разумия. Для Эммы это недопустимо! У Эммы хрупкое здоровье. Она страшно простудится. И Гарриет, бедная малютка, — тоже. И все вы. Миссис Уэстон, это безумие — зачем вы их слушаете? Вы же ляжете в постель! Не слушайте вы их, умоляю вас! Этот молодой человек, — понизив голос, — в высшей степени легкомыслен. Вы только не говорите его отцу, но этот молодой человек не внушает мне доверия. Весь вечер он открывает двери и, ни с кем не считаясь, оставляет их открытыми. Он совершенно не думает о сквозняках. Не хочу вас настраивать против него, но я бы определенно ему не доверял!

Миссис Уэстон опечалилась, выслушав это обвинение. Она понимала его серьезность и изо всех сил постаралась отвести его. Двери, все до единой, были плотно закрыты, идея насчет коридора — навеки погребена, и возрожден к жизни первоначальный план устроить танцы лишь в той комнате, где они находились, — Фрэнк Черчилл столь необыкновенно им воодушевился, что пространство, которое четверть часа тому назад представлялось несколько тесноватым для пяти пар, сейчас начинало выглядеть в его глазах вполне достаточным для десяти.

— Мы пустились в излишнее роскошество, — говорил он. — Мы чересчур широко размахнулись. Здесь отлично станут десять пар.

Эмма усумнилась в этом:

— И получится толкотня — толкотня и давка. Танцевать, когда негде повернуться, — что может быть хуже?

— Правда ваша, — задумчиво отозвался он, — этого хуже нет. — Но тем не менее продолжал свои обмеры и тем не менее завершил их словами: — По-моему, все-таки на десять пар места хватит.

— Нет-нет, — сказала она, — вы ведете себя неразумно. Стоять вплотную друг к другу — ужасно! Что за удовольствие танцевать толпою — толпиться в тесном помещении?

— Этого отрицать нельзя, — молвил он. — Тут я согласен. Толпиться в тесном помещении... Мисс Вудхаус, вы умеете несколькими словами нарисовать точную картину. Это поразительно — поразительное искусство!.. И все же, зайдя с этой идеей столь далеко, от нее трудно отказаться. Отец будет разочарован — и вообще... не убежден, что... нет, положительно я склоняюсь к мнению, что десять пар здесь могут стать отлично.

Эмма видела, что галантность молодого человека отдает своенравием, что, дабы не лишиться себя удовольствия танцевать с нею, он готов упорствовать вопреки доводам рас-

судка, но предпочла усмотреть в этом комплимент и закрыть глаза на остальное. Если бы она допускала, что может когда-нибудь выйти за него *замуж*, тогда, пожалуй, на этой подробности стоило бы задержаться внимание, попытаться оценить такого рода готовность и понять свойства его характера; но как простой знакомый он ей казался очень мил.

Назавтра, еще до полудня, он уже был в Хартфилде, и по довольной улыбке, с которою вошел в комнату, можно было твердо сказать, что задуманный им план получил некое развитие. Вскоре выяснилось, что он принес хорошую новость.

— Ну, мисс Вудхаус, — начал он чуть ли не с порога, — надеюсь, что от страха, которого вы натерпелись при виде тесных комнат моего батюшки, у вас не окончательно пропала охота танцевать. Я пришел с новым предложением — с идеей, которая явилась моему отцу и ждет единственно вашего одобрения. Могу ли я уповать на честь танцевать с вами первые два танца на нашем предполагаемом балу, имеющем состояться не в Рэндалсе, а в трактире «Корона»?

— В «Короне»?

— Да. Ежели вы и мистер Вудхаус не против — а вы, я полагаю, не против, — то батюшка мой изъявляет надежду, что его друзья любезно согласятся посетить бал, который он дает в «Короне». Там он им может обещать большие, чем в Рэндалсе, удобства и не менее радушный прием. Это его собственное предложение. У миссис Уэстон нет возражений — при том условии, что их не будет у вас. В этом мы все едины. Да, вы были бесспорно правы! Десять пар влюбой из рэндалских комнат — это невыносимо! Это ужасно! Я и сам чувствовал все время, что вы правы, а не сдавался только из желания устроить хоть *что-нибудь*. Ну, как вам такая замена? Не правда ли, хороша? Надеюсь, вы даете свое согласие — вы согласны?

— На мой взгляд, подобный план ни у кого не может вызвать возражений, раз мистер и миссис Уэстон ничего не имеют против. Я нахожу, что он превосходен, и, что до меня, принимаю его с удовольствием. Лучшего выхода быть не может... Вам не кажется, папа, что это великолепный выход из положения?

Эти слова понадобилось изложить заново и растолковать, покуда мистер Вудхаус до конца уразумел, в чем состоит план, а так как план этот был нов и неожидан, то без дальнейших ходатайств он быть признан приемлемым не мог.

Нет, он считает, что это вовсе не выход — это прескверный план — гораздо хуже прежнего. В трактире всегда сырость, там находиться вредно, ни одна комната не проветривается как следует, все они нежилые. Ежели им так необходимо танцевать, то пусть уж лучше танцуют в Рэндалсе. Он ни разу ногою не ступал в эту залу — хозяев «Короны» даже в лицо не знает... Нет, план никуда не годен — где-где, а в «Короне» им наверное обеспечена простуда!

— Я, кстати, имел в виду заметить, сэр, — вставил Фрэнк Черчилл, — чем в особенности предпочтительна таковая замена, так это тем, что она практически устраняет опасность простудиться — в этом смысле «Корона» много надежнее Рэндалса. В рассуждении этого один только мистер Перри может иметь основания сожалеть о перемещении в «Корону».

— Сударь, — в некоторой запальчивости произнес мистер Вудхаус, — вы глубоко заблуждаетесь, ежели принимаете мистера Перри за подобного сорта личность. Мистер Перри теряет всякий покой, когда кому-нибудь из нас случается захворать. А кроме того, мне непонятно, почему зала в «Короне» надежнее, нежели гостиная в доме вашего батюшки.

— По той именно причине, сэр, что она больше. Нам не для чего будет отворять окна — ни разу за весь вечер, — а все беды, сэр, как вам прекрасно известно, и проистекают от злостного обыкновения открывать окна и впускать к разгоряченным телам холодный воздух.

— Отворять окна? Но, мистер Черчилл, кому же в голову взбредет отворять окна в Рэндалсе? Кто способен на такое безрассудство? В жизни не слыхал ничего подобного! Танцевать с раскрытыми окнами? Никогда ваш отец и миссис Уэстон — в девичестве бедная мисс Тейлор — не потерпят такого, я уверен...

— А, сэр, — но то-то и оно, что иной может подчас по молодости и неразумению шмыгнуть незамеченным за штору и распахнуть окно настежь. Мне самому часто случилось наблюдать.

— Да что вы, сударь?.. Ну и ну! Никогда бы не предположил! Впрочем, живя, как я, вдаль от света, недолго поразиться тому, что слышишь... Однако это и впрямь меняет дело — так что, пожалуй, когда мы обсудим все «за» и «против»... только тут надобно основательно подумать. Такие вещи не решаются наспех. Ежели мистер и миссис Уэстон любезно согласятся как-нибудь утречком посетить меня,

то можно будет потолковать — посмотреть, как это лучше уладить.

— Да, сэр, но я, к несчастью, ограничен временем...

— Ах, времени сколько угодно, — перебила его Эмма, — все-все успеем оговорить! Спешить нет ни малейшей надобности. Ежели порешите на «Короне», папа, то это будет как нельзя удобнее для наших лошадей. Оттуда до нашей конюшни рукой подать.

— Справедливо, душа моя. Это важное соображение. Джеймс, правда, не имеет привычки жаловаться, но все равно лошадей надлежит по возможности беречь. Быть бы только уверенным, что комнаты хорошенько проветрят... да можно ли положиться в этом на миссис Стоукс? Сомневаюсь. Не знаю я ее — даже в лицо.

— За такого рода вещи, сэр, я могу смело поручиться, потому что ими займется миссис Уэстон. Она вызвалась всем руководить.

— Видите, папенька? Теперь вы должны быть покойны. Наша дорогая миссис Уэстон! А она — сама предусмотрительность. Помните, что сказал еще давным-давно мистер Перри, когда я болела корью? «Раз *мисс Тейлор* взялась следить, чтобы мисс Эмма была тепло укрыта, значит, вам нечего бояться, сэр». Сколько раз приводили вы эти его слова как свидетельство ее достоинств!

— Да, верно. Именно так и сказал мистер Перри. Могли я забыть? Бедная ты моя девочка! Натерпелась ты от кори — то есть могла бы натерпеться, если б не бесконечное внимание со стороны Перри. Целую неделю приходил тебя проводить по четыре раза в день. Он с самого начала говорил, что это легкая форма кори, чем очень нас успокоил, но вообще это тяжкий недуг. Надеюсь, когда у бедняжки Изабеллы малыши начнут болеть корью, она пошлет за Перри.

— Отец мой и миссис Уэстон сейчас в «Короне», — сказал Фрэнк Черчилл. — Обследуют возможности помещения. Я оставил их и поспешил в Хартфилд узнать ваше мнение, надеясь также, что вы не откажетесь присоединиться к ним и помочь советом на месте. Они просили передать, что это их общая просьба. Вы бы их очень обязали, если б позволили мне проводить вас туда. Без вас им не справиться.

Эмма с живейшим удовольствием откликнулась на призыв принять участие в таком совещании, и, напутствуемая увереньем своего батюшки, что он все это в ее отсутствие взвесит, она без промедления отправилась с молодым человеком в трактир «Корона». Мистер и миссис Уэстон были

там, оба занятые делом, оба им увлеченные, но по-разному: ее кое-что обескураживало, его все приводило в восторг; они очень обрадовались приходу Эммы и возможности послушать, что она скажет,

— Эмма,— обратилась к ней миссис Уэстон,— обои в худшем состоянии, чем я думала. Взгляните, какая страшная грязь местами, а панели невообразимо обшарпаны и пожелтели...

— Радость моя, вы чересчур разборчивы,— возразил ее супруг.— Ну, какое это имеет значение? При свечах ничего не будет заметно. Чистота будет при свечах — не хуже, чем в Рэндалсе. Мы, когда собираемся вечером на вист, ничего этого не видим.

Здесь дамы, может статься, обменялись взглядами, в которых читалось: «Мужчины вообще не различают, где чистота, где грязь»; мужчины же, вероятно, подумали, каждый про себя: «Вечно женщин занимает всяческая чепуха, придумывают они себе заботы».

Возникло, однако же, затруднение, от которого и мужчины не могли отмахнуться. Оно связано было с помещением для ужина. В те дни, когда сооружалась зала, ужинать на балах было не принято, поэтому к ней пристроили только небольшую комнатку для игры в карты. Что было делать? Игровая комната понадобится как игровая комната, а если даже они теперь порешат между собою, что карты не нужны, то все же не слишком ли она мала, чтобы свободно разместиться в ней за ужином? Можно было бы воспользоваться для этой цели другою комнатою, гораздо более подходящей по размеру, но она находилась в другом конце дома, куда попасть нельзя было иначе, как по длинному неудобному переходу. В том и состояла сложность. Миссис Уэстон боялась, что молодежь в переходе прохватят сквозняки, а Эмма и оба джентльмена не могли примириться с перспективой ужинать в тесноте.

Наконец миссис Уэстон предложила не устраивать настоящего ужина, а ограничиться тартинками и прочими холодными закусками, выставив их в игровой комнате, но предложение ее с презрением отвергли. Объявлено было, что бал, на котором нельзя угостить своих друзей за столом,— не бал, а надувательство, позорное попрание человеческих прав, и пусть миссис Уэстон об этом больше не заикается. Тогда она пошла по другому пути: она заглянула в спорную комнату и заметила:

— По-моему, мы напрасно признали эту комнату слишком тесной. Ведь нас соберется не так уж много!

И в ту же минуту из перехода донесся голос мистера Уэстона, который большими шагами мерил расстояние от одного его конца до другого:

— Не понимаю, дорогая, почему вы признали этот переход слишком длинным. Тут говорить не о чем — а с лестницы несколько не дует!

— Хорошо бы знать,— сказала миссис Уэстон,— которую из двух возможностей предпочли бы наши гости. Для нас главное — сделать так, чтобы понравилось большинству, но кто подскажет нам их выбор?

— Верно! — подхватил Фрэнк. — Совершенно верно. Вы желаете знать мнение соседей — хотя бы главных. Я вас понимаю. Если бы выяснить, как на это... Коулы, к примеру. И живут недалеко отсюда. Сходить к ним? Или — мисс Бейтс. Та еще ближе... Тем более что никто лучше мисс Бейтс, как мне представляется, не осведомлен о вкусах и склонностях остальных соседей. Я думаю, наш совет необходимо расширить. Что, если я пойду и позову на него мисс Бейтс?

— Пожалуй — если вам угодно,— без особой уверенности в голосе отозвалась миссис Уэстон,— если вам кажется, что от нее будет польза...

— Никакого проку вы от мисс Бейтс не добьетесь,— сказала Эмма.— Восторгов и изъявлений благодарности будет хоть пруд пруди, а путного — ничего. Она даже не расслышит ваших вопросов. Не понимаю, зачем надобно обращаться к мисс Бейтс.

— Но она так забавна, так необыкновенно занята! Для меня чистое наслаждение слушать, как разглагольствует мисс Бейтс! И потом, мне ведь не обязательно приводить все семейство...

Тут вошел мистер Уэстон и, услышав, что предлагает сын, решительно поддержал его:

— Правильно, Фрэнк. Поди приведи мисс Бейтс, и мы разом покончим с этим делом. Идея ей понравится, я знаю, и если есть человек, который может показать, как нужно справляться с трудностями,— то это она. Да, сходи за мисс Бейтс. Очень уж мы распривередничались. Она — живой урок уметь быть счастливым. Ты только приведи обеих. Обеих зови сюда.

— Обеих, сэр? Но по силам ли старушке...

— При чем тут старушка? Нет, речь идет о молодой. Я сочту тебя олухом, Фрэнк, ежели ты приведешь тетушку без племянницы.

— Ох, простите, сэр! Совсем о ней забыл. Конечно,

раз вы хотите, я непременно постараюсь уговорить обоих.

И он убежал.

Задолго до того, как он появился опять, ведя с собою низенькую, размашисто шагающую тетку и грациозную племянницу, миссис Уэстон, как и подобает обладательнице миролюбивого нрава и хорошей жене, еще раз обследовала переход и убедилась, что ужасы, приписываемые ему, не столь ужасны, а точнее, не стоят выеденного яйца, и на том трудности, связанные с выбором, окончились. Остальное — во всяком случае, по предварительным расчетам — было легко и просто. Второстепенные вопросы — разные там столы и стулья, освещение и музыка, чай и ужин — решились сами либо отложены были до того времени, когда о них договорятся между собой миссис Уэстон и миссис Стоукс. Все приглашенные, несомненно, будут; Фрэнк уже написал в Энском, что предполагает задержаться на несколько дней сверх отпущенных ему двух недель, и уверен был, что ему не откажут. Бал обещал удалиться на славу!

С этим, по прибытии на место, всей душой согласилась и мисс Бейтс. Как советчица она не понадобилась; как изъяснительница одобрения (куда менее ответственная роль) оказалась незаменима. Горячие, неиссякаемые потоки одобрения всего и вся, как в общем, так и в частности, невольно не жили слух, и полчаса еще продолжалось хождение туда-сюда, из одной комнаты в другую — кто предлагал, кто молча слушал, но все предвкушали грядущее с радостным волнением. И прежде чем разошлись, герой бала добился от Эммы подтверждения того, что первые два танца обещаны ему, и она слышала, как мистер Уэстон шепнул жене: «Он ангажировал ее, дорогая. Все идет как надо. Я так и знал!»

ГЛАВА 12

сем был хорош в глазах Эммы план предстоящего бала, кроме одного — что день, на который его назначили, выходил за рамки двух недель, отпущенных Фрэнку Черчиллу, ибо она не разделяла уверенности мистера Уэстона, что для Черчиллов такая уж невозможная вещь запретить племяннику задержаться в Суррее хотя бы на день сверх срока. Все, однако, сходились на том, что в срок уложиться никоим

образом нельзя. Приготовления неизбежно займут какое-то время — ничего еще не будет готово до начала третьей недели — так что придется им несколько дней обдумывать, хлопотать и устраивать наудачу, с риском, и изрядным, по мнению Эммы, что все делается впустую.

В Энскуме, однако, оказались милостивы — на деле милостивы; на словах — не очень. Желание племянника задержаться явно не понравилось, но препятствовать ему не стали. Все обстояло надежно и благополучно — впрочем, когда устраняется одна забота, ее место обыкновенно занимает другая, и Эмма, не тревожась более за судьбу бала, нашла себе новую причину для беспокойства — вызывающее безразличие к нему мистера Найтли. Потому ли, что сам он не танцевал или же потому, что эта затея вынашивалась без него, только он, казалось, решил для себя, что она ему неинтересна — неспособна вызвать у него хотя бы каплю любопытства в настоящем или хоть капельку развлечь его в будущем. На свое добровольное сообщение о бале Эмма не услышала ничего более ободряющего, чем:

— Что ж. Если Уэстонам нравится тратить столько трудов ради шумной забавы на один вечер — пусть их, но себе выбирать развлечения я буду сам. Нет, я приду, отказаться нельзя — приду и буду изо всех сил стараться не уснуть, но я бы охотней, куда охотней, признаться, остался дома и просмотрел с Уильямом Ларкинсом его недельный отчет... Большое удовольствие — наблюдать, как танцуют! Нет, только не для меня. Я никогда не смотрю на танцующих — не знаю, кого это может соблазнить. Вероятно, в самом искусстве танцевать, как и в добродетели, уже содержится награда, и иной искать не следует. Те, кто стоит в стороне, обычно думают совсем о другом.

Эмма чувствовала, что слова эти направлены против нее, и не могла не сердиться. Правда, одно она знала — что не из желания сделать комплимент Джейн Фэрфакс он столь пренебрежителен и столь суров, не *ее* взглядами руководствуется, хуля танцы, ибо *она* приняла идею устроить бал с необыкновенным воодушевлением. Она оживилась, заговорила, она в порыве откровенности воскликнула:

— Ох, только бы что-нибудь не помешало, мисс Вудхаус! Какое это было бы разочарованье... Сознаюсь вам, что буду ждать этого бала с *чрезвычайным* нетерпением.

Не из стремления угодить Джейн Фэрфакс, стало быть, предпочел бы он балу общество Уильяма Ларкинса. Нет,

она все более убеждалась, что догадка миссис Уэстон неверна. Было дружеское расположение с его стороны, было участие, сострадание — но не любовь.

Увы! Очень скоро ей уже было не до раздоров с мистером Найтли. Всего два дня порадовались они надежности своего замысла — и все рухнуло. От мистера Черчилла пришло письмо, призывающее племянника немедленно ехать назад. Миссис Черчилл сделалась нездоровая — так нездоровая, что без него обходиться не могла. Ей (утверждал ее муж) было очень худо уже два дня назад, когда она писала племяннику ответ, однако, из присущего ей стремления никого никогда не огорчать, из свойственной ей привычки совершенно не думать о себе, она о том умолчала, теперь же так расхворалась, что с этим шутить нельзя, и принуждена настаивать, чтобы он безотлагательно возвращался в Энскум.

Содержание письма было изложено в записке, которую тотчас же поспешила прислать Эмме миссис Уэстон. Что до его отъезда, то он был неизбежен. Через несколько часов ему предстояло ехать, и ехать без той тревоги о теткинском здоровье, которая могла бы умерить нежелание это делать. Знал он ее болезни — они тогда только случались, когда ей это было выгодно.

К этому миссис Уэстон приписала, что ему «едва достанет времени побывать после завтрака в Хайбери и проститься с теми немногими друзьями, которым он может быть небезразличен,— а потому его очень скоро можно ожидать в Хартфилде».

На этой злополучной записке и оборвался для Эммы завтрак. Прочитав ее, она уже была способна только стенать и сокрушаться. Прости, бал! Прости, молодой знакомец — и все, что молодой знакомец, возможно, таит в душе!.. Что за несчастье! Какой мог получиться восхитительный вечер! Как веселились бы все, а больше всех — она со своим кавалером! «Говорила я, что так будет!» — вот единственное, что оставалось ей в утешенье.

Иначе смотрел на случившееся ее батюшка. Его в первую голову занимало, чем больна миссис Черчилл и как ее лечат, а что до бала — ужасно жаль, что душеньку Эмму постигло разочарование, но дома оно всегда спокойней...

Эмма приготовилась принять гостя много раньше, чем он появился, но недостаток нетерпенья свидеться с нею, который можно было бы поставить ему в укор, искупался горестным его видом и глубочайшим унынием. Он был

столь удручен предстоящим отъездом, что в первые минуты не мог говорить. Его подавленность бросалась в глаза. Он сидел, погруженный в тяжелое раздумье, а когда очнулся, уронил только:

— Нет в мире ничего страшней расставанья.

— Но вы же не последний раз приехали в Рэндалс,— сказала Эмма.— Приедете еще.

— Ох, но как знать, когда! — Покачивая головою: — Эта неопределенность... Буду рваться сюда всеми силами, все помыслы устремлю на это — задамся единою целью! И если весной дядюшка с теткой поедут в город... только боюсь... Прошлой весной они никуда не тронулись — боюсь, с этим обыкновением покончено навсегда.

— И прощай навсегда наш бедный бал.

— Ах, этот бал!.. Ну для чего было нам его откладывать? Надобно было ловить момент! Сколь часто из-за приготовлений — дурацких приготовлений — мы лишаем себя радости! А ведь вы предупреждали, что так случится. Ох, мисс Вудхаус, зачем вы всегда бываете правы?

— В настоящем случае, поверьте, я могу лишь сожалеть, что была права. Я бы, не раздумывая, променяла дальновидность на веселье.

— Ежели мне удастся приехать снова, мы все-таки устроим этот бал. Мой отец на это твердо полагается. Не забудьте — вы ангажированы.

Эмма подарила его благосклонным взглядом.

— Какие это были две недели! — продолжал он.— Каждый новый день — дороже, неповторимее вчерашнего! И с каждым днем все более нестерпима мысль об отъезде. Счастливы те, которым можно оставаться в Хайбери!

— Раз вы столь щедро воздаете нам должное в настоящем,— сказала Эмма,— то я возьму на себя смелость спросить у вас о прошлом: вы ехали сюда не без опасений? Не оказались ли мы несколько лучше, чем вы себе представляли? Убедена, что да. Убедена, вы не предполагали, что вам у нас может понравиться. Вы бы не собиравались к нам так долго, если бы Хайбери вам рисовался в привлекательном свете.

Фрэнк Черчилл с принужденным смехом возражал, но Эмма знала, что не ошиблась.

— И вы обязаны ехать сейчас же?

— Да. За мною приедет отец, мы вместе воротимся в Рэндалс, и я немедленно снаряжаюсь в дорогу. Боюсь, что его можно ждать сюда в любой момент.

— И у вас не останется даже пяти минут для друзей ваших — мисс Фэрфакс и мисс Бейтс? Досадно! Могучий и логический ум мисс Бейтс мог бы помочь вам укрепиться духом.

— Нет, я *побывал* там. Проходил мимо и подумал, что по всем правилам полагалось бы зайти. Зашел на три минуты, но задержался, потому что не застал дома мисс Бейтс. Она куда-то отлучилась, и я понял, что должен дожидаться ее. Над такою, как она, можно смеяться — и даже нельзя не смеяться, — но такую женщину грешно обижать. Лучше было нанести ей прощальный визит по всей форме.

Он замялся, встал, подошел к окну.

— Короче, — заговорил он снова, — вы, по-видимому, не могли не заподозрить, мисс Вудхаус...

Он впился в нее взглядом, словно желая прочесть ее мысли. Эмма растерялась. Все это предвещало нечто очень серьезное, чего она не хотела. В надежде несколько задержать то, что на нее надвигалось, она усилием воли заставила себя спокойно сказать:

— Вы рассудили правильно — очень естественно было, при этих обстоятельствах, нанести прощальный визит...

Он молчал. Она чувствовала на себе его взгляд — он, верно, размышлял над ее словами, пытаясь истолковать для себя манеру, с которой они были сказаны. Она слышала, как он вздохнул. Естественно; он полагал, что имеет причины вздыхать. У него не было оснований думать, что она поощряет его. Несколько неловких мгновений — и он сел на место и проговорил, уже более твердым голосом:

— Мне важно было, что остаток времени я могу провести в Хартфилде. Хартфилд так много значит для меня...

Он снова осекся, снова встал и, казалось, окончательно пришел в замешательство. Эмма и не подозревала, что он так сильно влюблен, — и как знать, чем бы все это кончилось, если бы не явился его отец... Вскоре к ним вышел и мистер Вудхаус, и Фрэнк Черчилл, подчиняясь необходимости, овладел собою.

Впрочем, минуты испытания были уж сочтены. Мистер Уэстон, не любящий мешкать ни с каким делом, столь же мало способный оттягивать неизбежное зло, сколь и предвидеть возможное, объявил: «Пора идти!» — и молодому человеку оставалось лишь согласиться, подавив понятный вздох, и встать, готовясь к прощанию.

— Я буду иметь о всех вас известия, — сказал он, — в этом главное для меня утешенье. Буду знать все, что

у вас происходит. Я просил миссис Уэстон писать мне, и она была столь добра, что обещала. Благословенны женские письма, когда нам дорога всякая подробность о тех, кого с нами нет! Она будет все мне рассказывать. Читая ее письма, я вновь буду переноситься в милый Хайбери.

Сердечное рукопожатие, взволнованное «До свиданья!» заключили эту речь, и дверь за Фрэнком Черчиллом захлопнулась. Коротки были сборы — коротко их свиданье; он покидал Суррей, и Эмме так жаль было расставаться, такую потерю для их маленького общества видела она в его отъезде, что к ней закралось опасение, не слишком ли она сожалеет, не чересчур ли это глубоко ее затронуло.

Все переменилось — и к худшему. Они встречались со времени его приезда чуть не каждый день. Его присутствие в Рэндалсе, бесспорно, очень оживило ее существование за эти две недели — неописуемо! Каждое утро — сознание, что они увидятся, предвкушенье встречи, уверенность в его внимании — его веселый нрав, его галантность! Праздником сверкнули эти две недели, и тоскливо будет после них погружаться опять в обыденное течение хартфилдской жизни. В довершение всего, что говорило в его пользу, он *почти что* признался ей в любви! Сколь оказалось бы на поверку прочно и постоянно его чувство — вопрос иной, но покамест у нее не было сомнений, что он положительно ею пленен, определенно отдает ей предпочтение, и эта убежденность, совокупно со всем прочим, наводила ее на мысль, что, несмотря на свои прежние зарок, она, *как видно*, немножко влюблена в него.

— Как видно, да,— говорила она себе.— Эта тупая апатия, вялость, неохота сесть и заняться полезным делом, это ощущение, что все в доме надоело, постыло! Как видно, влюбилась,— очень было бы странно, когда б не так — по крайней мере, на недельку-другую. Что ж! Кому беда, а кому радость — так устроен мир. Многим, как мне, взгрустнется, ежели не о Фрэнке Черчилле, то о бале — зато мистер Найтли будет счастлив. Может теперь провести этот вечер, как ему нравится — со своим ненаглядным Уильямом Ларкинсом.

Мистер Найтли, однако, не спешил, торжествуя, показывать, что он счастлив. Он, конечно, не мог бы, положить руку на сердце, утверждать, что огорчен за себя — бодрый вид его послужил бы тому опроверженьем,— но говорил с большою искренностью, что огорчается за других, и добрым голосом прибавил:

— Не повезло вам, Эмма,— вот не повезло! Вам так редко выпадает случай потанцевать...

Джейн Фэрфакс она несколько дней не видала, а без этого трудно было судить, чистосердечно ли она сожалеет о прискорбной перемене; но когда наконец увидела, то наткнулась на чудовищную сдержанность. Правда, ей все эти дни особенно нездоровилось, ее так мучили головные боли, что, если бы даже бал состоялся, она, как о том объявила ее тетушка, вряд ли смогла бы прийти; и Эмма великодушно сказала себе, что эта непристойная безучастность в какой-то мере объясняется упадком сил, подточенных болезнью.

ГЛАВА 13

мму по-прежнему не покидала уверенность, что она влюблена. Менялись лишь ее представления о том, насколько. Первое время ей казалось, что очень; потом — что самую чуточку. Ей было приятно слушать разговоры о Фрэнке Черчилле — было, из-за него, как никогда приятно видеться с мистером и миссис Уэстон; она подолгу думала о нем и с нетерпением ждала письма, чтобы узнать, как он, в каком он настроении, как чувствует себя его тетка и велика ли вероятность, что он весною опять придет в Рэндалс. С другой стороны, однако, она не могла бы сказать, что страдает, что у нее, не считая того первого утра, не лежит душа к обычным занятиям,— она была, как и прежде, занята, была довольна, не утратила способности понимать, что за ним, при всем его обаянии, водятся и слабости, а самое главное — столько о нем думая, сочиняя за рисованием или шитьем сотни возможных продолжений и развязок их романа, придумывая опасные диалоги, составляя мысленно изящные письма — она неизменно под конец приходила к тому, что отвечает на его воображаемое признание отказом. Всякий раз их взаимная склонность переходила в дружбу. Нежными, упоительными были их расставанья, но всякий раз дело кончалось расставаньем. Когда она это заметила, то заключила, что, значит, не очень-то влюблена, потому что, хотя давно и твердо решила, что никогда не оставит отца, никогда не выйдет замуж, но сильное чувство должно было бы, конечно, все-таки вызвать в душе ее бурю при мысли о разлуке — а бури не было.

— Почему-то,— рассуждала она с собою,— мне ни разу не пришло в голову слово «жертва». В моих умелых возражениях, моих деликатных отказах нет и намека на то, что для меня это жертва. Подозреваю, что не так уж он мне необходим для полного счастья. Тем лучше. Ни в коем случае не стану уговаривать себя, будто испытываю чувства, которых у меня нет. Немножко влюблена — и хватит. Больше мне было бы ни к чему.

Равно удовлетворена была она, в общем, и его чувствами, какими их себе представляла.

— А вот *он* влюблен очень — по всему видно,— отчаянно влюблен, и коли это у него не пройдет, то надобно будет, когда он приедет снова, строго следить за собою и не оказывать ему поощрения. Непростительно было бы вести себя иначе, если для меня все уже раз и навсегда решено. Впрочем, у него, кажется, и до сих пор не было оснований воображать, будто я его поощряю. Нет, если б он полагал, что я хотя бы отчасти разделяю его чувства, то не был бы так несчастен. И вид и речи его при прощании были бы иными, когда б он думал, что может рассчитывать на взаимность... И все ж мне следует быть начеку. Это — ежели исходить из предположения, что чувства его останутся неизменны, но мне в это не слишком верится, я отнесла бы его к несколько иному разряду мужчин, не очень бы полагалась на его преданность и постоянство. Он — натура пылкая, однако, думается мне, довольно-таки переменчивая. Короче говоря, с какой точки ни посмотреть, выходит, надобно благодарить судьбу за то, что не в нем все мое счастье. Пройдет немного времени, и я опять заживу как ни в чем не бывало, приобрету приятное воспоминанье, и только. Говорят, разок в жизни надобно непременно влюбиться — что ж, я легко отделаюсь.

Когда к миссис Уэстон пришло письмо, оно дано было Эмме на прочтенье, и читать его оказалось таким наслаждением, что Эмма вначале лишь качала головою, прислушиваясь к своим чувствам, и говорила себе, что, по всей видимости, недооценивала их силу. Письмо было длинное, написано превосходным слогом; автор в подробностях описывал дорогу домой и свои ощущения в это время, с естественностью и благородством изъяслял миссис Уэстон свою любовь, признательность, уважение; живо и точно изображал все то на ближних и дальних подступах, что могло представлять интерес. Ни подозрительно витиеватых извинений более, ни слащавой озабоченности — каждая строка дышала искренним чувством

к миссис Уэстон; о переходе от Хайбери к Энскуму, о несовпадении первоначальных ценностей общественного бытия там и здесь говорилось скупое, но достаточно, чтобы понятно стало, сколь они глубоко ощутимы и сколь бы многое можно было еще сказать о них, когда б не сдерживали приличия... Не отказано было Эмме и в удовольствии видеть ее собственное имя. Слова «мисс Вудхаус» мелькали то и дело, и неизменно в связи с чем-нибудь приятным — это могла быть похвала ее вкусу или воспоминание о чем-либо сказанном ею, и даже там, где они являлись взору последний раз, без пышного комплиментарного обрамленья, она почуяла силу своего воздействия и узрела скрытый и, пожалуй, наибольший из всех комплимент. В самом нижнем уголку, на оставшемся месте теснились слова: «У меня, как вы знаете, не осталось во вторник свободной минуты для хорошенькой подружки мисс Вудхаус. Сделайте милость, извинитесь за меня перед нею, что я не успел с ней проститься». Это, не сомневалась Эмма, делалось только ради нее. Никогда бы он не вспомнил о Гарриет, не будь Гарриет ее другом... Сведения об Энскуме и видах на будущее были не лучше и не хуже, чем следовало ожидать; миссис Черчилл еще не поправились, и он покамест даже в мечтах не позволял себе загадывать, когда опять сможет вырваться в Рэндалс.

Сколь ни отраднo показалоcь ей письмо в самом существенном — отношении к ней, сколь ни щекотало оно самолюбие, тем не менее, сложив его и вернув миссис Уэстон, она обнаружила, что в ней не прибавилось огня, что она все-таки может прожить на свете без того, кто его писал, и он, значит, должен как-то суметь прожить без нее. Намерения ее не изменились. Только к решимости ответить ему отказом прибавился заманчивый умысел, как его после этого утешить и осчастливить. Упоминание о Гарриет, эти слова, в которые оно было облечено, — «хорошенькая подружка» — навели ее на мысль о том, чтобы ее заменила в его сердце Гарриет. Разве это невозможно? Нет, Гарриет, разумеется, бесконечно уступала ему в умственном отношении, но разве не был он поражен ее прелестным личиком, подкупающей простотою ее манер? Что же до происхождения, родовитости — они, более чем вероятно, говорили в ее пользу. А как удачно, как счастливо решилась бы тогда судьба Гарриет!..

«Нет, так нельзя! — останавливала она себя. — Нельзя увлекаться такими мыслями. Я знаю, куда заводят подобные фантазии. Впрочем, в жизни и не такое случается —

а этим, когда пройдет наше нынешнее увлечение, скрепится бы та настоящая бескорыстная дружба с ним, которую я теперь уже предвкушаю с удовольствием».

Хорошо, что она запаслась утешением для Гарриет, хотя, и правда, разумнее было пореже давать волю воображению, ибо не за горами была гроза. Как приезд Фрэнка Черчилла вытеснил из хайберийских пересудов обручение мистера Элтона, как свежая новость совершенно заслонила собою прежнюю — так теперь, когда Фрэнк Черчилл скрылся, неотразимо притягательную силу начали обретать дела мистера Элтона. Назначен был день его свадьбы. Скоро он будет опять среди них — мистер Элтон с молодою женой. Едва успело подвергнуться обсуждению первое письмо из Энскума, как уж у всех на устах было «мистер Элтон с молодою женой», и о Фрэнке Черчилле забыли. У Эммы, когда раздавались эти слова, екало сердце. Три блаженных недели она была избавлена от мистера Элтона, и Гарриет, хотелось ей надеяться, за последнее время окрепла духом. Во всяком случае, когда впереди забрезжил бал мистера Уэстона, в ней заметна была нечувствительность к другим вещам; теперь же, увы, со всею очевидностью выяснилось, что перед приближением рокового дня, с новою каретой, свадебными колоколами и так далее, ее душевному равновесию не устоять.

Душою бедняжки Гарриет владели трепет и смятение, ею требовалось заниматься самым серьезным образом: увещать, урезонивать, унимать. Эмма знала, что обязана сделать для нее все, на что способна, что Гарриет имеет полное право рассчитывать на все ее терпение, всю изобретательность, но тяжелая это была работа — без конца убеждать, но не видеть никакого результата; без конца слышать, как с вами соглашаются, но так и не приходиться к согласию. Гарриет покорно слушала, лепетала, что «это очень верно — мисс Вудхаус совершенно права — о них нет смысла думать — и она выкинет их из головы», а после разговор неизменно возвращался снова к тому же предмету, и через полчаса ее опять уже ничто не трогало и не волновало, кроме Элтонов... Наконец Эмма попробовала сделать заход с другой стороны.

— То, что вы, Гарриет, позволяете себе столько думать о женитьбе мистера Элтона и так из-за нее терзаться — самый тяжкий упрек для *меня*. Невозможно горше меня укорить за ошибку, в которую я впала. Я знаю, все это моих рук дело. Я этого не забыла, уверяю вас. Обма-

нувшись сама, я ввела в жестокий обман и вас — мысль об этом будет мучить меня до конца моих дней. Знайте, такое не забывается.

Гарриет была так потрясена, что у нее лишь вырвались в ответ какие-то бессвязные восклицания. Эмма продолжала:

— Я не говорю вам, Гарриет,— сделайте над собою усилие ради меня, меньше думайте, меньше говорите об мистере Элтоне ради меня. Ради вас самой хотела бы я этого, ради того, что важнее, чем мое спокойствие, чтобы вы приучились властвовать собою, считались с соображениями долга, соблюдали приличия, старались не давать окружающим повода для подозрений, оберегали свое здоровье, свое доброе имя — чтобы к вам воротился покой. Вот побуждения, которые я вам пыталась внушить. Они очень важны, и мне так жаль, что вы не в силах достаточно глубоко ими проникнуться и руководствоваться ими. Убереечь от боли меня — второстепенное соображение. Я хочу, чтобы вы *себя* уберегли, чтоб вам не сделалось потом еще больнее. Да, может быть, у меня иной раз мелькала мысль, что Гарриет не забудет, сколь обязана... вернее, сколь обязала бы меня своею добротой.

Этот призыв к милосердию подействовал более, чем все остальное. Мысль, что она выказала неблагодарность и невнимание к мисс Вудхаус, которую так необыкновенно любит, повергла Гарриет в отчаянье и утвердилась в голове ее столь прочно, что — когда первое неистовство горя, повинувшись утешениям, миновало — подсказала ей правильный путь и довольно надежно удерживала на этом пути.

— Неблагодарность к вам! Когда лучшего друга, чем вы, у меня не было никогда в жизни! С вами никому не сравниться! Вы мне дороже всех! Ах, мисс Вудхаус, какую же черной неблагодарностью я вам отплатила!..

После излияний, подобных этим, красноречиво подкрепляемых всем видом ее и каждым движением, Эмма почувствовала, что никогда еще так не любила Гарриет, не дорожила так ее привязанностью.

— Ничто столь не пленяет в человеке, как нежная душа,— рассуждала она потом наедине с собою.— Нет равных ее очарованью. Нежная, мягкая душа, при ласковой, открытой манере держаться, всегда будет в тысячу раз привлекательнее самой трезвой головы на свете. Я уверена. Это нежность души снискала всеобщую любовь моему дорогому батюшке, это она всегда и всех располагает к Изабелле. Мне она не дана, но я знаю, как ее следует

ценить и уважать. В очаровании и отраде, которые она дарует, я уступаю Гарриет. Милая моя Гарриет! Не променяю ее ни на какую умницу-разумницу с ясною головой и холодным рассудком. Брр! В дрожь кидает от ледяного холода какой-нибудь Джейн Фэрфакс! Гарриет стоит сотни таких, как она... А у жены, когда мужчина хоть в чем-то разбирается, нежная душа — сокровище. Не стану называть имен, но счастлив будет мужчина, который предпочтет Эмме Гарриет!

ГЛАВА 14

Первый раз мистера Элтона увидели в церкви; но, хотя благочестие в отдельные минуты пострадало, любопытство все же не удовольствовалось зрелищем новобрачной на церковной скамье, и заключение о том, чудо ли она как хороша собою, просто ли хороша или совсем нехороша, отложилось до формальных визитов, которым вслед за тем настал черед.

Эмма, не столько из любопытства, сколько из гордости или, возможно, верности приличиям, решила не быть в числе последних, которые придут засвидетельствовать молодым свое почтение, и позаботилась взять с собою Гарриет, дабы самое тяжелое как можно скорее оказалось позади.

Нельзя было снова войти в тот дом, очутиться снова в той же комнате, куда три месяца назад завела ее шнуровать сапожок столь тщетно придуманная уловка,— и не *вспомнить*. Назойливо напрашивались тысячи досадных подробностей: комплименты, шарады, пагубные оплошности... Трудно было предположить, что не вспоминаются они в эти минуты и бедняжке Гарриет, но держалась она очень хорошо, только слегка побледнела и была молчалива. Визит, понятно, не затянулся, и столько неловкости, столько посторонних мыслей ему сопутствовало, что Эмма не позволила себе вынести за это короткое время твердое суждение о хозяйке дома — ни, тем более, высказывать его, не считая ничего не значащих фраз вроде «модно одевается и весьма любезна».

Честно говоря, хозяйка дома ей не понравилась. Не хотелось сразу же начинать придирааться, но у хозяйки дома, подозревала она, отсутствовала утонченность; была

развязность — утонченности не было. Эмма готова была поручиться, что молодой женщине, приезжей, новобрачной, наконец, не пристала такая свобода в обращении. Внешне она была ничего себе, недурна лицом, но ни в фигуре ее, ни в осанке, голосе, манерах не чувствовалось никакого благородства. Эмма, во всяком случае, полагала, что таковое суждение подтвердится.

Что до мистера Элтона, то его манеры на сей раз не... но нет, у ней не сорвется поспешное или колкое словцо насчет его манер. Принимать поздравления после свадьбы — вообще процедура тягостная, и только тот мужчина выдержит ее с честью, который наделен бесконечною чуткостью и тактом. Женщина в лучшем положении, ей придаст уверенности изящный наряд, ей не возбранена стыдливость; мужчина же вынужден полагаться только на рассудок, данный ему природою, и ежели взять в соображение, в какой переплет угодил бедный мистер Элтон, очутясь в одной комнате одновременно с женщиною, на которой только что женился, с женщиной, на которой хотел жениться, и с женщиной, которую ему прочили в жены, — то следовало признать, что он вправе иметь довольно глупый вид и держаться столь же напыщенно, сколь и принужденно.

— Ну, мисс Вудхаус,— сказала Гарриет, выйдя от них и напрасно подождав, пока приятельница первой начнет разговор.— Ну, мисс Вудхаус,— с кротким вздохом,— что вы скажете о ней? Не правда ли, прелесть?

Эмма слегка замешкалась с ответом.

— М-да, очень... очень любезная особа.

— Красивая — просто красавица, на мой взгляд.

— Да, весьма недурно одета, платье сшито на редкость элегантно.

— Не удивляюсь, что он полюбил ее.

— О да, удивляться тут нечему. Порядочное состояние, и на глаза ему попалась вовремя.

— И она тоже,— снова вздох,— она, верно, тоже горячо полюбила его.

— Возможно, хотя не всякому мужчине судьба жениться на той, которая любит его больше всех на свете. Вероятно, мисс Хокинс хотелось обзавестись семьею, и она решила, что лучшего предложения ей не дожидаться.

— И правильно,— серьезно отвечала Гарриет.— Лучшего и быть не может. Что ж, я от души желаю им счастья. И знаете, мисс Вудхаус, не думаю, что мне теперь тяжело будет с ними видаться. Он, как и прежде, са-

мо совершенство, но женатый человек — это уже совсем другое. Нет, правда, мисс Вудхаус, не беспокойтесь, теперь я могу сидеть и любоваться на него без особых страданий. Знать, что он достался не кому-нибудь — большое утешенье! Она в самом деле, мне кажется, прелесть что такое — как раз та, которой он заслуживает. Счастливица! Он называл ее Августа. Воображаю, как ей это сладко!

Когда новобрачные пришли с ответным визитом, у Эммы составилось окончательное мнение. Теперь ей представилась возможность больше разглядеть и судить вернее. Случилось так, что Гарриет в это время отсутствовала, а мистер Вудхаус вышел к гостям и занимал мистера Элтона, так что гостя на целых четверть часа досталась Эмме, которая могла сосредоточить на ней все свое внимание и за эти четверть часа вполне удостоверилась, что миссис Элтон — тщеславная, чрезвычайно самовлюбленная особа, непомерно о себе мнит, силится показать свое превосходство и всех затмить, но при всем том дурно воспитанна, нахальна, фамильярна, нахвталась понятий обо всем в определенном кругу с определенным стилем жизни, — что она, может быть, и не глупа, но необразованна и мистер Элтон определенно не выиграет от ее общества.

Гарриет была бы для него лучшею партией. Не обладая сама утонченностью и умом, она бы прочно связала его с теми, кто этим обладает; мисс же Хокинс, судя по ее развязной самоуверенности, сама была в своем кругу лучшей из лучших. Красу и гордость вновь приобретенного родства составлял богатый зять под Бристолем, а красу и гордость зятя составляли его имение и экипажи.

Первое, о чем она, едва усевшись, завела речь, было «поместье мистера Саклинга, моего брата, Кленовая Роща» и то общее, что имелось с Кленовою Рощей у Хартфилда. Хартфилд, хотя и небольшое имение, отлично содержится — красивый парк, добротный, современно оборудованный дом. Вход в дом, размеры комнат — все, что увидела миссис Элтон и о чем догадывалась, произвело на нее самое положительное впечатление.

Вылитая Кленовая Роща! Поразительное сходство! Вот эта комната — по форме, по размерам — в точности как маленькая гостиная в Кленовой Роще, любимая комната ее сестры! Тут обратились за подтверждением к мистеру Элтону. Правда, удивительно похоже? Ей так и чудится, что она сейчас в Кленовой Роще!

— И лестница... Знаете, я, как только вошла, сразу обратила внимание, до чего похожа лестница — и расположена в той же части дома! Верьте слову, мисс Вудхаус, это восхитительно, что все здесь напоминает мне то место, к которому я столь привязана. Сколько счастливых месяцев прожито в Кленовой Роще! — Сентиментальный вздох. — Обворожительное место, что и говорить! Всех поражает своею красотой — но для меня оно просто родной дом. Когда бы вас, мисс Вудхаус, вырвали, подобно мне, из родной почвы и перенесли на чужбину, то вы бы поняли, как восхитительно, когда хоть что-нибудь напоминает оставленное позади. Одно из зол супружества — я всегда это говорила...

Эмма пробормотала в ответ что-то незначущее, но и этим вполне удовлетворилась миссис Элтон, для которой главное было говорить самой.

— До чрезвычайности похоже на Кленовую Рощу! И не только дом, верьте слову, — все поместье, сколько я могла заметить, поразительно похоже. Такое же, как в Кленовой Роще, изобилие лавровых деревьев, и растут там же, сразу за газоном. Я мельком видела прекрасное большое дерево, обнесенное скамейкой, — ну в точности!.. Сестра и братец будут очарованы, когда увидят. Владельцам обширных поместий всегда приятно увидеть у других нечто в том же стиле.

Эмма отнеслась к этой истине с большим сомнением. Она подозревала, что владельцы обширных поместий смотрят на обширные владения других без всякого восторга, но почла излишним оспаривать утверждение, столь же ошибочное, сколь и безапелляционное, и возразила только:

— Боюсь, когда вы ближе познакомитесь со здешними местами, то подумаете, что перехвалили Хартфилд. В Суррее полным-полно красот.

— О как же, знаю! Цветник Альбиона! Суррей недаром так зовется.

— Да, однако нам нельзя требовать себе признания лишь на этом основании. Многие графства Англии, сколько мне известно, называют цветником Альбиона — не один Суррей.

— А мне представляется — нет, — с невыразимо самоуверенной усмешкой парировала миссис Элтон. — Никогда не слыхала, чтобы так называли хоть одно графство, кроме Суррея.

Эмма промолчала.

— Братец с сестрою обещали, что весной или, самое позднее, летом приедут нас навестить,— продолжала миссис Элтон,— вот тогда мы и попутешествуем. Тогда-то, я полагаю, и пустимся в разъезды по окрестностям. У них, очевидно, будет ландо — я уже не говорю о том, что у нас есть карета,— оно рассчитано как раз на четырех седоков, и мы сможем, покамест они будут у нас, с комфортом осматривать местные красоты. Не думаю, чтобы в такое время года они приехали в фаэтоне. Более того, я, ближе к их приезду, напишу им, что определенно рекомендую взять ландо — это составит неоценимое удобство! Вы поймете меня, мисс Вудхаус,— когда люди приезжают в такую красивую местность, натурально хочется, чтобы они повидали как можно больше, а мистер Саклинг обожает обследовать новые места! Мы прошлым летом, когда они только завели себе ландо, дважды совершали подобным образом восхитительнейшие вылазки в Кингсуэстон. У вас, мисс Вудхаус, каждое лето, должно быть, то и дело предпринимают такого рода прогулки?

• — У нас — нет. Отсюда не так уж близко до тех достопримечательных мест, куда обычно ездят любоваться красотами природы, и потом, у нас тут, вероятно, привыкли вести очень тихий образ жизни и более расположены не чатевать развлечения, а сидеть дома.

— Сидеть дома! Что может быть уютней! Я сама невозможная домоседка. В Кленовой Роше это сделалось положительно притчей во языцех. Сколько раз Селина, собираясь в Бристоль, говорила: «Эту барышню никакими силами не вытащить из дому! Терпеть не могу томиться в ландо без спутников, но, что делать, придется ехать одной — Августа, я думаю, век бы шага не сделала за ворота парка, будь на то ее воля!» Сколько раз имела она причину так говорить, и все же я не сторонница полного чатворничества. Напротив, по-моему, очень дурно, когда люди совершенно отгораживаются от общества,— гораздо, по-моему, правильнее вращаться в свете — не слишком много, не слишком мало, но в должную меру отдаваться светской жизни. Я, впрочем, очень могу понять *ваше* положение, мисс Вудхаус...— бросая взгляд в сторону мистера Вудхауса.— Вам должно служить большим препятствием здоровье вашего отца. Отчего бы ему не испробовать Бат? Помилуйте, непременно! Я очень рекомендую вам Бат. Верьте слову, мистеру Вудхаусу там, без сомнения, станет лучше.

— Батюшка в свое время не раз пробовал ездить в Бат, но это не дало никаких улучшений, и мистер Перри — вам это имя, я полагаю, неизвестно — считает, что едва ли поездка на воды и теперь принесет ему какую-либо пользу.

— Вот жалость! Потому что тем, кому воды помогают, мисс Вудхаус, они приносят необыкновенное облегчение, верьте слову. В бытность мою в Бате мне приводилось наблюдать разительные примеры! И потом, это оживление, веселость не могли бы не сказаться благотворно на душевном состоянии мистера Вудхауса, коему, сколько я понимаю, свойственно порою впадать в меланхолию. Что же до благотворности их для *вас*, то на этом, как представляется мне, останавливаться нет нужды. Преимущества Бата для тех, кто молод и красив, и без того очевидны. Для вас, живущей в таком уединенье, это был бы очаровательный дебют, а я бы могла в одну минуту устроить так, что вы будете вхожи в самое избранное общество. Мне только стоит черкнуть две строчки — и для вас готов будет круг знакомства, а миссис Партридж — та дама, у которой я всегда останавливалась, бывая в Бате, и близкая моя приятельница, — с большою радостью вам окажет всяческое внимание и будет тою особой, которая и введет вас в общество.

Эмме стоило труда не ответить резкостью. Ей — быть обязанной своим дебютом (*дебют* — каково!) миссис Элтон, ей — появиться в обществе под покровительством приятельницы миссис Элтон, какой-то, вероятнее всего, разбитной, вульгарной вдовушки, перебивающейся содержанием пансиона! Ей, мисс Вудхаус, хозяйке Хартфилда, — это ли не поправка ее достоинства!

Она, однако, сдержалась и вместо отповеди, готовой сорваться с ее уст, лишь холодно уронила, что благодарит миссис Элтон, но о том, чтобы им ехать в Бат, не может быть и речи, и она далеко не уверена, что чувствовала бы себя там лучше, чем ее батюшка. После чего, во избежание новых оскорблений и поруганий, круто переменяла разговор.

— Я не спрашиваю, занимаетесь ли вы музыкой, миссис Элтон. В подобных случаях молва обыкновенно опережает саму персону, и в Хайбери давно известно, что вы — превосходная музыкантша.

— О, вовсе нет, я обязана опровергнуть подобное представление обо мне. Превосходная музыкантша? Ничуть не бывало, верьте слову. Примите во внимание, из сколь беспристрастного источника почерпнуты таковые

сведения. Я бесконечно люблю музыку — безумно! — и, если верить моим друзьям, не лишена музыкальности, однако во всем остальном игра моя до крайности *заурядна*. А вот вы, мисс Вудхаус, как мне хорошо известно, играете восхитительно. Верьте слову, для меня было необыкновенною поддержкой, отрадой, облегчением, узнать, как любят музыку в том обществе, куда я попаду. Я жить не могу без музыки. Она необходима мне, как воздух, и расстаться с нею для меня, которая и в Бате, и в Кленовой Роще всегда привыкла находиться в чрезвычайно музыкальном обществе, было бы серьезною жертвой. Я честно об этом сказала мистеру Э., когда он заговорил со мною о нашей будущей жизни и изъяснил опасение, что она мне может показаться слишком уединенной, а наш дом — чересчур убогим жильем... Разумеется, зная, к какой я приучена жизни, он не мог не испытывать беспокойства... Так вот, когда он завел этот разговор, то я ему честно объявила, что *свет* могу покинуть с легкостью — балы, вечера, спектакли,— ибо меня не страшит уединенье. Для *меня*, обладающей богатым внутренним миром, светская жизнь не составляет необходимости. Я великолепно могу обходиться и без нее. Те, у которых внутри пустота,— другое дело, но я, благодаря своим внутренним ресурсам, нимало не завишу от света. И комнаты тоже пусть будут меньше, чем я привыкла, для меня это ничего не значит. На жертвы такого рода, сказала я ему, я, надеюсь, уж как-нибудь способна. Конечно, в Кленовой Роще я привыкла купаться в роскоши, но пусть он поверит, что для меня не в том счастье, чтобы держать два экипажа и жить непременно в огромных комнатах. «Но жить без мало-мальски музыкального общества,— сказала я,— честно вам признаюсь, я бы, наверное, не могла. Других условий я не ставлю, но без музыки жизнь для меня опустеет».

— И мистер Элтон, полагаю,— улыбаясь, заметила **Эмма**,— без колебаний вас уверил, что в Хайбери *как нигде* любят музыку. Надеюсь, вы обнаружите, что он не более погрешил против истины, чем то простительно, ежели взять в расчет его побужденья.

— О да, не сомневаюсь в этом ни минуты. Я восхищена, что оказалась в таком кругу. Надеюсь, мы часто будем устраивать сообща очаровательные маленькие концерты. Знаете ли, мисс Вудхаус, нам с вами надобно основать музыкальный клуб и регулярно собираться раз в неделю либо у вас, либо у меня! Хорошая мысль, вы не находите? Ежели за это возьмемся *мы*, то в еди-

номышленниках не будет недостатка. Для меня нечто подобное в особенности желательно как средство поддерживать себя в должной форме, потому что, вы знаете, замужние женщины... в этом смысле судьба их большею частью плачевна. Они перестают заниматься музыкой.

— Да, но вы ее любите так страстно — вам, конечно, эта опасность угрожать не может...

— Очень бы хотелось надеяться, но, право, стоит оглянуться на знакомых, и дрожь берет. Селина забросила музыку совершенно — не подходит к роялю, а ведь премило играла. То же можно сказать про миссис Партридж — в девичестве Клару Джефрис — и про сестер Милмэн, ныне миссис Бэрд и миссис Купер, — всех не перечесать! Верьте слову, прямо страшно становится. Я, бывало, сердилась на Селину, но теперь сама вижу, сколько у замужней женщины забот, которые требуют ее внимания. У меня нынче утром, верно, целых полчаса отняли наставленья экономке.

— Но такого рода вещи скоро сделаются столь привычны...

— Ну, посмотрим, — смеясь, возразила миссис Элтон.

Эмма, удостоверившись, что ее гостья твердо решила предать музыку забвению, не нашлась что прибавить, и миссис Элтон после минутного молчания перешла на другое.

— Мы побывали с визитом в Рэндалсе, — сказала она, — застали их обоих дома — очень милая чета, как мне кажется. Ужасно мне понравились. Мистер Уэстон — душа-человек, и уже мною избран в первые любимцы, верьте слову. Она же производит впечатление такой добропорядочности — так веет от нее чем-то материнским, теплым, что это покоряет вас с первой встречи. В прошлом, ежели не ошибаюсь, она была вашей гувернанткой?

Эмма едва не онемела от этой бесцеремонности, но миссис Элтон, не дожидаясь подтверждения, уже заторопилась дальше:

— Зная об этом, я была поражена, когда увидела, как она держится. Ни дать ни взять, настоящая леди!

— Миссис Уэстон, — отозвалась Эмма, — всегда отличалась превосходными манерами. Их благопристойность, изысканность, простоту могла бы смело взять себе за образец любая молодая женщина.

— И как бы вы думали, кто пришел туда в это время?

Эмма была в недоумении. Судя по тону, речь шла о старом знакомом — и тогда как ей было угадать?

— Найтли! — продолжила миссис Элтон.— Найтли, своею собственной персоной! Ну не удача ли? Ведь я никогда его не видела — он приходил на днях с визитом, но меня как раз не было дома — и, натурально, умирала от любопытства. Ближайший друг мистера Э.! Я столько была наслышана о «моем приятеле Найтли», что не могла дожждаться встречи с ним,— и, следует отдать должное моему саго sposo¹, такого, как он, не стыдно называть приятелем. Найтли и правда джентльмен. Он очень мне понравился. Определенно производит впечатление истинного джентльмена.

К счастью, время визита истекло. Гости откланялись, и Эмма могла вздохнуть свободно.

— Невыносимая особа! — мысленно вырвалось у нее, едва за ними затворилась дверь.— Хуже, чем я предполагала. Совершенно невыносима! «Найтли»! Я ушам своим не поверила. Видит его первый раз в жизни и смеет называть «Найтли»! И делает открытие, что он джентльмен! Наглая выскочка, козявка, с этими «мистер Э.» и «саго sposo», с этими своими «ресурсами», с кривляньем и ломаньем и вульгарной манерой наряжаться в пух и прах. Нет, вы полюбуйте — делает открытие, что мистер Найтли джентльмен! Сомневаюсь, чтобы он ей ответил тем же комплиментом и обнаружил, что она истинная леди. Нет, это что-то невероятное! Предложить, чтобы мы сообща открыли музыкальный клуб! Можно подумать, мы с нею закадычные подруги! А замечание насчет миссис Уэстон? Поражена, видите ли, что особа, у которой я воспитывалась, оказалась настоящею леди! Ужас какой-то. Никогда не сталкивалась с подобным существом. В тысячу раз хуже всех моих ожиданий. Для Гарриет само сравнение с нею обидно. Воображаю, как отвечал бы ей Фрэнк Черчилл, окажись он здесь. То-то бы разъярен был, то-то бы потешился! Ну вот — чуть что, сразу думаю О нем. Всегда он первым приходит мне на ум! Как я выдаю себя этим! На каждом шагу вспоминается Фрэнк Черчилл!..

Все это пронеслось у нее в голове с быстротою молнии, и к тому времени, когда ее батюшка пришел в себя после «уёты, вызванной проводами Элтонов, и расположился скакать свое слово, она уже в состоянии была воспринимать то, что он говорит.

— Что ж, душенька,— не спеша начал он,— если взять

¹ Дорогой супруг (*UT.i*).

в соображение, что мы никогда ее прежде не видели, то для первого раза она показалась мне очень миленькою молодую особой — а сама, я полагаю, вынесла самое приятное впечатление от встречи с тобой. Немножко быстро говорит. Немножко режет слух, когда так частят в разговоре. Но я, наверное, придираюсь — мне вообще неприятны чужие голоса, и никто так не ласкает ухо своею речью, как ты и бедная мисс Тейлор. А впрочем, она, мне кажется, весьма любезная молодая дама, благовоспитанная, и, несомненно, будет ему прекрасной женою. Хотя женился он, по-моему, все ж напрасно... Я, как умел, принес свои извинения, что не мог нанести ему и миссис Элтон визит по случаю столь счастливого события, и изъявил надежду, что еще *смогу* это сделать летом. А следовало бы по всем правилам теперь. Предосудительно не почтить визитом новобрачную. Увы! Это лишний раз показывает, сколь я плох! Но нет у меня доверия к этому повороту на Пастырскую дорогу...

— Но ваши извиненья, сэр, были, конечно, приняты. Мистер Элтон знает вас.

— Да, и все-таки — молодая дама — новобрачная... Мне следовало засвидетельствовать ей свое почтение. Я пренебрег своею обязанностью.

— Но, папенька, ведь вы не сторонник брачных союзов, почему же вы так тревожитесь, что не почтили визитом *новобрачную*? Вам это не следует полагать своею обязанностью. Отмечая новобрачных таким вниманием, вы поощряете к супружеству других.

— Нет, душа моя. Я никогда не поощрял никого к супружеству, но я всегда буду стремиться в меру сил выказывать должное внимание даме, а небрежение к новобрачной и вовсе недозволительно. *Ей* по праву следует более, чем другим. Новобрачная, душа моя, во всяком обществе первая фигура, кем бы ни были все прочие.

— Ну, папа, ежели *это* не поощрение супружества, то я не знаю... Вот уж не ожидала, что вы настроены льстить тщеславию этих бедных созданий.

— Душа моя, ты меня не понимаешь. Речь идет о простой учтивости, о правилах хорошего тона — в этом ничего общего нет с поощрением вступать в брак.

Эмма умолкла. Ее отец начал приходить в волнение и неспособен был понять *ее*. Она вновь воротилась мыслями к провинностям миссис Элтон и долго, очень долго занята была только ими.

Будущее не принесло открытий, которые потребовали бы от Эммы изменить к лучшему мнение о миссис Элтон. Наблюдения ее оказались достаточно верны. Какою показалась ей миссис Элтон при их вторичном свиданье, такую же оставалась она и при всех последующих — самонадеянной, претенциозной, фамильярной, необразованной и дурно воспитанной. Она была довольно смазлива, обучена тому, что полагается уметь девице ее круга, но столь недалеко умом, что рассчитывала, полагаясь на непревзойденное знание света, оживить и возвысить своим пришествием сельскую глушь, а мисс Хокинс ей рисовалась такою важной персоной в обществе, что затмить ее своим влиянием не мог никто, кроме миссис Элтон.

Были все основания думать, что того же взгляда придерживается и мистер Элтон. Он, казалось, не просто доволен был своим выбором, но и безмерно им горд. Он, похоже было, ежеминутно поздравлял себя, что привез в Хайбери женщину, с которою не сравнится даже мисс Вудхаус; новые же ее знакомые, заранее к ней расположенные и не имеющие привычки к осуждению, — либо беря пример с доброжелательной мисс Бейтс, либо решив, что новобрачная, само собою разумеется, умна и неотразима, коль выставляет себя таковой, — большею частью остались ею вполне довольны, и хвала миссис Элтон, как тому и надлежало быть, беспрепятственно переходила из уст в уста, не оспариваемая мисс Вудхаус, которая с готовностью повторяла то же, что сказала в первый раз, благосклонно отмечая, что миссис Элтон «весьма любезна и очень модно одевается».

В одном отношении миссис Элтон со временем оказалась даже хуже, чем можно было предположить вначале. Она переменялась к Эмме. Возможно, обиженная тем, что ее попытки к сближению не нашли должного ответа, она в свою очередь постепенно отдалилась, стала держаться холодно, отчужденно, и хотя следствие такого поведения было благом, но причина его — недоброжелательство — невольно вселяла в Эмму все большую неприязнь. Кроме того, они — то есть она и мистер Элтон — взяли себе безобразную манеру обращения с Гарриет. Они вели себя с нею пренебрежительно, высокомерно. Эмма надеялась, что Гарриет от этого только быстрее исцелится, однако

мысль о том, чем подсказано это поведение, сильно омрачала им обеих жизнь. Не приходилось сомневаться, что чувство бедняжки Гарриет стало жертвою на алтаре супружеских откровений, а попутно была, по всей видимости, выведена и ее доля участия в этой истории — в освещенье, наименее выгодном для нее и наиболее балзамическом для него. Конечно, она сделалась объектом совместной неприязни. Когда иссякали иные темы для разговора, не было ничего проще, как приняться хулить мисс Вудхаус, и, не смея дать выход злобе в открытом непочтении к ней, они без зазренья совести срывали ее на Гарриет.

К Джейн Фэрфакс миссис Элтон воспылала любовью — причем с самого начала. Не просто тогда, когда при вражде с одною молодой особой естественно напрашивается союз с другой, но с первой же встречи, и не удовольствовалась изъявлениями восторга, что было бы в порядке вещей, а непрошено, без приглашений, без всякого на то права принялась набиваться к ней в помощницы и благодетельницы. Как-то раз, когда Эмма еще не вышла у нее из доверия — то была, может быть, их третья встреча, — миссис Элтон посвятила ее в свои рыцарственные умыслы на этот счет.

— Джейн Фэрфакс — совершенное очарованье, мисс Вудхаус. Я положительно без ума от Джейн Фэрфакс! Дивное, интересное создание! Что за скромность, что за манеры — а как талантлива! Верьте слову, это богато одаренная натура. Играет она, не побоюсь этого слова, превосходно. Утверждаю с полной определенностью, как человек, который довольно разбирается в музыке. О, она — совершенное очарованье! Вы будете смеяться над моею восторженностью, но Джейн Фэрфакс нейдет у меня с языка. И потом, нельзя не тронуться ее положением! Мисс Вудхаус, мы обязаны не пожалеть усилий и что-нибудь сделать для нее. Ее надобно показать людям. Непростительно, когда подобные таланты прозябают в тени. Вам, разумеется, известны дивные строки поэта:

Порою жемчуг чистый — бездны вод,
Глубины океанские таят;
Порой цветок невидимо цветет.
Вотще распространя аромат¹.

Нельзя допустить, чтобы они подтвердились для столь пленительного создания, как Джейн Фэрфакс.

Перевод Р. Сефа.

— Я думаю, это ей не угрожает,— сдержанно отозвалась Эмма.— Когда вам станет больше известно о положении мисс Фэрфакс и вы получите представление о том, какова была обстановка в доме полковника Кемпбелла, у которого она жила, вас, должно быть, покинет опасение, что ее таланты расцветали в безвестности.

— Да, но теперь, дражайшая мисс Вудхаус, она в таком одиночестве, таком забвенье! Она пропадает напрасно. Какими бы она преимуществами ни пользовалась, живя у Кемпбеллов, теперь это, со всею очевидностью, для нее кончилось. И она, по-моему, от этого страдает. Я уверена. Она слишком застенчива и молчалива. Чувствуется,— что ей недостает ободрения. От этого она мне нравится еще больше. Должна признаться, мне милы такого рода свойства. Я горячая поклонница застенчивости — не так-то часто удастся ее встретить. В низших она подкупает до чрезвычайности. О, верьте слову, Джейн Фэрфакс — восхитительное существо, и невозможно выразить, какое она во мне возбуждает участие!

— Большое, я вижу,— неясно, только, какое внимание вы или другие знакомые мисс Фэрфакс, которые знают ее дольше вас, могли бы ей выказать, кроме как...

— Дражайшая мисс Вудхаус, сделать можно очень многое, важно лишь решиться. Нам с вами бояться нечего. Ежели *мы* подадим пример, то ему, сколько это доступно им, последуют и другие, хотя не все из них располагают нашими возможностями. У *нас* есть кареты, чтобы привозить ее и отвозить домой,— при *нашем* стиле жизни можно без малейшего для себя неудобства принимать Джейн Фэрфакс хоть каждый день. Я чрезвычайно была бы недовольна экономкой, если б хоть раз увидела на своем столе обед, на который стыдно пригласить не только Джейн Фэрфакс, но и еще кого-нибудь. Другой жизни я себе не мыслю. И это можно *понять*, если вспомнить, к чему я приучена. Наоборот, для меня, пожалуй, главная опасность — вести дом чересчур широко, слишком мало считаясь с расходами. Вероятно, Кленовая Роща чаще будет служить мне образцом, чем следовало бы,— потому что у нас, разумеется, далеко не те доходы, что у моего брата мистера Саклинга... Да, так я твердо намерена обратить внимание на Джейн Фэрфакс. Непременно буду приглашать ее очень часто к себе в дом, выводить на люди — буду устраивать музыкальные вечера, где она сможет блеснуть своими талантами, и постоянно буду на чеку, чтобы не пропустить хорошую партию. Не сомне-

ваюсь, что при моем обширном знакомстве я очень скоро прослышу о чем-нибудь подходящем. И уж конечно, позабочусь представить ее братцу и сестре, когда они придут в гости. Уверена, что она произведет на них дивное впечатление, и когда ближе с ними познакомится, то позабудет все свои страхи, потому что у них обоих до чрезвычайности располагающая манера держаться. Постараюсь, чтобы при них она бывала у меня как можно чаще, и понятно, во время наших прогулок по окрестностям для нее не однажды сыщется местечко в ландо.

«Бедная Джейн Фэрфакс! — думала Эмма. — Вы такого не заслужили. Вы, может быть, и дурно вели себя с мистером Диксоном, но это — непомерно жестокое наказание! Терпеть милости и покровительство миссис Элтон! «Джейн Фэрфакс» да «Джейн Фэрфакс»! Силы небесные! Что, ежели и я у нее для каждого встречного уже «Эмма Вудхаус»! Хочу надеяться, что не посмеет, но у этой женщины поистине язык без костей!»

В дальнейшем слух Эммы не обременяли более подобными каскадами бахвальства — по крайней мере, адресованными ей одной и уснащенными этим тошнотворным «дражайшая мисс Вудхаус». Вскоре после того в отношении миссис Элтон к ней наступила перемена и ее оставили в покое — не вербовали больше ни в закладные подруги, ни в рьяные благотворительницы Джейн Фэрфакс и осведомляли о своих взглядах, замыслах и свершениях только наравне со всеми.

Эмма делала наблюдения, и довольно любопытные. Мисс Бейтс, не мудрствуя лукаво, разумеется, прониклась к миссис Элтон за ее внимание к Джейн бесхитростной и беззаветной благодарностью. Она превозносила ее до небес как очаровательнейшую из женщин: приветливую, милую, наделенную участливостью и прочими совершенствами — то есть в точности такую, какой и желала выглядеть миссис Элтон в глазах окружающих. Эмму удивляло другое — что Джейн Фэрфакс принимает эти знаки внимания и, судя по всему, не тяготится обществом миссис Элтон. То говорили, что она пошла прогуляться с Элтонами, то — что сидит с Элтонами или поехала к Элтонам на весь день!.. Никогда бы не поверила она, что вкус мисс Фэрфакс, что ее гордость способны мириться с тою компанией и дружбой, которую мог предложить дом викария.

«Загадочная особа — настоящая загадка! — говорила она себе. — Предпочесть месяц за месяцем проводить здесь, подвергая себя всевозможным лишениям! И те-

перь — предпочесть унижительное внимание миссис Элтон, ее убогую болтовню возвращению в изысканное общество близких людей, которые всегда дарили ее такой искренней, великодушною любовью».

Предполагалось, что Джейн приехала в Хайбери на три месяца — на три месяца уехали в Ирландию Кемпбеллы, — но теперь Кемпбеллы обещали дочери, что пробудут у нее, по крайней мере, до середины лета, и Джейн пригласили туда снова. По словам мисс Бейтс, а именно от нее исходили все сведения, миссис Диксон уговаривала Джейн с величайшей настоятельностью. Пусть она лишь изъявит согласие — изысканы будут средства передвиженья, присланы слуги — оповещены друзья по пути ее следования — устранены все трудности, связанные с путешествием; и все-таки она отказалась!

«Чтобы отклонить такое приглашение, у нее должен быть серьезный мотив... которого она не называет, — сделала заключение Эмма. — Должно быть, это расплата за некую вину, назначенная ей либо Кемпбеллами, либо ею же самой. Чей-то величайший страх стоит за этим, величайшая осторожность, величайшая решимость. С *Диксо-iia.Mii* ей быть нельзя. Этот приговор кем-то вынесен. Но для чего ей надобно соглашаться быть с Элтонами? Вот в чем еще одна загадка...»

Когда она высказала недоумение по этому второму поводу в присутствии тех немногих, которые знали, какого она мнения об миссис Элтон, то миссис Уэстон нашла оправдание для Джейн:

— Трудно предположить, милая Эмма, чтобы она получала большое удовольствие, бывая у Элтонов, но это лучше, чем сидеть все время дома. Ее тетушка — добрая душа, но находится при ней неотлучно, по всей вероятности, невыносимая скука. Раньше, чем изобличать дурной вкус мисс Фэрфакс за то, к чему она устремляется, надобно задуматься о том, от чего она бежит.

— Вы правы, миссис Уэстон, — горячо подхватил мистер Найтли, — мисс Фэрфакс не менее любого из нас способна составить верное суждение об миссис Элтон. Жели б она могла выбирать, с кем ей знаться, она бы выбрала не ее. Однако, — покосясь с укоризненной усмешкой на Эмму, — тех знаков внимания, которые она видит от миссис Элтон, ей никто больше не оказывает.

Эмма поймала на себе быстрый взгляд миссис Уэстон — она и сама поразилась его горячности. Слегка покраснев, она отвечала:

— Мне бы казалось, те знаки внимания, которые оказывает миссис Элтон, должны не радость вызывать у мисс Фэрфакс, а скорей отвращение. Приглашения миссис Элтон, казалось бы, должны скорее отталкивать, а не привлекать.

— Я допускаю,— сказала миссис Уэстон,— что мисс Фэрфакс оказалась завлечена дальше, чем ей хотелось бы самой, из-за той готовности, с какою принимала назначенные ей любезности ее тетушка. Бедная мисс Бейтс, очень может статься, невольно связала племянницу обязательством и подтолкнула к видимости сближения, от коего, несмотря на естественную тоску по некоторому разнообразию, ее удержал бы голос собственного рас-судка.

Обе затаили дыхание, ожидая, что скажет на это мистер Найтли, и он, помолчав немного, заговорил:

— Тут еще надобно принять во внимание вот что... Миссис Элтон разговаривает с мисс Фэрфакс иначе, чем с мисс Фэрфакс. Всем нам известно различие между местоимениями «он» или «она» — и «ты», прямым обращением,— все мы испытываем при личном сообщении друг с другом влияние чего-то, помимо обычной учтивости, чего-то, опережающего ее. У нас язык не повернется наметнуть человеку в лицо о неприятном, хотя мы час тому назад, быть может, свободно о том распространялись за его спиною. Мы чувствуем себя по-другому. Это общее правило, а помимо того, можете быть уверены — мисс Фэрфакс внушает миссис Элтон благоговение превосходством своего ума и воспитания и та при встречах в полной мере выражает к ней то уважение, которого она заслуживает. Миссис Элтон, вероятно, первый раз в жизни сталкивается с таким созданием, как Джейн Фэрфакс, и — ежели не в мыслях, то на деле — не может, при всем своем тщеславии, не признавать своего ничтожества в сравнении с нею.

— Я знаю, как высоко вы ставите Джейн Фэрфакс,— сказала Эмма. На уме у нее был маленький Генри — тревога боролась в душе ее с деликатностью, и она в нерешительности замялась.

— Да, высоко,— отвечал он,— это ни для кого не секрет.

— И все же...— хитро поглядев на него, начала опять Эмма, но остановилась... нет, будь что будет, лучше сразу узнать самое страшное... и она торопливо продолжала,— все же, возможно, сами не до конца сознаете, сколь

высоко. Возможно, в один прекрасный день вас неожиданно поразит сила вашего восхищения.

Мистер Найтли в эту минуту сосредоточенно возился с расстегнувшейся нижнею пуговицей своей толстой кожаной краги, и, то ли от натуги, то ли по какой другой причине, к лицу его прилила краска.

— А, вот вы к чему клоните!.. Тогда вы безнадежно отстали. Мистер Коул уже недель шесть как намекнул мне об этом.

Он замолчал. Эмма почувствовала, как миссис Уэстон тихонько наступает ей на ногу,— она не знала, что подумывать. Через несколько мгновений он продолжал:

— Но только этого никогда не будет, смею вас уверить. Мисс Фэрфакс никогда бы не пошла за меня, вздумай я просить ее руки,— а я решительно не собираюсь делать это.

Эмма довольно сильно наступила на ногу миссис Уэстон и от полноты чувств вскричала:

— Кто не страдает тщеславием — так это вы, мистер Найтли! Нужно отдать вам должное.

. Он как будто не слышал ее — он о чем-то задумался, и, когда заговорил немного спустя, видно было, что он почему-то недоволен.

— Так вы, стало быть, замыслили женить меня на мисс Фэрфакс.

— Вовсе нет — отнюдь! Вы слишком часто меня бранили за сватовство, чтобы я решилась на подобные вольности в отношении вас. То, что я сейчас сказала, ничего не значит. Мало ли что говорится просто так, не всерьез! Даю вам слово, у меня нет ни малейшего желания женить вас ни на Джейн Фэрфакс, ни на Джейн имярек. "Разве пришли бы вы вот так уютно с нами посидеть, будь вы женаты!"

Мистер Найтли снова впал в задумчивость. Плод размышлений его был таков:

— Нет, Эмма, едва ли я в один прекрасный день прозрею, пораженный силою своего восхищения. Таких мыслей о ней у меня, поверьте, нет и не было.— И, помолчав еще немного: — Джейн Фэрфакс — очаровательная девушка, однако даже Джейн Фэрфакс — не совершенство. У ней есть недостаток. Ей недостает того открытого нрава, который всякий мужчина желал бы видеть у своей жены.

Отрадно, что ни говори, было слышать, что у Джейн Фэрфакс обнаружился недостаток...

— Когда так,— сказала Эмма,— вы, полагаю, быстро разуверили мистера Коула?

— Очень быстро. Он намекнул издали — я сказал, что он ошибается,— он извинился и замолчал. Коул не тшится быть умнее и проницательнее своего соседа.

— Сколь не похож он в этом на дражайшую миссис Элтон, которая только и делает, что тшится быть умнее и проницательнее всех на свете! Любопытно бы знать, как говорит она о Коулах, как называет их? Какое наименование извлекла для них из недр своей вульгарной фамильярности? Вы у нее зоветесь «Найтли» — что припасла она для мистера Коула? Итак, я не должна удивляться тому, что Джейн Фэрфакс принимает ее любезности и согласна проводить с нею время. Миссис Уэстон, ваши доводы представляются мне более вескими. Мне куда легче понять искушение сбежать от мисс Бейтс, чем уверовать в торжество разума мисс Фэрфакс над миссис Элтон. Никак не верится, чтобы миссис Элтон в мыслях, на словах или на деле признала себя ниже ее — испытывала сдерживающее влияние чего бы то ни было, кроме собственных скудных понятий о хорошем тоне. Не поверю, что она не оскорбляет свою гостью на каждом шагу похвалами, ободреньями, предложением услуг, не расписывает ей без конца свои благие намерения, от поисков для нее постоянного места до приглашений на восхитительные совместные прогулки в ландо.

— У Джейн Фэрфакс чуткое сердце,— проговорил мистер Найтли,— ее нельзя упрекнуть в бесчувствии. Подозреваю, что ей свойственны сильные чувства, а характер ее отмечен такими отличными качествами, как выдержанность, терпение, самообладание,— ей лишь недостает прямодушия. Она замкнута — замкнута, кажется мне, как никогда. А я люблю открытые натуры. Нет-нет, покамест Коул не намекнул, что я к ней будто бы неравнодушен, мне в голову не приходило ничего подобного. Я всегда с удовольствием и восхищеньем виделся и разговаривал с Джейн Фэрфакс — но ни о чем другом у меня и мысли не было.

— Ну, миссис Уэстон,— с торжеством произнесла Эмма, когда он удалился,— что вы теперь скажете насчет женитьбы мистера Найтли на Джейн Фэрфакс?

— Скажу, что он уж слишком занят мыслью о том, что *не* влюблен в нее, а потому не удивлюсь, если он кончит тем, что влюбится. Только не бейте меня.

В сак в Хайбери и его окрестностях, кому приводилось когда-либо посещать мистера Элтона, стремился теперь оказать ему внимание по случаю его женитьбы. Для него и его жены устраивались обеды и вечера — приглашения шли сплошным потоком, и скоро миссис Элтон имела удовольствие обнаружить, что впереди у ней нет никакого просвета.

— Вижу-вижу, к чему идет,— говорила она.— Вижу, какая жизнь ожидает меня среди вас. Нас положительно вовлекают в разгул и праздность. Мы прямо-таки в моду вошли. Ежели *это* подразумевают под существованием в сельской глуши, то оно не слишком меня пугает. Верьте слову, от будущего понедельника до субботы — ни единого незанятого дня! Тут даже и без *моих* ресурсов невозможно заскучать...

Ни одно приглашение не отклонялось. Благодаря привычкам, усвоенным в Бате, вечера были для миссис Элтон в порядке вещей, а Кленовая Роща привила ей вкус к званым обедам. На вечерах ее слегка коробило отсутствие второй гостиной и прохладительного на льду, жалкий вид домашних трубочек с кремом. Миссис Бейтс, миссис Перри, миссис Годдард и прочие основательно отбились от света, но *она* скоро им покажет, как полагается обставлять приемы. В какой-нибудь из весенних дней она оплатит всем им за гостеприимство, устроив один великолепный вечер в наилучшем стиле — когда на каждом ломберном столе будут стоять свечи и лежать нераспечатанная колода карт, а нанятые по этому случаю лакеи — ибо она не удовольствуется числом собственной прислуги — точно в положенный час и положенным порядком будут обносить гостей угощением.

Эмма между тем понимала, что невозможно не пошить Элтонов на обед в Хартфилде. Нельзя было отставать от других, иначе она бы навлекла на себя низкие подозрения, дала бы повод думать, что способна почитать себя уязвленной. Обед было не миновать. Мистер Вудхаус, после десятиминутного разговора с дочерью, не и п.являл нерасположения к этому предприятию, оговорив лишь, по обыкновению, то условие, что не будет сидеть на конце стола и, по обыкновению, поставив тем самым перед Эммой трудный вопрос, кем заменить его на этом месте.

Зато вопрос, кого пригласить, решался просто. Кроме Элтонов должны быть Уэстоны и мистер Найтли, это разумеется само собой — и с тою же неизбежностью подразумевалось, что восьмой должна стать бедняжка Гарриет, но в этом последнем случае приглашение сделано было с тяжелой душой, и Эмма, по многим причинам, очень обрадовалась, когда Гарриет в ответ попросила позволения отказаться. Она хотела бы как можно реже бывать в том же обществе, что и *он*. Ей пока еще не совсем удастся равнодушно видеть его с прелестной счастливой женой. Пусть мисс Вудхаус не сердится, но она бы предпочла остаться дома. Это был тот ответ, о котором Эмма только мечтала бы, когда бы могла вообразить, что он возможен.

Она с восторгом думала о стоицизме своего маленького друга — ибо знала, что для нее остаться дома, когда зовут в гости, значит обнаружить подлинный стоицизм — и о том, что теперь может пригласить восьмую ту, кого ей в самом деле хочется: Джейн Фэрфакс. После недавнего разговора с миссис Уэстон и мистером Найтли ее, как никогда, мучила совесть из-за Джейн Фэрфакс. Слова мистера Найтли запали ей в ум. Он сказал, что тех знаков внимания, которые Джейн Фэрфакс видит от миссис Элтон, ей никто больше не оказывает.

«Это верно, — размышляла она, — по крайней мере, в отношении меня, а одну меня он и имел в виду — и это стыд и срам. Ровесницы — всю жизнь знакомы — я обязана была вести себя с нею более дружелюбно. Мне никогда уж не понравиться ей. Я слишком долго выказывала к ней пренебрежение. Но я хотя бы могу быть к ней внимательнее, чем раньше».

Все ее приглашения были приняты. Все приглашенные отвечали, что свободны и с удовольствием придут. Этим, однако, подготовительная часть вечера не исчерпалась. Приключилось довольно-таки досадное обстоятельство. Был уговор, что весною двое старших мальчиков Найтли на несколько недель приедут к деду и тетке; теперь родители их писали, что привезет их и сам проведет в Хартфилде целый день — как раз тот день, на который назначен был обед. Дела не позволяли ему перенести свой приезд на другое время, но и отец и дочь смущены были этим совпадением. Мистер Вудхаус почитал восемь человек за столом последним пределом для своих нервов — а тут появился девятый — причем этот девятый, предвидела Эмма, будет чрезвычайно не в духе оттого, что даже в Харт-

филд нельзя приехать на сорок восемь часов, чтобы не угодить на званный обед.

Ей удалось утешить отца, но не себя, тем доводом, что хотя обедать и правда сядут девять человек, но шуму от этого существенно не прибавится, потому что он, как известно, малоразговорчив. Ежели кому и будет хуже, думала она, так это ей — видеть напротив не его брата, а эту хмурую персону, от которой редко когда дождешься слова.

К мистеру Вудхаусу судьба оказалась благосклонней, чем к Эмме. Джон Найтли приехал — но мистера Уэстона неожиданно вызвали в город, и именно на этот день. Он еще мог, пожалуй, показаться к ним позже вечером, но определенно не успевал к обеду. Мистер Вудхаус совершенно успокоился, и у Эммы от этого, от встречи с племянниками, от философской невозмутимости их отца, когда ему объявили его участь, тоже пропала всякая досада.

День наступил — гости собрались точно в назначенный час, и мистер Джон Найтли, казалось, с первой же минуты задался целью быть приятным. Вместо того чтобы в ожидании обеда уединиться у окна со своим братом, он стал занимать разговором Джейн Фэрфакс. Миссис Элтон, всю в кружевах и жемчугах, он оглядел молча, лишь запасаясь наблюдениями для передачи Изабелле, но мисс Фэрфакс была старая знакомая, держалась тихо и, значит, годилась в собеседницы. Утром, до завтрака, он встретил ее, когда возвращался с сыновьями с прогулки и сверху начинал накрапывать дождик. По этому поводу естественно было сказать несколько вежливых слов — и он сказал их:

— Надеюсь, вы нынче утром направлялись недалеко. мисс Фэрфакс, потому что иначе должны были непременно промокнуть. *Мы* и то едва добежали до дому. Надеюсь, вы очень скоро повернули назад.

— Я только сходила на ПОЧТУ и до того, как дождь разошелся по-настоящему, успела вернуться домой. Это у меня каждодневная обязанность. Я всякий раз, приезжая сюда, хожу за письмами. И другим помощь, и есть повод выйти на свежий воздух. Мне полезно прогуляться перед завтраком.

— Только не под дождем, я полагаю.

— Да, но дождя, когда я зышла, в сущности, не было...

Мистер Джон Найтли усмехнулся.

— То есть, иными словами, вы именно предпочли прогуляться под дождем, потому что, когда я имел удовольствие повстречать вас, вы не отошли еще и на шесть шагов от своей двери, а к тому времени Генри с Джоном давным-давно потеряли счет первым каплям. В известный период жизни почта таит в себе для каждого из нас большую прелесть. Поживите с мое, и вы придете к мысли, что нет такого письма, ради которого стоило бы мокнуть под дождем.

Ответом ему был слабый румянец и слова:

— У меня нет надежды когда-либо оказаться в положении, подобном вашему — среди дорогих и близких, и значит, нельзя рассчитывать, что с годами письма сами собою сделаются мне безразличны.

— Безразличны? Ну, нет! Я совсем не хотел сказать, что они вам сделаются безразличны. Такая штука, как письма, безразлична быть не может — это обыкновенно сущее бедствие!

— Вы говорите о деловых письмах, я — о дружеских.

— Мне не раз приходило в голову, что эти еще хуже. Дела, знаете ли, порой приносят нам деньги, дружба — почти никогда.

— А, теперь вы просто смеетесь! Я слишком хорошо знаю мистера Джона Найтли и убеждена — он умеет ценить дружбу не хуже других. Охотно верю, что письма для вас значат очень мало, гораздо меньше, чем для меня, но не потому, что вы меня на десять лет старше — не в возрасте дело, а в положении. Ваши близкие всегда подле вас — мои, по всей видимости, никогда больше рядом со мною не будут, а потому, покуда я не переживу все свои земные привязанности, почта будет, вероятно, сохранять для меня притягательную силу даже в худшее ненастье, чем сегодня.

— Когда я говорил, что вы с годами, с течением лет переменитесь, — возразил Джон Найтли, — то имел в виду и перемену в положении, которую обычно производит время. Говоря об одной, я подразумевал и другую. Да, сила привязанности к тем, кто не окружает нас ежедневно, со временем, как правило, уменьшается, но не об этой перемене для вас я думал. Позвольте мне, мисс Фэрфакс, на правах давнего друга надеяться, что через десять лет вас будут столь же тесно окружать близкие люди, как и меня.

Слова эти шли от чистого сердца и были приняты без тени обиды. В ответ предполагалось отшутиться милым

«спасибо», однако краска на щеках, дрожащие губы, слезы, навернувшиеся на глаза, выдавали, что ими тронуты не на шутку. Но тут вниманием ее завладел мистер Вудхаус, который, как всегда в подобных случаях, совершал обход гостей, стараясь каждому, а в особенности дамам, сказать что-нибудь приятное — и дойдя наконец до нее, обратился к ней со своею обезоруживающей приветливостью:

— Мисс Фэрфакс, мне прискорбно слышать, что вы сегодня утром попали под дождь! Юным девицам следует вести себя осмотрительнее. Юная девица — нежный цветок. Ей следует оберегать свое здоровье и цвет лица. Голубушка, вы сменили чулки?

— Да, сэр, конечно, сменила — и очень вам обязана за ваше доброе участие.

— Юная девица, голубчик мисс Фэрфакс, непременно везде должна быть предметом заботы... Добрая бабушка ваша и тетушка, надеюсь, здравствуют? Мы с ними старинные друзья. Жаль, что здоровье не всегда позволяет мне быть им хорошим соседом. Поверьте, вы нам сегодня оказали большую честь. Мы с дочерью чувствительнейше вас благодарим, для нас величайшая радость видеть вас в Хартфилде.

После чего, с сознанием, что долг согреть и обласкать учтивостью каждую из прекрасных дам исполнен, добрый старый джентльмен спокойно уселся на свое место.

К этому времени слух о прогулке под дождем достиг ушей миссис Элтон, и Джейн получила нагоняй:

— Моя дражайшая Джейн, что я слышу? Ходить на почту под дождем? Что за новости? Как можно, негодница вы такая! Вот что бывает, когда меня нет рядом и некому присмотреть за вами!

Джейн терпеливо отвечала ей, что совсем не простудилась.

— Ах, *оставьте*, пожалуйста! Вы совершенно не обращаете на себя внимания, и это никуда не годится. На почту, вот новости! Миссис Уэстон, вы слышали что-нибудь подобное? Нам с вами положительно пора прибегнуть к власти.

— Во всяком случае,— мягко и убедительно проговорила миссис Уэстон,— я определенно чувствую искушение прибегнуть к совету. Мисс Фэрфакс, вам нельзя подвергать себя такому риску. У вас бывают тяжелые простуды, вам следует особенно остерегаться, тем более в такое время года. Весной, по-моему, нужна сугубая осторожность. Лучше потерпеть часок-другой или даже полдня без писем,

чем навлекать на себя опасность начать снова кашлять. Ну разве вы не согласны? Уверена, что согласны,— вы ведь умница. Вижу по вашему лицу, что вы так больше не будете поступать.

— Ни в коем *случае* не будет, верьте слову! — запальчиво вторила ей миссис Элтон.— Ей больше *не дадут* так поступать.— Многозначительно кивая головою: — Для этого будут приняты меры. Я переговорю с мистером Э. Человек, который у нас ходит за письмами — один из наших лакеев, уж не упомню, как его звать,— будет забирать и ваши и доставлять их вам домой. И кончены затруднения — от *нас*, дорогая Джейн, вы можете принять подобную услугу, не стесняясь.

— Вы чрезвычайно ко мне добры,— отозвалась Джейн.— Но я не могу отказаться от утренней прогулки. Врачи советуют, чтобы я как можно больше бывала на свежем воздухе, а я должна иметь какое-то направление, когда гуляю, и почта служит мне целью — а потом, даю вам слово, это первое дождливое утро за все то время, что я здесь.

— Дражайшая Джейн, ни слова более. Вопрос решен, во всяком случае,— с жеманным смешком,— в той мере, сколько мне позволительно решать вопросы без санкции моего господина и повелителя. Нам с вами известно, миссис Уэстон, сколь осмотрительны должны мы быть в выборе выражений... Однако я льщу себя надеждой, любезнейшая Джейн, что влияние мое не вовсе истощилось, а потому, ежели только не обнаружатся непреодолимые препятствия, считайте, что дело улажено.

— Извините,— сказала Джейн твердо,— но я никоим образом не могу согласиться с подобным решением и утруждать вашего слугу безо всякой надобности. Не будь эта прогулка для меня удовольствием, бабушка могла бы делать то, что всегда делает, когда меня здесь нет.

— Ах, милая, но Патти и так завалена работой! Меж тем как найти занятие для нашей челяди — только благое дело.

Джейн, судя по выражению ее лица, не собиралась сдаваться, но не стала возражать и вместо этого возобновила беседу с мистером Джоном Найтли.

— Поразительное заведение — почта! — сказала она.— Эта четкость, распорядительность! Подумать — столь многое на нее возложено, и как отлично она со всем справляется — это, право, достойно удивления!

— Согласен, дело у них налажено недурно.

— Так редко сталкиваешься с нерадивостью или путаницей! Так редко письмо доставляют не по адресу, а ведь их тысячи расходятся по стране — миллионы! — и ни одно не пропадает. И каждое надписано другою рукой, далеко не всегда разборчиво, а разобрать необходимо — поразительная вещь!

— У почтовых служащих глаз наметан, они привыкли. Новичок должен иметь довольно острое зрение, проворные руки, и, постоянно их упражняя, он приобретает сноровку... Ежели вам такого объяснения мало,— продолжал он улыбаясь,— могу прибавить, что им за это деньги платят. Это много способствует исправной работе. Общество платит за услуги и, значит, вправе рассчитывать на добросовестность.

Далее разговор перешел на разные виды почерков — высказаны были подходящие к случаю замечания.

— Утверждают,— говорил Джон Найтли,— что в одной и той же семье часто пишут похожим почерком,— естественно, ежели все учились у того же учителя. Но тогда, я полагал бы, это справедливо главным образом применительно к женскому полу — мальчиков учат прописям только в раннем детстве, а потом каждый марает кто во что горазд. Изабелла и Эмма, по-моему, правда пишут очень похоже. Я не всегда отличаю.

— Пожалуй,— задумчиво отозвался его брат,— сходство есть. Я понимаю, что ты хочешь сказать,— но только у Эммы почерк тверже.

— Они обе пишут очень красиво.— вставил мистер Вудхаус.— и Изабелла, и Эмма. Всегда. И бедная миссис Уэстон тоже.— с полуулыбкой, полувздохом в ее сторону.

— Из мужчин самый ЛУЧШИЙ почерк,...— оглядываясь вслед за ним на миссис Уэстон. начала)мма — и остановилась, увидев, что миссис Уэстон слушает кого-то другого. Пауза дала ей время подумать: «Ну-ка. посмотрим, как я сейчас заговорю о нем. Хватит мне духу прямо произнести при всех его имя? Или мне НУЖНО прибегнуть к обинякам? Ваш йоркширский знакомей... тот. кто пишет вам из Йоркшира... что-нибудь в этом роде понадобится, вероятно, ежели дела мои плохи. Но нет, я способна выговорить это имя без малейшего трепета. Несомненно, я все более исцеляюсь. Итак — смелей!»

Миссис Уэстон освободилась, и Эмма начала снова:

— У мужчин я не видела лучшего почерка, нежели у мистера Фрэнка Черчилла.

— Я не в восторге,— сказал мистер Найтли.— Слишком мелок и твердости недостает. Женственная рука.

Обе дамы восстали против этого. Обе принялись дружно защищать Фрэнка Черчилла от злого навета. «Вот уж неправда, что недостает твердости! Некрупный почерк, это верно, но очень четкий и, бесспорно, мужественный. Нет ли у миссис Уэстон при себе письма для подтверждения?» Нет — письмо совсем недавно было, но она его убрала после того, как написала ответ.

— Будь мы в другой комнате,— сказала Эмма,— будь рядом мой письменный стол, я бы сама предъявила вам образчик. У меня есть записка от него. Помните, миссис Уэстон, он написал мне однажды, по вашему поручению?

— Это он только так сказал, что по поручению...

— Ну, как бы то ни было, записка у меня сохранилась, и можно после обеда показать ее мистеру Найтли — пусть убедится.

— Э, когда галантный господин, вроде мистера Черчилла, пишет прелестной даме, вроде мисс Вудхаус,— сухо возразил мистер Найтли,— он, натурально, постарается не ударить в грязь лицом.

Объявили, что кушать подано. Миссис Элтон, не дожидаясь, покамест позовут, вскочила с места — не дожидаясь, куда мистер Вудхаус подойдет и предложит ей руку, чтобы повести в столовую, возгласила:

— Так мне обязательно идти первой? Неловко, право, всегда всех возглавлять!..

Забота Джейн о том, чтобы непременно ходить за письмами самой, не укрылась от Эммы. Она все слышала, все видела и не отказалась бы узнать, попусту или нет предпринята была утром прогулка по лужам. Она подозревала, что *нет*, что не стремятся с такою настойчивостью из дому в непогоду, ежели нет всех оснований надеяться, что впереди ждет весточка от дорогого человека, и что надежда эта сбылась. Иначе отчего она сегодня мягче и теплее обычного, откуда этот свет в ее глазах?

Можно бы, конечно, смутить ее двумя-тремя вопросами, например, долго ли идет письмо из Ирландии, сколько стоит его отправить — они вертелись у Эммы на языке; но она удержалась. Она осталась верна решимости не ранить Джейн Фэрфакс ни единым словом, и они следом за другими дамами направились из комнаты рука об руку, словно самые добрые подруги, что как нельзя более выгодно оттеняло красоту и грацию обеих.

огда дамы после обеда воротились в гостиную, общество их, вопреки усилиям Эммы, распалось на две отдельные группки — с таким упорным неразумием и неумением себя вести миссис Элтон целиком занялась одною Джейн и третировала ее самое. Им с миссис Уэстон оставалось либо вести разговор между собою, либо вдвоем молчать. Иного выбора миссис Элтон не предлагала. Ежели Джейн удавалось на время остановить ее, она спустя немного вновь принималась за свое, и хотя беседа — в особенности со стороны миссис Элтон — велась большею частью полупшепотом, нельзя было, сидя тут же, не получить общего представления, о чем она ведется. Долго пережевывались такие предметы, как почта — простуда — доставка писем — дружба, затем, вероятно, к не меньшему неудовольствию Джейн, их сменило другое: расспросы о том, что слышно относительно подходящего места, и заявления о том, какие действия в этой связи замышляет миссис Элтон.

— Вот уже и апрель на дворе! — говорила она. — Я начинаю не на шутку волноваться за вас. Июнь не за горами.

— Но я никогда не назначала себе определенного месяца, будь то июнь или какой-нибудь другой, — просто вообще имела в виду лето.

— И вы так-таки ни о чем не слышали?

— Я и не пыталась узнать, для меня покамест слишком рано.

— Ах, моя милая, не оказалось бы, что слишком поздно, — вы себе не представляете, как трудно получить то, что вам требуется.

— Это я-то не представляю? — сказала Джейн, покачивая головой. — Дорогая миссис Элтон, есть ли человек, который думает об этом больше меня?

— Да, но вы мало знаете свет. Вы не имеете понятия о том, сколько всегда приходится желающих на *лучшие* места. Мне доводилось видеть бесчисленные тому примеры, будучи в Кленовой Роще. У миссис Брэгг, кузины мистера Саклинга, отбою не было от предложений — каждый мечтал поступить именно к ней, потому что ее семейство принадлежит к самому избранному кругу. Восковые свечи в классной комнате! Остальное пусть дорисует вам воображение! Нет в Англии дома, где бы я так желала вас видеть, как у миссис Брэгг.

— К середине лета в город воротятся Кемпбеллы,— сказала Джейн,— и, я уверена, захотят, чтобы какое-то время я побыла у них,— ну а там, пожалуй, пора будет и распорядиться своею будущностью. Но до тех пор я бы хотела, чтоб вы себя не утруждали наведением справок.

— Утруждала! Да, мне известна ваша щепетильность. Вам страшно причинить мне беспокойство — но верьте слову, дражайшая Джейн, что даже Кемпбеллов столь не затрагивает судьба ваша, как меня. На этих же днях напишу к миссис Партридж и дам ей строгое наставленьё следить, не объявится ли что-нибудь интересное.

— Благодарю вас, но предпочла бы, чтоб вы не касались в переписке с нею этого предмета. Я никого не хочу обременять раньше срока.

— Дражайшее дитя мое, но сроки уже *наступают*, уже апрель месяц — до июня, даже июля, ежели угодно,— рукой подать, а у нас впереди такое дело! Мне, право, смешна ваша неискушенность. Такое место, которого вы заслуживаете, какое и друзья ваши признали бы достойным вас, попадаетеся не каждый день, его нельзя получить в последнюю минуту! Нет-нет, необходимо теперь же приниматься за поиски.

— Простите, сударыня, но это никоим образом не входит в мои намеренья. Я и сама не веду поисков и очень бы не хотела, чтобы это делали мои друзья. У меня вовсе нет опасений надолго остаться без места, когда подойдет срок, который я себе определяю. На то в Лондоне существуют заведенья, куда можно обратиться, и вам быстро подыщут что-нибудь. Заведения, торгующие... живым товаром, скажем так — пускай не плотью человеческой, но человеческим духом.

— Живым товаром? Фи, моя милая, я поражена — если вы думаете о торговле оабами. то могу вас уверить, мистер Саклинг всегда стоял за ее отмену.

— Нет, я думала не о том — не торговлю рабами имела в виду, а всего лишь торговлю гувернантками, что, конечно, гораздо меньшее преступленье для тех. кто ею занимается, однако менее ли несчастны жертвы — не знаю... впрочем, я только хочу сказать, что существуют **КОНТОДЫ**, куда дают объявления, и при их содействии мне бесспорно очень быстро попадется что-нибудь сносное.

— Сносное! — повторила за нею миссис Элтон.— Да, *вы*, при ваших скромных представлениях о собственной особе, может быть, этим удовлетворитесь — я знаю, сколь

вы непритязательны — но будут ли довольны ваши друзья, если вы согласитесь на первое, что подвернется — какое-нибудь жалкое место в простой семье, не принадлежащей к определенному кругу и для которой недоступны изящные стороны жизни.

— Спасибо, вы так любезны, однако для меня все это совсем не важно. Я не ставлю себе целью попасть в богатый дом — там унижительность моего положения будет только чувствительней, разница между ними и мною только усугубит мои страдания. Пусть это будет хорошая фамилия, иных условий я не ставлю.

— Знаю, знаю я вас, вы согласитесь мириться с чем угодно, но я на этом для вас не помирюсь, и, верьте слову, добрые Кемпбеллы тоже примут мою сторону — с такими необычайными талантами, как у вас, вы по праву должны быть вхожи в наилучшее общество. Одно уже музыкальное образование дает вам право называть свои условия, требовать для себя столько комнат, сколько понадобится, участвовать в жизни семейства, сколько вам нравится, — хотя не знаю... Вот если б вы играли на арфе, тогда наверное могу сказать, что имели бы такое право, — но ведь вы не только играете, вы и поете... да, я уверена, что и без арфы вам можно было бы оговорить себе все, чего вы пожелаете, и потому мы с Кемпбеллами не успокоимся, покуда вы не будете устроены на самых восхитительных, почетных и роскошных условиях.

— Пожалуй, у вас есть основание ставить слова «восхитительный», «почетный» и «роскошный» в один ряд, — сказала Джейн, — они скорей всего будут одинаково применимы в этом случае... И все же говорю вам совершенно серьезно — я не хочу, чтоб для меня покамест что-нибудь подыскивали. Я чрезвычайно вам обязана, миссис Элтон, — обязана всем, в которых возбуждаю сочувствие, но серьезно бы желала, чтобы до наступленья лета ничто не предпринималось. Ближайшие два-три месяца я по-прежнему останусь на том же месте и в том же положении, что и теперь.

— А я, — игриво отозвалась миссис Элтон, — не менее серьезно отвечу, что намерена быть всякую минуту начеку, и друзьям накажу делать то же, чтобы не прозевать, в случае ежели объявится что-нибудь истинно первостатейное.

В подобном духе безостановочно продолжалось до тех пор, покуда к ним не вышел мистер Вудхаус и ее тщеславие не устремилось по новому руслу.

— А, вот и мой старенький обожатель! — услышала Эмма все тот же полушепот, адресованный Джейн. — Вышел к нам, не дожидаясь остальных мужчин, это ли не галантность! Ну что за душка — верьте слову, необычайно милое существо. Эта неподражаемая старомодная учтивость приводит меня в восхищение, она мне куда больше по вкусу, нежели нынешняя свобода обращения, мне эта нынешняя свобода часто претит. Но мистер Вудхаус — слышали бы вы, каких любезностей наговорил мне славный старичок за обедом! Поверьте слову, я уже стала опасаться, как бы мой саго sposo не начал ревновать! Видно, я его покорила — он даже обратил внимание на мое платье. Вам оно нравится? Выбор Селины. По-моему, фасон элегантный, но не слишком ли вычурно? Терпеть не могу, когда одеваются вычурно, — все эти рюшки, побрякушки приводят меня в ужас. *Сегодня* вы на мне видите украшения лишь потому, что таков порядок. Новобрачная, знаете ли, должна выглядеть, как полагается новобрачной, но от природы у меня вкус только к простому — простота в одежде несравненно лучше всяческих затей. Но боюсь, такие, как я, составляют меньшинство — простоту умеют ценить немногие, для остальных главное — наряжаться как можно богаче и пышней... Я все думаю, не пойдет ли такая же отделка к моему поплиновому, белому с серебром? Как по-вашему?

Не успело все общество вновь собраться в гостиной, как показался мистер Уэстон. Он воротился домой к позднему обеду и прямо от стола направился в Хартфилд. Те, которые научены были опытом, приняли его приход без удивления — хотя и с большою радостью. Мистера Вудхауса он теперь столь же обрадовал, сколь опечалил бы раньше. И только одного Джона Найтли поверг в немое изумление. Чтобы человека, который мог бы тихо провести вечер дома, приехав из Лондона, где провел день в трудах, снова потянуло куда-то и он шагал полмили к чужому дому, где будет до позднего часа сидеть в обществе посторонних, обрекая себя тяготам вежливости и мукам разногласия, — это не укладывалось в сознании. Человек, который с восьми часов утра был на ногах и мог бы посидеть спокойно, который наговорился за день и мог бы помолчать, который толкался среди людей и мог бы отдохнуть в одиночестве, покидает свободу и покой собственного очага и по холоду, по апрельской слякоти мчится вечером снова на люди! Ежели б ему хотя бы можно было единым мановением пальца поднять с места жену и увести до-

мой — тогда бы еще понятно, но вечер из-за его прихода, по всей вероятности, не сократится, а только затянется... И Джон Найтли в немом изумлении смерил его взглядом, потом пожал плечами и мысленно заключил: «*Такого* я не ожидал даже от него».

Между тем мистер Уэстон, оживленный и бодрый как всегда, вовсе не подозревая, какую бурю он вызвал в чьей-то груди своим появлением, и чувствуя за собою право, после отлучки на целый день из дому, претендовать на львиную долю в разговоре, любезно со всеми поздоровался и, ответив на расспросы жены касательно его обеда, уверив ее, что ни одно из ее тщательных наставлений прислуге не пропало даром, сообщив также всем, что нового слышно в мире, перешел к новостям семейным, относясь теперь преимущественно к миссис Уэстон, но нимало не сомневаясь, что они будут в высшей степени интересны и для каждого из присутствующих. Он подал ей письмо, написанное Фрэнком и предназначенное ей, — он перехватил его по дороге и позволил себе распечатать.

— Читайте-читайте, — молвил он, — получите удовольствие. Всего несколько строчек, это не займет и минуты — прочтите его Эмме.

Обе дамы склонились над письмом, а он тем временем с широкою улыбкой говорил им, слегка понизив голос, но так, что слышали все, кто сидел в комнате:

— Вот видите, он приезжает! Как, недурна новость? Что вы на это скажете? Я вам все время твердил, что скоро он опять будет здесь, разве нет? Разве я не твердил вам это, дружок Анна, а вы все не верили? Видите, приезжают в Лондон на будущей неделе — если не раньше, прибавим от себя, потому что, когда *ей* что-нибудь нужно, она нетерпелива, как сам лукавый, и скорее всего они будут в городе уже завтра или, самое позднее, в субботу. А все эти ее болезни — пустое, как и следовало ожидать. **Как** бы то ни было, великолепно, что Фрэнк окажется снова в наших краях, можно сказать, под боком. Они, если уж выбирают в город, то надолго, и половину времени он будет проводить у нас. В точности как я хотел. Ну что, хорошая новость, правда? Вы дочитали? Эмма до конца прочла? Хорошо, тогда спрячьте письмо, мы о нем потолкуем в другой раз, теперь для этого неподходящий случай. Теперь я только сообщу остальным главное в двух словах.

Миссис Уэстон не скрывала своего удовольствия. Она свободно изъясляла его и на словах, и всем своим ви-

дом. Она была счастлива — знала, что она счастлива, — и знала, что так и должно быть. Она радовалась открыто и горячо, но Эмма не могла изъясняться с такою же непосредственностью. Она занята была еще и другим: взвешивала свои чувства, старалась понять, отчего это известие изволновало ее — и, надобно признать, изрядно.

У мистера Уэстона, однако, от возбуждения убавилось наблюдательности, от нетерпения говорить самому — желания выслушать другого; он остался совершенно доволен и тем, что ею было сказано, и немного спустя пошел порадовать остальных своих друзей кратким сообщением о том, что всякий, кто находился в комнате, должен был уже слышать.

Хорошо, что для него было столь неоспоримо, что он их этим обрадует, — иначе ему могло бы показаться, что ни мистер Вудхаус, ни мистер Найтли не выказали особого восторга. Их сочли уместным оповестить о радостном событии первыми после миссис Уэстон и Эммы — следующей предполагалось обрадовать мисс Фэрфакс, но она так углубилась в беседу с Джоном Найтли, что прерывать ее было бы невежливо, и мистер Уэстон, обнаружив, что ближе всех к нему сидит миссис Элтон и что она не занята разговором, волей-неволей должен был приступить со своею новостью к ней.

ГЛАВА 18

надеюсь, что буду вскоре иметь удовольствие представить вам моего сына, — начал мистер Уэстон.

Миссис Элтон, предпочитая толковать подобного рода надежду как тонкий комплимент своей персоне, милостиво улыбнулась.

— Вы, смею полагать, наслышаны о небезызвестном Фрэнке Черчилле, — продолжал он. — и знаете, что это мой сын, хоть он и носит другую фамилию.

— О да — я счастлива буду с ним познакомиться. Мистер Элтон не замедлит нанести ему визит, а затем оба мы весьма рады будем видеть его у себя.

— Вы так любезны. Я уверен, что ему будет очень приятно. Он приезжает в город на будущей неделе, а мо-

жет статья, и раньше. Сегодня уведомил нас об этом письмом. Мне нынче утром по дороге встретилась почта, и я, узнав руку сына, взял на себя смелость вскрыть письмо — хоть адресовано было не мне — оно предназначалось миссис Уэстон. Ей одной только и пишет, вообразите. Редко когда придет письмецо для меня.

— И вы, стало быть, так-таки взяли и распечатали письмо, адресованное ей?.. Фи, мистер Уэстон,— с жеманным смехом,— я протестую! Вы создаете опасный прецедент. Заклинаю вас, не подавайте дурного примера вашим соседям. Так, значит, вот к чему я должна быть готова? Тогда нам, замужним женщинам, бесспорно, пора за себя постоять! Ах, мистер Уэстон, от вас я этого никак не ожидала!

— Правильно, миссис Элтон,— мы, мужчины, народ ужасный. И вы ни в коем случае не давайте себя в обиду. Да, так возвращаясь к письму... Письмо короткое, писано второпях — краткое уведомление, и только — там говорится, что они едут в ближайшее время в город, как того требует здоровье миссис Черчилл. Она хворала всю зиму и полагает, что в Энскуме чересчур холодный климат,— следственно, всем им вменяется сниматься с места и двигаться к югу.

— Вот как! Из самого Йоркшира — Энскум, кажется, в Йоркшире?

— Да, от них до Лондона миль сто девяносто. Путь порядочный.

— Еще бы — и очень! На шестьдесят пять миль дальше, чем от Кленовой Роши. Но что значит расстояние, мистер Уэстон, для тех, кто очень богат? Знали бы вы, в какую даль порою, не задумываясь, летает мой братец — мистер Саклинг! Вы не поверите — дважды за одну неделю ездил с мистером Брэгом на четверике в Лондон и обратно.

— Главное зло дальнего пути от Энскума,— сказал мистер Уэстон,— в том, что до сих пор, *сколько нам известно*, миссис Черчилл по целым неделям не в состоянии была подняться с кушетки. Она, как сказано в последнем письме от Фрэнка, жалуется, что не может от слабости одна дойти даже до своей оранжереи, и Фрэнк с дядюшкой с двух сторон поддерживают ее под руки. Это, знаете ли, свидетельствует о *крайней* слабости — и вдруг ей так не терпится попасть в Лондон, что она намерена останавливаться на ночлег в дороге всего два раза! Фрэнк так и пишет. Удивительным образом устроены

бывают дамы с хрупким здоровьем. Согласитесь, миссис Элтон.

— И не подумаю согласиться! Я всегда на стороне тех, которые одного со мною пола. Так и знайте. Предупреждаю вас. Тут вы во мне найдете грозного противника. Каков бы ни был вопрос, я заступаюсь за женщин — и, верьте слову, когда б вы знали, как смотрит на ночлег в трактире Селина, то перестали бы удивляться тому, что миссис Черчилл, ценою невероятных усилий, старается его избежать. Селина подумать не может о таком ночлеге без отвращения, и подозреваю, мне тоже отчасти передалась ее привередливость. Она всегда берет в дорогу собственное постельное белье — прекрасная мера предосторожности. Миссис Черчилл тоже так поступает?

— Будьте покойны, миссис Черчилл не упустит из виду ничего, что принято у важных дам. Миссис Черчилл не уступит ни одной важной даме в королевстве...

Миссис Элтон с горячностью перебила его:

— Ах, что вы, мистер Уэстон, вы не так меня поняли! Никакая Селина не важная дама, верьте слову. Пусть у вас не составитя о ней превратное представление.

— Да? Ну, тогда она не указ такой, как миссис Черчилл, важной даме до мозга костей.

Миссис Элтон поняла, что перестаралась. У нее и в мыслях не было серьезно разуверять кого-либо в том, что сестра ее важная дама, — ее горячность, пожалуй, отдавала притворством, и она теперь соображала, как бы половчей отступить от своих слов, но мистер Уэстон уже продолжал:

— От вас, очевидно, не укрылось, что миссис Черчилл не пользуется у меня большим расположением, но это строго между нами. Она искренне любит Фрэнка, и потому мне не пристало отзываться об ней дурно. Притом же, она теперь не совсем здорова — хоть, впрочем, послушать ее, так получится, она весь век нездорова. Не всякому я в том признаюсь, миссис Элтон, но мне не очень-то верится в болезни миссис Черчилл.

— Ежели она в самом деле больна, мистер Уэстон, то отчего не поедет в Бат? А не в Бат — так в Клифтон?

— Вбила себе в голову, будто в Энском для нее слишком холодно! А в действительности, я думаю, Энском ей просто надоел. Никогда так долго не сидела безвыездно дома, вот и захотелось переменить обстановку. Энском — уединенное поместье. Хотя и великолепное, но очень уединенное.

— Да, как Кленовая Роща, должно быть. Нигде нет такого отъединения от дороги, как в Кленовой Роще. Такой громадный парк вокруг — деревья, деревья! Вы будто отрезаны от всего мира — совершенная глушь. Возможно, у миссис Черчилл не то здоровье и не та натура, чтобы наслаждаться затворничеством, как Селина. Или, быть может, ей недостает тех душевных ресурсов, которые необходимы для сельской жизни. Я всегда говорю, что женщине важно иметь собственные ресурсы, и благодарна судьбе, что у меня их так много и я решительно не завишу от общества.

— Фрэнк в феврале приезжал сюда на две недели.

— Да — я, помнится, слышала. А когда приедет опять, то увидит в хайберийском обществе *прибавление*, ежели с моей стороны не слишком смело называть себя прибавлением. Он, пожалуй, и понятия не имеет, что существует такая на свете...

Когда столь явно напрашиваются на комплимент, это не может пройти незамеченным, и мистер Уэстон, человек воспитанный, мгновенно отозвался:

— Помилосердствуйте, сударыня! Право же, никому, кроме вас, не пришла бы в голову такая невероятная вещь. Понятия не имеет! По-моему, миссис Уэстон с недавних пор в каждом своем письме об одной только миссис Элтон и пишет.

Он исполнил долг вежливости и мог вернуться к разговору о сыне.

— Когда Фрэнк уезжал от нас, было совсем неясно, когда мы свидимся вновь, и оттого сегодняшняя новость вдвойне приятна. Она явилась для нас полною неожиданностью. То есть, вернее, я-то всегда был убежден, что он приедет в самом скором времени — уверен был, что ему не замедлит представиться благоприятный случай, но мне никто не верил. Ему и миссис Уэстон все представлялось в удручающе мрачном свете. «Каким образом он ухитрится приехать? Где основания предполагать, что дядюшка и тетка снова его отпустят?» — и так далее, — я же словно предчувствовал, что какой-нибудь случай наверняка изменит обстоятельства в нашу пользу, и, видите, вышло по-моему. Не раз за свою жизнь, миссис Элтон, я наблюдал, что ежели в этом месяце дела идут из рук вон плохо, то, значит, в следующем они непременно поправятся.

— Верное наблюдение, мистер Уэстон, очень верное. Именно это я говорила некоему господину — не будем указывать на присутствующих — в те дни, когда он ухаживал

вал за мною и тотчас приходил в отчаянье, ежели что-нибудь шло не совсем гладко, не с тою быстротой, которая бы отвечала его чувствам, и восклицал, что при эдакой скорости нас облачат в шафранные одежды Гименея не ранее *мая* месяца! Чего мне стоило разгонять эти унылые мысли и добиваться, чтобы он глядел на вещи веселей! Из-за кареты — нам встретились затруднения при покупке кареты — помню, пришел однажды утром в полном отчаянье...

В этом месте она слегка закашлялась, и мистер Уэстон, воспользовавшись заминкой, перехватил нить беседы:

— Вот вы сказали — май месяц. Как раз на май месяц и велели миссис Черчилл — вернее, она сама себе велела — уехать из Энскума туда, где потеплее, или, точнее говоря, в Лондон. Так что у нас есть приятная перспектива, что Фрэнк часто будет навещать нас всю весну, а лучшего времени года для этого не выбрать — почти самые длинные дни, мягкая, ласковая погода так и манит наружу, и не слишком жарко для прогулок. Когда он был здесь прошлый раз, мы тоже не сидели дома, однако погода нас не баловала — то дождь, то изморозь, как всегда в феврале, — и половины не удалось того сделать, что было задумано. Зато теперь нас ждут золотые денечки! Теперь ничто нам не испортит удовольствия, и, знаете ли, миссис Элтон, возможно, эта неопределенность встреч, это томительное предвкушение — сегодня он придет или завтра, и в какой час — не меньшее счастье, чем само его присутствие в доме. Я правда так думаю. По-моему, все наши восторги, все воспаренья зависят более от состояния духа. Надеюсь, что вам понравится мой сын, — только прошу вас, не ждите чуда. Вообще его находят славным малым, но не рассчитывайте увидеть чудо. Миссис Уэстон к нему просто равнодушна, что, как вы понимаете, очень меня радует. Она считает, что ему нет равных.

— И верьте слову, мистер Уэстон, я ни минуты не сомневаюсь, что также буду о нем наилучшего мнения. Я столько слышала похвал мистеру Фрэнку Черчиллу... Но в то же время будет лишь справедливо отметить, что я из числа тех, которые обо всем выносят собственное суждение, не полагаясь слепо на других. Предупреждаю вас, что буду судить о вашем сыне, опираясь на мои личные впечатления. Я презираю лесть...

Мистер Уэстон о чем-то задумался.

— Надеюсь, — сказал он, помолчав, — что я не слишком безжалостно обрушился на бедную миссис Черчилл.

Ежели она и вправду больна... Я б не желал быть к ней несправедлив, но у нее в характере есть такие черты, что снисходительным, при всем желании, быть трудно. Вам, я уверен, известно, миссис Элтон, о родственных узах, которыми я связан с их семейством. Вы не можете не знать, какому я подвергался обращению, и виновата в этом одна она. Это ее козни. Если бы не она, то никогда бы от матери Фрэнка не отвернулись с 'таким пренебрежением. Мистер Черчилл — тоже гордый человек, но его гордость ничто в сравнении с гордостью его жены. У него это мирное, безобидное свойство благовоспитанного господина, от которого никому нет вреда, и только сам он из-за этого чуточку скован и скучноват — но у нее это оскорбительное высокомерие, надменность! И, что в особенности тяжело переносить, добро бы еще имелись основания — происхождение, знатность, — а то ведь ничего! Ничего собою не представляла, когда он на ней женился, родом — только что не из простых, но как заделалась миссис Черчилл, — ого! — так высоко занеслась, что никакому прирожденному Черчиллу не угнаться, хотя сама, по сути дела, — выскочка, и не более того.

— Подумать только! Да, это должно быть совершенно нестерпимо! Я выскочек не выношу. Кленовая Роща научила меня смотреть на людей такого сорта с содроганьем. Там по соседству живет семья, которая прямо бесит сестру и братца своим зазнайством. Когда вы описали миссис Черчилл, то передо мною мгновенно встали они. Некие Тапмены — обосновались в тех краях совсем недавно, обременены многочисленной полней в низшем кругу, а так о себе мнят, что рассчитывают быть на оавной ноге с самыми уважаемыми старыми фамилиями. Всего полтора года, как поселились з Уэст-холле, и каким способом нажили состояние, тоже никому не известно. Родом из Бирмингема, а это, как вы знаете, не лучшая рекомендация. Это не ахти как обнадеживает — я всегда говорю, что «Бирмингем» звучит зловеще. И больше ничего определенного не известно об этих Тапменах, хотя предположить, верьте слову, можно многое, — а между тем они так держатся, будто полагают себя равными мистеру Саклинп/, который, к несчастью, оказался ближайшим их соседом. Невероятно обидно! Мистеру Саклингу, который проживает в Кленовой Роше уже одиннадцать лет, а до него ею владел его отец — во зсяком случае, так мне кажется — я почти уверена, что покупка имения совершилась еще при старом мистере Саклинге.

Их прервали. Гостей обносили чаем, и мистер Уэстон, сказав все, что хотел сказать, воспользовался первой удобной минутой и отошел.

После чая мистер и миссис Уэстон и мистер Элтон уселись с мистером Вудхаусом за карты. Пятеро других оказались предоставлены самим себе, и ничего веселого Эмма от этого не ожидала, так как мистер Найтли казался не расположен поддерживать общий разговор, миссис Элтон жаждала внимания к своей особе, которое никто не изъявлял склонности ей оказывать, а сама она, пребывая в некотором расстройстве чувств, предпочла бы посидеть молча.

Мистер Джон Найтли был на этот раз словоохотливее брата. Рано поутру ему предстояло уезжать, и он вскоре обратился к ней со словами:

— Что ж, Эмма, насчет мальчиков мне как будто нечего больше прибавить — впрочем, на крайний случай у вас имеется письмо от вашей сестры, содержащее, как я догадываюсь, пространнейшие указания. Мой наказ будет короче и, по всей вероятности, в несколько ином духе, суть его можно выразить в двух словах — не баловать и не пичкать лекарствами.

— Надеюсь, мне посчастливится угодить вам обоим, — отвечала Эмма, — я буду всеми силами стараться, чтобы им было хорошо, — и тем исполню волю Изабеллы — а хорошо бывает, когда над ними не дрожат и не закармливают их лекарствами.

— А ежели надоедят, то отправляйте их обратно.

— Очень похоже, что так и будет... Вы это серьезно?

— А что? Разве не понятно, что для вашего батюшки может быть утомительна их возня, и даже вам они могут стать помехой, ежели ваши выезды и приемы будут все более учащаться, как это наблюдалось в последнее время.

— Учащаться?

— Конечно. Вы сами знаете, что за последние полгода в вашем образе жизни произошли большие перемены.

— Перемены? Нет, не знаю.

— Вы, без сомнения, стали жить гораздо более открыто, чем прежде. Возьмите хотя бы сегодня. Приезжаю на один-единственный день, и что же? Вы заняты званым обедом. Когда такое или подобное этому случалось раньше? Число соседей ваших растет, и вы тесней с ними сближаетесь. С недавних пор что ни письмо к Изабелле, то известие о новом увеселении — обеды у мистера Коула, балы в «Короне»... Рэндалс — один уже Рэндалс вносит

весьма заметную струю оживленья в распорядок ваших дней.

— Да,— быстро вставил его брат,— это все исходит от Рэндалса.

— Ну вот, а так как нет оснований полагать, Эмма, что влияние Рэндалса уменьшится, то мне и представляется возможным, что изредка присутствие Генри и Джона будет вам мешать. И тогда моя единственная к вам просьба — отправляйте их домой.

— Нет,— вскричал мистер Найтли,— отчего же непременно домой! Пусть их тогда отправят в Донуэлл. Уж у меня-то для них найдется время.

— Даю вам слово, это просто забавно! — воскликнула Эмма.— Интересно знать, многие ли из моих бесчисленных увеселений обходились без вашего участия? И к чему они сводятся, эти мои неслыханные развлечения? Обед у Коулов да разговоры о бале, который так и не состоялся. Вас,— указывая кивком головы на мистера Джона Найтли,— еще можно понять, для вас такое счастье разом увидеть здесь столько добрых своих знакомых, что это в ваших глазах целое событие. Но вы,— оборотясь к мистеру Найтли,— которому известно, какая редкость, какая для меня большая редкость отлучиться из Хартфилда хоть на два часа,— почему вы мне предрекаете столь нескончаемую череду рассеянностей, не понимаю. Что же до моих родных мальчиков, скажу одно: ежели у тетки Эммы для них не хватит времени, то вряд ли им в этом больше повезет у дядюшки Найтли. Она уйдет из дома на часок, а он — на пять, а останется дома, так либо засядет за книгу, либо за хозяйственные счета.

Мистер Найтли, похоже было, старался подавить улыбку — в чем без труда и преуспел, когда с ним затеяла беседу миссис Элтон.

КНИГА III

ГЛАВА 1

овеем короткого раздумья наедине с собою хватило Эмме, чтобы понять природу волнения, в которое ее повергла новость о Фрэнке Черчилле. Она быстро уверилась, что не за себя так сильно смущена, так встревожена, но за него. У ней самой увлечение почти сошло на нет — тут, собственно, и размышлять было не о чем, — но ежели он, влюбленный с самого начала гораздо больше ее, воротится, пылая тем же чувством, с которым уезжал, тогда плохо дело. Если разлука за два месяца не охладила его, то впереди подстерегали опасности и злоключения — необходимо будет остерегаться и за него, и за себя. Она не намерена была увлечься снова — она была обязана никоим образом не поощрять его увлечение.

Хорошо бы ей удалось удержать его от прямого признания. Жаль было бы, если б их нынешнее знакомство так неприятно оборвалось! А между тем ее, помимо воли, смутно влекло к какой-то развязке, к определенности. Она предчувствовала, что эта весна неминуемо принесет с собой какое-то решающее событие, нечто такое, что нарушит ее теперешний покой и безмятежность.

В скором времени — хоть и не столь скором, как предсказывал мистер Уэстон, — она получила возможность судить о том, каковы чувства Фрэнка Черчилля. Энскимское семейство перебралось в Лондон несколько позже, чем кое-кто воображал, но, когда это произошло, Фрэнк Черчилл не замедлил показаться в Хайбери. Он приехал на несколько часов — большего пока не мог себе позволить, — но так как прямо из Рэндалса он явился в Хартфилд, то Эмма, со свойственной ей живою наблюдательностью, мигом установила, как повлияло на него расставанье и как

ей себя вести. Встреча их была самая дружеская. Не могло быть сомнений, что он очень рад ее видеть. Зато она с первой минуты ощутила сомнение в том, что по-прежнему мила ему, что он в той же мере питает к ней ту же нежность. Она зорко за ним следила и ясно видела, что он уже не так влюблен. Разлука, а в придачу к ней, очевидно, уверенность, что к нему равнодушны, оказали весьма естественное и весьма желанное действие.

Он был в отличном расположении духа, как всегда речист и весел, с наслаждением вспоминал первый свой приезд, бывшие разговоры, и нельзя сказать, чтоб не был взволнован. Не по спокойствию определила она, что сделалась ему безразличней, — спокойствия не было. Чувствовалось, что он возбужден, ему не сиделось на месте. Его живую натуру подмывало сегодня нечто помимо природной живости, но окончательным доводом ей послужило то, что, пробыв у нее всего четверть часа, он заторопился делать другие визиты. «По пути сюда он встретил на улице старых знакомых — не хотел задерживаться, только поздоровался мимоходом, — но имеет нескромность полагать, что они обидятся, ежели он не зайдет, поэтому, сколь ни хотелось бы ему остаться в Хартфилде подольше, он вынужден спешить».

Итак, сомнений не оставалось — он несколько остыл к ней, но ни скрытое возбуждение его, ни поспешное бегство не походили на признаки полного исцеления, она скорей склонялась к мысли, что за ними стоят страх, как бы она опять не обрела над ним власть, и благоразумная решимость на всякий случай не оставаться с нею долго наедине.

Этот приезд Франка Черчилла оказался единственным за десять дней. Он то и дело надеялся повторить его, то и дело собирался — и всякий раз что-нибудь мешало. Тетка не отпускала его ни на шаг. С этим объяснением приходили от него письма с Рэндалс. И если это говорилось искренне, если он честно пытался, но не мог. то следовало заключить, что переезд в Лондон не избавил миссис Черчилл от недуга, по крайней мере, в части нервов и своенравия. А что она и в самом деле хворала, подтвердилось: Фрэнк, будучи в Рэндалсе, объявил, что убежден в этом. Многие объяснялось фантазией, но при всем том, оглядываясь назад, он видел, что за последние полгода здоровье у нее несомненно пошатнулось. Это не значит, что уходом и лекарствами его нельзя поправить или, во всяком случае, нельзя прожить с таким здоровьем

еще долгие годы; но, несмотря на весь скептицизм его отца, он не соглашался, что все ее болезни — лишь плод воображения и ничего у нее нет.

Вскоре выяснилось, что Лондон — неподходящее для нее место. Что она не в силах выносить шум большого города. Он непрестанно и мучительно раздражал ей нервы, и по истечении десяти дней письмо от ее племянника оповестило Рэндалса, что ее планы изменились. Все они незамедлительно переезжают в Ричмонд. Там миссис Черчилл рекомендовали одно светило по врачебной части, да и вообще ей симпатичен этот городок. Уж снят меблированный дом в излюбленном месте, и на новый переезд возлагаются большие надежды.

Эмме сообщили, что Фрэнк писал об этих переменах с необычайным воодушевлением, хорошо сознавая, по всей видимости, какие блага ему сулит перспектива прожить два месяца — ибо дом сняли на май и июнь — в самой непосредственной близости от стольких дорогих друзей. Теперь-то, передали ей, он совершенно уверен, что сможет приезжать часто — можно сказать, когда и сколько пожелает.

Эмма понимала, какое толкование придает этим радужным видам на будущее мистер Уэстон. Ее одну полагал он причиной того, что они так радуют его сына. Она надеялась, что он ошибается. Ближайшие два месяца должны были показать, так ли это.

Сам мистер Уэстон радовался, как дитя. Он был в полнейшем восторге. О подобном повороте событий он мог лишь мечтать. Вот когда Фрэнк будет действительно находиться прямо по соседству! Что такое девять миль для молодого человека? Час езды. Он будет навещать к ним все время. В этом смысле разница между Ричмондом и Лондоном огромна: все равно что видаться с ним постоянно или вовсе не видаться. Шестнадцать миль — нет, восемнадцать — верных восемнадцать будет, считая от Манчестер-стрит — это не шутка. Даже если бы он и выбрался когда-нибудь, то весь день ушел бы на дорогу туда и назад. Когда он в Лондоне, пользы никакой, с тем же успехом он мог бы оставаться в Энскуме, зато от Ричмонда как раз то расстояние, чтобы сообщаться с легкостью. Это не просто ближе — это рядом!

Одно хорошее дело сразу же с этим переездом обрело определенность — бал в «Короне». О нем не забывали и раньше, но очень скоро должны были признать, что попытки назначить точный день бесполезны. Теперь он

был делом решенным: возобновились и шли полным ходом приготовления, а когда Фрэнк, вскоре после приезда в Ричмонд, прислал несколько строк о том, что его тетке от перемены обстановки уже много лучше и он уверен, что сможет приехать на сутки в любое указанное время, то назвали и число — самое раннее, какое было возможно.

Бал мистера Уэстона обещал стать событием. Молодежь Хайбери в счастливом предвкушении считала дни, и их уже оставалось немного.

Мистер Вудхаус смирился с неизбежным. Его слегка утешало время года. Все же лучше, что эта неприятность произойдет не в феврале, а в мае. Ему на этот вечер составит, компанию в Хартфилде миссис Бейтс, Джеймсу даны были необходимые распоряжения, и оставалось тешить себя надеждой, что ни с милым бутузом Генри, ни с милым бутузом Джоном в отсутствие душеньки Эммы не случится ничего страшного.

ГЛАВА 2

а этот раз уж никакое непредвиденное несчастье не помешало балу. День близился; день наступил; утро прошло в несколько тревожном ожидании, но вот к обеду, въяве и во плоти, прибыл в Рэндалс Фрэнк Черчилл, и всем тревогам настал конец.

Они с Эммой покамест не виделись. Второе свиданье должно было состояться в «Короне», но хотя бы не просто как обычная встреча на глазах у всей толпы.

Мистер Уэстон просил ее приехать пораньше — по возможности сразу же после них, дабы, покуда никого нет, сказать свое мнение о том, все ли внутри устроено с наибольшим приличием и удобством, и так молил, так настаивал, что она не могла отказать и ей, соответственно, предстояло провести с молодым человеком некоторое время в спокойной обстановке. Она заехала за Гарриет, и они подоспели к «Короне» очень удачно, почти следом за каретою из Рэндалса.

Фрэнк Черчилл, казалось, поджидал ее, и, хотя ничего особенного сказано не было, взгляд его говорил, что их ждет чудесный вечер. Они всею компанией прошлись по комнатам, проверяя, все ли в порядке, но не пробыли вместе и нескольких минут, как к ним присоединились пас-

сажиры следующего экипажа, чье приближение к дверям «Короны» Эмма слышала не без изрядной озадаченности. «Отчего так рано?» — едва не вырвалось у ней сгоряча, но оказалось, что это старые друзья, которые, подобно ей, явились раньше, по особливой просьбе мистера Уэстона, жаждавшего услышать их суждение, а за ними, буквально по пятам, прикатило и двояродное семейство, тоже удостоенное заклиний быть как можно раньше для той же цели, — складывалось впечатление, что скоро для предварительной инспекции съедется добрая половина всех приглашенных на бал.

Эмме стало ясно, что она не единственная, на чей вкус полагается мистер Уэстон; ей подумалось, что не столь уж и завидное отличие быть любимицей и приближенной человека, у которого такое множество любимцев и поверенных. Ей нравилась его открытая натура, но эта душа нараспашку отчасти умаляла его в ее глазах... Дружелюбие ко всем, но не дружба со всеми и вся составляет достоинство мужчины. И такого мужчину она бы могла указать.

Прибывшие обошли гурьбою помещение, все оглядели, все похвалили и от нечего делать расположились полукругом у камина, обмениваясь всяк на свой лад — за неимением покамест иных тем для разговора — замечаниями, суть коих сводилась к тому, что хоть и *май* на дворе, а как приятно погреться вечером у огня.

Эмма узнала, что этот тайный совет мог быть еще многочисленней, и не мистер Уэстон виною тому, что этого не случилось. Оказывается, по дороге из Рэндалса они останавливались у дверей миссис Бейтс предложить те-тушке с племянницей воспользоваться их каретой, однако обнаружили, что тех привезут Элтоны.

Фрэнк держался подле нее, но поминутно отходил, словно не находя себе места от какого-то внутреннего беспокойства. Он озирался вокруг, он шел к дверям, он прислушивался, не подъехала ли новая карета. — то ли в нетерпении танцевать, то ли из боязни все время быть рядом с нею.

Разговор коснулся миссис Элтон.

— Я думаю, она вот-вот должна приехать. — сказал он. — Мне чрезвычайно любопытно увидеть миссис Элтон. я так много слышал об ней. По-моему, ей пора уже быть здесь...

Послышался шум подъезжающей кареты. Он моментально сорвался с места, но тотчас воротился назад.

— Совсем из памяти вон — ведь мы с нею незнакомы! Я никогда не видел ни ее, ни мистера Элтона. Мне не пристало кидаться к ним первым.

Появились мистер и миссис Элтон; последовали приветствия, улыбки.

— Но где же мисс Бейтс и мисс Фэрфакс? — спросил, оглядываясь по сторонам, мистер Уэстон. — Мы полагали, вы их привезете.

Он не слишком ошибся. За ними только что отослали карету. Эмме не терпелось узнать, каково будет первое впечатление Фрэнка от миссис Элтон, какие чувства вызовет в нем обдуманый шик ее наряда, ее милостивые улыбки. Ему будет чем поделиться, ибо теперь, когда их представили друг другу, он с должной учтивостью принялся ее занимать.

Через несколько минут карета вернулась. Кто-то упомянул про дождь.

— Я распоряжусь насчет зонтов, сэр, — сказал Фрэнк отцу. — Нельзя забывать о здоровье мисс Бейтс. — И он направился к выходу.

Мистер Уэстон хотел было последовать за ним, но его перехватила миссис Элтон, дабы порадовать своим суждением об его сыне, и столь ретиво приступила к делу, что Фрэнк Черчилл, хотя и удалялся быстрыми шагами, должен был все слышать.

— Прекрасный молодой человек, мистер Уэстон, что правда, то правда. Помните, я вас честно предупреждала, что полагаюсь только на собственное суждение, и вот могу с удовольствием сказать, что приятно поражена. Очень красив, на мой взгляд, и именно те манеры, какие я одобряю и люблю, — выдают настоящего джентльмена, ни тени самодовольства, фатовства! Я, было бы вам известно, не выношу фатовства, оно мне положительно претит. В Кленовой Роще фаты всегда были не в чести. Мы с мистером Саклингом их не жаловали — подчас говорили прямо в лицо такие резкости! Селина умела лучше мириться с их присутствием, но она вообще до смешного миролюбива.

Покуда речь шла об его сыне, мистер Уэстон был весь внимание, но, как дошло до Кленовой Роши, он тут же спохватился, что прибыли дамы, что их необходимо встретить, и с лучезарною улыбкой поспешил прочь.

Миссис Элтон оборотилась к миссис Уэстон.

— Не сомневаюсь, что это наша карета с мисс Бейтс и Джейн. У нас и кучер лихой, и необычайно резвые лошади! Здесь, кажется, никто не ездит быстрее нас. Какое

удовольствие послать карету за друзьями! Вы, сколько я понимаю, любезно предлагали им свою, но впредь вам незачем утруждать себя. Можете быть уверены, я *всегда* о них позабочусь.

На пороге показались мисс Бейтс и мисс Фэрфакс в сопровождении обоих джентльменов, и миссис Элтон, не смущаясь присутствием миссис Уэстон, видимо, сочла, что встречать их — в равной степени и ее обязанность. Об этом всякому, который, как Эмма, наблюдал со стороны, свидетельствовали ее жесты и движения, однако слова ее и слова каждого, кто находился в комнате, мгновенно потонули в безостановочном потоке, извергаемом мисс Бейтс, которая, уже входя, говорила и долго еще не умолкала после того, как примкнула к кружку, расположившемуся у камина.

— Чувствительнейше вам обязана! Помилуйте, никак-го дождя! Нисколько. Мне сырость нипочем. В таких толстых башмаках... И Джейн тоже уверяет, что... Ба! — Едва лишь переступив через порог.— Ба! Это изумительно! Это поистине великолепно! Блестяще придумано, даю вам слово. Все предусмотрено. Сверх всяких ожиданий. И как ярко освещено! Джейн, Джейн, посмотри — видала ты что-нибудь?.. Ну, мистер Уэстон, не иначе, вы обзавелись лампою Аладдина. Добрая миссис Стоукс просто не узнает собственную залу. Я встретила ее, когда входила в дом, она стояла у дверей. «А, миссис Стоукс!» — сказала я ей — но больше ничего не успела.— В эту минуту к ней приблизилась миссис Уэстон.— Прекрасно, сударыня, благодарствуйте. Надеюсь, вы тоже. Искренне рада это слышать. Так опасалась, что у вас может разыграться мигрень! Видя в окно, как часто вы проходите мимо... зная, сколько у вас должно быть хлопот... Право, счастлива это слышать. Ах, дорогая миссис Элтон! Так вам обязана за карету! Как раз вовремя. Мы с Джейн были совсем готовы. Не задержали лошадей ни на секунду. Удивительно удобный экипаж! Да — но, если на то пошло, мы должны и вам принести благодарность, миссис Уэстон! Миссис Элтон была столь добра, что заранее прислала Джейн записку, а не то бы мы непременно... Два подобных предложения в один день! У кого еще есть такие соседи! Я и матушке сказала: «Даю вам честное слово, сударыня...» Благодарю, матушка себя чувствует как нельзя лучше. Отъехала к мистеру Вудхаусу. Я заставила ее взять с собою шаль — вечерами довольно прохладно — большую новую шаль, подарок от миссис Диксон по случаю ее свадьбы. Так

мило, что она вспомнила о матушке! Куплена в Уэймуте — а выбрана мистером Диксоном. Джейн говорит, там были еще три, которые им понравились, и это вызвало некоторые колебания. Полковник Кемпбелл отдавал предпочтение оливковой... Джейн, милая, ты уверена, что не промочила ноги? Капнуло, правда, всего два-три раза, но я уже так напугана — хотя мистер Фрэнк Черчилл был необыкновенно... даже циновка постелена, чтоб не ступать по земле, — никогда не забуду его необычайной предупредительности. Да, мистер Фрэнк Черчилл! Матушкины очки, надобно вам сказать, ни разу с тех пор не ломались, заклепка больше не выскакивала. Матушка часто поминает вас добрым словом. Разве нет, Джейн? Разве не часто говорят у нас в доме про мистера Фрэнка Черчилла? А, вот и мисс Вудхаус. Здравствуйте, дорогая мисс Вудхаус, как поживаете?.. Тоже хорошо, благодарю вас, — отлично. Мы прямо как в волшебном царстве собрались. Такое превращенье! Нехорошо говорить комплименты, я знаю, — откровенно разглядывая Эмму, — это было бы невежливо, но даю вам слово, мисс Вудхаус, вы выглядите... да, а как вам нравится прическа Джейн? Вы у нас первый судья. Сделала ее своими руками. С поразительным искусством убирает себе волосы! Куда лондонским парикмахерам... О, кто это — доктор Хьюз? Так и есть — и миссис Хьюз тоже! Должна на минутку подойти к ним, сказать два слова. Здравствуйте, здравствуйте!.. Спасибо, очень хорошо. Прелестно все устроено, вы не находите? А где же наш милый мистер Ричард? А, вон он. Нет-нет, не трогайте его. Беседовать с барышнями — куда более приятное занятие... Как поживаете, мистер Ричард? Видела, как вы на днях проезжали по городу верхом... Кого я вижу — миссис Отуэй! И почтенный мистер Отуэй, и мисс Отуэй — и мисс Кэролайн. Целая толпа друзей! И мистер Джордж тут! И мистер Артур! Здравствуйте! Как все вы поживаете? Отлично, очень вам обязана. На редкость хорошо. Мне не слышалось — кажется, еще кто-то подъехал? Кто бы это мог быть? По всей вероятности, достойные Коулы. Очаровательно, когда вокруг столько друзей! И как славно горит камин! Так и пышет жаром. Нет, благодарю вас, я не пью кофе. Чашечку чая, пожалуй, — но можно потом, сэр, это не к спеху... Ах, вот и чай. Все так чудесно!

Фрэнк Черчилл воротился на прежнее место подле Эммы, и как только мисс Бейтс затихла, она, сама того не желая, услышала, о чем беседуют, стоя чуть позади,

миссис Элтон и мисс Фэрфакс. Фрэнк Черчилл стоял в задумчивости. Слышал ли их и он, она не могла сказать. После обильных комплиментов платью и внешнему виду Джейн — комплиментов, принятых весьма достойно и сдержанно, — миссис Элтон явно возжелала ответных комплиментов, ибо теперь посыпалось: «А как вам нравится *мое* платье? А отделка? К лицу ли причесал меня нынче Райт?» — вкупе с градом прочих, относящихся до того же вопросов, на каждый из коих следовал терпеливый и вежливый ответ. Затем миссис Элтон сказала:

— Вообще, меня меньше всего на свете занимают наряды, однако в таком случае, как сегодня, когда на меня со всех сторон обращены взоры — а также из уважения к Уэстонам, которые, несомненно, дают этот бал главным образом в мою честь — мне бы не хотелось выглядеть хуже других. В жемчугах, я смотрю, кроме меня, здесь очень немногие... Итак, сколько я понимаю, Фрэнк Черчилл — отменный танцор. Ну что же, поглядим, какая из нас получится пара. Что он приятнейший молодой человек, этот Фрэнк Черчилл, мне уже ясно. Он очень мне понравился.

В этот момент Фрэнк рьяно принялся занимать Эмму разговором, и она не могла не заподозрить, что он услышал эти восхваленья и больше слышать не хотел. На время он заглушил беседу обеих дам, но стоило ему сделать передышку, как вновь до них отчетливо донесся голос миссис Элтон. К ним только что подошел мистер Элтон, и супруга его воскликнула:

— Ах, так вы все-таки отыскиали нас в нашем уединенье? Я как раз говорила Джейн, что вас, должно быть, скоро потянет нас провести.

— Джейн? — с неудовольствием повторил Фрэнк Черчилл, удивленно нахмутив лоб. — Вольное обращение... но, по-видимому, мисс Фэрфакс ничего не имеет против.

— Как вам понравилась миссис Элтон? — шепнула Эмма.

— Вовсе не понравилась.

— Какая неблагодарность!

— Неблагодарность? Почему? — И, переменяя вдруг хмурость на улыбку: — А впрочем, нет — не говорите почему, я не хочу знать... Где мой отец? Когда же мы начнем танцевать?

Эмма его не понимала — он казался обуян странным настроением. Он отошел искать отца, но быстро вернулся вместе с мистером и миссис Уэстон. Вышло маленькое

недоразумение, и им необходимо было поставить о нем в известность Эмму. Миссис Уэстон только теперь пришло в голову, что придется просить миссис Элтон открыть бал — она, вероятно, рассчитывает на это, — и таким образом, все их намеренья предоставить это почетное право Эмме рушатся. Эмма приняла прискорбное сообщение мужественно.

— И как тогда быть с кавалером для нее? — сказал мистер Уэстон. — Ведь она будет ждать, что ее пригласит Фрэнк.

Но Фрэнк, тотчас напомнив Эмме о данном ему когда-то обещании, объявил, что уже ангажировал даму, чем вызвал у своего родителя взгляд, исполненный одобренья, но оказалось, что миссис Уэстон прочит в кавалеры миссис Элтон *его самого*, — им же вменяется помочь ей уговорить его, что они довольно быстро и сделали. Мистер Уэстон с миссис Элтон стали первыми, а мистер Фрэнк Черчилл с Эммой — за ними. Эмме пришлось уступить первенство миссис Элтон, хотя она до последней минуты считала, что роль царицы на этом бале уготована *ей*. От этого прямо-таки впору было задуматься о замужестве...

Перевес во вполне удовлетворенном тщеславии оказался в этот раз, бесспорно, на стороне миссис Элтон, ибо хотя она и предполагала начать с Фрэнком Черчиллом, но отнюдь не проиграла от замены. Еще неизвестно, кто из двоих танцевал лучше — мистер Уэстон или его сын... Впрочем, эта мелкая заноза не мешала Эмме довольно улыбаться, наблюдая, в какую внушительную линию выстраиваются пары, и радоваться тому, что впереди — долгие часы столь редкостного для нее увеселения. Ежели что и омрачало ей радость, так это то, что мистер Найтли не танцует. Что он стоит среди зрителей, где ему совсем не место, — что ему полагалось бы танцевать, а он вместо этого прибил к толпе мужей, отцов и картежников, которые с притворным интересом поглядывают на танцующих, дожидаясь минуты, когда составит партия в вист. Он, такой молодежавый! Нигде, пожалуй, не мог бы он предстать в более выгодном свете. Прямой, высокий, крепкий, он, думала Эмма, должен был каждому бросаться в глаза посреди сутулых, отяжелевших с годами фигур — да и в длинном ряду молодых людей она тоже не видела никого, кроме собственного кавалера, кто бы мог с ним сравниться. Он сделал несколько шагов вперед, и даже по этим немногим шагам видно было, какое благородство, какую естественную грацию движений явил бы он, когда

бы взял на себя труд танцевать. Всякий раз, встречаясь с ним глазами, она принуждала его улыбнуться, но вообще он сохранял серьезный вид. Она жалела, что ему так не по душе балльные залы — и так не по душе Фрэнк Черчилл... Он, кажется, следил за нею. Она не могла льстить себя надеждой, что он любит ее танцем, но ежели он смотрел, как она ведет себя, то ей нечего было бояться. Ничего похожего на флирт между нею и ее кавалером не происходило. Не как влюбленные держались они друг с другом, а скорей как хорошие, добрые приятели. С полной определенностью чувствовалось, что Фрэнк Черчилл переменялся к ней.

Бал между тем благополучно продолжался. Заботливые приготовления миссис Уэстон, ее бесконечная предусмотрительность не пропали даром. Всем было хорошо, и похвалы чудному балу, какие чаще раздаются, когда сам бал уже прекратил существование, здесь не смолкали, едва он начался. Важных и достопамятных событий на нем совершилось не больше, чем обычно на такого рода собраниях, но один эпизод Эмма выделила из прочих. Начался предпоследний танец перед ужином, а Гарриет никто не пригласил — она, единственная из всех молодых девиц, осталась сидеть на месте; но как могло случиться, что ей не хватило кавалера, ежели до сих пор число танцующих обоего пола в точности совпадало! Недоумение Эммы быстро рассеялось, когда она увидела, как мимо с независимым видом прошествовал мистер Элтон. Он, конечно, не пригласит Гарриет, если найдется способ этого избежать, — и Эмма ждала, что он с минуты на минуту скроется в комнату для игры в карты.

Однако он и не думал скрываться. Он проследовал на ту сторону залы, где сидели нетанцующие дамы, и стал прохаживаться перед ними, перебрасываясь несколькими словами то с одною, то с другою и как бы показывая, что ничем не занят и в таковом состоянии намерен пребывать. Иногда он, как нарочно, проходил прямо перед мисс Смит или же заговаривал с кем-нибудь, кто сидел с нею рядом. Эмма видела это. Она покамест не танцевала, а постепенно продвигалась вперед — у нее было время смотреть по сторонам, и, слегка поворачив голову, она все видела. Когда она дошла до середины, вся эта группа очутилась как раз у нее за спиною, и она уже не позволяла себе оборачиваться, но мистер Элтон стоял так близко, что она слышала каждое слово диалога, который в эти минуты произошел между ним и миссис Уэстон, — и обратила

внимание, что жена его, стоявшая впереди нее, не только слушает тоже, но и подбадривает супруга красноречивыми взглядами... Участливая, добрая миссис Уэстон поднялась с места и, подойдя к нему, сказала:

— Вы разве не танцуете, мистер Элтон?

На что он, не раздумывая, отозвался:

— Я готов, миссис Уэстон, ежели вы изволите танцевать со мною.

— Я? О нет — какая из меня танцорка! Я подберу вам даму получше.

— Может быть, миссис Гилберт желает танцевать, — сказал он, — тогда я с величайшим удовольствием — я, правда, начинаю себя чувствовать степенным женатым человеком, который уж оттанцевал свое, но все же в любое время охотно пройду в паре с такою старой приятельницей, как миссис Гилберт.

— Миссис Гилберт танцевать не настроена, но я бы очень рада была увидеть среди танцующих одну молодую особу, которая теперь не ангажирована, — мисс Смит.

— Мисс Смит?.. М-м... я не заметил. Вы чрезвычайно любезны, и не будь я степенный женатый человек... Но я свое оттанцевал, миссис Уэстон. Вы уж меня увольте. Счастлив буду исполнить что угодно, только прикажите, но время танцевать для меня прошло.

Миссис Уэстон ничего не сказала более, но Эмма могла вообразить, в какой растерянности, с какою обидой вернулась она опять на свое место. И это был мистер Элтон! Милый, услужливый, мягкий мистер Элтон!.. Она быстро оглянулась — он подошел к мистеру Найтли, стоявшему несколько поодаль, и располагался для основательного разговора, поминутно с ехидною улыбкой переглядываясь со своей женушкой.

Больше Эмма не озиралась. Ее душа пылала негодованием, и она боялась, что щеки у нее пылают тоже.

Однако еще минута — и глазам ее предстало более отрадное зрелище: к линии танцующих Гарриет подводил мистер Найтли! Какая неожиданность, какой восторг! Радостное, благодарное чувство охватило все существо ее, вместе с нестерпимым желанием изъяснить ему признательность за Гарриет и за себя; и хотя сделать это на словах было невозможно, он стоял чересчур далеко, но выражение ее лица, когда ей снова удалось поймать его взгляд, сказало ему о многом.

Танцевал он именно так, как она и предполагала, — превосходно, и ежели бы до этого с Гарриет не поступили

столь жестоко, то можно было бы даже позавидовать ее удаче, глядя, как наслаждается она весельем и тем отличием, которое ей оказали. Она оценила его по достоинству — выше всех подлетала в подскоках, дальше всех выпархивала на середину, и улыбка не сходила с ее счастливого личика.

Мистер Элтон, сознавая, полагала Эмма, что поставил себя в глупейшее положение, ретировался в комнату, где играли в карты. Он, как ей казалось, пока еще уступал своей супруге в черствости, хотя и догонял ее быстрыми шагами,— о ее же чувствах можно было судить по громкому замечанию своему кавалеру:

— Я вижу, Найтли сжалился над несчастной маленькой мисс Смит! Великодушный поступок, надобно признать...

Объявили, что ужин подан. Все пришло в движение, и с этого момента — и до того момента, пока она не села за стол и не взялась за ложку,— непрерывно слышался голос мисс Бейтс:

— Джейн, Джейн милая, где ты?.. Вот твой палантин. Миссис Уэстон настаивает, чтобы ты надела палантин. Она боится, как бы тебя не продуло в переходе, хотя все меры, какие возможно... Одна дверь заколочена наглухо, весь пол застлан циновками... Джейн, родная моя, это необходимо. Ах!.. Мистер Черчилл, как вы любезны! Как вы ловко его накинули! Чрезвычайно вам обязана... Так, стало быть, танцы удалась на славу!.. Да, милая, я сбегала домой, как и предупреждала — помогла бабушке лечь в постель и бегом назад, никто даже не хватился. Никому не обмолвилась, что ухожу,— так и было задумано, ты знаешь... С бабушкой все в порядке, провела чудесный вечер у мистера Вудхауса за триктраком и долгою беседой. Перед уходом подали чай, бисквиты, печеные яблоки, вино — нынче ей поразительно везло в картах,— много расспрашивала о тебе, как ты развлекаешься, кто твои кавалеры. «Нет, сударыня! — говорю я на это.— Я не стану опережать Джейн — когда я уходила, она танцевала с мистером Джорджем Отуэем — она сама захочет завтра обо всем вам рассказать,— первым ее пригласит мистер Элтон, а кто будет следующим ее кавалером, не знаю — вероятно, мистер Уильям Кокс». Сударь, вы необыкновенно любезны... Может быть, еще кому-нибудь требуется ваша... Я не столь беспомощна. Вы необычайно заботливы, сударь. По одну руку Джейн, по другую я — это, право... Стойте, стойте, посторонимся немножко, пропустим вперед

миссис Элтон — дорогая миссис Элтон, как она элегантна! Изумительные кружева!.. А мы, как подобает свите, последуем за ней. Настоящая царица бала!.. Ну вот, дошли до перехода. Тут две ступеньки, Джейн, имей в виду — две ступеньки. Ах, нет — оказывается, одна. А я была почему-то уверена, что две. Как странно! Убедена была, что две, а здесь всего одна... С какою изысканностью и комфортом все обставлено — никогда не видывала ничего... Везде свечи... Да, так я говорила тебе о бабушке, Джейн. Ее постигло небольшое огорчение. Печеные яблоки и бисквиты по-своему очень хороши, но сначала им принесли такой деликатес, как фрикасе из сладкого мяса и спаржу, а добрый мистер Вудхаус нашел, что спаржа недоварена, и отослал все назад. А бабушка как раз больше всего на свете любит сладкое мясо и спаржу, так что она слегка огорчилась, — но мы условились никому об этом не говорить, чтоб не дошло, чего доброго, до милой мисс Вудхаус, она бы ужасно расстроилась!.. Ба! Что за великопение! У меня нет слов! Чего угодно могла ожидать!.. Какая красота, какое изобилие!.. Не видела ничего похожего со времен... Ну, куда же нам садиться? Где мы сядем? Мне все равно, лишь бы Джейн не оказалась на сквозняке. Я могу, мне ничего. А, так вы советуете на эту сторону?.. Да, разумеется, мистер Черчилл, — только не слишком ли почетно... а впрочем, как скажете. В этом доме, как вы распорядитесь, так тому и следует быть. Джейн, родная моя, как же нам удержать в памяти для бабушки хотя бы половину блюд? И даже суп? Невероятно! Мне первой? Не следовало бы, но от него такое благоуханье, что я не в силах...

До окончания ужина Эмме так и не удалось поговорить с мистером Найтли, но, когда все вновь собрались в бальной зале, он, привлеченный неотразимой силой ее взгляда, подошел и услышал слова благодарности. Он с возмущением, как о непростительной грубости, отозвался о поведении мистера Элтона, досталось и миссис Элтон, за те сигналы, которые она подавала ему глазами.

— Не одну Гарриет стремились они обидеть, — сказал он, — они метили дальше. Эмма, как вы объясните то, что они сделали вам врагами? — Он поглядел на нее с проницательной усмешкой и, не получив ответа, прибавил: — Он — ладно, но ей-то, казалось бы, не за что на вас злиться?.. Вы, конечно, молчите в ответ на это мое предположение, и все-таки сознайтесь, Эмма, — ведь вы хотели женить его на Гарриет.

— Хотела,— сказала Эмма,— этого они и не могут мне простить.

Он покачал головой, но глаза его смеялись, и он только заметил:

— Я вас не стану бранить. Предоставляю это вашему внутреннему голосу.

— И вы доверитесь такому льстецу? Разве моя тщеславная душа когда-нибудь скажет мне, что я не права?

— Я не тщеславной стороне вашей души доверяюсь, а серьезной. Если первая собьет вас с пути, то вторая скажет вам о том, я уверен.

— Да, признаюсь, что я глубоко ошибалась насчет мистера Элтона. Ему присущи ничтожные черты, которые вы умели распознать, а я — нет, и я была совершенно убеждена, что он влюблен в Гарриет. К этому привела цепочка немыслимых заблуждений!

— А я, в ответ на столь чистосердечное признание, отдам вам справедливость и скажу, что ваш выбор был бы лучше того, который сделал он сам. У Гарриет Смит есть превосходные качества, которых миссис Элтон начисто лишена. Скромная, прямодушная, бесхитростная девушка, какую всякий мужчина с душою и понятием тысячу раз предпочтет дамочке, подобной миссис Элтон. С Гарриет и поговорить оказалось интересней, нежели я ожидал.

Для Эммы такие речи были как бальзам... Прервал их неугомонный мистер Уэстон, который принялся тормозить всех, призывая возобновить танцы.

— А ну-ка! Мисс Вудхаус, мисс Отуэй, мисс Фэрфакс! Чем это все вы занялись? Ну-ка, Эмма, покажите пример вашим приятельницам. Разленились все! Уснули!

— Я готова,— сказала Эмма,— за мною дело не станет.

— С кем вы пойдете танцевать? — спросил мистер Найтли.

Один лишь миг понадобился ей для раздумья.

— С вами,— отвечала она,— ежели вы меня пригласите.

— Вы позволите? — сказал он, предлагая ей руку.

— Еще бы! Вы показали, что прекрасно танцуете,— и, знаете, не настолько мы с вами брат с сестрою, чтобы это противоречило приличиям.

— Брат с сестрою? Ну нет!

то маленькое объяснение с мистером Найтли доставило Эмме большое удовольствие. Оно было одним из приятнейших воспоминаний о бале, коим предавалась она, выйдя с этой целью поутру прогуляться на лужайку... Она всем сердцем радовалась, что они пришли к столь доброму согласию относительно Элтонов, что так схожи их мнения о муже и жене, и с особенною отрадой вспоминала хвалебные слова его о Гарриет и признание, сделанное им в ее пользу. Гадкая выходка Элтонов, грозившая было отравить ей остаток вечера, обернулась во благо и давала повод надеяться на еще одно благое последствие — избавленье Гарриет от несчастной любви. Во всяком случае, судя по тому, как говорила Гарриет об этом эпизоде перед тем, как они разошлись из бальной залы, этого явно следовало ждать. Она словно бы разом прозрела и увидела, что мистер Элтон — далеко не то совершенство, за которое она его принимала. Лихорадка прошла, и Эмма не видела причин опасаться, что сердечко Гарриет вновь забьется сильнее от излишней учтивости со стороны ее предмета. Все указывало на то, что Элтоны, в неизбывной злобе, с лихвою дадут ей испытать отрезвляющее воздействие подчеркнутого пренебреженья... Гарриет образумится, Фрэнк Черчилл благополучно охладел, мистер Найтли настроен к ней миролюбиво — какие лучезарные дни сулило ей лето!

Она не предполагала увидеться в это утро с Фрэнком Черчиллом. Он предупредил, что не может позволить себе удовольствие побывать с утра в Хартфилде, так как должен к полудню быть дома. И она не жалела об этом.

Выстроив пред собою все эти обстоятельства, рассмотрев их и разложив по полочкам, она, освеженная, обратилась помыслами к своим маленьким племянникам и их деду, которые нуждались в ее заботах и уже поворачивала к дому, когда тяжелые чугунные ворота приоткрылись, пропуская двоих, которых Эмма меньше всего бы ожидала увидеть вместе — Фрэнка Черчилла и Гарриет, — да, Гарриет, и никто иной, шла, опираясь на его руку. Что-то страшное — она поняла это с первого взгляда. Гарриет была бледна как мел, испугана; он пытался ее успокоить... От чугунных ворот до парадной двери было каких-нибудь двадцать ярдов, так что очень быстро все трое очутились

в прихожей, где Гарриет опустилась на стул и немедленно лишилась чувств.

Когда молодая девица теряет сознание, ее первым долгом приводят в себя — затем начинаются вопросы, ответы, и все разъясняется. Это захватывающая процедура, но ей недолго дано дразнить наше воображение. Через несколько минут Эмма уже все знала.

Мисс Смит и мисс Бикертон — тоже пансионерка, живущая одним домом с миссис Годдард, и тоже из тех, кто вчера был на бале, — сговорились пойти погулять и выбрали для прогулки дорогу — дорогу на Ричмонд, казалось бы, достаточно людную и безопасную, но которая привела их к злоключенью... В полумиле от Хайбери, за крутым поворотом, на довольно большом протяжении затененном с обеих сторон густыми вязами, не оказалось ни души, и, пройдя немного дальше, девицы внезапно заметили чуть впереди, на придорожной дерновой прогалине, ватагу цыган. Мальчонка, стоявший на страже, приблизился к ним за подаяньем, и мисс Бикертон, испустив с перепугу громкий вопль, взлетела на крутую обочину, кликнула за собою Гарриет и, перемахнув через низкорослый кустарник на насыпи, понеслась напрямик обратно в Хайбери. Однако бедная Гарриет не могла пуститься вдогонку. Ее после вчерашних танцев долго мучили судороги в ногах, и при первой же попытке взобраться на насыпь они возобновились с такою силой, что ноги под ней подкосились — и в этом состоянии, перепуганная насмерть, она вынуждена была остаться.

Как повели бы себя бродяги, выкажи девицы больше самообладания, сказать трудно, но перед столь явным призывом к нападению они не устояли, к Гарриет тут же подступились полдюжины ребятишек под предводительством толстой цыганки и рослого молодого цыгана, галдя, а более утрашая ее своим дерзким видом. Гарриет, едва дыша от испуга, мгновенно обещала, что даст им денег, и, достав кошелек, вынула шиллинг, умоляя их, чтобы не трогали ее и больше ничего не вымогали... К ней вернулась способность передвигаться — правда, медленно, — и она начала понемногу отступать, но ее ужас, равно как и кошелек, выглядели чересчур соблазнительно, и цыгане всю гурьбой повалили следом, а точнее, обступили ее кольцом, требуя новой милостыни.

В таком положении ее и застал Фрэнк Черчилл: она, вся дрожа, вымаливала себе условия, а они горланили, нагледя с каждой минутой. По счастливой случайности,

поразительная!.. В особенности когда известно, сколь благоприятное у них обоих именно теперь расположение ума. Он силится превозмочь свое увлечение другою — она как раз начинает избавляться от страсти к мистеру Элтону. Все, словно бы по уговору, обещает самые интересные последствия. Трудно поверить, что такое событие не заставит их обратить друг на друга пристальное внимание.

Неспроста в те короткие минуты, когда Гарриет не совсем еще очнулась, он полурастроганно, полущутливо, но с большим чувством описывал ее ужас, ее простодушие — как она кинулась к нему, как уцепилась за его руку,— а перед самым уходом, когда и Гарриет завершила свой рассказ, так гневно, в самых резких выражениях осудил опрометчивый и низкий поступок мисс Бикертон... Но только пусть все идет естественным ходом; она не станет ни подгонять события, ни способствовать им. Пальцем не шевельнет, намека не обронит. Один раз она уже попробовала вмешаться, с нее хватит. Лелеять замысел никому не возбраняется; замысел — вещь безобидная. Сродни мечте. Но дальше замысла она не ступит ни шагу...

Эмма вначале не собиралась посвящать в эту историю отца, зная, в какое волнение и тревогу она должна его повергнуть; но очень быстро поняла, что утаить ее не удастся. За полчаса она облетела весь Хайбери. Событие было как раз из тех, которые представляют занимательность для самых больших любителей посудачить — для молодых и низших,— вскоре вся местная молодежь и вся прислуга со сладострастьем смаковала жуткую новость. Цыгане совершенно заслонили собою вчерашний бал. Бедный мистер Вудхаус дрожал, точно лист, и, как и предвидела Эмма, не успокоился, покамест не вынудил у них обещание ни под каким видом больше не заходить далее ограды парка. Его, правда, несколько утешало, что весь день потом к ним приходили справляться, как он и мисс Вудхаус себя чувствуют (соседи знали, что он любит, когда осведомляются об его здоровье) и как чувствует себя мисс Смит, предоставляя ему удовольствие говорить за всех в ответ, что очень неважно,— чему Эмма предпочитала не препятствовать, хоть это не совсем соответствовало истине, ибо она себя чувствовала великолепно, да и Гарриет — не намного хуже. Ей вообще, как дочери такого человека, не посчастливилось со здоровьем — она, в сущности, не знала, что такое недомоганье, и очень

бесцветно выглядела бы в справках о здоровье, когда бы он не изобретал для нее болезни.

Цыгане не стали дожидаться, пока их настигнет правосудие, и живо убрались подобру-поздорову. Юные девы Хайбери даже не всполошились в полную силу, как уже снова получили возможность прогуливаться невредимо, и скоро это событие утратило свою примечательность для всех, кроме Эммы и ее племянников — в ее воображении оно по-прежнему занимало важное место, а Генри и Джон по-прежнему требовали каждый день, чтобы им рассказали историю про Гарриет и цыган, и с тем же упорством поправляли тетку, если она позволяла себе хоть чуточку отступить в каком-нибудь месте от первоначального варианта.

ГЛАВА 4

одно прекрасное утро, спустя два-три дня после упомянутого происшествия, к Эмме явилась с каким-то сверточком в руках Гарриет — села и, помявшись немного, начала:

— Мисс Вудхаус, ежели вы не заняты... я имею сказать вам кое-что, сделать одно признание — и тогда со всем этим будет кончено.

Эмма несколько удивилась, но, впрочем, просила ее говорить. В поведении Гарриет угадывалась серьезность, которая, наряду с этим вступлением, свидетельствовала о том, что готовится нечто значительное.

— Я и не вправе,— продолжала та,— и, разумеется, не желаю ничего от вас таить касательно сего предмета. Я обязана обрадовать вас, что в *известном вам отношении* сделалась, к счастью, совсем другим человеком. Не стану говорить лишних слов... мне чересчур стыдно, что я могла настолько утратить власть над собою,— к тому же вы, вероятно, и так понимаете меня.

— Да,— отвечала Эмма,— надеюсь.

— Как я могла столько времени выдумывать глупости!..— горячо воскликнула Гарриет.— Прямо затмение нашло какое-то! И что я в нем видела особенного... Теперь — встречусь ли я с ним, нет ли — мне безразлично, хоть, может быть, из них двоих я предпочла бы его встречать пореже — любую дальней дорогой пойду, лишь бы с ним разминуться,— но я больше не завидую его жене,

ничуть не завидую и не восхищаюсь ею, как раньше,— наверное, она очаровательная и все такое, но, по-моему, она ужасная змея и злюка. Век не забуду, как она на меня поглядывала в тот вечер!.. Однако уверяю вас, мисс Вудхаус, я не желаю ей ничего худого. Нет, пускай им сопутствует всяческое счастье, мне от того уже ни на миг не станет больно — а чтобы доказать вам, что это правда, я сейчас уничтожу то, что надобно было уничтожить давным-давно... да и вообще незачем было хранить — сама прекрасно знаю...— Краснея при этих словах.— Как бы то ни было, сейчас я все это уничтожу, и особенное мое желание — сделать это при вас, чтобы вы видели, как я образумилась... Вы не догадываетесь, что в этом свертке? — прибавила она смущенно.

— Представленья не имею... Он разве дарил вам что-нибудь?

— Нет, здесь не подарки, их так нельзя назвать... просто кой-какие вещи, которыми я очень-очень дорожила.

Она протянула сверточек к Эмме, и та прочла на нем надпись: «Бесценные сокровища». Это становилось любопытно. Гарриет начала его разворачивать; Эмма с нетерпением наблюдала. Из-под слоев серебряной бумаги показалась хорошенькая инкрустированная шкатулочка танбриджской работы. Гарриет открыла ее: изнутри она была заботливо выложена мягчайшею ваткой, но, кроме ваты, Эмма не увидела ничего, только маленький лоскуток липкого пластыря.

— Ну *теперь-то* вы вспомнили? — сказала Гарриет.

— Нет, все еще теряюсь в догадках.

— Странно! Никогда бы не подумала, что вы забудете случай с пластырем — когда мы сошлись втроем вот в этой комнате, едва ли не в последний раз!.. Всего за несколько дней до того, как у меня разболелось горло... прямо накануне приезда мистера Джона Найтли и миссис Найтли — по-моему, как раз в тот самый вечер... Помните, он порезал палец вашим новым перочинным ножиком и вы посоветовали залепить его липким пластырем? А так как у вас при себе пластыря не было, то вы сказали, чтобы я дала свой,— я вынула, отрезала кусочек, но оказалось, что чересчур большой, и он разрезал его пополам, потом покрутил в руках вторую половинку и отдал мне. А для меня, в моем тогдашнем помраченье, он стал сокровищем, и я, вместо того чтобы пустить его в дело, спрятала его и берегла и только изредка им любовалась.

— Ох, Гарриет, дружочек вы мой! — вскричала Эмма, вскакивая с места и закрывая лицо ладонью. — Знали бы вы, как мне совестно это слышать! Помню ли я? Да, теперь я все вспомнила. Все, кроме того что вы сберегли эту реликвию, — об этом я до сих пор не знала — но как он порезал палец, как я посоветовала заклеить порез пластырем, как сказала, что у меня его при себе нет!.. Ох, грехи мои, грехи!.. А у самой в кармане было сколько угодно!.. Одна из моих дурацких штучек... Видно, краснеть мне от стыда до конца моих дней — и поделом... Ну, продолжайте. — Садясь обратно. — Что еще?

— Значит, в самом-то деле, он был у вас под рукой?.. А я не подозревала. Это выглядело так правдиво...

— И все это время вы берегли ради него, словно драгоценность, обрезаю пластыря? — сказала Эмма, чувствуя, как приступ стыда сменяется у нее насмешливым изумлением. И мысленно прибавила: «Господи помилуй! Чтобы мне когда-нибудь пришлось в голову хранить в вате кусочек пластыря, который теребил в руках Фрэнк Черчилл!.. Нет, меня на такое не хватит».

— А вот, — заговорила Гарриет опять, роясь в шкатулочке, — еще одно сокровище, и ему подавно нет цены — то есть, я хочу сказать, не было... потому что, в отличие от липкого пластыря, эта вещь однажды принадлежала ему.

Эмма с любопытством оглядела заветную драгоценность. То был огрызок карандаша — самый кончик, где уже нет графита.

— Эта вещь — уже настоящая его собственность, — говорила Гарриет. — Помните, как-то утром... Хотя вы, вероятно, не помните. Одним словом, как-то утром, еще до *того* вечера — забыла, который это был день недели, то ли вторник, то ли среда — он хотел сделать запись в своей карманной книжке, насчет хвойного пива. Мистер Найтли что-то рассказывал о том, как варить хвойное пиво, и он хотел записать. Достал карандаш, но там оставалось так мало графита, что, когда его очинили раз-другой, он больше не писал, — тогда вы дали ему другой, а огрызок остался на столе, ни к чему не пригодный. Но я не спускала с него глаз, и при первой возможности — хватать его незаметно, и с той минуты не расставалась с ним.

— Нет, я помню! — воскликнула Эмма. — Помню как сейчас... Зашел разговор о хвойном пиве... ну да, мы с мистером Найтли сказали, что любим хвойное пиво, и мистер

Элтон решил, что тогда стоит его распробовать... Прекрасно помню... Погодите-ка, мистер Найтли стоял вот здесь, верно? У меня осталось такое впечатление.

— Да? Не знаю. Не припомню что-то... Как ни странно, это мне не запомнилось... Мистер Элтон, помню, сидел вот тут, почти на том же месте, где я сейчас...

— Ну хорошо, продолжайте.

— Нет, это все. Мне больше нечего ни показать вам, ни сказать. Прибавлю лишь, что сейчас я намерена бросить то и другое в камин, и хочу, чтобы вы это видели.

— Бедная, милая моя Гарриет! Неужели вы правда находили отраду в том, что берегли, как сокровище, эти вещицы?..

— Да, дурочка я такая!.. Мне так стыдно теперь — вот бы сжечь их и сразу забыть. Очень дурно было хранить эту память о нем после того, как он женился. Я знала, что дурно, — но мне не доставало духу с ними расстаться.

— Но, Гарриет, есть ли надобность сжигать пластырь?.. Огрызок старого карандаша — не спорю, но липкий пластырь может пригодиться.

— По мне, лучше сжечь, — возразила Гарриет. — Мне неприятно его видеть. Я должна избавиться от всего, что... Вот так! И с мистером Элтоном, слава богу, покончено!

«А когда же, — подумала Эмма, — начнется с мистером Черчиллом?..»

В скором времени у ней появились основания думать, что начало уже положено, и надеяться, что хоть цыганка и не *предсказывала* Гарриет ее судьбу, но, может статься, устроила ее... Недели через две после той истории между ними произошло знаменательное объяснение, и совершенно непреднамеренно. Эмма в тот момент ни о чем таком не помышляла — что придавало полученным ею сведениям сугубую ценность. Она лишь заметила вскользь в незначущем разговоре: «Что ж, Гарриет, когда вы выйдете замуж, я бы вам рекомендовала поступать так-то и так-то» — это сказано было между прочим, но в ответ, после минутного молчания, послышалось: «Я никогда не выйду замуж», — сказанное очень важным тоном.

Эмма бросила на нее быстрый взгляд, тотчас увидела, как обстоит дело, и, после короткого колебания пропустить эту реплику мимо или нет, возразила:

— Не выйдете замуж? Это новость.

— Таково, однако, мое решение, и оно останется неизменным.

И после короткой заминки:

— Надеюсь, ему причиной не... Оно, надеюсь, не дань воспоминаниям об мистере Элтоне?

— Об мистере Элтоне? Вот еще! — пренебрежительно вскричала Гарриет. — Ах, нет... — И Эмма уловила еле слышное: — Сравниться ли мистеру Элтону...

Теперь Эмма задумалась серьезнее. Может быть, дальше не заходить? Остановиться на этом и сделать вид, будто она ничего не заподозрила?.. Пожалуй, Гарриет может принять это за признак холодности или недовольства — или, пожалуй, сочтет ее молчанье призывом излиться перед нею полнее, чем следует, меж тем как она решительно против прежней безудержной откровенности, этих непрестанных бесед начистоту о заветных видах и чаяниях... То, что надобно высказать и узнать, вероятно, разумнее высказать и узнать сразу. Всегда лучше действовать напрямик. Она уже наметила для себя границу, за которую нельзя выходить в ответ на подобного рода обращения, так не надежней ли будет для них обоих, если она без отлагательств огласит предостерегающий приговор своего рассудка?.. Да, решено — и она заговорила:

— Гарриет, я не хочу притворяться, будто не понимаю вас. Ваше решение, а вернее, предположение, что вы никогда не выйдете замуж, внушено мыслью, что человек, коему вы, может быть, отдали бы предпочтение, стоит слишком высоко, чтобы обратить на вас свои взоры. Разве не так?

— Ах, мисс Вудхаус, поверьте, я не дерзну рассчитывать... Я не совсем сошла с ума. Мне просто доставляет радость восхищаться им издалика, и изумляться... и с благодарностью, с благоговеньем, которых он заслуживает, в особенности от меня, думать, сколь он неизмеримо выше всех на свете.

— Меня это ничуть не удивляет, Гарриет. Он оказал вам такую услугу, что ваше сердце не могло этим не тронуться.

— Услугу? Ах, больше — неописуемое благодеянье! Стоит лишь вспомнить все это... и мои чувства, когда я увидела, что он подходит ко мне — с таким благородным видом... и то, что я вынесла перед тем... Эта внезапная перемена! В одну минуту все переменилось! От полного отчаянья — к полному счастью!

— Это очень естественно. Естественно — и достойно. Да, по-моему, сделать такой хороший выбор, с такими благодарными чувствами — достойно... Только, увы, не в моих силах обещать, что этот выбор окажется для вас удачным. Я вам советую, Гарриет, не поддаваться вашим

чувствам. Никоим образом не поручусь, что вам на них ответят. Подумайте хорошенько. Может быть, вам разумнее подавить свои чувства, пока не поздно, — во всяком случае, не отдавайтесь им безраздельно, ежели в вас нет уверенности, что вы ему нравитесь. Понаблюдайте за ним. Руководствуйтесь в ваших чувствах его поведением. Я предостерегаю вас теперь, потому что впредь никогда более не заговорю с вами об этом предмете. Я приняла решение не вмешиваться. Пусть уста наши ни разу не вымолвят ничьего имени. Мы раньше поступали неправильно — будем же теперь осмотрительней... Он выше вас по положению, это правда, вас разделяют преграды и препоны весьма серьезного свойства, и все же, Гарриет, случались и не такие чудеса — бывали еще более неравные браки. Но будьте осторожны. Я не хочу, чтоб вы лелеяли слишком радужные надежды, хотя, чем бы это ни кончилось, знайте, что, устремив свои помыслы к *нему*, вы выказали отменный вкус, и я умею оценить это по достоинству.

Гарриет с нemoю и покорной благодарностью поцеловала ей руку. А Эмма думала, что *такого* сорта привязанность определенно не повредит ее другу. Она будет возвышать и облагораживать ей душу и должна оградить ее от опасности уронить себя.

ГЛАВА 5

этом смешенье замыслов, надежд и молчаливого потворства застиг хозяйку Хартфилда июнь месяц. Вообще же в Хайбери его наступление не произвело существенных перемен. У Элтонов по-прежнему велись разговоры о приезде Саклингов и видах на их ландо; Джейн Фэрфакс по-прежнему жила у бабушки, где — так как возвращение Кемпбеллов из Ирландии опять откладывалось, теперь уже до августа — ей предстояло, по-видимому, прожить еще целых два месяца, при том условии, конечно, если бы удалось укротить благотворительную ретивость миссис Элтон и избежать досрочного и принудительного водворенья на восхитительное место.

Мистер Найтли, который по неведомым причинам с самого начала определенно невзлюбил Фрэнка Черчилла, день ото дня не любил его все больше. Он стал подозре-

вать, что Фрэнк Черчилл ведет нечестную игру, ухаживая за Эммой. То, что он избрал ее своим предметом, представлялось неоспоримым. Об этом свидетельствовало все: внимание, которое он ей оказывал, намеки его отца, тонкие умолчания его мачехи — все сходилось на одном, говорило о том же — слова и недомолвки, сдержанность и несдержанность. И покамест его с таким единодушием прочили Эмме, а сама Эмма прочила его Гарриет, у мистера Найтли зародилось подозрение, что он не прочь приволокнуться за Джейн Фэрфакс. Он ничего не понимал, но были признаки, что между ними существует некая связь, по крайней мере, так ему казалось — признаки того, что он восхищается" ею, и мистер Найтли, обнаружив их, уже не мог убедить себя, что они ничего не значат, хоть меньше всего желал бы сделаться, уподобясь Эмме, жертвою собственного воображения. Первые подозрения появились у него в отсутствие Эммы. Вместе с Уэстонами, их сыном и Джейн он в тот день обедал у Элтонов и заметил — притом, не раз, — что молодой человек посылает мисс Фэрфакс взгляды, не совсем уместные со стороны поклонника мисс Вудхаус. Когда он снова оказался в их обществе, то уже не мог не вспомнить увиденное и удержаться от наблюдений, которые — если только с ним не происходило то, о чем Уильям Купер, глядя в сумерках на огонь в камине, сказал: «То, что я вижу, мной сотворено», — еще более подтверждали его подозрения, что Фрэнк Черчилла и Джейн связывает тайная склонность... даже, может быть, тайное согласие.

Однажды после обеда он, как это частенько бывало, отправился провести вечер в Хартфилде. Эмма и Гарриет собирались на прогулку; он пошел с ними, а на обратном пути их нагнала большая компания, которая, как и они, предпочла совершить моцион пораньше, так как собирался дождь: то были мистер и миссис Уэстон с сыном и мисс Бейтс со своею племянницей, которые случайно встретились им по дороге. Дальше все пошли вместе, и, когда поравнялись с воротами Хартфилда, Эмма, зная, как обрадует ее батюшку приход таких гостей, стала усердно зазывать их зайти и откусать с ними чаю. Семейство из Рэндалса тотчас согласилось, и мисс Бейтс, после странной речи, которую мало кто слушал, тоже сочла возможным принять любезнейшее приглашение дорогой мисс Вудхаус.

Они входили в ворота, когда мимо проехал верхом мистер Перри. Мужчины заговорили об его коне.

— Кстати,— сказал через минуту Фрэнк Черчилл, оборотясь к миссис Уэстон,— а как планы мистера Перри обзавестись коляской?

Миссис Уэстон сделала удивленное лицо.

— Я не знала, что у него есть такие планы.

— Как же, ведь я узнал это от вас. Вы мне писали об этом три месяца тому назад.

— Я? Быть не может!

— Уверяю вас. Я прекрасно помню. Писали как о событии, которое должно произойти очень скоро. Так сообщила кому-то миссис Перри с большим торжеством. Это *она* настояла, считая, что ему чрезвычайно вредно постоянно, бывать под открытым небом в ненастную погоду. Ну, вспомнили теперь?

— Даю вам слово — первый раз слышу.

— Первый раз? В самом деле? Вот так штука!.. Откуда же я взял... Приснилось тогда, должно быть,— а я совершенно был убежден... Мисс Смит, вы едва бредете. Устали? Бодритесь, сейчас будете дома.

— Что-что? — встрепенулся мистер Уэстон.— Что там насчет Перри, Фрэнк? Говоришь, собирается завести коляску? Рад, что он может себе это позволить. От него самого об этом слышал, да?

— Нет, сэр,— смеясь, отозвался его сын.— Получается, что ни от кого не слышал... Странная вещь!.. Убежден был, что миссис Уэстон излагала это со всеми подробностями в одном из писем в Энскум — правда, много недель миновало,— но раз она утверждает, что ни звука об этом не слыхала, то, стало быть, конечно, приснилось. Я, знаете ли, горазд видеть сны. Как уеду отсюда, все те, которые остались в Хайбери, являются ко мне в снах, а когда весь запас близких друзей исчерпан, мне начинают сниться мистер и миссис Перри.

— Но удивительно,— заметил его отец,— что ты видел такой связный, отчетливый сон про людей, о которых тебе, казалось бы, нет особых причин вспоминать, когда ты в Энскуме. Что Перри заводит себе экипаж, и что на этом настояла его жена, тревожась за его здоровье,— то есть, именно то, что и сбудется рано или поздно, без сомненья. Только ты это видел чуточку раньше. До чего подчас правдивы бывают сны! А подчас — сплошные нагромождения невероятного! Во всяком случае, Фрэнк, твой сон показывает, что Хайбери присутствует в твоих мыслях, когда тебя здесь нет... Эмма, вы, ежели я не ошибся, тоже большая мастерица видеть сны?

Но Эмма не слышала его. Она ушла далеко вперед, торопясь подготовить отца к появлению гостей, и многозначительный призыв мистера Уэстона не достиг ее.

— Признаться откровенно,— подала голос мисс Бейтс, которая вот уже две минуты безуспешно пыталась вставить слово,— ежели на то пошло, мистер Фрэнк Черчилл, возможно... нет, я не отрицаю, что он мог это видеть во сне, мне и самой такое порой приснится, что... но если вы спросите мое мнение — не скрою, этой весной такая мысль была. Миссис Перри сама поделилась ею с матушкой, и Коулы тоже знали, но кроме нас — никто, так как это был секрет, и просуществовала она дня три, не больше. Миссис Перри ужасно волновалась, что у него нет коляски, а он в то утро как будто начал ей уступать и она на радостях прибежала сказать матушке. Помнишь, Джейн, бабушка нам рассказывала, когда мы пришли домой? Куда бишь мы в тот раз ходили, я забыла — не в Рэндалс ли? Да, по-моему, в Рэндалс... Миссис Перри с давних пор любит матушку — да и кто ее не любит — и поделилась с нею по секрету. Не возражала, понятно, чтобы матушка рассказала нам, но с условием, что это не пойдет дальше, и, сколько помню, я с тех пор и по сей день не помянула об этом ни единой живой душе. Но в то же время не исключаю, что у меня разок-другой мог вырваться намек... я знаю, со мною так бывает — не успею спохватиться, как уже выпалю то, что не следует. Я, знаете ли, болтушка, страшная болтушка, и мне случалось иной раз сболтнуть лишнее. Я не Джейн, к большому сожалению. За *нее* я поручусь вполне — никогда ничегошеньки не выдаст. Джейн, ты где? А, отстала немножко... Ясно помню, как к матушке приходила миссис Перри... Да, необыкновенный сон!

Они входили в прихожую. Когда мисс Бейтс оглянулась на Джейн, ее опередил взгляд мистера Найтли. Он перевел его невольно на ее лицо с лица Фрэнка Черчилла, на котором заметил — или ему почудилось? — смущение, мгновенно прикрытое смехом; но Джейн и точно отстала и деловито поправляла на себе шаль. Мистер Уэстон вошел в дом. Двое оставшихся мужчин расступились у дверей, пропуская ее вперед. Мистер Найтли подозревал, что Фрэнк Черчилл пытается поймать ее взгляд — он смотрел на нее не отрываясь,— но ежели так, то напрасно: Джейн прошла мимо них в прихожую, не взглянув ни направо, ни налево.

Для дальнейших реплик и объяснений не оставалось

времени. Пришлось удовольствоваться предположением насчет сна — пришлось мистеру Найтли расположиться вместе со всеми за новым круглым большим столом, который своею властью завела в Хартфилде Эмма — никому, кроме Эммы, не удалось бы поставить его на это место и уговорить отца пользоваться им, а не маленьким пембруком, за которым мистер Вудхаус дважды в день трапезничал в тесноте и неудобстве сорок лет подряд. Чай прошел очень мило, и никто не торопился выходить из-за стола.

— Мисс Вудхаус,— сказал Фрэнк Черчилл, обследовав столик у себя за спиной, до которого мог дотянуться, не вставая,— что, ваши племянники забрали с собою свой алфавит — коробку с буквами? Она прежде стояла здесь. Куда она подевалась? Нынче как-то пасмурно, в такой вечер тянет к зимним забавам, а не летним. Помните, как мы славно скоротали однажды утро, угадывая слова? Не угодно ли вам поломать голову еще раз?

Эмма с удовольствием ухватила за эту мысль; в одну минуту извлечена была коробка, рассыпаны буквы по всему столу, и оба приступили к игре с азартом, который, казалось, не слишком разделяли остальные. Они проворно составляли слова друг для друга и для всякого, который изъявлял желание их угадывать. Больше всего это тихое занятие соответствовало вкусу мистера Вудхауса, который не однажды приходил в расстройство от более оживленных забав, затеваемых время от времени мистером Уэстоном, а теперь мог в полное свое удовольствие предаваться с нежною грустью сожалениям об отъезде «бедных бутузи-ков» либо, подцепив поблизости от себя заблудшую букву, любовно указывать, как красиво вывела ее Эмма.

Фрэнк Черчилл положил стопочку букв перед мисс Фэрфакс. Она окинула быстрым взглядом стол и принялась за дело. Фрэнк сидел рядом с Эммой, Джейн — напротив них, а мистеру Найтли видны были с того места, где он сидел, все трое сразу, и он старался как можно менее заметно увидеть как можно больше. Слово было угадано и с легкою улыбкой отодвинуто прочь. Ежели предполагалось, что оно тут же смешается с ворохом букв и скроется от глаз, то ей бы следовало смотреть на стол, а не напротив — ибо оно не смешалось, и Гарриет, которая набрасывалась на каждое новое слово и ни одного не могла угадать, немедленно его подхватила и начала трудиться над ним. Она сидела возле мистера Найтли и скоро воззвала к нему о помощи. Оказалось, что это «оплошность», и, когда Гарриет с ликованием огласила разгадку,

у Джейн зарделись щеки, отчего это слово обрело примечательность, которой, когда бы так не случилось, было бы лишено. Мистер Найтли связывал его с пресловутым сном, но как это все могло быть — он понимать отказывался. Что случилось с деликатностью, скромностью его любимицы? Он боялся, что ее определенно опутали. На каждом шагу вставляли пред ним изворотливость и двуличие. Эти буквы были не что иное, как орудие обольщения и обмана. Детская игра, избранная служить прикрытием двойной игры, которую вел Фрэнк Черчилл.

С возмущением продолжал он наблюдать за ним, наблюдать с возрастающей тревогой, не веря своим глазам, и за обеими своими ослепленными приятельницами. Он видел, как для Эммы подобрали короткое слово, как с затаенной и коварной усмешкой подали его ей. Видел, что Эмма без труда его разгадала и нашла в высшей степени забавным, хотя, должно быть, и содержащим в себе нечто предосудительное, ибо она произнесла: «Глупости! Как вам не стыдно!» И вслед за тем услышал, как Фрэнк Черчилл, показав глазами на Джейн, сказал: «Дам-ка его ей — дать?» — и как Эмма, давясь от смеха, запротиворечила: «Нет-нет, не надо, я вам решительно не позволяю».

Но это не возымело действия. Галантный молодой человек, который, кажется, умел любить без сердца и располагать к себе без особых церемоний, немедленно подал буквы Джейн и с преувеличенно смиренной учтивостью предложил их ее вниманию. Мистер Найтли, снедаемый любопытством узнать, какое это слово, поминутно косился на них и быстро смекнул, что это «Диксон». Джейн, судя по всему, не отстала от него в сообразительности, но, разумеется, лучше уловила дополнительное значение, скрытый смысл, который заключали в себе шесть букв, расположенные в таком порядке. Она явно осталась им недовольна; подняла глаза, увидела, что за нею пристально следят, густо, как никогда на его памяти, покраснела и, бросив: «Я полагала, имена собственные не разрешаются», — порывисто, даже с сердцем, отодвинула от себя буквы, показывая своим видом, что более не даст вовлечь себя в это занятие. Она с решимостью отвернулась от своих нападчиков и обратилась лицом к тетке.

— Да, милая, ты совершенно права, — вскричала та, хотя Джейн не проронила ни слова, — я как раз собиралась это сказать. Нам в самом деле пора идти. Время позднее, и бабушка, я думаю, нас заждалась... Сударь, вы

необычайно любезны... Так что мы вынуждены пожелать вам покойной ночи.

Джейн откликнулась на этот призыв с готовностью, свидетельствующей, что тетушка поняла ее верно. Она очутилась на ногах во мгновение ока, порываясь выбраться из-за стола, но многие тоже задвигали стульями и это ей не удавалось; мистер Найтли мельком видел, как к ней озабоченно пододвинули еще одну стопочку букв и она, не взглянув на них, решительно смела их прочь... Потом она искала свою шаль — искал ее и Фрэнк Черчилл, — уже смеркалось, в комнате царила неразбериха и мистер Найтли не узнал, как они расстались.

Он задержался в Хартфилде после того, как все ушли, переполненный тем, что видел, в такой мере, что, когда на помощь его наблюдательности явились свечи, почувствовал, что должен, — да, непременно должен, как друг, заботливый друг — сделать Эмме один намек, задать один вопрос. Он не имел права, видя ее в столь опасном положении, не попытаться уберечь ее. Это была его обязанность.

— Скажите, Эмма, — начал он, — могу я знать, чем вас так позабавило последнее слово, предложенное вам и мисс Фэрфакс? В чем его соль? Я видел, что это за слово, и мне любопытно, каким образом оно могло так распотешить одну из вас и так глубоко задеть другую.

Эмма смешалась — и очень. У ней язык не поворачивался объяснить ему, как обстоит дело, ибо, хоть подозрения ее никоим образом не исчезли, ей, честно говоря, стыдно было, что она проговорила о них кому-то.

— Ах, это! — воскликнула она в очевидном замешательстве. — Это мы просто так... Шутили между собою.

— Шутили, мне кажется, только вы с мистером Черчиллом, — серьезно возразил мистер Найтли.

Он надеялся, что она скажет что-нибудь на это, но она молчала. Она находила себе то одно, то другое занятие — лишь бы не разговаривать. Мистера Найтли одолевали сомненья. Зловещие мысли, сменяя друг друга, проносились у него в голове. Вмешаться? Но что пользы? Смущение Эммы, ее молчаливое признание коротких отношений с молодым человеком показывали, что сердце ее несвободно. И все же надобно было ей сказать. Что бы ни рисковал он услышать в ответ на непрощенное вмешательство — все лучше, чем рисковать ее благополучием; лучше навлечь на себя что угодно, нежели корить себя после за то, что он в такую минуту пренебрег своим долгом.

— Милая Эмма,— произнес он наконец с большою сердечностью,— вы совершенно уверены, что вам понятен характер знакомства между тем господином и тою девицей, о которых у нас шла речь?

— Между мистером Фрэнком Черчиллом и мисс Джейн Фэрфакс? О да, совершенно!.. Отчего вы в этом усумнились?

— И у вас никогда, ни разу не было оснований думать, что она нравится ему, а он — ей?

— Ни разу, никогда! — искренне и горячо воскликнула Эмма.— Никогда ни на секунду мне такое не приходило в голову. Не понимаю, откуда у вас взялась эта мысль?

— Я вообразил себе в последнее время, что наблюдаю меж ними приметы взаимной склонности — многозначительные взгляды, не предназначенные для посторонних глаз...

— Вот насмешили! Очень рада, что вы соблаговолили дать волю своему воображению, но оно завлекло вас в дебри. Сколь мне ни жаль с первого же раза прерывать его полет, но только ничего этого нет. Могу уверить вас, между ними нет никакой взаимной склонности, а видимость, которая ввела вас в заблуждение, проистекает из неких особых обстоятельств — вернее, чувств — совершенно иного рода... Все это трудно поддается объяснению, тут примешана доля всяческого вздора... но одно можно сказать прямо и определенно — ничего похожего на влечение или склонность друг к другу меж ними нет и в помине. То есть, говоря о ней, я *предполагаю* это — говоря о нем, могу в этом *поручиться*. Ручаюсь, что он к ней равнодушен.

Это сказано было с апломбом, который ошеломил мистера Найтли,— с самодовольством, от которого он онемел. Эмма пришла в оживленье, ей хотелось продолжить разговор, выведать подробности о его подозрениях, услышать описание каждого взгляда, узнать досконально, где и как зародилось это невероятно занимательное предположение,— но он не разделял ее веселости. Он убедился, что не может быть ей полезен, и пребывал в слишком раздраженных чувствах, чтобы заниматься болтовнёю. И дабы упомянутые чувства не воспламенились окончательно подле камина, который пылал здесь по вечерам круглый год, как того требовали изнеженные привычки мистера Вудхауса, он вскоре поспешил откланяться и зашагал навстречу прохладе и уединению Донуэллского аббатства.

олго потчевали обитателей Хайбери надеждами на скорый приезд мистера и миссис Саклинг, и тем обидней им было узнать, что он не может состояться ранее осени. До тех пор такое событие не обогатит их духовные запасы новизною впечатлений. В повседневном обмене новостями им приходилось вновь ограничивать себя другими предметами, к которым прибавился было на время визит Саклингов, а именно: последними сведениями о здоровье миссис Черчилл, какие имели тенденцию меняться со дня на день, — и положением миссис Уэстон, которая ждала ребенка, чье появление на свет должно было осчастливить ее в будущем, а весть о нем уже осчастливила ее соседей в настоящем.

Миссис Элтон была разочарована до крайности. Откладывалось столько удовольствий — и столько случаев ими почваниться! Знакомства, рекомендации — со всем этим приходилось подождать; все предполагаемые увеселенья оставались до времени лишь разговорами... Так думала она вначале — однако по некотором размышлении сделала вывод, что откладывать все незачем. Что мешает им, даже если Саклинги не приедут, предпринять прогулку на Бокс-хилл? А осенью побывать там еще раз, вместе с ними? Прогулка на Бокс-хилл была задумана давно. Все вокруг давно знали, что она должна состояться — кое-кто даже перенял эту мысль. Эмма никогда не бывала в тех местах, и ей хотелось посмотреть, что там достопримечательного, чем все ездят любоваться. И они с мистером Уэстоном условились, что выберут как-нибудь погожее утро и съезжают туда. Решено было взять с собою только двух-трех избранных и обставить все тихо, скромно, просто, что в тысячу раз изысканнее, чем суматошливые приготовления, трапезы и возлиянья по всей форме и показная шумиха, которыми сопровождаются пикники у таких господ, как Элтоны и Саклинги.

Обо всем этом они договорились между собою столь ясно, что для Эммы было неожиданностью — и довольно неприятной — услышать от мистера Уэстона, что он предложил миссис Элтон, раз ее братец и сестра подвели ее, объединиться двумя компаниями и ехать сообща, на что миссис Элтон немедленно отвечала согласием; а потому, ежели у нее нет возражений, то так тому и быть. А как все возраженья Эммы сводились бы к тому, что она тер-

петь не может миссис Элтон, о чем мистер Уэстон должен был уже и без того прекрасно знать, то приводить их заново не имело смысла, тем более что сделать это — значило бы укорить его и тем самым причинить огорчение его жене. Таким образом, Эмма вынуждена оказалась принять условия, которые стремилась бы всеми способами избежать — унижительные условия, когда, пожалуй, могли сказать, что это миссис Элтон соблаговолила взять ее с собою! Она была возмущена до глубины души и хотя внешне, покорясь обстоятельствам, ничем себя не выдала, но * втайне долго еще сурово осуждала мистера Уэстона за неразборчивое и безудержное дружелюбие.

— Значит, вы меня одобряете — вот и славно, — безмятежно заключил между тем сей последний. — Я так и думал. В таких делах главное — большая компания. Чем больше, тем лучше. Где много народу, там и весело. Да и она, в конце концов, добродушная бабенка. Негоже было бы ее обойти.

Эмма вслух ничего не оспаривала, но про себя ни с чем не согласилась.

Близилась середина июня, погода стояла прекрасная, и миссис Элтон не терпелось поскорее назначить день, разрешить с мистером Уэстоном все вопросы о пирожках с голубятиной и холодной баранине — как вдруг захромала одна из выездных лошадей и вся затея повисла в воздухе. Недели пройдут или всего лишь несколько дней, покуда лошадь можно будет запрягать, — никто не знал, но заниматься приготовлениями не отваживались; во всем наступил тоскливый застой. Миссис Элтон, при всех своих ресурсах, дрогнула под неожиданным ударом судьбы.

— Ну не досада ли, Найтли? — восклицала она. — И погода как на заказ!.. Эти отсрочки и неурядицы просто несносны. Как нам быть?... Эдак, пожалуй, и год кончится, а мы ничего не успеем. В прошлом году, верьте слову, мы к этому времени уже совершили восхитительную прогулку из Кленовой Роши в Кингсуэстон...

— А вы бы совершили прогулку в Донуэлл, — отозвался мистер Найтли. — И лошадей не понадобится. Приходите отведать моей клубники. Она, того и гляди, поспеет.

Может быть, мистер Найтли затеял разговор об этом в шутку, но продолжать его пришлось серьезно, так как предложение было с восторгом подхвачено и недвусмысленное: «О, с величайшим наслаждением!» — подкреплялось столь же недвусмысленным тоном и выражением лица. Донуэлл славился своею клубникой, так что подобное

приглашение было оправданным, но оправдания даже не требовалось: его собеседница прельстилась бы и капустным полем, ей важен был лишь предлог куда-нибудь пойти. Она вновь и вновь давала ему заверения, что придет, — хоть он и так едва ли в этом сомневался — и не скрывала своего довольства таким подтверждением дружеской близости, таким, как она предпочитала думать, почетным комплиментом своей особе.

— Можете на меня рассчитывать, — говорила она. — Буду непременно. Назовите мне день, и я приду. Вы разрешите мне привести с собою Джейн Фэрфакс?

— День, — отвечал он, — я не могу назвать, покуда не поговорю еще кое с кем, кого буду просить составить вам компанию.

— Ах, это вы предоставьте мне. Дайте мне только карт-бланш... Я буду дама-патронесса! Ведь это мой праздник. Я сама приведу друзей.

— Вы, надеюсь, приведете Элтона, — сказал он, — но больше никого приглашать не трудиться, это моя забота.

— У, с каким хитрым видом это сказано!.. Нет, правда, меня вы можете без страха облечь властью. Я — не молоденькая девица, непривычная к высокой должности. На замужнюю женщину, знаете ли, можно положиться спокойно. Это мой праздник. Я беру на себя его устройство. Я приглашу к вам гостей по своему усмотрению.

— Нет, — возразил он невозмутимо. — На свете есть только одна замужняя женщина, которой я мог бы доверить приглашать в Донуэлл гостей по своему усмотрению, и это...

— Миссис Уэстон, надобно полагать, — с обидой в голосе перебила его миссис Элтон.

— Нет — миссис Найтли. И покамест таковая не появится, я буду в подобных случаях распоряжаться сам.

— Ах, какой вы чудак! — воскликнула она, довольная, что он никого ей не предпочел. — Вы — оригинал, и вольны говорить все, что вам вздумается. Большой оригинал... Ладно, я приведу с собою Джейн — Джейн и ее тетку, а остальных предоставляю вам. Пусть и Вудхаусы будут, я ничего не имею против. Можете не стесняться. Я знаю, вы с ними дружны.

— Всенепременно будут, ежели мне посчастливится их уговорить. А к мисс Бейтс я заверну нынче же, по дороге домой.

— В этом вовсе нет надобности — я вижусь с Джейн каждый день... а впрочем, как вам угодно. Соберемся спо-

заранку, Найтли, и попросту. На мне будет шляпа с большими полями... на руку повешу корзиночку... Вот эту, пожалуй,— с розовою лентой. Видите, совсем-совсем простенько. И у Джейн будет такая же. Без этих церемоний, без парада — полное приволье. Разбредемся по саду, будем своими руками рвать клубнику, сидеть под деревьями, и если вам вздумается нас угощать еще чем-нибудь, то чтобы на открытом воздухе — пусть стол накроют где-нибудь в тени... Чтобы как можно проще, естественнее. Вы себе так это представляете, верно?

— Не совсем. По-моему, самое простое и естественное — накрыть стол в столовой. Так как у дам и господ естественность и простота сопряжены с мебелью и прислугой, то ее легче соблюсти, я думаю, угощаясь под крышей. Когда вам наскучит есть клубнику в саду, вас будет ждать холодная закуска в доме.

— Что ж, воля ваша... только не затевайте ничего грандиозного. И кстати, может быть, нужно, чтобы я или моя экономка помогли вам советом? Вы не стесняйтесь, Найтли. Хотите, я поучу миссис Ходжес или послежу, как...

— Весьма признателен, но не имею ни малейшего желанья.

— Как знаете, но если вдруг возникнут трудности... моя экономка — профессор в своем деле.

— Ручаюсь вам, что моя тоже почитает себя профессором и не потерпит, чтобы кто-нибудь ее поучал.

— Какая жалость, что у нас нет ослика... Это было бы самое идеальное — мы с Джейн и мисс Бейтс верхом на осликах, а мой саго сросо шагал бы рядом. Нужно будет серьезно с ним обсудить, не завести ли нам ослика. Я чувствую, при сельской жизни это своего рода необходимость. Ведь невозможно женщине все время сидеть дома, каковы бы ни были ее внутренние ресурсы... А далеко ходить пешком — вы сами понимаете... Летом пыльно, зимою — грязь.

— От Хайбери до Донуэлла вам не встретится ни то, ни другое. Пыли на донуэллской дороге вообще не бывает, а в эту сушь и грязи нет. Впрочем, приезжайте на ослике, ежели вам так угодно. Я бы желал, чтобы все было как можно более вам по вкусу.

— В этом-то я уверена. Не беспокойтесь, я оценила вас по достоинству, мой добрый друг. Я знаю, за этою суховатой, резкой манерой скрывается золотое сердце. Вы просто большой оригинал, я и мистеру Э. так говорю... Да, можете мне поверить, Найтли, я очень чувствую,

что вся эта затея — свидетельство вашего внимания ко мне. И как вы верно угадали, чем меня побаловать!..

У мистера Найтли имелся свой резон не накрывать стол под деревом. Он собирался склонить не только Эмму, но и мистера Вудхауса принять участие в увеселенье и предвидел, что угощать гостей снаружи — значило бы обречь мистера Вудхауса на муки. Неблаговидно было бы соблазнить мистера Вудхауса прокатиться поутру на чашок-другой в Донуэлл и под этим предлогом заманить его на пытку.

Приглашение сделано было с чистой совестью. Мистера Вудхауса не подстерегала зловеющая опасность поплатиться за свою доверчивость. И он дал согласие. Он не был в Донуэлле уже два года. Вот установится хорошая погода, и как-нибудь утром прекрасно можно будет прокатиться с Эммой и Гарриет — он посидит покойно с миссис Уэстон, а они, душеньки, могут тем временем погулять в саду. В июньский полдень, вероятно, там не будет сыро. Он с наслаждением снова навестит старинный дом и очень будет рад повидать мистера и миссис Элтон и остальных соседей... Да, отчего бы ему, в самом деле, не прокатиться туда с Эммой и Гарриет утречком, по хорошей погоде? Он находит, что это чрезвычайно удачная мысль — очень разумное и любезное приглашение — и молодец мистер Найтли, что не устроил званый обед. Ну их совсем, эти званые обеды...

Мистеру Найтли повезло: никто не отклонил его приглашения. Его принимали повсюду с такой готовностью, как если б каждый, подобно миссис Элтон, полагал, что прием затевается единственно ради него. Эмма и Гарриет объявили, что ждут от него бесчисленных удовольствий; мистер же Уэстон, в знак одобрения и благодарности, обещался, если удастся, вызвать ради такого случая Фрэнка, хотя его о том не просили... Мистеру Найтли не оставалось ничего другого, как сказать, что он будет очень рад, и мистер Уэстон успокоил его, что напишет, не теряя времени, и не поскупится на доводы, чтобы уговорить его приехать.

Хромая лошадь между тем столь быстро оправилась, что уже снова радостно обсуждалась прогулка на Бокс-хилл, и кончилось тем, что Донуэлл назначили на один день, а Бокс-хилл — на следующий; погода тому благоприятствовала.

Под ярким полуденным солнцем, в самый, можно сказать, разгар лета, мистер Вудхаус благополучно прибыл

в своей карете — спустив одно окошко! — для участия в увеселении на лоне природы, проследовал в одну из лучших комнат, где в ожидании его приезда с утра топили камин и, удобно расположась, весьма собою довольный, изготовился с приятностью рассказывать о своих свершениях и советовать всем и каждому посидеть в доме и не перегреваться на солнце... А когда всех прочих звали или уводили в сад, то его сочувственной и терпеливой слушательницей оставалась миссис Уэстон, которая, казалось, пришла сюда пешком с единою целью утомиться и неотлучно сидеть при нем.

Эмма так давно не была в аббатстве, что, как только удостоверилась, что ее батюшка устроен с удобством, радостно поспешила наружу оглядеть все вокруг, освежить и пополнить свои воспоминания об этом доме, этом поместье, представляющем для нее и всего ее семейства такой интерес теперь и в будущем,— внимательнее ко всему присмотреться, лучше узнать. С гордостью и самодовольством, законными при тех родственных узах, которые связывали ее с нынешним и с будущим владельцем имения, обзревала она внушительные размеры и стиль дома, его удачное, своеобразное и выгодное местоположение в низинке, закрытой со всех сторон; роскошный сад, за которым простирались луга, омываемые речкой, почти не видной из дома, построенного, как строили в старину, с пренебрежением к видам, открывающимся из окон; густые ряды деревьев в рощах и вдоль аллей, не поредевшие в угоду моде или расточительности... Дом был больше чем Хартфилд, и в совершенно ином духе — неправильной формы, со множеством удобных, а в редких случаях и красивых комнат, он беспорядочно раскинулся на довольно обширном пространстве — такой, каким ему и надлежало быть; такой, без обмана, каким он выглядел,— Эмма все глубже проникалась уважением к этому родовому гнезду чистокровного, истинного, доблестного дворянства. Пускай у мистера Джона Найтли нрав был безупречен, но Изабелла не ошиблась в выборе. За достоинства, за имя и имения тех, с которыми она породнила свое семейство, можно было не краснеть... То были приятные размышленья, и, предаваясь им, она гуляла, пока не настало время идти, как другие, рвать клубнику прямо с грядок. Все общество было в сборе, за исключением Фрэнка Черчилла, которого ждали из Ричмонда с минуты на минуту, и миссис Элтон, при полном снаряжении, необходимом ей для счастья: в широкополой шляпе и с корзиночкой,

сразу обнаружила готовность показать, кто здесь первая фигура; собирала ли она ягоды, принимала ли подношения или разговаривала — о клубнике, и только о клубнике, больше ни о чем никому сказать, или хотя бы подумать, не дозволялось. «Нет в Англии ягоды вкуснее — всеми любима — каждому полезна. Образцовые грядки — отборные сорта. Восхитительно рвать своими руками — тогда лишь вы получаете подлинное удовольствие. Утренние часы определенно наилучшее время — она никогда не устает — каждый сорт по-своему хорош — мускусная гораздо вкуснее — никакого сравнения — другие сорта почти несъедобны — мускусная попадаетея реже всего — она больше любит чилийскую землянику — которой далеко до лесной — цены на клубнику в Лондоне — под Бристолем целые плантации — в Кленовой Роще — как взрыхлять землю — когда пересаживать — каждый садовник говорит свое — единого правила не существует — садовника переучить очень трудно — отличная ягода — но чересчур сочна и быстро приедается — вишня вкуснее — смородина больше освежает — если бы только не нагибаться — солнце палит нещадно — смертельно устала — нет никаких сил — должна пойти и сесть в тени».

К этому сводился на протяжении получаса весь разговор, прерванный лишь однажды, когда из дома, движимая беспокойством за пасынка, вышла миссис Уэстон осведомиться, не приехал ли он, — ей уже становилось не по себе. Его лошадь не внушала ей большого доверия.

Все, кто как умел, разместились в тени, и теперь Эмме пришлось, самой того не желая, слушать, о чем миссис Элтон ведет разговоры с Джейн. Обсуждалось предлагаемое место — не место, а мечта! Миссис Элтон уведомили о нем нынче утром, и она была в упоенье. Оно объявилось не у миссис Саклинг, и не у миссис Брэгг, но разве что им одним уступало в заманчивости и великолепии; объявилось оно у кузины миссис Брэгг и приятельницы миссис Саклинг — дамы, вхожей в Кленовую Рощу. Восхитительное, дивное, превосходное — избранный круг, высшее общество, положение, сферы и все прочее, — миссис Элтон выходила из себя, доказывая, что необходимо немедля соглашаться. Она торжествовала, она горячилась, она наступала; она не желала слушать никаких возражений, хотя ее приятельница по-прежнему пыталась ей втолковать, что до поры до времени никуда поступать не намерена, приводя те же мотивы, ко-

торые Эмма уже однажды слышала. Миссис Элтон продолжала добиваться, чтобы ее уполномочили завтра же отправить с первой почтой положительный ответ... Эмма только дивилась, откуда у Джейн берется терпение все это выносить. Раз или два на лице у нее промелькнула досада, раз или два она отвечала резко — и наконец, с решимостью, обыкновенно ей несвойственной, предложила встать и пройтись. Не пойти ли им прогуляться? Может быть, мистер Найтли покажет им весь сад — и парк? Ей бы хотелось осмотреть весь донуэллский парк. Как видно, приятельница все-таки доняла ее своею навязчивостью.

Было жарко; походив вразброд по саду — кто поодиночке, кто по двое, — все незаметно потянулись друг за другом под благодатную сень короткой и широкой липовой аллеи, которая выходила из парка и кончалась на полпути к реке, как бы замыкая пределы усадьбы. Она никуда не вела — никуда, если не считать кругозора, который открывался за низкой каменной оградой с высокими столбами, воздвигнутыми, по всей видимости, с целью обозначить подъезд к дому, хотя дом стоял вовсе не там. Уместность подобного завершения могла представляться спорной, но сама аллея была прелестным местом для прогулок и вид в конце ее открывался обворожительный. Покатый склон, почти у подножия которого раскинулось аббатство, спускаясь, становился круче и в полумиле от границ усадьбы заканчивался величественным обрывом, сплошь одетым лесом, — а под обрывом, в укромном и живописном уголке, красиво обрамленном речною излучиной, высилась, глядя на заливные луга, ферма Эбби-Милл.

Вид был чудесный — ласкающий глаз и душу. Английская зелень, английский уют; английский ландшафт, залитый лучами яркого, но милосердного солнца.

На этой аллее Эмма и мистер Уэстон застали все общество, и она тотчас заметила, что шествие к виду над обрывом, потихоньку отделяясь от остальных, возглавляют мистер Найтли и Гарриет. Мистер Найтли — и Гарриет!.. Неожиданный тет-а-тет — впрочем, Эмму он порадовал. Было время, когда мистер Найтли отверг бы такую собеседницу, отвернулся бы от нее без особых церемоний. Теперь он был, судя по всему, увлечен приятным разговором. Было также время, когда Эмма насторожилась бы, увидев Гарриет в таком месте, откуда ферма Эбби-Милл являлась взорам в столь выигрышном свете; теперь ей было не страшно. Зрелище фермы во всей ее красе и благоденствии — с тучными пастбищами, ленивыми стадами, са-

дом в цвету и легким дымком, курящимся над крышей — уже не представляло опасности... Подойдя к ограде, Эмма стала рядом с ними и убедилась, что они более поглощены беседой, нежели созерцанием окрестности. Он делился с Гарриет сведениями по части сельского хозяйства, и Эмме досталась улыбка, которая, казалось, говорила: «Все это занимает меня самого. Я вправе толковать о подобного рода предметах, не навлекая на себя подозрений в умысле напомнить кому-то о Роберте Мартине». У нее и не было таких подозрений. Эта история давно канула в прошлое. Роберт Мартин, наверное, и думать забыл о Гарриет... Они несколько раз прогулялись втроем туда и обратно по аллее. В тени дышалось легко, и для Эммы это были самые отрадные минуты за весь день.

Отсюда все направились в дом — их приглашали закусить; общество расселось за столом, занялось едою, а Фрэнк Черчилл все не ехал. Миссис Уэстон глаза проглядела, высматривая его, но тщетно. Его отец не видел причин волноваться и смеялся над ее страхами, но она не могла от них избавиться и продолжала сокрушаться, зачем он не расстался со своею вороной кобылой. Он в этот раз с полной определенностью дал понять, что придет! Его тетеньке несравненно лучше, и у него не было сомнений, что он к ним попадет... Однако здоровье его тетеньки, дружно напомнили ей в ответ, подвержено столь прихотливым колебаниям, что самые основательные предположения ее племянника могут расстроиться в одну минуту, и в конце концов миссис Уэстон убедили — так, по крайней мере, она сказала — что ему, должно быть, и вправду помешал приехать какой-нибудь внезапный недуг миссис Черчилл. Пока происходили дебаты, Эмма поглядывала на Гарриет; та держалась прекрасно и ничем не выдавала своих чувств.

С холодною закуской покончили; теперь обществу предстояло снова выйти наружу и осмотреть то, что оставалось осмотреть: старинные пруды, в которых разводили рыбу; может быть, дойти и до клеверного поля, которое завтра начинали косить — во всяком случае, еще раз испытать удовольствие побыть на жаре и воротиться в прохладу... Мистер Вудхаус, который успел совершить легкий моцион по самой возвышенной части парка, где даже он не мог учуять малейшей сырости от реки, уже не тронулся с места, и его дочь решила остаться при нем, чтобы миссис Уэстон, которой полезно было отвлечься от своих тревог, могла пройти вместе с мужем.

Мистер Найтли заранее позаботился сделать все, чтобы мистер Вудхаус не скучал. Его старого друга поджидали альбомы с гравюрами, витринки с медалями, камнями, кораллами, раковинами и так далее, выдвинутые из шкафов, в которых сохранялись фамильные собрания — и заботы доброго хозяина не пропали даром. Мистер Вудхаус не скучал ни минуты. Все утро миссис Уэстон показывала ему коллекции, и он, с детской неразборчивой любознательностью ко всяческим диковинкам и со старческой медлительностью, скрупулезностью и кропотливостью, жаждал теперь показать их Эмме... Перед началом этой вторичной демонстрации Эмма на несколько минут вышла в прихожую, чтобы посмотреть без помех на вход и общий план дома, и не успела она ступить за дверь, как из сада — впопыхах и с таким видом, словно за нею гонятся, — показалась Джейн Фэрфакс. Не ожидая, по-видимому, столкнуться прямо на пороге с мисс Вудхаус, она вздрогнула; впрочем, как выяснилось, именно мисс Вудхаус и была ей нужна.

— Не будете ли вы добры сказать, когда меня хватятся, — начала она, — что я пошла домой? Я сию минуту уйду. Тетушка не замечает, как поздно и как нас давно нет дома, а я уверена, что нас уже там ждут, и потому решила идти сейчас же... Я никому не сказала — это лишнее беспокойство и огорченье. Одни направились теперь к прудам, другие — на липовую аллею. Пока все не вернется назад, меня не хватятся, а когда хватятся, не будете ли вы любезны сказать, что я ушла?

— Разумеется, извольте — но не одна же вы пойдете в Хайбери?

— Одна, а что тут страшного? Я хожу быстро. Двадцать минут, и я дома.

— Но вам нельзя, никак нельзя идти совсем одной в такую даль. Позвольте, вас проводит слуга моего батюшки... Или позвольте, я прикажу подать карету. Она здесь будет через пять минут.

— Спасибо, спасибо — ни в коем случае. Я предпочитаю идти пешком. А что одна, то мне ли этого бояться! *Мне* ли, которой так скоро, может быть, придется охранять других!..

Она говорила очень возбужденно, и Эмма с большим чувством возразила:

— И все-таки это не причина подвергать себя опасности теперь. Я непременно прикажу подать карету. Идти опасно хотя бы из-за жары. Вы уже и так устали.

— Я... да, устала,— отвечала она,— только это не та усталость... прогулка быстрым шагом подбодрит меня... Мисс Вудхаус, каждый из нас когда-нибудь испытал, что значит утомиться душою. Моя, признаюсь вам, в изнеможенье. Вы очень добры, но сейчас лучшее, что для меня можно сделать,— это позволить мне поступить по-своему и сказать только, когда понадобится, что я ушла домой.

Эмма не возражала более ни единым словом. Она все поняла и, угадывая ее состояние, помогла ей быстро собраться и с дружеской участливостью проводила до дверей. Прощальный взгляд Джейн Фэрфакс полон был благодарности, прощальные слова ее: «Ох, мисс Вудхаус, какое счастье иногда побыть одной!» — казалось, вырвались из самой глубины измученной души, нечаянно выдав, чего ей стоит эта постоянная сдержанность даже с теми, кто так ее любит.

«И правда — что за дом! Что за тетушка! — говорила себе Эмма, опять возвращаясь в прихожую. — Да, вас нельзя не пожалеть. И чем чаще вы будете показывать, сколь они — и справедливо! — для вас ужасны, тем вы мне будете милей».

Не минуло и четверти часа после ее ухода — Эмма с мистером Вудхаусом едва пролистали несколько видов на площадь Св. Марка в Венеции,— как в комнату вошел Фрэнк Черчилл. Эмма о нем не думала — он как-то выпал у ней из памяти,— но очень обрадовалась при виде его. Теперь у миссис Уэстон отляжет от сердца. Черная кобылка ничем не провинилась; правы оказались те, которые называли причиной его опоздания миссис Черчилл. Он задержался, потому что ей сделалось худо — с ней приключился нервический припадок, который не проходил несколько часов, он уже было совсем отказался от мысли приехать — и, верно, не поехал бы, когда бы знал, как жарко будет в дороге и как он поздно попадет сюда, хоть и скакал во весь опор. Убийственная жара — он подобной не помнит — почти раскаивается, что не остался дома,— погибает от жары — готов терпеть любой холод, мороз, но жара для него невыносима... И, сделав плачущее лицо, он уселся как можно дальше от камина, в котором дотлевали любезные сердцу мистера Вудхауса угольки.

— Посидите тихо, и вы скоро остынете,— сказала Эмма.

— Как остыну, сразу еду назад. Мне вообще не следовало отлучаться, но на моем приезде так настаивали! Вы все, вероятно, скоро разойдетесь, отправитесь по домам.

Кой-кого я уже встретил по дороге сюда... В такую погоду! Безумие — чистое безумие!

Эмма посмотрела, послушала и догадалась, что Фрэнк Черчилл пребывает в состоянии, которое лучше всего определяется метким выражением «не в духе». Есть люди, которые бесятся, когда им жарко. Возможно, он был тоже так устроен — и, зная, что при пустячных тягостях, вроде этой, порой невинно перекусить, она посоветовала ему подкрепиться с дороги — в столовой найдется чем — и сочувственно показала нужную дверь.

Нет, он не будет есть. Ему и не хочется, и от этого станет только жарче. Впрочем, уже через две минуты он сменил гнев на милость и, буркнув что-то насчет хвойного пива, удалился. Эмма повернулась опять к своему батюшке, втайне говоря себе: «Какое благо, что прошла моя влюбленность! Невелика радость иметь дело с мужчиной, которого способно вывести из себя жаркое утро. С этим легко мириться такому кроткому, покладистому существу, как Гарриет».

Отсутствовал он довольно долго — за такое время можно покушать в свое удовольствие — и вышел к ним другим человеком; он остыл, сделался вновь похож на себя, к нему вернулись хорошие манеры: он мог уже придвинуть к ним свой стул, полюбопытствовать, чем они занимаются, и изъяснить резонное сожаление, что вынужден был так опоздать. Он был не в самом лучшем настроении, но старался его исправить и в конце концов принял-ся болтать милый вздор о том о сем. Они рассматривали в это время гравюры с видами Швейцарии.

— Как только тетушка поправится, поеду за границу,— сказал он.— Не успокоюсь, покуда не повидаяю эти места. Предъявлю вам когда-нибудь на просмотр свои рисунки — либо путевые записки на прочтение — либо поэму. Так или иначе изыщу способ обречь себя вашему суду.

— Возможно, но это будут не швейцарские пейзажи. Вы не поедете в Швейцарию. Дядюшка с теткой никогда не отпустят вас из Англии.

— Им, может быть, самим придется ехать за границу. Врачи ей могут предписать теплый климат. У меня сильное предчувствие, что мы отправимся туда втроем. Я вас уверяю. У меня нынче определенно такое чувство, что быть мне в скором времени за границей. Меня зовут путешествия. Мне скучно ничего не делать. Я не шучу, мисс Вудхаус, что бы там ни рисовалось вашему прони-

дательному оку, — мне надоела Англия, я ею сыт по горло — я завтра бы уехал, когда бы мог.

— Вы пресыщены богатством и негой. Не лучше ль вам изобрести для себя два-три лишения и претерпевать их, оставаясь в Англии?

— Я пресыщен богатством и негой? Вы глубоко ошибаетесь. Не изнеженным богачом вижу я себя — отнюдь. Всем, что есть в жизни существенного, судьба меня обделила. Я вовсе не почитаю себя ее баловнем.

— И все-таки вы теперь не столь несчастны, как в первые минуты, когда приехали. Ступайте съешьте и выпейте еще что-нибудь, и вам совсем полегчает. Еще один ломтик холодного мяса, еще глоток мадеры с водой — и вы уравниваетесь во благодати со всеми нами.

— Нет, я не тронусь с места. Я посижу подле вас. Вы — лучшая панацея для меня.

— Мы едем завтра на Бокс-хилл — и вы с нами? Это не Швейцария, но это тоже кое-что для молодого человека, который так ищет перемен. Вы остаетесь, и мы едем вместе?

— Нет, конечно! Я тронусь по вечерней прохладе домой.

— Но завтра вы можете снова тронуться сюда по утренней прохладе.

— Нет... Не стоит труда. Я буду злиться, ежели приеду.

— Тогда сделайте одолжение, оставайтесь в Ричмонде.

— А если останусь, то буду злиться еще пуще. Мне будет нестерпимо сознавать, что вы все там, а меня нет.

— Ну, это трудности, которые никому не разрешить, кроме вас. Решайте сами, которая мера злости вам предпочтительней. Я более слова не скажу.

Гуляющие начали понемногу возвращаться, и скоро все собрались в доме. Одни при виде Фрэнка Черчилла бурно радовались, другие приняли его появление сдержанно — зато весть об исчезновении мисс Фэрфакс встревожила и огорчила всех. Все единодушно признали, что пора и честь знать, и, оговоря напоследок вкратце план действий на завтра, разошлись. Несклонность Фрэнка Черчилла оставаться в стороне столь возросла к этому времени, что прощальные слова его к Эмме были:

— Что же — ежели *вы* желаете, чтоб я остался и ехал тоже, то я подчиняюсь.

Она улыбнулась в знак одобрения, и они поладили на том, что до завтрашнего вечера ничто, кроме экстренного вызова из Ричмонда, его туда не воротит.

ень для прогулки на Бокс-хилл выдался великолепный и прочие внешние обстоятельства, как-то: распорядок, устройство, сроки, тоже складывались благоприятно. Надзирал за сборами мистер Уэстон, деловито снуя между Хартфилдом и домом викария, и все снарядились к условленному часу. Эмма ехала вместе с Гарриет, мисс Бейтс и ее племянница — с Элтонами, мужчины — верхом. Миссис Уэстон вызвалась побыть с мистером Вудхаусом. Оставалось лишь ехать и наслаждаться. Семь миль дороги промелькнули в приятном предвкушении, и, прибыв на место, все ахнули от восторга — но вообще чувствовалось, что в этот день чего-то недостает. Ощущалась какая-то вялость, отсутствие одушевления, отсутствие единения, которое не удавалось преодолеть. Общество дробилось на части. Элтоны гуляли вдвоем; мистер Найтли взял под свое покровительство мисс Бейтс и Джейн; Эмма и Гарриет достались Фрэнку Черчиллу. Напрасно хлопотал мистер Уэстон, добиваясь большего сплоченья. Вначале такое разделение представлялось случайным, однако оно в более или менее неизменном виде сохранялось до конца. Мистер и миссис Элтон, правда, не выказывали нежеланья сообщаться с остальными и по возможности стремились к сближению, однако у других все два часа, проведенные на холме, столь велико было тяготенье к расколу, что ни красоты природы, ни холодная трапеза, ни неунывающий мистер Уэстон не могли его устранить.

Эмма вначале откровенно скучала. Она никогда не думала, что Фрэнк Черчилл способен быть таким тупым и молчаливым. Он говорил неинтересно — он смотрел и не видел — восхищался плоско — отвечал невпопад. Он был попросту скучен — неудивительно, что Гарриет, глядя на него, поскучилась тоже, и они оба наводили на Эмму тоску.

Когда все сели закусить, положение исправилось — существенно исправилось, по ее мнению, ибо Фрэнк Черчилл ожил, разговорился и принялся вовсю за ней ухаживать. Он осыпал ее знаками внимания. Казалось, у него не было другой заботы, как только забавлять ее и угрождать ей; и Эмма, радуясь случаю развлечься, не гнушаясь лестью, держалась тоже свободно, весело и, совсем как в раннюю, самую увлекательную пору их знакомства, щедро оказывала ему дружеское поощрение и не возбраняла

любезничать, с тою, однако, разницей, что теперь, как она убедилась, это для нее ничего не значило, хотя в глазах сторонних наблюдателей должно было выглядеть самым откровенным флиртом — точнее нет слова в английском языке. «Мисс Вудхаус и мистер Фрэнк Черчилл флиртовали направо и налево». Они открыто рисковали навлечь на себя подобный отзыв — который от одной из дам пойдет по почте в Кленовую Рошу, а от другой в Ирландию. Нельзя сказать, что Эмма предавалась беспечной веселости от избытка чувств — напротив, скорее оттого, что ожидала большего. Она смеялась потому, что испытывала разочарование, и хотя его внимание нравилось ей и представлялось как нельзя более уместным, чем бы оно ни объяснялось — дружественной ли приязнью, поклонением или природного игривостью, — оно более не покоряло ее сердца. Она по-прежнему предназначала ему роль друга.

— Сколь много я вам обязан, что вы велели мне поехать нынче сюда! — говорил он. — Какого удовольствия лишился бы, когда бы не вы! Я уже было и впрямь собрался уезжать назад.

— Да, вы были ужасно сердиты, а почему — не знаю. Ну, опоздали, не вам досталась лучшая клубника... Вы не заслуживали моего доброго участия. Но вы смирили свой нрав. Вы прямо-таки взывали о том, чтобы вам приказали сюда ехать.

— Не говорите, что я сердился. Я был утомлен. Меня одолела жара.

— Сегодня жарче.

— А я не чувствую. Сегодня мне очень хорошо.

— Потому хорошо, что вы сохраняете власть над собою.

— Вашу власть? Да, согласен.

— Положим, я рассчитывала на такой ответ, но я имела в виду самообладание. Вчера вы, по той или иной причине, не сдержались и вышли у себя из повиновения, но нынче вы опять владеете собой — а так как я не могу постоянно быть с вами, то, надо думать, вы все-таки подчиняетесь собственной власти, а не моей.

— Это одно и то же. Не мог же я снова обрести над собою власть ни с того, ни с сего. Молча или вслух, вы все равно повелеваете мною. И потом, вы *можете* постоянно быть со мной. Вы со мной всегда.

— Начиная со вчерашнего дня, с трех часов пополудни. На более раннее время мое непреходящее влияние не распространяется, иначе вы бы раньше не вышли из себя.

— Со вчерашнего дня? Это вы так считаете. По-моему, я вас впервые увидел в феврале.

— Ваша галантность поистине не знает границ. Однако,— понижая голос,— смотрите, кроме нас, никто не разговаривает. Семь человек сидят и молчат, и занимать их, болтая подобный вздор,— это немного слишком.

— Отчего же! Я не стыжусь ни единого слова,— возразил он, с нарочитым вызовом.— Да, я вас увидел первый раз в феврале. Пусть это слышит каждый на Боксхилле. Пусть голос мой разнесется окрест, от Миклема до Доркинга — я вас увидел первый раз в феврале! — И — шепотом: — На наших спутников напало оцепененье. Чем бы нам их расшевелить? Любой пустяк сослужит эту службу. Они у меня заговорят!.. Дамы и господа, по приказанию мисс Вудхаус, которая главенствует повсюду, где бы ни присутствовала, объявляю вам: она желает знать, о чем каждый из вас сейчас думает.

Кто-то рассмеялся и отвечал добродушно. Мисс Бейтс разразилась многословной тирадой, миссис Элтон надулась при утверждении, что главенствует мисс Вудхаус,— и с наибольшей определенностью отозвался мистер Найтли:

— Мисс Вудхаус в этом уверена? Ей в самом деле хочется знать, что все мы думаем?

— Ох, нет, нет! — с преувеличенно беззаботным смехом воскликнула Эмма.— Ни за что на свете! Меньше всего я хотела бы подставить себя под такой удар. Готова выслушать что угодно, только не о чем все думают. Впрочем, я бы сказала, не все. Есть кое-кто,— взглянув на миссис Уэстон и Гарриет,— чьи мысли я бы, возможно, узнать не побоялась.

— А я,— с негодованием вскричала миссис Элтон,— никогда бы не позволила себе вторгаться в подобную область. Хоть, вероятно, как хозяйка и патронесса — в тех кругах, где я привыкла... обозревая достопримечательности — молодые девицы — замужние дамы...

Ее бурчанье предназначалось преимущественно супругу, и он бормотал ей в ответ:

— Вы правы, дорогая, очень правы. Верно, именно так — просто неслыханно — иные особы сами не знают, что говорят. Лучше не придавать значения и пропустить мимо ушей. Каждому понятно, чего заслуживаете *вы*.

— Нет, так не годится,— шепнул Эмме Фрэнк Черчилл,— большинство принимает это как афронт. Надобно подойти деликатней... Дамы и господа, объявляю вам по

приказанию мисс Вудхаус, что она отказывается от права знать, что у вас на уме, и только требует, чтобы каждый просто сказал что-нибудь крайне занимательное. Вас здесь семеро, не считая меня, о котором она уже соблаговолила отозваться как о крайне занимательной личности,— и каждому вменяется всего лишь сказать либо одну очень остроумную вещь, либо две не очень, либо три отъявленные глупости — как собственного сочинения, так и в пересказе, можно в прозе, можно в стихах,— а она обещает в любом из вышеперечисленных случаев от души посмеяться.

— О, прекрасно! — воскликнула мисс Бейтс.— Тогда я могу не волноваться. Три отъявленные глупости — это как раз по моей части. Мне только стоит рот открыть, и я тотчас брякну три глупости, не так ли? — Озираясь кругом в благодушнейшей убежденности, что ее все подержат.— Ну признайтесь, разве не так?

Эмма не устояла.

— Видите ли, сударыня, тут может встретиться одно затруднение. Простите, но вы будете ограничены числом — разрешается сказать всего лишь три за один раз.

Мисс Бейтс, обманутая притворною почтительностью ее обращения, не вдруг уловила смысл сказанного, но и когда до нее дошло, не рассердилась, хотя, судя по легкой краске на лице, была чувствительно задета.

— А, вот что!.. Понимаю. Да, мне ясно, что она подразумевает, и я постараюсь впредь придерживать язык. Видно,— обращаясь к мистеру Найтли,— от меня стало совсем невозможно, иначе она бы не сказала такое старому другу.

— Хорошая мысль, Фрэнк! — вскричал мистер Уэстон.— Одобрено и принято! Дай-ка я попробую. Предлагаю вам загадку. Как у вас оцениваются загадки?

— Невысоко, сэр,— отвечал его сын,— боюсь, что весьма невысоко. Но мы будем снисходительны — в особенности к тому, который начинает первым.

— Нет-нет,— сказала Эмма,— неправда, что невысоко. Загадкой собственного сочинения мистер Уэстон откупится и за себя и за соседа. Смелее, сэр,— я вас слушаю.

— Да мне и самому сомнительно, чтобы она была очень остроумной,— сказал мистер Уэстон.— Обыкновенная, ничего в ней такого нет, а впрочем, судите сами. Какие две буквы алфавита обозначают совершенство?

— Две буквы? Совершенство?.. Нет, право, не знаю.

— Ага! Ни за что не угадаете. Вам,— адресуясь к Эм-

ме,— уж наверное нипочем не угадать... Ну так и быть, скажу. «М» и «А». Эм-ма. Понятно?

Слово «понятно» в этом случае одновременно означало и «приятно». Возможно, загадка не отличалась остроумием, но что-то, очевидно, в ней было, если Эмма смеялась и радовалась, а вместе с нею — Фрэнк и Гарриет. На остальное общество она как будто не произвела впечатления — кое-кто вообще принял ее с деревянным лицом, а мистер Найтли без улыбки заметил:

— Теперь мы видим, какого сорта требуется остроумие, и мистер Уэстон в нем преуспел, но только для других он, вероятно, истощил эту ниву. Не следовало так спешить с «совершенством».

— Что до меня, по крайней мере, то прошу уволить,— заявила миссис Элтон.— Решительно не расположена... не имею ни малейшей склонности. Я как-то получила акrostих на имя Августа и вовсе не испытала удовольствия. Я знаю, кто его прислал. Неисправимый вертопрах! Вам известно, о ком я говорю.— Кивая головою мужу: — Такие занятия хороши на рождество, когда вы сидите вокруг камина, но летом, когда Знакомитесь с красотами природы, они, на мой взгляд, совсем не к месту. Пусть мисс Вудхаус меня извинит. Я не из тех, чьи остроты к услугам каждого, и не посягаю на званье записного острошлова. Я не обижена живостью ума, но пусть уж мне предоставят самой решать, когда сказать что-нибудь, а когда промолчать. Как вам угодно, мистер Черчилл, но увольте нас. Мы пас — мистер Э., Найтли, Джейн и я. Ничего остроумного сказать не имеем — ни я, ни они.

— Да-да,— с насмешливым высокомерием подхватил ее супруг,— *меня*, сделайте милость, увольте. *Мне* нечем позабавить ни мисс Вудхаус, ни других молодых особ. Степенный женатый человек — какой с меня спрос. Пойдемте, может быть, прогуляемся, Августа?

— С величайшею охотой. Мне, признаться, наскучило так долго обследовать окрестности на одном месте. Идемте, Джейн, вот вам другая моя рука.

Джейн, однако, отказалась, и муж с женою пошли вдвоем.

— Счастливая чета! — молвил Фрэнк Черчилл, подождав, пока они удалятся на порядочное расстояние.— Как подходят друг к другу! Повезло им — жениться, зная друг друга лишь по встречам в общественных местах! Знакомство, когда не ошибаюсь, продолжалось считанные недели, там же, где началось,— в Бате! Редкая удача!

Что можно, в сущности, узнать о человеке, о том, каков он, в Бате или ином общественном месте? Ровно ничего. Только тогда можно составить верное суждение о женщине, когда вы видите ее в домашней обстановке, в ее привычном окружении — такую, какова она всегда. Без этого все лишь одно гаданье да воля случая, и большею частью — злая воля. Сколько мужчин на основании поверхностного знакомства связали себя и каялись после всю жизнь!

Мисс Фэрфакс, которая до сих пор почти не разговаривала, кроме как со своими союзниками, неожиданно заговорила:

— Верно, такие случаи бывают.— Она закашлялась и умолкла. Фрэнк Черчилл выжидательно повернул к ней голову.

— Вы что-то собирались сказать,— произнес он очень серьезно. К ней опять воротился голос.

— Я только хотела заметить, что хотя подобного рода прискорбные случаи и бывают, как с мужчинами, так и с женщинами, но это едва ли происходит часто. Поспешная и опрометчивая привязанность возникнуть может, но обыкновенно потом бывает время одуматься. То есть, иначе говоря, одни только слабые и нерешительные натуры — судьбою коих так или иначе распоряжается случай — допустят, чтобы неудачное знакомство осталось помехой и обузой навеки.

Он ничего не отвечал; лишь посмотрел на нее и поклонился в знак согласия. Немного погодя он сказал беспечным тоном:

— А вот я столь мало доверяю собственному суждению, что надеюсь, когда мне приспееет пора жениться, то жену для меня выберет кто-нибудь другой. Может быть, вы? — Поворотясь к Эмме.— Не угодно ли вам выбрать мне жену?... Уверен, что ваш выбор придется мне по вкусу. Вам не внове оказывать эту услугу нашему семейству.— С улыбочкой покосясь на своего отца.— Подыщите мне кого-нибудь. Я вас не тороплю. Возьмите ее к себе под крыло, воспитайте ее.

— По образу и подобию самой себя.

— Непременно, ежели вам удастся.

— Хорошо. Я берусь за это порученье. Вы получите прелестную жену.

— Главное, пусть у ней будет живой нрав и карие глаза. Остальное для меня неважно. Укачу года на два за границу, а как вернусь — так к вам за женою. Запомните.

Он мог не опасаться, что Эмма забудет. В самую жилку попало это порученье! Не портрет ли Гарриет он изобразил? Отбросить карие глаза — и что мешает Гарриет сделаться за два года тою, которая ему нужна! Возможно даже, ее-то он и имел в виду, говоря все это, — как знать? Ведь не зря он упомянул про воспитанье...

— А что, сударыня, — обратилась к своей тетке Джейн Фэрфакс, — не последовать ли нам примеру миссис Элтон?

— Как скажешь, родная моя. Я — с дорогой душой. Давно готова. Готова была сразу пойти с нею, но и так будет ничуть не хуже. Мы ее быстро догоним. Вон она... нет, это кто-то другой. Это дама из той ирландской компании, которая приехала в наемной карете, — и несколько на нее не похожа. Ну и ну...

Они ушли, и через полминуты за ними следом направился мистер Найтли. Остались только мистер Уэстон с сыном, Эмма и Гарриет, и теперь одушевление молодого человека достигло таких пределов, что становилось уже неприятно. Даже Эмма пресытилась наконец зубоскальством и лестью и предпочла бы мирно побродить с другими или посидеть — пускай не в полном одиночестве, но не будучи предметом внимания — и тихо полюбоваться прекрасными видами, открывавшимися с высоты. Она воспрянула духом при появлении слуг, которые искали их, чтобы доложить, что кареты готовы, и безропотно терпела суматоху сборов, настоянья миссис Элтон, чтобы ее экипаж подали первым — утешаясь мыслями о спокойной поездке домой, которою завершатся весьма сомнительные удовольствия этого праздника на лоне природы. Больше, надеялась она, уже ничье вероломство не вовлечет ее в затеи для столь неудачно подобранной компании.

Дожидааясь кареты, она в какую-то минуту обнаружила, что рядом стоит мистер Найтли. Он оглянулся по сторонам, словно проверяя, нет ли кого поблизости, и сказал:

— Эмма, я снова вынужден, как повелось издавна, сделать вам выговор — возможно, эту привилегию не даруют мне, а скорее терпят, и все-таки я обязан воспользоваться ею. Как вы могли так бессердечно обойтись с мисс Бейтс? Как могли позволить себе столь дерзкую выходку по отношению к женщине ее возраста, ее склада и в ее положении?.. Эмма, я никогда бы не поверил, что вы на это способны.

Эмма вспомнила, вспыхнула и устыдилась, но попыталась обратить все в шутку.

— Да, но как было удержаться? Никто бы не смог. Ничего страшного. Она, я думаю, даже не поняла.

— Все поняла, можете мне поверить. Вполне. Об этом уже шел разговор. И вы бы слышали, как она говорила — откровенно, великодушно. Слышали бы, как искренне хвалила вас за долготерпенье — что вы к ней столь внимательны, что она постоянно видит от вас и вашего отца столько добра, хотя должна невероятно раздражать вас своим присутствием.

— Ох, я знаю! — вырвалось у Эммы. — Знаю, это святая душа, но согласитесь — хорошее, к несчастью, так тесно переплетается в ней с курьезным!

— Переплетается, — сказал он. — Согласен. И будь она богата, я мягче подходил бы к тем, которые не видят подчас хорошего за курьезным. Будь она женщина состоятельная, я не спешил бы вступаться за нее при каждой безобидной нелепости — не ссорился бы с вами из-за маленьких вольностей в обращении. Будь она вам равна по положению... Но, Эмма, задумайтесь — ведь это далеко не так. Она бедна — она, рожденная жить в довольстве, пришла в упадок и, вероятно, обречена еще более прийти в упадок, если доживет до старости. Ее участь должна была бы внушать вам сострадание. Некрасивый поступок, Эмма!.. Вы, которую она знает с колыбели... вы росли у ней на глазах с той еще поры, когда за честь почитали заслужить ее внимание, и вот теперь, из легкомыслия, из минутной заносчивости вы насмехаетесь над нею, унижаете ее — и это в присутствии ее племянницы, при всех, не подумав о том, что многие — *некоторые* наверняка — возьмут себе за образец ваше обращение с нею... Вам это неприятно слышать — мне очень неприятно говорить, но я должен, я буду говорить вам правду, пока могу, и жить со спокойной совестью — знать, что я вам был истинным другом, давая добрые советы, и верить, что когда-нибудь вы поймете меня лучше, чем теперь.

За разговором они подошли к карете; она стояла наготове, и Эмма рот не успела открыть, как он уже посадил ее туда. Он неверно истолковал чувства, которые не давали ей повернуться к нему лицом, сковывали язык. На себя, одну себя она сердилась, глубокая жалость и стыд владели ею. Это они помешали ей говорить, и, сев в карету, она на миг бессильно откинулась назад, но тотчас — браня себя, что не простилась, не отозвалась, что уезжает с недовольным видом, — высунулась наружу, чтобы окликнуть его, помахать рукою, показать, что все

это не так,— однако как раз на этот миг опоздала. Он уже отошел; лошади тронули. Она продолжала смотреть ему в спину, но он не оглянулся, и скоро — казалось, они не ехали, а летели — карета уже была на полпути к подножию, и все осталось позади. Эмму душила невыразимая и почти нескрываемая досада. Как никогда в жизни, изнемогала она от волнения, сожаления, стыда. Его слова потрясли ее. Он сказал правду, отрицать было бесполезно. Она в душе сама это знала. Как могла она так жестоко, так грубо поступить с мисс Бейтс!.. Уронить себя в глазах того, чьим мнением так дорожила! Как допустила, чтобы они расстались без слова благодарности, без слова согласия с ее стороны — вообще без единого доброго слова!

Минуты шли, но они не приносили облегчения. Чем она дольше размышляла, тем глубже чувствовала свою вину. Ей было тяжело, как никогда. К счастью, поддерживать разговор не было надобности. Рядом сидела только Гарриет, и тоже, кажется, не в лучшем настроении — молчаливая, подавленная,— и всю дорогу домой по щекам у Эммы — неслыханное дело! — текли и текли слезы, И она не трудилась их сдерживать.

ГЛАВА 8

Весь вечер Эмму не покидало сожаление о злополучной прогулке на Бокс-хилл. Какое впечатление осталось у других участников, она не знала. Возможно, каждый из них сейчас в своем доме и на свой манер с удовольствием перебирал в памяти ее подробности, но она сама не назвала бы второго такого утра — убитого совершенно напрасно,— которое не дало ничего ни уму, ни сердцу и о котором после так тошно вспоминать. Играть целый вечер со своим батюшкой в триктрак было, по сравнению с этим, блаженством. Тут, по крайней мере, она могла черпать удовлетворенье в сознании, что отдает ему любимейшее время суток; что хотя, вероятно, не вполне по заслугам пользуется его обожанием, его безоговорочным доверием, но не заслуживает и суровой укоризны. Могла надеяться, что хотя бы как дочь не окончательно очерствела душой. Что ей не скажут: «Как могли вы столь бессердечно обходиться с отцом?... Я должен, я буду говорить вам правду, пока могу».

Чтобы она еще когда-нибудь позволила себе с мисс Бейтс... Никогда! Если вниманием в будущем можно стереть прошлую вину, то у нее, пожалуй, есть надежда снискать себе прощение. А вина за нею была — правда, более в помыслах, чем на деле, — об этом ей твердила совесть; слишком часто она бывала пренебрежительна, суха. Но это больше не повторится. В порыве искреннего раскаяния она решила, что на другое же утро пойдет ее навестить и тем положит начало добрым, ровным и равным отношениям.

Наутро эта решимость не ослабла, и Эмма пораньше вышла из дому, чтобы ничто не помешало ей. Она не исключала, что может встретить по пути мистера Найтли или что он может заглянуть к мисс Бейтс в то время, когда она будет там. И пусть. Ее это не смущало. Пускай он станет свидетелем справедливого, чистосердечного покаянья... Она поглядывала в сторону Донуэлла, куда шла, но он не появился.

«Хозяюшки дома». Первый раз она радовалась этим словам, первый раз вступала в эту прихожую, поднималась по этой лестнице с желанием сделать приятное, а не сделать одолжение; получить удовольствие, а не возможность высмеять за спиной.

Ее приближение вызвало переполох — за дверьми возникло движение, раздались голоса. Слышно было, как мисс Бейтс кого-то торопит; прислуга с испуганным, растерянным лицом попросила ее минутку подождать, а потом впустила слишком рано. Тетушка с племянницей в это мгновение исчезали за дверью в другую комнату. Она отчетливо разглядела, что у Джейн ужасный вид, и перед тем, как дверь за ними затворилась, уловила слова мисс Бейтс: «Ладно, милая, *скажу*, что ты в постели, ведь ты и впрямь совсем больна».

Бедная старенькая миссис Бейтс, учтивая и тихая, как всегда, как будто не очень понимала, что происходит.

— Боюсь, что Джейн нездоровится, — сказала она, — хотя не знаю — мне *говорят*, что она здорова. Дочь, вероятно, сейчас выйдет, мисс Вудхаус. Вы не поищите себе стульчик? И Патти куда-то запропастилась, как на грех. Я сама мало чем могу... Нашли стул, сударыня? Вам удобно? Она сию минуту будет здесь, я уверена.

Эмма искренне на это надеялась. У нее мелькнуло опасенье, что мисс Бейтс избегает ее. Но мисс Бейтс вскоре появилась. «Как это мило, они так рады», — однако совесть подсказывала Эмме, что это уже не прежнее жизнерадостное многословье — что облику и манерам недо-

стает былой непринужденности. Она сердечно осведомилась о здоровье мисс Фэрфакс, не без умысла понемногу возродить в мисс Бейтс прежние чувства. Это мгновенно возымело действие.

— Ах, мисс Вудхаус, как вы добры! Вы, вероятно, уже слышали и пришли разделить нашу радость. Наверно, глядя на меня, трудно поверить, что это большая радость, но...— украдкой смахивая слезинку,— нам тяжело с нею расставаться после того, как она жила у нас так долго — у нее теперь страшно разболелась голова — легко ли, целое утро писала письма, одно длинней другого — и полковнику Кемпбеллу, знаете, и миссис Диксон. «Родная моя,— говорю ей,— так и ослепнуть недолго»,— пишет, а у самой то и дело слезы на глазах. Неудивительно, неудивительно... Такая перемена в жизни — и хотя ей необыкновенно повезло — я полагаю, никому прямо смолodu, с первого раза не доставалось такое место — вы не подумайте, мисс Вудхаус, мы ценим, это невероятная удача, но...— снова смагивая слезы,— знали бы вы, как у нее, моей бедняжки, раскалывается голова! Когда вам очень больно, это мешает оценить благо по достоинству. Это ужасно удручает. По ее виду никто бы не догадался, как она рада и счастлива, что получила это место. Вы извините, что она к вам не вышла — она не в состоянии — пошла к себе, я просила ее лечь в постель. «Скажу, милая, что ты легла»,— только она не лежит, а ходит из угла в угол. Хотя, по ее словам, теперь, когда письма написаны, ей скоро должно стать легче... Так что, мисс Вудхаус, она, к величайшему сожалению, не может с вами увидеться, но, зная вашу доброту, я надеюсь, что вы ее простите. Вам пришлось ждать у дверей — мне так совестно — но вышел маленький конфуз — дело в том, что мы не слышали стука в дверь и не знали, что кто-то к нам идет, покуда вы не стали подниматься по лестнице. «Это только миссис Коул,— говорю я,— можешь мне поверить. Больше никто не придет так рано». «Что ж,— говорит она,— все равно через это придется когда-нибудь пройти, так отчего бы и не теперь». Но тут входит Патти и докладывает, что это вы. «А, это мисс Вудхаус,— говорю я,— ты, разумеется, захочешь ее повидать». А она: «Я ни с кем видаться не могу»,— и встает, и хочет уйти — вот отчего мы вас заставили ждать, хотя это стыд и позор. «Ладно, милая,— говорю я ей,— нет так нет, иди — я скажу, что ты в постели».

Эмма слушала с живейшим интересом. Она давно начала смягчаться сердцем к Джейн, и эта картина ее те-

перешних страданий вытеснила прочь все прежние нестойкие подозрения, оставив место одной только жалости, а память о том, как мало справедливости и доброты она выказывала раньше, вынуждала ее признать естественным, что Джейн, допуская до себя таких надежных друзей, как миссис Коул, с нею встречаться не в состоянии. С неподдельным сочувствием и теплотою она изъявила пожелание, чтобы шаг, на который, как явствует из слов мисс Бейтс, теперь определенно решилась ее племянница, оказался возможно более правильным и успешным. Она понимает, какое это, должно быть, для них испытание. До сих пор, кажется, подразумевалось, что все откладывается до возвращения полковника Кемпбелла.

— Вы так добры! — отозвалась мисс Бейтс. — Впрочем, вы всегда добры...

Слышать это «всегда» было свыше сил, и Эмма прервала эту пытку благодарностью прямым вопросом:

— А куда, могу ли я узнать, направляется мисс Фэрфакс?

— К некоей миссис Смолридж — очаровательная особа, самых высоких достоинств, — где ей будут отданы на попечение три прелестные крошки, ее дочери. Нельзя вообразить себе большее довольство и изобилие, разве что у самой миссис Саклинг или миссис Брэгг, — но миссис Смолридж близко знакома с тою и другой и живет по соседству, в четырех милях от Кленовой Роши. Джейн будет всего в четырех милях от Кленовой Роши!

— Вероятно, не кому иному, как миссис Элтон, обязана мисс Фэрфакс...

— Да, нашей славной миссис Элтон. Ее неустанным заботам и верной дружбе. Это она настояла. Если бы не она, Джейн могла потерять это место, потому что вначале, когда миссис Элтон ей только сказала — а было это позавчера, в то самое утро, когда мы ходили в Донуэлл, — вначале Джейн, по причинам, которые вы упомянули, была категорически против — она, как вы справедливо заметили, решила не предпринимать ничего определенного до возвращения полковника Кемпбелла, и ничто не могло склонить ее к немедленному согласию, о чем она много раз повторила миссис Элтон, — мне бы в голову не пришло, что она может передумать, — спасибо, что славная миссис Элтон, которую чутье никогда не подводит, оказалась дальновиднее меня. Не всякой достанет доброты выстоять, как она, не слушая возражений, но она твердо заявила *нет*, когда Джейн просила ее ответить отказом на другой же день,

то есть вчера,— и видите, уже ко вчерашнему вечеру все решилось наоборот — что Джейн едет. А я и понятия не имела! Полнейшая неожиданность!.. Джейн отвела миссис Элтон в сторону и сказала без обиняков, что, взвесив еще раз предложение миссис Смолридж и все его преимущества, она пришла к заключению, что его следует принять... Мне это сообщили, только когда все уже было слажено.

— Так вы провели вечер у миссис Элтон?

— Да, миссис Элтон хотела этого во что бы то ни стало. Мы уговорились еще на холме, когда гуляли с мистером Найтли. «Вечером *непременно* жду *всех* вас к себе,— сказала она.— Положительно *требую* всех к себе».

— А, значит, мистер Найтли тоже был?

— Нет, мистер Найтли сразу отказался — я, признаться, думала, мы его все-таки увидим, так как миссис Элтон объявила, что знать ничего не желает, но он не пришел, а мы все были — матушка, Джейн и я — и чудесно провели вечер. С такими добрыми друзьями, мисс Вудхаус, не может не быть чудесно — только чувствовалось, что после утренней поездки все несколько утомлены. От удовольствий, знаете ли, тоже устают, хоть и нельзя сказать, чтобы она кому-нибудь из них доставила большое удовольствие. Но *я* сохраню о ней приятные воспоминания и признательность добрым друзьям, которые взяли меня с собою.

— По-видимому, хотя вы о том не догадывались, мисс Фэрфакс целый день обдумывала свое решение.

— Да. вероятно.

— Ей и всем ее близким предстоит пережить горестные минуты. Но я надеюсь, что они с лихвою окупятся 'на новом месте, что нравы и обычаи семейства ее за них вознаградят.

— Спасибо, дорогая мисс Вудхаус. Да, там она найдет все на свете, что только может украсить существование. Ни у кого из знакомых миссис Элтон, за исключением Саклингов и Брэггов, вы не увидите в детской подобной изысканности и комфорта. Миссис Смолридж — само очарование!.. Стиль жизни почти не уступает Кленовой Роше, а дети — таких прелестных, благонравных малюток, кроме как у Саклингов и Брэггов, не сыскать нигде. Джейн ждет самое уважительное и ласковое обхождение! Это будет не жизнь, а удовольствие, сплошное удовольствие... А жалование! Страшно выговорить, мисс Вудхаус. Даже вы, которой не в диковинку крупные суммы, не поверите,

что ей, такой молоденькой, могли положить такое огромное жалование.

— Ох, сударыня! — воскликнула Эмма. — Ежели другие дети таковы, какой я помню себя, то это жалование — будь оно даже в пять раз больше, чем принято платить в подобных случаях, — достанется дорогою ценой.

— Какой у вас благородный взгляд на вещи!..

— И когда же мисс Фэрфакс покидает вас?

— Скоро, очень скоро — то-то и беда. Крайний срок — две недели. Миссис Смолридж не может ждать. Не представляю себе, как это все перенесет моя бедная матушка. Уж я стараюсь как могу, чтобы она над этим меньше задумывалась. «Полно, сударыня, — говорю ей, — не будем больше об этом думать».

— Друзьям, наверное, грустно будет ее лишиться — должно быть, полковник Кемпбелл и жена его огорчатся, когда узнают, что она предприняла этот шаг, не дожидаясь их возвращения?

— Да, Джейн в этом уверена, но она чувствует себя не вправе отказаться от такого места. Меня она просто ошеломила в первый момент, когда сказала, о чем у них с миссис Элтон был разговор — и в это время сама миссис Элтон подошла меня поздравить! Как раз перед тем, как пить чай, — нет, погодите, не может быть, ведь мы тогда садились за карты... нет, все-таки перед тем, как пить чай, потому что я, помнится, подумала... Ах нет, совершенно верно — теперь я вспомнила, — перед чаем, и точно, произошло кое-что, но не это. Перед чаем с мистером Элтоном пришел поговорить сын старого Джона Эбди и вызвал его из комнаты. Бедный Джон... я чрезвычайно к нему привязана, он был двадцать семь лет причетником у покойного батюшки, а теперь, на старости лет, прикован к постели жестокою подагрой — надо будет сегодня же пойти его проведать — Джейн, я уверена, пойдет, если у ней хватит сил выйти нынче из дому... Да, так его сын пришел поговорить с мистером Элтоном относительно вспомоществования от прихода — сам он, вы знаете, живет в полном достатке, состоя старшим конюхом в «Короне» и так далее, но все же нуждается в пособии, чтобы содержать отца, — ну вот, а потом мистер Элтон воротился и рассказал нам о том, что узнал от конюха Джона, тогда-то и выяснилось, что в Рэндалс послали фаэтон, на котором поедет в Ричмонд мистер Фрэнк Черчилл. Вот что произошло перед чаем. А Джейн говорила с миссис Элтон *после* чая.

Мисс Бейтс не давала Эмме вставить двух слов и объ-

яснить, что это последнее обстоятельство для нее совершенная новость; но так как, не допуская мысли, что Эмма может не знать во всех подробностях об отъезде мистера Фрэнка Черчилла, она принялась тем не менее излагать эти подробности, то Эмма ничего не потеряла.

Суть того, что узнал на этот счет от старшего конюха мистер Элтон, слагалась из личных наблюдений поименованного конюха и сведений, полученных от рэндаллской прислуги, и состояла в том, что вскоре по возвращении всех с прогулки на Бокс-хилл из Ричмонда прибыл посыльный — что было, впрочем, более или менее в порядке вещей — с запискою от мистера Черчилла, содержащей отчет о состоянии миссис Черчилл — в целом сносном — и еще всего лишь пожелание, чтобы племянник не задерживался слишком долго и завтра утром возвращался назад, но мистер Фрэнк Черчилл решил не ждать до утра и ехать домой немедленно, а так как лошадь его, судя по всему, простудилась, то в «Корону» срочно отрядили Тома за фаэтоном и конюх, стоя на улице, видел потом своими глазами, как он проехал мимо — жеребец шел отлично, размашистым и ровным шагом.

Сообщение это не содержало ничего удивительного и интересного и привлекло внимание Эммы только в соответствии с предметом, который уже занимал собою ее мысли. Ее поразили контраст между положением в этом мире миссис Черчилл и Джейн Фэрфакс — одна была все, другая — ничто; за размышлениями о несходстве женских судеб она не замечала, на чем покоится ее взгляд, покуда ее не вывел из задумчивости голос мисс Бейтс:

— Да, вижу, о чем вы думаете — о пианино. Что с ним станется... Вы правы. Джейн, бедная, как раз только что вела об этом речь... «С тобою,— сказала она,— нам придется расстаться. Нас ждет разлука. Тебе здесь нечего будет делать...», «Пусть еще постоит некоторое время,— сказала она мне.— Потерпите его у себя до возвращения полковника Кемпбелла. Я с ним поговорю, он распорядится инструментом, поможет мне справиться со всеми трудностями...» А ведь ей, как я подозреваю, и по сей день неизвестно, кто его подарил — полковник или его дочь...

Невольные мысли Эммы перешли на пианино, ей вспомнилось, какими несправедливыми, вздорными измышленьями встретила она его появление, и на душе у нее сделалось так скверно, что она сочла возможным не затягивать долее свой визит и вскоре, повторив от чистого сердца еще раз все свои добрые пожелания, простилась с мисс Бейтс.

ичто не прерывало меланхолического раздумья Эммы, покамест она шла домой, и лишь при входе в гостиную, когда она увидела, кто там сидит, оно оборвалось. Там с ее батюшкой сидели мистер Найтли и Гарриет, пришедшие в ее отсутствие. Мистер Найтли тотчас поднялся и сухо, с необычно серьезным видом произнес:

— Я не хотел уезжать, не повидавши вас, но мне пора, мое время на исходе. Я еду на несколько дней в Лондон, к Джону с Изабеллой. Не нужно ли отвезти или передать им что-нибудь, помимо неперменных поклонов, которые не стоят упоминанья?

— Нет, ровно ничего. Это, кажется, несколько неожиданное решение?

— Да, отчасти... Я об этом подумывал в последнее время.

Эмма была уверена, что он ее не простил, — он был не похож на себя. Однако, думала она, время ему покажет, что им надлежит сделаться снова друзьями. Он стоял, словно бы собираясь уходить, но не уходил — между тем ее батюшка, по обыкновению, приступил к расспросам:

— Ну, душенька, благополучно ли добралась? И как ты нашла мою почтенную старую приятельницу и ее дочь? Воображаю, сколь одолжила ты их своим визитом. Эмма, как я вам уже сказывал, мистер Найтли, ходила навестить миссис и мисс Бейтс. Она всегда к ним так внимательна!

Эмма покраснела при этой незаслуженной похвале и с улыбкой, которая говорила о многом, отрицательно покачав головою, взглянула на мистера Найтли. Ей показалось, что он прочел по ее глазам всю правду — угадал и оценил все то хорошее, что в ней совершилось, — и ментально смягчился. У Эммы потеплело на душе, а через минуту потеплело еще больше, от маленького, но необычного для него знака приязни. Он взял ее за руку — может быть, она первая сделала легкое движение — может статься, сама его вызвала на это, сказать трудно, — как бы то ни было, он взял ее руку, пожал и явно собирался поднести к губам, но внезапно, из неведомой прихоти, отпустил. Что его вдруг остановило, отчего он в последний миг передумал — непонятно. На ее взгляд, разумней было

бы не останавливаться. Намерение, однако, присутствовало неоспоримо, и —< то ли потому, что вообще ему была мало свойственна галантность, то ли по какой другой причине — оказалось ему как нельзя более к лицу. У него в этом жесте было столько простоты и достоинства! Это незавершенное поползновение оставило по себе столь отрадную память! Оно столь очевидно свидетельствовало о благорасположении... Сразу после этого он ушел — во мгновение ока. Он был всегда быстр в движениях, не склонный по природе своей мямлить, но на сей раз скрылся с быстротою молнии.

Эмма никоим образом не жалела, что отлучалась к мисс Бейтс, только корила себя, что не ушла от нее на десять минут раньше и упустила увлекательную возможность обсудить с мистером Найтли положение Джейн Фэрфакс. Не вправе полагала она себя сожалеть и о том, что он уезжает, так как знала, с какою радостью его встретят на Бранзуик-сквер,— но он выбрал для отъезда не лучшее время, и обидно было, что не предупредил заранее. Но главное — они расстались добрыми друзьями, она не могла обмануться: об этом говорило и выражение его лица, и, пусть не завершенный, галантный жест,— все убеждало ее, что она снова поднялась в его мнении... Оказалось, он просидел у них полчаса. Да, жаль, что она не пришла домой чуть раньше!

В надежде отвлечь своего батюшку от огорчительных мыслей об отъезде мистера Найтли в Лондон — к тому же внезапно — к тому же, молвить жутко, верхом — Эмма изложила новости о Джейн Фэрфакс, и не зря понадеялась на их действие — он заинтересовался, но не огорчился. Он давно свыкся с мыслью, что Джейн Фэрфакс предстоит поступить в гувернантки, и способен был говорить об этом спокойно, меж тем как отъезд мистера Найтли в Лондон был непредвиденным ударом.

— Весьма рад слышать, душа моя, что у нее все устроилось так благополучно. Миссис Элтон — добропорядочная, любезная особа, и я уверен, что ее знакомые — достойные люди. Надеюсь, их дом стоит на сухом Месте и они будут хорошенько заботиться об ее здоровье. Это — первейшая их забота, как моею, конечно, всегда было здоровье бедной мисс Тейлор. Подумай, душенька, ведь она станет для этой новой дамы тем, чем для нас была мисс Тейлор... Только надеюсь, в одном отношении ее судьба сложится удачнее — что ей не придется покидать гнездо, в котором она прожила столько лет.

Следующий день принес с собою новость, которая отеснила все прочее на задний план. В Рэндалс прибыл нарочный из Ричмонда с сообщением, что миссис Черчилл скончалась! Хотя у ее племянника не было позавчера особых оснований торопиться из-за нее назад, но случилось так, что по его возвращении она прожила еще лишь тридцать шесть часов. Ее, после недолгого сопротивления, унес внезапный приступ — иной природы нежели ее обычные недуги, и оттого непредугаданный. Всемогушей миссис Черчилл не стало.

На известие об этом отозвались так, как и принято отзываться на подобные известия. Все притихли, присмирели, взгрустнули об усопшей, посочувствовали ее близким и во благовремение, приободрясь, полюбопытствовали, где ее похоронят. Голдсмит учит, что коль красавица запятнала себя грехопаденьем, ей ничего не остается, как умереть, — это средство обелить себя столь же действенно, когда красавица запятнана самодурством. Двадцать пять лет миссис Черчилл терпеть не могли — теперь, задним числом, ей многое простилось. По одному пункту она была оправдана полностью. Смерть доказала, что обвинения в капризах и самодурстве, якобы вызванных недомоганьем, — чистый поклеп.

«Бедная миссис Черчилл! Настрадалась, должно быть — никто и не предполагал, — конечно, от постоянной боли портится характер... Печальная история — такое потрясение, — и каково-то будет без нее мистеру Черчиллу? При всех ее недостатках, для мистера Черчилла это ужасная потеря. Нет, мистеру Черчиллу не оправиться от такого удара». Мистер Уэстон и тот крутил головой, хмурил брови, приговаривал: «Да — бедная женщина! Кто бы мог подумать...» — и положил себе носить траур по всей форме, а жена его, подрубая широким швом что-то крошечное, вздыхала и с неизменной трезвой рассудительностью делала выводы себе в назиданье. Обоих в первую голову волновало, как скажется это событие на положении Фрэнка. То же очень занимало и Эмму. Нрав миссис Черчилл, горе ее супруга — этих предметов мысль ее касалась с состраданием и трепетом лишь мимоходом — и облегченно устремлялась к Фрэнку: как отразится на нем перемена, что даст ему, насколько освободит. Возможные преимущества обрисовались для нее мгновенно. Теперь на пути его склонности к Гарриет Смит не будет преград. Мистер Черчилл, в отдельности от жены, был никому не страшен — легкий, покладистый человек, кото-

рого племянник уговорит на что угодно. Дело было за малым — чтобы племянник имел таковую склонность, в чем Эмма, при всем своем желании и доброй воле, пока что не ощущала уверенности.

Гарриет в сих чрезвычайных обстоятельствах держалась отлично, обнаруживая большое самообладание. Ярче ли разгорелись в ней надежды — она того не выдавала. Эмма, с удовольствием наблюдая такое доказательство благоприобретенной твердости духа, избегала всякого намека, который мог бы поколебать ее, и их разговоры о кончине миссис Черчилл отличались взаимной сдержанностью.

В Рэндалс приходили короткие письма от Фрэнка, в которых сообщалось самое важное об их текущих делах и планах. Мистер Черчилл перенес свою утрату лучше, чем можно было ожидать, и сразу после похорон — а они должны были состояться в Йоркшире — намечалось поехать вдвоем в Виндзор, к старинному другу, которого миссис Черчилл обещала навестить лет десять. Благие пожелания о Гарриет до поры до времени откладывались; в настоящем Эмма не могла ей предложить ничего, кроме благих пожеланий.

Ее пока что больше тревожило, как выказать внимание Джейн Фэрфакс, для которой тучи на горизонте сомкнулись столь же стремительно, как для Гарриет — расступились, и всякому в Хайбери, который хотел сделать ей что-нибудь хорошее, не оставалось времени для промедлений — а Эмма хотела этого превыше всего. Ни в чем она так не раскаивалась, как в своей былой холодности, и рада была бы осыпать всеми мыслимыми знаками сочувствия и симпатии ту, которую столько месяцев не желала замечать. Она жаждала быть ей полезной, жаждала показать, что ищет ее общества, подтвердить ей свое уважение и приязнь. Она решилась убедить ее провести день в Хартфилде. Послана была записка с настоятельным приглашением. Его отклонили — устно. «Мисс Фэрфакс не совсем здорова и затрудняется писать», — а спустя немного, когда в Хартфилд зашел мистер Перри, выяснилось, что она расхворалась так серьезно, что к ней, без ее согласия, сочли нужным позвать его; что ее терзают головные боли и нервическая лихорадка; он не уверен даже, будет ли она способна прибыть в назначенное время к миссис Смолридж. На сегодняшний день, во всяком случае, здоровье у нее никуда не годится — совершенно пропал аппетит — и хотя грозных симптомов не наблюдается и нет оснований предполагать, что затронуты легкие,

чего пуще всего опасаются в семействе, но мистер Перри за нее не спокоен. По его мнению, она взяла на себя непосильную ношу и сама это чувствует, хоть и не хочет сознаться. Ее душевные силы, кажется ему, подорваны. Нельзя не отметить, что условия, в которых она содержится дома, не способствуют исцелению от нервного расстройства — прискорбно, что она вынуждена все время ютиться в одной и той же комнатке, а ее славная тетушка, старая его приятельница — что греха таить, не лучшее общество для болящей. Заботливость и внимание ее неоспоримы, но, откровенно говоря, чрезмерны. Он боится, что они приносят мисс Фэрфакс не столько пользу, сколько вред. Эмма слушала с живейшим участием, все больше сочувствовала ей и мысленно прикидывала, чем бы помочь. Забрать бы ее хоть на час-другой от тетки, вывести на воздух — ей, вероятно, даже на час-другой хорошо было бы сменить обстановку, побыть с разумным, спокойным собеседником; и наутро она снова, в самых прочувствованных выражениях, написала Джейн, что заедет за нею в карете, пусть ей лишь укажут час, прибавив, что мистер Перри определенно высказался при ней в пользу подобного моциона.

В ответ пришла коротенькая записка: «Мисс Фэрфакс кланяется, благодарит, но решительно не в силах совершать моцион», — и только.

Эмме подумалось, что ее предложение заслуживает более теплого отклика, но невозможно было сердиться, глядя на эти неровные, прыгающие буквы, явно выведенные немощною рукой, и она только силилась придумать, как бы сломить это упорное нежелание видаться и принимать помощь. Кончилось тем, что, несмотря на таковой ответ, она велела закладывать карету и поехала к дому миссис Бейтс, надеясь, что все-таки склонит Джейн к совместной прогулке, — но ничего не получилось: к карете вышла мисс Бейтс и, рассыпаясь в благодарностях, горячо согласилась, что для больной ничего не может быть лучше, как проехаться по свежему воздуху — обещалась передать это ей со всею убедительностью — и все оказалось тщетным. Мисс Бейтс пришлось воротиться назад ни с чем; Джейн не поддавалась ни на какие уговоры — ей как будто хуже сделалось от одного предложения выехать на воздух... Эмме хотелось самой увидаться с нею и попытать свои силы, но не успела она заикнуться об этом, как мисс Бейтс тут же дала понять, что племянница взяла с нее обещание ни под каким видом не допускать к ней мисс Вудхаус. «Джейн,

бедная, правду сказать, никого не хочет видеть — совершенно никого — миссис Элтон, разумеется, нельзя было отказать — и миссис Коул так настаивала — и миссис Перри так просила — но больше никого Джейн, право, видеть не в состоянии».

Эмма не жаждала становиться на одну доску с такими дамами, как миссис Элтон, миссис Перри, миссис Коул и им подобные, которые войдут куда угодно даже незваными, — а претендовать на предпочтение чувствовала себя не вправе; поэтому она покорилась и только подробней расспросила мисс Бейтс о том, какая диета предписана ее племяннице и на что у нее аппетит, — не может ли Хартфилд предложить свои услуги. При упоминании об этом бедная мисс Бейтс очень расстроилась и разговорилась: Джейн почти ничего не ест; мистер Перри сказал, что ей нужна питательная еда, но все, чем они располагают — а ни у кого на свете нет более заботливых соседей, — ей невкусно.

Приехав домой, Эмма призвала экономку немедленно обследовать наличные съестные припасы и к мисс Бейтс была в спешном порядке отправлена толика наипервейшего качества маниоки, сопровождаемая дружественной запиской. Через полчаса маниоку вернули назад; мисс Бейтс тысячу раз благодарила, но «милая Джейн сказала, что не может принять такое приношение и не успокоится, покуда его не отошлют обратно, — а сверх того просила передать, что решительно ни в чем не нуждается».

После Эмме рассказывали, что в тот самый день, когда Джейн, под тем предлогом, что она не в силах совершить моцион, категорически отказалась прогуляться с нею в карете, кто-то, ближе к вечеру, видел, как она бродила по лугам на порядочном расстоянии от Хайбери, — и все это вместе взятое не оставляло сомнений, что ее доброту Джейн намеренно отвергает. Это было грустно; очень грустно. Сердце буквально сжималось от жалости — кровью обливало — при виде такой раздражительности духа, непоследовательности поведения, нехватки прочности; было обидно, что ее сочли неспособной на добрые чувства, недостойной дружбы, но утешало сознание, что она действовала из благих побуждений и может сказать себе, что в этом случае мистеру Найтли — когда б он ведал об ее попытках прийти на помощь Джейн Фэрфакс, когда бы просто мог заглянуть к ней в душу, — не за что было бы ее бранить.

днажды утром, дней через десять после кончины миссис Черчилл, Эмму просили сойти вниз к мистеру Уэстону, который «имеет до нее неотложное дело и не более пяти минут времени».

Он встретил ее у дверей гостиной и, поздоровавшись с нею обычным голосом, тотчас его понизил, дабы не слышно было ее батюшке:

— Вы не могли бы нынче в первой половине дня зайти в Рэндалс? Постарайтесь, если можно. Вас хочет видеть миссис Уэстон. Ей необходимо вас видеть.

— Она нездорова?

— Нет-нет, вовсе нет — немного взволнованна, и только. Она бы села в карету и приехала сама, но ей нужно вас повидать наедине, а здесь это, знаете...— Кивая в сторону ее отца.— М-да!.. Так вы приедете?

— Разумеется. Хоть сейчас, если угодно. В такой просьбе отказать нельзя. Но в чем дело? Она правда не заболела?

— Можете мне поверить — только не задавайте больше вопросов. Потерпите, скоро все узнаете. Непостижимая история! Но — тсс, тихо!..

Догадаться, что все это должно означать, было, даже для Эммы, невозможно. Судя по его виду, речь шла о чем-то важном, но, удостоверясь, что здоровье ее друга в порядке, Эмма постаралась унять тревогу и, сказавшись батюшке, что совершит прогулку с утра, вскоре вышла с мистером Уэстоном из дому и быстрым шагом двинулась по направлению к Рэндалсу.

— Ну,— сказала она, когда хартфилдские ворота остались позади,— теперь-то, мистер Уэстон, скажите мне, что случилось.

— Нет-нет,— отозвался он строго.— И не просите. Я обещал жене, что все это предоставляю ей. Она вас сумеет подготовить лучше меня. Терпенье, Эмма, всему свое время.

— Подготовить?! — вскричала Эмма, в ужасе застывая на месте.— Боже мой!.. Мистер Уэстон, говорите сию минуту! Что-то случилось на Бранзуик-сквер. Я знаю. Говорите же, я требую — немедленно скажите, что стряслось.

— Да нет же, вы ошибаетесь...

— Мистер Уэстон, такими вещами не шутят. Подумайте — речь идет о моих близких. С кем на Бранзуик-

сквер стряслась беда?.. Заклинаю вас всем, что вам свято, не пытайтесь скрыть от меня правду.

— Даю вам слово, Эмма...

— Слово? Отчего не *честное* слово?.. Отчего вы не ручаетесь честным словом, что они здесь ни при чем? Господи! Почему меня нужно *подготавливать*, ежели это не касается моей родной семьи?

— Не касается,— торжественно сказал он.— Даю вам честное слово. Ни в коей мере не связано ни с кем из смертных, носящих имя Найтли.

У Эммы отлегло от сердца, и она тронулась дальше.

— Напрасно я употребил слово «подготовить»,— продолжал он.— Нужно было сказать как-то иначе. В сущности, к вам это не имеет прямого отношения — будем надеяться,— а имеет ко мне одному... М-да!.. Короче, дорогая Эмма, пугаться здесь особенно нет причин. История неприятная, отрицать не стану, но могло быть гораздо хуже... Не прибавить ли нам ходу? Быстрее дойдем...

Эмма поняла, что придется подождать, но теперь это не стоило ей усилий. Она уже на задавала вопросов — лишь напрягла свое воображение, и оно услужливо подсказало ей, что возможно, речь идет о каких-нибудь денежных осложнениях — что выплыли наружу какие-то семейные обстоятельства досадного свойства — выявились в связи с недавним событием в Ричмонде. Воображение ее разыгрывалось... Чего доброго, обнаружилось полдюжины побочных отпрысков и бедный Фрэнк остался без гроша!.. Хорошего мало, но ее это не сразит. Разве что подстегнет любопытство.

— Кто это проехал верхом? — заговорила она, больше из желания помочь мистеру Уэстону сохранить свою тайну.

— Не знаю... Кто-то из Отуэев, как будто... Не Фрэнк — в этом могу вас уверить. Фрэнка вы не увидите. Он уж теперь на полпути к Виндзору.

— Так ваш сын приезжал сюда?

— Что? Да-а, вы не знали?.. Хм, кхм — что-то в горле... — Он на минуту умолк, потом невинным, осторожным тоном прибавил: — Да, Фрэнк приезжал сегодня утром — просто взглянуть, как мы поживаем.

Они пошли дальше, не сбавляя шага, и очень быстро добрались до Рэндалса.

— Ну вот, дорогая,— сказал он, когда они вошли,— вот я вам и привел ее — теперь, надеюсь, вы скоро почувствуете себя лучше. Оставляю вас вдвоем. Тянуть нет смысла. Я буду неподалеку на случай, если понадобится.—

И, перед тем как уйти, прибавил тихо, но Эмма явственно слышала: — Я сдержал обещание. Она ничего не знает.

Миссис Уэстон встретила ее с таким страдальческим, смятенным видом, что в Эмме с новой силой всколыхнулась тревога, и, как только они остались одни, она озабоченно спросила:

— Что с вами, милый друг? Сколько я понимаю, произошло какая-то большая неприятность... скажите мне прямо — какая? Всю дорогу сюда меня томила неизвестность. Мы с вами обе ненавидим это мучительное состояние. Не продлевайте же его для меня. Поделитесь со мной, и вам самой станет легче.

— Вы и правда ничего не знаете? — дрожащим голосом спросила миссис Уэстон. — И... и не догадываетесь, милая Эмма, что вам предстоит услышать?

— Если это касается мистера Фрэнка Черчилла, то кое о чем догадываюсь.

— Вы не ошиблись. Это касается его, и я прямо сейчас вам все скажу. — Принимаясь снова за шитье и пряча таким образом глаза. — Он только нынче утром приезжал сюда, с совершенно невероятным сообщением. Не могу передать вам, как оно нас удивило. Он приехал поговорить с отцом об одном предмете... объявить о своих чувствах...

Она остановилась перевести дух. Эмма в первую секунду подумала о себе, потом — о Гарриет.

— И не просто о чувствах, а больше... — продолжала миссис Уэстон, — о помолвке — самой настоящей помолвке... Что вы скажете, Эмма, — что скажут люди, — когда станет известно, что Фрэнк Черчилл помолвлен с мисс Фэрфакс — и помолвлен давно!

Эмма буквально подпрыгнула от неожиданности.

— Джейн Фэрфакс?.. — вскричала она, пораженная ужасом. — Господи помилуй! Не может быть! Вы шутите!

— Ваше изумление понятно, — отозвалась миссис Уэстон, по-прежнему не поднимая глаз и торопясь заполнить паузу, чтобы дать Эмме время прийти в себя. — Очень понятно. И однако, это так. Они помолвлены с октября месяца, помолвились в Уэймуте и от всех хранили это в тайне. Ни одна живая душа не знала, кроме них, — ни Кемпбеллы, ни ее родные, ни его... Вот такие чудеса — доподлинно известно, что это факт, и все равно невероятно. Никак не верится... Я-то думала, что знаю его...

До Эммы почти не доходили ее слова. Две мысли владели сейчас ее сознанием, и оно металось от одной к дру-

гой: мысль о своих разговорах с ним насчет мисс Фэрфакс и мысль о Гарриет; какое-то время она способна была лишь издавать бессвязные восклицания и требовать снова и снова подтверждений, что это так.

— Да,— сказала она, силясь овладеть собою,— полдня, не меньше, понадобится мне, чтобы хоть как-то охватить это умом. Как! Значит, всю зиму, когда ни он, ни она еще не показывались в Хайбери, он уже с нею был помолвлен?

— С октября месяца — тайно от всех. Мне больно было узнать об этом, Эмма, очень больно. И его отцу не меньше. *Кое в чем* его поведение представляется нам непростительным.

Эмма лишь на миг замешкалась с ответом:

— Не хочу делать вид, будто не понимаю вас, но у меня есть средство снять этот камень с души вашей — знайте, его внимание ко мне не произвело того действия, коего вы опасаетесь.

Миссис Уэстон, боясь поверить, подняла на нее глаза, но взгляд Эммы был так же спокоен и тверд, как ее речи.

— А чтобы вам легче было уверовать в то, что я теперь к нему совершенно равнодушна,— продолжала она,— скажу вам больше. Было время в раннюю пору нашего знакомства, когда он мне, точно, нравился и я готова была в него влюбиться — да что там «готова» — влюбилась, и как это потом прошло, сама диву даюсь. Но, к счастью, это прошло. Он в самом деле последнее время, месяца три по крайней мере, ничего для меня не значит. Можете мне поверить, миссис Уэстон. Это чистая правда.

Миссис Уэстон со слезами радости поцеловала ее и, когда к ней воротилась способность разговаривать, поклялась, что слаще этого заверенья ничего для ее слуха быть не может.

— Для мистера Уэстона тоже будет громадным облегчением это услышать,— сказала она.— Мы так терзались за вас! Нашей заветной мечтою было, чтобы вы понравились друг другу, мы думали, что так оно и есть... Вообразите же себе, что мы должны были испытать при этом известии.

— Я избежала несчастья каким-то чудом, за что мы с вами можем благодарить судьбу. Но *его* это не оправдывает, миссис Уэстон, и в моих глазах, должна сказать, он очень виноват. Какое право имел он приехать к нам связанным клятвой любви и верности и вести себя так вольно? Какое право имел добиваться расположения од-

ной, настойчиво за нею ухаживать — а он, бесспорно, делал это, — меж тем как принадлежал другой? Как мог он знать, что не наделает бед? Что я не отвечу на его авансы любовью?.. Дурно — очень, очень дурно.

— Из того, что он говорил, Эмма, милая, я вынесла впечатление...

— И как могла *она* терпеть такое поведение? Чудовищное самообладание! Видеть, как он при ней увивается за другою женщиной, и не возмутиться? Такую меру хладнокровия я не способна ни понять, ни уважать.

— Меж ними происходили размолвки, Эмма, он прямо об этом сказал. Ему некогда было особенно вдаваться в объяснения. Он был у нас всего четверть часа, и в столь возбужденном состоянии, что даже это время не мог употребить с большою пользою, но что у них были недоразумения — это он сказал с полной определенностью. Они-то, сколько я могу судить, и приблизили развязку и, очень может статься, вызваны были как раз его неправильным поведением.

— Неправильным? Ох, миссис Уэстон, это чересчур мягко сказано. Не просто неправильным, а гораздо, гораздо хуже. Не могу передать вам, как он проиграл, как уронил себя в моем мнении. Таков ли должен быть мужчина?.. Где прямота и цельность, неукоснительная приверженность принципам и правде, где презрение к мелкому надувательству, которые надлежит всегда и во всем выказывать настоящему мужчине?

— Позвольте, Эмма, дружок, я должна за него заступиться — пусть в настоящем случае он вел себя дурно, но я все-таки не первый день его знаю и ручаюсь вам, у него есть много хороших, прекрасных качеств и...

— Господи! — не слушая ее, вскричала Эмма. — А миссис Смолридж! Еще чуть-чуть — и Джейн нанялась бы в гувернантки! О чем он думал? Какая ужасающая черствость! Допустить, чтобы она решилась на этот шаг — чтобы такая мысль пришла ей в голову...

— Он ничего об этом не знал, Эмма. Тут его никак нельзя винить. Она приняла это решение самостоятельно, не сообщив ему, или сообщив так, что он не придавал этому значения. До вчерашнего дня он, по его словам, находился в полном неведении относительно ее планов. Они точно громом его поразили — не знаю, письмо ли пришло, записка ли, — но именно известие о том, что она замышляет, к чему готовится, побудило его немедленно пойти к дяде, во всем открыться, уповав на его доброту, и покончить

с этим мучительным, затянувшимся так надолго положением, когда надобно было таиться и скрывать.

Эмма навестила уши.

— Он скоро мне напишет,— продолжала миссис Уэстон.— Прощаясь, он говорил, что скоро придет письмо, и мне послышалось в этих словах обещание-изложить ряд подробностей, о которых пока что рассказывать рано. Давайте же сперваждемся этого письма. Может быть, оно поведаст нам о смягчающих обстоятельствах. Может быть, разъяснит и оправдает многое, что теперь недоступно нашему пониманию. Не будем же суровы, не будем торопиться осуждать его. Выкажем терпенье. Мне нельзя его не любить, и теперь, когда известное, весьма существенное соображение более меня не тревожит, я искренне желаю, чтобы все завершилось счастливо, и горячо на это надеюсь. Вероятно, они оба вынесли немало страданий из-за необходимости молчать и прятаться.

— *Ему*,— сухо отозвалась Эмма,— эти страдания, сколько можно судить, не причинили особого ущерба... Ну хорошо — и как же принял эту новость мистер Черчилл?

— Весьма благосклонно — почти не сопротивлялся и дал свое согласие. Подумайте, как все перевернули в этом семействе события одной недели! При жизни бедной миссис Черчилл не было бы, я полагаю, ни проблеска надежды, ни малейшей вероятности, ни единого шанса — но едва останки ее упокоились в фамильном склепе, как муж согласен идти наперекор ее воле... как все же славно, когда непомерное влияние уносят с собою в могилу!.. Его не понадобилось долго уговаривать.

«Да,— пронеслось в голосе у Эммы,— и не понадобилось бы, когда бы речь шла о Гарриет...»

— Это произошло вчера вечером, а на рассвете Фрэнк поскакал сюда. Сначала на какое-то время остановился в Хайбери, побывал у Бейтсов, а оттуда — к нам, но, как я уже сказала, всего на четверть часа — так он спешил назад к дядюшке, которому теперь необходим вдвойне. Он был чрезвычайно возбужден — неимоверно — совсем другой человек, я таким его не видела. Ко всему прочему прибавилось потрясение, когда он обнаружил, как ей худо, о чем дотоле не подозревал — весь вид его выдавал, что он глубоко взволнован.

— И вы в самом деле верите, что их роман окружала непроницаемая тайна? Ну, а Кемпбеллы, а Диксоны — неужели никто из них так-таки ничего не знал о помолвке?

Произнося слово «Диксоны», Эмма невольно покраснела.

— Да, никто. Он ясно сказал, что об этом не знал никто на свете, помимо них двоих.

— Что ж,— сказала Эмма,— наверное, мы постепенно привыкнем к этой мысли — и желаю им всяческого счастья. Но мне всегда будет отвратителен подобный образ действий. Что это, как не нагромождение лицемерия и обмана — шпионства и предательства? Явиться к нам, изображая прямодушие и откровенность — и, в тайном союзе друг с другом, обсуждать каждого из нас!.. Мы, как последние простофили, всю зиму и весну мнили, будто сообщаемся на равной ноге, честно и благородно, меж тем как двое среди нас, быть может, копили и сравнивали впечатления, рядили о чувствах и высказываниях, отнюдь не предназначенных для слуха их обоих... Пускай же пеняют на себя, ежели при этом выяснилось, что о ком-то из них говорят не слишком приятные вещи!

— Я на этот счет могу быть покойна,— возразила миссис Уэстон.— Уверена, что никогда не говорила одному из них про другого ничего такого, что нельзя было бы сказать в присутствии обоих.

— Вам повезло... Когда вы впали единственный раз в заблуждение, вообразив, что в нее влюблен один наш общий знакомый, вы поверили это лишь моим ушам.

— Верно. Но как я всегда была самого высокого мнения о мисс Фэрфакс, то, даже впад в заблуждение, не могла отозваться об ней дурно — а о нем и подавно.

В эту минуту за окном показался мистер Уэстон, который явно дожидался, когда его позовут. Жена подала ему взглядом знак войти и, когда он скрылся, прибавила:

— А теперь, милочка Эмма, умоляю вас, держитесь и говорите так, чтобы у него стало легче на душе и он мог благосклонно отнестись к этому браку. Постараемся замечать лишь хорошее — ведь, и правда, почти все говорит в ее пользу. Она — не самая завидная партия, но ежели мистера Черчилла это не смущает, то отчего должно смущать нас? И может быть, для него — для Фрэнка, я хочу сказать — большая удача, что выбор его пал на девицу с таким твердым характером и ясным умом, каковою я всегда ее считала, да и теперь склонна считать, несмотря на это единственное, но серьезное отступление от строгих правил. Хотя в ее положении даже эту ошибку многое оправдывает.

— Очень многое! — воскликнула с чувством Эмма. — Ежели есть положение, когда женщине простительно думать только о себе, — это положение Джейн Фэрфакс. То, о котором по справедливости можно сказать: «Не друг тебе весь мир, не друг — его закон».

Входящего мистера Уэстона она встретила веселой улыбкой и словами:

— Хорошенькую вы шутку со мной сыграли, нечего сказать! Это что, новый способ подразнить мое любопытство и проверить, хорошо ли я умею угадывать? Ну и напугали же вы меня! Я уж подумала, что вы по крайней мере лишились половины состояния. А вам, оказывается, не соболезнования надобно приносить, а поздравления!.. От всего сердца поздравляю вас, мистер Уэстон, что вам достанется в дочери одна из самых прелестных и достойных девиц на английской земле.

Мистер Уэстон переглянулся раз-другой с женою, понял, что это говорится без притворства, что все в порядке, — и немедленно воспрянул духом. Лицо его преобразилось, в голосе зазвучала обычная бодрость; он крепко, благодарно пожал ей руку и пустился рассуждать на эту тему в духе, свидетельствующем, что еще немного, еще легкий нажим со стороны, и он начнет думать об этой помолвке без неудовольствия. Его собеседницы старались упираться на то, что могло умалить в его глазах неразумие и сгладить возраженья, и к тому времени, как они обсудили все втроем — а потом, на обратном пути в Хартфилд, обсудили еще раз вдвоем с Эммой, — он совершенно примирился с таким поворотом событий и был недалек от мысли, что ничего лучшего Фрэнк не мог и придумать.

ГЛАВА 11

арриет, бедная Гарриет!» — твердила себе Эмма; эта мысль неотступно мучила ее, в этом была суть несчастья. Фрэнк Черчилл обошелся с нею самой очень дурно — дурно во многих отношениях, — но гневалась она на него не за *его* проступки, а за *свои*. Из-за него, но по *ее* вине пострадала Гарриет, и это задевало всего глубже. Во второй раз сделалась бедняжка жертвою ее оплошностей и обольще-

ний. С изрядной прозорливостью сказал когда-то мистер Найтли: «Эмма, вы были плохим другом Гарриет Смит». И впрямь, как это ни ужасно, она приносила один лишь вред своей подопечной. Правда, нынче, в отличие от прежнего, вина лежала не только на ней — недолжные помыслы уже и без нее смущали Гарриет, она еще до первого намека со стороны призналась, что отличает Фрэнка Черчилла и восхищается им, — но все же Эмма поощряла чувства, которые должна была сдерживать. Она могла предупредить их, не попустить — на это у ней бы хватило влияния. А что предупредить их было необходимо, она теперь уверилась вполне... Она убедилась, что играла счастьем своей подружки, не имея к тому и малых оснований. Здравый смысл обязывал ее сказать сразу, что о Фрэнке и помыслить недозволительно, ибо слишком ничтожна вероятность, что он ее полюбит. «Да только, видно,— думала она,— со здравым смыслом я не в ладу...»

Она досадовала на себя так сильно, что это было бы неумогу, не имея она повода досадовать и на Фрэнка Черчилла... К большому ее облегчению, Джейн Фэрфакс уже в опеке не нуждалась. Достанет тревожений с Гарриет, о Джейн долее печалиться незачем — ее болезни и невзгоды, имея одну причину, несомненно пройдут и от одного лекарства. Времена прозябания и бедствий для нее миновали. Скоро придут к ней и здоровье, и благоденствие, и радость... Эмма догадывалась теперь, отчего Джейн отвергала ее заботы. Открытие это объясняло много мелких загадок. Ею владела ревность. Джейн видела в ней соперницу — как же могла она принять от нее дружбу или помощь? Прогулка в хартфилдской карете была в ее глазах страшнее пытки, маниею из хартфилдских кладовых — горше отравы. Все это Эмма поняла — и, по мере сил изгнав из сердца пристрастность и своекорыстие обиды, честно себе призналась, что Джейн обрела положение и счастье лишь по заслугам. Зато бедняжке Гарриет помощь требовалась неотложно — вся ее помощь без остатка, все ее сочувствие! Эмма со страхом и печалью предвидела, что этот вторичный удар окажется тяжелее первого. Иначе и быть не может — и не должно: нынешний предмет ее неизмеримо выше, его влияние на Гарриет неизмеримо сильнее, иначе она бы не сумела так владеть собою... И все-таки — чем раньше, тем лучше — ей надобно поведать горькую правду. Мистер Уэстон напоследок запретил делиться с другими этой

новостью. «Покамест все должно оставаться в тайне. Мистер Черчилл настаивает на этом из уважения к памяти жены, да и приличия требуют того же». Эмма обещалась молчать, но высший долг повелевал ей открыться Гарриет.

Как ни досадовала она, но едва ли не забавным казалось, что ей предстояло выполнить в отношении Гарриет ту же нелегкую и деликатную обязанность, которую только что исполнила миссис Уэстон по отношению к ней. Со страхом нес/ она кому-то вест, которую с таким же страхом сообщили только что ей самой. Сердце ее забилось чаще при звуке знакомых шагов и знакомого голоса — так же, подумалось ей, стучало сердце у бедной миссис Уэстон, когда *она* входила в Рэндалс. Ох, если б все и разрешилось с тою же легкостью!.. К несчастью, на это надежды не было.

— Ну, что вы скажете, мисс Вудхаус! — возбужденно воскликнула Гарриет, появляясь в дверях. — Не поразительная ли новость?

— Какая новость? — отозвалась Эмма, стараясь определить по голосу и виду, знает ли уже Гарриет обо всем.

— Насчет Джейн Фэрфакс. Слыхали вы что-нибудь подобное? Нет, вы не пугайтесь, мне мистер Уэстон сам сказал. Я только что с ним повстречалась. Он говорит, это большая тайна. Мне бы и в голову не пришло никому ее открыть, кроме вас, — но он говорит, вы уже знаете...

— И что же он вам сказал? — спросила Эмма, еще ничего не понимая.

— Ну, все, все! Что Джейн Фэрфакс и мистер Фрэнк Черчилл хотят пожениться и давно уже тайно помолвлены. Как странно!

Это и впрямь было странно — Гарриет невероятно странно вела себя, Эмма просто не знала, что и думать. Откуда взялась эта сила духа? Держится так, словно и не встревожена открытием, не разочарована — словно оно и не касается до нее. Эмма глядела на нее в молчаливом недоумении.

— Кто бы мог догадаться, что он в нее влюблен? — восклицала Гарриет. — Разве что вы одна, с вашим даром читать в сердцах... — краснея, — но больше никто...

— Правду сказать, — заговорила Эмма, — я готова уже усомниться, что обладаю этим даром. И вы можете спрашивать, догадывалась ли я, что он влюблен в кого-то, когда я — пусть неявно, пусть лишь намеком — поддер-

живала и поощряла *ваши* чувства?.. Да я и не подозревала до сегодняшнего дня, что Фрэнк Черчилл помышляет О Джейн Фэрфакс. Иначе, уж поверьте мне, не пощадила бы усилий, дабы вас остеречь должным образом.

— Меня? — вскричала Гарриет изумленно, заливаясь краской. — С какой же стати остерегать меня? Не думаете ли вы, что я равнодушна к мистеру Фрэнку Черчиллу?

— Рада слышать, что вы с таким хладнокровием это говорите, — улыбаясь, возразила Эмма. — Но вы не станете отрицать, что было время — и не столь давно, когда вы дали мне понять, что он вам не вовсе безразличен?

— Кто — он? Да нет же, никогда, дорогая мисс Вудхаус! И вы могли так неверно понять меня?

— Гарриет! — онемев на мгновение, вскричала Эмма. — О чем это вы? Боже милосердный! Неверно понять вас? Не хотите ли вы сказать?..

Голос ее прервался, и, не в силах более выговорить ни слова, она села, с ужасом ожидая ответа.

Гарриет, стоя поодаль, отвернулась и отвечала не сразу, а когда собралась, то голос ее звенел едва ли меньшим смятением.

— Никогда бы не подумала, что вы меня не так поймете! — начала она. — Да, верно, мы сговорились не называть его по имени, но он столь бесконечно всех выше, что, "мне казалось, понятно — о нем одном и может идти речь. Какой там мистер Фрэнк Черчилл! Не знаю, кто даже взглянет в его сторону, когда рядом *он*. Не такой у меня дурной вкус, чтобы мечтать об мистере Фрэнке Черчилле, который ничто перед ним! Поразительно, что вы могли так обмануться!.. Конечно, когда бы я не верила, что вы одобряете мой выбор, что поощряете меня, я бы вначале не дерзнула и мечтать о нем. Не скажи вы, что случались и не такие чудеса, что бывали *еще* более неравные браки — я повторяю это слово в слово, — я не позволила бы себе поддаться чувству, не посмела бы допустить возможность этого... Но когда вы, шая его всю жизнь...

— Гарриет! — вскричала Эмма, с решимостью беря себя в руки. — Объяснимся начистоту, довольно с нас ошибок! вы говорите о... о мистере Найтли?

— О нем, разумеется. У меня и мысли не было ни о ком другом — я думала, вы это знаете. Это с определенностью явствовало из нашего разговора о нем.

— По-видимому, не совсем так,— с усилием сдерживаясь, возразила Эмма,— ежели я отнесла ваши слова к другому лицу. Почти готова поручиться, что вы называли *имя* мистера Фрэнка Черчилла. И уверена, что вы упоминали о том, как мистер Фрэнк Черчилл вызволил вас от цыган.

— Ох, мисс Вудхаус, вы все забыли!

— Гарриет, милая, я даже прекрасно помню, что сказала вам на это. Я говорила, что не удивляюсь вашим чувствам, что сердце ваше не могло не тронуться, когда он оказал вам такую услугу,— и вы согласились со мною, называя эту услугу благодеянием, говорили о чувствах, с коими увидали, что он идет к вам на выручку... Слова эти врезались мне в память.

— Боже мой! — воскликнула Гарриет.— Теперь и я вспоминаю, но я не то имела в виду. Не цыган и не мистера Фрэнка Черчилла. О нет! — Одушевляясь: — Я думала о другой — и бесценной — услуге, когда мистер Найтли подошел и позвал меня танцевать, увидев, что мистер Элтон не желает, а больше мне танцевать не с кем. Вот что я называла благодеянием — вот в чем видела благородство и великодушие — вот какая услуга показала мне, что он лучше и выше всех на свете.

— Боже правый! — вскричала Эмма.— Это прискорбная, злосчастная ошибка!.. Что теперь делать?

— Значит, если бы вы поняли верно,— сказала Гарриет,— то не поощряли бы меня... И все ж могло быть хуже, когда бы речь шла о другом, потому что теперь... теперь все это стало возможным...

Она остановилась. Эмма не могла вымолвить ни слова.

— Я понимаю, мисс Вудхаус,— заговорила снова Гарриет.— Разница между ними огромна — обо мне ли речь или о ком-нибудь еще. Один должен вам представляться в миллион раз недоступней для меня, чем другой. Но предположим, что если б... как это ни удивительно... Вы ведь сами сказали — случались и не *такие* чудеса, бывали и еще *более* неравные браки — сказали это про меня и мистера Фрэнка Черчилла, а значит, коли такое чудо могло случиться... и коль судьба подарит мне столь несказанное счастье и мистер Найтли... ежели *он* пренебрежет нашим неравенством, то вы, надеюсь, дорогая мисс Вудхаус, не воспротивитесь и не станете чинить препятствий. А впрочем, что это я,— для этого вы слишком добры!

Гарриет стояла теперь у окна. Эмма, цепenea от ужаса, оглянулась на нее и торопливо проговорила:

— Вы полагаете, что мистер Найтли разделяет ваши чувства?

— Да,— скромно, но без робости отвечала Гарриет.— Откровенно говоря, полагаю.

Эмма тотчас отвела взгляд и, застыв в неподвижности, молча собралась с мыслями. Этих мгновений ей достало, чтобы прочесть в своем сердце правду. Разум подобного склада, озарясь подозрением, немедленно устремляется к разгадке. Она коснулась истины — взгляделась в нее — и удостоверилась. Почему Гарриет можно любить Фрэнка Черчилла и никак нельзя любить мистера Найтли? Почему в жилах стынет кровь при мысли, что Гарриет может надеяться на взаимность? Ответ пронзил ее, точно молния: потому что мистер Найтли должен жениться только на ней самой!

За те же считанные мгновенья открылась ей истина не только о своем сердце, но и о своем поведении. С небывалою ясностью предстала она пред ее мысленным взором. Как скверно вела она себя в отношении Гарриет! Сколько опрометчивого, бесцеремонного, необдуманного — сколько бездушного было в ее действиях! Какое ослепление, какое безумие двигало ею! Мысль эта поразила ее с невероятной силой, она названия не могла найти своим поступкам. И все же, из доли самоуважения, вопреки этим тяжким изъясам, из нежелания терять лицо, а более всего из чувства справедливости к Гарриет — в *сострадании* девушка, которая верила, что ее любит мистер Найтли, не нуждалась, но обижать ее холодностью справедливость не позволяла — Эмма нашла в себе решимость спокойно и даже с видимостью дружелюбия сидеть и терпеть дальше. Ей и самой полезно было узнать, далеко ли простираются упования ее подопечной — к тому же Гарриет ничем не провинилась, не за что было лишать ее участия и доброты, которые ей добровольно уделяли до сих пор,— и уж тем паче не заслужила она пренебрежения от той, которая давала ей одни лишь пагубные советы... И Эмма, очнувшись от раздумья, стараясь унять душевную бурю, вновь оглянулась на Гарриет и более приветливым тоном возобновила прерванную беседу, а то, что ей послужило началом — чудесная новость о Джейн Фэрфакс,— исчезло, рассеялось, как дым. Обе думали теперь только о себе — о себе и о мистере Найтли.

Гарриет, для которой эти секунды прошли в мечтаниях, не лишенных, впрочем, приятности, рада была, ког-

да ее вернул к действительности ободряющий голос мисс Вудхаус, доброго друга и мудрого судьи, и, не заставляя просить себя дважды, с охотою, хотя и не без трепета, стала рассказывать о причинах своих надежд; Эмма, внимая ей и задавая вопросы, трепетала не меньше, хотя и лучше скрывала волнение. Голос ее звучал ровно, но душа пребывала в смятенье, потрясенная внезапным откровением и столь же внезапною угрозой, борением ошеломляющих чувств. Глубже пряча страдания и являя одно лишь терпенье, слушала она подробности, которые излагала ей Гарриет. Особой связности, последовательности или красноречия она и не ждала, но ежели от решиться от несообразностей и повторений, рассказ содержал в себе нечто такое, от чего у Эммы упало сердце, в особенности когда память ей подтвердила, что мнение мистера Найтли об Гарриет и вправду много переменялось к лучшему.

Перемену в его поведении с нею Гарриет ощутила после двух достопамятных танцев... Эмма сама знала, что ее подруга тогда приятно поразила его. С того вечера — или, во всяком случае, с того часа, когда мисс Вудхаус не воспретила ей думать о нем, — Гарриет стала замечать, что он склонен чаще вступать с нею в беседу и совсем иначе ведет себя, что в его обращении с нею появились мягкость и доброта... В последнее время это чувствовалось все сильней. Все чаще во время совместных прогулок он подходил к ней, шел рядом, занимал ее приятнейшим разговором!.. Ей кажется, что он желает ближе познакомиться с нею. Эмма знала, что и это недалеко от истины. Она сама замечала в нем такую перемену. Гарриет приводила слова похвалы и одобренья, сказанные им, и Эмма вспоминала, как он почти в тех же выражениях отзывался о Гарриет в разговоре с нею. Как ему нравилось отсутствие в Гарриет жеманства и притворства, как нравилась безыскусность, простота, искренность ее чувств. Да, Эмма знала, что он видит в Гарриет эти достоинства, — он не раз упоминал ей о них. Однако многое, что столь живо присутствовало в памяти Гарриет — частые маленькие знаки внимания, взгляд, два-три слова, придвинутый ближе стул, лестный намек, скрытый комплимент, — Эмма, ничего не подозревая, пропустила мимо. События, которых хватило бы на добрых полчаса в пересказе, свидетельствовали о многом для той, которая видела их, но укрылись от внимания той, которая об них слушала теперь, — однако два из них,

самых недавних и, на взгляд Гарриет, многообещающих, Эмма отчасти тоже отметила. Во-первых, когда все гуляли по липовой аллее, он до того, как появилась Эмма, шел вдвоем с Гарриет поодаль от прочих, причем, по убеждению Гарриет, увел ее вперед нарочно и вначале разговаривал с нею многозначительно — совсем не так, как обычно. При воспоминании об этом Гарриет зарделась. Казалось, он клонил к вопросу о том, свободно ли ее сердце... Но едва к ним приблизилась мисс Вудхаус, как он тотчас перешел на другое и заговорил о сельском хозяйстве... Во-вторых, перед отъездом в Лондон он просидел с нею почти полчаса в Хартфилде, покуда не воротилась Эмма, хотя, когда явился, сразу предупредил, что не пробудет и пять минут, а за разговором признался, что уезжает с большой неохотой и предпочел бы остаться — о чем, отметила Эмма, он ей самой не сказал ни слова. Одно уже это показывало, насколько он откровенней с Гарриет, и стало для Эммы причиною новых терзаний.

О первом из этих двух свидетельств Эмма после минутного раздумья решилась спросить:

— Но может быть... вы не допускаете, что, осведомляясь о ваших чувствах, он думал о мистере Мартине — что он действовал в интересах мистера Мартина, когда спрашивал вас об этом?

Но Гарриет безоговорочно отвергла таковое предположение.

— Мистера Мартина? Вот уж нет! Об нем не было сделано и намека. Я теперь даже не взгляну в сторону мистера Мартина и думаю, это всякому понятно.

Итак, перечень свидетельств был завершен, и Гарриет просила дорогую мисс Вудхаус сказать, есть ли у нее основания надеяться.

— Если бы не вы,— сказала она,— я бы сначала и думать об нем не посмела. Это вы мне советовали понаблюдать за ним — руководствоваться в моих чувствах его поведением,— так я и сделала. И вот теперь мне кажется, что я, быть может, его достойна — что если он выберет меня, в этом не будет ничего невероятного.

Столько горьких, горчайших чувств всколыхнули в сердце Эммы эти речи, что ей стоило великого усилия вымолвить в ответ:

— Гарриет, могу сказать лишь одно — никогда такой человек, как мистер Найтли, не введет женщину умышленно в заблуждение относительно своих чувств.

Услышав столь благоприятный приговор, Гарриет едва не кинулась ей на шею — от этих изъятий восторга и любви, которые были бы в ту минуту страшнее всякого наказания, Эмму спасли звуки отцовских шагов. Из прихожей к ним приближался мистер Вудхаус. Гарриет, в сильном волнении, предпочла избежать встречи с ним. Она не в силах справиться с собою... Мистер Вудхаус может встревожиться — ей лучше теперь уйти... Ее приятельница с готовностью поддержала ее в этом; Гарриет выскользнула в другую дверь, и не успела она скрыться, как у Эммы вырвалось: «Боже! Зачем она мне только встретилась в жизни!»

Остаток дня и наступившая ночь прошли в мучительных думах. То, что обрушилось на нее в эти последние часы, ошеломило ее и повергло в смятение. Каждый миг приносил неожиданную новость, и каждая новость — унижение. Как все это понять, как разобраться? Отчего она обманывала себя и жила этим обманом? Откуда эти заблуждения, эта слепота рассудка и души? Она сидела, вставала, ходила — то по комнатам, то по саду — и везде, в креслах и на аллее, видела одно: что поступала недостойно, малодушно — горько было сознавать, что ею воспользовались, поставили ее в унижительное положение; еще горше — что она сама поставила себя в унижительное положение, что она несчастна и что несчастья ее, быть может, только начинаются сегодня.

Прежде всего она пыталась понять, уяснить себе толком свои чувства. На это тратила каждый миг, не отданный отцу, каждый миг невольной рассеянности.

С каких же пор сделался мистер Найтли дорог ей, как неожиданно подсказало ей сердце? Когда повеяло на нее этим флюидом, этим током? Когда вселился он в сердце, изгнав оттуда случайного гостя — Фрэнка Черчилла? Эмма оглядывалась назад, сравнивала их — сравнивала свое к ним отношение с той поры, как появился второй из них — а должна была бы сравнить давным-давно, ежели б это по счастливой случайности пришло ей в голову!.. Она видела теперь, что всегда, во всякое время ставила мистера Найтли несравненно выше и несравненно больше дорожила его отношением к себе. Видела, что, уверяя себя в обратном, думая и действуя наоборот, она бесконечно обманывалась, не ведала, что творит, что, одним словом, она никогда не любила Фрэнка Черчилла!

Вот к чему ее привели первоначальные размышления. Вот что узнала она о себе, отвечая на первоначальный

вопрос, — и времени на это потребовалось не так уж много. Гнев на себя и раскаяние владели ею, всякое чувство ее и побуждение рождало в ней стыд, кроме одного, которое только что ей открылось, — чувства к мистеру Найтли... Все прочее в собственной душе было ей отвратительно.

В неизъяснимом тщеславии она возомнила, будто умеет читать в чужих сердцах, в непростительной гордыне покушалась распоряжаться чужою судьбой и, оказывается, кругом ошибалась — и добро бы сидела сложа руки, а то ведь натворила бед. Навлекла столько зол — на Гарриет, на себя самое, а может статься, как это ни страшно, и на мистера Найтли. Если этот неравнейший из союзов состоится, она одна будет повинна, это с ее легкой руки все пошло — он, вероятнее всего, не обратил бы на Гарриет внимания, когда бы не заподозрил о ее чувствах к нему, а ежели и нет, то все равно — он бы вообще не знался с Гарриет, когда бы не прихоть мисс Вудхаус.

Мистер Найтли и Гарриет Смит!.. Кто бы додумался поставить рядом эти имена? Что такое в сравнение с этим роман Фрэнка Черчилла и Джейн Фэрфакс? Обычная вещь, чепуха, повседневность — ровным счетом ничего удивительного, поражающего воображение. И говорить-то не о чем... Мистер Найтли и Гарриет Смит! Как непостижимо она возвысится! Как низко уронит себя он! Подумать ужасно, как унизит его этот союз в общем мнении — ужасно предвидеть насмешливые, глумливые, пренебрежительные улыбки по его адресу, презрение и обиду его родного брата, тысячи неловкостей, затруднений. Да разве мыслимо такое? Нет, никогда! А между тем ничего невозможного тут нет. Ново ли, когда благороднейший, умнейший становится жертвою посредственности? Ново ли, когда мужчина, которому недосуг заниматься поисками, становится добычею той, которая сама его находит? И разве новы в этом мире неравенство, нелепость, несообразность — и впервые ли распоряжаются, пусть невзначай, людскою судьбой обстоятельства и слепая случайность?

Ох, зачем она только приблизила к себе Гарриет! Для чего не оставила ее там, где ей место! Не он ли сам предостерегал ее когда-то!.. Для чего с неслышанным безрассудством помешала ей стать женою превосходного молодого человека, с которым она была бы счастлива в назначенном ей кругу, и все сейчас обстояло бы благополучно, обошлось бы без этих жутких последствий...

И как смела Гарриет подумать о мистере Найтли? Как дерзнула вообразить, не зная наверное, что ее сделал

своею избранницей такой человек? Но Гарриет стала уже не та, утратила былую скромность и щепетильность. Уже не чувствовала, что стоит ниже других по уму и по рождению. Прежде ее тревожило, снизойдет ли до женитьбы на ней мистер Элтон — теперь, кажется, не слишком тревожит, снизойдет ли до этого мистер Найтли... Увы — не ее ли рук дело и это? Кто, как не она, старательно внушал Гарриет, чтобы выше ценила себя? Кто, как не она, учил, что она вправе притязать на иное положение в обществе и должна стремиться по возможности возвыситься?... Ежели смиренница Гарриет сделалась тщеславной, то это — опять-таки ее работа.

ГЛАВА 12

мма и не догадывалась, в какой мере счастье ее зависит от того, *первая* ли она для мистера Найтли в его помыслах, в его сердце — не догадывалась, покамест над ее первенством не нависла угроза... Зная, что обладает им, веря, что это в порядке вещей, она жила в свое удовольствие и не вдавалась в раздумья; лишь страх уступить свое место другой открыл ей, сколь невыразимо оно для нее важно... Долго, слишком долго чувствовала она себя первой — за неимением близких родственников, одна лишь Изабелла могла бы оспаривать право на его внимание, а Эмма прекрасно знала, кого из них двоих он чтит и любит больше. Все эти годы главной для него была она. И не по заслугам — слишком часто случалось ей бывать небрежной, строптивой, пренебрегать его советами и даже, назло ему, поступать наперекор, не замечать и половины его достоинств, вздорить с ним, когда он оспаривал ее неверные, полные сомнения суждения — и вопреки всему, по-родственному, по привычке, по душевному благородству, он любил ее, как никого другого, следил за нею с детских лет, наставлял, исправлял, не давал свернуть с пути. Она знала, что, несмотря на все недостатки, дорога ему, быть может — очень... Это должно было, казалось бы, вселять в нее надежды, но Эмма не посмела им предаваться. Это Гарриет Смит могла считать, что достойна, пожалуй, его особенной, единственной — страстной его любви. Она — не могла. Не могла тешиться мыслью, что он любит

ее в ослепление. Не она ли недавно убедилась, сколь беспристрастно его отношение к ней... Как возмущился он ее поведением с мисс Бейтс! Как прямо, как сурово говорил об этом с нею! Заслуженная суровость — но разве он выказал бы ее, когда бы в груди его теплилась не только неуклонная справедливость и зоркая доброжелательность?... Надежды не было — никакой надежды на то, что он питает к ней нежные чувства особого рода; но оставалась — то угасая, то вспыхивая вновь — надежда, что *Гарриет* могла обмануться, могла преувеличить его чувства к ней... Хорошо бы так — ради его блага, даже если ей самой это ничего не принесет и он только останется на всю жизнь холостяком. Да, будь она уверена, что он ни на ком не женится, она, наверное, вполне удовлетворялась бы этим. Пусть он останется прежним мистером Найтли — для нее, для ее батюшки — для целого света: пускай не прервется бесценная дружеская связь меж Донуэллом и Хартфилдом, не ослабеют узы взаимного доверия и дружбы, и на сердце у нее будет покойно... Тем более что замужество для нее исключается. Оно несовместно с ее дочерним долгом и дочернею любовью. Ничто не разлучит ее с ее батюшкой. Она бы и за мистера Найтли не пошла, если б он попросил ее руки...

Всей душою желала она неудачи Гарриет, уповая, что когда снова увидит их вдвоем, то сможет хотя бы определить, есть ли у нее в самом деле причины надеяться. Она с них глаз не будет спускать, и, пусть до сих пор ей не сопутствовала удача в искусстве наблюдать, — отныне она уже не ошибется... Его ждали назад со дня на день. Возможность для наблюдений представится скоро, слишком скоро, если страхам ее суждено подтвердиться. А до той поры, решила она, лучше не видаться с Гарриет. Ни им обоим, ни делу не будет пользы от новых разговоров. Она тала, что все равно не поверит, покуда есть основания сомневаться, а поколебать уверенность Гарриет была покамест не властна. Разговоры ничего не дадут, кроме лишних волнений... И она в добрых, но твердых выражениях написала ей, что пока не приглашает ее в Хартфилд, изъявив убеждение, что от доверительных бесед об известном предмете им лучше впредь воздерживаться, и надежду, что ежели они в ближайшие дни будут встречаться не иначе как на людях, избегая свиданий наедине, то смогут потом вести себя так, словно вчерашнего разговора не существовало... Гарриет согласилась с нею, подчинилась и поблагодарила.

Едва этот вопрос уладился, как Эмму ненадолго отвлекли от предмета, который вот уже сутки во сне и наяву занимал собою ее мысли: приехала миссис Уэстон — она только что побывала у будущей невестки и по дороге домой завернула в Хартфилд, дабы, отчасти из чувства долга по отношению к Эмме, а более ради собственного удовольствия, поведать во всех подробностях об этом многозначащем визите.

К миссис Бейтс ее сопровождал мистер Уэстон и весьма достойно справился со своею ролью, но после она пригласила мисс Фэрфакс прокатиться с нею вдвоем и узнала за время этой прогулки гораздо больше, чем за четверть часа в гостиной миссис Бейтс, когда всех их сковывала неловкость.

В Эмме пробудилась толика любопытства, и она, стараясь поддерживать его в себе, расположилась слушать. Миссис Уэстон решила ехать к миссис Бейтс не без внутренней борьбы — поначалу вовсе не хотела, предпочитая написать мисс Фэрфакс, а с формальным визитом повременить до тех пор, покуда мистеру Черчиллу не станет легче смириться с тем, что тайна получит огласку, ибо, все взвесив, она поняла, что о посещении этом неизбежно пойдут толки; однако мистер Уэстон думал иначе, превыше всего желая показать мисс Фэрфакс и ее родным, что смотрит на случившееся благосклонно, — он считал, что никаких подозрений визит не вызовет, а если и вызовет, то не беда — ибо, заметил он, «такое все равно не скроешь». Эмма улыбнулась, подумав, что у мистера Уэстона есть основания для подобного вывода. Короче, решено было ехать. Джейн при виде их пришла в неопишемое смущение и растерянность. Ей явно стоило труда поддерживать разговор; всякий взгляд ее, всякое движение свидетельствовали о муках совести. Отрадно и трогательно было видеть тихую радость старушки, сияющее лицо ее дочери, которая даже примолкла слегка от восторга. Обе столь очевидно заслуживали уваженья, столь бескорыстно торжествовали, столь искренне думали только о Джейн — о всех других — и забывали о себе, что становилось тепло на душе. Недавняя болезнь мисс Фэрфакс послужила миссис Уэстон отличным предлогом пригласить ее прогуляться, она вначале дичилась и отнекивалась, но уступила настояньям, а во время прогулки миссис Уэстон, незаметно ободряя ее, помогла ей справиться с застенчивостью и понемногу разговориться о главном. Началось, разумеется, с извинений за то, что, когда миссис Уэстон

впервые их посетила, то Джейн, рискуя показаться невежливой, большею частью отмалчивалась — затем последовали изъявления горячей благодарности, которую она всегда питала к ней и мистеру Уэстону; когда же эти излияния иссякли, началась обстоятельная беседа о делах и планах в настоящем и будущем. Миссис Уэстон полагала, что она принесла облегчение ее собеседнице, у которой за столько времени многое накопилось на душе, и сама осталась очень довольна тем, что от нее услышала.

— С особенным волнением говорила она о том, чего ей стоило таиться все эти месяцы, — продолжала миссис Уэстон. — Вот ее слова: «Не стану говорить, будто со времени нашей помолвки у меня не было счастливой минуты, но могу смело сказать, что не знала после нее ни одного спокойного часа», — губы у ней дрожали, Эмма, и я пожала ее всем сердцем.

— Бедная! — сказала Эмма. — Так, значит, она корит себя за то, что согласилась на тайную помолвку?

— Корит? Мне кажется, никто не осуждает ее столь сурово, как она сама. «Этот поступок — говорила она, — стал для меня причиною непрестанных страданий, и это справедливо. Зло влечет за собою наказание, но продолжает оставаться злом. Страдания не искупают вины. Им никогда меня не обелить. Я действовала против собственных правил — все кончилось счастливо, все добры ко мне, но совесть мне подсказывает, что это не заслужено. Не думайте, сударыня, — прибавила она, — что меня дурно воспитывали. Не судите по моей ошибке о друзьях, которые учили меня и пеклись обо мне. Виновата я одна, и, хотя, казалось бы, нынешние обстоятельства могут мне служить оправданьем, поверьте, я со страхом думаю о той минуте, когда должна буду все рассказать полковнику Кемпбеллу».

— Бедная! — повторила Эмма. — Видно, она любит без памяти. Видно, одна любовь толкнула ее на этот шаг. Любовь пересилила разум.

— Да, сила ее чувства не вызывает у меня сомнений. Эмма вздохнула.

— Боюсь, что и я изрядно приумножила ее страдания...

— Вы, дружок, это делали, сами того не зная. Впрочем, сколько я поняла, отсюда, быть может, и проистекали размолвки, на которые он нам намекал. Зло, совершенное ею, говорила она, имело естественным следствием то, что она начала вести себя неразумно. Сознывая, что поступила неверно, она сделалась жертвою бесчисленных тревог и стра-

хов, сделалась вздорной, раздражительной, и, должно быть — даже наврное,— ему было трудно это выносить. «Я перестала считаться с его складом натуры и нравом,— говорила она,— с его прелестною живостью, с веселым, легким характером, который в обычных обстоятельствах составлял для меня одно из главных его очарований». Затем она стала говорить о вас — сколько доброты вы к ней выказали, когда она хворала, и, красноречиво краснея, просила меня при первой возможности передать вам ее благодарность — величайшую благодарность — за эти добрые побуждения и старания оказать ей помощь. Ей совестно, что она их без должной признательности отвергла.

— Когда бы не уверенность, что сейчас она счастлива,— серьезно отвечала Эмма,— а она, конечно, счастлива, как бы ее ни мучили угрызенья совести — эта признательность была бы для меня нестерпима, потому что, миссис Уэстон, ежели подсчитать, сколько зла я сделала мисс Фэрфакс, то все эти добрые побуждения... Ну, да что там...— останавливая себя и стараясь глядеть веселей,— пора это все забыть. Спасибо, что вы посвятили меня во все эти любопытные подробности. Они показывают ее в самом выгодном свете. Я убедилась, что она достойна счастья,— я надеюсь, что оно не изменит ей. Это справедливо, что он богат, ибо духовное богатство целиком принадлежит ей.

С таким заключеньем миссис Уэстон согласиться не могла. Она во Фрэнке не видела изъянов, а главное — любила его, и потому истово защищала. Она говорила и умно, и с чувством, но Эмма вскоре потеряла нить ее рассуждений — ее внимание устремилось на Бранзуик-сквер — в Донуэлл; она больше не вслушивалась и, когда миссис Уэстон завершила словами: «Письма, которого мы так ждем, еще нет, но надеюсь, оно скоро придет»,— ответила не сразу и наугад, так и не вспомнив, о каком письме идет речь.

— Эмма, девочка моя, здоровы ли вы? — спросила ее напоследок миссис Уэстон.

— Совершенно! — отвечала Эмма.— Вы же знаете, я не болею. Так не забудьте известить меня, когда придет письмо.

Рассказ миссис Уэстон дал Эмме новую пищу для невольных размышлений, заставив ее проникнуться еще большим уважением и сочувствием к мисс Фэрфакс, острее ощутить, как она к ней была несправедлива. Горько сето-

вала она, что не стремилась ближе сойтись с нею, и краснела при мысли, что причиной тому была в известной мере, конечно же, зависть. Послушайся она мистера Найтли — яви она к Джейн внимание, которого она с такою несомненностью заслуживала — попытайся узнать ее лучше, сделать шаг ей навстречу, найти друга в ней, а не Гарриет Смит,— и как знать, быть может, не пришлось бы ей теперь так мучиться... Одна — ровня ей по уму, рождению, воспитанию, а что такое другая? Предположим даже, что они бы не подружились, что мисс Фэрфакс не посвятила бы ее в столь важную тайну — а вероятней всего, так бы и случилось,— все-таки, узнав ее как следует, как ей следовало узнать Джейн Фэрфакс, она бы не питала этих гнусных подозрений насчет непристойного романа с мистером Диксоном, которые не только выдумала и взлелеяла по глупости сама, но и, что вовсе непростительно, разболтала другому, который, опасалась она, мог по легкомыслию и беспечности сообщить о них Джейн и глубоко оскорбить ее в самых деликатных чувствах. Она понимала теперь, что со времени приезда Джейн в Хайбери была для нее, вероятно, худшим из многочисленных зол, осаждавших ее. Была всегда и во всем врагом ей. Всякий раз, как они оказывались вдвоем, она угрожала спокойствию мисс Фэрфакс на тысячи ладов, а Бокс-хилл явился, по всей видимости, последней каплей, переполнившей чашу душевных страданий.

Долог и невесел был этот вечер в Хартфилде. Погода тоже наводила уныние. Заладил холодный дождь, и о том, что на дворе июль, напоминали разве что деревья и кусты, терзаемые ветром, да поздний закат, который все медлил скрыть от глаз эту безотрадную картину.

Непогода дурно действовала на мистера Вудхауса, и приободрить его могли одни лишь непрестанные заботы дочери, которые ныне стоили ей небывалых дотоле усилий. Ей припомнился другой тоскливый вечер, когда она впервые осталась вдвоем с отцом после свадьбы миссис Уэстон — но тогда вскоре после чая пришел мистер Найтли и мигом разогнал их грусть. Увы, скоро этим дружеским посещениям, этим чудесным свидетельствам притягательной силы Хартфилда, настанет конец. Тогда она опасалась, что с наступлением зимы лишится многого,— и ошиблась; ни один друг их не покинул, ни одно увеселение не прошло мимо... Но сердце говорило ей, что на этот раз дурные предчувствия ее уж не обманут. На этот раз будущее закрыли тучи, которых не разогнать, даже не раздвинуть

немного. Если в кругу ее друзей совершаются ожидаемые перемены, то Хартфилд опустеет — она останется наедине со своим батюшкой и сожаленьями о загубленном счастье.

В Рэндалсе родится дитя и свяжет мать, займет ее сердце и время, станет дороже прежней питомицы. Они лишатся миссис Уэстон и, вероятно, в значительной степени — ее мужа. Фрэнк Черчилл больше приезжать не станет, и мисс Фэрфакс, надобно полагать, вскоре окончательно оторвется от Хайбери. Они поженятся и осядут либо в Энскуме, либо где-нибудь неподалеку от него. Все, что ей дорого, отнимется, а ежели, ко всему прочему, они утратят и Донуэлл, то что им останется — с кем можно будет отвести душу за интересным разговором, с кем поделиться заботой? Уж не заглянет к ним больше скоротать вечерок мистер Найтли!.. Не нагрянет в любом часу, словно к себе домой!.. Как это вынести? И ежели он оставит их ради Гарриет, ежели подтвердится, что общество Гарриет для него предел желаний, что его избраница, сердечный друг, супруга, средоточие его земного блаженства — Гарриет, то разве утешит Эмму в ее несчастной доле неотступная мысль о том, что все это сделано ее руками?..

Тут ее боль достигала высшей точки — Эмма с невольным содроганьем тяжело вздыхала, вставала, расхаживала по комнате; единственным утешеньем и поддержкой служила ей решимость вести себя отныне безупречно и надежда, что как ни безотраднa будет в сравненье с прошлым эта зима — да и все другие зимы, которые ей суждено прожить, — но сама она станет разумней, мудрее и, может быть, встретит весну уже без столь горьких сожалений.

ГЛАВА 13

енастье затянулось; наавтра в Хартфилде все утро царило то же уныние и уединенье — но после полудня распогодилось; ветер переменял направленье, прогнал тучи и улегся; выглянуло солнце — и снова вернулось лето. Встрепенулась и Эмма; ее сразу потянуло из дому. Природа, освежаясь и успокоясь после бури, нежилась на солнце, сверкала, благоухала, лаская взор и обонянье, и Эмма надеялась, что постепенно тоже обретет в ней успокоенье, а потому после обе-

да, когда к ее батюшке зашел на часок мистер Перри, она поспешила в сад... Прошлась разок-другой по аллее, чувствуя, как мало-помалу проясняются мысли и оживает душа,— и вдруг увидела, что в калитку входит мистер Найтли и направляется к ней... Она и не знала, что он вернулся из Лондона. Еще минуту назад она не сомневалась, что их разделяют шестнадцать миль, и едва успела кое-как собраться с духом. Нельзя было показать ему свое волнение. Через полминуты он был подле нее. Они поздоровались сдержанно, чуть натянуто. Она спросила, как поживают их родные,— он отвечал, что хорошо. Когда он от них уехал? Только нынче утром. Должно быть, попал под дождь по дороге? Да. Оказалось, что он хочет с нею прогуляться. «Только что заглянул в гостиную, убедился, что он там лишний, и предпочитает побыть на воздухе...» Эмма видела, что он подавлен чем-то, и ее страхи с готовностью подсказали ей возможную причину: сообщил о своих намерениях брату и расстроен теперь из-за того, как тот их принял.

Они пошли рядом. Мистер Найтли молчал. Ей казалось, что он то и дело поглядывает на нее, надеясь, вероятно, лучше увидеть ее лицо, но она отворачивалась. Тотчас страхи ее удвоились. А вдруг он ждет удобной минуты, чтобы заговорить с нею о своих чувствах к Гарриет... Она не хочет, не может облегчить ему эту задачу! Пускай справляется сам... Но и молчанье казалось ей нестерпимо. Она не привыкла к его молчанью. Она поколебалась, отважилась — и, силясь улыбнуться, начала:

— Ну что ж, раз вы воротились, то у меня для вас есть новость — и думаю, она вас удивит.

— Новость? — спокойно переспросил он, глядя на нее.— И какого же рода?

— Такого, что лучше и быть не может — скоро будет свадьба.

Он помолчал минуту и, удостоверясь, что это все, ото-звался:

— Ежели вы имеете в виду мисс Фэрфакс и Фрэнка Черчилла, то эту новость я уже слышал.

— Когда же вы успели? — вскричала Эмма, оборотясь к нему и заливаясь краской, ибо, когда он это сказал, ей мгновенно пришло в голову, что по пути он, вероятно, завернул к миссис Годдард.

— Я утром получил записку от мистера Уэстона, в которой говорилось о приходских делах, а в конце он коротко извещал меня об этом событии.

У Эммы отлегло от сердца, и немного спустя она заговорила уже спокойнее:

— Вас это, должно быть, меньше удивило, чем всех нас, ведь вы кой о чем догадывались. Я не забыла, как вы однажды пробовали предостеречь меня. Жаль, что я не прислушалась, но видно...— упавшим голосом и с тяжким вздохом,— мне суждено жить в ослепление.

Они помолчали; она не подозревала, что ее речи произвели на него особое впечатление, но вдруг почувствовала, как он продевает ее руку под свою и прижимает к сердцу,— услышала вдруг, как он, понизив голос, произносит с глубоким чувством:

— Эмма, голубушка, верьте, что эта рана со временем заживет... С такою ясною головкой, как у вас, с таким высоким чувством дочернего долга вы, знаю, вы не допустите, чтобы...— Он крепче прижал к себе ее локоть и глухо, сквозь стиснутые зубы, прибавил: — Поверьте, что как преданный друг ваш... Невыразимо возмущен — какая низость, гнусность!..— И громче, тверже, завершил: — Очень скоро его здесь не будет. Они скоро уедут в Йоркшир. Ее можно пожалеть. Она заслуживает лучшей участи.

Эмма все поняла и, подавляя радостный трепет, вызванный столь нежным участием, отвечала:

— Вы очень добры, благодарю,— но только вы ошибаетесь и я обязана во все внести ясность. Для такого рода сочувствия нет оснований. Да, я была слепа, не видела, что происходит между ними, и вела себя так, что стыдно вспомнить,— позволяла себе, по неразумью, говорить и делать многое, что могло подлежать ложному истолкованию, однако иных причин жалеть, что эта тайна не открылась мне раньше, у меня нет.

— Эмма! — вскричал он, глядя на нее во все глаза,— да неужели возможно, что...— Он осекся.— Нет-нет, я понимаю вас, простите... уже и то, что вы сказали,— большое благо. Во всяком случае, об нем нечего жалеть, и я хочу надеяться, что скоро вы это поймете не только головой... Какое счастье, что вы не увлеклись им серьезно! Признаться, по вашему повелению трудно было судить наверняка, сколь глубоки ваши чувства,— я видел только, что вы ему выказываете предпочтение, которого он не стоит. Такой, как он, недостоин называться мужчиной. И такому достанется это милое создание?... Ох, Джейн, Джейн, какая вас ждет несчастная судьба...

— Мистер Найтли,— сказала Эмма, пряча за напускною оживленностью смущение,— я нахожусь в двусмыс-

ленном положении. С одной стороны, я не имею права представлять вас в заблуждение, но с другой, раз причиною заблуждения была моя манера вести себя, то стыдно признаваться, что все это делалось не любя,— как стыдно было бы признаться в обратном. Но это делалось не любя...

Он выслушал ее без единого звука. Она ждала, что он заговорит, но он продолжал хранить молчанье. Вероятно, этих объяснений не доставало, чтобы он смягчился, и, значит, ей предстояло еще более уронить себя в его глазах. Это было нелегко, и все же она решилась.

— Мне почти нечем оправдать свое поведение. Вероятно, его внимание льстило мне, и я не скрывала своего удовольствия... Очень старая история — обычная вещь,— случается с сотнями женщин, и все же непростительна, когда женщина, как я, претендует на понимание всех и вся. Много способствовало искушению. Он приходится сыном мистеру Уэстону, он буквально дневал и ночевал у нас в доме, был неизменно любезен, короче,— со вздохом,— я могла бы изобрести еще тысячу причин, но все они сведутся к одной — он льстил моему тщеславию, и я принимала знаки его внимания. Правда, с некоторых пор — уже довольно давно — у меня создалось впечатление, что они ничего не значат. Я стала считать их привычкой, манерой, чем-то не заслуживающим серьезного отношения. Он лукавил со мною, но я не пострадала. Я никогда не питала к нему склонности. А его поступки мне теперь понятны. Он вовсе не хотел добиться моего расположения. Он увивался за мной для отвода глаз, скрывая свои отношения с другою... Он всех кругом стремился обмануть, и никто, конечно, не был более меня готов обмануться, да только я не обманулась — мне повезло,— короче, сама не знаю как, но я убереглась от него.

Она надеялась, что хоть теперь-то он ответит — хотя бы скажет, что ее поведение можно понять; но он молчал и, казалось, глубоко задумался. Наконец, и почти что обычным тоном, заговорил:

— Я никогда не был высокого мнения о Фрэнке Черчилле. Допускаю, впрочем, что я мог его недооценивать. В сущности, нас с ним связывало лишь шапочное знакомство... Но ежели даже я судил о нем верно, то он еще может исправиться... Когда рядом такая женщина, это не исключено... У меня нет причин желать ему зла, а ради нее, которой счастье будет зависеть от его поведения и нрава, я определенно желаю ему добра.

— Не сомневаюсь, что они будут счастливы,— сказала

Эмма. — По-моему, они искренне и горячо любят друг друга.

— Воистину баловень судьбы! — с чувством подхватил мистер Найтли. — Совсем зеленый юнец — двадцать три года, — в такие лета ежели и выбирают себе жену, то чаще всего неудачно. Двадцать три года — и получить такое сокровище! Сколько блаженства сулит грядущее этому человеку! Снискать себе любовь такого создания — и бескорыстную любовь, ибо такая, как Джейн Фэрфакс, не может любить своекорыстно... Все благоприятствует ему. Равенство положенья — я разумею положение в обществе, равенство в воспитанье, взглядах, привычках — во всем, что существенно и важно, за единственным исключеньем — однако раз ее бескорыстие вне подозрений, то даже это единственное неравенство должно лишь умножить его блаженство, когда он дарует ей то, в чем она ему уступает... Мужчине всегда хочется привести свою жену в дом, который лучше дома, покинутого ею, и когда он может сделать это, зная, что любим бескорыстно, то он и впрямь счастливейший из смертных. Да, Фрэнк Черчилл — бесспорно любимец фортуны. Все оборачивается для него удачей... Встречает на водах девицу, пленяет ее, умудряется даже небрежным обращением не навлечь на себя ее немилость — и такую девицу, что лучшей в мире не сыскать ни ему, ни его родне... Мешает браку только тетка — тетка умирает... Ему остается лишь объявить о своих намереньях. Все кругом счастливы за него. Всех одурачил, обвел вокруг пальца, и все ему с восторгом прощают... Счастливчик, иначе не назовешь!

— Вы словно завидуете ему.

— А я и завидую, Эмма. В одном отношении очень завидую.

Эмма прикусила язык. Еще два-три слова, казалось ей, — и речь пойдет о Гарриет; она всеми силами жаждала избежать сего предмета. Надобно вот что — перевести разговор на другое. Бранзуик-сквер, дети — вот безопасная тема... Она набрала в грудь побольше воздуха, но мистер Найтли опередил ее:

— Вы не спрашиваете, чему я завидую... Предпочитаю воздержаться от изъяснений любопытства... Разумно... но я буду неразумен. Эмма, я должен сказать вам то, о чем вы не спрашиваете, хоть, может быть, через минуту о том пожалею.

— Тогда не говорите, не надо! — вырвалось у ней. — Не торопитесь — подумайте — воздержитесь!..

— Благодарю вас, — сказал он с горькой обидой и больше не проронил ни звука.

Этого Эмма вынести не могла. Он хотел ей довериться, быть может, ждал совета... нет, чего бы ей это ни стоило, она его выслушает. Поддержит его, ежели он решился, поможет побороть сомненья — замолвит слово за Гарриет, воздаст ей должное или, напомнив ему, что он свободен, избавит его от нерешимости, которая тяжелей для человека его склада, нежели любое решение... Они в это время подходили к дому.

— Вы, вероятно, пойдете в комнаты, — сказал он.

— Нет, — отвечала Эмма, заново укрепляясь в своем решении при звуках его удрученного голоса. — Я с удовольствием пройду еще. Мистер Перри еще не ушел. — И, когда они отошли от дома на несколько шагов, прибавила: — Я сейчас оборвала вас, мистер Найтли, — вы, вероятно, обиделись... Словом, ежели вы желаете поговорить со мною открыто, как с другом, — может статься, спросить совета о том, что у вас на уме, — то располагайте мною. Я все выслушаю... — и откровенно, как друг ваш, скажу, что думаю.

— Друг! — повторил мистер Найтли. — Эмма, боюсь, что это слово... Но впрочем, нет — я не хочу... Нет, стойте — ладно, что толку мяться? Раз уж я начал, поздно отступать... Я принимаю ваше предложение... Как ни странно это может показаться — принимаю и буду с вами говорить, как с другом... Скажите мне откровенно — есть у меня хотя бы доля надежды?

Он умолк, вопросительно глядя на нее, — от этого взгляда у Эммы подломились колени.

— Милая моя, дорогая, — сказал он. — Дорогая навеки, каков бы ни был исход этого разговора, — дорогая моя, любимая Эмма, скажите прямо. Нет так нет, прямо так и скажите... — Эмма была не в силах произнести ни слова. — Вы молчите! — воскликнул он, оживая. — Вы не сказали «нет»? О большем я пока не прошу.

Эмма едва держалась на ногах от наплыва чувств. Больше всего, пожалуй, она боялась сейчас, как бы ее не разбудили, как бы не кончился этот счастливый сон.

— Я не умею говорить красиво, Эмма, — продолжал он вскоре, и такую откровенной, искренней, нескрываемой нежностью звенел его голос, что все сомненья ее исчезли. — Когда бы я любил вас меньше, то мог бы больше сказать. Но вы меня знаете. Я всегда говорю вам только правду. Я вас распекал, наставлял вас — и вы терпели, как

не стерпела бы ни одна другая. Так потерпите же и теперь, дорогая моя, а я опять скажу вам правду — и снова не приукрашенную любезностью обхожденья. Да, видит бог, кавалер из меня неважный... Но вы поймете меня, вы всегда меня понимали, и ответите мне такую же откровенностью. Сейчас я хочу одного — скажите хоть что-нибудь, я должен слышать ваш голос.

Покуда он говорил, мысль Эммы работала с лихорадочною быстротой, и с этой чудодейственной быстротою она — не пропустив мимо ни единого его слова — постигла и осознала правду: что все надежды Гарриет беспочвенны, что все это ошибка, заблуждение — такое же, какими были ее. собственные заблужденья; что Гарриет — ничто, а она — все; что слова, относящиеся до Гарриет, он принимал за язык ее собственных чувств; ее смятение, колебания, сомненья, попытки уйти от разговора толковал как нерасположение к себе... За считанные мгновенья ее успело посетить не только это счастливое озаренье, но и радость, что она не выдала тайну Гарриет, и убеждение, что теперь выдавать ее нет ни нужды, ни смысла. Вот и все, чем она теперь могла помочь своей незадачливой подружке, ибо способности на героические поступки, вроде просьбы забыть о ней и отдать предпочтение Гарриет, как несравненно более достойной, — или хотя бы вроде простого и благородного решения отказать ему раз и навсегда, ничего не объясняя, коль уж ему нельзя жениться на двоих, — Эмма в себе не ощущала. Она жалела Гарриет и корила себя, но безумное великодушие вопреки всем возможностям и резонам ей не приходило в голову. Да, она сбила бедную с пути, и в этом ей вечно каяться, но чувство не помрачило в ней рассудка, а рассудок, как прежде, безоговорочно восставал против подобного союза, неравного и унижительного для него. Ей оставался один путь — верный, хотя и не самый легкий... Ее просили сказать что-нибудь — и она сказала. Что именно? Да то самое, естественно, что и следовало. Что и полагается говорить в подобных случаях истинной леди. Сказала ровно столько, чтобы показать, что ему нет причин отчаиваться, и побудить его к дальнейшим признаньям... Выяснилось, что была минута, когда он и впрямь готов был отчаяться — когда, призвав его к молчанию, к осторожности, она сокрушила в нем надежду; ведь сначала она даже выслушать его не хотела... Потом — внезапная перемена: неожиданное предложение пройти еще немного, возобновить беседу, которую она же сама только что прервала!.. Эмма

понимала, сколь непоследовательным должно было выглядеть такое поведение, — спасибо, что мистер Найтли не настаивал на том, чтобы она объяснила его...

Редко, очень редко раскрывается полная правда при выяснении отношений — что-нибудь да останется скрытым, неверно истолкованным, — но когда, как в настоящем случае, неверно толкуют лишь поведение, а не чувства, то беда не столь уж велика. Мистер Найтли, даже зная всю правду, не мог бы внушить сердцу Эммы большего раскаяния, ни большей готовности ответить на зов *его* сердца.

Оказалось, что он и не подозревал о том, как много для нее значит. Он пошел с ней гулять, вовсе не предполагая объясниться. Он спешил в Хартфилд, чтобы узнать, как она приняла известие о помолвке Фрэнка Черчилла, не помышляя о себе — ни о чем не помышляя, кроме одного — как бы найти возможность утешить ее, ободрить советом. Все случилось под влиянием минуты, под внезапным действием восхитительных слов, сказанных ею. Когда он услышал, что она совершенно равнодушна к Фрэнку Черчиллу, что никогда не питала к нему склонности, в нем вспыхнула надежда со временем самому завоевать ее расположение — далекая, смутная надежда, — и когда над здравомыслием вдруг возобладало нетерпенье, жаждал услышать только, что ему не запрещают добиваться ее любви. Но вот она заговорила — и ему открылись высшие, лучшие надежды. Он лишь просил разрешения искать ее любви — а она уже любила!.. За полчаса он перешел от мрачного уныния к полному блаженству, ежели таковое существует на земле.

Не меньше переменилось все и для *нее*... Ей тоже эти полчаса подарили блаженную уверенность в том, что она любима, тоже рассеяли для нее безвестность, ревность, недоверие. *Он* начал ревновать давным-давно, с тех самых пор, как приехал Фрэнк Черчилл, — нет, даже раньше, когда стали ждать его приезда... Он полюбил Эмму и начал ревновать ее к Фрэнку Черчиллу примерно в одно время и, вероятно, понял, что любит ее, когда стал ревновать. Это ревность погнала его в город. Прогулка на Бокс-хилл решила его отъезд окончательно. Он не мог больше видеть, как она принимает и поощряет его ухаживанья. Он уехал, ища исцеления, но ошибся в выборе места. В доме брата все слишком дышало семейным счастьем; Изабелла слишком походила на сестру, хотя и уступала ей во многом, и тем еще безжалостней воскрешала перед ним во всем

блеске образ Эммы — словом, толку от пребывания в их доме было мало и продлевать его не имело большого смысла. И все же он крепился и терпел день за днем, покамест нынче утром не получил от мистера Уэстона известие о помолвке сына с Джейн Фэрфакс... Он обрадовался — не устыдился этого, ибо всегда считал, что Фрэнк Черчилл недостойн Эммы, — и вдруг так за нее всполошился, так забеспокоился, что не мог больше усидеть в Лондоне ни минуты. Под проливным дождем поскакал восвояси, а сразу после обеда поспешил сюда узнать, как перенесла удар судьбы самая милая, самая лучшая, самая совершенная, при всех своих несовершенствах...

Он застал ее в смятение и унынии. Этот негодяй Фрэнк Черчилл!.. Она объявила, что никогда не любила его. М-да, пожалуй, все же Фрэнк Черчилл — не отпетый мерзавец... Он воротился в дом со своею Эммой, любимой и любящей, и, когда бы в голове у него еще оставалось место для Фрэнка Черчилла, он бы признал его, вероятно, очень порядочным малым...

ГЛАВА 14

Как разнились чувства Эммы по возвращении в дом от тех, с которыми она вышла погулять! Тогда она смела мечтать лишь о краткой передышке среди страданий — теперь вся охвачена была сладким трепетом счастья и знала, что счастье это только умножится, когда трепет уймется.

Сели пить чай — то же общество за тем же круглым столом — как часто они здесь собирались! Как часто взор ее падал на те же кусты в саду, всякий раз по-новому прекрасные в лучах предвечернего солнца! Но никогда не испытывала она при этом ничего подобного, не ведала такого состояния, не без труда удалось ей справиться с собою и вновь стать заботливой хозяйкой дома и даже заботливой дочерью.

Бедный мистер Вудхаус и не подозревал, какое коварство таит в груди гость, которого он с таким радушием принимает у себя, с тревогою осведомляется, не простудился ли он, когда скакал под дождем. Загляни мистер Вудхаус к нему в душу, то не стал бы беспокоиться об его легких — но он не чаял нависшей над ним беды, не видя

ничего необычного в лице или поведении двух своих собеседников, спокойно пересказывал им новости, услышанные от мистера Перри, и благодушно толковал о том о сем, нимало не подозревая, сколь многое могли бы поведать ему они сами.

Покамест мистер Найтли сидел у них, Эмму не покидало лихорадочное волнение, но, когда он ушел, она начала понемногу остывать, успокаиваться и бессонную ночью, которой поплатилась за сказочный вечер, обнаружила, что существуют два серьезных обстоятельства, способных омрачить даже ее безоблачное счастье. Ее отец — и Гарриет. Стоило Эмме остаться наедине с собою, как сразу на нее тяжким бременем легло сознание своего долга перед ним и перед нею. Как лучше оградить и уберечь их душевный покой?.. В отношении ее батюшки вопрос решился быстро. Она еще не знала наверное, как рассудит мистер Найтли, но, испросивши совета у собственного сердца, немедленно и неколебимо решила, что никогда не покинет отца... Она даже всплакнула, что позволила себе кощунственно задуматься над этим. Покуда он жив, они останутся лишь женихом и невестой, и она льстила себя мыслью, что помолвка дочери, не грозящая разлукой с нею, возможно, даже скрасит мистеру Вудхаусу старость... Труднее было решить, как ей поступить с Гарриет. Как избавить от лишних страданий, чем утешить, как не предстать перед нею злейшим врагом?.. Напрасно Эмма вновь и вновь ломала над этим голову, терзаясь жалостью и угрызениями совести. Единственное, к чему она пришла наконец, — это убеждение, что лучше и впредь не встречаться с нею по возможности, а все необходимое изложить в письме; что очень хорошо бы Гарриет уехать куда-нибудь на время — и, еще раз уступая слабости строить планы за других, решила заручиться для нее приглашением на Бранзуик-сквер. Изабелле Гарриет понравилась, а поездка на две-три недели в Лондон будет для нее полезным развлечением. Зная Гарриет, она могла твердо рассчитывать, что новизна и разнообразие впечатлений — улицы, лавки, дети — скажутся на ней благотворно. Во всяком случае, это будет свидетельством дружеского внимания к ней, для которой она обязана сделать все, что в ее силах, а к тому же — разлукой до поры, отсрочкой черного дня, который неизбежно сведет их снова рано или поздно.

Она поднялась пораньше, села писать письмо и за этим занятием впала в такое уныние и тоску, что мистер Найт-

ли, который явился в Хартфилд завтракать, подоспел очень вовремя, однако только после получасовой прогулки вдвоем вчерашними путями — в прямом и переносном смысле — к Эмме вполне вернулось давешнее счастливое расположение духа.

Вскоре после его ухода, когда она еще не успела очнуться и не имела ни малейшего желания думать ни о ком другом, из Рэндалса принесли пакет — очень толстый; что в нем находится, она догадалась без труда и поморщилась при мысли, что придется читать содержимое. Она не держала больше зла на Фрэнка Черчилла — ни к чему были ей теперь его объяснения: она бы предпочла остаться подольше наедине со своими мыслями и знала, что понять его все равно будет невозможно. Однако делать было нечего. Скрепя сердце она вскрыла пакет: так и есть — записка от миссис Уэстон и к ней приложено письмо от Фрэнка Черчилла.

«С величайшим удовольствием, любезная Эмма, провождаю к вам настоящее письмо. Знаю, с каким тщанием вы будете вчитываться в его строки, и не сомневаюсь, что оно произведет на вас благоприятное впечатление. Думается, что впредь мы с вами не разойдемся более во мнениях об его авторе, однако не стану вас утомлять длинным предисловием. У нас все хорошо. Небольшое нервическое расстройство, которым я в последнее время страдала, как рукою сняло после этого письма... Мне во вторник не слишком понравился ваш вид, но, может быть, виною тому было пасмурное утро — вы хотя и уверяете, что нечувствительны к погоде, но, по-моему, северо-восточный ветер сказывается на всех. Во время грозы во вторник и вчера поутру я с тревогою думала о вашем батюшке и рада была, когда мистер Перри вечером успокоил меня, что он не расхворался.

Ваша
А. У.»

Эмма развернула письмо, адресованное миссис Уэстон.

«Виндзор, июля ... дня.

Сударыня!

Ежели речи мои вчера были не вовсе бессвязны, то письмо это не явится для вас неожиданностью — впрочем, я знаю, вы в любом случае прочтете его с доброжелательством и снисхождением. Вы — сама доброта, но, мо-

жет быть, и вашей доброты неостанет, чтобы извинить кое-что в моем поведении. Однако та, которая еще более вправе негодовать, меня простила. Это придает мне духу. Трудно оставаться смиренным, когда вам сопутствует удача. Дважды уже я винулся и дважды снискал полное прощение, так что боюсь, как бы мне не исполниться излишней уверенности, что у вас и друзей ваших, которые имеют причины мне пенять, снищу такое же... Представьте же теперь, прошу вас, мое положение, когда я впервые приехал в Рэндалс, — подумайте о тайне, которую я обязан был во что бы то ни стало сохранить. Таковы были факты. Имел ли я право ставить себя в положение, обязывающее таиться, — вопрос другой. Не буду здесь в него вдаваться. Брюзгу, которому непостижимо искушение *полагать* себя в таковом праве, я отсылаю к кирпичному домику в Хайбери, с подъемными окнами вниз и створчатыми — наверху... Я не дерзал приблизиться к ней открыто — трудности недавней обстановки в Энскуме слишком хорошо известны и не требуют объяснений, — но перед отъездом из Уэймута мне посчастливилось склонить самую честную и прямую из женщин к великодушному согласию на тайную помолвку. Откажи она мне — и я бы лишился рассудка... Вы спросите, на что же я надеялся? На что мог рассчитывать в будущем? Да на что угодно — на время, случай, обстоятельства, на постепенное прозрение или внезапное озаренье, на упорство — на каплю, которая камень точит, на здоровье и на недуги. Каких чудес не бывает в жизни — добился же я ее обещанья ждаты, писать мне письма! Я верил, что как-нибудь все устроится. Если же этого объяснения мало, то прибавлю, сударыня, что имею честь быть сыном вашего супруга и, к счастью, унаследовал от него склонность всегда уповать на лучшее, каковую черту, а не дома и поместья, почитаю для себя драгоценнейшим фамильным достоянием... Таково было положение вещей, когда я впервые приехал в Рэндалс, хотя, спешу покаяться, мог бы это сделать раньше. Вы помните, что я удосужился посетить вас, только когда в Хайбери приехала мисс Фэрфакс, каковую непочтительность в отношении вас вы, ангел доброты, тотчас мне простите — что же до моего отца, то его сердце, надеюсь, тронется тем соображением, что, медля посетить дом его, я все это время лишал себя счастья познакомиться с вами. Поведение мое в те две блаженные недели, когда я был у вас, надеюсь, не заслуживает нареканий, кроме как в одном. И тут я подхожу

к тому единственному, что мне, как сыну вашему, не дает покоя и требует досконального объяснения. С глубоким уважением и дружескою приязнью назову я здесь имя мисс Вудхаус — отец, я предвижу, счел бы, вероятно, для меня уместным присовокупить: «со стыдом и унижением...». По нескольким словам, оброненным им вчера, я понял, как он смотрит на вещи, и отчасти готов признать справедливость его укоризны. Мое обхождение с мисс Вудхаус, по-видимому, давало повод предполагать то, чего в действительности не было... Помышляя в первую голову о том, чтобы сохранить свою тайну, я непростительно злоупотреблял обстоятельствами, благоприятствовавшими с первых же минут нашим с нею коротким отношениям... Не отрицаю, что делал вид перед всеми, будто ищу расположения мисс Вудхаус, но торжественно заявляю — и надеюсь, вы мне поверите, — не будь я убежден, что она ко мне равнодушна, никакие своекорыстные побуждения не толкнули бы меня на это. Мисс Вудхаус, при всей своей пленительной живости, не производит впечатление девицы, которая легко влюбляется, а что она меньше всего намерена влюбиться в меня, я твердо знал и приветствовал. Она добродушно принимала мое ухаживанье как веселую дружескую игру, что как нельзя более меня устраивало. По-моему, мы понимали друг друга. В соответствии с ее положением и моим, она вправе была рассчитывать на мое внимание и толковала его, казалось мне, должным образом. Начала ли она за эти две недели понимать, как со мною обстоят дела, — не скажу, но, помнится, когда я приходил попрощаться, то чуть было не открыл ей всю правду, ибо она как будто догадывалась кое о чем, ну а после — вне всяких сомнений разгадала мой маневр, хоть, может быть, не до конца. Должна была разгадать, при ее-то сообразительности, — ежели не все, то главное. Безусловно. Вот увидите, когда новость эта сделается всеобщим достоянием, то ее она не удивит. Не однажды она сама мне намекала на это... Помню, как на бале меня укорили в неблагодарности к миссис Элтон, которая столь внимательна к мисс Фэрфакс... Надеюсь, что это объяснение моих поступков во многом умерит мою вину в ваших глазах и в глазах моего отца. Покуда вы полагали меня обидчиком Эммы Вудхаус, я не мог ждать от вас снисхождения. Простите ж мне теперь и этот грех и во благовременье добейтесь для меня также прощения и благожелательства оной Эммы Вудхаус, к которой я питаю истинно братскую привязанность и от души

ей желаю столь же сильно и счастливо полюбить когда-нибудь, как я... Теперь все странности слов моих и поступков для вас разъяснились. В Хайбери оставил я свое сердце и лишь о том хлопотал, чтобы как можно чаще соединяться с ним, возбуждая как можно меньше подозрений. Ежели вам запомнились какие-то несообразности, вы знаете теперь, на какой счет их отнести... Про пианино, коего появление вызвало такое обилие толков, замечу лишь, что заказал его, не поставив о том в известность мисс Ф., ибо она бы мне этого никогда не позволила... Деликатность, утонченность, щепетильность, оказанные ею за то время, что мы помолвлены, не поддаются описанию. Всем сердцем надеюсь, что скоро, сударыня, вы сами сможете оценить их, узнавши ее ближе. Слова бесильны дать об ней справедливое представление. Она сама вам даст его — но только не разговорами, потому что нет в мире создания более склонного нарочно преуменьшать свои достоинства. Покамест я писал эти строки — а их, я вижу, набегит поболее, чем я предполагал, — от нее пришло письмо. Пишет, что чувствует себя хорошо, но так как не в ее правила жаловаться на здоровье, то я боюсь поверить. Хотелось бы услышать от вас, как вы находите ее вид. Я знаю, вы не замедлите навестить ее — она уже трепещет в ожидании этого визита. Возможно, он уже состоялся. Напишите же мне без отлагательства; мне любопытны тысячи подробностей. Вы помните, какие считанные минуты провел я в Рэндалсе последний раз, в каком смятенном, полубезумном находился состоянии — я и теперь еще не опомнился — и по сей час еще сам не свой, то ли от счастья, то ли от горя. Когда подумаю, сколько мне выпало доброты и благоволения, подумаю об несравненных ее достоинствах, ее долготерпенье, о великодушии моего дяди — я вне себя от радости, но когда вспомню об огорчениях, которые ей причинил, о том, сколь мало заслуживаю прощения, — я вне себя от гнева. Если бы я только мог с ней увидеться!.. Но об этом сейчас речи быть не может. Дядюшка и без того превзошел себя добротой — надобно мне и честь знать... Должен сделать еще одно добавление к этому длинному письму. Вы еще не все знаете. Вчера я не в состоянии был изложить связно подробности, а между тем внезапность — даже, в известном смысле, несвоевременность, с какою раскрылась наша тайна, нуждается в разъяснении, ибо, хотя то, что случилось 26-го прошлого месяца, тотчас открыло предо мной, как вы понимаете, самые лучезарные виды на будущее, я ни-

когда бы не позволил себе действовать столь поспешно, если бы не одно чрезвычайное обстоятельство, из-за которого нельзя было терять ни часу. Я бы посовестился выказать столь неприличную торопливость, а она, при ее деликатности и щепетильности, тем более. Но у меня не было выбора. Скоропалительное ее согласие поступить к той женщине... В этом месте, сударыня, я был вынужден прервать письмо, чтобы унять волнение и собраться с мыслями. Я выходил пройтись немного, и теперь мне, надеюсь, уже достанет самообладания, чтоб дописать письмо вразумительно... Речь пойдет о вещах, в которых стыдно признаться. Я вел себя безобразно. В одном, я согласен, мое обхождение с мисс В. было в высшей степени предосудительным — оно ранило мисс Ф. Раз она его не одобряла, то, кажется, одного этого было уже достаточно... Я отговаривался необходимостью скрывать правду, но ее это не убеждало... Она изъявляла неудовольствие — необоснованное, на мой взгляд; тысячу раз я находил ее во многих отношениях излишне строгой, осторожной, я даже укорял ее про себя в холодности. А ведь она во всем была права. Если бы я руководствовался ее суждениями, держался в тех границах, каковые она почитала приличными, то избегнул бы величайших терзаний, какие знал в своей жизни. Мы поссорились... Вы помните то утро в Донуэлле? Там-то все мелкие несогласия, которые накопились между нами, и завершились взрывом. Я опоздал — и по дороге встретил ее, когда она одна возвращалась пешком домой, — хотел проводить ее, но она воспротивилась. Она не позволила мне пойти с нею ни под каким видом, в чем я тогда усмотрел одно лишь упрямство и неуступчивость. *Теперь* я в этом вижу не что иное, как вполне естественную и уместную осмотрительность. Нынче я для отвода глаз, чтобы не догадались об нашей с нею помолвке, усердно делаю вид, будто увлечен другой, а завтра требую от нее согласия на поступок, который разом перечеркнет все наши предосторожности?... Всякий, который встретил бы нас с нею по дороге из Донуэлла в Хайбери, должен был заподозрить правду... Но меня, в моем помраченье, это оскорбило. Я усомнился в ее чувствах. Назавтра, во время прогулки на Бокс-хилл, сомнения мои усугубились, когда в ответ на мое недопустимое поведение — мое вызывающее бессовестное пренебрежение — в ответ на мое подчеркнутое внимание к мисс В., которого не потерпела бы ни одна уважающая себя женщина, она ясно и недвусмысленно изъявила мне свое воз-

мушеньке... Короче говоря, сударыня, она была неповинна в нашей ссоре; я — чудовищно виноват; в тот же вечер я уехал в Ричмонд — хотя мог бы до утра остаться у вас — затем, что был невероятно зол на нее. Правда, я все-таки не окончательно лишился рассудка и предполагал со временем с нею помириться, но считал, что раз она меня обидела, оттолкнула меня своею холодностью, то я уеду и пусть первый шаг к примирению сделает она... Всегда буду благодарить судьбу за то, что вы не поехали с нами на Бокс-хилл. Если б вы видели, как я себя вел там, я бы скорей всего навсегда лишился вашего расположения. Она — видела, и следствием этого явилось мгновенное решение: обнаружив, что я покинул Рэндалс, она сразу дала согласие поступить на место, добытое для нее этою не в меру ретивой миссис Элтон, которой с нею фамильярное обхождение, замечу кстати, меня с первого дня приводило в негодование и бешенство. Мне негоже восставать против терпимости, которой я сам столь многим обязан, иначе я бы не преминул заявить, что этой женщине ее выказывают напрасно. «Джейн»! Скажите на милость!.. От вас не укрылось, конечно, что сам я ни разу не позволил себе назвать ее по имени, хотя бы даже и в письме к вам. Вообразите же, каково мне было слышать, как перебрасываются этим именем Элтоны, трепля его к месту и не к месту, с наглым видом ничем не оправданного превосходства!.. Я, вероятно, уже истощил ваше терпенье, но потерпите еще немного, я скоро кончу... Итак, она согласилась поступить в гувернантки, решив окончательно порвать со мною, и на другой же день написала мне, что мы с нею больше не увидимся... Эта помолвка не принесла нам обоим ничего, кроме горя и сожалений, — она ее расторгает. Письмо это пришло в то самое утро, когда не стало бедной моей тетки. Я тотчас ответил на него, однако в голове у меня тогда творился сумбур, тысячи хлопот и дел свалились разом на мои плечи, и в суматохе, вместо того чтобы отправить этот ответ, с кипой других писем, я запер его в ящике письменного стола, и в уверенности, что в нем все сказано, хотя и вкратце, чтобы она поняла и успокоилась, сам больше ни о чем не тревожился. Правда, меня немного удивило, что от нее потом долго ничего не слышно, но я находил этому какие-то объяснения, а сам был так занят и — что греха таить! — так самоуверен, что не придавал значения такого рода мелочам... Мы отъехали в Виндзор, а через два дня от нее пришел пакет, и в нем — все мои письма к ней! С тою же

почтой пришла и короткая записка: она крайне изумлена, что я никак не отозвался на ее письмо, и так как молчание в подобном случае может означать лишь одно, а стало быть, чем раньше со всем этим будет полностью покончено, тем лучше для нас обоих, то она возвращает по почте все мои письма и просит — либо до конца недели прислать ее ко мне письма в Хайбери, либо, ежели у меня их нет при себе, отправить их после по такому-то адресу... Я не поверил своим глазам! — далее следовал подробный адрес миссис Смолридж. Я узнал это имя, это место под Бристолем — она мне рассказывала о предложении миссис Элтон, — и сразу понял, на что она пошла. Такой поступок был вполне в ее характере, решительность которого мне хорошо известна, а то, что она не заикнулась о таковом намерении в первом своем письме, лишний раз свидетельствовало о ее сугубой щепетильности. Это могло бы выглядеть угрозой, чего она не допустила бы ни за что на свете... Представьте же себе мой ужас — мое негодование на нерадивость почты, — покуда я не сообразил, что сам допустил оплошность!.. Что мне было делать? Только одно: надобно было открыться дядюшке. Без его благословенья меня бы, я это понимал, и слушать не стали. И я все ему сказал — обстоятельства мне благоприятствовали; недавняя утрата умерила его гордость — я не рассчитывал, что он, бедный, уступит и даст полное свое согласие так легко, прибавив под конец с глубоким вздохом, что желает мне обрести в супружестве то счастье, которое выпало ему... Я, правда, склонен думать, что мое счастье будет несколько иного свойства... Вы, верно, готовы пожалеть меня, вообразив себе, что я должен был пережить, когда открылся ему и ждал решения, от которого зависела вся моя судьба? Тогда поберегите вашу жалость, покуда я не расскажу вам о том, как примчался в Хайбери и обнаружил, что она сделалась по моей вине так больна. Покуда не опишу вам свои чувства при виде ее изможденного, измученного лица. Я добрался до Хайбери в тот час, когда, зная, что у них в доме завтракают поздно, мог надеяться, что застану ее одну... Эта надежда меня не обманула — не обманула и та надежда, которая погнала меня в дорогу. Понятно, что мне стоило труда развеять более чем естественное и законное недовольство. Но это уже позади — мы помирились, мы теперь вдвойне дороже и милей друг другу, никогда более даже тень недоразумения не ляжет между нами. На сем, сударыня, позвольте мне, из сострадания к вам, закончить — прости-

те мне, но сделать это раньше я не мог. Тысячу раз благодарю вас за неизменную доброту ко мне и десять тысяч раз за то внимание, которое вы, как вам покажет сердце ваше, окажете ей. Ежели вам покажется теперь, что я, в известном отношении, счастлив не по заслугам, то я скажу, что совершенно с вами согласен... Мисс В. называет меня баловнем судьбы. Хочу надеяться, что это справедливо. В одном судьба меня несомненно обласкала, коль скоро я вправе с благодарностью подписаться под этим письмом как

любящий сын ваш,

Ф. Ч. Уэстон-Черчилл».

ГЛАВА XV

Письмо Фрэнка Черчилла не могло не тронуть, сердце Эммы. Невольно, вопреки первоначальному нерасположению, она, как и предсказывала миссис Уэстон, прочла его с пожирающим вниманием. Дойдя до первого упоминанья о себе, она потом была не в силах оторваться, всякая строка, в которой говорилось о ней, представляла интерес, и почти всякая — доставляла удовольствие, а те, которые не содержали этой лакомой приманки, все-таки удерживали ее внимание, незаметно возвращая ей прежнюю приязнь к их автору — да и могла ли теперь оставить Эмму равнодушной история чьей-либо любви? Она дочла до конца не отрываясь. Конечно, он был виноват, но меньше, нежели ей представлялось, — к тому же он столько страдал, столь искренне раскаивался, был так признателен миссис Уэстон, так влюблен в мисс Фэрфакс, а Эмма — так полна своим счастьем, что до суровости ли было ей; войди он сейчас в комнату, она бы, наверное, встретила его, как бывало, сердечным рукопожатием.

Письмо произвело на нее такое впечатление, что, когда опять пришел мистер Найтли, она и ему дала его прочесть. Она не сомневалась, что миссис Уэстон желала бы познакомиться с ним других, в особенности тех, которые, как мистер Найтли, склонны были видеть столько предосудительного в его поступках.

— Прогляжу, отчего же, — сказал мистер Найтли, — только длинновато оно что-то. Возьму домой и прочитаю на ночь.

Но Эмма запротестовала. Вечером должен был зайти мистер Уэстон, и ей придется вернуть с ним письмо.

— Я предпочел бы употребить это время на беседу с вами, — возразил он, — но раз того требует справедливость, то ничего не поделаешь.

Он пробежал первые слова, но тут же оторвался:

— Если бы мне предложили прочесть письмо этого господина к мачехе месяца два назад, Эмма, я бы взял его в руки не с таким равнодушием.

Он стал читать дальше про себя — потом с улыбкой заметил:

— Хм-м! Что за россыпи комплиментов в первых строках! Вполне в его духе. Впрочем, у всякого своя манера. Не будем судить его строго... Мне свойственно, — прибавил он спустя немного, — читать и тут же высказывать свое мнение. По крайней мере, будет ощущение, что мы вместе. Не так жаль будет потерянного времени — но, впрочем, если вам неприятно...

— Ничуть. Наоборот.

Мистер Найтли вновь взялся за письмо, и дело теперь пошло веселей.

— Насчет искушенья — это он лукавит, — рассуждал он. — Знает, что оправдаться нечем, вот и крутит... Нехорошо... Не дело это — тайная помолвка... «Отцовская черта», изволите ли видеть, — поклеп возводит на родного отца. Мистеру Уэстону в его благих и честных начинаниях, и точно, служил поддержкой неунывающий нрав, но мистер Уэстон сам добился всего того, чем наслаждается ныне... А вот здесь он говорит правду — явился сюда впервые, только когда приехала мисс Фэрфакс.

— Помню, помню, — сказала Эмма, — вы были уверены, что он бы мог свободно посетить отца раньше, если бы захотел. Вы благородно обходите это молчаньем, но вы были совершенно правы.

— Я судил его не совсем беспристрастно, Эмма, — и все же, думается, даже если бы вы были ни при чем, он все равно не внушал бы мне доверия.

Когда он дошел до того места, где говорилось о мисс Вудхаус, то начал все подряд читать вслух — все, что касалось до нее, — тут усмехаясь, там качая головой; где-то довольствуясь красноречивым взглядом, где-то поддакивая или опровергая или же роняя ей два-три ласковых слова, смотря о каком предмете шла речь, а под конец крепко задумался и заключил серьезным тоном:

— Очень некрасивая история, хотя могло быть хуже...

С огнем шутил. Спасибо, что помог счастливый случай, иначе не было бы ему оправдания... Не способен верно оценить свое обхождение с вами... Все время принимает желаемое за действительное и мало чем руководствуется в суждениях, кроме собственного удобства... Вообразить, что вы проникли в его тайну! Естественно! У самого на уме каверзы, вот и судит о других по себе... Секреты, плутни — как они извращают у людей все представления! Эмма, голубка, разве это не подтверждает лишний раз, сколь прекрасно, что мы во всем честны и искренни друг с другом?

Эмма сказала «да» — и покраснела при мысли, что не может честно и искренне открыть ему секрет насчет Гарриет.

— Читайте дальше, — пробормотала она.

Он послушался, но очень скоро опять сделал остановку.

— Ага, пианино! Поступок мальчишки, не способного, по молодости лет, взвесить, чего будет больше от такого сюрприза — удовольствия или неловкости. Сущее мальчишество!.. Не понимаю, как можно навязывать женщине в знак благорасположения подарки, без которых она заведомо предпочла бы обойтись, — а ведь он знал, что она бы не позволила ему прислать инструмент, будь это в ее власти.

После этого он какое-то время читал не отрываясь, ежели не считать односложных попутных замечаний, пока не дошел до того места, где Фрэнк Черчилл признавался, что безобразно вел себя, и не остановился для более пространных рассуждений.

— Совершенно с вами согласен, сударь, — проговорил он. — Вы и впрямь вели себя из рук вон скверно. Что правда, то правда. — И, пробежав глазами несколько следующих строк, где говорилось о причинах их размолвки и о том, как действовал наперекор разумным пожеланиям мисс Фэрфакс, высказался еще более обстоятельно: — А вот это уже вообще гнусность... Раз сам же ее уговорил поставить себя, ему в угод, в крайне тяжелое и неприятное положение, значит, обязан был прежде всего ограждать ее от лишних страданий... Ей было, разумеется, куда сложнее, чем ему, поддерживать тайную переписку. Ему бы приличествовало считаться с малейшим ее возраженьем, пусть даже неразумным — и уж подавно со столь разумными. Она совершила неверный шаг — согласилась на тайную помолвку и понимала, что за это необходимо расплачиваться.

Чем ближе он подходил к поездке на Бокс-хилл, тем больше Эмме становилось не по себе. Хороша же она там была!.. Замирая от стыда, она со страхом ждала минуты, когда он поднимет на нее глаза. Но он прочел это место внимательно, без остановок, без единого замечания, только мельком взглянул на нее один раз и тотчас опустил глаза, чтобы не напоминать о неприятном — можно было подумать, что происшествие на Бокс-хилл забыто.

— М-да, наши славные Элтоны не страдают избытком деликатности, — было следующее его замечанье. — Тут его можно понять... Что такое? Решилась порвать с ним окончательно? Поняла, что эта помолвка не принесла им обоим ничего, кроме горя и сожалений?.. Расторгает ее?.. Что же в таком случае она должна была испытать, наблюдая его поведение!.. Нет, он поистине воплощенье...

— Нет, нет — сначала прочтите, что там сказано дальше. Он тоже страдал, вы увидите...

— Надеюсь, — холодно возразил мистер Найтли, вновь возвращаясь к письму, — Смолридж?.. Это еще что такое? О чем это он?

— Она согласилась пойти в гувернантки к детям миссис Смолридж — это близкая приятельница миссис Элтон — живет по соседству с Кленовой Рошей... любопытно, кстати, как-то миссис Элтон отнеслась к тому, что это предприятие расстроилось...

— Не заводите со мною разговоров, Эмма, милая, иначе мне вовек не дочитать до конца, — помолчим пока о миссис Элтон. Мне осталась всего одна страница. Ну и гораздо же строчить письма этот господин!

— Жалко, что вы читаете с такою неприязнью к нему.

— Ну, кое-где у него и правда проглядывает чувство. Похоже, он искренне сокрушался, увидев, что она больна... Пожалуй, можно с определенностью сказать, что он к ней неравнодушен. «Вдвойне дороже и милей друг другу». Надеюсь, он не скоро забудет цену этому примиренью... Смотрите, как расшедрился на благодарности — то тысячу раз благодарит, то десять тысяч... «Счастлив не по заслугам». Что ж, ему лучше знать. «Мисс Вудхаус называет меня баловнем судьбы». Ах, вот, оказывается, как его называет мисс Вудхаус?.. Отменная концовка, и — одолели-таки письмо!.. Значит, «баловень судьбы»? Так вы его окрестили?

— Я вижу, это письмо вам меньше пришлось по вкусу, нежели мне, но все же надеюсь — хочу надеяться, — что

оно несколько расположило вас в его пользу. Что оно все же и в вашем случае сослужило ему добрую службу.

— Определенно. Он страдает большими недостатками — такими недостатками, как легкомыслие, неумение считаться с другими, и ему правда посчастливилось не по заслугам — тут я вполне разделяю его мнение, но все же, так как он, видно, в самом деле любит мисс Фэрфакс и скоро, будем надеяться, получит ее в спутницы жизни, то допускаю, что подле нее он может постепенно исправиться, переняв у ней строгость правил и взыскательность к себе, коих ему недостает... Ну а теперь я хочу поговорить с вами о другом. Хватит с меня Фрэнка Черчилла, меня сейчас больше занимает совсем не он. Я, Эмма, с самого утра — с тех пор как ушел от вас — не перестаю думать об ином предмете.

И он поведал ей о предмете своих размышлений — благородно, прямо, без обиняков, как ему было свойственно, — простым языком, коим мистер Найтли изъяснялся даже с тою, которую любил: как им устроить свою жизнь, не посягая на благоденствие и покой ее отца. У Эммы был тотчас готов ответ. Покуда жив ее милый батюшка, для нее перемены в жизни невозможны. Она никогда его не бросит. Мистера Найтли, однако, этот ответ устраивал лишь наполовину. Что ей нельзя бросить отца, он понимал не хуже ее; но не мог согласиться, что это исключает вообще какие-либо перемены. Он долго и основательно над этим думал — сначала ему казалось, что мистера Вудхауса можно уговорить переселиться вместе с дочерью в Доннуэлл, но, как ни соблазнительна была эта идея, он слишком хорошо знал мистера Вудхауса, чтобы долго обманываться ею, и вынужден был признать, что такого рода перемещение небезопасно не только для его душевного спокойствия, но даже, быть может, и для самой его жизни и идти на подобный риск невозможно. Разлучить мистера Вудхауса с Хартфилдом?.. Нет, об этом и помышлять было нечего. И, отказавшись от этой мысли, он нашел выход, который, как он был уверен, не вызовет у его любезной Эммы возражений, а именно — что он сам переедет в Хартфилд. Если благополучие, а проще сказать, жизнь отца ее зависит от того, останется ли домом для его дочери Хартфилд — то пусть Хартфилд и ему станет домом.

Мысли о том, чтобы им вместе переехать в Доннуэлл, уже посещали мимоходом и Эмму. Как и он, обдумав такую возможность, она отвергла ее — однако альтернатива, предлагаемая им, не приходила ей в голову. Она понимала,

о какой глубине чувства свидетельствует подобное предложение. Понимала, что, оставляя Донуэлл, он в значительной мере поступает свободою распоряжаться собой, своим временем, своими действиями, что, переехав жить к ее отцу, в дом, где не он хозяин, он неизбежно должен будет со многим, очень многим мириться. Она обещала ему, что все обдумает, посоветовала и ему еще раз хорошенько подумать, но он изъявил полную уверенность, что, сколько бы ни размышлял на сей счет, его мнение и желание останутся неизменны. Он и так уже взвесил все самым тщательным образом, на целое утро сбежал от Уильяма Ларкинса, чтобы никто его не отрывал от размышлений.

— А, вот вам и непредвиденное затрудненье! — весело вскричала Эмма. — Убедена, что Уильям Ларкинс будет против. Вам бы сначала надобно получить его согласие, а уж потом спрашивать меня.

Тем не менее она обещала подумать — и не просто подумать, а настроить себя при этом в пользу такового решения.

Примечательно, что среди многих, очень многих соображений, связанных с Донуэллским аббатством, которые стали с недавних пор занимать собою Эмму, совершенно отсутствовало соображение о том, какой урон понесет как предполагаемый наследник ее племянник Генри, интересы коего она еще недавно столь ревностно охраняла. Казалось, ей бы не мешало задуматься о том, чем угрожают бедному бузукику надвигающиеся перемены — а она, плутовато фыркнув, лишь отмахнулась от этой мысли и с хитрой улыбкой призналась себе, что вовсе не преданная сестра и тетка говорили в ней, когда она яростно восставала против женитьбы мистера Найтли на Джейн Фэрфакс — на ком угодно, — что истинная причина была другая...

Чем дольше размышляла она о предложении мистера Найтли — об этой его идее обосноваться после свадьбы в Хартфилде, — тем больше оно ей нравилось. Недостатки такого решения для него час от часу уменьшались в ее глазах, преимущества для себя — возрастали; обоюдный выигрыш представлялся все более весомым и значительным. Иметь рядом такого друга, когда настанет пора тревоги и тоски! Такую опору в отправлении обязанностей и попечений, которым суждено с течением времени становиться все печальней!..

Она была бы совершенно счастлива, когда бы не одно: мысли о несчастной Гарриет, ибо все, что сулило радости

ей, только приумножало горести ее подружки, которую, ко всему прочему, ожидало теперь отлученье от Хартфилда. Ее, бедную, хотя бы из милосердия и предосторожности лучше будет держать на расстоянии от чудесного домашнего кружка, который образуется у Эммы. Ей станет хуже во всех отношениях. Для Эммы ее отсутствие в будущем не составит ощутимой потери. Наоборот, она бы оказалась теперь лишней среди них, но с нею, бедной, судьба обошлась жестоко, обрекая на незаслуженное наказание.

Понятно, что со временем мистер Найтли будет забыт, вернее — замещен кем-нибудь другим, но едва ли это случится скоро. Он, в отличие от мистера Элтона, ничем не будет способствовать исцеленью. Мистер Найтли, неизменно добрый, чуткий, по-настоящему внимательный к другим, будет всегда достоин обожания, и, право, трудно было рассчитывать, чтоб даже такая, как Гарриет, способна была влюбиться больше *трех раз* за один год.

ГЛАВА 16

большим облегчением узнала Эмма, что Гарриет тоже не жаждет встречаться с нею. Их объяснение, даже на бумаге, получилось мучительным. Устное оказалось бы еще в тысячу раз хуже!

Гарриет, как и следовало ожидать, приняла случившееся без обиды и прямых упреков — и все же Эмме почудился в тоне ее письма холодок, затаенная отчужденность, и от этого убеждение, что им лучше покамест побыть врозь, усилилось. Правда, может быть, это впечатление было ложным, подсказанным нечистой совестью, но и разум говорил, что один только ангел мог бы принять подобный удар без холода и отчуждения.

Заручиться приглашением от Изабеллы не составляло труда; по счастью, для этого не пришлось даже придумать предлога: он существовал. У Гарриет побаливал зуб. Она в самом деле хотела — и давно уже — побывать у зубного врача. Супруга Джона Найтли обрадовалась случаю ей помочь — для нее любое недомоганье служило лучшей рекомендацией, и, хотя зубной врач не мог сравниться в ее глазах с мистером Уингфилдом, она с охотой согласи-

лась принять Гарриет под свое крылышко... Уладив дело с сестрою, Эмма передала подруге ее приглашение, и та с готовностью приняла его... Итак, Гарриет ехала в Лондон — по крайней мере на две недели — и в карете мистера Вудхауса. Сказано — сделано; очень скоро Гарриет благополучно перебралась на Бранзуик-сквер.

Теперь, когда приходил мистер Найтли, ничто не портило Эмме удовольствия — теперь можно было говорить и слушать, без оглядки отдаваясь своему счастью, не омрачаясь ощущением несправедливости, щемящей жалости, вины, которое охватывало ее при воспоминании, что неподалеку томится одинокое сердце — что, может быть, в этот самый миг оно, тут, рядом, терзается чувствами, не без ее участия введенными в обман.

Возможно, разница между пребыванием Гарриет у миссис Годдард и в Лондоне ощущалась Эммой преувеличенно, но там она мысленно видела Гарриет в обстановке, полной интересных занятий и впечатлений, которые отвлекают ее от прошлого и возвращают к жизни.

До поры до времени она не разрешала никакой другой заботе занять в душе своей место, которое освободилось от Гарриет. Ей предстояло трудное дело — и такое, которое никто, кроме нее самой, исполнить не мог — сообщить о своей помолвке мистеру Вудхаусу; но она с ним не торопилась. Решила повременить с этим сообщением до той поры, покуда не разрешится благополучно миссис Уэстон. Ранее этого она не станет прибавлять своим близким волнений и сама не станет изводить себя мыслями о предстоящей грозе... Позволит себе по крайней мере две недели понежиться и отдохнуть душою после восхитительных, но куда более бурных потрясений.

Вскоре ей, как из чувства долга, так и из желания сделать себе приятное, пришло в голову употребить полчаса этого праздника души на посещение мисс Фэрфакс. Сделать это ей и полагалось и очень хотелось, а от сходства в их нынешнем положении благое стремление повидаться с нею возрастало еще больше. Она не разгласит своей тайны, но от сознания, что их виды на будущее так похожи, ей было особенно интересно послушать, что скажет Джейн.

И она отправилась — однажды она подъехала к этим дверям напрасно, — она не была в этом доме с того утра после прогулки на Бокс-хилл, когда застала бедную Джейн в таком ужасном виде и исполнилась к ней сочувствием, хотя и не подозревала об истинной причине ее страданий...

Опасаясь, как бы не оказаться снова нежеланной гостьей, она, хоть и знала, что хозяйки дома, осталась в прихожей и велела доложить о себе. Слышно было, как Патти объявила о ее приходе, но того переполоха, как прежде — который столь удачно объяснила ей бедная мисс Бейтс, — не последовало. Нет — тотчас же донеслось: «Просите!» — и, как будто этого было мало, на площадку лестницы навстречу ей вышла сама Джейн. Никогда Эмма не видела ее такой прелестной, цветущей, очаровательной. Живость, одушевление, теплота — все то, чего прежде не доставало, появилось теперь... Она приблизилась с протянутой рукой и сказала тихим, душевным голосом:

— Мисс Вудхаус — как это мило! Сказать вам не могу... Поверьте, я... Нет, виновата — не нахожу слов.

Эмма, ободренная таким приемом, была готова доказать, что с нею самой обстоит иначе, когда бы ее не оставил голос миссис Элтон, долетевший из дверей гостиной; пришлось ограничиться очень крепким, искренним рукопожатием, в которое она постаралась вложить и свои дружеские чувства, и поздравление.

В гостиной сидели миссис Бейтс и миссис Элтон. Мисс Бейтс отсутствовала, чем и объяснялось затишье несколько мгновений тому назад. Эмма предпочла бы обойтись без миссис Элтон, однако ее собственное размягченное душевное состояние и необычная любезность, с которой поздоровалась с нею миссис Элтон, вселяли надежду, что они как-нибудь переживут эту встречу.

Ей не составило большого труда уловить направление мыслей миссис Элтон и понять, отчего она, подобно ей самой, сегодня в таком счастливом расположении духа — мисс Фэрфакс посвятила ее в свою тайну, и она воображала себя единственной, которой все известно. Эмма немедленно угадала это по выражению ее лица и — пока осведомлялась о здоровье миссис Бейтс, делая вид, будто слушает ответы доброй старушки, — заметила краем глаза, как миссис Элтон с загадочным и важным видом поспешила сложить письмо, которое, очевидно, читала вслух до ее прихода, и убрала его в лиловый, шитый золотом ридикюль, многозначительно кивая и приговаривая:

— Дочитаем как-нибудь в другой раз. Нам с вами недолго придется искать удобного случая. И потом, главное вы уже слышали. Я только хотела вас успокоить, что миссис С. принимает наши извинения и не сердится. Видите, как она прелестно написала! Очаровательная женщина! Вы бы души в ней не чаяли, если бы к ней попали...

Впрочем — ни слова более... Тсс!.. Будем скромнехоньки, благонравны — пай-девочки. Помните эти строки — забыла, кто их написал:

«Коль в деле женщина, мой друг,
Все расступаются вокруг»¹.

В *нашем* деле, прибавлю я, женщина зовется... но об этом молчок! Что-то меня сегодня разбирает... Да, так насчет миссис С. вы не беспокойтесь. В *моем* изложении отказ не вызвал неудовольствия.— И, стоило Эмме отвернуться, чтобы рассмотреть получше вязание миссис Бейтс, как она громким шепотом заключила: — Заметьте — я не называю *имен*. У, я тонкий дипломат — впору хоть в министры. Так справилась, что никто и ничего!..

Сомнений не оставалось. Миссис Элтон слишком упорно вновь и вновь выставляла напоказ свою осведомленность. Когда все мирно потолковали о погоде, о здоровье миссис Уэстон, она вдруг ни с того ни с сего озадачила Эмму вопросом:

— Вы не находите, мисс Вудхаус, что наша маленькая проказница невероятно ожила? Не кажется ли вам, что мистер Перри прямо-таки чудеса творит? — Красноречивый взгляд искоса в сторону Джейн. — Право же, Перри поставил ее на ноги за небывало короткое время! Видели бы вы, как плоха она была совсем недавно, — я-то видела! — И, улучив минуту, когда Эмме что-то говорила миссис Бейтс, опять громко зашептала: — О том, что мистеру Перри, возможно, помогли, мы умолчим — ни слова не пророним о некоем молодом врачевателе из Виндзора... Да-да, все почести достанутся одному Перри!

Вскоре она снова приступилась к Эмме:

— Давно не имела удовольствия видеть вас, мисс Вудхаус, — ни разу, кажется, после прогулки на Бокс-хилл. Чудесное было путешествие. И все же, по-моему, чего-то ему не доставало. Что-то не ладилось — кое-кто казался невесел... Может быть, я ошибаюсь, но таково мое впечатление. Впрочем, там все-таки так красиво, что не мешало бы посетить эти места еще разок. Не собратсья ли нам опять тою же компанией, куда держится хорошая погода, и не повторить ли прогулку на Бокс-хилл? Тою же компанией — без *единого* исключения?..

Тут воротилась домой мисс Бейтс, и Эмма невольно позабавилась, слушая, как растерянно она мнется в ответ

¹ Перевод Р. Сефа.

на ее приветствие, из опасенья, по всей видимости, сказать лишнее и одновременно — неодолимой потребности выболтать все.

— Благодарю вас, дорогая мисс Вудхаус, вы сама доброта! Затрудняюсь вам сказать — да, понятно, однако, будущность Джейн теперь — то есть наоборот... Во всяком случае, она совсем поправилась, спасибо. А как себя чувствует мистер Вудхаус? Очень, очень рада. Передать не могу, как счастлива... В таком чудесном дружеском кругу, где все свои — м-да... Очаровательный молодой человек — вернее, я хочу сказать, такой добрый друг... Это я про нашего славного мистера Перри! Такое внимание к Джейн! — И, наблюдая, как она вслед за тем кинулась восторженно благодарить миссис Элтон за то, что она к ним пришла, Эмма сделала заключение, что Джейн, должно быть, сначала навлекла на себя немилость со стороны четы Элтонов, а теперь великодушно прощена. Несколько реплик громким шепотом полностью подтвердили эту догадку — и миссис Элтон, повысив голос, произнесла во всеуслышанье:

— Да, друг мой, пришла, как видите, — и сижу уже так долго, что в другом доме сочла бы необходимым принести извиненья — дело в том, что мне надобно у вас дожидаться своего господина и повелителя. Он обещал зайти и засвидетельствовать вам свое почтение.

— Как? Мы будем иметь удовольствие видеть у себя и мистера Элтона? Необыкновенная любезность! Известно, что господа мужчины не любители делать визиты по утрам, а мистер Элтон к тому же — человек занятой!

— Да, мисс Бейтс, — что верно, то верно. Дела, дела, с утра до вечера. Люди идут без конца, и всяк со своим. То из муниципалитета придут, то церковный староста, то попечитель убогих — и все к нему за советом. Шагу без него не могут ступить. «Даю вам слово, мистер Э., — часто говорю я, — спасибо, что хоть меня не трогают. Не знаю, что случилось бы с моею живописью и музыкой, ежели ко мне бы тоже поминутно обращались... Я их и так, признаться, непростительно забросила. Вот уже две недели, по-моему, как не садилась за инструмент... Но как бы то ни было, он придет, верьте слову — не преминет к вам явиться. — И, прикрывая рот ладонью, чтобы не слышала Эмма: — С поздравительным визитом, как вы понимаете. Разумеется — можно ли иначе!..

Мисс Бейтс, просяив от счастья, обвела всех глазами.

— Он обещал, что зайдет за мною, как только освобо-

дится от Найтли — они с Найтли уединились и о чем-то совещаются. Мистер Э. у Найтли — правая рука.

Эмма не простила бы себе, когда бы не сумела подавить улыбку — но она справилась с нею и спросила только:

— Мистер Элтон пешком пошел в Донуэлл? Тяжело ему будет шагать по такой жаре.

— Нет-нет, у них назначена встреча в «Короне» — деловое совещание. Уэстон и Коул тоже должны быть, но как-то принято упоминать лишь тех, кто задает тон. Решающее слово, сколько я понимаю, принадлежит всегда и во всем мистеру Э. и Найтли...

— А вы не могли перепутать день? — спросила Эмма. — Я почти уверена, что собрание в «Короне» состоится только завтра. Мистер Найтли был вчера у нас в Хартфилде и как будто называл субботу.

— Да нет же, определенно сегодня, — последовал безапелляционный ответ, с миною, показывающей, что миссис Элтон ошибиться не может. — Верьте слову, — продолжала она, — такого хлопотного прихода больше нет нигде. В Кленовой Роще не бывало ничего похожего.

— Да, но там маленький приход, — сказала Джейн.

— Понятия не имею, милая, об этом никогда и разговоров не было.

— Но это и без того понятно, раз так мала школа, где, как вы мне рассказывали, попечительствуют ваша сестрица и миссис Брэгг — одна школа на весь приход, да и в той всего лишь двадцать пять учеников.

— Вот умница — так верно подметить! Экая сообразительность! Представьте, Джейн, какая идеальная бы получилась личность, если бы нас с вами сложить вместе! К моей бы живости да вашу основательность — и выйдет совершенство... Что не мешает, впрочем, кой-кому вас уже теперь находить совершенством. Но — тсс! Не говорите мне ни слова...

В этом предостережении не ощущалось особой надобности, ибо Джейн явно порывалась обменяться хотя бы несколькими словами не с миссис Элтон, а с мисс Вудхаус. Эмма ясно видела, что ей хотелось бы, не нарушая законов общей учтивости, отметить вниманием *ее*, хотя чаще ей приходилось ограничиваться при этом только приветливым взглядом.

Но вот появился мистер Элтон. Супруга встретила его со свойственным ей игривым задором.

— Очень мило, сударь, нечего сказать — посылаете меня сюда и вынуждаете так долго обременять своим

присутствием моих друзей в ожидании, когда вы соблаговолите пожаловать за мною! Но что поделаешь, я — образец послушания, и это вам известно. Вы знали, что я не тронусь с места, пока не явится мой господин и повелитель... Добрый час сижу тут, показывая милым девицам пример супружеского повиновения — как знать, может быть, очень скоро он им и пригодится...

Но мистер Элтон так устал и запарился, что этот фейерверк остроумия пропал втуне. Едва успев поздороваться с дамами и отдать тем самым дань учтивости, он тотчас принялся бранить жару и жаловаться, что впус-тую столько вышагал по солнцепеку.

— Прихожу в Донуэлл, а Найтли в помине нет. Пора-зительно! Невероятно! Только утром послал ему записку, и он ответил, что до часу в любом случае будет дома.

— В Донуэлл? — воскликнула его жена.— Мистер Э., друг мой, вы разве ходили в Донуэлл?.. В «Корону», вы хо-тели сказать,— ведь вы сейчас с совещания в «Короне»...

— Да нет, совещание завтра — в связи с этим мне и было важно повидаться с Найтли именно сегодня-Нешадно нынче печет. А я еще пошел полями,— с боль-шою обидой в голосе,— где и вовсе можно изжариться. И после этого — не застать его дома! Не скрою, мне это очень не нравится. Хоть бы распорядился, чтоб мне пере-дали его извиненья — но нет. Экономка заявила, что знать ничего не знает... Очень странно! И куда ушел — никто по-нятия не имеет. То ли в Хартфилд, то ли на Эбби-Милл, а может быть — осматривать свои леса... Непохоже это, мисс Вудхаус, на нашего друга Найтли! Вам не приходит в голову, чем это следует объяснить?

Эмма, втайне посмеиваясь, согласилась, что это ни на что не похоже, и прибавила, что ей нечего сказать в его оправдание.

— Не понимаю,— вознегодовала миссис Элтон, как и полагалось преданной супруге,— отказываюсь понимать! Поступить подобным образом — и не с кем-нибудь, а с ва-ми! Забыть, что вы должны прийти — не верю! Мистер Э., мой друг, убеждена, что он оставил прислуге какое-то распоряжение относительно вас, иначе быть не может! На такую выходку не способен даже Найтли, хотя он и боль-шой оригинал, а прислуга забыла передать. Верьте слову, так оно и есть,— от донуэллской прислуги вполне можно этого ожидать, я много раз замечала, сколь там распушен-ны и нерадивы слуги. У меня бы такой, как его Гарри, недолго состоял в буфетчиках. Что же до миссис Ходжес,

то наша Райт о ней очень невысокого мнения. Обещала прислать Райт рецепт пирога, да так и не удосужилась.

— Мне встретился по дороге Уильям Ларкинс,— продолжал мистер Элтон,— он сказал, что хозяина нет дома, но я не поверил... Уильям был не в духе. Говорит, что с хозяином творится что-то в последнее время,— слова путного невозможно добиться. Уж не знаю, какие у Уильяма заботы, но *мне* было в высшей степени важно повидаться сегодня с Найтли и для меня совсем не шутка, что мой поход по солнцепеку закончился ничем.

Эмма поняла, что ей, пожалуй, надо идти домой — и поскорее. По всей вероятности, ее там ждали; может быть, мистера Найтли удастся удержать от дальнейших выпадов — если не в отношении Уильяма Ларкинса, то хотя бы в отношении мистера Элтона.

Она простилась и была рада, когда мисс Фэрфакс вызвалась проводить ее — не только до лестницы, но даже вниз, до дверей; это был удобный случай, и она поспешила им воспользоваться.

— Пожалуй, к лучшему, что нам не удалось поговорить,— сказала она.— Если бы я застала вас одну, то, вероятно, вопреки хорошему тону, не удержалась бы от искушенья заговорить, расспросить, откровенно высказаться о предмете, который до меня не касается... Подозреваю, что наверняка бы позволила себе слишком многое.

— О нет! — воскликнула Джейн, краснея и смущаясь, что несравненно ей больше шло, по мнению Эммы, нежели прежняя изысканная сдержанность.— Такой опасности не было. Была другая — что я сама бы вас замучила разговорами. Ваш интерес к моим делам доставил бы мне одно лишь удовольствие... Поверьте, мисс Вудхаус,— овладев собою,— когда вы сознаете, что поступили дурно, очень дурно, то для вас чрезвычайно утешительно, если друзья ваши, которых вы более всего страшитесь потерять, не отвернулись от вас с презрением... Теперь нет времени сказать и половины того, что... Я страстно желала бы повиниться, объясниться — быть может, в какой-то мере оправдаться перед вами. Я просто обязана это сделать. Но, к сожалению — словом, мне остается надеяться только на ваше состраданье...

— Ох, вы уж очень взыскательны к себе, даю вам слово! — горячо воскликнула Эмма, беря ее за руку.— Передо мною вам не в чем виниться, а все те, которые, может быть, вправе были этого ждать от вас, так довольны, даже счастливы за вас, что...

— Вы очень великодушны, но я-то знаю, как держалась с вами!.. Холодно, натянуто... Все время надобно было играть роль... Жизнь, построенная на обмане!.. Я знаю, что должна была внушать вам отвращение.

— Полноте! Прошу вас. Это мне пристало приносить вам извинения. Давайте сразу все простим друг другу. Не будем напрасно тратить время, а покончим с этим, как велит нам чувство... Надеюсь, из Виндзора приходят добрые вести?

— Очень.

— А нас, надо полагать, скоро ждет известие, что мы вас теряем — и как раз, когда сделан первый шаг к нашему сближению!..

— Ну, об этом, конечно, рано помышлять. Я еще здесь побуду, пока меня не заберут к себе Кемпбеллы.

— Рано, может быть, решать во всех подробностях, — с улыбкою возразила Эмма, — но помышлять, простите, самое время.

Теперь ее собеседнице настала очередь улыбнуться.

— Вы правы, разумеется — да, это было уже предметом размышлений. И могу вам признаться, зная, что это дальше не пойдет, — уже решено, что жить мы будем в Энскуме, у мистера Черчилла. Глубокий траур, по крайней мере три месяца, — и, вероятно, откладывать долее не будет причин.

— Благодарю вас, благодарю! Это я и хотела услышать. Знали бы вы, как я люблю во всем определенность и ясность!.. Прощайте — нет, до свиданья!

ГЛАВА 17

частливы были друзья миссис Уэстон, узнав, что она разрешилась благополучно, а Эмма, радуясь, что она жива и здорова, ликовала еще и потому, что родилась девочка. Исполнилось ее заветное желание — появилась на свет мисс Уэстон. Она бы даже себе не создалась, что оно подсказано видами на будущую партию для одного из сыновей Изабеллы, но всякому доказала бы, что для отца и матери лучше, если будет дочка. Для мистера Уэстона, когда он состарится — а даже мистер Уэстон лет через десять, вероятно, состарится, — будут большим утешеньем проказы и бол-

товня, капризы и прихоти маленькой шалуни, которую никуда не понадобится отправлять из родного дома; что же до миссис Уэстон — кто бы усумнился, что для такой, как она, желаннее дочка, да и жалко было бы, если б ей, прирожденной воспитательнице, не представился такой случай еще раз применить свои таланты.

— Один раз она уже попытала силы на мне, — рассуждала Эмма, — как баронесса д'Альман — на графине д'Осталис из «Аделаиды и Теодоры» мадам де Жанлис, и теперь, имея опыт, сумеет воспитать свою маленькую Аделаиду не в пример лучше.

— Иными словами, — отозвался мистер Найтли, — будет еще отчаяннее баловать, но верить при этом, что не балует вовсе. Вот и вся разница.

— Несчастное дитя! — воскликнула Эмма. — Что же ждет ее, когда так?

— Ничего страшного. Та же участь, что и очень многих. Будет невыносима в детстве и исправится, когда подрастет. Я с некоторых пор смотрю совсем другими глазами на избалованных детей, голубка Эмма. Со стороны человека, который обязан своим счастьем *вам*, было бы черной неблагодарностью судить их чересчур сурово.

Эмма прыснула.

— Да, но в моем случае всеобщему баловству противостояла ваша строгость. Сомневаюсь, чтобы мне достало разуменья исправиться самой, без вашей помощи.

— Вот как? А я не сомневаюсь. Природа наделила вас умом, мисс Тейлор внушила вам правила. Вы бы и сами справились. Мое вмешательство могло бы с равным успехом только напортить. Разве вам не естественно было бы спросить: «А по какому праву он меня поучает?» И разве не естественно заметить, что это делается в довольно обидной форме? Нет, не думаю, что вы очень выиграли от моих назиданий. Выиграл я, потому что благодаря этим назиданьям и привязался к вам всей душой. Думая об вас постоянно, я не мог не полюбить вас без памяти, со всеми вашими недостатками, и, придираясь к вам по малейшему поводу, обожал вас лет, по крайней мере, с тринадцати.

— Нет, ваши наставления не пропали даром! — воскликнула Эмма. — Они очень часто возвращали меня на верный путь — гораздо чаще, чем я в том сознавалась. Уверяю вас, они мне дали много хорошего. И ежели малютке Анне Уэстон тоже не избежать баловства, то ваш человеческий долг — сделать для нее то же, что вы

делали для меня, только, чур, за вычетом обожанья с тринадцати лет...

— Сколько раз вы, помню, когда были маленькой, подойдете ко мне и объявите с плутовскою улыбочкой: «Знаете, мистер Найтли, что я сейчас сделаю? Папаша — или мисс Тейлор — говорит, что можно», — заранее зная, что я скажу: «Нельзя». И в этих случаях, если я вмешивался, то навлекал на себя удвоенную ярость.

— Да, славным я была ребеночком! Неудивительно, что вам надолго запомнилось то, что я молола...

— «Мистер Найтли»... Всегда вы называли меня «мистер Найтли» — я так привык, что это обращение уже не кажется мне слишком официальным... И все-таки оно звучит официально. Мне хочется, чтобы вы называли меня иначе, но только вот не знаю как.

— Помнится, я однажды, как раз в припадке ярости — лет эдак десять назад, — назвала вас «Джордж». Рассчитывала позлить вас таким образом, но, увидев, что на вас это не действует, больше никогда не повторяла.

— А вы не можете теперь называть меня «Джордж»?

— Ни за что!.. Я вас могу называть «мистер Найтли», и никак иначе. Не обещаю даже, что, уподобясь в элегантном лаконизме миссис Элтон, начну именовать вас «мистер Н.»... Могу лишь обещать, — прибавила она, смеясь и краснея, — что один раз я назову вас по имени непременно. Не скажу когда, а где — вы сами догадаетесь. В тех стенах, где Н. навсегда соединит свою судьбу с судьбою Э.

Жалко, что, воздавая ему должное, она не могла открыто назвать одну важную услугу, которую ей оказало бы его здравомыслие, если б она в свое время послушалась его совета и удержалась от самой опасной и глупой из своих женских прихотей — коротких отношений с Гарриет Смит, — но этот предмет был чересчур деликатен. Эмма не решалась его затронуть. Имя Гарриет редко мелькало в их разговорах. С его стороны это, может быть, объяснялось тем, что он просто об ней не думал, но Эмма склонна была скорее приписать его молчание чуткости: он, видно, догадывался по некоторым признакам, что дружба между ними идет на убыль. Она и сама понимала, что, когда бы их с Гарриет разлучили иные обстоятельства, они вели бы оживленную переписку, меж тем как ныне сведения, которыми она располагала, почти целиком основывались на письмах Изабеллы. Возможно, от него это не укрывлось. Эта необходимость что-то скрывать от

него мучила ее, пожалуй, не меньше, чем сознание, что Гарриет несчастлива по ее вине.

Изабелла, как и следовало ожидать, слала о своей гостье, в общем, неплохие вести: поначалу она казалась несколько подавленной — что очень понятно, когда вам предстоит визит к зубному врачу — но, совершив его, сделалась снова такою же, какой они ее знали раньше... На проницательность Изабеллы особенно полагаться не приходилось, но все же, если бы Гарриет не настроена была, к примеру, играть с детьми, это бы не укрылось от нее. Очень утешило и воодушевило Эмму известие, что Гарриет пробудет в Лондоне дольше, чем предполагалось, — похоже было, что две недели, о которых шла речь, обернутся по крайней мере месяцем. В августе мистер Джон Найтли с женою собирались наведаться в Хайбери и предложили Гарриет ехать вместе, а до тех пор пожить у них.

— А Джон о вашей приятельнице не пишет ни слова, — сказал Эмме мистер Найтли. — Вот его ответ — хотите взглянуть?

То был ответ на его сообщение брату, что он хочет жениться. Эмма протянула за ним руку с готовностью — с живым нетерпением узнать, что там говорится, которое ни на йоту не уменьшилось из-за того, что об ее приятельнице там не сказано ни слова.

— Джон по-братски рад моему счастью, — продолжал мистер Найтли, — но он не мастер расточать комплименты, и хотя вас, я знаю, тоже любит, ему столь чуждо пышное суесловье, что всякая другая на вашем месте, пожалуй, сочла бы, что он слишком скуп на похвалу. Но вам я могу показать его письмо без опасений.

— Что ж, он пишет разумные вещи, — заметила Эмма, кончив читать. — Уважаю его за искренность. Он ясно дает понять, что в выигрыше от этой помолвки, по его мнению, бесспорно, одна я, но не исключает, что я со временем могу стать лучше и ваша уверенность, что я достойна любви вашей, подтвердится. Ежели бы он пытался выразиться в каком-нибудь ином смысле, я бы ему не поверила.

— Милая, он хочет сказать совсем не это. Он только пишет, что...

— А мы с ним очень мало расходимся в оценке двух действующих лиц, — перебила его с серьезною улыбкой Эмма, — гораздо меньше, может быть, чем ему кажется, — и он бы понял это, если б у нас был случай объясниться на этот счет без обиняков и церемоний.

— Эмма, дорогая моя...

— И кстати,— прибавила она, улыбаясь уже веселей,— если вы боитесь, что ваш брат ко мне не слишком справедлив, то погодите, пока мы откроем нашу тайну батюшке, и послушайте, что скажет он\ Будьте покойны, *вам* от него достанется куда меньше справедливости. Он будет считать, что это вам одному привалило счастье, улыбнулась удача, а всеми достоинствами обладаю одна я. Хорошо еще, если я с первой минуты не превращусь для него в «бедняжку Эмму»! Это у него последняя степень сострадания к обиженной судьбою добродетели.

— Ох,— вырвалось у него.— Если бы вашего батюшку было так же легко, как Джона, убедить, что мы стоим друг друга и по всем законам и приметам должны быть счастливы вдвоем!.. Но меня позабавило одно место в письме Джона,— вы не обратили вниманья? — где он пишет, что моя новость его не ошеломила, что этого, по его предположениям, более или менее следовало ожидать.

— Сколько я поняла, он лишь догадывался, что вы задумали жениться. Но что на мне, не подозревал. Это для него как раз явилось неожиданностью.

— Ну да, но занятно все-таки, каким образом он ухитрился хотя бы в этой мере проникнуть ко мне в душу. По каким признакам он судил? Какие перемены в настроении моем или разговоре подвели его, не когда-нибудь, а именно теперь, к мысли, что я хочу жениться? Сам я таковых перемен в себе не замечал, но, значит, что-то было... Наверно, когда я приезжал к ним недавно, то перемена была. Я, кажется, меньше, чем всегда, играл с детьми. Помню, мальчики жаловались как-то вечером: «Дядя теперь все время говорит, что устал».

Наступало время поделиться своею новостью с другими и посмотреть, как ее примут. Как только миссис Уэстон окрепла и в состоянии была принять мистера Вудхауса, Эмма, с расчетом в будущем на мягкие увещанья своего друга, решила объявить ее сперва дома и тотчас вслед за тем — в Рэндалсе. Но как все-таки было признаться батюшке?.. Она назначила себе определенный час — иначе могла бы дрогнуть в последний момент и снова отложить до другого раза,— когда мистера Найтли не будет, но с тем, чтобы он потом появился и по горячим следам довел дело до конца... Не сказать было нельзя — и сказать надобно было весело. Не убивать его окончательно, сообщив об этой катастрофе минорным тоном. Преподнести ее как радость, а не беду... Собравшись с духом, она

предупредила отца, что он услышит сейчас кое-что неожиданное, и затем в нескольких словах объявила, что, ежели получит его согласие и благословенье — каковые, она надеется, он даст с легким сердцем, способствуя тем всеобщему счастью,— то хотела бы выйти замуж за мистера Найтли, вследствие чего Хартфилд пополнится постоянным присутствием человека, которого он, как известно, любит, после своих дочерей и миссис Уэстон, больше всех на свете.

Бедный мистер Вудхаус! Это был тяжелый удар, и сначала он всеми силами старался отговорить ее. Вновь и вновь напоминал ей ее же слова о том, что она никогда не выйдет замуж, убеждал, что холостая жизнь гораздо лучше,— приводил в пример печальную судьбу бедняжек Изабеллы и мисс Тейлор... Ничто не помогало. Эмма не отходила от него, ласково улыбалась и повторяла, что так надо, что Изабелла и миссис Уэстон — совсем другое дело, что их обеих замужество разлучило с Хартфилдом, действительно произведя в нем печальное опустошение,— меж тем как она из Хартфилда не уедет, а наоборот, останется тут навсегда, а перемены в числе его обитателей и составе их общества — только к лучшему; что для него же самого, когда он вдумается и привыкнет к этой мысли, в сто раз удобнее и приятней будет иметь мистера Найтли все время рядом. Разве не любит он мистера Найтли всем сердцем? Не станет же он это отрицать? К кому, как не к мистеру Найтли, неизменно обращается он за деловым советом? Кто для него самый полезный человек, кто так охотно пишет за него письма, так готов всегда и во всем прийти к нему на выручку? Кто еще так умеет ободрить, кто так внимателен к нему, так предан? Разве не славно было бы всегда иметь его под боком?... Да. Все это так. Мистер Найтли у них желанный гость во всякое время, он рад бы видеться с ним хоть каждый день, но ведь они и так видят его каждый день... Отчего же им нельзя жить, как жили до сих пор?..

Мистер Вудхаус смирился не вдруг — но худшее осталось позади; мысль была заронена — остальное должны были доделать время и повторены;... Просьбы и уверения Эммы сменялись увещаниями мистера Найтли, нежные хвалы коего по ее адресу придавали предмету разговора даже известную приятность, и скоро мистер Вудхаус привык к тому, что они при каждом удобном случае заводят с ним об этом речь. Вносила посильную лепту Изабелла, присылая письма, в которых высказывала самое

горячее одобренье этой идее, но самую верную тактику избрала с первой же встречи миссис Уэстон, говоря о замужестве Эммы, во-первых, как о деле решенном, а во-вторых — как о деле благом, ибо прекрасно знала, что для мистера Вудхауса первое, пожалуй, не менее важный довод, чем второе... Он видел, что все вокруг сходятся на одном — все, которых он привык в жизни слушать, твердили, что для него же так будет лучше, — он к этому и сам склонялся в глубине души, и постепенно начал думать, что когда-нибудь — годика через два, пожалуй, — им, может быть, и в самом деле недурно бы пожениться.

Миссис Уэстон не кривила душой, не притворялась, выступая перед ним в защиту этого союза... Она в первую минуту, когда Эмма ей все рассказала, остолбенела от изумленья, но с той же первой минуты поняла, что это — счастливое для всех событие, и уговаривала мистера Вудхауса с жаром — и с чистою совестью... Она столь высоко ставила мистера Найтли, что признавала его достойным даже своей ненаглядной Эммы — и вообще это была во всех отношениях столь удачная, подходящая, бесподобная партия — а в одном, крайне важном отношении, просто идеальная, единственная — что другого выбора, представлялось ей теперь, Эмма сделать не могла, — непонятно только, какое затмение ей помешало сообразить это давным-давно и именно этого брака желать для Эммы... Какой другой жених, равный Эмме по положенью в обществе, согласился бы оставить родовое имение и поселиться в Хартфилде? Кто, кроме мистера Найтли, так знал мистера Вудхауса и умел мириться с его особенностями, чтобы подобное решение стало приемлемым?... Всякий раз как они с мужем, бывало, строили планы, проча Эмме в мужья Фрэнка Черчилла, участь бедного мистера Вудхауса неизменно оказывалась камнем преткновения. Как примирить интересы Энскума и Хартфилда — вот трудность, в которую все упиралось, и хотя мистера Уэстона она смущала меньше, нежели ее, но и он никогда не мог придумать ничего лучшего, как отмахнуться со словами: «Уладится как-нибудь — молодежь найдет выход...» Теперь же ни от чего отмахиваться, слепо полагаясь на будущее, не было нужды. Все делалось с открытыми глазами, разумно и справедливо. Никому ничем существенным жертвовать не приходилось. Такой союз, по всему, обещал стать счастливым, и ни одной серьезной причины противиться ему или хотя бы медлить с ним она не видала.

Баюкая свою малютку и предаваясь подобного рода

размышлениям, миссис Уэстон ощущала себя счастливейшей из женщин. Особенно когда с восторгом заметила, что первые чепчики уже становятся девочке тесноваты...

Новость распространялась, повергая всякого в изумление, — повергла на первые пять минут и мистера Уэстона, но он за эти пять минут, со свойственной его натуре гибкостью, успел вполне освоиться с нею... Преимущества этого брака он видел и одобрял с тем же постоянством, что и его жена, но от изумления очень скоро ничего не осталось — уже через час он был готов поверить, что всегда ждал такого исхода.

— Это, сколько я понимаю — тайна, — говорил он. — Такие вещи — всегда страшная тайна, откуда не выясняется, что о них давно все знают. Ладно, только предупредите меня, когда можно будет говорить. Интересно, Джейн догадывается или нет...

Назавтра же он с утра отправился в Хайбери и удовлетворил свое любопытство на сей счет. То есть, иначе говоря, сообщил ей эту новость. А как же? Разве она теперь не все равно что дочь ему — старшая его дочь? А так как говорилось это в присутствии мисс Бейтс, то новость, естественно, мигом достигла также миссис Коул, миссис Перри и миссис Элтон. Герои дня это предвидели — прикинув, за сколько времени известие разнесется из Рэндалса по всему Хайбери, они с завидною проницательностью заключили, что уже к вечеру сделаются притчей во языцех во многих домах.

Вообще говоря, известие приняли с одобрением. Одни считали, что больше повезло ему, другие — что ей. Кто-то полагал, что им бы следовало обосноваться в Донуэлле, а Хартфилд уступить семейству Джона Найтли; еще кто-то предсказывал, что у них перессорится вся прислуга, но в общем серьезных возражений не возникало нигде — кроме как в доме викария... Здесь неожиданность известия не смягчалась удовлетворением. Мистер Элтон, в сравнение с женою, принял его спокойно и только изъявил надежду, что «непомерная гордыня означенной девицы наконец-то удовлетворена», а также — предположение, что «она, видимо, давно уже задалась целью подцепить Найтли» — по поводу же намерения зажить одним домом в Хартфилде позволил себе нескромность воскликнуть: «Вот счастье, что не я на его месте!» Но что до миссис Элтон, то она приняла эту весть гораздо ближе к сердцу. Бедный Найтли! Несчастный человек! Судьба его не пощадила... Она потрясена, верьте слову, — помилуйте, пусть

он большой оригинал, но у него же тьма достоинств... И как это он оплошал?.. Да нет, ничуть не влюблен, ни капли — уж она-то знает... Бедный! Кончилось их задушевное общенье. А как он радовался, когда они звали его отобедать! Отныне всему этому конец... Ах, бедняга!.. Не устраивать ему больше *для нее* в Донуэлле увеселений на свежем воздухе. Куда там — новоиспеченная миссис Найтли испортит все удовольствие... Ужасная неприятность!.. И хорошо, что она при ней ругала экономку, — и пусть... Негодная затея — жить всем вместе. К добру не приведет. Одна знакомая пара по соседству с Кленовой Рошей тоже попробовала, месяца три так прожили — и разошлись.

ГЛАВА 18

ремя шло. Все меньше дней оставалось до приезда гостей из Лондона и их гости. Эмма ждала его с тревогой и однажды утром не на шутку задумалась о том, сколько он должен ей принести волнений и горестей, — но тут показался мистер Найтли и тягостные мысли отступили. Первые минуты пролетели за приятною болтовней; потом он помолчал немного и заговорил серьезным тоном:

— Я кое-что хочу сказать вам, Эмма, — у меня для вас есть новость.

— Хорошая или плохая? — быстро спросила она, испытующе поднимая на него глаза.

— Не знаю — трудно сказать.

— А я знаю — хорошая! Видно по вашему лицу. Вы стараетесь подавить улыбку.

— Боюсь, — произнес он, придавая внушительность своим чертам, — очень боюсь, Эмма, милая, что у вас она не вызовет улыбки.

— Вот как? Отчего же? Возможно ли, чтобы то, что радует и забавляет вас, не позабавило и не обрадовало меня?

— Существует вопрос — единственный, надеюсь, — возразил он, — на который мы смотрим по-разному. — Он опять улыбнулся и помолчал, внимательно глядя на нее. — Вам ничто не приходит в голову? Память вам ничего не подсказывает? Он связан с Гарриет Смит...

Эмма вспыхнула при этом имени и, сама не ведая почему, испугалась.

— А, так она вам написала! — вскричал он. — Вы нынче получили письмо и все знаете!

— Нет, ничего не знаю — говорите, прошу вас.

— Я вижу, вы приготовились услышать самое страшное — что ж, это и правда страшно вымолвить. Гарриет Смит выходит замуж за Роберта Мартина.

Эмма вздрогнула всем телом — как видно, приготовления не помогли, — горящие глаза ее сказали: «Быть не может!», но губы даже не шевельнулись.

— Да, это так, — продолжал мистер Найтли. — Мне Роберт Мартин сам сказал. Он всего полчаса как ушел от меня.

Она по-прежнему глядела на него в красноречивом изумлении.

— Не зря я боялся, голубушка моя, что вас это неприятно поразит... Жаль, что наши взгляды не совпадают. Впрочем, со временем совпадут. Будьте покойны, время заставит меня или вас переменить мнение, а до тех пор нам нет особой надобности обсуждать этот предмет.

— Вы ошибаетесь, вы меня неверно поняли, — проговорила она с усилием. — Я не оттого поразилась, что для меня это неприятность, — я просто не могу поверить. Этого не может быть! Не хотите же вы сказать, что Гарриет Смит так-таки дала согласие Роберту Мартину? Или даже что он ей снова сделал предложение — уже? Вы говорите лишь об его намеренье...

— Я говорю, что он его сделал, — с улыбочкой, но твердой решимостью отвечал мистер Найтли, — и получил ее согласие.

— Великий боже! — воскликнула она. — Ну и ну! — И, наклонясь к спасительной корзинке с шитьем, чтобы скрыть насмешливый и упоительный восторг, который, как она понимала, должен был в эти мгновенья изобразиться на ее лице, прибавила: — Так расскажите мне все — растолкуйте. Как, где, когда? Не пропускайте ни единой подробности... Ну и сюрприз вы преподнесли мне — но, уверяю вас, он меня не огорчает! Да как же, каким образом это могло произойти?

— Очень просто. Три дня тому назад он ехал в город, и я доверил ему бумаги, которые надобно было передать Джону. Он их принес ему в контору, и Джон предложил ему вечером поехать с ними к Этли. Они решили повести двух старших мальчиков в цирк. Собирались туда в пятницу — брат с вашей сестрицей, Генри, Джон — и мисс Смит. Мой друг Роберт не устоял. За ним заехали по

дороге — на представление все веселились до упаду, а на-завтра брат позвал его обедать — он пришел — и, сколько я понял, тогда-то, улучив минутку, переговорил с Гарриет — переговорил определенно не попусту. Она дала ему согласие и осчастливила его — как он того и заслуживает... Он воротился вчера, на дилижансе, а нынче, сразу после завтрака, уже был у меня с докладом — сперва о моих делах, а после — о своих. Вот и все, что я могу вам поведать насчет того, как, где и когда. Ваша приятельница Гарриет при встрече с вами будет рассказывать об этом гораздо пространней. Не упустит ни одной малости, какие умеет интересно преподнести только женщина. Мы, мужчины, сообщаем о крупном... Впрочем, должен сказать, даже я отметил, что Роберт Мартин был от избытка чувств необычно для себя речист и счел нужным совсем нестати упомянуть о том, как, выйдя из ложи в цирке, брат с женою и Джоном-младшим пошел вперед, а мисс Смит и Генри оставил на него, и в какой-то момент они попали в такую толчею, что мисс Смит несколько оробела.

Он остановился. Эмма, не доверяя себе, предпочла промолчать. Заговорив, она бы неизбежно выдала ему свое, необъяснимое для него, ликованье. Надобно было обождать, иначе он мог решить, что она сошла с ума. Ее молчание беспокоило его, и, понаблюдав за нею, он прибавил:

— Милая, вы сказали, что эта новость не огорчает вас, но, боюсь, она все-таки вас расстроила больше, чем вы предполагали. Да, его положение в обществе оставляет желать лучшего — но смотрите на это глазами вашей подруги, которую оно устраивает. Что же до него самого — ручаюсь, чем ближе вы будете с ним знакомиться, тем лучшего будете о нем мнения. Вас будет восхищать его ясный разум, его добропорядочность. Ежели говорить о личных качествах, то лучшего мужа вашей подруге и пожелать нельзя. Будь это в моей власти, я дал бы ему другое положение — а этим сказано очень многое, Эмма, верьте мне... Вы вот подтруниваете надо мною из-за Уильяма Ларкинса, но мне будет ничуть не легче обходиться без Роберта Мартина.

На это естественно было поднять голову и улыбнуться — что она и сделала, изо всех сил заставляя себя не улыбаться чересчур широко.

— Да не старайтесь вы так примирить меня с мыслью об этом браке, — отвечала она бодро, — в этом нет никакой надобности. По-моему, за Гарриет можно лишь порадо-

ваться. Как знать, возможно, ее родня даже *уступает* ему по положению — что касается добропорядочности, то в этом нет сомнений. Я онемела от удивления, и только — от полной неожиданности. Вы не представляете себе, как это для меня неожиданно, как мало я была готова к такому повороту событий! Ибо имела основания думать, что она в последнее время более — гораздо более, чем раньше, настроена против него.

— Вам лучше знать вашу подружку, — возразил мистер Найтли, — но я сказал бы, что такой добренькой, сговорчивой девице трудно противиться очень долго молодому человеку, который признается ей в любви.

Эмма, невольно фыркнула.

— Даю вам слово, мистер Найтли, — отвечала она сквозь смех, — по-моему, вы ее знаете ничуть не хуже, чем я... Но скажите, вы совершенно уверены, что она твердо и определенно дала ему согласие? Что *могла бы* со временем — это я допускаю, но чтоб *уже?*.. Вы, может быть, не так его поняли? Быть может, за разговором о множестве других предметов — о хозяйстве, о новой селялке, о выставке скота — вы сбились и перепутали? И не о согласье Гарриет отдать ему руку толковал он уверенно, а о статях знаменитого быка?

Эмму в эту минуту с такою новой остротой поразила разница между Робертом Мартином и мистером Найтли — в чертах, во всей повадке, — столь живо было для нее воспоминанье о совсем недавних перипетиях Гарриет, столь явственно звучали в ушах слова, произнесенные с такою горячностью: «Я даже не взгляну теперь в сторону Роберта Мартина!», что она искренне рассчитывала получить в ответ подтверждение, что эта новость в известной мере преждевременна. Иначе и быть не могло!

— И вы смеее так говорить? — вскричал мистер Найтли. — Смеее принимать меня за полного болвана, неспособного уразуметь, о чем с ним разговаривают?.. Чего же вы заслуживаете после этого?

— Я? Я всегда заслуживаю самого лучшего обращения, так как другого обращения с собою не терплю, — а потому извольте дать мне прямой и четкий ответ. Вы совершенно уверены, что правильно поняли, в каких отношениях состоят теперь мистер Мартин и Гарриет?

— Я уверен, — отвечал он очень внятно, — что он сообщил мне о ее согласии, ясно и недвусмысленно, и, кажется, располагаю доказательством, которое вас в этом убедит. Он спрашивал у меня совета, что делать дальше.

Сколько ему известно, единственный человек, который может располагать какими-то сведениями о ее родных и близких,— это миссис Годдард. Прилично ли ему, на мой взгляд, обратиться к ней? Я уверил его, что вполне. Тогда, сказал он, он постарается в течение дня побывать у миссис Годдард.

— Вот теперь я удовлетворена,— уже не пряча сияющей улыбки, отозвалась Эмма,— и от души желаю им счастья.

— В вас совершилась существенная перемена с тех пор, как мы последний раз беседовали об этом предмете.

— Надеюсь — потому что тогда я рассуждала, как дурочка.

— Я, впрочем, тоже переменялся, потому что теперь охотно соглашусь, что Гарриет обладает всеми достоинствами, которые вы называли. Я, ради вас и ради Роберта Мартина — имея все причины полагать, что он влюблен в нее не меньше прежнего,— предпринял кой-какие шаги, чтобы лучше ее узнать. Часто и подолгу с ней разговаривал — вы сами, должно быть, замечали. Подчас, признаться, мне казалось, что вы подозреваете меня в поползновениях замолвить словечко за несчастного Мартина — чего, надо сказать, никогда не бывало... Так или иначе все мои наблюдения убедили меня, что это простодушная, славная девица, самых серьезных правил и очень здравых понятий, которая будет искать счастья для себя в привязанностях и полезных трудах семейной жизни... Во многом она всем этим, несомненно, обязана вам.

— Мне?! — качая головой, вскричала Эмма.— Ох!.. Бедная Гарриет...— Но вовремя спохватилась, покорясь необходимости принимать не совсем заслуженную похвалу.

Скоро их беседе положило конец появление ее батюшки. Эмма не жалела об этом. Ей хотелось побыть одной. В душе у ней царили сумбур и недоумение, это мешало ей собраться с мыслями. Ее так и подмывало крикнуть, запеть, пуститься в пляс — надобно было походить по комнате, поразмыслить, разобраться, посмеяться — без этого она сейчас ни на что путное не годилась.

Мистер Вудхаус пришел объявить, что Джеймс пошел закладывать карету для ежедневной с недавних пор поездки в Рэндалс, дав Эмме повод немедленно выскочить за дверь.

Можно себе представить, какая радость ее переполняла, какая благодарность судьбе, какое восхитительное чувство облегчения! Единственное облачко, темное пятно — забота о будущем Гарриет — благополучно

устранилось; все складывалось так счастливо, что становилось даже страшновато... Чего ей оставалось желать? Ничего — лишь сделаться более достойной его, который во всех движениях души и суждениях обнаруживал неизмеримое превосходство над нею. Лишь извлечь урок из ошибок, совершенных в прошлом, и впредь вести себя скромнее и осмотрительней.

Серьезны, очень серьезны были и эти благодаренья, и зарок, однако в отдельные минуты она, без всякого перехода, покатывалась со смеху. Нельзя было не покалываться со смеху при мысли о подобной развязке! При мысли о том, чем завершилась сердечная драма пятидневной, давности. Ну и сердечко — ну и Гарриет!

Теперь можно было ждать ее приезда с удовольствием. Теперь все будет удовольствием. Большим удовольствием будет познакомиться с Робертом Мартином...

Отрадней всего среди этих глубоких и серьезных размышлений было сознание, что скоро отпадет всякая надобность скрывать что бы то ни было от мистера Найтли. Кончатся — скоро секреты, недомолвки, иносказанья, к которым ей так противно было прибегать. Близилось время, когда она сможет дарить его полной и безграничной откровенностью, что по натуре склонна была приветствовать, почитая своим долгом.

В самом радужном и лучезарном расположении духа кгила она с родителем по знакомой дороге, не все подряд слушая, но со всем соглашаясь, готовая и молча, и на словах поддерживать в нем благое убеждение, что он обязан навещать Рэндалс каждый день, иначе бедная миссис Уэстон может обидеться.

Приехали. Миссис Уэстон сидела в гостиной одна, но едва им сообщили о последних достижениях малютки и изъявили мистеру Вудхаусу благодарность за приезд — на что он явно рассчитывал, — как за окном, неплотно прикрытым шторами, промелькнули две фигуры.

— Это Фрэнк и мисс Фэрфакс, — объяснила миссис Уэстон. — Я как раз собиралась сказать вам, какой приятный сюрприз он преподнес нам сегодня утром. Он пробудет до завтра, и нам удалось зазвать к себе мисс Фэрфакс на целый день... Кажется, они идут сюда.

Через полминуты они вошли. Эмма обрадовалась встрече с ним, но к радости примешивалось смущение — над обоими тяготел ряд воспоминаний щекотливого свойства. В едином порыве они с улыбкой протянули друг другу руку, но в первые минуты чувствовали себя скованно,

когда все уселись по местам, разговор никак не клеился, и, хотя Эмме давно хотелось увидеть снова Фрэнка Черчилла, и увидеть его с Джейн, она уже начала сомневаться, что исполнение этого желанья доставит ей большое удовольствие. Но вот к ним присоединился мистер Уэстон, принесли малютку, и после этого в предметах для оживленной беседы уже не ощущалось недостатка — достало и Фрэнку Черчиллу духу подсесть к ней ближе и заговорить под шумок:

— Я должен сказать вам спасибо, мисс Вудхаус,— миссис Уэстон в одном из писем передала мне ваши добрые слова о том, что вы меня прощаете. Надеюсь, время, истекшее с тех пор, не убавило в вас милосердия. Надеюсь, что вам не хочется взять свои слова назад.

— Ничуть! — тотчас с готовностью подхватила Эмма.— Вовсе нет. Мне чрезвычайно приятно вас видеть, позжать вам руку и лично вас поздравить.

Он искренне поблагодарил ее и какое-то время серьезно, с глубоким чувством говорил о том, как он счастлив и сколь обласкан судьбою.

— Взгляните, разве она не прелесть? — сказал он, указывая глазами на Джейн.— Очаровательна, как никогда. Видите, отец и миссис Уэстон не надышатся на нее.

Впрочем, природная шаловливость покинула его ненадолго и, сообщая ей, что скоро должны воротиться Кемпбеллы, он с хитрым огоньком в глазах помянул имя Диксон... Эмма залилась краской и отвечала, что запрещает произносить это имя в своем присутствии.

— Слышать его не могу! — воскликнула она.— Мне так стыдно...

— Ежели кому и должно быть стыдно,— возразил он,— то это мне... Но неужели вы правда ни о чем не догадывались? Под конец, я имею в виду. Сначала — нет, это я знаю.

— Поверьте — даже не подозревала.

— Удивительно... А ведь я однажды был очень близок к тому, чтобы... и жалею, что удержался,— было бы лучше. Мне хоть и не впервой было дурно поступать, но тут я поступал отвратительно — не хотелось показывать себя в столь непривлекательном свете... А куда правильной было бы нарушить тайну и все вам рассказать.

— Ну, теперь об этом нечего жалеть,— сказала Эмма.

— У меня есть надежда,— продолжал он,— уговорить дядюшку побывать в Рэндалсе — он хочет познакомиться с нею. Когда вернутся Кемпбеллы, мы поедем в Лондон

повидаться с ними и, вероятно, пробудем там до тех пор, покуда не настанет время увозить ее в Энскум... Но пока — я в такой дали от нее! Не тяжело ли это, мисс Вудхаус? Подумайте — мы сегодня видимся первый раз с того дня, как помирились. Вам не жаль меня?

Эмма нашла столь сердечные слова для изъявления своей жалости, что он, под внезапным наитием озорства, вскричал:

— Да, кстати!..— И, напустив на себя невинный вид, понизил голос: — А как поживает мистер Найтли? — Он сделал паузу. Эмма покраснела и засмеялась.— Я знаю, вы читали мое письмо — помните, какое я передал вам пожеланье?.. Позвольте же и мне, в свою очередь, вас поздравить. Поверьте, я узнал эту новость с живейшим интересом и удовлетвореньем. Хвалить такого человека было бы дерзостью — он выше похвал.

Эмма с восторгом слушала, желая лишь, чтоб он и дальше продолжал в том же духе, но его уже через минуту вновь занимали только свои дела и своя Джейн:

— Видели вы когда-нибудь такую кожу? Атласная! Бархатная! И при всем том — не молочной белизны. Ее нельзя назвать белокожей. Редкостный цвет лица — при темных волосах и ресницах... Бездна благородства! Порода! Тончайший румянец — примета совершенной красоты.

— Мне-то всегда очень нравился ее цвет лица,— не без лукавства возразила Эмма.— Но кто-то, помнится, утверждал, будто она чересчур бледна? Когда мы говорили об ней первый раз... Или вы забыли?

— Ох, помню! Ну и негодяй же я был! Какова наглость!..— И он расхохотался с таким удовольствием, что Эмма заметила невольное:

— Подозреваю, что при всех сложностях ваших обстоятельств, вы тогда от души потешались, мороча нам всем голову. Уверена. Уверена, что это служило вам утешеньем.

— Нет-нет, как можно! Как вы могли подумать? Я мучился, я страдал...

— Но не настолько, чтобы лишиться чувства юмора. Сознание, что вы всех нас дурачите, конечно, доставляло вам немало веселых минут... Возможно, я потому утверждаю это с такой уверенностью, что, сказать вам правду, меня бы, окажись я в подобном положении, это, пожалуй, тоже забавляло. По-моему, мы с вами кое в чем похожи.

Он поклонился.

— Похожи, может быть, не столько характером,—

подумав, прибавила она проникновенно, — сколько судьбою, ибо вас и меня судьба почла за благо связать с людьми, которые неизмеримо лучше нас.

— Верно, верно, — горячо поддержал он. — То есть нет, в вашем случае — неверно. Лучше вас быть нельзя, но в моем случае — совершенно верно. Она — сущий ангел. Взгляните на нее. Правда ангел — в каждом движении? Обратите внимание, какая линия шеи. А глаза, обратите внимание, — этот взгляд, устремленный на моего отца... Вам приятно будет узнать, — наклоняясь к ней ближе и переходя на значительный шепот, — что дядя собирается отдать ей все теткинны драгоценности. Их заново оправят. Я непременно хочу, чтобы часть камней пошла на диадему. Разве не красиво будет выглядеть диадема на ее темно-волосой головке?

— Очень красиво, правда, — отозвалась Эмма, и это прозвучало так душевно, что у него, от полноты чувств, вырвалось:

— Как чудесно видеть вас снова! И видеть такой цветущей, довольной!.. Я бы ни за что не уехал отсюда без этой встречи. Во что бы то ни стало побывал в Хартфилде, когда б не встретился с вами здесь...

У других тем временем разговор шел о девочке — миссис Уэстон рассказывала о маленьком происшествии вчера вечером, когда ей почудилось, что ребенку нездоровится. Вероятно, она вела себя глупо, но она так всполошилась, что еще немного — и послала бы за мистером Перри. Стыдно признаться — а впрочем, мистер Уэстон встревожился не меньше ее. Но через десять минут девочка уже вела себя как ни в чем не бывало... Вот и вся история — и сугубый интерес она вызвала у мистера Вудхауса, который очень одобрил рассказчицу за намеренье позвать к малютке мистера Перри, но пожурил за то, что она его не исполнила. Когда бы ей, хоть на мгновение, ни показалось, что с девочкой неладно, пусть даже в ничтожной степени, — всегда следует посылать за Перри. Лучше ошибиться лишний раз, чем недоглядеть. Чуть что — звать Перри. Пожалуй, напрасно вчера этого не сделали. Девочка, правда, выглядит недурно — совсем недурно, принимая во внимание то, что было, — но, верно, выглядела бы еще лучше, если бы ее посмотрел Перри.

Фрэнк Черчилл наострил уши, уловив это имя.

— Перри? — сказал он, обращаясь к Эмме, но стараясь перехватить взгляд мисс Фэрфакс. — Мой старый приятель мистер Перри? Что это там про него толкуют?

Он что, сегодня был здесь?.. И каким же способом он ныне передвигается? Обзавелся-таки коляской?

Эмма живо вспомнила, поняла и рассмеялась вместе с ним; по лицу Джейн было видно, что она тоже слышит, но пытается это скрыть.

— Вот необыкновенный был сон! — воскликнул Фрэнк Черчилл. — Как вспомню, так всякий раз смех берет!.. Она нас слышит, мисс Вудхаус, все слышит. Вижу это по ямочке на щеке, по улыбке, по тщетным усилиям нахмуриться. Посмотрите. Разве не ясно, что в этот миг у нее стоит перед глазами то место из ее письма ко мне, где говорилось о коляске, — что перед нею проходит вновь вся сцелка с моею оплошностью — что только это занимает ее сейчас, хотя она и делает вид, будто участвует в общем разговоре?

Джейн на короткий миг не выдержала и откровенно улыбнулась — улыбка еще не сошла у ней с лица, когда она оглянулась на него и смущенным, тихим, но твердым голосом проговорила:

— Поразительно — как можете вы носиться с подобными воспоминаньями?.. Они порою навязываются *сами* — но как их можно *смаковать*?

Он нашелся, что сказать в ответ, велеречиво и занимательно, но симпатии Эммы в этом споре были по преимуществу на стороне Джейн — и, хоть приятно ей было повидаться с Фрэнком Черчиллом, хоть и внушал он ей неподдельную дружескую приязнь, однако, невольно сравнивая обоих мужчин по дороге домой, она как никогда явственно ощущала неоспоримое превосходство личности мистера Найтли. С новою силой оживали при этом сравнение его достоинства — так, счастливо для нее, завершился этот счастливейший день.

ГЛАВА 19

Жели и посещали Эмму подчас опасения за Гарриет — мимолетные сомнения в том, что она и вправду избавилась от своей страсти к мистеру Найтли и согласилась стать женою другого по сердечной склонности, без всяких задних мыслей, — то ей недолго предстояло томиться неизвестностью. Буквально через несколько дней прикатила компания из Лон-

дона, и при первой возможности провести часок с глазу на глаз с Гарриет она вполне уверилась, что на месте мистера Найтли в*ее сердце прочно утвердился Роберт Мартин и с ним одним связаны для нее все виды на счастливую будущность.

Сначала Гарриет жалась, мялась — имела довольно глупый вид, но стоило ей признаться, что все это был вздор, самообман, плод непомерного самомнения, как тотчас, вместе с этими словами, мучительная неловкость покинула ее, и прошлое уже не имело над нею ни малейшей власти, а настоящее и будущее наполняли торжеством, ибо все ее страхи, как бы подруга не отнеслась к случившемуся неодобрительно, рассеялись во мгновение ока, когда Эмма встретила его горячими и непритворными поздравлениями... С восторгом рассказывала ей Гарриет и про вечер у Этли, и про обед на следующий день, любовно припоминая всякую подробность. Да только многое ли эти подробности объясняли?.. Эмме было ясно одно: что Роберт Мартин всегда нравился Гарриет и его постоянство в любви покорило ее. Все прочее оставалось недоступным пониманию...

Тем не менее это было радостное событие, и каждый день приносил новые основания так полагать. Выяснилось, кто такая Гарриет по рождению. Оказалось, что отец ее -- торговец, достаточно состоятельный, чтобы положить ей порядочное содержание, и достаточно порядочный, чтобы предпочесть оставаться в тени. Вот к чему сводилось благородство происхождения, за которое Эмма когда-то готова была поручиться!.. Вероятно, кровь в ее жилах по-своему не уступала чистотою той, которая могла бы достаться ей от иного дворянина, — но что за родство сулила такая партия мистеру Найтли — или Черчиллам — или даже мистеру Элтону!.. Для них пятно незаконного рождения, не забеленное ни знатностью, ни богатством, было бы позорным пятном.

Со стороны отца не последовало никаких возражений — молодому человеку было обещано щедрое приданое — все шло как полагается, и, познакомясь с Робертом Мартином, который сделался отныне вхож в Хартфилд, Эмма должна была согласиться, что он, судя по всему, и в самом деле обладает умом и сердцем, которые обещают ее подружке благоденствие. Она не сомневалась, что Гарриет ужилась бы со всяким мало-мальски приличным человеком, но с таким, как он, — в такой семье, как его, — она могла рассчитывать на большее — солидность, осно-

вательность, преуспеянье. Она попадет к людям, любящим ее; к разумным людям — разумней, чем она сама,— в надежно замкнутый, но деятельный круг, где ей некогда будет скучать. В нем никогда не будет места искушению, и он же оградит ее от соблазнов извне. Она займет почетное положение и заживет припеваючи; Эмме лишь оставалось признать, что ей повезло, как никому на свете, если она сумела внушить столь сильное и прочное чувство такому человеку,— точнее, как никому на свете, кроме нее самой.

Гарриет, которую, по понятным причинам, то одно, то другое дело призывало к Мартинам, проводила все меньше времени в Хартфилде, и это не вызывало сожалений. Задушевной близости между ними неизбежно наступал конец. Дружбе предстояло смениться ровными, добрыми отношениями — и хорошо, что то, чему так или иначе надлежало совершиться, уже потихоньку совершалось, безболезненно и незаметно.

В конце сентября Эмма проводила Гарриет в церковь и с удовольствием, не омраченным никакими воспоминаниями — хотя бы и связанными с мистером Элтоном, стоявшим перед молодою парой,— наблюдала, как ее обвенчали с Робертом Мартином... В мистере Элтоне она, пожалуй, видела к этому времени только священника, к которому следующей, быть может, идти за благословеньем пред алтарем ей самой... Роберт Мартин и Гарриет Смит, которые помолвились последними из трех пар, свадьбу сыграли первыми.

Джейн Фэрфакс уже покинула Хайбери, обрета вновь приют и негу под любезным ей кровом Кемпбеллов. Мистер Черчилл с племянником тоже были в Лондоне; ждали только наступленья ноября...

Промежуточный месяц избрали для себя — не смея, впрочем, особенно на то полагаться — Эмма и мистер Найтли. Они решили пожениться, покамест в Хартфилде гостят Джон и Изабелла, чтобы иметь возможность отлучиться на две недели в свадебное путешествие к морю — таков был их план. Джон, Изабелла, все друзья его единодушно поддерживали. Но мистер Вудхаус — как было добиться согласия мистера Вудхауса, который если и заговаривал об их женитьбе, то не иначе как о событии в далеком будущем?

Первая пробная попытка завести с ним речь на эту тему повергла его в такую скорбь, что у них прямо опустились руки... Вторая, правда, сошла легче. Он начинал

думать, что так надо, что ему этого не предотвратить — многообещающий поворот ума на пути к смирению. Но он не повеселел. Наоборот, он был столь явно удручен, что его дочь пала духом. Ей нестерпимо было видеть, как он тоскует, зная, что он воображает себя заброшенным, — и, хоть в душе она, скорее, разделяла уверенность братьев Найтли, что когда событие совершится, он быстро перестанет горевать, она все же колебалась — не могла отважиться на этот шаг.

Вывело их из томительной неопределенности не внезапное озаренье, посетившее мистера Вудхауса — и не какое-нибудь волшебное преображение его нервной системы, а как раз очередное коленце, выкинутое упомянутой системой... В одно прекрасное утро на птичьем дворе миссис Уэстон обнаружилась пропажа; кто-то — человек, по всей видимости — ухитрился ночью стащить всех индюшек. Пострадали и другие птичники по соседству. У страха глаза велики — для мистера Вудхауса мелкое воровство выглядело *кражею со взломом*. Он потерял покой — потерял бы и сон от мучительной тревоги, когда бы не сознание, что дом находится под защитою зятя. Силе, решимости, присутствию духа братьев Найтли он доверялся вполне. Покуда его и его присных охраняет тот или другой мистер Найтли, Хартфилд в безопасности. Но к концу первой недели ноября мистеру Джону Найтли необходимо было воротиться в Лондон...

Следствием означенных тревожений явилось согласие на свадьбу дочери — добровольное, охотное, о каком она в ту пору и мечтать не осмеливалась; назначили число — и, не прошло месяца с того дня, когда поженились Роберт Мартин и Гарриет Смит, как мистер Элтон призван был соединить навеки сердца и руки мистера Найтли и мисс Вудхаус.

Свадьба была как свадьба — какие бывают, когда ни жених, ни невеста не имеют пристрастия к пышности и блеску; миссис Элтон из подробных рассказов супруга вывела заключение, что свадьба была самая убогая и не шла ни в какое сравнение с ее собственной... «И белого атласа в обрез, и кружева на фату — жалкое зрелище!.. Селина делает большие глаза, когда узнает...» Но, несмотря на означенные изъяны, надежда и вера горсточки преданных друзей, собравшихся на церемонию, их пожелания и предсказания сбылись — союзу сопутствовало полное счастье.

A decorative frame consisting of a large central oval with a thick black border. Above the oval, there are two symmetrical scroll-like flourishes on either side, each with a small circular element and a leafy branch hanging down. The entire frame is set against a background of two horizontal lines.

ДОВОДЫ
РАССУДКА
роман

*Перевод
Е. Сурмиц*

PERSUASION

1818

ГЛАВА I

эр Уолтер Эллиот из Киллинч-холла в Сомерсете был не такой человек, чтобы собственного удовольствия ради брать в руки другую какую-нибудь книгу, кроме «Книги баронетов». В ней искал он занятий в час досуга и рассеяния в час печали; в ней рассматривал он немногие из древних уцелевших грамот, возносясь духом от восторга и почтения; в ней пропускал он бесчисленные почти имена выскочек минувшего века с жалостью и презреньем, легко уводившими его помыслы от обременительных мирских забот; и в ней же, когда уж не помогали все прочие страницы, всегда он мог с живым интересом прочесть собственную историю; на этом месте и открывался обыкновенно любимый том:

«Эллиот из Киллинч-холла.»

Уолтер Эллиот, рожденный марта 1 дня 1760 года, сочетался браком июля 5 дня 1784 года с Элизабет, дочерью Джеймса Стивенсона, поместье Саут-парк, что в Глостерском графстве. От каковой супруги (скончавшейся в 1800 году) произвел он на свет Элизабет, рожденную июня 1 дня 1785 года; Энн, рожденную августа 9 дня 1787 года; мертворожденного сына, ноября 5 дня 1789 года; Мэри, рожденную ноября 20 дня 1791 года».

В таком точно виде вышло некогда сие введение из рук печатника; однако сэр Уолтер усовершенствовал его, добавив для собственного сведения и для сведения потомков после года рождения Мэри следующие слова: «Сочеталась браком декабря 16 дня 1810 года с Чарлзом, сыном и наследником Чарлза Мазгроува, поместье Апперкросс, что в Сомерсетском графстве», и присовокупив день и месяц к тому году, когда лишился он супруги.

Далее, как водится, следовала история восхождения древнего и славного семейства; как впервые обосновалось оно в Чeshire; как затем обнаружилось в Дагдэйле, подарив округу нескольких шерифов и представителей в трех парламентах кряду, как выказывали сыны его верность короне и обрели баронетское достоинство в первый год правления Карла Второго — с перечислением всех Элизабет и Мэри, которых брали они себе в жены; всё это составляло целых две страницы в осьмушку и заключалось гербом и девизом: «Главное поместье Киллинч-холл», после чего, уже снова рукою сэра Уолтера, было начертано: «Предполагаемый наследник Уильям Уолтер Эллиот, правнук второго сэра Уолтера».

Тщеславие составляло главную черту в натуре сэра Уолтера. Тщеславился он своими качествами и положением. В молодости он был до чрезвычайности хорош собой; и в пятьдесят четыре года черты его еще сохраняли привлекательность. Редко какая красавица так печется о своей свежести, как заботился о ней сэр Уолтер; и едва ли камердинер новоиспеченного лорда может более восхищаться своим положением в обществе. Выше дара красoty ставил сэр Уолтер единственно благословение баронетства; а счастливо сочетая оба эти преимущества, и был он постоянным предметом собственного искреннего преклонения и преданности.

Благообразие его и титул вполне, однако, стоили такой признательности, ибо не иначе как благодаря им и обзавелся он супругой, с которой решительно не мог бы состязаться прочими своими качествами.

Леди Эллиот была в самом деле женщина необыкновенная по уму и сердцу; ее поступки и суждения, кроме разве юной ветрености, превратившей ее однажды в леди Эллиот, никогда потом не нуждались в оправданиях. Она скрывала, ублажала и умеряла его слабости и пестовала то, что находила в нем достойного, целых семнадцать лет; и хотя самое ее нельзя было назвать счастливейшей женщиной, домашние заботы, дети и обязанности дружбы привязывали ее к жизни, и потому ей жаль было с нею расстаться, когда пришлось их оставить. Нелегко матери завещать в наследство трех дочерей, из которых старшим шестнадцать и четырнадцать лет; подлинное наказание передавать их руководству и попечениям глупого, суетного родителя. Но была у нее подруга, умная и достойная женщина, по нежной к ней любви поселившаяся в деревне Киллинч; и на нее и полагала все надежды леди Эллиот,

зная, что советом и добротою та поможет дочерям исполнить последние ее горькие наставления.

Подруга эта и сэр Уолтер, однако, не сочетались браком, обманывая все ожидания знакомцев. Тринадцать лет минули со дня кончины леди Эллиот, а они все оставались душевные друзья и близкие соседи; и она по-прежнему была вдова, а он вдовец.

То, что леди Рассел, при ее степенных летах и характере, и к тому же со средствами, не спешила связать

себя новыми узами, не нуждается в оправданиях перед публикой, ибо женщина почему-то вызывает ее недовольство не тогда, когда воздерживается от повторного брака, а совершенно даже напротив. Упорное же вдовство сэра Уолтера, кажется, потребует объяснений. Да будет, однако, известно, что сэр Уолтер, преданный отец (после нескольких тайных разочарований, связанных с весьма необдуманными ходатайствами), гордился тем, что не женится ради милых своих дочерей. Ради одной дочери, самой старшей, он и в самом деле готов был отказаться положительно от всего, чего только самому бы ему не очень хотелось. В шестнадцать лет Элизабет наследовала, сколько возможно, все права и влияние своей матери; а коль скоро была она хороша собой и вся в него, то он всегда к ней и прислушивался и они жили душа в душу. Двух других дочерей он куда менее жаловал. Мэри, правда, еще приобрела некоторый вес, сделавшись миссис Мазгроув; но Энн, которая прелестью ума и тонким складом души легко могла завоевала самое глубокое уважение судей понимающих, в глазах отца и сестрицы была совершенно ничто. Ее суждения не спрашивали, с ее желаньем не считались — она была всего-навсего Энн — и только.

Зато для леди Рассел она была самой дорогой крестницей, любимицей и другом. Леди Рассел любила всех сестер; но только в Энн видела она словно ожившие черты покойной матери.

Всего несколько лет назад Энн Эллиот была прехорошенькая, но красота ее рано поблекла; и если даже в ее зените отец находил в дочери мало привлекательного (столь несхожи были ее милые черты и кроткие темные глаза с его собственными), то теперь, когда она сделалась худая и бледная, он и вовсе ставил ее ни во что. Он и прежде не очень рассчитывал, а теперь потерял и последнюю надежду когда-нибудь прочесть ее имя на другой странице любимого сочинения. Только Элизабет могла еще поддержать честь рода; Мэри — та просто связала себя со старинной помещичьей семьей, почтенной и богатой, стало быть, им оказавши честь, а себе не приобретя никакой. А уж Элизабет рано или поздно найдет себе мужа под пару.

Бывает иногда, что женщина в двадцать девять лет даже прекрасней, нежели была она десятью годами ранее, и, вообще говоря, если не вмешались болезнь и забота, это — далеко еще не возраст увядания. Так было с Элизабет; всё та же красавица Элизабет, какой узнали ее

*Few women could think
more of their personal appearance
than he did.*

тринадцать лет назад; а потому и стоит простить сэра Уолтера, забывавшего ее годы, и, уж во всяком случае, не судить его слишком строго за то, что себя и Элизабет он почитал цветущими, как прежде, в то время как все вокруг теряли всякое благообразие; а ведь он явственно замечал, как стареются знакомые и родные. Энн отошала, Мэри огрубела, подурнели все ближние; и ужасно неприятно было ему видеть эти гусиные лапки вокруг глаз у леди Рассел.

Элизабет не в полной мере разделяла безмятежность отца. Тринадцать лет она была хозяйкой Киллинч-холла, управляя и властвуя с самообладанием и твердостью, какие никого б не навели на мысль о том, что она моложе своих лет. Тринадцать лет она отдавала распоряженья, издавала домашние законы, первая шла к карете и тотчас следом за леди Рассел выходила из любой гостиной или столовой в округе. Тринадцать раз рождественский мороз был свидетелем того, как открывала она редкие в сем пустынном краю балы; и тринадцать весен кряду оставляла она цветущие сады ради обольщений большого света, отправляясь с отцом на несколько недель в Лондон. Все это она хорошо помнила; она не забывала, что ей двадцать девять лет, и это чуть-чуть тревожило ее и чуть-чуть огорчало. Она хороша, как прежде, вот и прекрасно, но близился опасный срок, и ей бы уж хотелось наконец знать наверное, что через год-другой она увидит у своих ног благородного искателя с баронетской кровью в жилах; тогда-то сможет она снова взять в руки книгу книг с той же радостью, что и в нежные юные годы; покамест же она к ней охладела. Вечно видеть себя с этой датой рождения и ни с чем более, а дату замужества находить только после даты рождения младшей сестрицы — это хоть кому надоест. И не раз, когда отец забывал любимый том открытым на столике рядом с нею, она, отведя глаза, отодвигала его прочь.

Вдобавок ей пришлось пережить разочарование, о котором книга, и в особенности история собственного ее семейства, постоянно ей напоминала. Предполагаемый наследник, тот самый Уильям Уолтер Эллиот, чьи права так великодушно подчеркивал сэр Уолтер, — он-то ее и разочаровал.

Всего лишь молодой девушкой она узнала, что в случае, если у нее не будет брата, Уильям Уолтер сделается баронетом, и решила, что ей нет никакой причины не выйти за него замуж. Сэр Уолтер всегда находил это ре-

шение как нельзя более разумным. Они не знали его мальчиком, но вскоре после смерти леди Эллиот сэр Уолтер стал искать с ним знакомства и, хотя не встретил никакого отклика, настойчиво продолжал старания, снисходя к очевидной робости, столь извинительной в молодом человеке; и в один из наездов их в Лондон, когда Элизабет была еще в первом цвете юности, мистеру Эллиоту довелось наконец им представиться. Был он тогда совсем молод и погружен в изучение права; Элизабет нашла, что он очень мил, и укрепилась в своих намерениях. Его пригласили в Киллинч-холл. Его ждали, о нем толковали потом целый год; он не явился. Следующей весною он опять был встречен в Лондоне, снова сочтен очень милым, снова обласкан, приглашен; снова его ждали; и снова он не явился, и следующее о нем известие уже было, что он женат. Счастливую судьбу, предначертанную ему как наследнику дома Эллиотов, он променял на купленную независимость, связавши себя с богатой женщиной более низкого рожденья.

Сэр Уолтер обиделся. Как глава рода, он полагал, что у него бы можно спросить совета, после того особенно, как он не раз удостоивал молодого человека на людях своим вниманием. Ибо их могли видеть, указывал сэр Уолтер, однажды в Таттерсоллз и дважды в кулуарах Палаты общин. Сэр Уолтер высказал свое неодобрение; однако ж действия оно не возымело. Мистер Эллиот и не подумал извиниться; и в дальнейшем отсутствие знаков внимания к нему со стороны семейства огорчало его в столь же малой мере, в какой, по мнению сэра Уолтера, он и был их достоин. Всякое знакомство было прекращено.

Ужасно неприятная история эта еще и теперь, после многих лет, возмущала Элизабет, которой мистер Эллиот нравился и сам по себе и особенно как отцовский наследник, в ком одном, с ее безупречной фамильной гордостью, усматривала она подходящую партию для старшей дочери сэра Уолтера Эллиота. Ни одного другого баронета от первой и до последней буквы алфавита сердце ее с такой готовностью не признавало за равню. Но он повел себя до того низко, что и теперь (в 1814 году), нося черную повязку в знак траура по его супруге, она не могла его снова счесть достойным своих мыслей. Позор первого брака еще бы можно простить, тем более что, судя по всему, он не был увековечен наследником, не позволяй себе мистер Эллиот нечто более предосудительное; он, однако ж, как

любезно доносили им добрые друзья, говорил о них безо всякого почтения, с легкомысленным небреженьем отзываясь о собственном своем роде и о чести, которая в дальнейшем назначалась ему самому. А уж это непростительно.

Таковы были мысли и соображения Элизабет Эллиот; такие заботы омрачали, такие волнения разнообразили неизменную, блистательную, благополучную и пустую жизнь ее; такие чувства украшали долгое, ровное течение сельского досуга, ибо у нее не было ни привычки отдавать его на служенье ближним, ни талантов и занятий увлекательных, которые отнимали бы его.

Но вот уму ее представилось вдруг новое отвлечение. Отца стали одолевать денежные заботы. Она знала, что теперь он берется за «Книгу баронетов», чтобы увести свои помыслы от изобильных счетов и пренеприятнейших намеков мистера Шеперда, своего поверенного. Киллинч был хорошее поместье, однако ж не вполне отвечал понятиям сэра Уолтера об образе жизни, приличном его владельцу. Покуда жива была леди Эллиот, хозяйственная опытность ее и умеренность удерживали сэра Уолтера в границах его дохода; но вместе с нею ушло и благоразумие, и ныне сэр Уолтер неизменно тратил более, нежели предполагал его доход. Меньше решительно нельзя и было ему тратить; он позволял себе лишь то, что неукоснительно требовалось для сэра Уолтера Эллиота; и хотя упрекнуть его положительно мы не вправе, он не только все более погрязал в долгах, но так часто принужден был о них слышать, что сделалось наконец невозможно и долее утаивать их от дочери. Он мягко намекнул ей о них прошедшей весною в Лондоне; дошел даже и до того, что сказал: «Не сократить ли нам расходы? Как ты полагаешь, нельзя ли нам хотя бы в чем-нибудь их урезать?» И Элизабет, надобно ей отдать должное, в первом порыве нежной женской отзывчивости, тотчас усердно задумалась над его словами и предложила в конце концов две статьи экономии: отказаться от глупой благотворительности и покамест не обставлять гостиную заново; и уж потом только пришла ей в голову новая счастливая мысль не везти на сей раз из Лондона подарка для Энн, как повелось было у них ежегодно. Но мер этих, при всей их разумности, недостаточно было для предотвращения зла, которое сэр Уолтер принужден был вскоре открыть перед нею полностью. Элизабет, однако, не могла уже предложить ничего более действенного. Она полагала себя

несчастной и обойденной, как и отец ее; и ни один из них не видел способа ограничить расходы, не роняя при этом достоинства и непосильно не жертвуя собственными удовольствиями.

Сэр Уолтер мог свободно располагать лишь незначительной частью имения; но будь он даже и вправе расточить его все до последнего акра, это ничего бы не переменило. Он снизошел до того, чтобы кое-что заложить, но никогда бы не мог он снизойти до продажи. Нет, он не мог порочить так свое имя. Киллинч-холл должен был достаться потомству единым и нераздельным, каким он некогда перешел к нему самому.

Два доверенных лица, мистер Шеперд, живший в ближнем городке, и леди Рассел были призваны для совета; и от них отец и дочь ожидали решения, как им избавиться от неприятностей и уменьшить траты, не вредя ни вкусу, ни чести.

ГЛАВА II

Будучи адвокатом осмотрительным и осторожным, мистер Шеперд, как бы ни относился он к сэру Уолтеру, предпочитал, чтобы кто-то другой навлекал его недовольство, а потому и просил уволить его даже от самомалейшего намека, советовал всю надежду положить на безошибочную мудрость леди Рассел и вполне ожидал от ее здравого смысла тех именно важных мер, которые и находил единственно верными.

Леди Рассел приняла дело близко к сердцу и долго над ним билась. Суждения ее и всегда отличались более здравостью, нежели скоростью, а на сей раз она особенно затруднялась из-за неразрешимого как будто противоречия. Сама она была женщина с чистым сердцем и чувством чести очень точным. Но она так боялась задеть сэра Уолтера, так пеклась о репутации его семейства, мерила потребности его по такой аристократической мерке, как только и можно было ожидать от особы, наделенной столь высокой душой. Она была благожелательная, сердечная и добрая женщина, способная к прочным привязанностям, правил самых строгих, жизни безупречной, и манеры ее почитались образцом благородного воспитания. Она имела изощренный ум и была, вообще

*He had no scruple in
expressing his judgment
to be entirely on that side.*

говоря, тверда и незыблема, но питала маленькую слабость к родословным и, ценя породу и сан, не замечала иной раз пороков тех, кто ими обладает. Будучи вдовой всего только личного дворянина, она очень отдавала должное баронетству; и сэр Уолтер, не только на правах старого знакомого, внимательного соседа, всегда готового к услугам, мужа ближайшей ее подруги, отца Энн и ее сестер, но уже по одному тому, что был сэром Уолтером, заслуживал в глазах ее самого горячего участия и сочувствия к нынешним своим заботам.

Следовало сократить расходы; в этом не оставалось сомнений. Однако как тут поступить, поменьше ущемляя его и Элизабет? Она набрасывала планы экономии, пускалась в подробные выкладки и вдобавок, сделавши то, о чем не догадывались другие, она посоветовалась с Энн, которой мнение больше никому не казалось идущим к делу. Посоветовалась и, во многом согласившись, составила план сокращения расходов, представленный затем на рассмотрение сэру Уолтеру. Все исправления Энн были в пользу благородства и против тщеславия. Она добивалась мер более крутых, обновления более полного, скорейшего избавления от долгов и более высокого безразличия ко всему, кроме справедливости.

— Уговорить бы твоего отца,— сказала леди Рассел, пробега глазами бумагу,— все и уладится. Только б он согласился, и за семь лет он выплатит все сполна; и, надеюсь, нам удастся убедить его и Элизабет, что добрая слава Киллинч-холла от скромности не пострадает; что истинного достоинства сэра Уолтера Эллиота в глазах людей разумных ничуть не убудет, если он себя выкажет человеком с правилами. Да и что ему еще остается, как не то, что уже сделали многие из знатнейших наших семейств, да и другим пора бы? В его случае ничего нет необычного; а ведь именно страх показаться необычным так часто заставляет нас страдать или толкает на глупости. Я от души надеюсь, что он не станет упираться. За него нужно взяться с решительностью; в конце концов, раз уж ты нажил долги, ты их и плати; и хоть, конечно, чувства джентльмена и отца семейства многого стоят, еще большего стоит репутация человека благородного.

Энн считала, что отец должен руководиться сим правилом, и друзья должны ему это растолковать. Она почитала неслучайной обязанностью удовлетворить кредиторов со всей возможной скоростью, какой только можно добиться с помощью разумных ограничений, и ни о чем

другом и думать не могла. Все помыслы ее сосредоточились на этой идее. В благотворное влияние леди Рассел она верила безусловно, что же до суровых ограничений, каких требовала собственная ее совесть, она думала, что добиться основательных перемен будет немногим труднее, чем перемен пустячных. Зная отца и Элизабет, она догадывалась, что лишиться пары лошадей им едва ли было бы легче, чем оказаться вовсе без выезда, и прочее в том же роде касательно всего списка леди Рассел.

Как могли быть приняты более строгие требования Энн, впрочем, не особенно важно. Советы леди Рассел не имели никакого успеха, были сочтены невозможными, не-сносными. Что? Отказаться от всех радостей жизни? Путешествия, Лондон, слуги, лошади, стол — во всем утесниться, ужаться! Пристала ль такая жизнь даже самому захудалому дворянину! Нет, лучше уж сразу покинуть Киллинч-холл, чем прозябать тут на таких позорных условиях!

«Покинуть Киллинч-холл».

Мысль эту тотчас подхватил мистер Шеперд, которого отчасти касалось лично решение сэра Уолтера сократить расходы и который был совершенно убежден, что никаких ограничений не добиться без перемены места. «Раз уж сэру Уолтеру первому пришло это в голову,— сказал он,— он со своей стороны может лишь от души советовать ту же меру. Едва ли удобно сэру Уолтеру вводить новые порядки в своем доме, где так утвердилось хлебосольство и милый старинный обычай. В любом же прочем месте сэр Уолтер волен поступать как знает; все так и решат, что он ищет самого разумного употребления своим средствам, какой бы образ жизни он ни избрал».

Итак, сэру Уолтеру следовало покинуть Киллинч-холл. И после недели колебаний и сомнений был наконец разрешен роковой вопрос, где же именно обосноваться, и намечен первый очерк великих преобразований.

Были на выбор три возможности — Лондон, Бат или снова сельский дом, но другой. Энн всем сердцем стремилась к последнему. Небольшой домик где-нибудь по соседству, чтобы леди Рассел оставалась под боком, и Мэри не вдали, и можно видеть иногда киллинчские луга и рощи,— больше ничего ей не надо было. Но судьба Энн и на сей раз сыграла обычную свою шутку, подсунув ей нечто обратное ее устремленьям. Бат был противен ей и, она даже считала, вреден. Там и предстояло ей поселиться.

Сэр Уолтер склонялся было к Лондону, но мистер Шеперд догадался, что в Лондоне утратит он свое влияние, и умел отговорить сэра Уолтера от его затеи, присоветовав Бат. Там ему будет куда легче соблюсти достоинство в нынешнем его затруднении; с затратами, самыми скромными, займет он должное положение в обществе. Два довода в пользу Бата против Лондона были взвешены, разумеется: он ближе к Киллинчу, всего в пятидесяти милях, и леди Рассел всякий год проводит там чуть не всю зиму; и, к великому удовольствию леди Рассел, с самого начала облюбовавшей для них Бат, сэр Уолтер и Элизабет поверили, что там они не уронят себя и жизнь их нимало не потеряет приятности.

Леди Рассел сочла своим долгом пойти против желания милого своего друга Энн. Ожидать, что сэр Уолтер снизойдет до маленького домика по соседству, было бы уже слишком. Энн попросту не понимала, какую горечь пришлось бы притом испытать даже и ей самой, а уж сэр Уолтер страдал бы безмерно. Что же до нелюбви к Бату, она ее почитала заблуждением Энн, вызванным, во-первых, тем, что в Бате Энн ходила в школу целых три года сразу после смерти матери, и, во-вторых, тем, что единственной зимой, которую она потом провела там вдвоем с леди Рассел, она была в дурном расположении духа.

Одним словом, леди Рассел любила Бат и находила, что все будет прекрасно; здоровью же милого ее друга Энн ничто не грозит, ибо на летние месяцы Киллинч-лодж остается к ее услугам; перемена ей только прибавит здоровья и веселости. Энн не выезжает, она никого не видит. Она приуныла. Общество ее ободрит. Леди Рассел хотела, чтоб круг знакомств ее расширился.

Жить в другом доме по соседству было для сэра Уолтера немислимо еще и по другой причине, причине весьма существенной и с самого начала счастливо предусмотренной общим замыслом. Ему пришлось бы не только покинуть дом, но и видеть его в чужих руках; испытание мужества, несносное и для сердец более стойких; Киллинч-холл решили сдать внаймы. Это, однако, хранилось в тайне; не дай бог, чтоб проведал кто из посторонних.

Сэр Уолтер не снес бы унижения, когда б в округе узнали о его расчетах касательно Киллинч-холла. Мистер Шеперд уже как-то обмолвился об «объявлении»; второй раз затевать этот разговор он не решался. Сэр Уолтер

ни о чем таком и слушать не хотел; запрещал даже малейший намек о якобы имевшихся у него на этот счет видах; и лишь ожидая, что его вдруг умолит какой-то неотвязный ходатай, на собственных его условиях и как о великой милости, предполагал он вообще сдать дом внаймы.

Как скоро нам на помощь приходят доводы рассудка, если нам чего-то хочется. У леди Рассел под рукой оказался еще один веский довод, почему сэру Уолтеру с семейством необходимо переселиться. Элизабет завела недавно дружбу, которую леди Рассел предпочла бы видеть прерванной. Она близко сошлась с дочерью мистера Шеперда, воротившейся после несчастливого замужества под отчий кров, да еще с двумя детишками. То была неглупая юная особа, владевшая искусством нравиться, во всяком случае, она умела понравиться в Киллинч-холле и так вошла в доверие к мисс Эллиот, что уже не раз у ней гостила, вопреки всем предостережениям леди Рассел, находившей эту дружбу неуместной.

Леди Рассел не имела, надо признаться, никакого влияния на Элизабет и любила ее, кажется, просто оттого, что хотела любить, а не то чтобы Элизабет стоила ее любви. У Элизабет не встречала она ничего, кроме обычной учтивости и знаков внимания самых поверхностных; никогда и ни в чем не могла она уговорить Элизабет, а тем паче переубедить. Не раз хлопотала она о том, чтобы Энн не бросали одну в Киллинч-холле, а брали вместе с собою, когда отправлялись гостить в Лондон, превосходно понимая всю несправедливость и незаслуженность такого неравенства; да и в менее важных случаях ей нередко удавалось прекрасно показать Элизабет более тонкое знание света и верность суждений. Все, однако же, без толку. Элизабет всегда решала по-своему. Но ни в чем и никогда она еще так не упрячилась и не противилась леди Рассел, как в своем пристрастии к миссис Клэй; и отклоняла общество такой достойной сестры, всей дружбой и доверенностью даря особу, с которой надлежало б ей быть просто вежливой, но и только.

Миссис Клэй по положению своему была, в глазах леди Рассел, неровня Элизабет, а по своему нраву могла оказать на нее самое вредоносное влияние. А потому уехать от нее подальше, с тем чтоб расширить круг знакомства и встретить подруг, более достойных мисс Эллиот, было делом первостепенной важности.

ГЛАВА III

озволю себе заметить, сэр Уолтер, — сказал мистер Шеперд как-то утром в Киллинч-холле, отстраняя прочитанную газету, — что дела складываются для нас как нельзя лучше. Это заключение мира всех наших богатых морских офицеров погонит на сушу. И всем понадобится жилье. Лучшего времени и не придумать, сэр Уолтер, — сколько съемщиков, и прекраснейших съемщиков. За время войны составилось не одно почтенное состояние. Попадись нам только богатый адмирал, сэр Уолтер...

— И ему бы очень повезло, Шеперд, — отвечал сэр Уолтер, — вот все, что я могу сказать. Киллинч-холл для него находка, просто награда; выше награды и на войне он не получал, а, Шеперд?

Мистер Шеперд улыбнулся, как водится, сей острой шутке и продолжал:

— Осмелюсь доложить, сэр Уолтер, с господами флотскими дела иметь неплохо. Мне случалось с ними встречаться на деловой стезе, и, решусь заметить, понятия у них самые благородные, и я не вижу причины, почему бы им не быть хорошими съемщиками. И стало быть, сэр Уолтер, прошу меня извинить, но если вследствие распространения слухов о намерениях ваших, каковой возможности исключать не следует, ибо мы знаем, сколь трудно укрыть поступки и чаяния одной части человечества от наблюдательности и любопытства другой, и следствия эти непременно должно учитывать — я, Джон Шеперд, могу утаить обстоятельства семейственные от всякого, кто удостоит ко мне прибегнуть, но на сэра Уолтера Эллиота обращены взоры, от которых нелегко будет укрыться, — а потому, беру на себя смелость доложить, меня не очень удивит, если, при всех мерах наших, истинные побуждения ваши выйдут наружу, а в таком разе, как уже решался я заметить, коль скоро неизбежно воспоследуют предложения, то я бы и счел за благо отнестись со вниманием к любому из богатых морских офицеров и, смею присовокупить с вашего позволения, что прибуду не долее чем через два часа, дабы избавить вас от труда вести переговоры.

Сэр Уолтер только кивал. Но вскоре он поднялся, стал ходить из угла в угол по комнате и заметил с горечью:

— Думаю, редко кто из флотских не удивился бы, окажись он в таком доме.

— О, без сомнения, они будут оглядываться вокруг, благословляя судьбу,— сказала миссис Клэй, ибо здесь же была и миссис Клэй; отец захватил ее с собою, поскольку вольный воздух Киллинча для здоровья миссис Клэй был как нельзя более полезен,— но я согласна с отцом, из флотских съемщики самые лучшие. Я знаю этих людей. Мало того что благородны, на них во всем можно положиться! К примеру, о ваших драгоценных картинах, сэр Уолтер, если вы решите их оставить, вы можете ничуть не тревожиться! За домом и парком будут ухаживать со всею тщательностью. Сады и кустарники соблюдут в порядке, почти таком же безупречном, в каком у вас они содержатся. Вы можете не опасаться, мисс Эллиот, что найдете запущенными прелестные ваши цветники.

— То-то и оно,— холодно возразил сэр Уолтер,— если даже я и решусь сдавать дом внаймы, я вовсе еще не знаю, на каких условиях. Я не очень расположен баловать съемщика. Разумеется, пусть его гуляет по парку, и мало кто из морских офицеров, или кому еще он достанется, привычен к эдаким просторам; но в какие границы я намерен его поставить, это уж мое дело. Не очень-то мне нравится, чтоб мои кустарники топтали, когда не лень; а мисс Эллиот я бы советовал позаботиться о сохранности цветников. Уж поверьте, я вовсе не расположен оказывать особенное благоволение съемщику Киллинчхолла, будь то моряк или солдат.

Немного помолчав, мистер Шеперд позволил себе заметить:

— Все это предусмотрено установленным обычаем, чтобы хозяин и съемщик могли легко и просто поладить. Ваши интересы, сэр Уолтер, в надежных руках. Положитесь на меня, и никакому съемщику не достанется ничего сверх законных его прав. Смею надеяться, что сэр Уолтер Эллиот не мог бы ревнивее заботиться о своей собственности, чем заботится о ней Джон Шеперд.

Тогда заговорила Энн.

— Я думаю, моряки тем, что они для нас сделали, хотя бы уж не меньше других заслуживают приятностей и удобств, какие может доставить всякий дом. Нелегко им достается отдых, в этом все мы согласимся.

— Весьма, весьма верно. Мисс Энн весьма верно изволит судить,— отозвался мистер Шеперд.

— О! Бесспорно,— подтвердила и дочь его.

Но сэр Уолтер, помолчав, заметил:

— Поприще не без пользыности, но не хотел бы я, чтобы кто-то из моих друзей его избрал.

— Отчего же! — был ему ответ, сопровождаемый взором изумления.

— Да вот отчего; тут две вещи есть для меня не-сносные: два основательные довода я имею против этого поприща; во-первых, люди темного происхождения добиваются на нем незаслуженных отличий и почестей, о которых отцы их и праотцы не смели и мечтать; а, во-вторых, оно нещадно отнимает у человека юность и силы; моряки старятся быстрее прочих; я всю жизнь это замечаю. Во флоте, как нигде, человек подвергается опасности увидеть оскорбительное возвышение того, с чьим отцом отец его и заговорить бы не удостоил; или стать прежде времени самому отвратительным для чужих взоров. Как-то прошедшею весной в городе был я в обществе двоих господ, красочно доказывающих все то, о чем я здесь толкую. Один был лорд Сент-Ивс, которого отец, все мы знаем, был деревенский служка без гроша за душою; и вот я принужден был уступить свое место этому самому лорду Сент-Ивсу, да еще адмиралу Болдуину, господину невообразимого вида; лицо у него красное, как кирпич, грубое до последней крайности, все в рытвинах и морщинах, на голове по бокам три седые волоска, а макушка и вовсе голая и присыпана пудрой. «Господи боже, да кто этот старикашка?» — справился я у стоявшего рядом со мною приятеля моего (сэра Бэзила Морли). «Старикашка! — удивился сэр Бэзил, — да ведь это адмирал Болдуин. И сколько же вы полагаете ему лет?» — «Шестьдесят, — сказал я. — Ну, шестьдесят два». — «Сорок, — отвечал мне сэр Бэзил, — сорок, и ни годом более». Вообразите сами мое изумление; нет, адмирала Болдуина я вовек не забуду. Еще не видывал я более разительного примера тому, что с человеком делает стихия; но, вообще говоря, такова же их общая участь; всех их носит по свету, бьют ветры, палит жара, покуда на них не сделается тошно смотреть. Лучше уж им сразу погибнуть, чем доживать до таких лет, как адмирал Болдуин.

— Ах, сэр Уолтер, — вскричала миссис Клэй, — слишком вы строги! Пожалейте бедняжек. Не всем же быть красивыми. Ясное дело, море никого не украсит; моряки рано старятся, я сама замечала; они рано теряют цвет юности. Но не то же ли происходит с людьми и на других поприщах, и даже почти на всех? Солдатам в воен-

*It is a wonderful example of
what a suffering leg can do.*

ной службе не легче приходится; да и в трудах более спокойных, где напрягается не тело, но ум, бодрый вид редко сохраняется так долго, как было задумано природой. Судейский корпит над бумагами, не зная сна; лекаря поднимают с постели в любой час ночи и гонят в ненастье; и даже священник...— с минуту она размышляла над участью священника,— и даже священник, знаете ли, принужден входить к опасным больным, подвергая опасности здоровье свое и внешность в зараженной атмосфере. Нет, я решительно убеждена, хоть каждое поприще почтенно и необходимо, лишь тот, кто не должен ни на какое вступать, кто может жить в свое удовольствие, на вольном воздухе, в деревне, вставать когда вздумается, делать что угодно, имеет независимые средства и не лезет из кожи вон, чтобы их умножить, лишь тот, я говорю, сохраняет здоровье и бодрый вид до последнего; а уж остальные все сразу теряют привлекательность, как только юность миновала.

Можно полагать, что, с таким рвением склоняя сэра Уолтера в пользу морского офицера в качестве съемщика, мистер Шеперд наделен был даром предвиденья; ибо первые же притязания на дом заявил адмирал Крофт, с которым мистер Шеперд очень скоро затем повстречался на квартальном заседании в Тонтоне; кстати же он успел и понаведаться о нем через своего лондонского знакомого. Согласно сведениям, полученным мистером Шепердом, которые и поспешил он сообщить в Киллинч, адмирал Крофт был уроженец Сомерсетского графства и, сколотив изрядное состояние, желал обосноваться в родных краях, чего ради и прибыл в Тонтон, дабы присмотреть кое-что, предлагаемое внаймы в ближайшем соседстве; однако ж ничем не остался доволен; совершенно случайно услышав (в точности, как он и предсказывал, заметил мистер Шеперд, планы сэра Уолтера не могли не выйти наружу), совершенно случайно услышав о том, что Киллинч-холл, может статься, будет сдан внаймы, и узнав об отношениях его (мистера Шеперда) к владельцу, он и представился ему с целью как следует расспросить и во время долгой беседы выказывал столь серьезные намерения относительно Киллинч-холла, какие только и могли быть у человека, покамест не имевшего удовольствия видеть его своими глазами; рассказав же о себе, произвел он на мистера Шеперда впечатление человека ответственного и как нельзя более достойного быть съемщиком в Киллинч-холле.

— И кто он такой, этот адмирал Крофт? — сухо осведомился сэр Уолтер.

Мистер Шеперд отвечал, что адмирал из благородной семьи, и назвал поместье. Установилось молчание, потом Энн сказала:

— Он контр-адмирал в военном флоте. Был в битве при Трафальгаре и отправился затем в Ост-Индию; много лет там, кажется, прослужил.

— В таком случае не сомневаюсь,— заметил сэр Уолтер,— что лицо у него оранжевое, как отвороты и плащи моих слуг.

Мистер Шеперд поспешил его заверить, что адмирал Крофт свеж и бодр, и притом весьма приятной наружности; закаленный бурями, разумеется, но и только; по всем понятиям и обращенью истинный джентльмен; с ним, разумеется, без малейшего труда можно договориться; он хочет иметь хороший дом, и как можно скорее; прекрасно понимает, что за свои удобства надобно платить; представляет себе примерную цену; не удивится, буде сэр Уолтер запросит и более; про поместье расспрашивал; был бы польщен, если б отрядили к нему депутацию, но на этом не настаивает; сказал, что иной раз брался за оружие, но никогда не убивал; истинный джентльмен.

Мистер Шеперд был весьма красноречив; подчеркнул обстоятельства семейственной жизни адмирала, придававшие ему, как съемщику, еще новые достоинства. Он был женат. Бездетен. Чего же лучше? Дом не содержится в порядке, это не раз замечал мистер Шеперд, если в нем нет хозяйки; неизвестно, не более ли страдает мебель, когда в доме нет хозяйки, чем когда в нем множество детей. Леди, не обремененная детьми,— сохранит мебель лучше всех на свете. Он познакомился и с миссис Крофт; она была в Тонтоне вместе с адмиралом и участвовала почти во всей их беседе.

— Дама она, кажется, весьма тонкая и умная,— продолжал мистер Шеперд,— больше задавала вопросов касательно до парка, условий, налогов, нежели сам адмирал, и выказала лучшее знакомство с предметом. И к тому же, сэр Уолтер, она здесь не вовсе чужая, связана с нашими краями больше самого адмирала; то есть она сестра того джентльмена, который когда-то жил среди нас; она сама сказала: сестра джентльмена, который несколько лет назад жил в Манкфорде. Господи! Да как же его имя? Совсем вылетело из головы, а ведь только что я его слышал. Пенелопа, милочка, не напомнишь ли, как имя того джентльмена, который жил в Манкфорде — брат миссис Крофт?

Но миссис Клэй так занята была беседой с мисс Эллиот, что и не расслышала вопроса.

— Понятия не имею, о ком вы толкуете, Шеперд. Ни одного джентльмена не упомяну в Манкфорде со времен старого Трента.

— Господи! Удивительно! Скоро я забуду, как меня самого-то зовут. Я же так хорошо его имя знаю! И в лицо его помню: сто раз видел; однажды явился ко мне за советом, помнится, в обиде на соседа. Человек этого соседа забрался к нему в сад (обвалился забор), воровал яблоки; пойман с поличным; но потом, вопреки моему приговору, поладил с ним полюбовно. Вот уж удивления достойно!

Все немного помолчали и наконец:

— Вы, полагаю, говорите о мистере Уэнтуорте,— сказала Энн.

Мистер Шеперд был преисполнен благодарности.

— Именно, именно Уэнтуорт! Он самый. У него в Манкфорде был приход, знаете, сэр Уолтер, тому года два-три. Он туда приехал году примерно в пятом, так, кажется? Вы припоминаете его, смею думать?

— Уэнтуорт? А-а! Мистер Уэнтуорт, манкфордский священник. Вы ввели меня в заблуждение своим «джентльменом». Я решил было, что речь о человеке состоятельном. Мистер Уэнтуорт, помнится, совершенное ничто; без роду, без племени; ничего общего со Стрэффордами. Удивительно, как это наши имена, самые громкие, переходят невесте к кому.

Убедившись, что родственные связи Крофтов не служат им к украшению в глазах сэра Уолтера, мистер Шеперд уже к ним не возвращался; и напротив, со всевозможным пылом прибегнул снова к более непреложным их достоинствам: возраст, состав семьи, богатство; высокое мнение, составленное ими о Киллинч-холле, и горячее их желание иметь счастье там поселиться; из всего явствовало, что ничего не ценят они выше чести быть съемщиками у сэра Уолтера Эллиота; на удивление тонко угадывая притом, какие качества сэр Уолтер почитает необходимыми в съемщике.

Доводы эти, однако ж, имели успех; и хотя всякий, кто намеревался жить в его доме, вызывал неприязнь сэра Уолтера и казался ему несметным богачом, с которого не грех спросить за это счастье самую высокую цену, мистер Шеперд добился наконец от сэра Уолтера согласия вступить в переговоры и был отряжен к задержавшемуся в Тонтоне адмиралу Крофту с тем, чтоб назначить день смотрин.

Сэр Уолтер не был мудрец; но он имел довольно жиз-

ценного опыта, чтобы догадаться, что съемщика более желательного по всем статьям, нежели адмирал Крофт, ему не найти. Так подсказывал ему разум; а тщеславие тешилось к тому же приятной мыслью, что положение у адмирала весьма высокое и в то же время не чересчур. «Я сдал дом внаймы адмиралу Крофту», — превосходно звучит; куда лучше, чем просто какому-то мистеру. Просто мистер (кроме, пожалуй, человек десяти во всем королевстве) вечно требует ссылок и разъяснений. Адмирал же сам за себя говорит, но, однако ж, и баронет рядом с ним не теряет. Во всех делах и переговорах за сэром Уолтером Эллиотом всегда останутся преимущества.

Ничего не делалось без согласия Элизабет; но ей и самой уже не терпелось уехать, и она очень обрадовалась, что все решилось и подыскивали хорошего съемщика; она ни словом не обмолвилась об отсрочке.

Мистера Шеперда облекли всей полнотою доверия; и столь счастливый исход был достигнут лишь тогда, когда Энн, дотоле чутко внимавшая разговору, вышла из комнаты подставить вольному ветру пылающие щеки. И бредя по любимой своей рощице, она проговорила со вздохом:

— Еще несколько месяцев, и он, может статься, будет тут бродить.

ГЛАВА IV

Н — однако же, здесь вовсе не мистер Уэнтуорт, бывший священник в Манкфорде, как могло это показаться, но капитан Фредерик Уэнтуорт, брат его, который участвовал в битве при Сан-Доминго, тогда же произведен в капитаны, но не сразу определен в службу, летом 1806 года оказался в Сомерсетском графстве и, не имея в живых своих родителей, на полгода обосновался в Манкфорде. В то время был он блистательный молодой человек, прекрасный собою, с высокой душою и умом; а Энн — чрезвычайно хорошенькая девушка, способная чувствовать и наделенная сверх того скромностью, вкусом и благородством. И половины этих совершенств легко достало б, может статься, ибо ему нечего было делать, а ей больше некого любить; но при таких щедротах провиденья исход, само собой разумеется, был предreshен. Постепенно они свели знакомство, а, сведя знакомство, почти тотчас и без памяти

влюбились. Затруднительно сказать, кто из них больше восхищался другим и кто больше почитал себя счастливым; она ли, когда он объяснился и предложил ей руку, или он, когда она ответила согласием.

Настала пора безоблачных радостей — очень недолгая пора. Сэр Уолтер, когда к нему прибегли, не то чтоб наотрез отказался дать благословение или объявил, что этому не бывать, однако ж отвечал таким удивлением, таким молчанием, такой холодностью, что не оставил дочери ни малейшей надежды. Он счел союз неравным и унижительным; а леди Рассел, хотя ее гордость была более умеренна и более извинительна, тоже опечалилась выбором Энн»

Энн Эллиот, с ее славным именем, красотою, умом,— и в девятнадцать лет погубить себя; в девятнадцать лет связать судьбу с молодым повесой, у которого нет ничего, кроме личных его достоинств, никаких даже видов на состояние, поприще самое неверное, и никаких даже знакомств, чтоб хоть на таком-то поприще продвинуться; нет, это положительно значит себя погубить; о таком и подумать даже невозможно; Энн Эллиот — такая юная; никто еще не знает ее, и достаться первому встречному, без средств, без связей; да она погубит с ним свою молодость в вечных заботах, тревогах, в унижительной зависимости! Нет, не бывать этому несчастью, если доброе вмешательство дружбы, если предстательство той, что любит Энн, почти как мать, и имеет над нею почти материнские права, сумеют его отвести.

У капитана Уэнтурта не было состояния. Он был удачен в службе, но, легко тратя то, что легко ему доставалось, он ничего не накопил. Однако ж он не сомневался, что в скором времени разбогатеет; полный огня и рвения, он знал, что скоро получит он корабль и новое его положение обеспечит ему все, к чему он стремится. Всегда он был счастливцем. Он знал, что счастье и впредь ему не изменит. Самой горячности этого убеждения и живости, с какой он его высказывал, было довольно для Энн; но иначе судила леди Рассел. Веселость его и бесстрашие ничуть ее не восхищали; напротив, они в ее глазах только умножали зло; он казался ей из-за них еще опасней. Умен, остер, упрямец. Живость ума и острословие леди Рассел ставила не бог весть как высоко; зато уж как огня боялась она всякой опрометчивости. Она никак не одобряла этого выбора.

Отпор леди Рассел, продиктованный такими ее чувст-

вами,— это было больше, чем Энн могла снести. Юная и кроткая, все же она б еще могла противиться недоброжелательству отца, хотя сестра не ободрила ее ни единым словом или взглядом. Но леди Рассел, которую она всегда любила, которой привыкла доверяться, увещевая так неотступно, так нежно, не могла ее не убедить. Она объяснила ей, что помолвка неразумна, никчемна, едва ли обещает благополучный исход и его не стоит. Но отказывая жениху, Энн руководилась не одной себялюбивой осторожностью. Не вообрази она, что блюдет его благо более собственного, едва ли бы она его прогнала. Мысль о том, что ее самоотречение служит прежде всего к его же пользе, утешала ее во время горького прощанья — прощанья окончательного; а в утешении была у нее большая нужда, ибо ко всему он не верил ей, с ней не соглашался, и был горько оскорблен таким решительным отказом. Почти тотчас он уехал.

Всего несколько месяцев длилось их знакомство; но сколько месяцев еще страдала Энн. Сожаленья и тоска омрачали ей все развлечения юности; и она надолго погасла и поникла.

Уже больше семи лет прошло после печальной и достопамятной этой истории; и многое стерло время, быть может даже почти всю роковую привязанность,— но время оставалось единственным ее лекарем, не было в помощь ему ни перемены мест (исключая поездки в Бат вскоре после разрыва), ни нового, более широкого круга знакомства. Никто из тех, кто появлялся в Киллинче, не выдерживал сравнения с Фредериком Уэнтуортом, каким он оставался в ее памяти. Новое чувство, единственно верное, счастливое и надежное в эту пору жизни средство, было невозможно при возвышенности ее мыслей, при ее взыскательности и узости общества, ее окружавшего. Когда ей было двадцать два года, ее, правда, просил переместить имя один молодой человек, вскоре встретивший большую готовность в ее же младшей сестрице; и леди Рассел тогда сетовала на ее отказ; ибо Чарлз Мазгроув был старший сын человека, почетом и поместьями уступавшего во всей округе только сэру Уолтеру, а вдобавок мил и недурен собой; и хотя леди Рассел могла желать для Энн и более завидной участи, когда ей было девятнадцать лет, теперь, когда ей было двадцать два, она очень бы хотела, чтобы она могла покинуть отчий кров, достойно удалясь от пристрастия и несправедливости и оставаясь притом навсегда под крылышком у нее, леди Рассел. Но

на сей раз Энн обошлась без ее совета. И хотя леди Рассел высшее свое благоразумие полагала в том, что никогда не жалела о прошлом, теперь она начала уже тревожиться и почти не верила, что благодаря кому-нибудь со средствами и умом она увидит Энн наконец в той роли, для которой единственно и предназначена она с ее чувствительным сердцем и домовитостью.

Леди Рассел не знала, однако, главного, чем руководилась в своем поведении Энн, ибо этого пункта они никогда не затрагивали в разговоре. Но Энн в двадцать семь лет думала иначе, чем склонили ее думать в девятнадцать. Она не обижалась на леди Рассел, не казнила и себя за то, что тогда ее послушалась; но зато она знала, что, прибегни теперь к ней самой какая-нибудь юная особа в подобных обстоятельствах, уж она бы ей не присоветовала незамедлительных и верных мук ради неверного будущего блага. Она поняла, что, какими бы невзгодами ни грозила ей холодность родных, какими бы тревогами ни пугало его поприще, какими страхами, тяготами, разочарованиями ни было оно чревато, она была б куда счастливей, если б осталась верна помолвке, а не пожертвовала ею; и все это даже если б ей на долю пришлось обычные заботы, пусть бы и тяжелее обычных; а ведь судьба оказалась куда милостивей, чем заранее представлялась по разумным выкладкам. Все самые пылкие надежды его, все самые смелые расчеты оправдались. Ум его и рвенье словно угадали и проложили его счастливую стезю. Очень скоро после их разлуки он определился; и все, что обещал он ей, все и сбылось. Он отличился, снова был произведен, и теперь, при его удачливости, составил уж, верно, состояние. У нее под рукой были только флотские ведомости и газеты, но она не сомневалась, что фортуна обласкала его; и, веря его постоянству, она думала, что едва ли он женат.

Какой красноречивой могла бы стать теперь Энн Эллиот, по крайней мере, с каким бы жаром умела она защитить первую нежную любовь и радостную веру в будущее против пугливой осторожности, словно бросающей вызов благу Провиденью! В юности вынудили ее быть благоразумной, в годы более зрелые она сделалась мечтательницей — что так естественно при неестественном начале.

При всех названных обстоятельствах, воспоминаниях и, чувствах известие о том, что сестра капитана Уэнтуорта, верно, поселится в Киллинче, не могло не вызвать в Энн прежнего волнения; и понадобилось еще много бродить и много вздыхать, чтобы постепенно успокоиться.

Долго еще потом повторяла она в душе, что все это безумие, и невозможно, пока совсем не овладела собою и не сообразила наконец, что разговоры о Крофтах ничем дурным ей не грозят. Помогло ей, однако, и совершенное безразличие троих ее близких, единственно и посвященных в тайну прошедшего, безразличие до того полное, будто они попросту обо всем позабыли. Она понимала, что леди Рассел в невозмутимости своей руководится соображениями более высокими, нежели отец или Элизабет; она отдавала должное ее добрым чувствам; но чем бы ни вызывалась эта странная забывчивость, важно то, что все трое одинаково ее выказывали; и на тот случай, если адмирал Крофт и вправду поселится в Киллинч-холле, она снова прибегла к мысли, уже не раз служившей ей утешением, что из ее близких прошлое знают лишь трое, и они-то ни единым словом ни о чем не обмолвятся, от него же, надо надеяться, только брат, у которого он тогда гостил, мог слышать о недолгой помолвке. Брат этот давно уехал куда-то, и, будучи человеком благородным, а вдобавок еще неженатым, едва ли он хоть одной живой душе о том поболтался.

Сестры же его, миссис Крофт, тогда не было в Англии, ибо она отправилась с мужем к месту его назначения; а собственная ее сестрица Мэри была в школе, когда все это случилось, и уж потом, из-за чьей-то гордости, а чьей-то деликатности, конечно, ничего так и не узнала.

Рассчитывая на это все, она надеялась, что знакомство ее с Крофтами, к которому, при том что леди Рассел остается в Киллинче и Мэри от него всего в трех милях, надо быть готовой, не повлечет за собой чрезмерных неудобств.

ГЛАВА V

то утро, когда адмирал с супругой явились, как было условлено, осматривать Киллинч-холл, Энн сочла самым для себя естественным совершить почти ежедневную свою прогулку к леди Рассел, с тем чтоб переждать у нее, пока все решится; а уж там сочла она самым для себя естественным огорчиться, что упустила случай на них поглядеть.

Встреча сторон прошла как нельзя лучше, и дело сразу же сладилось. Дамы были заранее расположены к со-

глашенью, а следственно, и остались весьма довольны одна другою; что же касается до джентльменов, адмирал вел себя с таким доверием, открытостью и сердечностью, которые не могли не впечатлеть сэра Уолтера, выдававшего, в свою очередь, учтивость самую тонкую, ибо мистер Шеперд заранее уверил его, что адмирал наслышан о безукоризненности его обращения.

Дом, парк, убранство понравились; Крофты понравились; условия, сроки — все, все подходило и было хорошо. И стряпчие мистера Шеперда тотчас засели за работу, хотя им и не пришлось ничего изменять в уже заготовленном «Сим удостоверяется...».

Сэр Уолтер не колеблясь объявил адмирала самым красивым из моряков, с какими случалось ему водить знакомство, и уверял даже, что согласись только его собственный куафёр наладить адмиральскую прическу, и с ним бы не стыдно где угодно на люди показаться; адмирал же в простоте души поведал жене, когда они ехали парком обратно: «Я так и знал, мой друг, что мы легко столкнемся, что бы там мне ни говорили про него в Тонтоне. Баронет звезд с неба не хватает, но малый он безобидный». Отзывы, надобно признаться, в равной мере лестные.

Условились, что Крофты переселятся к октябрю, и сэр Уолтер предложил перебраться за месяц до этого, так что времени на необходимые приготовления оставалось не много.

Леди Рассел, зная, что Энн все равно не допустят помогать и не будут слушаться, когда дойдет до выбора дома в Бате, очень бы не хотела такого поспешного ее отъезда и удержала бы ее при себе, чтобы после рождения самой отвезти в Бат; но собственные дела призывали ее на несколько недель отлучиться из Киллинча, а потому она не могла пригласить Энн на все это время; да и сама Энн, хотя ей и страшна была сентябрьская жара среди слепящего белого Бата и жаль было покидать милые луга и рощи в печальную и сладкую пору осени, все же по зрелом размышлении не хотела задерживаться. Всего верней и разумней ехать со всеми — так меньше будет ей огорчений.

Вскоре, однако, случай изменил ее намерения. Мэри, часто недомогавшая, всегда чутко прислушивавшаяся к своему здоровью и всегда призывавшая Энн, что бы с ней ни произошло, вдруг расхворалась и, предвидя, что недомогание может не пройти у нее во всю осень,

попросила, а скорее потребовала, ибо на просьбу это мало было похоже, чтобы Энн явилась к ней в Апперкросс и побыла с нею, пока ей это будет нужно, вместо того чтобы отправиться в Бат.

— Я никак не могу обойтись без Энн,— таковы были доводы Мэри.

И ответ Элизабет был:

— Тогда, разумеется, ей лучше остаться, ведь в Бате она никому не нужна.

Когда тебя, пусть и не совсем учтиво, но просят о помощи, это все же приятней, чем если тебя гонят; и Энн, довольная, что ее сочли полезной, что у нее явились новые обязанности, и уж верно не огорченная тем, что исполнять их придется в сельском краю, милом ее сердцу, тотчас согласилась остаться.

Приглашение Мэри избавляло леди Рассел от лишних забот, и тотчас было решено, что Энн не поедет в Бат, куда леди Рассел не призовет ее туда, а до той поры проживет в Киллинч-лодж и в Апперкроссе.

Все как будто прекрасно улаживалось; но леди Рассел была почти вне себя, когда ей открылся план, согласно которому миссис Клэй отправлялась в Бат вместе с сэром Уолтером и Элизабет, как главная и бесценная помощница последней во всех предстоящих трудах ее. Леди Рассел не постигала, зачем вообще это понадобилось, недоумевала, страшилась, печалилась; а уж унижительность такой меры для Энн, вовсе, оказывается, не нужной там, где миссис Клэй незаменима, еще усугубляла ее огорчение.

Привыкнув к подобным уколам, сама Энн сделалась к ним нечувствительна, однако не меньше, чем леди Рассел, она сознавала неразумность такого решения. Наблюдая и зная, увы, даже чересчур хорошо характер отца, она опасалась, что новая эта дружба очень может повлечь последствия, важные для всего семейства. Едва ли сейчас отец ее был близок к такого рода помыслам. Миссис Клэй обладала веснушками, выступающим зубом и толстыми руками, которые он нередко порицал в ее отсутствие; однако она была молода и, конечно, недурна собою, а быстрый ум ее и неутомимая угодливость таили куда большую опасность, чем неверные обольщения внешности.

В этой опасности Энн настолько отдавала себе отчет, что совесть бы ее замучила, не попытайся она раскрыть на все глаза своей сестрице. Она мало верила в успех предприятия, но ей не хотелось, чтобы Элизабет, в случае

рокового оборота терявшая куда больше ее самой, могла потом упрекнуть ее в безучастии.

Она и переговорила с Элизабет, но, кажется, лишь оскорбила ее. Элизабет не понимала, как пришла ей в голову фантазия столь нелепая, и, негодуя, уверяла, что каждая из обсуждаемых сторон прекрасно сознает свое положение.

— Миссис Клэй,— сказала она запальчиво,— никогда не забывает своего места; я лучше тебя знаю ее образ мыслей и смею тебя уверить, что на брак она смотрит на редкость благородно и больше, чем кто-нибудь, осуждает всякое неравенство происхождения и богатства. Что же до моего отца, я не постигаю, в чем его, ради нас столь долго вдовевшего, можно теперь заподозрить. Ну, будь еще миссис Клэй блестящая красавица, да, я не вправе была бы ее приближать; ничто, разумеется, не заставило бы отца вступить в союз, столь его принижающий, однако она могла сделаться причиной его несчастья. Но бедняжка миссис Клэй, которую не назовешь и хорошенькой, ах, миссис Клэй, бедняжка, решительно никакой угрозы не представляет. Можно подумать, ты и не слыхивала, как сетует отец на ее злополучия, а ведь пора бы, кажется, наизусть это выучить. Зуб и веснушки. У меня, например, веснушки не вызывают такого отвращения. Я знавала одно лицо, которое несколько веснушек вовсе почти не портили, но отец — непримиримый враг веснушек. Ты, я надеюсь, слышала, как он характеризует веснушки миссис Клэй.

— Едва ли сыщется такой недостаток внешности,— заметила Энн,— с которым приятное обхождение нас постепенно бы не примирило.

— Я совершенно иного мнения,— объявила Элизабет наотрез.— Приятное обхождение может оттенять прекрасные черты, но не в силах исправить дурные. К тому же все это касается больше всего до моих интересов, а потому, полагаю, и не стоит труда меня поучать.

Энн отступилась; радуясь, что разговор позади, и теща себя надеждой, что предостережения ее не вовсе остались без пользы. Хоть они и оскорбили Элизабет, но, быть может, сделают ее осмотрительней.

Четверка коней сэра Уолтера служила ему последнюю службу, увозя его, мисс Эллиот и миссис Клэй в Бат. Компания пускалась в путь в самом веселом расположении духа; сэр Уолтер еще готовил величавые поклоны для всех скорбящих крестьян и арендаторов, которые вздумают явиться на проводы, а Энн, со спокойствием отчаяния,

уже брела в Киллинч-лодж, где надлежало ей провести первую неделю.

Леди Рассел печалилась не меньше своего юного друга. Она болезненно переживала отъезд семейства. О чести их она пеклась не менее, чем о своей собственной, а ежедневные встречи сделались милой ее сердцу необходимой привычкой. Тяжело ей было смотреть на опустелые уголья, а еще тяжелее воображать тех, кому теперь они достанутся; и вот, чтобы не видеть грустных покинутых полей и не встретиться с адмиралом и его супругой, когда они нагрянут, она решилась ехать в Бат тотчас, как придется расстаться с Энн. И они отправились вместе, и Энн осталась в Апперкроссе, в самом начале пути следования леди Рассел.

Апперкросс был поместье средней руки, где всего несколько лет назад, по обычаю английской старины, лишь две постройки отличались от жилищ крестьян и арендаторов; господский дом под сенью вековых деревьев, в саду, обнесенном высоким забором с большими воротами, крепкий и чуждый поветриям моды, и прочный дом приходского священника с особым уединенным садом, где груши и виноград подступали под самые окна; но после женитьбы молодого барина ему отвели арендаторский дом, преобразовав и возведя в сан виллы, и с той поры Вилла Апперкросс своими верандами, стеклянными дверями и тому подобными прелестями так же точно могла притяжать на внимание проезжающего, как и более основательный и сообразный Большой Дом, отстоящий от нее на четверть мили.

Энн нередко случалось здесь гостить. Обычаи Апперкросса знала она не хуже, чем обычаи Киллинча. Оба здешних семейства так тесно сообщались, поминутно навещаясь друг к другу во всякое время дня, что, застав Мэри одну, Энн немало удивилась; однако раз она была одна, она, уж конечно, страдала от хандры и недомоганья. Хоть и не такая скучная, как старшая сестрица, Мэри не обладала ни умом ни характером Энн. Будучи здорова, благополучна и окружена вниманием, она умела радоваться и веселиться, но любая мелочь выбивала ее из колеи. Заполнить одиночество было ей решительно нечем; а взяв от отца немалую долю тонкой чуткости к своей особе, она при каждом огорчении умела вдобавок вообразить себя обиженной и обойденной. Внешностью она уступала обеим сестрам и даже в лучшую свою пору была не более как «очень мила». Сейчас она лежала на выцветшей софе

в хорошенькой гостиной, которой прежде элегантная мебель уже несколько пострадала от воздействия четырех лет и двоих детей, и, завидя Энн, встретила ее словами:

— Ах, ну наконец-то ты явилась! Я уж думала, так тебя и не дождусь. Я до того больна, что мне даже разговаривать трудно. И во все утро я живой души не видела!

— Как это жаль, однако,— отвечала Энн.— А ведь еще в четверг ты сообщала, что чувствуешь себя совсем здоровой.

— Да, я взяла себя в руки; это я умею, но я и тогда чувствовала себя нехорошо; а уж нынче утром так расхворалась, как никогда еще прежде. В таком положении нельзя оставлять человека одного. А вдруг бы мне сделалось совсем дурно, и я бы даже не могла дотянуться до колокольчика! Леди Рассел не пожелала, стало быть, выйти из кареты. Она за все лето, кажется, и трех раз у нас не показалась.

Энн отвечала надлежащим образом, после чего осведомилась у Мэри о ее супруге.

— Ах, Чарлз пошел стрелять дичь. Ушел, хоть я ему растолковала, как мне плохо. Обещал не задерживаться. Однако его все нет, а ведь уж скоро час. Поверь, я живой души не видела за все утро.

— Но ведь дети твои были при тебе?

— Да, покуда я не устала от шума; они до того несносны, что от них один вред. Маленький Чарлз совершенно меня не слушается, и Уолтер делается точно такой же.

— Ну вот, теперь тебе сразу полегчает,— весело отвечала Энн.— Я уж сумею тебя вылечить. Как поживает твоя родня в Большом Доме?

— Ничего не могу тебе о них рассказать. Я их сегодня и не видела, только мистер Мазгроув поговорил со мной через окно, да и то даже не спешил с лошадьми; и хоть ему было сказано, как мне плохо, никто не потрудился меня проведать. Видно, у молоденьких мисс Мазгроув не было охоты гулять, а разве станут они ради других утруждаться!

— Они, конечно, еще придут. Утро ведь не кончилось.

— Поверь, мне не до них. Несносные, на мой вкус, хохотушки и болтуны. Ах, Энн, до чего же мне плохо! И не стыдно тебе, что ты в четверг не приехала?

— Мэри, милая, да ты только вспомни, что ты мне писала! Я получила от тебя превеселую записочку о том, что ты совершенно здорова и мне не следует торопиться;

а значит, ты сама же и поймешь, как хотелось мне побыть с леди Рассел до последнего; но, даже оставляя в стороне мои чувства, я была так занята, у меня столько было дел, что я никак не могла выбраться раньше из Киллинча.

— Господи! Ну какие у тебя дела?

— Поверь, всевозможные; сейчас и не упомянуть, но вот кое-какие, к примеру. Я составляла копию со списка отцовых книг и картин. Без конца бегала в сад с Маккен-

зи, стараясь сообразить и ему втолковать, какие из растений Элизабет надо препоручить леди Рассел. А ко всему у меня были еще свои мелкие хлопоты — разобрать книги и ноты, заново уложить чемоданы, потому что я вовремя не догадалась, что решат погрузить на телеги. И еще, Мэри, мне пришлось исполнять трудную повинность: я обошла чуть ли не все дома в приходе и со всеми попрощалась. Мне передали, что им этого хочется. А это так много времени занимает.

— Ах, ну довольно! — И после минутной паузы: — Но ты и не спрашиваешь, как мы вчера отобедали у Пулов?

— Так ты была? Я не спрашиваю, думая, что тебе пришлось остаться дома.

— Отчего же? Я была. Вчера я еще хорошо себя чувствовала. Я до самого нынешнего утра хорошо себя чувствовала. Странно было бы, если бы я отказалась ехать.

— Ну, я рада, что ты хорошо себя чувствовала, и надеюсь, тебе было весело.

— Какое весело? Про эти званые обеды всегда наперед знаешь, чем тебя станут потчевать и кого ты встретишь; и вдобавок мука, когда нет собственного выезда. Мистер и миссис Мазгроув меня отвезли, но до чего же было тесно в карете! Оба они до того толстые, так много места занимают; и мистер Мазгроув вечно норовит сесть впереди. А я теснилась сзади между Луизой и Генриеттой; оттого я, верно, и расхворалась.

Стойкое терпение и героическая веселость Энн имели следствием почти полное исцеление Мэри. Скоро она уже была в силах сидеть на софе и выражала надежду, что к вечеру будет в состоянии с нее подняться. Далее она, в рассеянии, оказалась на другом конце гостиной, управляя букет; затем скушала остывший завтрак; а затем и вовсе окрепла настолько, что отважилась немного прогуляться.

— Куда бы нам пойти? — рассуждала она. — Ведь ты не станешь навещать в Большой Дом, покуда сами они не пришли с тобой поздороваться?

— Ах, отчего же, мне решительно все равно, — отвечала Энн. — Я не пускаюсь в церемонии с людьми, которых так близко знаю, как мистера и миссис Мазгроув.

— Но они могли бы поскорей с тобой поздороваться. Не забудь — ты *моя* сестра. Впрочем, можно, разумеется, заглянуть к ним на минутку, а потом уж, когда мы от них отделаемся, мы в свое удовольствие погуляем.

Энн всегда удивляли подобные соображения, но уж давно она поняла, что, хотя у обеих сторон постоянно находят причины обижаться, без своих обид они бы просто заскучали. А потому она ни во что не вмешивалась.

Сестры отправились в Большой Дом и добрых полчаса просидели в старомодной солидной зале с маленьким ковриком и лоснящимся полом, в которой юным хозяйкам постепенно удалось навести надлежащий беспорядок, водрузив фортепьяно, арфу, жардиньерки и множество столиков мал мала меньше. О, если бы изображенные на портретах господ в темных бархатах и дамы в голубых атласах, если бы они все это видели, если бы знали, как попираются благоприличие и обычай! Но даже и сами портреты, казалось, с изумлением смотрели со стен.

Семейство Мазгроув, как и дома его, находилось в состоянии перестройки и, мы бы сказали, усовершенствования. Мать и отец были выдержаны еще во вкусе английской старины, а молодежь — уже в новом вкусе. Мистер и миссис Мазгроув были очень хорошие люди, радушные, гостеприимные, не большой учености и вовсе не притязавшие на моду. Дети же шли в ногу со временем. Семья была многочисленная; но взрослыми, кроме Чарлза, были только Генриетта и Луиза, две юные особы девятнадцати и двадцати лет от роду, которые привезли из Эксетера обычные плоды учености и потому, подобно тысячам других юных особ, цель жизни полагали в том, чтобы быть светскими, счастливыми и веселыми. Платья их были выше похвал, лица миловидны, настроение превосходное, обхождение легко и приятно; дома им потакали, в гостях они нравились. Энн почитала их счастливейшими существами в своем окружении; однако, как и все мы, удерживаемая приятным чувством превосходства от желания с кем-нибудь поменяться судьбою, она не отдала бы своего более изощренного и тонкого ума за все их наслаждения; и только одному она завидовала: царящему меж ними согласию и любви, которых самой ей так недоставало в обеих сестрах.

Их приняли с большой сердечностью. Ни малейшего повода к недовольству не подали Мазгроувы, которых — слишком хорошо понимала Энн — и вообще упрекать было не в чем. Полчаса незаметно пролетели в беспечной болтовне; и Энн ничуть не удивилась, когда по истечении сего срока, уступив настоятельным уговорам Мэри, обе мисс Мазгроув приняли участие в прогулке.

Энн и без этого визита в Апперкросс прекрасно знала, что стоит попасть из одного круга в другой, пусть всего и в трех милях от прежнего, и там найдешь ты совсем иной разговор, иные понятия и нравы. Всякий раз, попадая сюда, она дивилась и желала, чтобы и прочие Эллиоты имели случай убедиться в том, как мало здесь важны те самые обстоятельства, какие в Киллинче считают занимательными для всего света; однако она призналась себе в том, что ей весьма полезен был другой урок: она научилась понимать, сколь мало значим мы за пределами своего круга; ибо, являсь сюда, полная забот, многие недели нераздельно поглощавших обитателей Киллинча, она рассчитывала встретить куда более интереса и сочувствия, нежели содержалось в одинаковых вопросах не сговаривавшихся мистера и миссис Мазгроув: «Стало быть, мистер Эллиот и сестрица ваша отбыли; и в какой части Бата, по-вашему, они вздумали обосноваться?» — к тому же не требовавших ответа; или в восклицаниях дочек: «Мы вот тоже зимой собираемся в Бат; но запомните, папенька, если уж мы туда поедем, кое-как ютиться нам не пристало!» — или обеспокоенной Мэри: «Господи, а я-то хороша буду, когда вы все уедете в Бат наслаждаться жизнью!»

Одно ей оставалось — не обольщаться более и тем благодарнее думать о милости судьбы, пославшей ей такого верного и преданного друга, как леди Рассел.

Отца и сына занимала дичь, которую оберегали они и истребляли, занимали лошади, собаки, газеты; мысли дам были всецело посвящены хозяйству, соседям, нарядам, танцам и прочим столь же увлекательным предметам. Энн совершенно примирилась с тем, что во всяком маленьком обществе должны быть особенные темы для разговора, и надеялась в недалеком времени стать достойной нового своего окружения. Она собиралась не меньше двух месяцев провести в Апперкроссе, а потому обязана была отлить свое воображение, воззрения и память в принятые здесь формы.

Эти два месяца ничуть ее не страшили. Мэри была куда родственней, чем Элизабет, и куда менее недоступна внушениям Энн; от прочих же обитателей Виллы она не ждала никакого вреда. С зятем своим она всегда ладила, а мальчики, которые любили ее почти так же, как свою

мать, и уважали куда более, возбуждали в ней любопытство, забавляли ее и зывали к ее заботам.

Чарлз Мазгроув был учтив и очень мил; сердцем и умом он был, без сомнения, возвышенной своей супруги, но, не владея искусством тонкой беседы, не располагая ни живостью, ни приятностью манер, он не мог вызвать в Энн опасных сожалений о минувшем, которое их связывало; правда, Энн вместе с леди Рассел думала, что, женись он удачней, он мог бы развиться; что женщина, по истине его понимающая, могла усовершенствовать его характер, сделать тоньше и тверже. Теперь же Чарлз старательно предавался одним забавам; остальное время тратил -он впустую, не имея склонности к чтению или к другим упражнениям ума, пребывал всегда в прекрасном расположении духа, мало унывал из-за одолевавшего Мэри нездоровья, стойко сносил, к восхищению Энн, все ее капризы, и даже, хоть случалось им слегка повздорить (Энн против воли приходилось выслушивать обе стороны, прибегавшие к ее посредничеству), их можно было почесть счастливою четой. Меж ними царило полное согласие по части средств, ибо обоим их казалось мало и оба весьма были расположены получить солидный дар от старшего мистера Мазгроува; однако Чарлз и тут был несколько благороднее Мэри, полагая, что отец вправе распоряжаться своими средствами так, как ему заблагорассудится, тогда как Мэри не могла ему этого простить.

Что до воспитания детей, и здесь он руководился куда более разумною теорией и куда лучше с ними управлялся. «Я бы с ними и вовсе сладил, если б не Мэри»,— говаривал он Энн, и Энн с ним молча соглашалась; когда же она слушала, в свою очередь, жалобы Мэри: «Чарлз так портит детей, только мешает воспитывать»,— ни разу не было у нее ни малейшего искушения сказать: «Да, это верно».

Пребывание Энн в Апперкроссе немало омрачалось тем, что все стороны чересчур были к ней расположены и поверяли ей домашние секреты. Зная влияние ее на сестру, ей поминутно советовали, иной раз намеком, чтобы она его употребила на общее благо, забывая, что она не всесильна.

«Хотя бы ты убедила Мэри, что она не так уж больна»,— говорил ей Чарлз. А сама Мэри говорила в горькие минуты: «Ах, да я и умирать буду, Чарлз никакой не заметит во мне болезни. Я знаю, Энн, стоит тебе захотеть, и ты могла бы убедить его, что я и вправду больна, очень больна, я только виду не показываю».

Или Мэри объявляла: «Я не люблю отпускать детей в Большой Дом, хотя бабушка вечно их зазывает, не люблю, потому что там балуют их, и портят, и пичкают сладостями, и потом их тошнит, и с ними сладу нет». А миссис Мазгроув при первом же удобном случае, оставшись с Энн наедине, сказала: «Ах, мисс Энн, как бы я хотела, чтобы невестка моя поучилась у вас с детьми обращаться. С вами-то они совсем другие делаются! А ведь они до того набалованные! Если б только она у вас поучилась! Они, бедняжки мои, такие дивные, здоровые крошки, лучше не бывает, я ведь, знаете, сужу без пристрастия. Но миссис Чарлз не понимает в воспитании. Господи! Какие они порой делаются несносные! Признаться, мисс Энн, оттого-то я и зову их к нам реже, чем мне хочется. Миссис Чарлз, боюсь, на меня в обиде. И то сказать, я редко их зову. Да ведь, право, грех вечно одергивать детей: «так- не делай», «этак не ступи» — и не в меру пичкать сладостями, когда они уж совсем расшались».

Далее, Мэри, к примеру, ей сообщала: «Миссис Мазгроув думает, будто у нее верные слуги; ей слова про них не скажи; но я-то знаю, я убеждена, что старшая горничная и прачка вечно отлынивают от работы и целыми днями по деревне слоняются. Куда ни пойду, вечно я на них натыкаюсь; а как ни войду в девичью, вечно они там. Не будь моя Джемайма суший клад, какой бы пример они ей подавали! Вечно сманивают ее погулять, она уж мне признавалась». А миссис Мазгроув, со своей стороны, утверждала: «Я взяла за правило не соваться в дела моей невестки, толку все равно никакого; но вам-то уж я скажу, мисс Энн, вы меня поймете; не нравится мне ее няня; чего только про нее не рассказывают; дескать, вечно глупости на уме; и вдобавок я сама вижу, это такая, я вам скажу, шеголиха, что всех слуг, того гляди, перепортит. Миссис Чарлз, я знаю, на нее не надышитесь; но вас-то я на всякий случай решила предостеречь; если что заметите — сразу ей скажите».

Еще Мэри жаловалась, что миссис Мазгроув вечно норовит оттеснить ее с хозяйского места на званных обедах в Большом Доме; и недоумевала, отчего ее там считают уж настолько своей, чтобы лишать подобного ей положения. А как-то раз, гуляя в обществе барышень, Энн довелось услышать рассуждения одной из них о чинах и чинопочитании, завершившиеся словами: «Тебе я могу сказать, ведь все знают, как легко и свободно сама ты

на это смотришь, но кое-кто до того глупо отстаивает свое место! Тебе бы следовало намекнуть Мэри, что куда разумней было бы ей умерить свое рвение и не лезть на матушкино место. Никто не сомневается в ее правах, но пристойней было бы на них не настаивать. Матушке, разумеется, решительно все равно, но многие, я знаю, косо смотрят на поведение Мэри.

Ну как ей было все это уладить? Оставалось лишь терпеливо выслушивать, сглаживать острые углы, извинять каждого в глазах другого, всем намекать на пользу снисходительности к тому, с кем живешь бок о бок, и делать явственнее те намеки, которые назначались для пользы Мэри.

Во всем прочем Энн жилось здесь недурно. Она повеселела от перемены места, очутившись в совсем ином мире, на три мили отстоящем от Киллинча. Недуги Мэри отступили, коль скоро было кому на них постоянно жаловаться, а ежедневные сношения с Большим Домом, не мешая ни более сильным привязанностям, ни более важным делам на Вилле, ибо таковых не наблюдалось, скрашивали им часы досуга. Сношения эти были довольно тесны, ибо, сойдясь обыкновенно поутру, все редко когда порознь провожали вечер; Энн, однако, понимала, что без почтенных фигур мистера и миссис Мазгроув, без смеха, болтовни и пения их дочерей ей пришлось бы нелегко.

На фортепиано играла она куда лучше обеих здешних барышень, но, не зная арфы, не имея ни голоса, ни нежных родителей, которые сидели бы рядом и воображали, будто они в восхищении, она могла рассчитывать лишь на вежливое внимание, да и то когда другим следовало отдохнуть. Она знала, что своей игрой доставляет удовольствие одной себе; но чувство это было для нее не внове. Никогда, исключая коротенького срока, никогда с четырнадцати своих лет, со времени, когда лишилась она любящей матери, не помнила она, чтобы ее внимательно слушали и ободряли справедливым и точным суждением и советом. Играя, она всегда чувствовала себя наедине с музыкой; но видя, как предпочитают миссис и мистер Мазгроув искусство своих дочек всякому другому, она гораздо более радовалась за них, нежели на них обижалась.

Порой здесь сходилось общество и более широкое. Помещиков в округе было немного, но все ездили к Мазгроувам и ни у кого не бывало так много парадных обедов, случайных и званных гостей, как у них. Их решительно все признавали.

Барышни были без ума от танцев, и чуть не всякий вечер вдруг завершался балом. Неподалеку в нескольких стесненных обстоятельствах жила родня, развлекавшаяся только благодаря Мазгроувам; они могли нагряться в любое время, принять участие в любой игре и танцах; и Энн, предпочитая скромную роль музыкантши всякой иной, ча-

сами наигрывала для них контрадансы; и тут уж миссис и мистер Мазгроув высоко оценивали ее дарование, восклицая: «Прекрасно, мисс Энн! В самом деле отменно! Господи! Ну как ловко порхают эти маленькие пальчики!»

Так протекли первые три недели; и сердце Энн уже невольно вновь обратилось к Киллинчу. Любимый дом передан в чужие руки; милые комнаты и мебели, роши и уголья усладят чужие взоры! Ни о чем другом она и думать не могла во весь день 29 сентября; и Мэри, вечером вспомнив, какое сегодня число, выразила ей сочувствие таким образом:

— Господи, ведь нынче Крофты выезжают в Киллинч! Хорошо еще, что я прежде об этом не думала. Эта мысль ужасно на меня действует!

Крофты вступили во владение Киллинчем с той быстротой, которая приносит морские победы, и теперь надлежало их посетить. Мэри бесконечно тяготилась предстоящим визитом (ей будет так тяжело, она будет так страдать, она постарается, сколько возможно, это оттянуть) и не утешалась до тех пор, покамест — вскорости — не заставила Чарлза отвезти ее в Киллинч, откуда она и воротилась в весьма приподнятом настроении и в сокращении сердечном.

Энн же искренне радовалась тому, что в бричке Чарлза не нашлось ей места. Однако ей хотелось поглядеть на Крофтов, и она радовалась, что оказалась на Вилле, когда они возвращали визит. Они явились; хозяин дома отсутствовал; сестры обе были на месте; и коль скоро адмирал сидел рядом с Мэри и радовал ее своей любезностью, превознося достоинства обоих ее сыновей, Энн досталась честь развлекать миссис Крофт и, не находя дорогого сходства в чертах, она ловила его в голосе и разыскивала в строе чувств.

Миссис Крофт, не будучи ни высока, ни дородна, была основательно и крепко сбита, что придавало ее облику внушительность. Обладая блестящими карими глазами и прекрасными зубами, она была бы вовсе недурна, если бы лицо ее не потемнело от морских ветров так, что она казалась несколько старше тех тридцати восьми лет, какие прожила на свете. Держалась она непринужденно, как человек, никогда не испытывавший неуверенности в себе или своей правоте; притом она никогда не бывала резка или опечалена. Энн уверилась, что она с большой деликатностью относится к ее чувствам, касаемым до Киллинча, и умела это оценить; вдобавок она с первой же минуты,

едва их друг другу представили, поняла, что миссис Крофт ничего не знает и не подозревает такого, что могло бы повести к недоразумениям. Она совершенно успокоилась на сей счет и ничего не опасалась до той самой минуты, когда ее словно током пронизали слова миссис Крофт:

— Так это с вами, полагаю, а не сестрой вашей брат мой имел удовольствие свести знакомство, когда он тут жил?

Энн надеялась, что вышла из того возраста, когда мы от смущения заливаемся краской; но она не вышла из того возраста, когда нами властвуют чувства.

— Вы не знали, быть может, что теперь он женат?

Она сумела отвечать как должно; и когда миссис Крофт пояснила далее, что речь идет о мистере Уэнтурте, Энн порадовалась от души, что ничего не сказала такого, что не могло бы в равной мере отнестись к обоим братьям. И тотчас она сочла натуральным предположить, что миссис Крофт имеет в виду Эдварда, а не Фредерика, и, стыдясь собственной забывчивости, с приличным участием отнеслась к перемене в судьбе бывшего своего соседа.

Далее ничто не омрачало спокойствия Энн, покуда она не услышала, как адмирал, уже откланиваясь, сказал Мэри:

— Мы вскоре ожидаем брата миссис Крофт. Вы, я полагаю, о нем слышали...

Его прервали вопли мальчишек, которые висли на нем на правах близких приятелей, и, одолеваемый их предложениями, чтобы он унес их в карманах плаща и тому подобное, он уже не имел возможности ни кончить, ни вспомнить начатую фразу; и Энн оставалось себя убеждать, что речь идет все о том же брате. В этом, однако, преуспела она не вполне и горела желанием узнать, поминался ли сей предмет в Большом Доме, где успели уже побывать Крофты.

Семейство из Большого Дома намеревалось провести вечер на Вилле, а коль скоро миновала уже та пора года, когда приятно делать такие прогулки пешком, сестры прислушивались, не едет ли карета, когда на пороге появилась младшая мисс Мазгроув. Мэри тотчас заключила, что она пришла извиняться, что весь вечер им предстоит проскучать, и готовилась уже должным образом оскорбиться, когда Луиза развеяла недоразумение, объяснив, что пришла пешком, уступая место в карете арфе.

— Сейчас все расскажу по порядку,— сказала она.— Все-все расскажу. Я прибежала вас предупредить, что ба-

тюшка и матушка нынче очень опечалены, матушка особенно; она все думает про бедняжку Ричарда! Вот мы и решили взять с собой арфу, ведь матушка предпочитает ее клавесину. Сейчас, сейчас расскажу, отчего она так опечалена. Утром заехали Крофты (они ведь потом и у вас побывали, правда?) и между прочим сказали, что брат миссис Крофт, капитан Уэнтуорт вернулся в Англию, что ли, не то вышел в отставку, и в самом скором времени на-

ведается к ним; и матушке, как назло, пришло в голову, едва они ушли, что бедняжка Ричард служил одно время под началом капитана Уэнтуорта, или что-то в этом роде; где, когда, ничего не знаю, но задолго до того, как он, бедняжка, погиб! Она перечла его письма, удостоверилась, что так оно и есть, что это тот самый капитан Уэнтуорт, и теперь у нее только и разговору что про бедняжку Ричарда! Давайте же будем все веселиться, чтобы она немного развеялась.

Истинное содержание этой трогательной странички из семейной хроники состояло в том, что Мазгроувы имели несчастье произвести на свет нерадивого, никчемного и не-исправимого сына и имели счастье потерять его на двадцатом году; что его послали на море, ибо на суше с ним не было никакого сладу; что в семье его любили очень мало, ничуть не менее, однако, чем он того заслуживал; он почти не давал о себе знать и едва ли сильно опечалил родных, когда весть о его кончине в чужих краях два года назад достигла до Апперкрасса.

В самом деле, хоть теперь сестры делали для него все возможное, именуя «бедняжкой Ричардом», был он не кто иной, как тупой, бесчувственный, никудышный Дик Мазгроув, ничем не заслуживший даже и того, чтоб его называли полным именем и при жизни и после смерти.

Несколько лет проводя на море и перемещаясь с судна на судно, как и положено мичману, особливо же такому, от кого рад избавиться капитан, шесть месяцев прослужил он на фрегате капитана Уэнтуорта, на «Лаконии», и с этой самой «Лаконии» и послал, по настоянию капитана Уэнтуорта, те именно два письма, которые получили от него родители за все время его отсутствия; вернее же будет сказать, два бескорыстных письма; ибо прочие содержали просьбы о деньгах, и ничего более.

В обоих письмах он лестно отзывался о своем капитане; но у них мало было привычки к подобным материям, суда и командиры мало их занимали, а потому аттестации Дика оставили они без внимания; и то, что миссис Мазгроув вдруг вспомнила капитана Уэнтуорта и связала со своим сыном, казалось поистине непостижимым озарением ума.

Она нашла подтверждение своей догадке, перечтя его письма; а перечтя их теперь, спустя столь долгий срок после гибели бедняжки, когда некоторые особенности его нрава уже изгладились из ее памяти, она принялась горевать куда более, нежели тогда, когда впервые получила

известие о его кончине. Мистер Мазгроув, хотя и в меньшей мере, тоже был потрясен; и оба принесли на Виллу свои страдания, явственно желая, во-первых, их излить и, во-вторых, забыть в веселом кругу молодежи.

Они много говорили о капитане Уэнтурте, без конца повторяли его имя, вспоминали прошедшее и, наконец, предположили, что он скорее всего, нет, непременно, окажется тем самым капитаном Уэнтуртом, которого они несколько раз встречали после возвращения своего из Клифтона,— только вот когда же? семь или восемь лет тому? Да, приятнейший молодой человек,— что оказалось для Энн нелегким испытанием. Однако она поняла, что надобно ей привыкать. Раз его тут ждали, следовало приноровиться к такого рода впечатлениям. А его не только тут ждали, и даже очень скоро, но вдобавок Мазгроув, пылая к нему благодарностью за доброту его к бедняжке Дику и высоко ставя его характер, которого достоинства подтверждались тем, что Дик целых шесть месяцев служил под его началом и весьма похвально, хоть и не очень грамотно, отнесся о нем в письме как о «храбром славном малом, если б только не воспитовал», намеревались с ним познакомиться, едва он объявится в здешних краях.

На том и порешили, утешились и приятно провели вечер.

ГЛАВА VII

Прошло всего несколько дней, и капитан Уэнтурт объявился в Киллинче, мистер Мазгроув отправился туда с визитом и воротился очарованный и взявши с Крофтов честное благодарное слово, что в конце будущей недели все они пожалуют отобедать в Апперкросс. Мистер Мазгроув огорчался только тем, что придется столь долго ждать и нельзя еще ранее выказать свою признательность, введя капитана Уэнтурта в свой дом и почтив всем, что сыщется лучшего и крепчайшего в погребах его. Но неделю оставалось ждать; всего неделя, думала Энн, и они снова свидятся; но скоро она почувствовала благодарность судьбе хотя бы и за такую отсрочку.

Капитан Уэнтурт весьма скоро вернул долг учтивости мистеру Мазгроуву, и Энн едва не оказалась в Большом

Доме в те самые полчаса. Они с Мэри совсем уже туда собрались и, как потом она узнала, непременно бы с ним столкнулись, когда бы их не задержала неприятная случайность. Упал и больно ушибся старший мальчик, и его именно в ту минуту принесли домой. В гости идти, разумеется, было невозможно; но как ни тревожилась Энн за ребенка, весть о том, чего ей удалось избежать, тоже не оставила ее хладнокровной.

У мальчика оказалась вывихнута ключица, и он так расшиб спину, что на ум приходили разные ужасы. Вечер протек в волнении и хлопотах; Энн пришлось нелегко; и за аптекарем надо было послать, и разыскать и уведомить отца, и утешать мать, склонную биться в истерику, и присмотреть за людьми, вытолкать младшего братика и приласкать страдальца; а вдобавок следовало осторожно известить Большой Дом, откуда тотчас и последовали к ней не умные помощники, но бестолковые вопрошатели.

Впервые вздохнула она с облегчением, лишь когда явился зять; он взял на себя заботы о жене; и уж вовсе полегчало ей, когда подоспел аптекарь. Покуда он не приехал и не осмотрел ребенка, опасения были столь же гнетущи, сколь и неясны; боялись серьезных повреждений, не зная, что именно повреждено. А теперь ключица была вправлена, и как ни щупал ребенка мистер Робинсон, как ни мял его, как мрачно ни поглядывал, как значительно ни говорил с отцом и тетушкой,— все надеялись на лучшее и спокойно распрощались, готовые приступить к обеду в довольно ясном состоянии духа. А две юные тетушки оправились настолько, что сумели поведать о визите капитана Уэнтуорта; когда ушли отец и мать, они задержались на пять минут, дабы рассказать о том, до чего они им очарованы и насколько оказался он красивее, благородней, приятней любого из молодых людей, которых прежде они отличали. До чего же они радовались, когда батюшка предложил ему с ними отобедать, до чего огорчались, когда тот отвечал, что это не в его власти, и до чего же радовались снова, когда в ответ на настоятельные уговоры матушки и батюшки он согласился отобедать у них завтра — да, завтра же; и так мило согласился, сразу видно, понял, тонкий человек, всю причину такого радушия. Короче говоря, он оказался столь любезен, столь хорош, что, ей-богу, вскружил им обеим головы; и обе они убежали столь же беззаботные, сколь влюбленные, и занятые капитаном Уэнтуортом куда более, нежели злостью маленького Чарлза.

*Brought here in consequence
of a bad fall.*

Та же история и те же восторги повторились, когда девицы в сумерках вернулись вместе с отцом провести ребенка; и мистер Мазгроув, преодолевший первый страх за своего наследника, мог теперь поддержать разговор, выражая надежду, что ничто уже не предотвратит визита капитана Уэнтуорта, и сожалея, что обитателям Виллы, верно, не захочется оставить мальчика без своего присмотра.

— Ах, нет! Оставить ребенка! — отец и мать после пережитых тревог об этом не хотели и думать, и Энн, радуясь невольной отсрочке, горячо их поддерживала.

Однако, поразмыслив, Чарлз Мазгроув переменял свое суждение. Ребенок чувствовал себя так хорошо, а самому ему так хотелось представиться капитану Уэнтуорту, что, быть может, он бы и заглянул к ним вечерком; пообещает он, разумеется, дома, но на полчаса он к ним все же заглянет. Но жена его горячо воспротивилась этому плану:

— Ох, нет, Чарлз, нет! Я положительно не могу тебя отпустить! Вообрази, а вдруг что случится!

Ночь прошла благополучно, и на завтра ребенок чувствовал себя хорошо. Надо было еще обождать, чтоб сказать с уверенностью, что в позвоночнике нет повреждений; мистер Робинсон, однако, не нащупывал ничего, что подтверждало бы его опасения, и Чарлз Мазгроув, следовательно, не видел более повода для своего домашнего ареста. Ребенка надо было удерживать в постели и не давать ему шалить. Но что тут прикажете делать отцу? Это уж женское дело, и куда как глупо ему, Чарлзу, совершенно без толку торчать дома. Отец так хотел познакомить его с капитаном Уэнтуортом, нет никаких причин не идти, и не пойти неловко; и, воротясь с охоты, он смело и решительно объявил о намерении своем тотчас переодеться и отправиться на обед в Большой Дом.

— Ребенок чувствует себя как нельзя лучше,— сказал он,— я сказал батюшке, что хочу быть, и он меня одобряет. Раз с тобой сестра, я, душа моя, совершенно спокоен. Разумеется, сама ты не захочешь его оставить, но ты же видишь, от меня никакого проку. Если что, Энн сразу за мною пошлет.

Жены и мужья обыкновенно знают, когда сопротивление бесполезно. По тону Чарлза Мэри поняла, что он обдумал свои слова и не стоит ему перечить. А потому она и молчала, покуда он не вышел из комнаты; но, едва Энн осталась единственной ее слушательницей, она заговорила:

— Значит, нам с тобой придется управляться с бедным больным ребенком; и за весь-то вечер больше ни одной живой души! Так я и знала. Такое уж мое счастье. Случись что неприятное, и мужчины вечно норовят улизнуть, и Чарлз такой же, как все. Бессердечный. Какая бессердечность — убежать от своего бедненького сынишки. Он, видите ли, хорошо себя чувствует! Да откуда он знает, что он хорошо себя чувствует и что через полчаса ему вдруг не сделается хуже? Вот не думала, что Чарлз может быть таким бессердечным. Уйти, забавляться спокойно, а ведь я — бедная мать, мне нельзя волноваться; уж кто-кто, а я-то совсем не в силах выхаживать ребенка. Я — мать, а значит, нельзя испытывать мое терпение. Я в ужасном состоянии. Ты сама видела, что делалось со мною вчера.

— Ты разволновалась от неожиданности, от потрясения. Это не повторится. Все обойдется, поверь. Я запомнила предписания мистера Робинсона, и я совершенно спокойна; и — знаешь, Мэри? — я готова понять твоего мужа. Не мужское дело — нянчиться с детьми. В этом они не сильны. Заботы о больном ребенке всегда ложатся на мать — таково уж материнское сердце.

— Полагаю, я не меньше других матерей люблю своего ребенка, но едва ли для больного от меня больше проку, чем от Чарлза; когда ребенок болен, я не могу вечно одергивать его и на него кричать. А ведь ты сама видела — только я ему скажу, чтоб лежал смирно, и он начинает вертеться. Я просто изнемогаю.

— Но разве могла бы ты веселиться, оставив его на весь вечер?

— А вот и могла бы. Сама видишь — папенька его может, а я чем хуже? Джемайма такая заботливая; она бы каждый час посылала нам известия. И почему Чарлз не сказал своему отцу, что мы все будем? Я теперь не больше его тревожусь за малыша. Вчера я ужасно тревожилась, а нынче все другое.

— Если, по-твоему, еще не поздно, пойдй, пожалуй. Оставь малыша на мое попечение. Миссис и мистер Мазгроув не обидятся, если я с ним останусь.

— Ты не шутишь? — вскричала Мэри, и глаза у нее заблестели. — Боже! Очень верная мысль, удивительно верная мысль! Собственно говоря, отчего бы мне не пойти, ведь проку от меня здесь никакого — не правда ли? Я только понапрасну себя мучаю. Ты избавлена от терзаний матери, и ты гораздо больше здесь у места. Ты из

маленького Чарлза можешь веревки вить, он всегда тебя слушается. Разумеется, так гораздо лучше, чем оставлять его на Джеммайму. О! Ну конечно, я пойду; почему мне и не пойти вместе с Чарлзом, ведь они так хотели, чтобы я познакомилась с капитаном Уэнтуртом, а ты не прочь побыть одна. Очень верная мысль, какая же ты умница, Энн. Пойду скажу Чарлзу и тотчас переоденусь. Ты ведь пошлешь за нами сразу, в случае чего; но все будет хорошо, я совершенно спокойна. Уж не сомневайся, я бы не пошла, не будь я совершенно спокойна за своего ребенка.

Минуту спустя она уже стучала в гардеробную своего мужа, и Энн, последовав за нею наверх, стала свидетельницей разговора, начавшегося радостным сообщением Мэри:

— Чарлз, я, пожалуй, пойду с тобою, ведь проку от меня в доме не больше, чем от тебя. Заточи я себя с ним хоть навеки, он все равно не будет меня слушаться. Энн остается с ним; Энн хочет остаться и за ним ухаживать. Энн сама предложила; а я, пожалуй, пойду с тобой. Так-то оно лучше, ведь я со вторника не обедала в Большом Доме.

• — Энн очень добра,— отвечал ее муж.— И я буду рад, если ты пойдешь со мною; но не слишком ли жестоко оставлять ее одну с нашим больным ребенком?

Энн тотчас привела собственные доводы, и ей, впрочем, ценой весьма малых усилий удалось своею искренностью сломить его сопротивление. Без дальнейших угрызений совести он смирился с тем, что она будет обедать одна, правда, выражая желание, чтобы она присоединилась к ним позже, и прося разрешения за нею зайти. Она, однако же, была непреклонна и весьма скоро имела удовольствие распрощаться с довольной четой. Она надеялась, что они весело проведут вечер, каким бы странным ни показалось такое веселье. Самой же Энн оставалось самое большое утешение, какое, верно, и было ей суждено. Она знала, что нужна больному ребенку; и что ей за дело, если Фредерик Уэнтурт в полумиле от нее занимает других приятной беседой?

Она гадала, с какими чувствами думал он о предстоявшей им встрече. С безразличием, быть может, если безразличие возможно в таких обстоятельствах. С безразличием или с недовольством. Ведь пожелай он увидиться с ней, ему незачем было бы ждать так долго; он поступил бы так, как непременно поступила бы она на его месте, он искал бы свиданья давным-давно, когда обрел он независимость, которой одной и недоставало для их счастья.

Сестра и зять вернулись, очарованные новым знакомством и тем, как провели они вечер. Уж они и музицировали, и пели, весело болтали, хохотали — вечер был приятнейший. Капитан Уэнтуорт мил до чрезвычайности, не дичится, не конфузится, они словно век целый были знакомы, и завтра же утром он обещал охотиться вместе с Чарлзом. Он придет к завтраку, но нет, не на Виллу, хотя они первые его пригласили, да потом его стали сманивать в Большой Дом, и он боялся помешать Мэри, раз у нее на руках больной ребенок, словом, почему-то, неизвестно почему, они в конце концов условились встретиться с Чарлзом за завтраком у его отца.

Энн все поняла. Он не хотел ее видеть. Он, оказалось, справлялся о ней, но вскользь, как и подобало после давнего и шапочного знакомства, о котором упомянул он, как и она, конечно, чтобы избавить себя и ее от неловкости, ибо иначе его стали бы ей представлять.

На Вилле утро тянулось всегда дольше, чем в Большом Доме, так было и на сей раз, и Энн с Мэри только еще собирались завтракать, когда Чарлз явился сказать, что они отправляются, что он пришел за собаками, а сестрицы с капитаном Уэнтуортом идут следом; сестрицы желают поведать ребенка, а капитан Уэнтуорт хотел бы засвидетельствовать Мэри свое почтение, если этим ей не помешает, и, хотя Чарлз убеждал его, что ребенок вовсе не так уж плох и он, капитан, ничуть не помешает матери, тот не решался показаться, не предупредив ее.

Мэри, довольная вниманием капитана, тотчас выказала готовность принять его, в то время как Энн обуревали тысячи разных мыслей, из которых самая утешительная была та, что визит не продлится долго. И он долго не продлился. Через две минуты после предупреждения Чарлза они явились; их приняли в гостиной. Она избегала взглядом капитана Уэнтуорта. Он поклонился; она присела; она услышала его голос; он говорил с Мэри и сказал все, что положено в подобных случаях; он что-то сказал барышням, что выдавало милую непринужденность отношений; казалось, гостиная полна, полна людей и голосов, и вот через несколько минут сразу все кончилось. В окно заглянул Чарлз, сказал, что все готово, гость откланялся, и барышни ушли тоже, вдруг решив проводить охотников до околицы; гостиная опустела, и Энн осталась только завершить свой завтрак.

— Позади, позади! — взволнованно твердила она про себя, благодарная судьбе за эту милость.— Худшее позади!

Мэри болтала, Энн отвечала наобум и невпопад. Она повидала его. Они встретились. Они были под одной крышей.

Скоро, однако, она стала унимать свое волненье. Восемь лет, почти восемь лет минули с тех пор, как все было кончено. Не безумие ли вновь предаваться чувству, которое свели на нет годы и дали? Восемь лет — шутка ли? Полные событий, расхождений и перемен — все, все унес-

ли они с собою, взамен неся забвение былого, как непреложное, верное следствие. Ведь это треть целая всей ее жизни.

Увы! Вопреки всем этим уговорам, восемь лет оказывались не властны над упрямым сердцем.

Да, но что испытывал он? Решил избегать ее? Но тотчас она уже казнила себя за самый вопрос.

Другим вопросом, от которого, верно, не удержали бы ее никакие разумные рассуждения, она, к счастью, не успела задаться, ибо, едва барышни, проводив охотников и опять заглянув на Виллу, благополучно отбыли вновь, Мэри услужливо ей сообщила:

— Знаешь, Энн, капитан Уэнтуорт не очень лестно отнесся о тебе, а передо мной-то как рассыпался. Генриетта спросила, как он тебя находит, и он ей сказал: «Так переменялась, что и не узнать».

Мэри не имела обыкновения щадить чувства сестры, но, разумеется, сейчас и не догадывалась о том, как больно она ее ранит.

«Переменялась до неузнаваемости», — соглашалась Энн с молчаливой мукой. В этом не было сомнений, и она не могла даже утешиться мыслью о том, что и он переменялся. Уж во всяком случае, не к худшему. Она успела в этом убедиться и не могла изменить своего суждения, что бы ни говорил о ней самой капитан Уэнтуорт. Нет, годы, сгубившие цвет ее юности, его чертам лишь придали возмужалости, ничуть не нарушая очарованья. Она видела пред собою прежнего Фредерика Уэнтуорта.

«Так переменялась, что и не узнать!» — эти слова не могли не запасть в ее память. И скоро она уже радовалась, что услышала их. Слова эти отрезвляли; охлаждали пыл души; они успокаивали, а ведь покой — замена счастья.

Фредерик Уэнтуорт сказал эти или очень похожие слова, никак не думая, что их передадут Энн. Он нашел, что годы жестоко ее переменяли; и когда его спросили о ней, так и отвечал без утайки. Он не простил Энн Эллиот. Она обошлась с ним дурно, предала его и разочаровала; хуже — она выказала такую слабость характера, какой он, со своим честным и открытым нравом, не мог извинить. Она бросила его в угоду другим. Она чересчур покорно поддалась доводам рассудка. А уж это мало-душие.

Он был предан ей всей душою и не встречал потом женщины, какую мог бы поставить с нею рядом; но кроме простого любопытства, ничто не подстрекало в нем же-

лания вновь ее увидеть. Власть ее над ним кончилась совершенно.

Теперь он намеревался жениться. Он был богат и, воротясь на сушу, собирался зажить своим домом при первой же соблазнительной возможности; он осматривался вокруг, готовый влюбиться, как только позволят ясная голова и верный вкус. Он готов был отдать свое сердце любой из барышень Мазгроув, буде они сумели бы его уловить; словом, всякой встретившейся на его пути привлекательной юной особе, исключая Энн Эллиот. Об этом исключении умолчал он, подтверждая предположения своей сестры.

— Да, Софи, твоя правда, я могу жениться очертя голову. Каждая девушка от пятнадцати и до тридцати может рассчитывать на мое предложение. Недурное личико, несколько улыбок, несколько комплиментов флоту — и я попадусь в сети. Да едва ли на большее может и рассчитывать моряк, так долго обходившийся без женского общества, которое одно человека и облагораживает.

Она поняла, что он ждет ее опровержений. Ясный гордый взор его выражал счастливую уверенность в том, что он достаточно облагорожен; и, уж верно, не без мысли об Энн Эллиот со всею серьезностью описал он далее женщину, с которой хотел бы соединить судьбу. «Тонкий ум вместе с нежною душою», — так он начал и кончил свое описание.

— Вот какая нужна мне женщина, — сказал он. — Разумеется, я соглашусь несколько сбавить требования, но лишь чуть-чуть, не более. Если я глупец, то, видно, глупцом и останусь, ибо я куда чаще большинства мужчин раздумывал об этом предмете.

ГЛАВА VIII

той поры капитан Уэнтворт и Энн Эллиот вращались в одном кругу. Скоро случилось им вместе обедать у Мазгроувов, ибо здоровье мальчика не поставляло более тетушке предложения для отсутствия; и это положило начало долгой череде обедов и встреч.

Теперь проверялось, может ли возродиться прежнее; оба не могли не вспомнить былого; к нему то и дело

обращались; он не мог не поминать год помолвки, пускаясь в свои рассказы и описания; следуя своей моряцкой судьбе и повинуюсь душевной потребности, несколько раз в течение первого же вечера назвал он шестой год: «Это было в шестом году, это случилось еще до того, как я ушел в море в шестом году». И хотя голос его не дрогнул, и хотя у нее не было решительно никакой причины полагать, будто при этих словах он пронзил ее взглядом, Энн, зная его и его сердце, тотчас поняла, что его, как ее самое, посетили воспоминания. Ему в голову, бесспорно, пришли те же мысли, что и ей, не причинив, разумеется, той же боли.

Меж собой они не разговаривали, сообщаясь не более, чем требовала простая учтивость. Прежде столь дорогие друг другу! И теперь друг для друга никто! А ведь было же время, когда из наполнявших теперь залу в Апперкроссе гостей им двоим труднее всех было бы друг с другом наговориться. Исключая, быть может, адмирала и миссис Крофт, совершенно счастливых и дружных (другого такого исключения Энн не допускала и среди женатых пар), не было здесь двух сердец столь же открытых, вкусов столь же общих, чувств столь же согласных и столь же ненаглядных двух лиц. И вот они чужие; нет, хуже еще, чем чужие, ибо им сойтись не суждено. Это отчуждение навеки.

Когда он говорил, она узнавала прежний голос, угадывала прежнюю душу. Собравшиеся были в совершенном неведении касательно флота; рассказ капитана поминутно прерывали вопросами, особенно барышни Мазгроув, не сводя с него глаз, то и дело спрашивали о жизни на борту, и что там едят, и как спят, и тому подобное; и, если они изумлялись, узнавая, как удобно и разумно все там устроено, он отвечал им ласковой усмешкой, напоминавшей Энн о временах ее собственного неведения, когда ее обвиняли в том, что она полагает, будто моряк на судне принужден обходиться без еды, без повара, который бы ее страпал, без слуг, которые бы ее подавали, и даже без ножа и вилки.

Она слушала и предавалась размышлениям, которые перебил громкий шепот не сдержавшей нежных сетований миссис Мазгроув:

— Ах, мисс Энн, если б небесам угодно было пощадить моего бедного сына, он бы теперь решительно переменялся!

Энн сдерживала улыбку, терпеливо выслушивала мис-

сие Мазгроув, продолжавшую изливать свое сердце, и таким образом потеряла нить общей беседы.

Когда же ей удалось наконец вновь направить свое внимание на то, что несколько более ее занимало, мисс Мазгроув уже явилась в гостиную с «Флотскими ведомостями» (в Апперкроссе вдруг оказались «Флотские ведомости») и углубилась в них, выражая намерение разыскать те суда, какими командовал капитан Уэнтуорт.

— Первое ваше судно, помнится, «Змей»; что ж, поимем «Змея».

— Вы его тут не отыщете. Он вконец износился и списан. Я последний им командовал. Он уж тогда никуда не годился. Считалось, однако, что он еще год-другой может походить в ближних водах, вот нас с ним и послали в Вест-Индию.

Девушки были само изумление.

— Адмиралтейство,— продолжал он,— любит позабавиться, посылая несколько сотен парней в море на утлой посудине. У них столько разных хлопот, и где уж различать среди вверенных им тысяч жизней, какой меньше хватятся на берегу.

— Ну и ну! — вскричал адмирал.— И чего только современная молодежь не мелет! Да лучше «Змея» в славы его деньки и корабля не было! Среди всех старых судов нет ему равного! Спасибо надо бы сказать за такой корабль! Человек двадцать, и с большими заслугами, на него метили. Спасибо сказал бы, юноша, что так быстро корабль получил, ведь не бог весть как тогда успел и отличиться!

— Я очень ценю свое счастье, поверьте, адмирал,— задумчиво отвечал капитан Уэнтуорт.— Я весьма рад был своему назначению. Мне тогда позарез надо было уйти в море, необходимо было чем-то заняться.

— Еще бы. И зачем такому молодцу было торчать на берегу полгода целых? Нет, когда у человека нет жены, его так и тянет в море.

— Ах, капитан Уэнтуорт,— вскричала Луиза,— воображаю, как вы сердились, разглядев, что за рухлядь вам подсунули!

— Но я знал давно, что такое «Змей»,— отвечал он улыбаясь.— Я столь же много мог в нем обнаружить нового, сколь вы обнаружите нового в заслуженной старой ротонде, которую надевали по случаю дождя чуть ли не все знакомые ваши, когда вдруг в очень дождливый день ее придется надеть и вам. Ох! Для меня он был доб-

рым старым Змеем. Он исполнял все мои прихоти. Я знал, что так будет. Я знал, что либо нам вместе суждено пойти ко дну, либо он мне во всем покорится; вдобавок, пока я на нем ходил, ни разу не выпало двух штормовых суток кряду; я ловил каперов в свое удовольствие, а на пути домой следующей осенью снова мне посчастливилось — я наткнулся на тот самый французский фрегат, за каким гонялся. Я привел его в Плимут; и снова мне выпало счастье. Мы и шести часов не простояли в Зунде, как на четыре дня целых зарядил такой шторм, который и за два дня доконал бы бедного «Змея». Близость Великой Державы ничуть бы нас не выручила. И еще через сутки я стал бы доблестным капитаном Уэнтуортом в траурной рамке в углу газетного листа; а раз я погиб на утлом суденышке, никто обо мне бы и не печалился.

Энн лишь в душе содрогнулась; барышни Мазгроув, напротив, предались сетованиям, столь же громким, сколь и неподдельным.

— И, верно, тогда-то,— проговорила миссис Мазгроув тихо, словно размышляя вслух,— тогда-то он и перешел на «Лаконию» и познакомился с нашим бедным мальчиком. Чарлз, голубчик (подозвав его), спроси-ка у капитана Уэнтуорта, где познакомился он с твоим несчастным братом. Я вечно путаю.

— Да я помню, матушка, это в Гибралтаре. Дика ото-слали больного в Гибралтар с рекомендательным письмом от прежнего капитана к капитану Уэнтуорту.

— Ох, Чарлз, и скажи ты капитану Уэнтуорту, пусть не стесняется упоминать при мне бедняжку Дика, мне даже приятно слушать, когда о нем толкует такой преданный друг!

Чарлз, не вполне убежденный в том, что дело обстояло таким именно образом, в ответ лишь кивнул и ретировался.

Девицы уже рыскали по страницам в поисках «Лаконии»; и капитан Уэнтуорт, не в силах отказать себе в этом удовольствии, избавляя их от трудов, взял бесценный том в собственные руки и в который раз прочел статейку, упоминавшую о названии, достоинствах и нынешней непригодности «Лаконии», заметив кстати, что и она сослужила ему верную службу.

— Эх, славные были деньки, когда я ходил на «Лаконию»! Как быстро я на ней разбогател! С одним другом моим мы так славно водили ее на Гебриды! Бедный Харвил! Уж как ему нужны были деньги — больше даже, чем мне.

Он был женат. Превосходнейший малый! Никогда не забуду, как он радовался. Оно и понятно. Мне так его недоставало на другое лето, когда в Средиземном море снова выпало счастье.

— Поверьте, сударь,— сказала миссис Мазгроув,— для нас тоже был счастливым тот день, когда вас поставили капитаном на этот ваш корабль. Мы уж вам не забудем того, что вы для нас сделали.

Голос ее прерывался от волнения; и капитан Уэнтуорт, не вполне поняв слова ее и, верно, решительно позабыв про Дика Мазгроува, глянул несколько озадаченно, словно ожидал продолжения.

— Это про моего брата,— шепнула одна из девиц,— маменька говорит про бедного Дика.

— Бедный мальчик,— продолжала меж тем миссис Мазгроув,— он так остепенился, так исправно стал писать, когда попал под ваше начало. Как бы хорошо, если б он вовек с вами не расставался. Уж мы так горюем, капитан Уэнтуорт, что он упорхнул из-под вашего крылышка.

При сих словах в лице капитана Уэнтуорта мелькнуло такое выражение, так сверкнули ясные глаза его, так дрогнул прекрасный рот, что Энн тотчас поняла, что не только он не разделял сожалений миссис Мазгроув касательно Дика, но, верно, не без труда в свое время от него отделался; однако уступка эта легкомыслию была столь мгновенна, что, не зная его так глубоко, как знала Энн, остальные ничего и не заметили; и в следующую уже секунду он совладал с собой, почти сразу подошел к дивану, на котором сидели сама она и миссис Мазгроув, сел рядом с последней и вступил с нею в тихую беседу о ее сыне с добротой и участием, свидетелевавшими об искреннем уважении ко всему, что есть истинного и вовсе не смешного в родительских чувствах.

Да, они оказались на одном диване, ибо миссис Мазгроув услужливо подвинулась, давая ему место; лишь миссис Мазгроув их разделяла. Преграда, надо признаться, довольно внушительная. Миссис Мазгроув обладала весьма основательными формами, приспособленными природою куда более для выражения радости и веселья, нежели для томности и печали; и в то время, как подергивания стройного стана и задумчивого лица Энн были надежно укрыты, капитану Уэнтуорту бесспорно следует отдать должное за то самообладание, с каким выслушивал он обильные тяжкие вздохи над судьбою сына, при жизни своей мало кого занимавшего.

Внешний наш объем и объем скорбей наших не должны составлять неперменной пропорции. Грузная, весомая особа столько же имеет права на глубину чувства, сколько имеет их обладательница сублимнейшей на свете талии. Но справедливо это или нет, а бывают несоответствия, которые напрасно пытается примирить наш разум; которым противится наш вкус; которые так и напрашиваются на усмешку.

Адмирал, несколько раз прошедшийся для разминки по комнате, заложив руки за спину, и призванный наконец к порядку супругой, приблизился к капитану Уэнтурту и, ничуть не заботясь о том, уместно ли его вторжение, всецело-занятый собственными мыслями, начал так:

— Случись тебе весной на недельку застрять в Лиссабоне, Фредерик, тебе бы пришлось принять на борт леди Мэри Грифсон с дочкой.

— В самом деле? Вот и прекрасно, что я там не застрял!

Адмирал обвинил его в недостатке рыцарских чувств. Он защищался; признавая, однако, что не хотел бы видеть *дам на своем судне, иначе как на балу или с визитом, который длился бы часа два, не более.

— Но если мне позволено судить самому,— заключил он,— происходит это не от недостатка рыцарства. Скорей от убеждения, что при всех усилиях и жертвах нельзя создать на борту корабля необходимых женщине удобств. Полагаю, не от недостатка рыцарства, адмирал, считают, что женщина нуждается в больших по сравнению с нами удобствах? Нет, мне неприятно узнавать, что где-то на борту женщины, неприятно видеть их на борту; будь на то моя воля, я не пускал бы их на борт.

Тут сестра на него напустилась.

— Ох, Фредерик! Право, уму непостижимо! Ну что за тонкости такие! Женщина может чувствовать себя на борту ничуть не хуже, чем в самом удобном английском доме. Уж кто-кто, а я-то достаточно времени провела в море и ни на что не променяю жизни на военном корабле. Нигде, никогда, даже и в самом Киллинч-холле (мило кивая Энн), не находила я больших удобств, чем на всех почти кораблях, где жила; а было их всего пять.

— Ты дело другое,— возразил ей брат.— Ты была со своим мужем и единственная на корабле женщина.

— Да ты же сам, а не кто-нибудь, перевез миссис Харвил, сестру ее, кузину и троих детей из Портсмута

в Плимут? Куда ты подевал тогда свое невиданное, тонкое понятие о рыцарстве?

— Все победила дружба, Софи. Чего не сделаешь для жены своего брата-офицера, чего не доставишь с конца света ради своего друга Харвила. Но я понимал, поверь, что само по себе это дурно.

— Поверь, они чувствовали себя на борту превосходно.

— Что из того? Такая уйма женщин и детей даже не вправе чувствовать себя на борту превосходно.

— Милый Фредерик, ну что ты такое говоришь, в самом деле. Господи, да что случилось бы с нами, бедными моряцкими женами, которые то и дело рвутся вслед мужьям, когда бы все рассуждали, как ты?

— Рассуждения мои, видишь ли, не помешали мне доставить миссис Харвил со всем семейством в Плимут.

— Экой ты, право, заладил свое, как тонкий господин, для которого женщины все тонкие дамы, а не люди разумные. Бури в нашей жизни никого не минут.

— Полно, душа моя,— заметил адмирал.— Погоди, он женится и совсем другую запоеет песню. Когда он будет женат, а мы с тобой сподобимся дожить до новой войны, вот тогда ты увидишь, он поведет себя точно так, как ты, да я, да все. Премного будет благодарить всякого, кто доставит к нему на борт жену.

— Уж не иначе.

— Сдаюсь,— воскликнул капитан Уэнтуорт.— Когда люди женатые нападают на меня: «Погоди, женишься, запоешь по-иному», я могу только возразить «ничего подобного», а они в ответ «вот увидишь», и так без конца.

Он поднялся с дивана и перешел в дальний угол гостиной.

— Как вы, верно, много на своем веку путешествовали, сударыня! — обратилась миссис Мазгроув к миссис Крофт.

— Да, сударыня, немало пришлось поплавать за те пятнадцать лет, что я замужем; хотя многие женщины и больше моего путешествовали. Четыре раза пересекала я атлантические воды, а однажды курсировала в Ост-Индию и обратно, но лишь однажды; да и у родных берегов где только ни побывала: и Корк, и Лиссабон, и Гибралтар. А вот за Стрейтс забираться не доводилось, и в Вест-Индии я не побывала. Мы ведь, знаете ли, Бермудские и Багамские острова Вест-Индией не называем.

Миссис Мазгроув решительно не могла ее оспаривать, ибо ей самой во всю жизнь ее ни разу не случилось называть эти острова совершенно даже никоим образом.

— И поверьте, сударыня,— продолжала миссис Крофт,— ничего нет удобнее военного корабля; я говорю, конечно, о крупных. На фрегате, признаться, стесненнее себя чувствуешь; хотя женщина разумная и там сумеет превосходно обосноваться; смело могу сказать, лучшие дни моей жизни протекли на борту. Когда мы вместе, знаете ли, мне ничего не страшно. Слава тебе господи! Здоровьем я всегда пользовалась отменным, климат мне любой ни-почем. Первые сутки в море, бывает, помучаешься немного, а уж там и забудешь, что такое морская болезнь. Единственный раз, когда я томилась душою и телом, единственный раз, когда я маялась, воображая себя больной и не находя покоя,— это в ту зиму, когда я торчала одна в Диле, а мой адмирал (тогда-то еще капитан Крофт) был в Северном море. Вот когда я страху натерпелась и каких только немощей себе не насочиняла, оттого что не знала, куда себя деть и когда я опять получу от него восточку; а когда мы вместе, ничего у меня не болит и я всегда покойна.

— Да, верно! Ваша правда. Я совершенно того же мнения, миссис Крофт,— от души поддержала ее миссис Мазгроув.— Хуже нет разлуки. Я совершенно того же мнения. Уж я-то знаю, ведь мистер Мазгроув вечно ездит по этим своим сессиям, и я жду не дожусь, бывает, когда они кончатся и он явится домой в целости и сохранности.

Вечер завершился танцами. Едва зашла о них речь, Энн, как всегда, предложила свои услуги; и, хотя на глаза ей то и дело набегали слезы, пока она сидела у фортепьян, она радовалась, что может быть полезна, и хотела только, чтобы ее не замечали.

Вечер на редкость удался, и более всех веселился, кажется, капитан Уэнтуорт. Она чувствовала, что все возбуждало его, как только может возбуждать общее восхищение, и особенно восхищение юных женщин. Молоденькие мисс Хейтер, барышни из уже упомянутого нами семейства, кажется, сподобились чести в него влюбиться; что же до Генриетты и Луизы, то обе так всецело были им поглощены, что, когда бы не всегдашнее впечатление совершенного их согласия меж собою, можно бы решительно почесть их ярыми соперницами. И что удивительного, если даже его чуть-чуть портило столь всеобщее, столь восторженное поклонение?

Таким или таким приблизительно мыслям предавалась Энн, покуда пальцы ее были заняты работой, ударяя по

клавишам полчаса кряду бессознательно и без ошибок. Один только раз заметила она, что он на нее смотрел, разглядывал угасшие черты, быть может, стараясь различить в них то лицо, что некогда его очаровало; и один раз она поняла, что он о ней спрашивал; она об этом бы не догадалась, если б не услышала ответа; а уж по ответу она поняла, что он спрашивал у собеседницы, танцует ли мисс Энн. Ответ был: «Ах нет. С танцами она давно покончила. Теперь она играет. Никогда не устает играть». А еще один раз он с ней заговорил. Она встала из-за клавесина и отошла в дальний угол гостиной, когда кончились танцы, и он сел на ее место, чтобы проиграть какую-то арию, о которой толковал барышням Мазгроув. В рассеянии она снова приблизилась к клавесину; завидя ее, он встал и сказал с подчеркнутой учтивостью:

— Прошу простить меня, сударыня, я занял ваше место.— И хотя она тотчас отпрянула, отнекиваясь, он ни за что не соглашался снова сесть.

С нее довольно было и взглядов этих и речей. Его холодная вежливость, натянутое доброжелательство были для нее ужаснее всего на свете.

ГЛАВА IX

Капитан Уэнтурт явился в Киллинч как к себе домой, намереваясь пожить там сколько проживется, ибо адмирал дарил его тем же родственным расположением, как и его супруга. Сначала намеревался он было в скором времени навеститься в Шропшир и навестить обосновавшегося там брата, но прелесть Апперкрасса заставляла его откладывать свое намерение. В оказываемом ему приеме было столько радущия, столько чистосердечного восторга и прочих обольщений; старики так его зазывали, а молодежь так ему радовалась, что ему оставалось лишь задерживаться, где он был, и принимать и долее на веру все добродетели и совершенства молодой супруги Эдварда.

Скоро стал он в Апперкроссе почти ежедневным гостем. С каким бы рвением ни приглашали его Мазгроувы, едва ли он с меньшей готовностью принимал приглашение, особенно поутру, когда в Киллинче ему не с кем было перемолвиться словом, ибо адмирал и миссис Крофт обык-

новенно отправлялись вместе озирать новые свои владения, свои луга, своих овец, и притом нестерпимо долго топтались на одном месте, либо тряслись в двуколке, которой недавно обзавелись они для этих надобностей.

Мнение о капитане Уэнтуорте среди Мазгроуов и их гостей сложилось единодушное. Все им восхищались; но едва успели утвердиться эти милые непринужденные отношения, как вернулся некто Чарлз Хейтер, которого они весьма озадачили и который весьма мало обрадовался капитану Уэнтуорту.

Чарлз Хейтер был самый старший из кузенов, чрезвычайно обходительный и достойный молодой человек, которого, казалось, связывала с Генриеттой нежная привязанность, покада не объявился капитан Уэнтуорт. Он принял духовный сан; и имея приход в близком соседстве, где жить ему не было нужды, он оставался в родительском доме, всего в двух милях от Апперкрасса. Ненадолго отлучась из дому в эти знаменательные дни, он оставил любезную без присмотра и, воротясь, имел неудовольствие обнаружить перемену в ее чувствах и присутствие капитана Уэнтуорта.

Миссис Мазгроув и миссис Хейтер были сестры. У обеих были свои средства, но, выйдя замуж, оказались они в неравном положении. У мистера Хейтера хотя и было кой-какое состояние, но ничтожное в сравнении с мистером Мазгроуовом; и если Мазгроуовы принадлежали к самому избранному кругу местного общества, юные Хейтеры, при глухом, скудном и темном образе жизни родителей своих и при изъянах собственного воспитания, едва ли вообще могли принадлежать к какому-то его кругу, если б не укрепление родственных уз с Апперкрассом, на какое и рассчитывал, натурально, старший сын, избравший возвышенную стезю теологии и далеко обскакавший братьев и сестер по части образованности и манер.

Оба семейства всегда жили в ладу, не опускаясь ни до зазнайства с одной стороны, ни до зависти с другой, и лишь барышни Мазгроув, сознавая свое превосходство, с готовностью совершенствовались кузин и кузенов. Внимание, оказываемое Чарлзом Генриетте, было замечено и отцом ее и матерью без малейшего неодобрения. «Не бог весть какая партия для Генриетты, но если он ей нравится... — а он нравился Генриетте.

Так думала она сама, покада не явился капитан Уэнтуорт; но с той поры бедный кузен Чарлз был почти полностью забыт.

Какая же из двух сестриц пользовалась большим расположением капитана Уэнтурта, Энн покуда не могла заключить из своих наблюдений. Генриетта обладала более хорошеньким личиком, Луиза отличалась живостью; но теперь уже Энн не понимала, более тихий или более резвый нрав скорее способен его привлечь.

Мистер и миссис Мазгроув, то ли ничего не замечая, то ли целиком полагаясь на скромность обеих своих дочерей и всех молодых людей, их окружавших, казалось, все оставляли на волю провиденья. В Большом Доме вовсе не говорили и, казалось, не пеклись о возможном течении событий; по-другому было на Вилле; молодые супруги были весьма расположены судить и рядить; не успел еще капитан Уэнтурт четыре или пять раз побывать в обществе барышень Мазгроув, и не успел воротиться Чарлз, а Энн довелось уже выслушивать соображения зятя и сестрицы о том, какая же из двух более ему подходит. Чарлз признавал преимущество за Луизой, Мэри — за Генриеттой, но оба сходились на том, что для любой составит он блистательную партию.

Чарлз в жизни, ей-богу, не видывал столь приятного человека; и по тому, что сам он слышал из уст капитана Уэнтурта, можно заключить, что тот нажил за войну не менее двадцати тысяч фунтов. Состояние немалое; а ведь какую сумму он еще и на будущей войне, поди, сколотит, ибо (по мнению Чарлза) кто-кто, а уж капитан Уэнтурт в морском сражении сумеет отличиться. Да, капитальнейший был бы брак для любой из сестер.

— Еще бы,— отвечала Мэри.— Господи! Вот сподобился бы он вдобавок самой высокой чести! Сделали бы его баронетом! «Леди Уэнтурт» неплохо звучит. Совсем даже неплохо для Генриетты! Она бы тогда заняла мое место, а она бы, пожалуй, не прочь! Сэр Фредерик и леди Уэнтурт... Правда, это будет новоиспеченный титул, а новоиспеченные титулы я невысоко ставлю.

Мэри предпочитала думать о Генриетте как об избраннице еще и по причине искательства Чарлза Хейтера, которое весьма хотела бы она видеть отвергнутым. Хейтеров она решительно почитала ниже себя и в предполагаемом укреплении родственных уз усматривала весьма прискорбное для себя и детей своих обстоятельство.

— Знаешь ли,— говорила она,— по мне, он решительно не годится в мужья Генриетте; принимая во внимание новые родственные узы семейства Мазгроув, она вообще не имеет права так беспечно собою распоряжаться. По

мне, девице не пристало вступать в союз, который унижал бы *других* членов ее семейства и обрек бы их на такие связи, к которым вовсе они не привыкли. Боже, да кто он такой — Чарлз Хейтер? Сельский попик, ничего более! Совершенно неподходящая партия для мисс Мазгроув из Апперкрасса.

В этом супруг ее, однако, никак не мог с нею согласиться; ибо Чарлз Хейтер, уважая своего кузена, был к тому же и старший сын, а Чарлз Мазгроув, будучи и сам старший сын, умел ценить это обстоятельство.

— Нет, Мэри, ты говоришь глупости,— был, следовательно, его ответ.— Разумеется, для Генриетты Чарлз не ахти какая партия, но ему, очень может статься, через Спайсеров в скором времени кое-что перепадет от епископа, и не забудь, пожалуйста, он старший сын; после дядюшкиной смерти он наследует порядочное состояние. В Уинтропе не менее двухсот пятидесяти акров, да еще ферма возле Тонтонна, самая добрая земля во всей округе. Твоя правда, кроме Чарлза, все они недостойны Генриетты; попросту никуда не годятся; он один ее стоит; зато уж он в полном смысле слова превосходный малый. Как только Уинтроп попадет в его руки, он из него сделает совсем иное имение, заживет по-иному; и, с такими средствами, никому уже не придется его презирать. Нет, нет. Для Генриетты Чарлз Хейтер вовсе недурная партия. И если она пойдет за него, а Луиза — за капитана Уэнтуорта, я, право же, очень буду доволен.

— Пусть Чарлз говорит что хочет,— сказала Мэри сестре, как только муж вышел за дверь,— ужасно, если Генриетта пойдет за Чарлза Хейтера. Для нее плохо, а для меня и того хуже; и потому хорошо бы капитан Уэнтуорт поскорей заставил ее выбросить его из головы, а я просто уверена, что дело к тому и клонится. Вчера она Чарлза почти не замечала. Поглядела бы ты на нее! Ну, а насчет того, что капитану Уэнтуорту Луиза нравится, дескать, больше Генриетты, так это вздор, вздор и вздор; потому что Генриетта ему гораздо больше нравится. Чарлзу лишь бы спорить! Жаль, тебя вчера не было, ты бы нас рассудила; ты взяла бы мою сторону, я уверена, если б только нарочно не вздумала мне перечить.

За обедом у мистера Мазгроува Энн предоставлялся случай своими глазами во всем этом убедиться; она, однако ж, осталась на Вилле, ссылаясь сразу и на свою головную боль, и на вернувшееся нездоровье племянника. Она одного хотела — уклониться от встречи с капитаном

Уэнтуортом, но возможность избегнуть роли третьейской судьи еще прибавляла привлекательности ее уединению.

Что до капитана Уэнтуорта, она полагала, что куда важней, чтобы он вовремя понял свое сердце, не подвергал опасности счастье и покой ни одной из сестер и не повредил собственной чести, а вовсе не то, предпочитает ли он Генриетту Луизе или Луизу Генриетте. Каждая, по всем вероятностям, могла стать ему любящей, доброй женой. Ну, а относительно Чарлза Хейтера, чувства ее, разумеется, не могли не страдать при виде легкомысленного поведения любой юной особы, а сердце не могло не сочувствовать тем мукам, какие оно причиняло; но если Генриетта поняла, что ошиблась в себе, перемену не вдруг можно было заметить.

Многое в поведении кузины обескураживало и обижало Чарлза Хейтера. При давней их дружбе, она не могла сразу так от него отшатнуться, чтобы он, лишившись последней надежды, никогда уже не показывался в Апперкроссе; однако перемена в ней была, и тем более вызвала она беспокойство, если причиною ее считать такого человека, как капитан Уэнтуорт. Чарлз отлучался всего на два воскресенья и при расставании сумел весьма и весьма заинтересовать Генриетту своими рассуждениями о том, что скоро сможет он покинуть нынешний свой приход и обосноваться в Апперкроссе. Тогда для нее было весьма и весьма важно, чтобы преподобный Ширли, здешний настоятель, более сорока лет ревностно исправлявший все возложенные на него священные обязанности, но для иных уже несколько одряхлевший, решился бы наконец взять себе помощника; выхлопотал бы для него условия получше и определил на эту должность Чарлза Хейтера. То, что он будет служить в Апперкроссе, а не одолевать всякий раз шесть миль; что он получит несравненно лучший приход; что он сподобится служить с бесценным преподобным доктором Ширли, а милый дорогой преподобный Ширли будет избавлен от обязанностей, которые ныне он, бедненький, исполняет с таким трудом,— чрезвычайно умиляло даже Луизу, а уж о Генриетте и говорить нечего. Но вот он воротился и — увы! Интерес к предприятию его улетучился. Луиза вовсе не стала слушать, когда пытался он пересказать ей свою беседу с преподобным Ширли; она стояла у окна, высматривая капитана Уэнтуорта; но даже и Генриетта, кажется, могла уделить ему лишь часть своего внимания, полностью, как видно, позабыв о собственных опасениях и чаяниях, связанных с этими переговорами.

— А, ну что же, я рада; но так я всегда и рассчитывала; я думала, ты тоже уверен. Я и предполагать не могла, что... словом, доктору Ширли нужен ведь помощник, и ведь он тебе обещал... Да где же он, Луиза?

Как-то поутру, вскоре после того обеда у Мазгроуов, на котором Энн не была, капитан Уэнтуорт вошел в гостиную Виллы, когда там были только она да лежавший на диване больной маленький Чарлз.

Он так был удивлен, оказавшись чуть ли не наедине с Энн Эллиот, что утратил обычное свое самообладание; он замер, сумел только вымолвить: «Я полагал найти здесь обеих мисс Мазгроув. Миссис Мазгроув сказала, что я их здесь застану»,— и тотчас отошел к окну, чтобы успокоиться и сообразить, как ему лучше вести себя с нею.

— Они наверху, у сестры. Сейчас, верно, спустятся,— отвечала Энн, разумеется, смешавшись; и если б ребенок зачем-то не подозвал ее, она бы выбежала из комнаты, спасая от неловкости и себя и капитана Уэнтуорта.

Он остался у окна и, проговорив спокойно и учтиво: «Я надеюсь, мальчику лучше», погрузился в молчание.

Ей пришлось опуститься на колени возле дивана и оставаться там по требованию своего подопечного; так в обоюдном молчании провели они несколько минут, пока, к великому своему удовлетворению, она не услышала шаги в прихожей. Поворачивая голову, она ожидала увидеть хозяина дома, но оказалось, что это некто, куда менее способный разрядить напряжение,— а именно Чарлз Хейтер, ничуть не более обрадовавшийся, верно, при виде капитана Уэнтуорта, чем сей последний при виде Энн.

Она едва сумела выговорить:

— Здравствуйте. Не угодно ль присесть? Все сейчас будут.

Капитан Уэнтуорт меж тем оторвался от окна, по видимому, не прочь вступить в беседу, но Чарлз Хейтер тотчас пресек его попытки, усевшись у столика и развернув перед собою газету; и капитан Уэнтуорт снова стал смотреть в окно.

В следующую минуту сцена вновь переменилась. Младший мальчуган, редкий забияка и шалун двух лет, которому открыл дверь кто-то снаружи, весьма решительно появился среди них и проследовал к дивану, дабы оценить обстановку и предъявить на что-нибудь свои права.

Коль скоро не обнаружил он ничего съестного, он решил довольствоваться игрой, и, раз тетушка не разрешала ему дразнить больного брата, он обхватил ручками

*In another moment
romance was taking him
from her.*

ее самое так, что, занятая Чарлзом и стоя на коленях, она не имела возможности его стряхнуть. Она его уговаривала, приказывала, улещала, корила — все напрасно. Ей было удалось его оттолкнуть, но тут же он с прежним рвением наскочил на нее сзади.

— Уолтер,— сказала она.— Сейчас же меня отпусти. Ты очень дурно себя ведешь. Я очень сержусь.

— Уолтер,— крикнул Чарлз Хейтер.— Ты почему не слушаешься тетушки? Не слышишь разве, что тетушка тебе говорит? Поди сюда, Уолтер. Поди к дяде Чарлзу.

Уолтер, однако, и бровью не повел.

Но почти тотчас Энн почувствовала, что ее освобождают; кто-то поднял Уолтера, хоть он так на нее налег, что пришлось силой отцеплять от ее шеи крепкие ручонки, и унес его прочь, пока она успела сообразить, что это сделал капитан Уэнтурт.

При таком открытии она совершенно онемела. Она не могла даже благодарить его и продолжала хлопотать над маленьким Чарлзом в полном смятении чувств. Его неожиданная помощь, его молчание, все мелкие подробности происшествия, убеждение, вдобавок вскоре у нее явившееся благодаря шумной возне, которую он намеренно затеял с Уолтером, убеждение в том, что он не желает слышать ее благодарностей, а скорее показывает, что менее всего расположен беседовать с ней,— все это вместе так томило ее, что едва в гостиной показались Мэри и барышни, она передала маленького больного их попечению и вышла из комнаты. Остаться она не могла. Ей представлялась возможность наблюдать любовь и ревность всей четверки — они были в сборе; это ничуть ее не соблазняло. Было очевидно, что Чарлз Хейтер не расположен к капитану Уэнтурту. Она заметила раздраженную нотку в его голосе, когда после вмешательства капитана Уэнтурта он сказал: «Надо было слушаться меня, Уолтер. Я же говорил — не мучай тетушку», и поняла, как он жалеет, что капитану Уэнтурту пришлось сделать то, что должен бы сделать он. Но ни чувства Чарлза Хейтера, ни чьи бы то ни было чувства не могли ее занимать, покуда она не совладала со своими собственными. Ей было стыдно за себя, стыдно, что решительный пустяк мог так болезненно на нее подействовать и чувства ее пришли в расстройство; но так оно было, ничего не поделаешь, и лишь после долгих уединенных размышлений она могла прийти в себя.

ГЛАВА X

Новые возможности для наблюдений не замедлили представиться. Энн довольно бывала в обществе всех четверых, чтобы прийти к мысли, которой, впрочем, она не сообщала ни зятю, ни сестре, не надеясь их ею порадовать; ибо, хоть она и замечала, что Луиза больше нравится капитану Уэнтуорту, по опыту своему и по воспоминаниям она заключала, что он не влюблен ни в одну из сестер. Скорее они были в него влюблены; но и то была не влюбленность; пылкое восхищение. Такое, впрочем, могло, и очень могло, перейти в любовь. Чарлз Хейтер понимал, кажется, что им пренебрегают, но Генриетта порою словно рвалась между двумя кавалерами. Энн много бы дала за власть раскрыть им глаза и остеречь от опасностей, которым они себя подвергали. Злого умысла, однако, она не предполагала ни в ком. С истинным удовлетворением убеждалась она, что капитан Уэнтуорт и не подозревал о боли, какую он причинял. Торжества, презренного торжества она ничуть в нем не замечала. Скорей он не знал и не догадывался о Притязаниях Чарлза Хейтера. Виноват же он был лишь в том, что принимал (да, принимал, вот оно слово) знаки внимания от двух юных женщин сразу.

После краткой борьбы, однако, Чарлз Хейтер, казалось, оставил поле боя. Три дня прошли, а он ни разу не являлся в Апперкроссе; решительное нововведение. Он отклонил даже формальное приглашение на обед, и, так как при сем случае мистер и миссис Мазгроув застали его над толстым фолиантом, они почли, что дело скверно, и с вытянутыми лицами толковали о том, что эдак и до смерти заучиться можно. Мэри от души надеялась, что он получил от Генриетты решительную отставку, муж ее со дня на день ждал его возвращения в Апперкросс, Энн же меж тем находила, что Чарлз Хейтер поступал совсем не глупо.

Однажды утром, в то время, когда Чарлз Мазгроув и капитан Уэнтуорт, по обычаю, отправились вместе стрелять дичь, а сестры на Вилле мирно сидели за рукодельем, к окну их подошли барышни из Большого Дома.

Был ясный ноябрьский день, и барышни совершили свой небольшой переход и остановились у окна с единственной целью сообщить, что собрались в дальнюю прогулку, и выразить сожаление, что Мэри едва ли захочет к ним присоединиться, а когда Мэри, слегка уязвленная

тем, что ее почли неспособной к долгой ходьбе, с живостью отозвалась: «Ох, я очень хочу гулять, я очень люблю дальние прогулки!» — Энн поняла по взглядам, которыми обменялись девицы, что именно этого они хотели всего менее, и снова она подивилась обычаям семейства, где все делалось гласно и сообща, даже вопреки желанию и удобству. Она старалась отговорить Мэри от ее затеи, но напрасно; а уж в таком разе, когда барышни — и куда более искренне — стали звать ее, она почла за благо согласиться, дабы потом повернуть вместе с сестрою обратно и не мешать их удовольствию.

— Не постигаю, почему они решили, будто я не люблю долгих прогулок, — говорила Мэри, спускаясь по лестнице. — Все вечно думают, будто я не вынослива в ходьбе; а ведь сами же и обиделись бы, если б мы им отказали. Ну как откажешь людям, которые вот так приходят тебя умолять?

Когда они уже отправлялись, явились молодые люди. Щенок, которого взяли они с собой, испортил им всю охоту и вынудил раньше времени воротиться. А стало быть, у них был досуг, и силы, и расположенность к прогулке, и они с удовольствием приняли в ней участие. Знай Энн об этом заранее, она осталась бы дома; но любопытство превозмогло, а потому она и сочла, что уж неудобно отказываться, и все шестеро пустились в путь под водительством барышень Мазгроув и в предуказанном ими направлении.

Энн решила никому не мешать, а когда общество поневоле разбредется по узким тропкам, держаться сестры и зятя. Она старалась радоваться самой ходьбе и, глядя на прощальную улыбку года, какою провожал он поблеклые травы и порыжелую листву, перебирала в уме несчетные поэтические описания осени, совсем особенной поры, так воздействующей на воображение и чувства, что всякий сочинитель, достойный сего названия, уж непременно ей посвятил либо несколько нежных стихов, либо прозаический опыт. Она хотела сосредоточиться на размышлениях и цитатах; но, когда обрывки разговора капитана Уэнтурта с обеими барышнями до нее долетали, она не могла и не слушать. Правда, ничего занимательного в беседе покуда она не улавливала. Они весело болтали, как всегда болтают все молодые люди будучи накоротке. Он больше был занят Луизой, нежели Генриеттой, Луиза вызвала в нем, кажется, больше интереса. Интерес этот, кажется, возрастал, и одно замечание Луизы особенно

поразило Энн. Снова отдав, как водится, должное красота́м дня, капитан Уэнтурт продолжал:

— Отличнейшая погода для адмирала и моей сестрицы! Они собирались нынче поехать подальше; быть может, мы еще сможем приветствовать их с какой-нибудь здешней горки. Они в эту сторону собирались. Хотелось бы знать, где же нынче они опрокинутся. О, поверьте, такое с ними случается, и не редко; сестре хоть бы что; ей даже нравится падать.

— Ах, знаю я, вы присочиняете,— воскликнула Луиза.— Но если даже все это правда, я бы вела себя точно так же на ее месте. Если бы я кого полюбила, как любит она адмирала, я вечно была бы с ним, ни на минуту бы его не оставляла, и уж лучше бы он меня опрокидывал, чем любой другой развозил в совершенной безопасности.

Это было произнесено с жаром.

— Вот как? — подхватил он, тоже с живостью.— Это делает вам честь!

И оба умолкли.

Энн не сразу потом могла углубиться в стихи. Пришлось отставить дивные картинки осени и подождать, покуда какой-нибудь печальный сонет, украшенный метким сопоставлением ушедшего года с ушедшей радостью и сетующий на вечную разлуку с юностью, надеждою и весной — со всем сразу — не подвернется на память. Когда они оказались на новой тропе, она принудила себя спросить: «Это, кажется, дорога на Уинтроп?» Но никто не расслышал ее вопроса, во всяком случае, никто не отозвался.

Тем не менее именно к Уинтропу или к окрестностям его — ибо иной раз встречаешь ведь молодых людей, когда они прогуливаются вблизи своего дома,— и направляли они свой путь; и после того как долго одолевали общинные поля, где трудолюбивый плуг и свежевзрытые бразды красноречиво свидетельствовали о том, что крестьянин, вопреки унылому приговору стихотворцев, верит, что весна воротится,— достигли они наконец вершины самой большой горы, которая разделяла Апперкросс и Уинтроп, и вскоре у подножья ее по другую сторону им открылся Уинтроп.

Он растянулся перед ними без красоты и достоинства — скучный дом, присадистый, длинный, зажатый меж служб и сараев.

Мэри воскликнула:

— Господи! Это же Уинтроп! Вот не думала! Пожалуй, **нам** пора возвращаться. Я до смерти устала.

Генриетта, слегка пристыженная, да и не замечая, чтобы кузен Чарлз где-нибудь прогуливался по тропке или прислонялся бы к калитке, готова была подчиниться Мэри, но Чарлз Мазгроув сказал «Нет», и Луиза, громко подхватив это «Нет» и отстранив сестру, готовилась с большим жаром выслушать соображения Чарлза.

Чарлз тем временем объявлял смело и открыто о намерении своем навестить тетушку, раз уж он оказался совсем рядом; и столь же открыто, хотя и не совсем столь же смело уговаривал он Мэри ему сопутствовать. Это был один из пунктов, однако, в каких супруга его проявляла свою власть; и в ответ на рассуждения о приятностях недолгого отдыха, раз уж она устала, она объявила со всевозможной твердостью: «Никогда! Лучше не отдыхать вовсе, чем снова потом карабкаться на эту гору!», всем своим видом и тоном показывая, что споры бесполезны.

Совещание продолжалось, таким образом, еще немного времени, после чего решено было, что Чарлз с Генриеттой заглянут к тетушке и кузенам, а остальное общество их подождет на горе. Луиза, кажется, особенно ратовала за предприятие; и когда она побежала с горы, продолжая наставлять Генриетту, Мэри воспользовалась случаем и, величаво оглядевшись, сказала капитану Уэнтуорту:

— Досадно, право, когда имеешь такую родню! Но уверяю вас, я и двух раз не переступала их порога.

Ответом ей была лишь вымученная улыбка, сопровождаемая, когда капитан Уэнтуорт отвернулся, еще и насмешливым взглядом, которого смысл Энн слишком хорошо поймала.

На горе выбрали они для привала прекрасный уголок. Луиза воротилась, и Мэри, найдя себе удобное местечко на ступеньках перелаза, казалась очень довольна, пока остальные стояли подле; но лишь только Луиза увлекла капитана Уэнтуорта в соседний орешник собирать орехи, удовольствие ее было испорчено; сиденье уже не представлялось ей таким удобным, она уверена была, что Луиза отыскала для нее где-то местечко получше, и, не слушая Энн, она решилась непременно ее найти. Пройдя той же калиткой, она, однако, никого не увидела. Энн нашла для нее очень удобное место, солнечный склон возле орешника, за которым, не сомневалась она, где-то скрывались Луиза и капитан Уэнтуорт. Мэри было присела, но нет; она уверена была, что Луиза нашла ей где-то очень

удобное местечко, и, разумеется, ей нужно было ее разыскать.

Энн, не в шутку утомившись, рада была присесть; и очень скоро услышала Луизу и капитана Уэнтурта, они, верно, пробирались по орешнику, словно узким, тесным коридором. Они разговаривали на ходу. Сначала она различила голос Луизы. Та, кажется, была увлечена своим рассуждением. И вот что с середины услышала Энн:

— ...Вот я и заставила ее пойти. Подумать только! Из-за таких пустяков отказаться от своего намерения! Да если бы я что надумала и считала бы себя вправе, вдруг отказаться? И притом из-за вмешательства такой особы, нет, любой особы! О, меня не так-то легко сбить. Уж когда я на что решилась — значит, я решилась; ну, а Генриетта, кажется, совсем было решилась нынче явиться в Уинтропе; и едва не бросила всю затею из-за глупой своей уступчивости!

— Значит, если б не вы, она бы и не пошла?

— Ну да, хотя мне, право, даже совестно в этом признаться.

— Ее счастье, что под боком у нее человек, наделенный от природы такой твердостью! После тех намеков, которые вы мне сейчас сделали и которые лишь подкрепляют собственные мои наблюдения, глупо прикидываться, будто я не понял, что происходит. Я понял, что речь идет не только об утреннем визите вашей тетушке. И горе ему, да и ей тоже, когда встретятся им серьезные препятствия, когда обстоятельства потребуют от них решимости и силы духа, если и в подобных пустяках она не может удержаться от нелепого противоречия. Сестра же ваша — милая душа; но вы, я вижу, одарены стойкостью и силой характера. И если вам дорого ее счастье, старайтесь передать ей как можно более вашей стойкости. Но вы, без сомнения, о ней заботитесь и без меня. Вся беда с этими мягкими и чересчур податливыми натурами, что никогда нельзя рассчитывать ни на какое доброе влияние, никогда нельзя знать, надолго ль его достанет; всяк умеет гнуть их по-своему. Тот, кто хочет быть счастливым, пусть же будет тверд. Вот вам орех,— сказал он, срывая его с верхней ветки,— для наглядного примера. Чудесный, гладкий орешек, и благодаря природной силе своей он выстоял все бури осени. Ни вмятинки, ни зазоринки. Сей орех,— продолжал он с шутливою важностью,— в то время как большинство собратьев его пали и растоптаны, все еще пользуется всем тем счастьем, какое предна-

значено крепкому лесному орешку.— Затем, вернувшись к прежней своей серьезности: — Первое, чего желаю я всем, к кому хорошо относиться,— это силы духа. Если Луиза Мазгроув поздней осенью своих дней хочет быть счастливой и прекрасна, пусть заботливо хранит свою твердость.

Так заключил он свою речь и остался без ответа. Энн подивилась бы, если б Луиза тотчас ответила на слова, такие необычайные и произнесенные с такой пылкостью! Она легко могла вообразить, что творилось сейчас в душе Луизы. Сама же она боялась шелохнуться, чтобы ее не заметили. Куст раскидистого падуба защищал ее от взоров, когда они проходили мимо. Пока их было еще слышно, Луиза опять заговорила:

— Мэри вовсе не злая,— сказала она.— Но порой она меня бесит своей глупой гордостью — гордостью Эллиотов. Мы так мечтали, чтобы Чарлз женился на Энн. Вы ведь, верно, знаете, он к ней сватался.

После минутной запинки капитан Уэнтворт спросил:

— Значит, она ему отказала?

— Ну да, отказала.

— И когда же это произошло?

— Точно не помню, мы тогда с Генриеттой еще были в школе; но, кажется, за год до того, как он женился на Мэри. Жаль, что она ему отказала. Нам всем она гораздо больше нравилась; батюшка с матушкой до сих пор считают, что это ее любимая леди Рассел ей отсоветовала. Они думают, Чарлз небось не такой умный и ученый, как нужно леди Рассел, вот леди Рассел и уговорила Энн ему отказать.

Звуки удалялись, и более ничего Энн не могла различить. Теперь уж собственные чувства принуждали ее оставаться на месте. Слишком многое ей пришлось передумать, прежде чем могла она подняться. Участь любопытной Варвары не постигла ее, и вряд ли грозило ей в согласии с пословицей скоро состариться; не услышала она о себе и уничижающего суждения. Но многое больно ее задело. Она поняла, как оценивал ее характер капитан Уэнтворт, и он выказал ровно столько интереса и участия к ее особе, чтобы выбить ее из колеи.

Едва она совладала с собой, она пошла за Мэри, и, найдя ее и воротясь с нею вместе к прежнему месту у перелаза, вскоре вздохнула с облегчением, когда вся компания снова собралась и снова они двинулись в путь. Душа ее просила тишины и уединения, какие может она обрести лишь среди шумного общества.

Чарлз и Генриетта воротились, ведя за собою, как нетрудно угадать, Чарлза Хейтера. Энн не пыталась проникнуть во все тайны предприятия; даже и капитана Уэнтурта в них, кажется, не посвящали; но что молодой человек отдалился от юной дамы, и она, в свою очередь, смягчилась, и теперь они радовались друг другу — сомнению не подлежало. Генриетта казалась слегка пристыженной, но весьма довольной, Чарлз Хейтер был совершенно счастлив, и оба были всецело заняты друг другом с самой той минуты, как двинулись к Апперкросу.

Все теперь предназначало Луизу для капитана Уэнтурта; это уж само собою; и там, где приходилось разбредаться по узким тропкам, и там, где не приходилось, они шли рядышком, почти так же неразлучно, как и другая парочка. На широком лугу, где хватало места всем, общество разделилось на три группки; и в числе троих, которые не могли похвастаться ни живостью, ни единодушием, поневоле оказалась Энн. Она шла с Чарлзом и Мэри и до того устала, что радовалась, когда могла опереться на вторую руку Чарлза; Чарлз же, однако, к ней самой весьма благоволивший, дулся на свою супругу. Мэри дурно с ним обошлась и теперь расплачивалась за свою строптивость, каковая расплата заключалась в том, что он поминутно смахивал ее руку, дабы пройтись хлыстиком по придорожной крапиве; а когда Мэри принялась, по обычаю, жаловаться на его невнимательность и сетовать на свою злую судьбу, стоя у перелаза, он и вовсе бросил и ее и Энн, погнался за вдруг мелькнувшей ласточкой и насилу потом они его дождались.

Широкий луг граничил с проселком, который предстояло им пересечь, и, как раз когда общество достигло воротец, карета, которой звук уже давно они слышали вдалеке, тоже туда подъехала и оказалась двуколкой адмирала Крофта. Он и жена его проделали назначенный путь и теперь возвращались. Услышав о том, какую долгую дорогу пришлось одолеть молодым людям, они любезно предложили место в двуколке той из дам, какая больше устала; до Апперкросса оставалась еще целая миля, и адмиралу было все равно в ту сторону. Предложение было обращено ко всем сразу и сразу всеми отклонено. Барышни не устали нисколько, а Мэри то ли оскорбилась тем, что ее не пригласили первой, то ли эллиотовская гордость, как называла это Луиза, не позволяла ей усесться самтретей в столь скромный экипаж.

Пешеходы пересекли проселок, взбирались на другое

поле, и адмирал уже вновь раззадоривал своего коня, когда капитан Уэнтуорт вдруг шагнул к сестре и что-то ей сказал вполголоса. Что же именно — должно судить по последствиям.

— Мисс Эллиот, ну да, ведь вы же устали! — воскликнула миссис Крофт. — Позвольте нам доставить вас домой. Места здесь хватит, поверьте. Да будь мы такие, как вы, тут бы и вчетвером легко можно усесться. Ну, пожалуйста, мисс Эллиот, прошу вас.

Энн еще стояла на проселке, но, невольно начав отказываться, продолжать она не могла. Адмирал решительно вторил супруге; упорствовать было глупо; они стеснились так, как только позволяло им их сложение, а капитан Уэнтуорт обернулся к ней и, не произнеся ни слова, невозмутимо посадил ее в экипаж.

Да. Он это сделал. Она сидела в двуколке и думала, что вот он ее сюда поместил своею волей и своею рукою, а все оттого, что догадался, как она устала, и решил непременно прийти ей на выручку. Отношение его к ней, сказавшееся в этом поступке, не давало ей покоя. Ничтожное само по себе обстоятельство словно подводило итог всему, случившемуся ранее. Она понимала его. Он ей не простил, но он не мог и оставаться бесчувственным. Осуждая ее за прошедшее, лелея глубокую и незаслуженную обиду, вполне равнодушный к Энн и начав уже тянуться сердцем к другой, он, однако, не мог безучастно смотреть на ее неудобства. То был отзвук минувших дней; порыв чистого, хотя и неосознанного дружества; доказательство нежного и отзывчивого сердца, которое ей доставило столько радости и боли вместе, что она не могла бы сказать, что пересиливало.

Кое-как, не думая, старалась она поддержать незначительный разговор со своими спутниками. Они уже одолели чуть ли не половину пути по тряскому проселку, когда смысл произносимых слов вдруг стал до нее доходить. Внимание ее привлекло слово «Фредерик».

— Фредерик, как пить дать, вздумал посвататься к одной из этих девчонок, Софи, — сказал адмирал. — Только вот не разберу к какой. Да и то сказать, по мне, пора бы уж и решиться. А все это мирное время. Будь сейчас война, он не стал бы так долго раздумывать. Наш брат моряк, мисс Эллиот, в военное время не может себе позволить долго обхаживать барышню. Сколько дней, душа моя, прошло с того дня, как я впервые тебя увидел, и до того, как мы свили гнездышко на Норд-Ярмуте, а?

— Лучше уж мы не будем про это поминать, душа моя,— весело отозвалась миссис Крофт.— Ведь ежели мисс Эллиот узнает, как скоро мы поладили, она вдруг и не поверит, что мы с тобою счастливы. Впрочем, я была о тебе наслышана.

— Да и я слыхал, что ты собою раскрасавица, зачем же нам было долго раздумывать? Нет, с такими вещами тянуть нечего. Надо бы капитану Уэнтурту расправить паруса и поскорее привести одну из юных дам в нашу киллинчскую гавань. Ей хоть не скучно будет. И ведь они милые обе; я даже их почти не различаю.

— Да, верно, милые, добрые, искренние девушки,— сказала Миссис Крофт тоном сдержанной похвалы, заставившим Энн подозревать, что ни одну из них не почитает она достойной своего брата.— И семейство такое почтенное. Лучшей родни не сыскать. Поберегись, однако, столба, адмирал, друг мой. Сейчас мы врежемся в столб.

Но тут сама она решительно завладела вожжами, избавя всех от неминуемой опасности; и далее, благодаря мудрому ее водительству, они не угодили в канаву и не опрокинулись вместе с двуколкою; и Энн, не без удовольствия размышляя об особенностях сей езды, весьма верно, по ее понятию, воспроизводившей общие черты адмиральской жизни, была неприметно доставлена к дверям Виллы.

ГЛАВА XI

гж тем ждали возвращения леди Рассел; уж и день был назначен, и Энн, которая, по условию, готовилась тотчас к ней присоединиться, ждала скорого своего отъезда в Киллинч и размышляла о ждущей ее перемене.

Она будет жить от капитана Уэнтурта в самом близком соседстве, всего в полумиле; они будут ходить в одну церковь, семьи будут неизбежно встречаться. Этого вовсе ей не хотелось; но ведь он был в Апперкроссе таким неотлучным гостем, что, уезжая отсюда, она скорей отдалялась от него, нежели к нему приближалась; и чем более рассуждала она о сем важном предмете, тем более казалось ей, что она не проиграет, но выиграет почти столь же очевидно, как выигрывала она, меняя общество бедняжки Мэри на общество леди Рассел.

Ей не хотелось бы встретиться с капитаном Уэнтуортом в Киллинч-холле. Эти стены хранили память об иных встречах, какие ей самой слишком больно было бы вспоминать. Но еще менее она хотела, чтобы капитан Уэнтуорт встретился с леди Рассел. Они друг другу не нравились, и не к чему было им возобновлять старое знакомство; и если б леди Рассел увидала их вместе, она неизбежно бы заключила, что он слишком хорошо владеет собой, а бедная Энн, напротив, слишком плохо.

Таковы были главные заботы, одолевавшие ее перед отъездом из Апперкрасса, где, по правде говоря, она загостилась. Разумеется, двухмесячное ее пребывание здесь оправдывалось той помощью, которую оказывала она маленькому Чарлзу, но тот не по дням, а по часам становился бодрей, и больше уж ей тут нечего было делать.

Под конец, однако, ей встретилось еще одно обстоятельство, которого всего менее могла она ожидать. Капитан Уэнтуорт, после того как два дня целых в Апперкрессе о нем не было ни слуху ни духу, вновь явился среди них, дабы оправдаться за странное свое отсутствие.

Давно искавшее капитана Уэнтуорта письмо от капитана Харвила извещало о том, что сей последний обосновался с семейством на зиму в Лайме и друзья таким образом вдруг оказывались всего в двадцати милях один от другого. После тяжелой раны, полученной тому назад два года, капитан Харвил не мог уже похвастаться крепким здоровьем, и потому капитан Уэнтуорт, в нетерпении с ним свидеться, сам немедленно отправился в Лайм. И там провел он сутки. Он был совершенно оправдан, дружеские чувства его одобрены, к другу проявлен живейший интерес, а красочное описание окрестностей Лайма выслушано с таким трепетом, что результатом явилось желание отправиться туда всем скопом и собственными глазами во всем убедиться.

Молодежь непременно хотела увидеть Лайм. Капитан Уэнтуорт снова туда собирался; от Апперкрасса это было всего в каких-нибудь семнадцать миль; погода, не считаясь с календарем, стояла чудесная; к тому же Луиза, которая более других ратовала за прогулку и вдобавок желала поставить на своем, с недавних пор руководясь тем соображением, что своеволие — драгоценная добродетель, и слушать не стала родителей, моливших отложить начинанье до лета, — и вот все отправлялись в Лайм: Чарлз, Мэри, Энн, Генриетта, Луиза и капитан Уэнтуорт.

Сперва беспечно предполагали выехать утром и к вечеру воротиться, но на это мистер Мазгроув, щадя лошадей, не давал согласия. И то сказать, ноябрьский день не много оставлял времени на любованье красотами, ежели еще вычсть семь часов на путь туда, путь обратно по трудной дороге. Следственно, разумней там переночевать и воротиться уж назавтра к обеду. Все согласились с этим мудрым заключением; и хотя сошлись к завтраку в Большом Доме спозаранок и отправились точно в назначенный час, уже далеко перевалило за полдень, когда два экипажа, карета мистера Мазгроува, вмещавшая четырех дам, и бричка Чарлза, в которую усадил он капитана Уэнтурта, одолели долгий спуск к Лайму и очутились на круто забиравшей вниз главной его улице, так что они едва успевали оглядеться, пока совсем не погаснет и остынет день.

Устроившись на ночлег в гостинице и распорядившись насчет обеда, тотчас, разумеется, отправились к морю. Осенью Лайм уже не предлагает обычных своих увеселений. Дома стоят заколоченные и покинутые всеми, кроме разве местных жителей; и, тогда как сами постройки являют зрелище мало забавное, удивительное расположение города, главная улица, чуть не срывающаяся прямо в воду, дорога на Коб, вьющаяся берегом бухты, в летний сезон весьма оживленной, сам Коб, с древними его чудесами и самоходнейшими нововведениями, с востока отороченный чредой живописных скал,— приковывают взоры странника; и очень странен тот странник, который сразу не пленится окрестностями Лайма и не пожелает получше с ними познакомиться. А дальше — неровный, то вздыбленный, то опадающий Чармут в близком соседстве и особенно укромная тихоструйная его бухта в окружении темных утесов, где, сидя на плоском камне среди песков, вы можете в долгом блаженном покое наблюдать, как то прихлынут, то отхлынут от берега волны; леса веселой деревеньки Верхний Лайм; и, наконец, Пинни с зелеными расщелинами средь романтических глыб, где то лесные деревья, то пышный сад вам говорят о том, как много веков минуло с той поры, когда первый случайный обвал подготовил землю к нынешней ее красоте, которой может она тягаться с прославленными красотами острова Уайта; словом, надобно посещать и посещать эти места, чтобы почувствовать все обаяние Лайма.

Молодые люди, проходя мимо унылых заброшенных домов, спускались, спускались, пока не достигли берега;

и, помедлив, как медлит, заглядевшись на море, всякий, кто только достоин на него смотреть, они направили путь свой к Кобу, который привлекал их и сам по себе, и как цель путешествия капитана Уэнтуорта, ибо там в маленьком домике подле допотопного мола поселилось семейство Харвил. Капитан Уэнтуорт свернул с дороги, чтобы навеститься к другу, прочие же пошли дальше, с тем что он их нагонит.

Они ничуть не успели еще утомиться и отдать должное восхитительным видам, и даже Луиза, кажется, не успела соскучиться по капитану Уэнтуорту, как они вновь его увидели с тремя спутниками, которых тотчас узнали по описаниям. То были капитан Харвил с супругой и капитан Бенвик, поселившийся с ними вместе.

Капитан Бенвик когда-то, еще лейтенантом, ходил на «Лаконии», и аттестация, которой сразу по первом возвращении своем из Лайма наградил его капитан Уэнтуорт, расписавший качества прекрасного малого и отличного офицера в выражениях, самых внушительных для любого слушателя, сопровождалась еще и историей личной его жизни, оказавшей особенно неотразимое действие на дам. Он был обручен с сестрой капитана Харвила и теперь по ней скорбел. Года два ждали они средств и продвижения по службе. Средства явились, ибо, отличась в битве, получил он крупное денежное вознаграждение; продвижение тоже наконец-то последовало; Фанни Харвил, однако, этого не дождалась. Она умерла прошлым летом, когда он был в море. Капитан Уэнтуорт находил, что нельзя преданнее любить женщину, чем любил свою Фанни бедный Бенвик, и нельзя сильнее мучиться от страшной утраты. Он находил, что по самой природе своей капитан Бенвик обречен страдать неизменно, ибо глубину чувств сочетал он с серьезностью, любовью к уединенью и тихим укромным трудам. Занимательность истории довершалась тем, что горестное событие, делавшее невозможным предполагаемое родство, только укрепило дружбу между Харвилами и капитаном Бенвиком, и теперь он поселился с ними вместе. Капитан Харвил нанял дом на полгода; его вкус, слабое здоровье, его средства — все вело к тому, чтобы нанять жилье недорогое и на берегу моря; а красота окружи и зимняя пустыньность Лайма как нельзя более отвечали умунастроению капитана Бенвика. Капитан Бенвик вызвал общее горячее сочувствие.

«И однако ж,— говорила себе Энн, пока они приближались,— сердце его ничуть не более разбито, чем мое

сердце. И не думаю, чтобы для него вовсе были закрыты пути к счастью. Он моложе меня; если не возрастом, то душою; он мужчина. Он еще воспрянет и будет счастлив с другой».

Они встретились, они были друг другу представлены. Капитан Харвил был роста высокого, темноволос, с лицом умным и добрым. Он немного прихрамывал; из-за крупных черт и слабого здоровья он казался старше капитана Уэнтуорта. Капитан Бенвик выглядел, да и был, моложе обоих своих товарищей и меньше их ростом. Лицо у капитана Бенвика было милое и грустное, в точности как ему и полагалось, и он почти не принимал участия в общей беседе.

Капитан Харвил, хоть и далеко не такой блистательный, как капитан Уэнтуорт, казался человеком безупречным, открытым, добрым и учтивым. Миссис Харвил, будучи куда проще мужа, не уступала ему в добродушии, и ничто не могло быть искренней, чем ее готовность сразу принять в друзья всех, кто имеет счастье состоять в дружбе с капитаном Уэнтуортом, и чистосердечней ее настоячивых приглашений на обед. Насилу, скрепя сердце, она их отпустила в гостиницу, раз уж обед там заказан, кажется, чуть ли не в обиду на капитана Уэнтуорта за то, что, прибыв в Лайм с такой гурьбой, он не почел натуральным со всеми вместе у них и отобедать.

В этом сквозила такая преданность капитану Уэнтуорту, так прелестно было радушие, столь несхожее с чинностью обычных приглашений и чопорностью званных обедов, что Энн даже пугало дальнейшее знакомство с братьями офицерами. «Ведь все это могли быть и мои друзья», — думалось ей, и пришлось крепко взять себя в руки, чтобы вовсе не расчувствоваться.

Покинув мол, они вошли к новым своим друзьям и оказались в комнатах до того тесных, что лишь от широты души можно было зазывать туда на обед такое широкое общество. Энн сперва даже подивилась сей простоте, но скоро удивление ее растворилось в более приятных чувствах, вызванных изобретательностью капитана Харвила, умевшего лучшим образом использовать скромное пространство, усовершенствовав скудную заемную утварь и защитив окна и двери от неотвратимых зимних бурь. Необычайная обстановка комнат, где неприглядной мебели от хозяев, состоявшей все из равнодушных и скучных предметов, живо противоречили искусные изделия из редкого дерева и кое-какие ценные и любопытные мелочи, выве-

зенные капитаном Харвилом из дальних стран, где довелось ему побывать, будила в Энн не одно только любопытство. Будучи связано с его поприщем, плод его трудов, следствие склонностей его и привычек, свидетельство покая и счастья семейственного — все это не могло не затронуть в ней и чувств более глубоких.

Капитан Харвил до чтения был небольшой охотник; но он умел изготовить и навесить удобные и красивые полки, где разместилось изрядное собрание изящно переплетенных томиков, принадлежавших капитану Бенвику. Хромота не позволяла ему много бродить, но благодаря доброму сердцу и богатой выдумке он, домоседствуя, верно, не знал ни минуты праздности. Он чертил, красил, резал, клеил, мастерил детские игрушки, выдумывал какие-то особенные спицы и булавки, а когда уж все дела были переделаны, присаживался в уголке к своей большой рыбацье сети.

Энн, выйдя от них, словно простилась с живой картиной тихого счастья, а Луиза, оказавшаяся с нею рядом, принялась восторженно расхваливать моряков, их верность в дружбе, готовность братской помощи, прямоту, бескорыстие, честность, объявляя, что в Англии не сыщется иных мужчин, которые могли бы с ними тягаться, что они-де единственные и владеют искусством жизни добродетельной, и стоят того, чтобы их ценить и любить.

Меж тем они воротились в гостиницу переодеться и обедать. И так все славно задалось с самого начала, что и прочее нравилось вопреки тому, что «сейчас не сезон», «Лайм сейчас не тот», «так ведь если б знать, что такие гости», и прочим соображениям виновившихся хозяев.

Энн к этому времени против своих ожиданий уже настолько притерпелась к обществу капитана Уэнтуорта, что, оказавшись с ним теперь за одним столом и обмениваясь пустыми любезностями (дальше них, разумеется, дело не шло), ничуть не испытывала неловкости.

Из-за ранней осенней темноты дамы до утра не могли более свидеться, но капитан Харвил обещал заглянуть. И он явился, и притом в сопровождении друга, которого не ждали, полагая, что капитан Бенвик должен тяготиться чужим и шумным обществом. Он, однако, несмотря на всю свою печаль, решился предстать пред ними снова.

Покуда капитаны Уэнтуорт и Харвил развлекали общество в дальнем углу комнаты, вспоминая минувшие дни

и рассказывая забавные анекдоты из прошедшего, Энн оказалась несколько в стороне с капитаном Бенвиком и, уступая доброму порыву, решила его расшевелить. Он несколько дичился и был склонен к задумчивости. Но ее тихое лицо и мягкие приемы скоро победили его, и Энн

была вознаграждена за первые свои усилия. Он был, кажется, хорошо начитан, особенно, правда, в поэзии; и радуясь, что на один вечер она дала ему возможность углубиться в предметы, какие были, верно, мало занимательны для всегдашнего его окружения, она, однако, надеялась, что сослужила ему добрую службу, высказав те именно соображения о том, как важно нам бороться против уныния, на какие сам собою и наталкивал их разговор. Ибо, хоть и стеснительный, капитан Бенвик не был скрытен. Он, кажется, рад был случаю выказать свои чувства; и, порассуждав о поэзии, о нынешнем ее расцвете, о сравнительных достоинствах славных поэтов, попытавшись установить, что следует предпочесть «Мармион» ли «Деве озера» или совершенно даже напротив, как расценить «Гяура» и «Абидосскую невесту» и как произносить самое слово «Гяур», он выказал затем такое близкое знакомство со всеми горестными песнями одного поэта и вдохновенными описаниями безнадежных мук у другого; воспроизвел строки о разбитом сердце, о духе, рухнувшем под действием страстей, с таким вдохновенным видом и столь явственно полагаясь на полное ее понимание и сочувствие, что наконец она решилась выразить надежду, что не всегда он питался одной только поэзией, и прибавила, что беда поэзии, на ее взгляд, в том и состоит, что редко кто наслаждается плодами ее безнаказанно, и что она всего более впечатляет нас при том именно состоянии души, когда нам всего менее следовало бы ею упиваться. Заметя, что он не только не обижен, но польщен ее намеком на его обстоятельства, она решилась продолжать; и руководясь своим правом старшинства, смело посоветовала ему углубиться в чтение прозы; когда же он справился, какую именно прозу имеет она в предмете, она назвала те труды нравственных учителей наших, те дивные собрания писем, те воспоминания людей достойных и много страдавших, которые одни, по ее расчету, и могли укрепить дух благородством помыслов и таким примером душевного терпения.

Капитан Бенвик слушал со вниманием, кажется, благодарный ей за участие. И хотя он качал головой и тяжело вздыхал, давая понять, как мало полагался он на помощь книг в таком несравненном горе, каково его собственное, названия их он, однако же, записал и обещался прочесть при случае.

Когда вечер кончился, Энн с невольной улыбкой поздравила себя с тем, что явилась в **Лайм**, оказывается, про-

поведовать терпение молодому человеку, которого прежде в глаза не видела; но по зрелом размышлении ей пришлось себе признаться, что, как и многие великие моралисты и проповедники, она весьма мало могла подкрепить неотразимое красноречие живым своим примером.

ГЛАВА XII

Энн и Генриетта, заметя поутру, что проснулись раньше всех, решились до завтрака прогуляться к морю. Они сошли на песок и смотрели на волны, бежавшие к их ногам под нежным юго-восточным ветерком со всем великолепием, какое только возможно на столь низком берегу. Они отдали должное красотам утра; похвалили море; согласились на том, что ветер необычайно свеж,— и затем умолкли и молчали, пока Генриетта вдруг вновь не заговорила:

— Да! Я совершенно убеждена, что морской воздух целебен для всех почти без исключения. Безусловно, он был очень полезен доктору Ширли после болезни ровно год назад весною. Он сам уверяет, что месяц, который он провел в Лайме, помог ему больше всех лекарств; и что на море он всегда словно молодеет. Вот я и думаю, какая жалость, что он не живет постоянно на море. Ему бы совсем бросить Апперкросс и перебраться в Лайм. Право же, Энн! Ты согласна, что так было б лучше и для него, и для миссис Ширли? У нее тут родня, много знакомых, ей было б веселей, и, конечно, она бы с радостью поселилась там, где есть помощь под рукой, на случай, если ему вдруг опять станет хуже. До чего же грустно, что такие люди, как мистер и миссис Ширли, за свою жизнь сделавшие столько добра, конец дней обречены влачить в Апперкроссе, где, кроме нас, им не с кем словом перемолвиться. Хоть бы друзья ему намекнули. Это их прямой долг, по-моему. Его легко сюда отпустят, в его-то годы и с таким добрым именем. Вот не знаю только, как он оставит свою паству. Он на редкость строгих понятий. Чересчур даже строгих. Ведь, право же, Энн, это чересчур! Ты согласна, что священник вовсе не должен жертвовать здоровьем во имя обязанностей, которые мог бы прекрасно нести другой? И ведь Лайм всего в каких-то семнадцати милях от Апперкросса, так что,

случись неполадки, и будь кто-то вдруг чем недоволен, он сразу узнает, ведь правда же, Энн?

Энн не раз улынулась про себя в продолжение сей речи и отвечала, от души желая войти в положение и девушки и молодого человека, хотя что, собственно, могла она высказать, кроме самых общих суждений? Она и сказала все, что было уместно; согласилась с тем, что доктор Ширли вправе отдохнуть; заметила, что весьма бы недурно, если б нашелся деятельный, честный молодой человек, который мог бы взять на себя заботы о пастве, и не преминула намекнуть, что этому молодому человеку не мешало бы быть женатым.

— Вот если бы,— отвечала весьма довольная своей собеседницей Генриетта,— если бы леди Рассел жила в Апперкроссе и была дружна с доктором Ширли. Я слышала, что леди Рассел так умеет повлиять на всякого! Она, мне кажется, всякого в чем угодно может убедить. Я боюсь ее, я уж тебе говорила, просто боюсь, до того она умная. Но я немыслимо ее уважаю и много бы дала, чтобы и у нас в Апперкроссе оказалась такая соседка.

Энн позабавил странный способ, который избрала Генриетта для выражения своей благодарности, и позабавила мысль, что все члены семейства Мазгроув при нынешнем обороте событий должны благоволить к другу ее леди Рассел. Ответить она успела, однако ж, весьма бегло, лишь выразив надежду, что такая соседка еще может оказаться в Апперкроссе,— ибо навстречу им шли Луиза и капитан Уэнтуорт. Они тоже решили погулять, пока не готов завтрак; но Луиза тотчас спохватилась, что хотела что-то купить в здешней лавке, и потянула всех за собою. Все послушно за нею последовали.

Когда они подошли к лестнице, ведущей от берега вверх, господин, в ту именно секунду собравшийся по ней спуститься, учтиво посторонился, уступая им дорогу. Они поднялись и прошли мимо него; и когда они проходили, лицо Энн привлекло его внимание, и он взглянул на нее с восторгом, который ей не мог не польстить. Она на редкость хорошо выглядела; от свежего ветра на щеках ее играл нежный румянец, глаза блестели, и это придавало былую прелесть правильным милым чертам. Не вызывало сомнений, что незнакомый джентльмен (а он, по всему, был джентльмен) умел это оценить. Капитан Уэнтуорт тотчас на нее оглянулся, и заметно было, что от него не укрылось сие обстоятельство. Он смотрел на нее блестя-

*Politey drew back and
stopped to give them way.*

щими глазами, в которых она читала: «Вы очень понравились этому человеку, и даже я в эту минуту почти узнаю прежнюю Энн Эллиот».

Они дождались, пока Луиза сделает свои покупки, немного еще побродили и воротились в гостиницу; а когда Энн спешила из своей комнаты в столовую, она едва не столкнулась с тем самым джентльменом, выходявшим из соседней двери. Она раньше уже успела сообразить, что он, как и они, приезжий, а красавец лакей, которого заметила она у подъезда,— это слуга его. Догадка ее подтверждалась тем, что оба они были в трауре. Теперь оказалось, что он остановился с ними в одной гостинице. И за время второй встречи, как ни была она мимолетна, по виду его Энн укрепилась в предположении, что собственный ее вид находил он очаровательным, а по приемам его, когда он извинялся, она заключила, что он принадлежит к самому высшему обществу. Он казался лет тридцати и, хоть не красив, был приятен собою. И Энн захотелось узнать, кто же он такой.

Они почти покончили с завтраком, когда скрип рессор (чуть не первый, который слышали они с прибытия своего в Лайм) заставил почти всех подойти к окну. Оказалось, это бричка, запряженная парой; но она всего лишь была подана от конюшни к крыльцу; кто-то собирался ехать. На козлах сидел слуга в трауре.

При слове «бричка» Чарлз Мазгроув подскочил к окну, дабы сопоставить достоинства ее со статьями своей собственной; слуга в трауре воззвал к любопытству Энн, и, таким образом, все шестеро стеснились у окна, когда хозяин брички сошел с крыльца, сопровождаемый поклонниками хозяина гостиницы, сел в свой экипаж и был таков.

— О! — вскричал капитан Уэнтуорт, быстро глянув на Энн.— Это же тот самый, которого мы встретили на берегу.

Барышни Мазгроув тотчас с ним согласились; и, проследив его путь в гору, покуда хватало глаз, все снова занялись завтраком. Скоро в дверях показался служитель.

— Прошу прощения,— сказал ему капитан Уэнтуорт,— не можете ли вы нам назвать имя того господина, который только что отбыл?

— Да это мистер Эллиот, сэр, богатый, рассказывают, господин, вчера из Сидмута приехал. Небось слышали карету, сэр, когда ужинали. Вот, в Крюкери собрался, а там уж в Бат, а там и в Лондон.

— Эллиот! — кое-кто успел переглянуться, и кое-кто повторил это имя, пока служитель еще не окончил свое, впрочем, весьма торопливое объяснение.

— Господи! — вскричала Мэри, — да это же наш кузен. Это же наш мистер Эллиот. Ну ей-богу! Чарлз, Энн, ну неужели вы не понимаете? И в трауре — все-все сходится! Удивительно! В той же гостинице, что и мы! Энн, это же мистер Эллиот, тот самый, наследник нашего отца! Простите, сэр, — адресовалась она к служителю, — вы не слышали, не говорил ли его лакей, не принадлежит ли он к семейству из Киллинча?

— Насчет семейства не имею чести знать-с; сказывал он только, будто хозяин его очень богатый господин, и будет, стало быть, баронетом.

— Вот видите! — сама не своя, вскричала Мэри. — А я что говорю! Наследник сэра Уолтера Эллиота. Так я и знала, что это непременно выяснится. Понятное дело, слуги тотчас похвастанутся. Но подумай только, Энн, до чего удивительно! Ах, надо бы разглядеть его получше. Какая жалость, что мы вовремя не узнали, кто он такой, и он не мог нам представиться! Как по-твоему, можно узнать в нем черты Эллиотов? Я на него и не взглянула, я лошадь разглядывала, но, кажется, да, да, да, в нем очень можно узнать черты Эллиотов. Но как же это я герба не разглядела? Ах! Все оттого, что плащ заслонял герб. Не то я бы непременно его разглядела; я бы и ливрею разглядела; не будь слуга в трауре, я бы непременно узнала все по ливрее.

— Сопоставляя все эти удивительные обстоятельства, — заметил капитан Уэнтуорт, — следует заключить, что провидение позаботилось о том, чтобы кузен ваш не мог вам представиться.

Как только ей удалось завладеть вниманием Мэри, Энн постаралась ей втолковать, что их отец и мистер Эллиот многие годы состояли не в тех отношениях, чтобы следовало теперь искать с ним знакомства.

И все же сама она в глубине души радовалась, что встречала кузена и своими глазами убедилась в том, что будущий владетель Киллинча оказался настоящим джентльменом и по внешности человеком неглупым. Она вовсе не хотела упоминать о том, что видела его дважды; хоть Мэри, по правде сказать, и в первый-то раз его не заметила, но почла бы себя оскорбленной, узнай она о том, что Энн буквально столкнулась с ним в коридоре и принимала учтивые его извинения, тогда как сама она вовсе не имела удовольствия подходить к нему близко; нет-нет,

пусть это беглое родственное свидание навеки останется тайной.

— Разумеется,— сказала Мэри,— ты сообщишь о нашей встрече с мистером Эллиотом, когда будешь писать и Бат. Отцу, я полагаю, будет интересно. Ты уж непременно напиши.

Энн уклонилась от прямого ответа, но, по ее понятиям, обстоятельство это не только было недостойно упоминания, но его решительно следовало утаить. Она знала, какое оскорбление было нанесено отцу много лет назад; догадывалась, каким образом касалось оно до Элизабет; и не раз замечала, сколь раздражала обоих самая мысль о мистере Эллиоте. Мэри никогда не писала в Бат; весь труд поддерживать ленивую и скудную переписку с Элизабет пинал на долю Энн.

Вскоре после завтрака явился капитан Харвил с женой и капитаном Бенвиком; они договаривались напоследок погулять вместе по Лайму. В Апперкросс возвращаться решили после полудня, а до той поры не расставаться с новыми друзьями и не сидеть взаперти.

Едва они вышли на улицу, капитан Бенвик очутился рядом с Энн. Вчерашняя беседа ничуть его не расхолодила; некоторое время они шли вместе, как прежде толкуя о лорде Байроне и мистере Скотте, и не в силах, как прежде и как всякие два читателя, достигнуть полного соглашения касательно сравнительных их достоинств, пока компания не перемешалась, и вместо капитана Бенвика Энн обнаружила рядом с собою капитана Харвила.

— Мисс Энн,— сказал он, понизив голос,— вы сделали доброе дело, расшевелив беднягу. Почаще бы ему бывать в таком обществе. Сам знаю, нельзя ему вариться в собственном соку. Да что поделать? Нам невозможно расстаться.

— Да,— отвечала Энн.— Я легко могу понять, сейчас это невозможно. Но быть может, со временем... Мы ведь знаем, какой странный целитель время, и, вспомните, капитан Харвил, ваш друг понес утрату так недавно — кажется, только прошлым летом.

— Что правда, то правда (с тяжелым вздохом) — в июне только.

— А узнал о ней, верно, и того позже.

— Да, только в начале августа, когда воротился с Мыса Доброй Надежды и ему как раз дали «Борца». Я был в Плимуте и со страхом ждал его; он уж и письма слал. Но «Бо-

рец» отправили в Портсмут. Там предстояло ему узнать страшную новость. Но кто сообщит такое? Только не я. Я уж лучше дал бы вздернуть себя на мачте. И никто б не решился, если б не этот добряк (кивая в сторону капитана Уэнтуорта). «Лакония» неделей раньше пришла в Плимут; в море ее сразу послать не могли. Он все берет на себя. Пишет письмо, прося об отпуске, не дожидаясь ответа, скачет без роздыха день и ночь до самого Портсмута, до-

бравшись туда, сей же час отправляется на борт «Борца» и целую неделю не расстается с нашим беднягой. Вот что (•и сделал, а больше никто бы не спас несчастного Джеймса. Ну, сами посудите, мисс Энн, нам ли не любить его?

Энн добросовестно обдумала сей вопрос и в ответ могла произнести лишь то, что ей под силу было выговорить, а ему под силу выслушать, ибо он слишком разволновался от воспоминаний и спешил переменить тему разговора.

Миссис Харвил недалеко от дома решила, что муж ее довольно уже ходил, и советовала им так завершить прогулку: пусть проводят их до дверей, вернутся в гостиницу и уж без них отправятся в обратный путь. Она была права по всем расчетам. Но когда они приблизились к Кобу, им так захотелось еще раз проститься с ним, и Луиза преисполнилась в этом такой решимости, что волей-неволей пришлось признать, что четверть часа не составят существенной разницы; и, обменявшись с Харвилами самыми теплыми пожеланиями, приглашениями и обещаниями, какие только можно себе представить, они с ними расстались у крыльца и в сопровождении капитана Бенвика, который, кажется, не думал их покидать до последнего, пошли любоваться морем.

Капитан Бенвик вновь очутился рядом с Энн. «Гармония в сем говоре валов» никак, разумеется, не могла не привлечь на память строк лорда Байрона, и Энн с радостью их слушала, пока можно было слушать. Вскоре, однако, внимание ее было отвлечено.

Из-за сильного ветра дамам трудно было идти поверху, а потому решили спуститься вниз, и все внимательно и осторожно спускались по крутой лестнице, кроме Луизы; та вознамерилась прыгнуть и чтобы капитан Уэнтуорт ее подхватил. Она и всегда так прыгала во время их прогулок, а он ее подхватывал, и ей ужасно это нравилось. Сейчас ему, правда, не очень хотелось, чтобы она прыгала на твердые камни. Однако он ее подхватил. Она благополучно оказалась внизу, но тотчас, расшалившись, взбежала вверх по ступенькам, чтобы он подхватил ее снова. Он ее отговаривал, убеждая, что и без того ее сильно встряхнуло; но напрасно он старался, она только улыбалась и твердила: «Нет, я решила, я прыгаю». Он расставил руки; на полсекунды всего она поторопилась и упала прямо на камни — замертво! Ни раны, ни крови, ни синяка; но глаза были закрыты, лицо бледно, как смерть, и она не дышала. Легко вообразить смятение, охватившее всех, кто стоял вокруг!

Капитан Уэнтуорт поднял ее и опустился на колени, держа ее на руках и глядя на нее в молчании, почти такой же бледный, как сама она.

— Она умерла! Умерла! — голосила Мэри, вцепившись в своего мужа, который и без того был не в силах шелохнуться, а в следующую секунду Генриетта, услышав этот крик, тоже потеряла сознание и рухнула бы на ступени, если бы капитан Бенвик и Энн не подхватили ее.

— Поможет мне кто-нибудь? — были первые слова, вырвавшиеся у капитана Уэнтуорта. Он говорил с таким отчаянием, будто силы вовсе его оставили.

— Ступайте же к нему, к нему, — взмолилась Энн. — Ради бога, ступайте к нему. Я одна ее удержу. Оставьте меня, ступайте к нему. Разотрите ей руки, виски, вот соли, возьмите, возьмите.

Капитан Бенвик подчинился, Чарлз сумел отцепиться от жены, и оба подбежали к капитану Уэнтуорту. Они подняли и надежно уложили Луизу, сделали все, как сказала Энн, но напрасно. И капитан Уэнтуорт с горечью воскликнул:

— Господи! Что будет с ее отцом и матерью!

— Лекаря! — сказала Энн.

Это слово сразу его ободрило и, проговорив: «Да, да, скорее лекаря!» — он бросился прочь, но Энн остановила его:

— Капитан Бенвик, может быть, лучше капитан Бенвик? Он ведь знает, где найти лекаря.

Все, кто способен был рассуждать, поняли преимущество ее предложения, и тотчас (все делалось тотчас) капитан Бенвик, оставя бедную Луизу на попечении брата, со всех ног помчался к городу.

Что касается до оставшихся, трудно сказать, кто из троих, сохранявших рассудок, был сейчас несчастней: капитан ли Уэнтуорт, Энн или Чарлз, который, будучи нежным братом, горько рыдал над Луизой и отрывал от нее глаза, только чтоб посмотреть на другую сестру, тоже без чувств, да на свою жену, испускавшую истошные вопли и требовавшую помощи, которой не мог он ей оказать.

Энн, напрягая все силы души, чтоб помочь Генриетте, старалась утешить и остальных, утихомирить Мэри, успокоить Чарлза, ободрить капитана Уэнтуорта. Оба, казалось, ждали ее распоряжений.

— Энн, Энн, — восклицал Чарлз. — Что же делать? Что теперь делать?

Глаза капитана Уэнтуорта тоже были обращены к ней.

— Может быть, ее лучше отнести в гостиницу? Да, конечно, несите ее осторожно в гостиницу.

— Да, да, в гостиницу,— подхватил капитан Уэнтуорт, несколько собравшись с духом и радуясь, что он может быть полезен.— Я сам ее отнесу. Мазгроув, позаботьтесь об остальных.

Меж тем слух о происшествии распространился среди местных рабочих и лодочников, и они толпились вокруг, чтобы в случае чего пособить и, уж во всяком случае, поглазеть на мертвую молодую леди, да нет, даже на двух мертвых молодых леди, потому что дело на поверку обернулось еще занимательней. На взгляд этих добрых людей, Генриетта была обречена, ибо, хоть и очнулась, она казалась совершенно беспомощной; Энн ее поддерживала, Чарлз волок жену, и таким образом началось их унылое шествие той же самой стезей, по какой, брели они так недавно и с таким легким сердцем.

Едва Коб остался позади, как их уже встретили Харвилы. Они увидели капитана Бенвика, когда он бежал мимо дома их с лицом, не предвещавшим добра, и тотчас бросились за порог. Встречные указывали им путь. Как ни был потрясен капитан Харвил, мужество его и выдержка оказали на всех свое действие; и, переглянувшись, они с женой тотчас решили, как надо поступить. Следовало нести Луизу к ним в дом; всем следовало отправиться к ним и там дожидаться лекаря. Никаких отговорок они и слушать не желали. Их послушались. Все пошли к ним. Луизу отнесли наверх, по распоряжению миссис Харвил, и уложили в собственную ее постель, а капитан Харвил внизу тем временем потчевал успокоительными каплями и пилюлями всех, кто в них нуждался.

Луиза открыла глаза, но тотчас закрыла их снова, кажется, ничего не осознав. Но это доказывало хотя бы, что она жива; и Генриетта, которая была, правда, в другой комнате, ободрилась от этого известия, и надежда и напряжение поддержали в ней силы. Мэри несколько утомилась.

Лекарь явился на удивление скоро. С замиранием сердца следили все за ним, пока он осматривал Луизу. Он подал им надежду. Да, она сильно ударилась головой, но он и не то видывал, люди и не от такого оправляются; да, он решительно подал им надежду. Говорил он весьма бодрым тоном.

Он не произнес рокового приговора, он не объявил, что все будет кончено через несколько часов, и сперва они

не смели даже ему поверить; и нетрудно вообразить их облегчение и глубокую, молчаливую радость, которая сменяла первый бурный взрыв благодарности небесам.

Энн поняла, что ей вовек не забыть голоса капитана Уэнтурта, каким произнес он «благодарение Господу!», и того, как сидел он потом у стола, опершись на него локтями и закрыв руками лицо, словно не в силах совладать с переполнявшими его чувствами и стараясь их утишить размышлением и молитвой.

У Луизы оказалась повреждена только голова. Тело было совершенно невредимо.

Теперь оставалось решить, что делать дальше. Они обрели дар речи; можно было посоветоваться. Луизу, как ни совестно было друзьям ее причинять Харвилам такие неудобства, следовало оставить на месте. Везти ее домой, вне всяких сомнений, было нельзя. Харвилы никаких извинений и благодарностей и слушать не желали. Они заранее все предусмотрели. Капитан Бенвик уступит им свою комнату, перебравшись куда-нибудь на ночлег: и все очень просто уладится. Они огорчались только, что у них так тесно; они уж подумывали о том, чтобы поместить детей у няни и оставить у себя еще двоих или троих, если те пожелают остаться; правда, что до мисс Мазгроув, ее можно спокойно препоручить заботам миссис Харвил; миссис Харвил привыкла ходить за больными, да и няня ее, долго с нею прожив, многому у нее научилась. Уж они за ней хорошенько присмотрят и днем и ночью. Все это говорилось с самым неотразимым чистосердечием и простодушием.

Решение оставалось за Чарлзом, Генриеттой и капитаном Уэнтуртом, но сперва, кроме недоумения и ужаса, они ничего не умели выразить. Апперкросс. Кому-то надо ведь ехать в Апперкросс. Оглушить мистера и миссис Мазгроув страшным известием. А уже так поздно. Они предполагали выехать часом ранее, теперь никак не поспеть в назначенный срок. Сперва они были способны только на такие восклицания; но вот капитан Уэнтурт сказал, набравшись духу:

— Нужно решиться, не теряя более ни минуты. Промедление невозможно. Кому-то следует решиться и тотчас ехать в Апперкросс. Мазгроув, кому-то непременно следует ехать, вам или мне.

Чарлз с ним согласился, но объявил, что сам он никуда не двинется. Он постарается не обременять мистера и миссис Харвил; но он и не в силах и не вправе бросить

сестру. На том и порешили. Но вдруг Генриетта объявила, что и она остается. Ее, однако, быстро удалось переубедить. Какая от нее тут польза? Ведь она даже рядом с Луизой не может находиться, даже смотреть на нее не может, совершенно не теряя самообладания! Пришлось ей признать, что толку от нее никакого, но долго еще она упиралась, пока не победила жалость к родителям; она согласилась с тем, что ей лучше быть подле них.

Об этом как раз и шел разговор, когда Энн, тихонько спустившись от Луизы, невольно услышала его через полуотворенную дверь гостиной.

— Итак, решено, Мазгроув, — воскликнул капитан Уэнтурт. — Вы останетесь, а я доставлю домой вашу сестру. В прочем же во всем, если миссис Харвил нуждается в помощи, на мой взгляд, тут достанет одного человека. Миссис Мазгроув, полагаю, захочет вернуться к детям; но никто не может быть распорядительней, чем Энн, и было бы всего лучше, если бы она осталась.

Минуту еще постояла она за дверью, чтобы унять нахлынувшие на нее чувства. Собеседники горячо поддержали капитана Уэнтурта, и она вошла в гостиную.

— Вы останетесь, разумеется. Вы останетесь за ней ухаживать, — вскричал он с жаром и нежностью, от которых едва ли не воскресало минувшее. Она залилась краской, он же, совладав с собою, направился к двери. Она поспешила их заверить, что готова, рада, что она мечтает остаться. Она и сама уж про это думала и боялась только, что ей не разрешат. Она с удовольствием будет спать на полу в комнате у Луизы, если только миссис Харвил позволит, чтобы ей там постелили.

Еще одно соображение, и все, казалось, устраивалось. Хотя даже и не мешало бы, пожалуй, заранее подготовить мистера и миссис Мазгроув некоторой задержкой, лошади мистера Мазгроува могли превратить ожидание в долгую пытку; а потому капитан Уэнтурт предложил (а Чарлз согласился) ехать на почтовых, а карету мистера Мазгроува оставить здесь до утра, когда вдобавок можно будет послать с нею свежие известия о положении Луизы.

Капитан Уэнтурт поспешил к гостинице все приготовить к отъезду и ожидать обеих дам. Когда Мэри, однако, сообщили выработанный план, согласие тотчас было нарушено. Она гневалась, возмущалась и сетовала на несправедливость принятого решения. Как? Ее отослать и оставить с Луизой Энн? Да кто она Луизе, эта Энн, а Мэри небось жена ее родного брата! Кому как не Мэри оста-

ваться здесь вместо Генриетты? И чем она хуже Энн? И вдобавок — ехать домой без Чарлза, без собственного мужа! Какая жестокость! Словом, она приводила куда более доводов, нежели в силах был отразить ее супруг, а коль скоро никто не мог достойно продолжать прения, когда он окончательно сдался, делать было нечего: пришлось с ней согласиться.

Никогда еще Энн с большей неохотой не уступала ревнивым и вздорным притязаниям Мэри; но как бы там ни было, они отправились к гостинице — Чарлз вел свою сестру, а капитан Бенвик сопровождал Энн. Лишь мгновение одно, когда они двинулись в путь, подарила она воспоминаниям о незначительных обстоятельствах, которых свидетелями были покидаемые нынче места. Здесь слушала она рассуждения Генриетты о том, как полезно было бы преподобному Ширли оставить Апперкросс; здесь встретила она потом мистера Эллиота; лишь мгновение могла она уделить мыслям о чем-нибудь, кроме Луизы и тех, на чьем попечении она оставалась.

Капитан Бенвик был к ней чрезвычайно внимателен; и, чувствуя, как нынешнее несчастье сблизило их, она испытывала к нему все возрастающее расположение и даже не без удовольствия думала о том, что теперь у них, верно, будет повод еще свидеться.

Капитан Уэнтуорт ожидал их возле кареты, запряженной четверкой и ради удобства их поставленной в самом нижнем конце улицы; и явственная досада его при виде одной сестры вместо другой, то, как изменился он в лице, как недоумевал, как подавил невольное восклицание, выслушивая Чарлза, — все это не могло не задеть Энн; во всяком случае, она убедилась, что ценили ее только как умелую сиделку.

Она, однако, старалась не терять спокойствия и судить справедливо. Нисколько не склонная соревноваться с Эммой в чувствах ее к Генри, она ради капитана Уэнтуорта ухаживала бы за Луизой даже с особенным рвением; ну, а он, она надеялась, не мог долго подозревать ее в том, что она по своей охоте уклонилась от обязанностей дружбы.

Тем временем она была уже в карете. Он посадил их обеих и поместился между ними; и таким вот манером, при таких обстоятельствах, странных и тревожных, Энн покидала Лайм. Как пройдет долгий путь, как отзовется на их отношениях — этого не могла она предвидеть. Все вышло, однако, совершенно естественно. Он занят был

Генриеттой, то и дело к ней оборачивался и если нарушал молчание, то лишь затем, чтобы ее обнадежить и ободрить. Он оставался сдержан и спокоен. Казалось, всего важнее ему уберечь Генриетту от лишних волнений. Только когда она стала клясть злосчастную, в недобрый час затеянную прогулку, он не совладал с собой и воскликнул:

— Лучше об этом не говорить! Господи! Если бы я ей противостоял в решительную минуту! Зачем не поступил я разумно! Но как же она настойчива и тверда! Бедная, бедная Луиза!

Энн спрашивала себя, не подверг ли он сомнению прежнюю свою убежденность в неоспоримых преимуществах твердого характера и не пришло ли ему на ум, что, подобно всем прочим качествам, и твердость должна иметь свои пределы и границы. Быть может, наконец мелькнет ему догадка, что иной раз натура, доступная доводам рассудка, вправе притязать на счастье ничуть не менее, чем самый решительный нрав.

Кони бежали быстрой рысцой. Энн подивилась тому, как скоро выступили им навстречу знакомые холмы. Из-за быстрой езды, а вдобавок оттого, что она боялась, пожалуй, конца его, путь показался ей вдвое короче вчерашнего. Почти стемнело, однако, когда они приблизились к Апперкросу. Все трое давно примолкли, Генриетта притулилась в уголку, прикрывши шалью лицо, и можно было надеяться, что она, наплакавшись, задремала, миновали последний переезд, и тут капитан Уэнтуорт вдруг обратился к Энн.

— Я все думал, как нам поступить, — сказал он. — Ей, пожалуй, сперва не нужно показываться. Это ее убьет. Я уж думал, быть может, вам лучше подождать с нею в карете, пока я все выложу мистеру и миссис Мазгроув? Как вы полагаете, разумно ли это?

Она нашла это разумным, он был доволен и более ничего не прибавил. Но вопрос его оставил радость в ее душе, как залог уважения к ней, как залог дружбы, — большую радость; и хотя то был, кажется, залог прощальный, ценность его оттого не уменьшалась.

Исполняя свой печальный долг, удостоверясь, что отец и мать приняли известие ровно с тем самообладанием, на какое и можно было рассчитывать, и что дочери лучше быть с ними рядом, он объявил о намерении своем вернуться в Лайм вместе с каретой и, едва задали корм лошадям, отправился в путь.

ГЛАВА XIII

статок своего пребывания в Апперкроссе, составивший всего две недели, Энн целиком проводила в Большом Доме и рада была, замечая, как нужна она мистеру и миссис Мазгроув, которые утешались ее обществом и вдобавок в расстроенном своем состоянии духа не могли без нее справиться с необходимыми приготовлениями.

В первое же утро получили они свежие сведения из Лайма. Луиза была все та же. Зато и не было признаков болезни более грозных. Несколько часов спустя явился Чарлз с подробным отчетом. Он не унывал. На скорое исцеление надежды мало, но все идет как в подобных случаях и положено. Говоря о Харвилах, он нахвалиться не мог их добротой и особенно восхищался тем, как самоотверженно миссис Харвил ходила за Луизой. Мэри решительно не остается никаких забот. Вчера их обоих убедили пораньше уйти в гостиницу. Нынче утром у Мэри снова разыгрались нервы. Когда он уезжал, она пошла гулять с капитаном Бенвиком, быть может, это будет ей на пользу. Сам он, пожалуй, предпочел бы, чтобы ее удалось отправить домой, раз миссис Харвил все равно все берет на себя.

Чарлз в тот вечер собрался обратно, и отец его решил было отправиться вместе с ним, но дамы не давали на это согласия. И другим будет больше хлопот, и ему больше горя; и тут родился более остроумный план и тотчас был приведен в исполнение. Послали карету и Крюкерна, и Чарлз оттуда привез куда более полезное лицо, а именно старую няню, которая вынянчила всех детей, дождалась, пока ленивца и баловня Харри отослали в школу следом за братьями, и теперь доживала свой век подле опустелой детской, штопала все чулки, врачевала все волдыри и шишки, какие попадались ей под руку, и была рада-радешенька, что ей разрешили ухаживать за голубушкой мисс Луизой. Миссис Мазгроув и Генриетте уже являлась смутная мысль о Саре, однако без поддержки Энн они и не решились бы и не сумели ее осуществить.

На другой день не кто иной, как Чарлз Хейтер, снабдил их подробными сведениями о Луизе, без которых они дня не могли прожить. Он не поленился съездить в Лайм, и отчет его вселял надежду. Луиза теперь реже

впадала в забытье. Судя по всему, капитан Уэнтурт оставался в Лайме.

Энн предстоял назавтра отъезд, событие, которое всех пугало. Что им без нее делать? Они друг другу слабые утешители. И до того они сетовали, что Энн сочла за благо сделать общим достоянием те намерения, в какие каждый ее тайком посвятил, и уговорить всех сразу отправиться в Лайм. Это оказалось нетрудно; скоро решили ехать, ехать завтра же, жить ли в гостинице, снять ли жилье — неважно, и дожидаться, пока не окрепнет бедняжка Луиза. Они облегчат труды пекущихся о ней добрых людей, они помогут миссис Харвил в ее заботах о собственных детях; словом, все так радовались принятому решению, что Энн была счастлива, что его подсказала, и, наблюдая их сборы и спозаранок провожая в путь, она была довольна последним утром своим в Апперкроссе, хоть сама и осталась таким образом в одиноком, покинутом доме.

Она была последней, исключая двух детишек, на Вилле, она была самой последней, единственной, оставшейся после тех, кто наполнял и оживлял оба дома и кому Апперкросс обязан был своим духом веселья. Сколько за немногие дни перемен!

Если Луиза выздоровеет, снова все будет хорошо. Здесь воцарится еще большая радость. Энн ничуть не заблуждалась насчет того, что последует за ее выздоровлением. Месяц-другой, и комнаты, ныне такие пустые, приют ее тихой задумчивости, снова наполнятся легким говором, смехом, счастьем взаимной любви, всем тем, от чего так далеко Энн Эллиот!

Обреченная на бездействие, она предавалась подобным размышлениям в пасмурный ноябрьский день, когда надолго зарядивший мелкий дождик туманил вид за окном, и потому, разумеется, обрадовалась, заслышав карету леди Рассел; и все же, как ни рвалась она отсюда уехать, расставаясь с Большим Домом, бросая прощальные взоры на Виллу, на черную ее, промокшую и неуютную веранду и даже на убогие домишки арендаторов, едва различимые сквозь мутное стекло, она не могла не грустить. В Апперкроссе промелькнули мгновенья, делавшие его незабвенным для ее сердца. Он был свидетель многих жестоких, теперь затянувшихся ран и редких минут облегчения, суливших примиренье и дружбу, на которые вперед уже нельзя ей надеяться и которые навеки останутся для нее драгоценны. Все

оставляла она позади, со всем расставалась, кроме воспоминаний.

Энн ни разу не бывала в Киллинче с тех самых пор, как покинула в сентябре дом леди Рассел. Нужды в том не было никакой, а когда ей изредка представлялся случай отправиться в Киллинч-холл, она от этого уклонялась. И воротилась лишь для того, чтобы вновь обосноваться в элегантных покоях Киллинч-лодж и радовать взоры хозяйки.

К радости, с которой леди Рассел готовилась встретить друга, примешивалось беспокойство. Она знала, кто частенько наведывался в Апперкросс. Но, к счастью, то ли Энн пополнела и похорошела, то ли так показалось леди Рассел; и, выслушивая ее комплименты, Энн забавлялась, соотнося их с молчаливым восхищением своего кузена и надеясь, что еще выпадет ей на долю новый расцвет юности и красоты.

Но вот они разговорились, и она сама заметила, какие в ее душе произошли перемены. Заботы, которые переполняли ее при расставании с Киллинч-холлом к которым привыкла она заглушать в семействе Мазгроув, выдававшим к ним столь мало интереса, теперь утратили для нее значение. Она потеряла из виду отца, и сестру, и Бат. Их нужды заслонились для нее нуждами Апперкросса; и когда леди Рассел, воскрешая прежние опасения и надежды, одобряла дом, снятый внаймы на Кэмден-плейс, или не одобряла то обстоятельство, что миссис Клэй до сих пор еще с ними не рассталась, Энн, к стыду своему, замечала, насколько ближе ей Луиза Мазгроув, и Лайм, и все тамошние знакомцы; насколько более занимает ее дружба Харвилов и капитана Бенвика, нежели устройство родного ее отца на Кэмден-плейс или приверженность к миссис Клэй ее родной сестрицы. Ей стоило немалых усилий с приличным вниманием поддерживать разговор, казалось имевший до нее самое прямое касательство.

Не без неловкости приступили они сперва и к другому предмету. Им пришлось коснуться несчастья в Лайме. Накануне, не успела леди Рассел переступить порог, на нее тотчас обрушилась неприятная новость; но следовало же ее и обсудить; надо было порасспросить, посетовать на неосторожность, пожалеть о последствиях, а при этом нельзя было не помянуть и капитана Уэнтуорта. Энн поняла, что ей это дается труднее, чем леди Рассел. Она никак не могла прямо смотреть ей

в глаза, выговаривая его имя, покуда не догадалась в беглых чертах сообщить, что думает она об его отношениях к Луизе. И сразу она почувствовала облегчение.

Леди Рассел оставалось ее выслушать и пожелать молодым людям счастья, но сердце ее дрожало от некоторого злобного удовольствия из-за того, что некто, в двадцать три года умевший, кажется, понять достоинства Энн Эллиот, восемь лет спустя мог плениться чарами Луизы Мазгроув.

Первые несколько дней прошли тихо, не разнообразясь ничем, кроме бог весть какими путями находивших Энн записок из Лайма о том, что Луиза чувствует себя лучше. По прошествии же этого срока учтивость леди Рассел взяла свое, и, подавив неприятные воспоминания, она сказала решительным голосом:

— Мне надо пойти к миссис Крофт. Мне непременно надо пойти, и не откладывая. Энн, достанет ли у тебя мужества переступить со мною вместе ее порог? Нам обоим предстоит, полагаю, тяжелое испытание.

Предстоящее испытание, однако, ничуть не ужасало Энн. Напротив, она со всею искренностью заметила:

— Вам, думаю, будет куда трудней; вы не смирились с переменами. Я же, оставаясь по соседству, с ними успела свыкнуться.

Она многое бы еще могла прибавить, ибо была о Крофтах мнения самого высокого, считала, что отцу ее необыкновенно посчастливилось, понимала, что прихожане обрели прекрасный пример, а бедняки — помощь и опору, и, как ни горько и стыдно было ей выдворяться из Киллинча, она в глубине души признавалась себе, что удалился тот, кто не заслуживал права здесь оставаться, и, простясь с владельцами, Киллинч-холл перешел в куда более достойные руки. Бесспорно, ей причиняли боль эти умозаключения и были они горьки; зато избавляли и от той горечи, которую, уж верно, испытывала леди Рассел, переступая знакомый порог и проходя по давно изученным покоем.

Нет, уж Энн-то не могла говорить себе: «Эти покои должны бы принадлежать нам одним. Ах, и кто же их теперь занимает! Древнее семейство обречено скитаться! И вместо него водворяется невесть кто!» Нет, только думая о покойнице матери, только вспоминая, как сидела она тут, бывало, во главе стола, и могла она вздыхать вышеописанным образом.

Миссис Крофт всегда встречала Энн с добротой, позволявшей надеяться, что она к ней благоволит, нынче же, принимая ее в этом доме, она была к ней особенно внимательна.

Скоро беседа сосредоточилась на печальном происшествии в Лайме, и, сопоставя свои сведения о пострадавшем, обе дамы пришли к выводу, что получили их в один и тот же час прошедшего утра: капитан Уэнтворт побывал вчера в Киллинче (впервые со дня несчастья), и он-то и доставил записку для Энн, как бы таинственным образом до нее дошедшую; он оставался несколько часов и потом вновь отправился в Лайм, не намереваясь, кажется, более покидать его. Расспрашивал он, в частности, и о ней; выражал надежду, что мисс Эллиот не переутомили недавние труды, и отнесся об этих трудах с большим уважением. Что было чрезвычайно мило с его стороны и доставило ей почти ни с чем не сравнимое удовольствие.

Что же до самого происшествия, две неколебимо разумные женщины, придерживаясь неопровержимых фактов, уж конечно, сошлись на том, что оно явилось следствием неосторожности и юного легкомыслия; что дело нешуточное и даже подумать страшно, как долго придется еще дрожать за здоровье Луизы и как еще долго будут сказываться потом следы сотрясения! Адмирал подвел общий итог, воскликнув:

— Скверно, ей-богу! И странная, однако, у нынешних молодцов манера выказывать нежные чувства! Правду я говорю, мисс Энн? Голову расшибать своему предмету! Расшибет — и пластырь накладывает!

Адмиральское острословие было не такого сорта, какой мог пленить леди Рассел, но Энн его очень ценила. Доброта и прямодушие адмирала Крофта были неотразимы.

— А ведь вам, верно, несладко, — сказал он, вдруг спохватившись, — сюда приходите и на нас любоваться. Мне было и невдомек, а ведь вам несладко. Однако, прошу, без церемоний. Обойдите весь дом, если вам угодно.

— В другой раз, благодарствуйте, сэр. Не теперь.

— Ладно, уж когда надумаете. Если угодно, можете заглянуть со стороны кустарников; кстати же и посмотрите, как мы там за дверью пристроили зонтики. Подходящее место, не правда ли? Однако (он осекся) вам-то, боюсь, оно и не покажется подходящим, вы их всегда в диванной держали. Вечная история. У всех

разный обычай, и каждому свой больше нравится; так что уж сами судите, приятно вам будет обходить дом или нет.

Энн отклонила его предложение со всевозможными благодарностями.

— Мы мало что переменили, — подумав, продолжал адмирал. — Очень мало. Мы уж вам в Апперкроссе докладывали, что перевесили двери прачечной. Это великое дело. Удивительно, и как люди так долго терпели эдакое неудобство! Вы уж сообщите сэру Уолтеру про наше преобразование да кстати же и прибавьте, что мистер Шеперд от него в восхищении. Да, скажу без ложной скромности, немногие наши перемены — всегда перемены к лучшему. А все моя жена. Сам-то я почти ничего не предпринимал, разве что вот приказал вынести из своей гардеробной огромные зеркала вашего батюшки. Превосходнейший человек ваш батюшка, и, должен заметить, истинный джентльмен. Однако, осмелюсь доложить, мистер Эллиот (тут на лице его отобразилось глубокое раздумье), надо полагать, редкостный для своих лет франт. Эдакая пропасть зеркал! Господи! Просто спасения не было от собственной персоны! Так что уж я прибегнул к помощи Софи, и мы живо их переселили; и я преудобно устроился с единственным моим зеркальцем для бритья и еще одной огромной штуковиной, к которой стараюсь не приближаться.

Энн, радуясь сама не зная чему, не нашлась с ответом; и адмирал, испугавшись, что хватил лишку, поспешил добавить:

— Как станете писать батюшке, мисс Эллиот, кланяйтесь ему, пожалуйста, от нас с миссис Крофт и передайте, что нам тут очень хорошо, лучше и пожелать нельзя. В малой столовой, должен доложить, дымоход немного чадит, да и то при норд-осте, и крепком, а такое от силы три раза за зиму случается. Мы теперь вдобавок всюду по соседству перебивали, так что уж можем судить — лучшего дома нет. Благоволите передать это вашему батюшке. Ему, верно, будет приятно.

Леди Рассел и миссис Крофт остались весьма довольны одна другою; но покуда не суждено было продолжаться знакомству, начавшемуся этим визитом; ибо, когда пришла пора отдавать его, Крофты объявили, что на несколько недель отправляются к своей родне на север графства и, пожалуй, не успеют воротиться до тех пор, когда леди Рассел снова уедет в Бат.

Таким образом Энн благополучно избежала опасности столкнуться с капитаном Уэнтуортом в Киллинч-холле и в обществе своего друга леди Рассел. Все обошлось, и она с улыбкой вспоминала о своих напрасных страхах и тревожениях.

ГЛАВА XIV

отя Чарлз и Мэри по приезде мистера и миссис Мазгроув в Лайм еще оставались там, и притом куда дольше, чем Энн почитала бы необходимым, они вернулись домой все-таки первыми из всего семейства; и, едва объявились в Апперкроссе, тотчас пожаловали в Лодж. Луиза, когда они ее оставили, уже садилась в постели; но голова у нее, правда ясная, очень болела и положительно сдали нервы; дело, без сомнения, шло на поправку, однако весьма трудно было с уверенностью сказать, когда можно будет ее перевезти; и родители, которые скоро собирались домой, чтобы повидаться с младшими детьми на рождественских каникулах, не смели и надеяться, что им удастся взять ее с собою.

Они кое-как все вместе размещались в Лайме. Миссис Мазгроув при любой возможности забирала к себе детей миссис Харвил, из Апперкросса поступали всяческие припасы, дабы облегчить участь Харвилов, те, в свою очередь, беспрестанно зазывали их к себе на обед, словом, обе стороны только и делали, что состязались в радушии и бескорыстии.

У Мэри, правда, были свои огорчения; однако, судя по тому, что она не спешила уезжать, удовольствий ей выпадало все же более, нежели скорбей. Бесспорно, Чарлз Хейтер навещался в Лайм куда чаще, чем ей бы хотелось; и когда они обедали у Харвилов, им прислуживала одна-единственная служанка; и миссис Харвил сперва всегда сажала на почетное место миссис Мазгроув; но чато потом она так трогательно каялась перед Мэри, узнавши, чья она дочь; и они столько раз на дню видались; и в их библиотеке столько сыскалось для нее романов и она так часто их меняла, что в конце концов Лайм был совершенно оправдан. Вдобавок ее возили в Чармут, и она купалась, и она посещала церковные службы, а в Лайме в храме было на кого поглядеть, не то что в скучной пустой церквушке у них в Апперкроссе; и по

причине всех этих обстоятельств вместе с сознанием необходимости, жертвенных своих трудов, Мэри очень мило провела две недели.

Энн спросила про капитана Бенвика. Лицо Мэри тотчас омрачилось. Чарлз расхохотался.

— О, капитан Бенвик отлично себя чувствует, но его не разберешь — такой странный молодой человек. Мы приглашали его к нам на несколько дней. Чарлз собирался пострелять дичь с ним вместе, он, казалось, был в восхищении, и я уж думала, что все улажено, как вдруг! Во вторник вечером он начинает извиняться пренелепейшим образом. «Он в жизни не брал в руки ружья», и «его не так поняли», и он обещал то, он обещал се, и в конце концов он попросту отказывается ехать! Решил, наверное, что заскучает с нами, но, смею думать, мы у себя на Вилле уж сумели бы развеселить даже и такого страдальца, как капитан Бенвик.

Чарлз снова расхохотался и сказал:

— Мэри, но ведь ты прекрасно знаешь, как обстоит дело. Все это (он повернулся к Энн) по твоей милости. Он воображал, что, отправясь к нам, он и тебя найдет под боком; а когда выяснил, что леди Рассел живет от нас в трех милях, сердце его не выдержало и он не нашел в себе сил ехать с нами.

Мэри не очень милостиво с этим соглашалась; то ли она полагала, что капитан Бенвик по рождению и состоянию своему не вправе влюбляться в дочь мистера Эллиота, то ли ей не хотелось допускать, что Энн скорее может привлечь гостя в Апперкросс, нежели она сама, — нам остается только строить догадки. Энн, однако, несколько не обескуражил такой поворот разговора. Смело признавшись себе, что она польщена, она продолжала расспросы.

— Ах, — воскликнул Чарлз, — он говорит о тебе в таких выражениях... — но тут его перебила Мэри:

— Помилуй, Чарлз, я и не слышала, чтобы он говорил об Энн. Энн, он о тебе и не упоминал.

— Пусть так, — согласился Чарлз. — Пусть не упоминал. Но для меня ясно как божий день, что он от тебя без ума. Он бредит книгами, которые прочитал по твоему наущению, ему хочется с тобою о них поговорить; в одной он даже что-то такое нашел, что-то такое... но нет! не стану уж притворяться, будто запомнил, но что-то очень, очень возвышенное — я сам слышал, как он рассказывал Генриетте; и как он говорил при этом о «мисс Эллиот»! Да, Мэри, тут уж я могу поручиться, своими ушами слышал,

а ты была в другой комнате. «Изысканность, любезность, красота». Вот! Совершенствам мисс Эллиот нет числа.

— Какая жалость! — вскричала огорченная Мэри. — Какая жалость в таком случае. Ведь мисс Харвил всего только в прошлом июне умерла. Невелика же цена его сердцу, не правда ли, леди Рассел? Я уверена, вы со мной согласитесь.

— Мне надо взглянуть на капитана Бенвика, прежде чем о нем судить, — отвечала леди Рассел с улыбкой.

— И у вас очень скоро явится такая возможность, уж поверьте, сударыня, — сказал Чарлз. — Хоть с нами он ехать не решился и станет откладывать свой официальный визит да последнего, можете не сомневаться, он вскорости ненароком заглянет в Киллинч. Я объяснял ему дорогу и расписывал красоты здешней церкви; он охотник до архитектурных красот, вот я и подумал, что у него будет достойный предлог, и верно — он слушал меня, весь внимание; я заключаю, что он очень скоро объявится. Словом, я вас предупредил, леди Рассел.

— Я с радостью приму всякого доброго знакомого Энн, — любезно отвечала леди Рассел.

— Ах, при чем тут Энн? — сказала Мэри. — Он же мой добрый знакомый. Мы последние две недели были неразлучны.

— В таком случае я счастлива буду принять капитана Бенвика, общего вашего доброго знакомого.

— Уверяю вас, сударыня, вы не найдете в нем ничего приятного. Таких скучных молодых людей свет не видывал. Нередко он проходил со мною от одного конца набережной до другого, ни разу не раскрыв рта. Нет, учтивым его не назовешь. Он вам не понравится, я уверена.

— В этом мы с тобою не сходимся, Мэри, — сказала Энн. — Я думаю, он понравится леди Рассел. Оценив достоинства его ума, леди Рассел, полагаю, перестанет замечать пороки его воспитания.

— Вот и я так думаю, — сказал Чарлз. — Я уверен, что леди Рассел он понравится. Он именно во вкусе леди Рассел. Суньте ему в руки книгу, и он день целый будет ее читать.

— Именно! — воскликнула Мэри с досадой. — Он уткнется в книгу, и заговорите ли вы с ним, уроните ли ножницы — он решительно ничего не заметит. Неужто такое может понравиться леди Рассел?

Леди Рассел наконец засмеялась.

— Право же, — сказала она, — вот уж не предполага-

*He has walked with me, sometimes,
from one end of the woods to the other
without saying a word*

ла, что мое мнение касательно кого бы то ни было может породить столь непримиримые споры. Я бы хотела, однако, чтобы сам он сюда явился. И вот тогда, Мэри, ты узнаешь мое суждение; а заранее судить я не берусь.

— Он вам не понравится. Могу поручиться.

Леди Рассел перевела разговор на другое. Мэри с воодушевлением заговорила о том, каким удивительным образом они столкнулись, а верней, разминулись с мистером Эллиотом.

— А вот этого человека я бы не желала видеть. Он уклонился от сердечных отношений с главою своего рода и тем произвел на меня пренебрежительное впечатление.

Сей приговор положил конец вдохновению Мэри и разом пресек ее излияния.

Хотя Энн не решалась расспрашивать о капитане Уэнтурте, долго ждать доброхотных рассказов о нем ей не пришлось. Как и следовало догадываться, расположение духа у него заметно изменилось к лучшему, он был уж не тот, что в первую неделю. С Луизой он не виделся; и так опасался, что свидание может повлечь для нее дурные последствия, что вовсе и не стремился увидаться; напротив того, он намеревался как будто уехать на неделю, пока ей не полегчает. Он собрался в Плимут и звал с собою капитана Бенвика, но, по настойчивым уверениям Чарлза, тот куда более расположен был отправиться в Киллинч.

Не подлежит сомнению, что и леди Рассел и Энн нередко с тех пор подумывали о капитане Бенвике. При звуке дверного колокольчика леди Рассел чудилось всякий раз возвращение его визита; бродила ли Энн, уступая милой привычке, по отцовым уголкам, навещала ли в деревне больных, воротясь, она всякий раз ждала, что застанет его либо известие о нем. Капитан Бенвик, однако, все не являлся. То ли Чарлз преувеличивал его рвение, то ли был он чересчур робок; и понапрасну прождав целую неделю, леди Рассел заключила, что он вовсе и не стоит того интереса, какой было начал в ней возбуждать.

Мазгроувы вернулись в Апперкросс встретиться со счастливою ребятнёю, распушенной на каникулы, и захватили с собой детишек Харвилов, усугубляя шум Апперкросса, а дом в Лайме погрузив в тишину. Генриетта осталась с Луизой, прочие же члены семейства водворились на своих местах.

Леди Рассел и Энн нанесли им однажды визит, и Энн имела случай убедиться, что Апперкросс снова ожил. Хотя ни Генриетты, ни Луизы, ни Чарлза Хейтера, ни капитана

Уэнтурта тут не было, все так преобразилось со дня ее отъезда, как только и пожелать можно.

У миссис Мазгроув искали защиты маленькие Харвилы, которых старалась она уберечь от тиранства мальчишек, явившихся с Виллы якобы их развлекать. В одном углу стоял стол, за которым щебечущие девчушки нарезали папиросную и золотую бумагу; а в другом поставец, заставленный подносами, ломился под тяжестью холодцов и пирогов, и там кутили буйные шалуны; вдобавок рождественский огонь ревел так, будто задался целью заглушить весь этот гомон. Чарлз и Мэри, разумеется, тоже явились; мистер Мазгроув почел своим долгом занимать леди Рассел и десять минут целых сидел с нею рядом и кричал во всю мочь, безуспешно, впрочем, стараясь перекричать детишек, неистовствовавших у него на коленях. Словом, то была выразительная картина счастья семейственного.

Энн, судя по собственному своему складу, склонна была почесть сей ураган весьма несовершенным средством для целения нервов, подорванных болезнью Луизы. Однако миссис Мазгроув, которая подозвала к себе Энн с тем, чтоб еще и еще раз поблагодарить от души за все ее заботы, заключая перечень невзгод, выпавших ей самой, заметила, обведя счастливым взором комнату, что после всего, чего она натерпелась, ничего нет целительней, чем тихие домашние радости.

Луиза быстро выздоравливала. Мать выражала надежду, что она сможет вернуться домой, пока не уедут обратно в школу ее братишки и сестренки. Харвилы обещались сопровождать ее в Апперкросс, когда бы она ни приехала. Капитан Уэнтурт покамест отправился навестить своего брата в Шропшир.

— Надо надеяться, вперед я запомню,— сказала леди Рассел, едва они вновь оказались в карете,— что не следует ездить в Апперкросс на рождественских каникулах.

У всякого свой вкус на шум, как и на прочее; и звуки могут казаться самыми безобидными или мучительными, вовсе независимо от их громкости. Когда леди Рассел спустила немного времени вернулась дождливым вечером в Бат и долгою чредою улиц проезжала от Старого Моста на Кэмден-плейс среди мельканья других карет, под тяжкий грохот фур и ломовиков, вопли газетчиков, зеленщиков и пирожников, под деревянный перестук башмаков, она нисколько не сетовала. То были звуки, неотъемлемые от удовольствий зимы; внемля им, она отдыхала душою; и, имея она привычку вслух выражать свои чувства, подоб-

Talking with a very round voice.

но миссис Мазгроув, она бы непременно сказала, что после долгой деревенской скуки ничего нет для нее целительней, чем эти тихие радости.

Энн не разделяла ее удовольствия. По-прежнему она решительно, хотя и молча, не любила Бата; едва различая за сеткой дождя зыбкие очертанья домов, она нисколько не стремилась разглядеть их получше; как ни был для нее тягостен долгий проезд по улицам, он все представлялся ей чересчур скорым; ибо кто же ей обрадуется? И с нежною тоской оглядывалась она назад, на кутерьму Апперкрасса и уединение Киллинча.

Последнее письмо Элизабет, впрочем, содержало интересные известия. Мистер Эллиот был в Бате. Он явился в дом на Кэмден-плейс; явился во второй раз и в третий. Был весьма обходителен. Если Элизабет и отец ее не обманывались, он столь же усердно искал теперь с ними дружбы и столь же ревностно выказывал к ним живой интерес, как прежде небрежение. Что ж, если так, весьма любопытно. И мистер Эллиот возбуждал приятное недоумение в леди Рассел, уже готовый отречься от недавних своих слов, обращенных к Мэри, что это человек, которого она не желала бы видеть. Она весьма и весьма желала бы его видеть. Ежели в самом деле он вознамерился занять подобающее ему место послушной ветви, он мог быть и прощен за то, что отторг было себя от родительского древа.

Энн куда менее занимало последнее обстоятельство, но она, пожалуй, и не прочь была вновь взглянуть на мистера Эллиота, чего не могла бы она сказать о многих других, кого предстояло ей встретить в Бате.

Доставя ее на Кэмден-плейс, леди Рассел отправилась далее, в собственное свое обиталище на Риверс-стрит.

ГЛАВА XV

эр Уолтер снял дом на Кэмден-плейс, в почтенном месте, достойном человека, столь выдающегося; и оба они с Элизабет к большому своему удовлетворению там обосновались.

Энн с тоской переступала порог, предвидя долгое заступление и спрашивая себя: «Когда же я смогу отсюда вырваться?» Ей, однако, оказан был прием, не вовсе лишенный сердечности, и она тотчас приободрилась. Отец

с сестрою искренно желали показать ей комнаты, а потому встретили ее милостиво. Когда садились обедать, было даже не без удовольствия отмечено, что теперь их четверо.

Миссис Клэй была приветлива и без усталости улыбалась, но ее-то улыбки и любезности ничуть не удивляли Энн. Она предвидела, что миссис Клэй при встрече с нею напустит на себя все что угодно, но обходительность остальных была ей внове. Они пребывали в самом превосходном расположении духа, и скоро ей довелось узнать причины сей радости. Слушать Энн у них не было особенной охоты. Тщетно попытавшись получить от нее подтверждение своим догадкам, что о них безутешно скорбят в округе, они после беглых незначительных рассказов тотчас перешли к рассказу о себе. Апперкросс не вызывал их интереса, Киллинч их мало занимал. Для них существовал только Бат.

Они имели удовольствие ее уверить, что Бат несколько не обманул их ожиданий. Дом их, без сомненья, был лучший дом на Кэмден-плейс, гостиные их затмевали все, в каких случалось им побывать и о каких они слышались, изяществом обстановки и вкусом убранства. Все искали с ними знакомства. Все набивались к ним в гости. Уж как уклонялись они от желающих им представиться, а их меж тем вечно одолевали визитными карточками лица, о которых они даже понятия не имели.

И в этом источник торжества? Удивлялась ли Энн тому, что отец и сестра ее счастливы? Нет, она этому не удивлялась, но она вздыхала при мысли, что отец ее не замечал униженности пережившихся обстоятельств, что он так легко сложил с себя тот почетный долг, какой налагает жизнь на плечи каждого помещика, и окунулся в суетность ничтожных городских удовольствий; и она вздыхала, и улыбалась, и недоумевала, когда Элизабет, раздвигая перед нею двери и важно водя из одной гостиной в другую, восхищалась их просторами; и это она-то, бывшая хозяйка Киллинч-холла, находила достаточным для своей гордости расстояние между двумя стенами в каких-нибудь тридцать футов!

Но это были не все причины их счастья. Был еще и мистер Эллиот. Энн многое слышала о мистере Эллиоте. Они не только простили его, они были от него в восхищении. Он был в Бате уже две недели (он проезжал через Бат в ноябре, направляясь в Лондон, и, хотя задержался всего на сутки, весть о том, что сэр Уолтер обосно-

вался в городе, достигла его, но он не успел тогда ею воспользоваться); теперь же он был в Бате уже две недели, и первым делом по приезде он оставил свою визитную карточку на Кэмден-плейс, а вслед за тем так настоятельно просил принять его, а когда его приняли, выказывал такую сердечную открытость, такую готовность заглаживать бывшее, такое желание вперед встречаться на родственной ноге, что прежнее их доброе мнение о нем совершенно восстановилось.

Они не находили в нем решительно никакой вины. Он как нельзя лучше объяснил мнимую свою небрежность. Все, оказывается, произошло единственно по недоразумению. Никогда не имел он намерения от них отречься; он боялся, что от него отреклись, неведомо почему, и молчал из одной только скромности. Когда же ему намекнули вскользь, что он, быть может, непочтительно отзывался о семействе и чести семейственной, он был просто вне себя! И это он-то, который всегда гордился тем, что носит имя Эллиота, и относительно родства придерживался всегда взглядов чересчур даже строгих для небрежного нашего века! Да, он был просто удивлен, но надеялся, что характер его и поступки в скором времени опровергнут коварные слухи. И сэр Уолтер ведь мог навести справки у всех, кто знал его; и, разумеется, старания, какие употребил он на то, чтобы при первой же возможности снова стать в положение родственника и предполагаемого наследника, в высшей степени доказывали его искренность.

Обстоятельства женитьбы его тоже, оказывается, заслуживали снисхождения. Сам он не мог их коснуться; но один очень близкий друг его, полковник Уоллис, человек весьма достойный, истинный джентльмен (и недурной собою, добавлял сэр Уолтер), который с большим вкусом жил в Мальборо Билдингс и по собственному его настойчивому ходатайству им представился через мистера Эллиота, упомянул кой-какие связанные с этой женитьбой подробности, служившие к оправданию мистера Эллиота.

Полковник Уоллис давно знал мистера Эллиота, близко знал и его супругу и вполне понимал, как могло все это случиться. Она была, разумеется, не знатного рода, но хорошо воспитанна, образованна, богата и без памяти влюбилась в его приятеля. Мистер Эллиот не мог этому противустоять. Она сама его домогалась. Иначе никакие бы ее деньги не соблазнили мистера Эллиота, и к тому же сэр Уолтер верил вполне, что она была красавица. Все это весьма и весьма меняло дело. Красавица, с большим состоянием, и без памяти влюблена! Сэр Уолтер, казалось, совершенно готов был понять мистера Эллиота; и хотя Элизабет не удавалось взглянуть на это обстоятельство в столь выгодном свете, оно и не вредило в ее глазах мистеру Эллиоту.

Мистер Эллиот явился еще и еще, обедал у них однажды, когда его пригласили, и был польщен, разумеется, оказанной честью, ибо они не давали обычно званых обедов; словом, он был польщен всяким доказательством

родственной близости и все свое счастье полагал в том, чтобы его принимали как своего на Кэмден-плейс.

Энн слушала и не понимала. Надо было помнить, и очень помнить понятия тех, кто вел рассказ. Она старалась быть снисходительной. Быть может, вся история этого примирения казалась столь несуразной и дикой лишь из-за способа, каким она излагалась. Ей сдавалось, однако, что в настойчивом желании мистера Эллиота после стольких лет быть принятым на Кэмден-плейс скрывалось нечто на первый взгляд незаметное. Со стороны практической он ничего не выигрывал от близости с сэром Уолтером; от разлада он ничего не терял. По всем вероятностям, он и сейчас был богаче, чем сэр Уолтер; Киллинч же все равно впоследствии должен был отойти к нему вместе с титулом. Для чего же человеку разумному, а он казался человеком весьма разумным, для чего же ему все это понадобилось? Энн находила тому одну только причину; и причиной была Элизабет. Возможно, когда-то она ему и правда понравилась, но случай и соображения пользы отвлекли его; и ныне, когда он мог распоряжаться собою как вздумается, ему захотелось к ней приблизиться. Элизабет, без сомнения, хороша собой, манеры ее самые изящные, благородные, а характера ее мистер Эллиот тогда не распознал, видя ее лишь на людях, да притом сам будучи зеленым юнцом. Как выдержат ее нрав и понятия его нынешний обострившийся взгляд — это уж дело другое. Энн от души желала, чтобы он обострился не чересчур, если мистер Эллиот и впрямь избрал своим предметом Элизабет. А сама Элизабет очень склонна была на это надеяться; и миссис Клэй всячески поддерживала ее надежды, судя по тому, как переглядывались они, когда речь шла о частых посещениях мистера Эллиота.

Энн упомянула о своих беглых встречах с ним в Лайме, но никого они не занимали. «А-а, да-да, возможно, то был мистер Эллиот. Они и не знали. Надо полагать, то был он». Им было не до ее описаний. Они сами хотели его описать; особенно сэр Уолтер. Он отдавал должное его благородной наружности, модной элегантности и тщательности туалета, приятному лицу, умным глазам; но, однако, не мог не сокрушаться о том, что у него так выдается нижняя челюсть, недостаток, с годами, пожалуй, усилившийся; впрочем, нельзя сказать, чтобы почти все черты его с годами не изменились к худшему. Мистер Эллиот, кажется, нашел, что он (сэр Уолтер) выглядит точь-в-точь как тогда, когда они расстались; но сэр Уолтер не мог

*The effect which a man's
and appearance produces.*

отвечать ему тем же, и это было так неловко. Однако и слишком роптать не приходится. Мистер Эллиот на вид куда лучше большинства мужчин, и сэру Уолтеру было бы не стыдно где угодно с ним показаться.

Весь вечер только и разговору было, что о мистере Эллиоте и его друге в Мальборо Билдингс. «Полковник Уоллис так мечтал им представиться! И мистер Эллиот так этого хотел!» Была еще и миссис Уоллис, известная покамест только понаслышке, ибо она со дня на день готовилась разрешиться от бремени; но, по словам мистера Эллиота, она была «преlestнейшая особа, в высшей степени достойная того, чтобы ее принимали на Кэмден-плейс», и как только она оправится, с ней собирались свести знакомство. Сэр Уолтер высоко ставил миссис Уоллис; говорили, она очень хороша собою, красавица. Ему не терпится ее увидеть. Он надеется, что это будет возмещение за все те некрасивые лица, которые ежедневно он встречает на улицах Бата. Главная беда Бата — множество некрасивых женщин. Он не хочет сказать, что тут вовсе уж нет хороших, но число некрасивых превышает всякое приличие. Он, гуляя, часто замечал, что на одну хорошенькую приходится тридцать, а то и тридцать пять пугал; а однажды, стоя у витрины на Бонд-стрит, он насчитал восемьдесят семь прошедших мимо женщин, и среди них хоть бы одна пристойная физиономия. Правда, утро было морозное, сильный мороз, какой может выстоять с честью едва ли одна красotka из тысячи, и все же, и все же в Бате прискорбно много уродливых женщин! А уж мужчины! О тех и говорить нечего. На улицах толпятся такие страшилища! Как мало привыкли здешние женщины видеть что-нибудь сносное, сразу заметно по тому воздействию, какое оказывает на них человек пристойной наружности. Ему еще не случалось прогуливаться под руку с полковником Уоллисом (а у того отличная военная выправка, хоть, правда, он рыжий), не привлекая к себе женских взоров; все, все женские взоры были бесспорно устремлены на полковника Уоллиса. Скромник сэра Уолтер! Ему однако не удался его смиренный маневр. Дочь его и миссис Клэй в один голос принялись намекать на то, что у спутника полковника Уоллиса выправка, пожалуй, не хуже и он вдобавок не рыжий.

— А как выглядит Мэри? — спросил сэр Уолтер, придя в самое веселое расположение духа.— В последний раз, когда я ее видел, у нее был красный нос, но, надеюсь, это не всякий день с нею бывает.

— Нет-нет! Это был чистейший случай. Она очень хорошо себя чувствует и прекрасно выглядит с самого октября.

— Если б я не опасался, что это побудит ее выходить из дому в скверную погоду с риском обветрить лицо, я послал бы ей новую мантилью и шляпку.

Энн раздумывала, не осмелиться ли ей намекнуть, что платье или чепец едва ли повлекут опасность подобного соблазна, когда стук в дверь заставил их отложить всякое попечение о благе Мэри. Стучат! И так поздно! Не мистер ли Эллиот? Он, они знали, обедал на Лэнсдаун Крессент и, верно, по пути домой решил их проведать. А больше и некому быть. Миссис Клэй была убеждена, что это мистер Эллиот. Миссис Клэй не ошиблась. Со всею пышностью, на какую были способны дворецкий и мальчик-слуга, мистер Эллиот был препровожден в гостиную.

Да, это был он, решительно он, только иначе одетый. Энн держалась чуть в стороне, пока он здоровался с остальными и оправдывался перед Элизабет за столь позднее вторжение, но он проезжал мимо и не мог удержаться, он хотел только узнать, не простудилась ли она и подруга ее накануне *et cetera, et cetera*; и все это высказывалось с самой изысканной учтивостью и столь лее учтиво принималось, после чего наступил черед Энн. Сэр Уолтер ее обозначил как свою младшую дочь. С разрешения мистера Эллиота, он его представит своей младшей (о Мэри было как-то забыто); и Энн, смущаясь и краснея, что было ей весьма к лицу, подошла к мистеру Эллиоту и по смятению его при взгляде на ее милые черты, надо думать не стершиеся из его памяти, тотчас догадалась, что прежде он и понятия не имел о том, кто она такая. Он был совершенно изумлен, но еще более был он обрадован. Глаза его сияли. Тотчас он высказал безмерное свое удовольствие оттого, что они оказались в родстве, напомнил прошедшее и умолял принимать его уже как знакомого. Он был все так же хорош, как в Лайме, только наружность его еще выигрывала, когда он говорил, и держался он в точности как должно, столь изящно, непринужденно и мило, что она могла сравнить его лишь с одним-единственным человеком. Он держался иначе, но, пожалуй, столь же безупречно.

Он присел с ними и весьма оживил общий разговор. Без сомнения, он был человек умный. И десяти минут достало, чтобы в этом убедиться. Тон его, способ выра-

жаться, предметы, какие он избирал, умение вовремя остановиться — все свидетельствовало об уме тонком и внимательном. При первой же возможности он завел речь о Лайме, желая сопоставить их наблюдения, но еще более того желая подивиться тому, как странно судьба их привела остановиться в одно время в одной гостинице; узнать о путях Энн; поведать о своих и выразить сожаление, что он упустил тогда возможность засвидетельствовать ей свое почтение. Она рассказала ему о том, что выпало ей на долю в Лайме. Он слушал с возрастающим участием. Он одиноко провел вечер в соседнем с ними номере; он слышал голоса, слышал общее веселье; решил, что они, верно, восхитительные люди, и рвался к ним душою, не имея, разумеется, ни малейшего подозрения о том, что он вправе им представиться. Ему бы спросить, кто они такие! Имя Мазгроув многое бы ему сказало. Что же, это отучит его от пагубного обычая никогда ни о чем не спрашивать в гостиницах, какой он взял себе за правило с юных лет, полагая, что любопытство не пристало человеку светскому.

— Никто, решительно никто не имеет более нелепых понятий о том, как следует себя вести, дабы не ударить лицом в грязь, — сказал он, — чем двадцатилетний молодой человек. Средства, какие он избирает, глупостью своею могут равняться лишь с теми целями, какие он себе ставит.

Но он не мог обращаться к одной только Энн. Он понимал это. Он стал поддерживать общий разговор, лишь изредка возвращаясь к Лайму. Постепенно, однако, он расспросил ее о том, что там произошло вскоре по его отъезде. Узнав о несчастном случае, он уже хотел узнать все подробности. Сэр Уолтер с Элизабет присоединились к его расспросам, но какая же тут была ощутима разница! Энн могла сравнить мистера Эллиота лишь с леди Рассел по тому, как искренне желал он охватить умом случившееся и как чутко понимал он, скольких мук стоил Энн ее рассказ.

Он пробыл с ними долго. Изящные часики на камине серебристо вызвонили одиннадцать раз, а дальняя колоушка ночного сторожа уже начинала им вторить, когда мистер Эллиот и все остальные спохватились, что он засиделся.

Энн и надеяться не смела, что первый ее вечер на Кэмден-плейс может пройти так приятно.

Было одно обстоятельство, в котором Энн, вотившейся в семейное лоно, хотелось бы удостовериться куда более, чем в том, что мистер Эллиот влюблен в Элизабет. Ей бы очень хотелось удостовериться, что отец ее не влюблен в миссис Клэй; но в первые часы пребывания дома ей отнюдь это не удавалось. На другое утро, спускаясь к завтраку, она поняла, что милая дама благородно прикинулась, будто собирается с ними расстаться. Миссис Клэй, верно, сказала,, что, раз приехала мисс Энн, сама она им вовсе не нужна, ибо Элизабет громким шепотом возразила: «Никакой вам нет причины уезжать. Уверяю вас, ровно никакой. Она для меня ничто в сравнении с вами»; а как раз когда она входила в дверь, отец ее произнес: «Сударыня, я не могу согласиться с вашим решением. Вы еще совсем не видели Бата. Вы только нам помогали. Не покидайте же нас теперь. Вы должны еще познакомиться с миссис Уоллис, с красавицей миссис Уоллис. Я знаю, для вашей благородной души созерцание красоты есть истинное наслаждение».

Он говорил с такой убежденностью, что Энн не удивилась, замечая, как миссис Клэй украдкой глянула на нее и на Элизабет. Собственные ее черты, быть может, выразили недоумение; но ее сестрицу эти хвалы благородной душе, кажется, ничуть не смутили. Милой даме оставалось уступить соединенным мольбам, и она обещала не уезжать.

В то же утро, когда Энн оказалась с отцом наедине, он одобрил изменения в ее внешности; объявил, что она «не так тоща, как прежде; кожа, цвет лица значительно улучшились; она теперь глаже, свежее. Чем она пользовалась?» — «Да ничем». — «Только «Гауленд»?» — «Да ничем вовсе». — «Ба! Удивительно». И, помолчав, он прибавил:

— Разумеется, тебе следует продолжать в том же духе. От добра добра не ищут. Не то я тебе рекомендовал бы «Гауленд», постоянное потребление «Гауленда» в весенние месяцы. Миссис Клэй пользовалась им по моей рекомендации, и сама видишь, какую он сослужил ей службу. Веснушек и следа не осталось.

Услышала бы Элизабет! Уж такие хвалы заставили бы ее призадуматься, тем более что Энн вовсе не заме-

47

тила, чтобы веснушек хоть сколько-нибудь убавилось. Да, верно, чему быть, того не миновать. И вреда от этого брака куда меньше будет, если Элизабет тоже вступит в брак. Ну, а сама она всегда найдет прибежище подле леди Рассел.

Визиты на Кэмден-плейс были сущим испытанием для сдержанности и учтивости леди Рассел. Видя миссис

Клэй в таком фаворе, а Энн в таком небрежении, она, когда бывала там, не могла постоянно не раздражаться; а когда там не бывала, она тоже огорчалась все время, какое у человека в Бате, пьющего воды, следящего за всеми печатными новинками, имеющего самый обширный круг знакомства, еще остается на огорчения.

Сведя знакомство с мистером Эллиотом, она, однако, ко всем прочим сделалась снисходительней, а быть может, холодней. Его манеры тотчас его рекомендовали; и, побеседовав с ним, она нашла в нем столько серьезности, вполне искупавшей его легкомыслие, что, как сама она потом признавалась Энн, она сначала едва не воскликнула: «И это мистер Эллиот?» и вообразить даже не могла никого более приятного и достойного ее уважения. Все сочеталось в нем; проницательность, точность суждений, знание света и доброе сердце; в нем сильно было чувство семейной привязанности и семейной чести, однако вовсе без заносчивости и пристрастия; он жил свободно, как и подобало человеку со средствами, однако не кичась своим богатством; обо всех важных делах имел он свое суждение, однако не бросая вызова мнению света и ни в чем не нарушая правил благоприличия. Спокойный, наблюдательный, сдержанный, чистосердечный молодой человек; никогда не отдавался он во власть минутной прихоти или самолюбия, рядящегося под великодушие; и он умел ценить то, что есть приятного и милого в домашнем кругу, как вовсе это не принято у иных молодых людей с неумным воображением. Леди Рассел не сомневалась, что он был несчастлив в браке. Так говорил ей полковник Уоллис, да и разве сама она не видела; несчастье, однако, не ожесточило его и (как очень скоро начала она догадываться) не мешало ему подумывать о новом выборе. Ради удовольствия видеть мистера Эллиота она готова была терпеть даже эту несносную миссис Клэй.

Уже несколько лет прошло с тех пор, как Энн поняла, что она и несравненный друг ее не обо всем судят одинаково; и потому ее несколько не удивляло, что леди Рассел не усматривала ничего странного или подозрительного, ничего, наводящего на мысль о тайной подоплеке, в той настойчивости, с какой мистер Эллиот искал с ними примирения. Леди Рассел находила вполне естественным, что мистер Эллиот, достигнув зрелых лет, задался целью поправить отношения с главою рода, и всякому человеку разумному это рекомендовало его с самой выгодной стороны; ясный рассудок всегда излечивается от глупых за-

блуждений юности. Энн, однако, позволяла себе слушать леди Рассел с улыбкой и наконец помянула Элизабет. Леди Рассел слушала, смотрела и в ответ лишь уклончиво заметила: «А-а, Элизабет! Пусть будет Элизабет. Поживем — увидим».

Леди Рассел все предоставляла будущему, и Энн по зрелом размышлении решила ей покориться. Сейчас ничего нельзя было заключить. В этом доме Элизабет всегда была первой и обыкновенно окружена такой почтительностью, привыкла к таким знакам вниманья, что больше, казалось уж, некуда. К тому же не следует забывать, что мистер Эллиот всего семь месяцев как овдовел. Промедление его было более чем извинительно. В самом деле, нередко, видя креп на его шляпе, Энн корила себя за непозволительные мысли; как бы ни был несчастлив этот брак, мистер Эллиот слишком долго прожил со своей женой, чтобы вот так, вдруг и разом, забыть печальный опыт, связанный с ее утратой.

Однако, к чему бы это все ни вело, он был, без сомнения, самым приятным из их здешних знакомых. Она ни с кем не могла сравнить его; с отрадой болтала она с ним о Лайме, где стремился он вновь побывать, кажется, не меньше, чем сама она. Не раз они возвращались к обстоятельствам их первой встречи. Из слов его явствовало, что он тогда смотрел на нее с живейшим интересом. Она и сама о том догадывалась; и она не забыла, как посмотрел на нее тогда тот, другой.

Не во всем их суждения были сходны. Он, замечала она, куда более придавал значения чинам и связям. И не из одной только учтивости, но с искренним увлечением входил он в заботы отца и сестрицы, которые, ей казалось, были их недостойны. Однажды утром местная газета оповестила, что Бат ожидает прибытия вдовствующей виконтессы Дэлримпл и дочери ее, достопочтенной мисс Картерет; и покой в доме на Кэмден-плейс на много дней был нарушен; ибо Дэлримплы (на беду, по мнению Энн) были в родстве с Эллиотами; глава рода мучился мыслью о том, как достойным образом им представиться.

Энн прежде не видела отца и сестрицу в отношениях их со знатью и теперь не могла не испытывать разочарования. Она ждала лучшего, полагаясь на их высокое мнение о собственном положении в свете, и невольно склонялась к желанию, которого и вообразить в себе не могла: она желала им побольше гордости; ибо речи о «наших родственницах леди Дэлримпл и мисс Картерет», «наших

родственников Дэлримплах» звучали на Кэмден-плейс с утра до вечера и безмерно ей докучали.

Сэр Уолтер знал покойного виконта, но не видел остальных членов его семейства; трудное положение сэра Уолтера осложнялось еще и тем, что с самой смерти упомянутого выше покойного виконта между семействами прервалась всякая переписка, ибо, как раз когда умер виконт, сэр Уолтер был опасно болен и в Киллинче допустили серьезное упущение. В Ирландию так и не послали соболезнующего письма. Грех пал на голову нечестивца; ибо, когда в свою очередь скончалась бедная леди Эллиот, никакого соболезнования от Дэлримплов не воспоследовало, а стало быть, приходилось опасаться, что Дэлримплы сочли отношения прерванными. Как уладить это щекотливое обстоятельство и снова стать на положение родственников — вот в чем был вопрос; вопрос, который, хотя и более разумно к нему относясь, леди Рассел и мистер Эллиот тоже полагали важным. Семейные связи должно поддерживать; хорошего общества должно искать; леди Дэлримпл сняла дом на Лаура-плейс и будет там жить три месяца со всею ей подобающей пышностью. В прошлом году она тоже была в Бате, и леди Рассел говорила о ней как о женщине очаровательной. Весьма желательно возобновить семейные связи, никак не роняя притом достоинства Эллиотов.

Сэр Уолтер, однако, распорядился по-своему и написал наконец пространное изысканное письмо, полное подробных объяснений, сожалений, извинений, высокочтимой своей кузине. Ни леди Рассел ни мистер Эллиот письма не одобряли, но оно сделало свое дело. Вдовствующая виконтесса прислала в ответ три строчки каракулей. Она-де рада и счастлива познакомиться. Труды завершились, оставалось пожинать плоды. На Лаура-плейс был нанесен визит, от вдовствующей виконтессы Дэлримпл и достопочтенной мисс Картерет получены визитные карточки и выставлены на общее обозрение, и всем и каждому говорилось о «наших кузинах леди Дэлримпл и мисс Картерет».

Энн было стыдно. Будь даже леди Дэлримпл и дочь ее преисполнены редких качеств, и то бы ей было стыдно того смятения, какое внесли они в дом на Кэмден-плейс. Но она ровно ничего в них не находила. Ни искусства светского разговора, ни остроты ума, ни тонкости обращения. Леди Дэлримпл слыла очаровательной только потому, что для всякого держала наготове улыбку и незна-

чаший учтивый ответ. Мисс Картерет и того не умела и была вдобавок столь дурна собою и неуклюжа, что, если бы не высокое происхождение, ее никогда бы не приняли на Кэмден-плейс.

Леди Рассел признавалась, что ожидала большего; но «все же полезно свести с ними знакомство»; а когда Энн решилась спросить мнения мистера Эллиота, он согласился с нею, что достоинств в них не много, однако утверждал, что коль скоро они родня, и принадлежат хорошему обществу, и собирают вокруг себя хорошее общество, то и нельзя их не ценить. Энн улыбнулась и сказала:

— По мне, хорошее общество, мистер Эллиот,— это общество людей умных, образованных и умеющих поддерживать занимательный разговор; вот что называю я хорошим обществом.

— Вы заблуждаетесь,— сказал он мягко.— Это не хорошее общество; это общество лучшее. В хорошем обществе требуют лишь происхождения, образованности и светских манер, да и то по части образованности там не слишком привередливы. Происхождение и манеры — вот главное; правда, кое-какие сведения и в хорошем обществе не почитают за грех; напротив, там их ценят. Моя кузина Энн качает головой. Она мною недовольна. Она чересчур взыскательна. Моя милая кузина (сядась подле нее), вы вправе быть взыскательной больше, чем любая из знакомых мне женщин; но к чему же приведет вас ваша взыскательность? Сделает ли она вас счастливою? Не лучше ли мириться с обществом милых дам на Лаура-плейс и пользоваться теми выгодами, какие сулит это знакомство? Поверьте, они станут самыми важными персонами в Бате нынешней зимою, и, если все будут знать о вашем с ними родстве, ваше семейство (позволю себе сказать — наше семейство) будет окружено тем почтением, к какому и следует всем нам стремиться.

— Да,— вздохнула Энн.— Уж конечно, все будут знать, что мы с ними в родстве! — Но вдруг опомнившись и не дожидаясь ответа, она прибавила:— В самом деле, мне кажется, слишком много труда положено на то, чтобы добиться этого знакомства. Мне кажется (она улыбнулась), во мне больше гордости, чем в вас во всех; но мне досадно, что мы так бьемся, чтобы нас признали родственниками те, кому, без сомнения, мы несколько не нужны.

— Простите мне, моя милая кузина, но вы несправедливо судите о собственном вашем положении в свете. Быть может, в Лондоне при нынешней вашей скромной

жизни все и было бы так, как вы говорите; но в Бате с сэром Уолтером Эллиотом и его семейством всякому лестно свести знакомство.

— Что же,— сказала Энн.— Разумеется, я горда, я чересчур горда, чтобы ценить радушный прием, который мне оказывают оттого, что я не в Лондоне, а в Бате.

— Ваше негодование мне по сердцу,— сказал он.— Оно так натурально. Однако сейчас вы в Бате и должно обосноваться здесь со всем достоинством, какое прилично сэру Уолтеру Эллиоту. Вы говорите, вы горды; меня называют гордым, я знаю, да я и не хотел бы иного; и в моей и в вашей гордости, если вдуматься, при всем различии, много сходства. На одном, я уверен, моя милая кузина (тут он понизил голос, хотя кроме них в комнате не было никого), на одном, я уверен, мы сойдемся. Мы сойдемся на том, что, кто бы ни дополнил окружение отца вашего из высших и равных, уже то одно хорошо, что мысли его отвлекутся от тех, кто ниже его.

При последних словах он взглянул на стул, который занимала недавно миссис Клэй, красноречиво поясняя недоговоренное; и хотя Энн не могла согласиться с тем, что гордость у них одинаковая, ей приятно было, что и он не любит миссис Клэй; и она признала в душе, что стремление его вовлечь сэра Уолтера в высшие сферы вполне извинительно, если притом он имеет целью избавиться от этой особы.

ГЛАВА XVII

окуда сэр Уолтер и Элизабет со всевозможным усердием делали карьеру на Лаура-плейс, Энн возобновила знакомство совсем иного рода.

Навестив старую свою учительницу, от нее она узнала, что в Бате сейчас живет однокашница Энн, которая имеет двойное право на ее участие — по прежней своей доброте и нынешним своим бедам. Мисс Хамилтон (а теперь миссис Смит) выказывала Энн доброту тогда, когда она всего более в ней нуждалась. Энн поступила в школу несчастная, горюя о нежно любимой матери, скупая по дому, и страдала, как только может страдать четырнадцатилетняя девочка с чувствительной душой; и мисс Хамилтон, тремя годами ее старше, задержавшаяся в школе оттого, что у нее не было близких родственни-

ков и своего крова, старалась облегчить ее участь, утешала как умела, и Энн не могла ей этого забыть.

Скоро мисс Хамильтон покинула школу, вышла замуж, говорили, вышла за богатого, и дальше Энн потеряла ее из виду, покуда из рассказа учительницы нынешняя ее судьба не открылась гораздо подробнее и в совсем ином свете.

Она была вдова, и вдова бедная. Муж был расточителен; и скончавшись два года тому назад, оставил дела свои совершенно расстроеными. Миссис Смит пришлось столкнуться с трудностями всякого рода, и в довершение несчастий ее поразил злой ревматизм, у нее отнялись ноги и теперь она была калека. Потому-то она и приехала в Бат, сняла жилье подле горячих источников, жила как нельзя более скромно, обходилась без прислуги и, разумеется, почти без всякого общества.

Общая знакомая уверяла, что миссис Смит будет счастлива видеть мисс Эллиот, и Энн без промедления к ней отправилась. Дома она не упомянула о своих намерениях. Там бы ее не поняли. Она поделилась только с леди Рассел, и та сердечно посочувствовала ей и с готовностью доставила к жилью миссис Смит на Уэстгейт Билдингс.

Визит был нанесен, знакомство восстановлено, в обеих с новой силой возродился былой интерес. В первые минут десять не обошлось без неловкости. Прошедшие двенадцать лет изменили обеих. За двенадцать лет Энн из цветущей пятнадцатилетней девчушки, молчаливой и угловатой, стала женщиной двадцати семи лет, прелестной, хоть никак не цветущей, умеющей властвовать собой, тихой и ровной в обращении; и за те же двенадцать лет хорошенькая мисс Хамильтон, пышущая здоровьем и спокойно снисходившая к младшей подруге, стала бедной увечной вдовой и принимала визит бывшей своей подопечной как благодеяние; вся неловкость, однако, быстро прошла и сменилась живыми воспоминаниями о добрых прежних днях и былых пристрастиях.

Энн встретила в миссис Смит здравый смысл и приветливость, на какие ей и хотелось надеяться, и разговорчивость и веселость, каких она вовсе не ожидала. Ни рассеяния прежней беззаботной жизни — а она очень много вращалась в свете, — ни нынешние лишения, ни горе, ни болезнь не замутили ума ее и не иссушили сердца.

Уже во время второй их встречи она совсем разоткровенничалась, и Энн только диву давалась. Энн и вообразить

не могла положения более безотрадного, чем у миссис Смит. Она горячо любила мужа — она его похоронила. Она привыкла к достатку — она его лишилась. У нее не было ни ребенка, который бы ее связывал с жизнью и счастьем, ни родственников, которые помогли бы уладить расстроенные дела, ни здоровья, которое давало бы силы сносить остальное. Все помещение ее состояло из одной шумной и одной темной комнатенки, и она не могла даже перейти из одной в другую без посторонней помощи, которую оказывала ей единственная на весь дом служанка, а на улицу выбиралась она лишь тогда, когда ее возили к горячим источникам. И вот, вопреки всему, редкие минуты унылой тоски чередовались у нее с часами деятельной радости. Как могло это быть? Энн присматривалась к ней, наблюдала, размышляла и пришла к заключению, что одного только мужества и покорности судьбе здесь бы не достало. Смиренный дух мог придавать терпения, сильная воля придавала бы стойкости, но было и что-то другое; помогала та гибкость, та готовность утешиться, та способность забывать о печальном ради веселого и находить занятия, отвлекаясь от себя, которая была в самой ее природе. Бесценный дар небес; и в друге своем Энн видела пример тому, как всякая скудость восполняется милосердным попечением.

Было время, рассказывала миссис Смит, когда она едва не отчаялась. Теперь-то она себя уж не считает немощной. А что было, когда она впервые явилась в Бат! Вот когда она в самом деле хлебнула горя; дорогой простудилась и, не успев приехать, оказалась прикованной к постели, страдая от жестокой и неотступной боли; и притом среди чужих людей, когда ей позарез нужна была сиделка, а средства не позволяли ни единой лишней траты. Однако вот ведь она выжила, и, должна сказать, эти перипетии пошли ей на пользу. Какое утешение знать, что ты в надежных руках! Она многого понавидалась на свете и не ждала, чтобы ее всюду принимали с распростертыми объятиями, но болезнь ее показала, что хозяйка дорожит своей репутацией и не обидит ее; а уж как посчастливилось ей с сиделкой! Это сестра хозяйки, сиделка по ремеслу, и она жила у сестры, когда была свободна, и как она ей помогла! «Мало того,— сказала миссис Смит,— что она меня выходила, она оказалась вдобавок незаменимой знакомой. Едва я снова стала шевелить руками, она выучила меня вязать, а это так развлекает; и она же меня надоумила делать подушечки для иголок, салфеточки

и мешочки, которыми вечно я занята и которые доставляют мне средства помогать нескольким очень бедным семьям по соседству. Знакомство у нее самое широкое, и все люди с деньгами, и она распространяет среди своих подопечных мои изделия. О, она умеет выбрать минутку. Сердце у тебя открыто, если ты только что избавился от непереносимой боли или вновь наслаждаешься здоровьем, и уж няня Рук знает, как тут подступиться. Умница, на редкость сметливая женщина. Вот кто понимает природу человеческую; здравого смысла и зоркости у нее столько, что многие из тех, кто похваляются отменной образованностью, могли бы ей только позавидовать. Назовите это сплетнями, если угодно, но, когда няне Рук выпадает часок досуга и она может мне его посвятить, у нее всегда найдется что порассказать забавного и назидательного про род людской. Приятно ведь послушать о том, что происходит на свете, узнать о разных глупостях и пустяках, которыми заняты ближние. Когда живешь одна-одинешенька, знаете ли, научаешься ценить и такой разговор.

Энн вовсе не хотелось портить ей удовольствие, и она сказала:

— Разумеется. У женщин такого рода большой жизненный опыт, и, если они умны, их интересно слушать. В каком только свете не раскрывается им природа человеческая! И не одни лишь слабости ее знают они наизусть; ибо нередко они ее наблюдают в обстоятельствах самых трогательных и поучительных. Примеры пылкой, бескорыстной, самоотреченной любви, героизма, стойкости и терпения проходят перед их глазами; они свидетели борений и жертв, какие более всего нас облагораживают. Комната больного может заменить собою целые томы.

— Да,— согласилась миссис Смит, впрочем, не очень уверенно,— вы, пожалуй, правы, хотя уроки эти, боюсь, не столь возвышенны, как вы себе представляете. Случается, что природа человеческая делается прекрасной от страданий; но, вообще говоря, в комнате больного скорее увидишь слабость, а не величие. Себялюбие и нетерпенье встретишь там куда чаще, чем великодушие и стойкость. Как мало на свете дружбы истинной! И к несчастью (тут голос ее дрогнул), многие забывают о самом важном, пока не сделается слишком поздно!

Энн понимала, какой ценою куплены эти мысли. Муж вел себя не так, как должно, заставляя жену свою вра-

щаться среди людей, которые и побудили ее думать о человечестве хуже, надеялась Энн, чем оно того заслуживало. Миссис Смит, однако, недолго предавалась унынию; почти тотчас она его отогнала и прибавила уже совсем другим тоном:

— Боюсь, что в ближайшее время миссис Рук мало сумеет мне сообщить забавного. Она сейчас ухаживает за миссис Уоллис на Мальборо Билдингс; надо думать, хорошенькой, пустой, избалованной светской дамой; и сможет порассказать, верно, только о нарядах да о кружевах. Однако из миссис Уоллис я тоже надеюсь извлечь прок. Денег у нее куры не клюют, и я рассчитываю сбыть ей кой-какие дорогие вещицы.

Энн несколько раз успела навестить приятельницу, пока самое существование ее сделалось известно на Кэмпден-плейс. Наконец явилась, однако, необходимость заговорить о ней. Сэр Уолтер, Элизабет и миссис Клэй воротились однажды утром с Лаура-плейс с неожиданным приглашением от леди Дэлримпл на тот же вечер, тогда как Энн уже обещала провести вечер на Уэстгейт Билдингс. Ей ничуть не жаль было отклонять приглашение. Их звали потому только, она не сомневалась, что леди Дэлримпл, принужденная сидеть дома по случаю своего насморка, рада была воспользоваться родством, которое ей навязывали; и с большой живостью Энн сказала:

— Я сегодня обещала быть у старой школьной подруги.

Они не очень входили в ее дела; но и нескольких вопросов достало, чтобы выяснить, кто эта старая подруга. Элизабет не скрывала презрения. Сэр Уолтер был немолчим.

— Уэстгейт Билдингс! — воскликнул он. — Пристало ли мисс Энн Эллиот посещать Уэстгейт Билдингс? И потом — кто такая миссис Смит? Вдова мистера Смита. Но кто был муж ее? Один из пяти тысяч Смитов, от которых нигде нет проходу. И чем сама она взяла? Тем, что стара и больна! Да, мисс Энн Эллиот, странный же у вас вкус! Все, что других отвращает — низкое общество, дурное помещение, затхлый воздух, неприятная компания, — для вас привлекательно. Однако отложи-ка ты старуху на завтра; она ведь не умирает еще, авось до завтра проскрипит. Сколько ей лет? Сорок?

— Нет, сэр, ей не исполнилось еще и тридцати одного. Но, боюсь, я не смогу отложить свой визит, потому что после нам с нею трудно будет сговориться. Завтра

она принимает горячие ванны; а потом мы всю неделю заняты, вы сами знаете, сэр.

— А что думает леди Рассел об этом знакомстве? — спросила Элизабет.

— Она в нем не видит ничего предосудительного, — отвечала Энн. — Напротив, она его одобряет и всегда подвозит меня в своей карете, когда я навещаю миссис Смит.

— Изумляются же, верно, на Уэстгейт Билдингс, видя, как останавливается там карета, — заметил сэр Уолтер. — Вдова сэра Генри Рассела, конечно, не имеет славного герба, но экипаж у нее прекрасный, и многим, без сомнения, известно, что нередко в нем разъезжает мисс Эллиот. Вдова миссис Смит! На Уэстгейт Билдингс! Бедная вдова, без всяких средств и на четвертом десятке! Какую-то миссис Смит, никому не ведомую миссис Смит избирает мисс Энн Эллиот своей подругой и предпочитает своим родственницам, принадлежащим к одному из лучших семейств во всей Англии, во всей Ирландии! Миссис Смит! Фамилия-то какая!

Миссис Клэй, присутствовавшая при сей беседе, тут почла за благо удалиться, и Энн многое бы могла сказать и кое-что очень хотела сказать в защиту притязаний своего друга, не столь уж отличных от их собственных, и лишь дочернее почтение ее остановило. Она ничего не ответила. Она предоставила сэру Уолтеру самому вспомнить, что миссис Смит не единственная в Бате вдова без средств, на четвертом десятке и не осиянная блеском славного имени.

Энн пошла туда, где ее ждали, так же поступили и остальные, и наутро, разумеется, узнала она, что они провели незабываемый вечер. Только ее недоставало, ибо сэр Уолтер и Элизабет не просто сами были к услугам ее сиятельства, но с удовольствием сослужили ей службу, призвав к ней еще кой-кого; взяли на себя труд пригласить леди Рассел и мистера Эллиота; и мистер Эллиот почел своим долгом пораньше уйти от полковника Уоллиса, а леди Рассел переменяла все свои планы, с тем чтобы явиться к ее сиятельству. К счастью, Энн могла узнать о том, что происходило у леди Дэлримпл, и от самой леди Рассел. Всего интересней ей было то, что леди Рассел и мистер Эллиот, оказывается, много о ней говорили; ее ждали, об ее отсутствии жалели, но ее и одобряли, узнав о причине отсутствия. Доброта и внимательность, побудившие ее навещать старую подругу, больную и бед-

ную, кажется, привели в восхищение мистера Эллиота. Она казалась ему удивительной юной особой; характер, поведение и ум ее казались ему образцом всех женских достоинств. Даже и самой леди Рассел он умел угодить столь высокой аттестацией ее милого друга Энн; и Энн не довелось бы узнать так много от своего друга леди Рассел, не довелось бы узнать, как высоко какой-то умный человек ее ценит, если бы леди Рассел не хотелось при этом с ней поделиться кое-какими отрадными соображениями.

Леди Рассел наконец-то составила решительное суждение о мистере Эллиоте. Она так же твердо была убеждена, что он намерен со временем просить руки Энн, как и в том, что он ее достоин, и начепа уже высчитывать, сколько недель должно пройти, покуда сможет он отбросить стеснительные условности нынешнего своего положения и предстанет во всем блеске. Она и наполовину не приоткрывала Энн своей уверенности, лишь туманно намекая на то, что может произойти в дальнейшем, на вероятность его склонности и желательность союза, который явится следствием сей склонности, буде она окажется взаимной. Энн слушала и не перечила; она лишь улыбалась, краснела и покачивала головой.

— Я никого не сватаю, ты знаешь,— сказала леди Рассел,— ибо слишком убедилась в том, как неверны все наши расчеты и чаяния. Я только полагаю, что, если бы мистер Эллиот стал за тобою ухаживать и победил твое сердце, я полагаю, вы могли бы быть счастливы. Всякий бы почел этот брак равным, но я полагаю, он был бы и счастливым.

— Мистер Эллиот человек редких качеств, и я очень высоко его ставлю,— сказала Энн.— Но мы не подходим друг другу.

Леди Рассел пропустила слова ее мимо ушей и в ответ только заметила:

— Признаюсь, думать о тебе как о будущей хозяйке Киллинч-холла, о будущей миссис Эллиот, думать, что ты займешь когда-нибудь место твоей матери и наследуешь все права ее, как наследовала ты ее добродетели, для меня несравненное утешение. Ты вылитая мать и лицом, и по уму и сердцу, и ежели мне доведется увидеть, что ты хозяйка в том же доме, носишь то же имя, первенствуешь в тех же краях и тем лишь от нее отличаешься, что тебя более ценят, мне в мои годы большей радости и не надобно.

Энн пришлось отвернуться, отойти к дальнему столу и склониться к нему под каким-то предлогом, чтобы унять чувства, нахлынувшие на нее при словах леди Рассел. На несколько мгновений воображение ее и сердце пленились этой картиной. Стать тем, кем была ее мать, носить вслед за нею имя «леди Эллиот», основаться в Киллинче, назвать его вновь своим домом, своим кровом навеки,— то были мечты, которые не так-то легко отогнать. Леди Рассел не прибавила более ни слова, полагаясь на естественный ход событий и веря, что остальное уж мистер Эллиот скажет сам за себя; короче говоря, она верила в то, во что не верила Энн. Ибо при одной мысли о том, как стал бы мистер Эллиот сам за себя говорить, она тотчас овладела собой. «Леди Эллиот», Киллинч тотчас утратили очарование. Быть женою его она не могла. И не только оттого, что чувства ее еще противились всем, кроме одного-единственного; нет, хорошенько рассудив, она решила не в пользу мистера Эллиота.

Хотя знакомы они были уже месяц, она не могла бы сказать, что изучила его характер. Он был умен, мил, умел поддержать разговор, придерживался здравых понятий, суждения его были благородны и верны,— все это бесспорно. Ему, без сомнения, были известны нравственные правила, и она не замечала, чтобы хоть одним из них он пренебрег. И однако она не поручилась бы, что всегда и во всем он повел бы себя так, как должно. Она не доверяла если не настоящему его, то прошедшему. Имена прежних знакомцев, мелькавшие в речах его, намеки на прежние увлечения и занятия, вызывали в ней смутные подозрения. Она понимала, что некогда им владели дурные привычки, что случалось ему и повесничать, что был в его жизни период (и не краткий, быть может), когда он по меньшей мере беспечно смотрел на вещи существенные; и хоть сейчас он, быть может, переменился, кто же ответит за истинные чувства умного, осмотрительного человека, достаточно зрелого, чтобы понять, что такое благородный характер? Кто поручится, что душа его совершенно очистилась?

Мистер Эллиот был рассудителен, хладнокровен, благоразумен, но он не был открыт. Ни разу не видела она, чтобы он загорелся, пришел в негодование или в восторг от чужого дурного или доброго поступка. Это, на ее вкус, был важный недостаток. Она не могла отрешиться от давних своих впечатлений. Чистосердечие и прямоту ставила она выше всех прочих качеств. По-прежнему ее

воображение пленяли пылкость и жар души. По-прежнему куда более полагалась она на тех, кому иной раз случилось высказаться неосмотрительно или поспешно, чем на тех, кому никогда не изменяло присутствие духа и с чьих уст никогда не слетало опрометчивое слово.

Мистер Эллиот был мил со всеми, и мил чересчур. Как бы ни были несхожи характерами обитатели Кэмден-плейс, он всем равно угождал. Он чересчур был терпим, он чересчур умел нравиться. Он говорил о миссис Клэй, не скрывая своей неприязни; кажется, он вполне понимал, что у ней на уме, и ее презирал; и однако миссис Клэй находила его приятнейшим молодым человеком.

Леди Рассел видела в нем либо меньше, либо больше, чем юный друг ее, ибо она не видела ничего, возбуждавшего недоверие. Она и вообразить не могла в мужчине больших совершенств, чем в мистере Эллиоте; и ни о чем никогда она так сладко не мечтала, как о том, чтобы нынешней осенью он венчался с ее возлюбленной Энн в киллинчской церкви.

ГЛАВА XVIII

астал февраль, и Энн, проведя в Бате уже месяц, с нетерпением ожидала известий из Лайма и Апперкрасса. Чересчур скудны были новости, сообщаемые Мэри, а последние три недели и вовсе не приходило от нее писем. Энн знала только, что Генриетта вернулась домой; что Луиза, хотя, по общему мнению, быстро выздоравливала, все еще оставалась в Лайме; и вот однажды она продумала о них вечер целый, и как раз ей подали письмо от Мэри, подробней обычного; и в довершение удовольствия принесли его от адмирала и миссис Крофт.

Крофты в Бате! Приятное обстоятельство. Она искренне была к ним расположена.

— Как? — воскликнул сэр Уолтер. — Крофты в Бате? Крофты, которые снимают Киллинч? И что же они тебе привезли?

— Письмо с Апперкрасской виллы, сэр.

— Ох уж эти письма. Удобный предлог. Верней нет средства представиться. Впрочем, адмирала Крофта я бы и без того навестил. Он того заслуживает: он мой съемщик.

Энн не могла более слушать; от нее так и ускользнуло, за что простили бедному адмиралу цвет его лица; ее занимало письмо. Начато оно было несколькими днями ранее.

«7 февраля.

Моя дорогая Энн. Не прошу извинить мне мое молчание, ибо знаю, как мало думаешь о письмах в месте, подобном Бату. Надеюсь, тебе там весело и ты совсем забыла про Апперкросс, о котором, ты сама понимаешь, толком и сообщить-то нечего. Рождество мы провели ужасно как скучно; у мистера и миссис Мазгроув даже ни разу за все каникулы не пообедали гости. Хейтеры, разумеется, в счет не идут. Теперь, слава богу, вакации кончились; удивительно, до чего долгие вакации у этих детей. У меня никогда таких не бывало. Вчера мы наконец избавились от всех, кроме маленьких Харвиллов; представь — эти еще остались. Миссис Харвил, однако же, долго без них обходится. Странная мать. Я не понимаю ее. На мой взгляд, в детях ее мало приятности, но миссис Мазгроув любит их, кажется, ничуть не меньше, а быть может, и больше, чем собственных внуков. Какая убийственная у нас тут погода! В вашем Бате с его прекрасными мостовыми вам оно и незаметно. То ли дело в деревне! Ко мне с середины января ни одна живая душа не заглянула, исключая Чарлза Хейтера, которому куда реже следовало бы являться. Положа руку на сердце, жаль, что Генриетта не осталась с Луизой в Лайме; там она скорее была бы избавлена от его общества. Сегодня в Лайм отправляют карету за Луизой и Харвилами; их ожидают здесь завтра. Нас, однако, не зовут с ними обедать до самого послезавтрашнего дня. Миссис Мазгроув опасается, как бы ее не растрясло дорогой, но, по-моему, ничего с ней не станется, когда о ней все так пекутся, а вот мне гораздо удобней было бы у них отобедать завтра. Я рада, мой друг, что тебе по сердцу мистер Эллиот, и сама бы хотела с ним познакомиться; мне всегда не везет; вечно я в стороне, когда что-то происходит приятное; обо мне о последней из всей семьи вспоминают. Какую бездну времени провела, однако, с Элизабет миссис Клэй. Что же она — расположена навеки с ними остаться? Впрочем, если б она и освободила место, нас, боюсь, все равно б не позвали. Дай знать, какого ты мнения на сей счет. Детей моих, разумеется, не пригласят. Но на месяц или на полтора я легко могла бы оставить их в Большом Доме. Сейчас я узнала, что Крофты чуть ли не

завтра собираются в Бат. У адмирала бояться подагры. Чарлз об этом узнал благодаря чистейшему случаю; у них недостало учтивости меня известить. Можно бы иметь и более любезных соседей. Мы совершенно их не выдаем, но это, согласись, уж последняя капля. Чарлз нежно тебе кланяется.

Твоя любящая сестра *Мэри Мазгроув*.

К сожалению, должна прибавить, что здоровье мое оставляет желать лучшего; а Джемайма только что сообщила мне со слов мясника, что все вокруг страдают ангиной. Я непременно ее подхвачу; а моя ангина, ты знаешь, всегда хуже, чем у других».

Так заключалась первая часть письма, вложенная затем в конверт вместе со второй, не менее пространной частью.

«Я не стала запечатывать письмо, чтобы сообщить тебе, как перенесла Луиза дорогу, и теперь очень рада, ибо могу рассказать еще много забавного. Во-первых, вчера мне принесли записку от миссис Крофт, где она спрашивает, не может ли чем-нибудь мне служить; очень милая, поистине дружеская записка, и адресована мне по всем правилам; так что я теперь могу написать предлинное письмо. Адмирал не кажется уж очень больным, и я от души надеюсь, Бат принесет ему пользу, на какую он и рассчитывает. Я искренне рада буду, когда они воротятся в наши края. Не так-то много вокруг семейств, столь приятных. Да, но надобно же тебе рассказать о Луизе. Во вторник вернулась она домой в целости и сохранности, и вечером, когда мы явились в Большой Дом справиться о ее здоровье, мы, к нашему недоумению, не застали там капитана Бенвика, который вместе с Харвилами был приглашен в Апперкросс. И что бы ты думала? Представь, он влюбился в Луизу и не осмелился явиться сюда, покуда не получит ответа от отца ее; ибо сами они меж собой все уладили в Лайме, и он через Харвилов послал письмо мистеру Мазгроуву. Вот уж поистине — нет слов! Признайся, ты удивлена? Странно, если ты что-нибудь знала, ибо я ничего подобного и вообразить не могла. Миссис Мазгроув божится, что ни о чем не догадывалась. Все мы, однако, весьма довольны. Разумеется, это не то, что выйти за капитана Уэнтуорта, но зато в сто раз приятней, чем сочетаться с Чарлзом Хейтером; и мистер Мазгроув послал свое согласие, и нынче капитана Бенвика ждут в Апперкроссе.

Миссис Харвил признается, что муж ее горюет о бедной сестре своей; но Луиза меж тем их общая любимица. Мы с миссис Харвил пришли к заключению, что полюбили ее еще больше после того, как ее выхаживали. Чарлз все гадает, что скажет капитан Уэнтворт; но, если помнишь, я сама никогда не думала, будто он равнодушен к Луизе. Зато и капитана Бенвика никто уж не станет называть твоим обожателем. Не постигаю, как Чарлз мог такое забрать себе в голову. Надеюсь, вперед он меньше будет со мною спорить. Разумеется, Луиза Мазгроув могла составить и лучшую партию, однако и это в миллион раз лучше, чем породниться с Хейтерами».

Мэри напрасно опасалась, что сестра может быть готова к ее сообщению. Никогда еще в жизни не бывала она так удивлена. Капитан Бенвик и Луиза Мазгроув! Вот уж ни за что бы Энн не поверила! И величайшего труда ей стоило оставаться в комнате, сохранять наружное спокойствие и кое-как отвечать на вопросы, приличные случаю. К счастью ее, их было немного. Сэр Уолтер желал узнать, запряжена ли четверкой карета Крофтов и располагают ли они поселиться в такой части Бата, где мисс Эллиот и ему самому не стыдно будет их посещать; но спрашивал он без особенного любопытства.

— Как поживает Мэри? — осведомилась Элизабет и, не дожидаясь ответа: — Господи, и что привело их в Бат?

— Они явились ради адмирала. Опасаются, что у него подагра.

— Подагра и немощность! — отозвался сэр Уолтер. — Бедный старикан!

— Есть ли у них здесь знакомые? — спросила Элизабет.

— Не знаю. Но, полагаю, адмирал Крофт в своем возрасте и при ремесле своем едва ли много найдет знакомых в подобном месте.

— Думаю, — сдержанно заметил сэр Уолтер, — адмирала Крофта скорее будет здесь рекомендовать то, что он съемщик Киллинч-холла. Стоит ли нам пытаться представить его с женою на Лаура-плейс, как ты полагаешь, Элизабет?

— Ах, нет! Едва ли. При нашем близком родстве с леди Дэлримпл мы не можем не считаться с ее интересами и подсовывать ей ненужные знакомства. Не будь мы родственники — ну, куда бы ни шло; но к любому нашему предложению, предложению родственников, она непременно

но прислушается. Пусть уж Крофты сами ищут себе знакомых в своем кругу. Тут много ходит разных чудаков, и, говорят, они моряки. Пусть Крофты с ними и знакомятся.

Так отозвались на письмо сэр Уолтер и Элизабет; затем миссис Клэй внесла свою лепту, более любезно осведомясь о здоровье миссис Чарлз Мазгроув и ее прелестных деток, и Энн вырвалась на свободу.

У себя в комнате предалась она размышлению. Пускай его Чарлз рассуждает о том, что скажет теперь капитан Уэнтворт! Сам он, верно, отступился от Луизы, сам отдалился от нее, разлюбил, понял, что не любил никогда. Она не могла поверить в предательство, небрежение, обиду или жестокость между такими друзьями, как они с капитаном Бенвиком. Нет, не могла такая дружба быть низко попорана.

Капитан Бенвик и Луиза Мазгроув! Веселая трещотка Луиза и печальный мечтатель, задумчивый книголюб капитан Бенвик! Казалось, они вовсе друг для друга не созданы. Можно ли вообразить несходство, более полное! И что же причиной внезапной склонности? Скоро ответ явился сам собою. Обстоятельства их сблизили. Несколько недель жили они бок о бок; вместе вращались в узком домашнем кругу. После отъезда Генриетты они почти целиком предоставлены были друг другу, и Луиза, едва оправившись после болезни, была, надо полагать, особенно трогательна, а капитан Бенвик не был безутешен. Энн и прежде против воли об этом подозревала; и вопреки заключению, какое делала Мэри из последних событий, они только подтверждали ее догадку, что он и к ней самой испытывал теплющуюся нежность. Однако даже суровая Мэри не могла б упрекнуть ее в том, что она слишком тешит свое тщеславие сим наблюденьем. Напротив, она была убеждена, что всякая молодая женщина, не вовсе лишенная привлекательности, которая бы слушала его и понимала, встретила бы в его сердце точно такой же отзыв. Сердце у него было нежное. Оно было открыто для любви.

И почему бы им не составить счастливую пару? Луиза обожала моряков, и уж одно это неплохо для начала, а разность меж ними постепенно сгладится. Он со временем сделается веселей, она выучится ценить лорда Байрона и Вальтера Скотта; нет, верно, уже выучилась; ибо не без участия поэзии и зажегся в них, конечно, любовный пламень. Мысль о Луизе Мазгроув, поглощенной поэзией и тихими нежными думами, поистине была за-

бавна, но Энн не сомневалась в том, что она угадала правду. Тот день в Лайме, то несчастное паденье повлияли, конечно, на здоровье Луизы, на ее нервы, поведение и характер до конца ее дней, как повлияли они вдруг на судьбу ее.

Одним словом, из этого всего, уж конечно, следовал вывод, что, если женщина, не оставшаяся нечувствительной к достоинствам капитана Уэнтуорта, могла предпочесть ему другого, новому выбору ее, каков бы он ни был, не стоило удивляться; а если капитан Уэнтуорт притом не лишался друга, то и жалеть было не о чем. Нет, вовсе даже не чувство сожаления вызывало краску на щеки Энн и заставляло трепетать ее сердце при мысли о том, что капитан Уэнтуорт вновь не связан и свободен. То было чувство, в котором ей очень стыдно было себе признаваться. Слишком похоже было оно на радость, глупую радость!

Ей хотелось поскорей повидать Крофтов; но когда они встретились, она поняла, что о новости они не слыхали. Был нанесен и принят обычный светский визит. Имена Луизы Мазгроув и капитана Бенвика упоминались без тени улыбки.

Крофты расположились на Гей-стрит, к великому удовлетворению сэра Уолтера. Он ничуть не стыдился своего с ними знакомства и думал и говорил про адмирала Крофта куда охотнее, чем думал и говорил про него адмирал.

Знакомых в Бате у адмиральской четы было предостаточно, и, выдаясь с Эллиотами, они отдавали дань простой учтивости, вовсе не ожидая от этих встреч особенного удовольствия. Они и сюда привезли свой милый деревенский обычай никогда не расставаться. Ему велено было много ходить по причине подагры, а миссис Крофт, хоть подагра ей не грозила, ходила с ним вместе, не зная устали. Энн куда бы ни пошла, повсюду на них наталкивалась. Леди Рассел чуть ли не каждое утро возила ее в своей карете, и не было еще случая, чтобы она, подумав про них, тотчас бы их не увидела. Зная их чувства, она и вообразить не могла более завидной картины счастья. Долго всегда смотрела она им вслед и с радостью угадывала, как ей представлялось, что говорят они друг другу, в счастливой своей обособленности продвигаясь среди толпы, и с такой же точно радостью смотрела она, как адмирал истово трясет руку старого приятеля или как они беседуют, верно, о морских делах в кружке офицеров, и миссис Крофт никому не уступает важностью и живостью речей.

Энн слишком много времени проводила с леди Рассел и редко ходила одна; но как-то раз поутру, дней через десять после того как приехали Крофты, ей показалось удобно выйти из кареты своего друга в нижней части города и одной воротиться на Кэмден-плейс. И вот, когда она брела по Мильсом-стрит, подле лавки, торговавшей гравюрами, ей посчастливилось встретить адмирала. Он стоял один, заложив руки за спину, вперив задумчивый взор в одну из выставленных в витрине гравюр, и Энн не только могла бы пройти мимо незамеченная, но ей пришлось окликнуть его и даже тронуть за рукав, дабы привлечь его внимание. Когда он, однако, очнулся и ее разглядел, он заговорил с обыкновенным своим радушием:

— А? Это вы? Благодарю, благодарю. Как друга меня привечаете. А я, видите ли, на гравюру загляделся. Не могу пройти мимо этой лавки. Но что это у них тут за лодка? Поглядите-ка. Видали подобное? И странные ребята эти ваши художники, если думают, что кто-то решится доверить свою жизнь такой безобразной утлой посудине! А эти два господина меж тем устроились в ней как ни в чем не бывало, да еще горами любят, будто через минуту не перекувыркнутся, а ведь это как пить дать! И где только такую сработали? (С громким хохотом.) Я бы в ней и через пруд не пустился. Ну хорошо (отворачиваясь), куда вы держите курс? Нельзя ли мне пойти вместо вас или вместе с вами? Чем могу служить?

— Благодарствую, ничем, разве что позволите мне наслаждаться вашим обществом, пока дороги наши не разойдутся. Я иду домой.

— Рад стараться, от души рад, и еще провожу вас. Да, да, мы отлично погуляем, и вдобавок я могу вам кое-что рассказать. Обопритесь-ка на мою руку. Вот и хорошо; я неуютно себя чувствую, знаете ли, когда на мою руку не опирается женщина. Господи! Ну и лодка,— прибавил он, бросая прощальный взгляд на гравюру и отходя от витрины.

— Вы намеревались, кажется, что-то мне рассказать, сэр?

— Да, да, сейчас. Там идет мой друг капитан Бриджей, я только скажу ему «здрате». Я не буду с ним останавливаться. Здрате. Он даже глаза вытаращил, почему это я не с женой. Она, бедная, осталась дома из-за ноги. Натерла на пятке волдырь не меньше трехшиллинговой монеты. Посмотрите-ка на ту сторону, там идет адмирал Брэнд со своим братом. Оба ничтожные людишки. Софи

их не выносит. Сыграли со мной однажды скверную шутку: лучших матросов переманили. Подробности как-нибудь потом. А вот и старый сэр Арчибальд Дрю со своим внуком. Смотрите-ка, увидел нас. Посылает вам воздушный поцелуй. Принял вас за Софи. Ах, война возьми да и кончись, а юнец-то совсем еще зелен. Бедняга сэр Арчибальд! Как вам нравится Бат, мисс Эллиот? Нам тут очень хорошо. То и дело встречаем старых друзей; по утрам так и кишат на улицах; есть с кем всласть наговориться.

А потом мы от всех убегаем и запираемся в своих комнатах, усаживаемся в креслах и ничуть нам тут не хуже, чем в Киллинче, да что я? Не хуже чем в Норд Ярмуте и в Диле. Нам наши здешние комнаты, знаете, не меньше нравятся оттого, что напоминают те, которые снимали мы в Норд Ярмуте. От всех щелей дует точно таким же манером.

Так прошли они еще немного, и Энн отважилась снова напомнить ему о том, что собирался он ей рассказать. Свернув с Мильсом-стрит, она надеялась наконец удовлетворить свое любопытство, но ей пришлось подождать, ибо адмирал намеревался начать свой рассказ лишь тогда, когда они достигнут спокойной тиши Бельмонта; и не будучи все-таки миссис Крофт, она принуждена была покоряться. Зато едва они оказались на Бельмонте, он начал так:

— Ну вот, сейчас вы услышите кое-что для вас неожиданное. Но сперва скажите-ка мне, как зовут ту юную особу, о которой я вам хочу рассказать? Ну, та юная особа, за которую мы все так тревожились? Та мисс Мазгроув, с которой приключилась вся эта история? Как ее зовут? Вечно я забываю.

Энн давно уже успела устыдиться, что она так быстро догадалась, о ком пойдет речь; и теперь она могла бестрепетно назвать имя Луизы.

— Да, да, мисс Луиза Мазгроув, вот. Сколько разных имен у этих девиц, ей-богу. Звали бы их всех, ну, скажем, Софи, я бы меньше путался. Ну вот, сами знаете, эта Луиза, мы все думали, собиралась замуж за Фредерика. Он не одну неделю ее обхаживал. Непонятно только было, чего они ждут. И до самого этого происшествия в Лайме. Ну, потом уж понятно стало, что ждут, пока у нее мозги не вправятся. Но и тут как-то все пошло вкось. Ему бы сидеть в Лайме, а он укатил в Плимут, а оттуда еще поехал повидать Эдварда. Когда мы воротились из Майнхеда, он поехал к Эдварду, да так у него и застрял. Мы его с ноября не видели. Даже Софи ничего не могла понять. А теперь дело приняло уж и вовсе странный оборот. Эта юная особа, эта самая мисс Мазгроув, вместо того чтобы выйти за Фредерика, собирается замуж за капитана Бенвика. Знаете вы Джеймса Бенвика?

— Немного. Я немного знакома с капитаном Бенвиком.

— Ну вот, она выходит за него замуж. А может быть, они уже поженились, чего же еще тянуть?

— Я считаю капитана Бенвика очень милым молодым человеком, и, думаю, он человек безукоризненно честный.

— Ох, ну да, кто же скажет хоть слово против капитана Бенвика! Правда, он всего только капитан третьего ранга, прошлым летом произведен, а сейчас уж не те времена, не продвнешься, но других недостатков за ним я не знаю. Отличный, добрый малый, уверяю вас; прекрасный боевой офицер, а ведь поглядишь на него, тихоню, и ничего "такого не скажешь.

— Право же, вы ошибаетесь, сэр; по задумчивости капитана Бенвика я вовсе не заключаю о недостатке в нем храбрости. И, на мой взгляд, он очень привлекательный человек и всем, я думаю, должен нравиться.

— Ну, хорошо, хорошо, дамам, как говорится, виднее; но, по мне, Джеймс Бенвик чересчур уж тихоня. Хотя, может быть, мы с Софи и пристрастны. Ничего не поделаешь, Фредерик нам больше нравится. Как-то он нам больше по вкусу.

Энн попалась. Она всего лишь намеревалась оспорить ходячее мнение о том, что нежность и храбрость — вещи несовместные, ничуть не желая выставить капитана Бенвика образцом всяческих совершенств; и после минутного колебания она было начала:

— Я не хотела сравнивать двух друзей между собою...— но адмирал ее перебил:

— Однако дело это решенное. Не сплетни какие-нибудь. Мы все знаем от самого Фредерика. Вчера Софи получила от него письмо, где он сообщает новость, а он о ней прочитал в письме капитана Харвила, присланного с театра действий, из Апперкрасса. Кажется, все они сейчас в Апперкрассе.

Энн не могла противиться искушению. Она сказала:

— Надеюсь, адмирал, надеюсь, в письме капитана Уэнтуорта не было ничего такого, что могло бы огорчить вас и миссис Крофт. Правда, прошлой осенью казалось, что его и Луизу Мазгроув связывает взаимная склонность; но полагаю, оба одинаково остыли. Надеюсь, в письме нет ничего, что выдавало бы чувства человека обиженного.

— Нет, вовсе нет; от начала до конца ни жалобы, ни проклятья.

Энн опустила глаза, чтобы скрыть улыбку.

— Нет, нет. Фредерик не из тех, кто будет хныкать и сетовать. Он слишком мужествен для этого. Если девице больше по нраву другой, что же, пусть за него и выходит.

— Разумеется. Но я хотела сказать, что в письме капитана Уэнтуорта, я надеюсь, даже намека нет на то, что он считает себя обиженным. Я бы очень огорчилась, если такая дружба прервалась или охладилась бы из-за подобного обстоятельства.

— Да, да, я вас понял. Нет, в письме ничего такого не содержится. Он не бросает Бенвику ни единого упрека. Не пишет даже: «Удивительно. Уж у меня-то есть повод удивляться». Нет, считаешь его письмо и даже не догадываешься, что сам он имел виды на эту мисс (да как же ее зовут?). Он очень мило выражает надежду, что они будут счастливы. По письму и не скажешь, что он затаил обиду.

Энн-никак не проникалась твердой убежденностью адмирала, которую пытался он ей передать, однако дальнейшие расспросы были излишни. И ей осталось кивать, отвечать незначущими замечаниями, и адмирал не изменил своего приговора.

— Бедный Федерик,— вздохнул он в заключение.— Теперь ему начинать все сначала. Следует, полагаю, пригласить его в Бат. Софи напишет и попросит его приехать. •Уж здесь-то нет недостатка в хорошеньких девушках. Снова тащиться в Апперкросс ради этой второй мисс Мазгроув, я опасаясь, нет смысла: она уже значится за кузеном, за молодым этим пастором. Не правда ли, мисс Энн, стоит попытаться его заманить в Бат?

ГЛАВА XIX

Окуда адмирал Крофт, прогуливаясь вместе с Энн по улицам Бата, мечтал залучить туда капитана Уэнтуорта, сей последний был уже в дороге. Он явился еще до того, как миссис Крофт успела к нему написать, и, отправясь в следующий раз на прогулку, Энн его увидела.

Мистер Эллиот занимал приятной беседой двух кузин своих и миссис Клэй. Они шли по Мильсом-стрит. Вдруг начался дождь, не сильный, но, однако, достаточный, чтобы дамам захотелось от него укрыться, а мисс Эллиот неодолимо захотелось воротиться домой в экипаже леди Дэлримпл, который стоял неподалеку. И потому сама она, Энн и миссис Клэй зашли в кондитерскую, а мистера Эллиота отрядили для переговоров к леди Дэлримпл.

Скоро он воротился, разумеется, достигнув успеха; леди Дэлримпл будет счастлива их доставить домой и за ними заедет.

Экипажем ее сиятельству служило ландо, и со всевозможным удобством в нем размещались лишь четверо. Мисс Картерет сопровождала свою мать; а следственно, и нельзя было всем троим обитательницам Кэмден-плейс воспользоваться любезностью ее сиятельства. Относительно мисс Эллиот ни у кого не было сомнений. Уж кому-кому, а не ей было мокнуть под дождем. Однако потребовалось некоторое время, пока две другие дамы сговорились меж собою. Дождь был пустячный, и Энн со всею искренностью предпочитала прогулку с мистером Эллиотом. Но пустячным был дождь и в глазах миссис Клэй; та уверяла, что он даже совсем не капает и у нее такие крепкие башмаки! Гораздо крепче, чем у мисс Энн. Одним словом, простая учтивость требовала, чтобы она стремилась прогуляться пешком с мистером Эллиотом ничуть не менее, чем стремилась к тому же Энн, и упорное состязание в великодушии не могло окончиться иначе как с посторонней помощью; мисс Эллиот объявила, что миссис Клэй и без того страдает простудой, а мистер Эллиот подтвердил, что у кузины Энн крепче башмаки.

Отсюда непреложно следовал вывод, что миссис Клэй поедет в ландо; и как раз когда все на этом согласилось, Энн, сидевшая у окна, увидела, что по улице идет не кто иной, как капитан Уэнтурт собственной персоной.

Никто не заметил, как она вздрогнула; но сама-то она не могла себя не почувствовать последнею дурой! Все смешалось у нее перед глазами; все поплыло. Она совершенно потерялась, а когда она вновь овладела собой, по-прежнему все ждали кареты, а мистер Эллиот (с обычною своею услужливостью) отправлялся на Юнион-стрит с каким-то поручением от миссис Клэй.

Энн очень хотелось подойти к двери; ей только хотелось взглянуть, не перестал ли дождь. Отчего было ей подозревать в себе иные побуждения? Капитан Уэнтурт, конечно, исчез уже из виду. Она поднялась; она собиралась подойти к двери. И отчего это одной ее половине вечно надо быть проникательнее другой и бог знает в чем подозревать ее? Ей хотелось взглянуть, не перестал ли дождь, только и всего. Однако ей тотчас пришлось снова сесть, ибо в дверь вошел сам капитан Уэнтурт в сопровождении дам и господ, очевидно, знакомых его, которых он встретил на улице. Заметя Энн, он сконфузился так,

как никогда еще он при ней не конфузился; он весь залился краской. Впервые после возобновления их знакомства она лучше его владела собой. Для нее встреча не оказалась столь неожиданной. Слепящее смятение, растерянность и недоумение первых минут она успела уже одолеть. Но и сейчас какие же томили ее чувства! Боль, радость, мука и ликование вместе!

Он что-то сказал и тотчас отошел прочь. Лицо его выражало крайнюю степень смущения. Он не был ни холоден, ни приветлив, нет, он был бесспорно и очевидно смущен.

Немного погодя он, однако же, подошел к ней снова и снова с ней заговорил. Они задавали друг другу незначущие вопросы, оба, кажется, не понимая ответов, и Энн никак не находила в капитане Уэнтурте былого спокойствия. Привыкнув бывать вместе, они приноровились беседовать спокойно и безразлично; но сейчас у него это не получалось. Время ли его переменяло, Луиза ли? Что-то совершилось в душе его. Лицо капитана Уэнтурта сияло здоровьем и вовсе не выдавало минувших скорбей, говорил он об Апперкроссе, о супругах Мазгроув, о Луизе и поглядывал, кажется, не без тайного лукавства, помяная ее имя; и все же он был не тот простой, свободный капитан Уэнтурт и даже не умел прикинуться прежним.

Энн не удивилась, но она опечалилась, когда Элизабет его не признала. Энн видела, что он видел Элизабет и та его видела, и у обоих в глазах мелькнуло узнавание; он, конечно, готовился к тому, что его встретят как старого знакомого, он этого ждал, и с горечью смотрела она, как сестра ее хладнокровно от него отвернулась.

Наконец-то объявилась и леди Дэлримпл, которой мисс Эллиот дожидалась уже с нетерпением; слуга доложил, что карета подана. Снова стал накрапывать дождь, а потому заминка, суета и громкий обмен мнениями позволили всем присутствовавшим в кондитерской узнать, что леди Дэлримпл пожелала отвезти домой мисс Эллиот. Наконец мисс Эллиот и подруга ее, сопровождаемые всего лишь слугою (ибо кузен еще не вернулся), проследовали за дверь; и капитан Уэнтурт, посмотрев им вслед, поворотился к Энн, всем видом своим более чем на словах выражая готовность свою ей служить.

— Я очень вам благодарна,— был ее ответ.— Но я с ними не еду. Карете всех не вместить. Я пойду пешком. Я люблю гулять.

— Но дождь!

— Пустяки. Едва накрапывает.

Помолчав мгновение, он сказал:

— Хотя я вчера только приехал, я успел удачно снарядиться для Бата (показывая новый зонтик). Я хотел бы, чтобы вы им воспользовались, если вы намереваетесь идти пешком; но было бы более разумней, я думаю, если бы вы разрешили мне вас усадить в портшез.

Она была очень ему благодарна, но отклонила его предложение, повторила, что дождь пустячный, и прибавила:

— Я жду мистера Эллиота. Он должен быть с минуты на минуту.

Не успела она проговорить эти слова, как вошел мистер Эллиот. Капитан Уэнтурт не мог не узнать его. Он был тот самый джентльмен, который, стоя на лестнице в Лайме, провожал Энн восхищенным взглядом, с той только разницей, что теперь вся его повадка свидетельствовала о правах родственника и доброго друга. Он устремился прямо к Энн, никого вокруг не замечая, просил простить его за промедление, сетовал, что заставил ее ждать, выражал свое намерение увести ее тотчас, покуда дождь не усилился; и в следующее мгновение она шла уже к двери, опираясь на его руку, и всего-то и могла бросить капитану Уэнтурту «Прощайте!» да смущенный ласковый взгляд на ходу.

Едва они вышли, дамы вокруг капитана Уэнтурта принялись о них толковать.

— Мистер Эллиот, однако, не совсем равнодушен к кухне, не правда ли?

— Ах, это сразу заметно. Легко догадаться, что дальше последует. Он с ними неразлучен. Днюет у них и ночует, говорят. А до чего хорош собою!

— Да, и мисс Эткинсон, она с ним недавно обедала вместе у Уоллисов, уверяет, что в жизни своей не встречала человека более любезного.

— А ведь она недурна, эта Энн Эллиот; очень недурна, как я погляжу. Знаю, в свете считают иначе, но, по мне, она куда милее сестрицы.

— Ах, и мне тоже кажется! Какое сравнение! А мужчины все увиваются вокруг мисс Эллиот. Энн чересчур для них тонка.

Энн была бы весьма признательна своему кузену, когда бы во всю дорогу до Кэмден-плейс он, идя с нею рядом, не проронил ни слова. Никогда еще не бывало ей так тягостно его слушать, хоть он был сама предупредитель-

*In another moment they
walked off together.*

ность и чуткость и избирал предметы для разговоров заведомо занимательные; с жаром, по справедливости и со всей проницательностью восхвалял леди Рассел и в высшей степени метко разоблачал миссис Клэй. Только Энн, к сожалению, могла думать об одном капитане Уэнтуорте. Она должна была понять его чувства, понять, страдал ли он от разочарования или нет; и, покуда не разрешит этих вопросов, она не могла быть спокойна.

Со временем надеялась она стать благоразумной; но увы! увы! она принуждена была себе признаться, что покуда она далека от благоразумия.

Еще и другое ее занимало: долго ли собирался он оставаться в Бате. Он о том не упомянул, а быть может, она не услышала. Быть может, он здесь только проездом. Но верней всего он намеревался здесь задержаться. А коль скоро в Бате все и со всеми встречаются, леди Рассел непременно его где-нибудь да встретит. Вспомнит ли она его? Как все это будет?

Ей уже пришлось рассказать леди Рассел, что Луиза Мазгроув выходит замуж за капитана Бенвика. Нелегко было ей отвечать на недоуменные вопросы своего друга; и теперь, если паче чаяния они оказались бы в одном обществе с капитаном Уэнтуортом, леди Рассел, не зная всех обстоятельств дела, могла отнестись к нему с удвоенным предубеждением.

На другое утро Энн гуляла вместе с леди Рассел и сначала час целый со страхом и надеждою тщетно отыскивала его глазами; но вот, уже возвращаясь по Палтни-стрит, она наконец увидела его на правой стороне тротуара; как-то так он стоял, что был виден еще издали. Рядом было еще несколько молодых людей, многие проходили мимо, но его она тотчас заметила. Невольно она взглянула на леди Рассел, но не оттого, что ей в голову могла прийти нелепая мысль, будто и она тотчас узнала его. Разумеется, леди Рассел могла увидеть его, только оказавшись напротив. Время от времени Энн бросала на нее, однако, тревожные взгляды, и, когда, по ее расчетам, леди Рассел пора было его различить, Энн, хоть и не осмеливалась уже смотреть ей в лицо (ибо собственные ее черты изображали смутение), тем не менее почувствовала, что глаза леди Рассел устремлены на него и что она, конечно, его разглядывает. Она догадывалась вполне, какое впечатление должен он был произвести на леди Рассел, понимала, как трудно леди Рассел оторвать от него взор, как должна она была удивиться, что восемь или

девять лет, проведенных под чуждым небом и в суровых трудах морской службы, ничуть не убавили его привлекательности!

Наконец леди Рассел снова оборотилась к Энн. Что-то она про него теперь скажет?

— Ты недоумеваешь, верно,— сказала она,— на что это я так засмотрелась. А я отыскивала занавеси, которые леди Алиса и миссис Фрэнкланд вчера вечером мне нахваливали. Уверяли, будто на той именно стороне и на этом самом месте в одном доме в гостиной висят занавеси, такие прелестные, что им равных нет во всем Бате, да только номер они запомнили, вот я и пыталась их отыскать; да, признаться, нигде ничего подобного не заметила.

Энн вздохнула, вспыхнула и усмехнулась, жалея и презирая сразу и себя и своего друга. Более всего она досадовала, что из-за напрасных опасений и предосторожностей упустила минуту, когда могла удостовериться, заметил ли он их или нет.

Несколько дней прошли, не принеся никаких известий. Театры и залы, где всего легче могла она его встретить, были недостаточно модны для Эллиотов, проводивших вечера свои в глупых светских гостиных, куда все чаще их приглашали; и, томясь тоской неизвестности и чересчур полагаясь на свои силы, которых не дано было ей испытать, Энн ждала с нетерпением одного концерта. Концерт сей давался в пользу особы, которой покровительствовала леди Дэлримпл. Без их участия, разумеется, тут не могло обойтись. Говорили к тому же, что концерт будет отмененный, а капитан Уэнтурт был большой охотник до хорошей музыки. Энн хотелось всего несколько минут с ним поговорить, и она воображала, что больше ей ничего и не нужно; и уж разумеется, у нее достанет смелости к нему подступить, представься только удобный случай. Элизабет от него отвернулась; леди Рассел его не заметила; кажется, довольно поводов, чтобы Энн ему выказала внимание.

Еще раньше она обещала миссис Смит провести с нею вечер; однако, заглянув к ней на минутку, она просила об отсрочке, твердо обещая подольше посидеть у ней завтра. И миссис Смит со всевозможным добродушием ее отпустила.

— Только с условием,— сказала она.— Завтра вы мне все подробно расскажете. С кем это вы идете?

Энн всех назвала. Миссис Смит ничего не ответила; но прощаясь, она сказала с видом важным и вместе лукавым:

— Ну что ж. От души желаю вам насладиться музыкой. И смотрите же, завтра не обманите меня. У меня есть предчувствие, что недолго осталось мне вас у себя принимать.

Энн смешалась; но, с минуту постояв в нерешительности, она принуждена была (с легким сердцем, однако) поспешить прочь.

ГЛАВА XX

эр Уолтер, две его дочери и миссис Клэй явились в концерте первые из всей компании; и приговаривая ждать леди Дэлримпл, они обосновались подле одного из каминов в Осьмиугольной гостиной. Не успели они там поместиться, как дверь снова отворилась и вошел капитан Уэнтворт. Энн оказалась к нему ближе всех и, сделав несколько шажков в его сторону, тотчас с ним заговорила. Он соби-рался лишь поклониться и пройти мимо, но услышав ее ласковое: «Здравствуйте, как вы поживаете?» — изменил своему намерению, остановился и предложил в ответ несколько вопросов, невзирая на грозных папеньку и сестрицу у нее за спиной. То обстоятельство, что они были за спиною Энн, придавало ей мужества: она не подозревала о выражении их лиц и могла бестрепетно исполнить все, что задумала.

Пока она разговаривала с капитаном Уэнтвортом, слуха ее вдруг коснулся шепот отца и Элизабет. Слов она не различала, но догадалась о предмете; и по сдержанному поклону капитана Уэнтворта она заключила, что и отец ее почел за благо кивнуть, таким образом признавая знакомство, а бросив назад косвенный взгляд, она успела заметить, как сама Элизабет чуть присела в маленьком книксе. Хотя и запоздалый, и вымученный, и нелюбезный, кникс этот был все же лучше, чем ничего, и на душе у Энн полегчало.

После замечаний о погоде, о Бате, о концерте беседа не клеилась и стала наконец перемежаться столь долгими паузами, что Энн всякую минуту боялась, что вот сейчас он уйдет; он, однако, не уходил; он не спешил с нею расстаться; и вдруг, набравшись духу, с легкой улыбкой, чуть покраснев, он сказал:

— Я почти вас не видел с того самого дня в Лайме.

*In spite of the formidable
father & sister in the background*

Боюсь, вы пострадали от потрясения, тем более что тогда умели ему противостоять.

Она уверила его, что не пострадала.

— Ужасный час,— сказал он.— Ужасный день! — И он провел рукой по глазам, словно отгоняя непосильное воспоминание, но тотчас снова улыбнулся и прибавил:

— А ведь, все это было не напрасно; следствием явились события отнюдь не ужасные. Когда в вас достало мужества сообразить, что всего разумней послать за доктором Бенвика — могли ли вы догадываться, что именно ему всего важнее будет выздоровление Луизы?

— Уж конечно, я не догадывалась. Но, кажется... я надеюсь, они будут счастливы. Оба люди благородные и с добрым характером.

— Да,— сказал он, глядя не прямо ей в глаза.— Но на этом, полагаю, сходство кончается. От всей души я желаю им счастья и радуюсь его предвестиям. Дома они не столкнулись с трудностями, препятствиями, капризами, проволочками. Мазгроувы верны себе, добры и великодушны и пекутся только о благополучии дочери. Это все предвещает счастье; больше, пожалуй, чем...

Он запнулся. Он словно что-то вдруг вспомнил, и его охватило то же чувство, которое бросило Энн в краску и заставило потупить. Прочистив горло, он, однако, продолжал так:

— Признаюсь, в них замечаю я неравенство — и, пожалуй, в чем-то не менее важном, чем характер. Я считаю Луизу Мазгроув милой, очаровательной девушкой и неглупой к тому же. Но Бенвик есть нечто большее. Он умен, начитан, и, признаюсь, его к ней любовь меня удивляет. Ну, будь она следствием благодарности, полюби он Луизу, почтя себя ее избранником, тогда бы дело другое. Но у меня нет повода это подозревать. Напротив, он загорелся сам по себе и вдруг. Такой человек, и в его положении! С сердцем истерзанным, раненным, почти разбитым! Фанни Харвил была существо необыкновенное, и ее он любил всей душой; от такой преданности и к такой женщине не излечиваются. Нет, он не мог излечиться.

Но дав себе отчет то ли в том, что друг его излечился, то ли в чем-то еще, он не стал продолжать; Энн же, несмотря на пресекающийся голос, которым произнесены были последние фразы, несмотря на шум в гостиной, почти непрерывное хлопанье двери и жужжанье входящих гостей, различила каждое слово и была поражена,

осчастливлена, смущена, дыхание ее участилось, и тысячи мыслей роились в голове ее. Ей нельзя было самой углубиться в опасный предмет; однако после заминки, испытывая неодолимую потребность говорить и вовсе не желая совсем переменять тему, она лишь чуть от нее отклонилась, спросив:

— Вы, кажется, долго пробыли в Лайме?

— Почти две недели. Я не мог уехать, пока не удостоверился, что Луизе лучше. Я слишком был виноват и долго не мог утешиться. Ведь это все я, все я. Она бы не упрямилась так, не прояви я слабости. Окрестности Лайма очень красивы. Я много бродил и ездил верхом, и чем больше я на них любовался, тем больше они мне нравились.

— Мне бы очень хотелось снова взглянуть на Лайм,— сказала Энн.

— Неужто? Вот бы не заподозрил, что вы добром поминаете Лайм. Сколько горестей вы там испытали, какое терпели напряжение и усталость! Я-то думал, что мысль о Лайме не вызывает в вас ничего, кроме отвращения.

— Последние несколько часов и правда были мучительны,— отвечала Энн.— Но когда боль наша минет, память о ней уже очарована воспоминаньем. Мы не меньше ведь любим места, где нам случилось страдать, разве только когда страдания были ничем не скрашены. Но не так было в Лайме. Только два часа последних мы мучились, а сколько было до того приятных часов! И сколько красоты, новизны! Я мало путешествовала, и всякое новое место мне интересно; но окрестности Лайма в самом деле красивы, словом, я,— заключила она отчего-то краснея,— сохранила о нем приятное воспоминанье.

Едва она умолкла, снова распахнулась дверь и на пороге явилось все общество, которого ожидали. «Леди Дэлримпл! Леди Дэлримпл!» — пронесся гул голосов; и со всею прытью, которая только могла сочетаться с обдуманной изысканностью наряда, сэр Уолтер и обе его дамы выступили навстречу. Леди Дэлримпл и мисс Картерет, сопровождаемые мистером Эллиотом и полковником Уоллисом, подоспевшими в ту же секунду, прошествовали в гостиную. Остальные к ним присоединились, образовав свой кружок, в который против воли была вовлечена и Энн. Ее оттеснили от капитана Уэнтуорта. Занимательному, быть может, чересчур занимательному разговору суждено

Lady D'Aubray & Miss Corbett
seated by Mr. Elliot & Edward Whistler

было на время оборваться, но то было слишком слабое искупление за счастье, которого был он причиною! За последние десять минут Энн узнала о чувствах капитана Уэнтуорта к Луизе, да и о других его чувствах куда более, чем смела мечтать, и, одолевая волнение, с готовностью предалась она необходимым обязанностям светской учтивости. Ей теперь решительно все нравились. Она кое-что узнала такое, отчего ей легко было со всеми быть милой, ко всем снисходить, всех жалеть за то, что они не могут быть счастливы, как она. Это восхитительное чувство чуть померкло, когда, отделяясь от своей группы, чтобы снова заговорить с капитаном Уэнтуортом, она, однако, не нашла его в гостиной. Как раз когда она повернулась, он проходил в концертную залу. Он ушел, он скрылся из глаз, и она испытала минутное сожаление. Но это ничего, они еще непременно встретятся, он будет искать ее, он ее найдет задолго до конца вечера, а покуда, быть может, им даже лучше побыть порознь. Ей нужно собраться с мыслями.

Тем временем явилась леди-Рассел, вся компания оказалась в сборе, и оставалось лишь торжественно двинуться в концертную залу, вызывая общее перешептывание, привлекая как можно более взоров и как можно более расстраивая ряды поклонников музыки.

Очень, очень счастливы были Элизабет и Энн Эллиот, входя в эту залу. Элизабет шла под руку с мисс Картерет, глядя в могучую спину вдовствующей виконтессы Дэлримпл, и ей, кажется, уже нечего было больше желать; ну, а Энн... впрочем, мы не станем оскорблять ее, сопоставляя чувства обеих сестер; ибо в одной ликование порождалось себялюбивою суетностью, а в другой — привязанностью великодушного сердца.

Энн ничего не видела, она не замечала пышного убранства концертной залы. Счастье было внутри ее. Глаза ее сияли, щеки пылали; но сама она этого не сознавала. Она думала лишь о недавних минутах и, проходя к своему месту, перебирала их в уме. Предметы, какие избирал он для разговора, самые слова его, а еще более выражение лица — для всего этого она могла найти лишь одно-единственное объяснение. Мнение о Луизе Мазгроув, которое спешил он высказать, то, как не мог он понять капитана Бенвика, как отозвался о первой его страстной привязанности, то, как начинал он и не оканчивал фразу, как избегал смотреть ей в глаза, время от времени бросая на нее, однако, весьма выразительные взоры,— все, все говорило

о том, что сердце его снова к ней обратилось; что зла и обиды в нем не осталось более, что их сменили не одно только почтение и дружба, но и прежняя нежность. Да, конечно, прежняя нежность! Иначе нельзя было назвать происшедшую в нем перемену. Обмануться нельзя было: он ее любил.

Она была так занята и взволнована своими мыслями, что ничего не замечала вокруг; она прошла через залу, не видя его и даже не пытаясь увидеть. Когда же все благополучно расселись по местам, она осмотрелась, но его поблизости не было; нет, она не нашла его взглядом; но уже начинался концерт и ей оставалось покамест довольствоваться и более скромным счастьем.

Компания разделилась и расположилась на двух скамьях. Энн оказалась на передней, а мистер Эллиот с помощью полковника Уоллиса изловчился сесть с нею рядом. Мисс Эллиот сидела меж двух кузин, пользуясь особенным вниманием полковника Уоллиса, и была наверху блаженства.

Концерт пришелся Энн по душе, сегодня она была особенно расположена наслаждаться музыкой; все нежное находило в ней отзыв, веселое заражало, серьезное занимало, и не томило скучное. Ей удивительно понравился этот концерт и особенно первая его часть. К концу ее, в паузе после итальянской песни, она объясняла слова ее мистеру Эллиоту. Они вместе смотрели в программку.

— Это,— сказала она,— лишь приблизительный смысл или, скорее, значение слов, ибо смысл итальянской любовной песни передать мудрено, но я стараюсь, как могу, передать значение слов. Я не выдаю себя за знатока итальянского, я очень плохо его знаю.

— Да, да, как же, как же. Я уж вижу, ничегошеньки вы не знаете. Вы только и можете, что переводить с листа эти краткие, вывернутые итальянские строчки на ясный, понятный, и изящный родной язык. И не говорите мне больше о вашем невежестве. Вы достаточно его доказали.

— Не буду оспаривать этих милых выражений учтивости. Не хотела бы я, однако, попасться на суд истинного знатока.

— Слишком долго я имел удовольствие посещать Кэмден-плейс,— отвечал он,— и умел составить собственное суждение об Энн Эллиот; на мой взгляд, она чересчур скромна, чтобы сознавать хотя бы вполтину свои совер-

шенства, а совершенства ее и вполнину не соответствуют скромности, какая во всякой другой женщине показалась бы уместной.

— Стыдитесь! Какая грубая лесть. Однако что же у нас там дальше? — И она вновь обратилась к программке.

— Быть может,— сказал мистер Эллиот, понижая голос,— я гораздо дольше знаю ваш характер, чем вы о том подозреваете.

— В самом деле? Каким же это образом? Вы могли узнать его лишь после того, как я приехала в Бат, если только при вас не говорили обо мне мои близкие.

— Мне говорили о вас задолго до того, как вы приехали в Бат. Мне описывали вас лица, близко вас знавшие. Я давно был о вас наслышан. Я знал вашу внешность, привычки, склонности, взгляды. Все это было мне описано со всею подробностью.

Мистеру Эллиоту, рассчитывавшему возбудить интерес Энн, не пришлось обмануться в своих расчетах. Кто не поддастся очарованию подобной загадочности? Если вас давным-давно, да еще непонятные лица, описывали недавнему вашему знакомцу — это хоть кого раззадорит. И Энн была само любопытство. Она гадала, она выпрашивала, но тщетно. Он наслаждался ее вопросами, но отвечать не хотел.

Нет, нет, не теперь, быть может, после когда-нибудь. Покамест он ей не может открыть своего секрета. Но уж она может ему верить. Много лет назад ему так описывали Энн Эллиот, что он проникнулся представлением о ее редких достоинствах и загорелся желанием с ней познакомиться. Энн подумала, что много лет назад с таким пристрастием мог говорить о ней разве что мистер Уэнтурт из Монкфорда, брат капитана Уэнтурта. Быть может, он был знаком мистеру Эллиоту? Но задать свой вопрос она не решилась.

— Имя Энн Эллиот,— сказал он,— давно занимало меня. Давно уж волновало оно мое воображение. И если бы я смел, я высказал бы свое сокровенное желание о том, чтобы оно никогда не менялось.

Да, кажется, он произнес именно эти слова; но едва они коснулись ее слуха, внимание ее отвлечено было другими словами, которые произносились у нее за спиною и все прочее разом делали несущественным. Разговаривали ее отец и леди Дэлримпл.

— Хорош собою,— сказал сэр Уолтер.— Весьма хорош собою.

— Прелестнейший молодой человек! — сказала леди Дэлримпл.— Такого не часто встретишь в Бате. Ирландец, я надеюсь?

— Нет, я даже знаю его. Мы кланяемся. Шапочное знакомство. Уэнтурт, капитан Уэнтурт, морской офицер.

Сестра его замужем за моим съемщиком в Сомерсете, за Крофтом, который снимает у меня Киллинч.

Сэр Уолтер еще не успел произнести этих слов, а взгляд Энн уже устремился в нужном направлении и различил капитана Уэнтуорта, в окружении нескольких господ стоявшего неподалеку. Когда она его увидела, он, ей показалось, отвел от нее глаза. Она словно на минутку всего опоздала; и во все время, пока у нее доставало смелости его наблюдать, он на нее и не взглянул; однако представление вновь начиналось, и ей пришлось, якобы устремив свое внимание на оркестр, смотреть прямо перед собою.

Когда же она снова оглянулась, он уже исчез. Если бы и пожелал, он не мог бы к ней протесниться, ибо она была зажата в кольцо родственников. Но ей-то хотелось всего лишь поймать его взгляд.

Речи мистера Эллиота тоже ее огорчили. У нее не было больше охоты с ним разговаривать. Ей неприятно было, что он сидит рядом.

Первая часть концерта окончилась. Энн надеялась на благие перемены. Прилично помолчав, кое-кто решил отправиться на поиски чая. Энн осталась среди немногих, не пожелавших сдвинуться с места. Она осталась сидеть, как и леди Рассел; зато она имела удовольствие избавиться от мистера Эллиота; и, каковы бы ни были чувства ее к леди Рассел, она вовсе не намеревалась уклоняться от беседы с капитаном Уэнтуортом, буде ей представится случай. По лицу леди Рассел она понимала, что та его заприметила.

Но он к ней не подошел. То и дело Энн казалось, что она его видит, но он не подошел. Так в напрасных тревогах протек перерыв. Все воротились, зала вновь наполнилась, на скамьи были вновь предъявлены права, и начинался час блаженства или наказания, час музыки, и уж заранее приуготовлялись восторги и зевки, дань вкусу истинному или притворному. Энн предстоял час мучительного беспокойства. Она не могла покинуть эту залу, не увидев еще раз капитана Уэнтуорта, не обменявшись с ним дружеским взглядом.

После перерыва произошли некоторые перемещения, для нее благоприятные. Полковник Уоллис предпочел стоять, а Элизабет и мисс Картерет пригласили сестр между ними мистера Эллиота и в манере, не допускавшей отказа; вследствие еще кой-каких перемещений и благодаря собственным своим ухищрениям, Энн оказалась гораздо ближе

к концу скамьи и к проходящей публике. Она не могла не сравнивать себя при этом с мисс Лароль, с бесподобной мисс Лароль; и однако же следовала ее примеру и сперва, пожалуй, не с большим успехом; но в конце концов ей повезло и она оказалась на самом краю скамьи еще до того, как концерт окончился.

Так сидела она, когда капитан Уэнтуорт вновь оказался у нее на виду. Он был совсем близко. Он тоже ее увидел;

однако он не улыбнулся и некоторое время стоял, не решаясь к ней подойти и заговорить. Она поняла, что что-то случилось. В нем совершилась бесспорная перемена. Разница между теперешним его поведением и поведением его в Осмиугольной гостиной была удивительна. Отчего это все? Она подумала про отца, про леди Рассел. Не оскорбился ли он вдруг неприязненным взглядом? Он завел речь о концерте, он говорил независимо, почти как капитан Уэнтуорт времен Апперкрасса; признался, что разочарован, он ожидал лучшего пения; одним словом, он должен ей открыть, что не будет сетовать, когда все это кончится. Энн в ответ так разумно защищала певцов, так мило принимая, однако, во внимание и его оценку, что лицо его прояснилось и губы тронула тень улыбки. Они поговорили еще несколько минут; он становился все оживленней; он даже окинул взглядом скамью, словно намереваясь найти себе место, но именно в эту секунду кто-то тронул Энн за плечо, заставляя ее обернуться. То был мистер Эллиот. Он просит прощения, но он принужден прибегнуть к ее услугам для толкования итальянского текста. Мисс Картер горит желанием узнать смысл того, о чем сейчас будут петь. Отказать Энн не могла, но никогда еще не приносила она жертв учтивости с большею неохотой.

Перевод, как ни торопилась она, занял у нее несколько минут, и вот, вновь обретя свободу и обернувшись, она увидела, что капитан Уэнтуорт стоит рядом, сдержанно, но поспешно откланиваясь. Он должен пожелать ей доброй ночи; он уходит; ему непременно нужно тотчас воротиться домой.

— Разве песня эта не стоит того, чтобы ради нее остаться? — спросила Энн, пораженная внезапной догадкой, побуждавшей ее особенно стараться его ободрить.

— Нет,— отвечал он решительно,— мне не для чего оставаться.— И сразу он ушел.

Он ревновал ее к мистеру Эллиоту! Иного не могло быть разумного объяснения! Капитан Уэнтуорт ее ревновал! Могла ли она поверить в такое неделю тому назад? Три часа тому назад? На мгновение ее охватила безраздельная радость. Но увы! Радость сменилась раздумьями совсем иного свойства. Как успокоить его ревность? Как разуверить его? Какие при невыгодах нынешнего их положения оставались у него средства узнать ее истинные чувства? Милости мистера Эллиота были ей противны. Вред, ими нанесенный, был неисчислимым.

ГЛАВА XXI

а другое утро Энн с удовольствием вспомнила о своем обещании навестить миссис Смит, ибо таким образом она могла уйти из дому, когда, по всем вероятностям, нагрянет мистер Эллиот, а более всего ей хотелось избежать общества мистера Эллиота.

Она желала ему всяческого добра. Несмотря на вред, причиненный ей его благосклонностью, она испытывала к нему благодарность, и почтение, и быть может, жалость. Она думала о странных обстоятельствах первого их знакомства, о правах, которые, казалось, давало ему родство и давали чувства и давние его намерения. Все вместе ей казалось необычайно; лестно и так огорчительно. Ей, право, было очень, очень его жаль; изменились бы мысли ее или нет, не будь на горизонте капитана Уэнтурта, сказать трудно, ибо капитан Уэнтурт был на горизонте; и чем бы ни разрешилась нынешняя неизвестность, сердце ее навеки принадлежало ему. Союз их не более отвратил бы ее от всех прочих поклонников, чем даже разлука навеки.

Никто еще не проносил по улицам Бата столь возвышенных рассуждений о преданной любви и неколебимой верности, как те, какие украшали дорогу Энн от Кэмден-плейс до Уэстгейт Билдингс. Они даже почти расчищали этот путь и чуть ли не напояли его благовониями.

Она не сомневалась, что ей окажут любезный прием, но на сей раз ее подруга была так ей благодарна, будто ее и не ждала, хотя они определенно условились.

Тотчас же с нее потребовали рассказа о концерте; и она с такой радостью о нем вспоминала, что рассказывала с удовольствием и лицо ее сияло. Все, что могла она сообщить, она сообщала с охотой, но она могла сообщить до странности мало и не удовлетворила миссис Смит, которая уже получила от швейцара и прачки более полное донесение о ходе и успехе концерта и теперь тщетно допытывалась о кое-каких подробностях касательно публики. Миссис Смит знала понаслышке всех богатых и славных обитателей Бата.

— Стало быть, и маленькие Дьюронды были,— говорила она,— слушали музыку разинув рты, как неоперившиеся воробушки в ожидании корма. Ни одного концерта не пропускают.

— Да. Я сама не видела, но они были, мистер Эллиот говорил.

— Ну, а Иббитсены? Такие две модные нынче красотишки с высоким офицером-ирландцем, который, говорят, на одну имеет виды.

— Не помню. Этих, по-моему, не было.

— А старуха леди Мэри Маклин? Хотя, что же я спрашиваю. Без нее никогда не обходится. И как вы ее не заметили? Она ведь была, верно, близко от вас. Раз вы были в кружке леди Дэлримпл, вы сидели на самых роскошных местах подле самого оркестра, не так ли?

— Нет. Я ужасно этого боялась. Мне было бы это неприятно по многим причинам. Но нет, леди Дэлримпл любит, по счастью, сидеть несколько дальше; и мы очень мило сидели; то есть, я хочу сказать, нам все очень хорошо было слышно. А вот видела я все, кажется, плохо.

— Ах! Вы видели то, что хотели. Я понимаю вас. Бывает, и в шумной толпе наслаждаешься тихим домашним весельем. Вы пришли своей большой компанией — и что же вам в остальных?

— Отчего же, мне не мешало бы больше смотреть по сторонам,— сказала Энн и тотчас вспомнила, что по сторонам она смотрела достаточно, хотя и не всегда с достаточным успехом.

— Ну что вы, до того ли вам было. Можете меня не убеждать, что приятно провели вечер. Я по вашим глазам вижу. Я очень хорошо вижу, как вы провели вечер. Вы непрестанно слушали милые вещи. Когда музыка умолкала, вас развлекали беседой.

Энн улыбнулась и сказала:

— И это видите вы по моим глазам?

— А как же, моя милая. Лицо ваше яснее ясного мне говорит, что вы были вчера в обществе того, кто вам приятней всех на свете, кто важнее вам сейчас всего человечества.

Лицо Энн залилось краской. Она не знала, что сказать.

— А коли так,— продолжала миссис Смит, помолчав немного,— вы, я надеюсь, поверите, что я ценю вашу доброту, видя вас сегодня у себя. В самом деле, как же вы добры, что пришли ко мне, имея возможность куда приятнее провести время.

Последних слов ее Энн не слышала. Ее повергла в недоумение и смятение пронизательность подруги, и она гадала, каким же образом отчет о капитане Уэнтворте мог достигнуть ее слуха.

— Скажите,— снова помолчав, спросила миссис Смит,— а мистер Эллиот знает о нашем с вами знакомстве? Он знает, что я в Бате?

— Мистер Эллиот? — отозвалась Энн, удивленно глядя на нее. В следующую секунду она поняла свое заблуждение. И тотчас оправившись, уже спокойным тоном она спросила:

— А вы знакомы с мистером Эллиотом?

— Я была с ним близко знакома,— отвечала без улыбки миссис Смит.— Теперь знакомство наше оборвалось. Мы не видимся больше.

— А я и не знала. Вы не говорили. Если б я знала, я не отказала бы себе в удовольствии поболтать с ним о вас.

— По правде сказать,— вновь заговорила миссис Смит уже с обычной своей веселостью,— я как раз бы и хотела, чтобы вы поболтали обо мне с мистером Эллиотом. Мне нужно, чтобы вы использовали свое влияние. Он мог бы мне сослужить важную службу. И будьте уж так добры, милая мисс Эллиот, замолвите за меня словечко, вам-то он не откажет.

— Я бы и счастлива вам помочь. Я думаю, вы не усомнитесь, что я рада хоть чем-нибудь быть вам полезной,— отвечала Энн.— Но, боюсь, вы преувеличиваете мое влияние на мистера Эллиота, предполагая во мне больше прав ему указывать, чем те, какими я обладаю. И откуда взялось в вас подобное убеждение? Поверьте, я всего только родственница мистера Эллиота. Но все, что может просить кузина, я у него попрошу ради вас, и в этом вы можете на меня положиться.

Миссис Смит взглянула на нее проницательно и сказала с улыбкой:

— Выходит, я чересчур поспешила. Вы уж простите меня. Мне бы дожидаться формального извещения. Однако, милая моя мисс Эллиот, вы уж мне намекнете по старой дружбе, когда можно будет про это спрашивать, да? По правде говоря, я надеюсь, к следующей неделе все и уладится, и я смогу строить свои корыстные планы на удаче мистера Эллиота.

— Нет,— отвечала Энн,— ни к следующей неделе, ни еще к следующей. Ни на какой неделе, уверяю вас, ничего такого не уладится. Я не выйду замуж за мистера Эллиота. И отчего, хотелось бы мне знать, вы это вообразили?

Миссис Смит снова на нее поглядела, поглядела серьезно, улыбнулась, покачала головой и воскликнула:

— Ах, хотелось бы мне вас понять! Как бы хотелось мне угадать вашу душу! Я же знаю, вы не можете быть жестокой, когда придет решительная минута. А пока она не пришла, все мы, женщины, в нее не верим. Все мы готовимся отказать, пока к нам не посватались. Но зачем же вам быть жестокой? Вы мне позвольте ходатайствовать перед вами за моего — нет, теперь-то уж я не назову его другом — но за прежнего моего друга. Ну можно ли ожидать партии более удачной? Где еще найдешь такого истинного джентльмена и в полном смысле слова приятнейшего человека? Позвольте мне заступиться за мистера Эллиота. Я ведь уверена, вы и от полковника Уоллиса слышали о нем одно хорошее, а кому же его и знать, как не полковнику Уоллису?

— Дорогая моя миссис Смит, жена мистера Эллиота всего полгода как умерла. Едва ли прилично ему сейчас иметь на кого-то виды.

— Ах, ну если за тем только дело стало,— воскликнула миссис Смит с лукавой улыбкой,— тогда я спокойна за мистера Эллиота и беру назад все свои ходатайства. Но вы уж не забудьте обо мне, когда будете замужем. Только наметьте ему, что я ваш друг, и ему легки покажутся хлопоты, которых теперь он избегает, потому что ему не до них. Понятное дело. Девяносто девять из ста поступали бы так же. Да ведь он и не знает, как для меня это важно. Что же, милая мисс Эллиот, я надеюсь, я уверена, вы будете счастливы. В мистере Эллиоте довольно ума, чтобы оценить такое сокровище. Ваш покой не подвергнется бурям, какие выпали мне на долю. Вы можете во всем на него положиться. Уж его-то никто не собьет с дороги, не заманит к его же гибели.

— Нет,— сказала Энн.— Я верю всему тому, что говорите вы о моем кузене. Характер у него, кажется, спокойный и твердый, он не подвержен опасным влияниям. Я высоко его ставлю. Покамест я не замечала за ним ничего дурного. Но я так недавно еще его знаю; и он не из тех, кого за короткий срок можно близко узнать. Ах, да неужто по тону моему, миссис Смит, вы не поняли, что он мне безразличен? Ведь в противном случае я не могла бы с таким спокойствием о нем рассуждать. Поверьте, миссис Смит, он мне безразличен. И случись ему посвататься (а я вовсе не думаю, чтобы он собирался свататься), я ему откажу. Уверяю вас. Уверяю вас, если вчерашний концерт доставил мне удовольствие, то вовсе не благодаря мистеру Эллиоту. Мистер Эллиот ни при чем. Это вовсе не мистер Эллиот...

Тут она осеклась, покраснев от досады, что так много уже высказала; но едва ли могла она сказать меньше. Миссис Смит не поверила бы в безнадежное положение мистера Эллиота, не допусти она существования кого-то другого. Зато теперь она сразу успокоилась, явственно более ни о чем не догадываясь, и Энн с облегчением приступила к миссис Смит с нетерпеливыми расспросами о том, как могла она вообразить, будто Энн собирается выйти замуж за мистера Эллиота; как могла ей прийти такая идея, от кого могла она слышать такое?

— Скажите, почему вдруг вы это решили?

— А потому,— отвечала миссис Смит,— что я знала, как часто бываете вы вместе, и замечала, что всем вокруг только того и надобно. И, уж поверьте, все знакомые ваши точно так же вами распорядились. Но прямо никто мне про это не говорил до самого позавчерашнего вечера.

— А позавчера говорили?

— Заметили вы женщину, которая вам вчера отворяла дверь?

— Нет. Но разве это не миссис Спид была и не горничная? Нет, я ее не заметила.

— Это была моя приятельница миссис Рук, няня Рук, которая, кстати сказать, горела желанием на вас поглядеть и была счастлива, что ей представился случай. Она только в воскресенье воротилась из Мальборо Билдингс. Вот она-то мне и поведала, что вы выходите за мистера Эллиота. А ей поведала о том сама миссис Уоллис, а уж той бы, кажется, можно поверить. В понедельник она вечер целый со мною сидела и рассказала мне всю повесть.

— Всю повесть! — смеясь подхватила Энн.— Не длинную же могла она сочинить повесть из смутных неверных слухов!

Миссис Смит промолчала.

— Однако же,— продолжала Энн.— Хотя и не имея тех прав на мистера Эллиота, какие вы мне приписывали, я рада сослужить вам службу. Объявить мне ему, что вы в Бате? Передать ему что-нибудь от вас?

— Нет, благодарствуйте, не нужно. Сгоряча, ошибкой я бы, верно, и посвятила вас в кое-какие обстоятельства. Но не теперь. Нет, благодарствуйте, я ничем не стану вас обременять.

— Мне казалось, вы упомянули, что давно знали мистера Эллиота?

— Да, правда.

— Но не до того еще, как он женился?

— Отчего же, он был еще не женат, когда мы свели знакомство.

— И... близкое знакомство.

— Самое близкое.

— Вот оно что! Так расскажите же мне, каков он был тогда. Мне не терпится узнать, каков был мистер Эллиот в ранней юности. Похож на себя теперешнего?

— Последние три года я не видала мистера Эллиота,— отвечала миссис Смит с такою твердостью, что Энн не решалась больше расспрашивать; она ничего не достигла и только раззадорила свое любопытство. Обе молчали. Миссис Смит глубоко задумалась. Потом она вдруг воскликнула со всегдашней своей сердечностью:

— Простите меня, милая мисс Эллиот, что я так отрывисто отвечала на ваши вопросы, но я, право же, не знала, что делать. Право же, я не знала, что я должна, что могу я вам рассказать. Все слишком запуталось. Боюсь ведь вмешиваться не в свое дело, оговаривать и вредить. Даже и видимость мира семейственного стоит того, чтобы ее охраняли, на чем ни была бы она основана. Но вот я решилась. И думаю, я права. Я думаю, вам пора узнать истинный характер мистера Эллиота. Хотя я убедилась вполне, что у вас нет сейчас намерения принять его руку, кто предскажет, как еще все обернется. Рано или поздно ваше расположение вдруг и переменилось бы. Так выслушайте же всю правду теперь, когда вы беспристрастны. Мистер Эллиот человек без чести и совести; недоверчивое, коварное, холодное существо, он занят одним собою. Для собственных целей и выгоды готов он на любую жестокость, любое предательство, на преступление, какое только можно совершить, себя самого не подвергая опасности. Ему никто не дорог на свете. Тех, кого сам он завлек в беду, он бросает без жалости и раскаяния. Ох, это черная душа, пустая и черная душа!

Удивленный вид Энн, вырвавшееся у нее недоуменное восклицание заставили миссис Смит остановиться, и, овладев собой, она продолжала так:

— Вас пугают мои выражения. Снизойдите же к оскорбленной, разобиженной женщине. Вот я уже стараюсь сдержаться. Я не стану его поносить. Я только расскажу вам, какой стороной он ко мне повернулся. Пусть факты скажут сами за себя. Он был близким другом моего любимого мужа, и муж любил его и верил ему, как самому себе. Они близко сошлись еще до того, как муж мой на мне женился. Я застала их близкими друзьями; мне и са-

мой пришелся по душе мистер Эллиот, я была от него в восхищении. Много ли понимаешь в людях, когда тебе девятнадцать лет? Нет, мистер Эллиот мне казался ничем не хуже других и вдобавок приятнее многих, и скоро мы стали почти неразлучны. Мы тогда жили в городе, и жили на широкую ногу. Он же был в стесненных обстоятельствах; он был беден; он нанимал комнаты в Темпле и этим одним мог поддерживать видимость жизни, приличной джентльмену. У нас он находил приют когда хотел. Ему всегда были рады. Его встречали как брата. Мой бедный Чарлз, прекраснейшая, великодушнейшая душа на свете, готов был с ним поделиться последним фартингом; кошелек его всегда был открыт для мистера Эллиота; я знаю, он часто его выручал.

— Это была, верно, та самая пора в жизни мистера Эллиота,— сказала Энн,— которая всегда вызывала во мне особенное любопытство. В то самое время он, верно, и познакомился с моим отцом и сестрою. Сама я его тогда не знала, я только про него слышала; но было что-то такое в его отношениях к отцу и сестре и потом, в обстоятельствах его женитьбы, что я никак не могу увязать с нынешним его поведением. Словно совсем другой человек.

— Знаю, знаю, все знаю! — воскликнула миссис Смит.— Он представился сэру Уолтеру и сестре вашей еще до того, как мы сдружились, но он без конца про них поминал. Я знала, что его приглашали, зазывали, но он не благоволил явиться. Я могла бы такое вам порассказать, чего вы, быть может, и не ожидаете. Ну, а про женитьбу его я тогда же все знала. Меня посвящали во все «за» и «против»; мне поверяли опасенья и надежды; и хоть раньше я не была знакома с его женою, не к тому кругу принадлежала она, чтобы нам свести знакомство, зато потом я знала всю ее подноготную, вернее, знала до последних двух лет, и могу ответить вам на любой вопрос, какой только вы пожелаете предложить.

— Нет,— сказала Энн.— Про нее я не стану расспрашивать. Я и без того знаю, что они не были счастливы. Но я хотела бы знать, отчего в ту именно пору он так пренебрег вниманьем, ему оказанным? Мой отец был расположен отнестись к нему с подобавшим ему уважением. Почему же мистер Эллиот его избегал?

— Мистер Эллиот,— отвечала миссис Смит,— в ту пору преследовал одну-единственную цель — разбогатеть, и разбогатеть поскорее, не дожидаясь, пока его обогатит изучение права. Он решился достигнуть цели с помощью

выгодной партии. Во всяком случае, он решился не вредить своей цели необдуманной партией; а я знаю, он почел (уж справедливо ли, нет ли, не мне судить), что отец ваш и сестра завлекали его, собираясь выдать юную даму за молодого наследника, а такая партия вовсе не отвечала его понятиям о богатстве и независимости. Вот почему он их избегал, уверяю вас. Он мне ведь все рассказывал. Он от меня ничего не таил. Странно, что, оставя вас в Бате, я первым делом после замужества сдружилась с вашим кузеном; и от него я вечно слышала о вашем отце и сестре. Он описывал мне одну мисс Эллиот, а я нежно вспоминала другую.

— Пойдите,— вскричала Энн, пораженная внезапной догадкой,— так вы иногда говорили обо мне мистеру Эллиоту?

— Разумеется. И очень часто! Я хвасталась своей милой Энн Эллиот и уверяла, что она ничуть не похожа на...

Она вовремя осеклась.

— Это кое-что объясняет,— воскликнула Энн.— Теперь мне понятны вчерашние намеки мистера Эллиота. Я узнала вчера, что он давно обо мне слышал. И я не постигала, от кого. Каким только не предаешься нелепым фантазиям, когда речь идет о собственной бесценной особе! И как же легко обмануться! Да, но простите меня; я вас перебила. Значит, мистер Эллиот женился на деньгах? Верно, это обстоятельство и отвратило вас от него?

Миссис Смит мгновенно помешкала.

— Ах, ведь это вещь такая обыкновенная! Когда живешь в свете, привыкаешь к тому, что мужчины и женщины вступают в брак ради денег, и уж не возмущаешься этим, как должно. Я была молода, водила знакомство с молодыми, все мы были беспечны, веселы, строгость правил была у нас не в моде. Мы жили ради одних удовольствий. Теперь-то я стала другая. Время, болезнь и горе научили меня, но тогда, признаюсь, я не видела большого греха в поступке мистера Эллиота. «Радеть о собственном благе» — был тогда наш девиз.

— Но она была происхождения самого низкого?

— Да. И сколько я ему ни толковала про это, он и слушать не хотел. Деньги, деньги — вот чего он добивался. Отец ее был скотовод, дед — мясник, но для него это было пустое. Она была прекрасная женщина, получила приличное воспитание, какие-то родственники ей покровительствовали, случай свел ее с мистером Эллиотом, она влюбилась, и происхождение ее ничуть ему не мешало. Он за-

ботился только о том, чтобы удостовериться в точных размерах богатства, прежде чем сделать последний шаг. Поверьте, как бы ни пекся ныне мистер Эллиот о своем положении в свете, юношей он им решительно пренебрегал. Он не забывал, конечно, про киллингское имение, но честь семьи он ставил ни во что. Часто случалось ему при мне объявлять, что, ежели баронетства бы продавались, свое он продал бы первому встречному, за пятьдесят фунтов, имя, герб и девиз в придачу. Однако мне и половины не повторить того, чего я тогда от него на этот счет понаслышалась, да и не к чему. Вам ведь надобны доказательства, это все одни пустые слова, а вы получите доказательства.

— Право же, милая миссис Смит,— воскликнула Энн,— никаких мне не надобно доказательств. Вы ничего не сказали такого, что противоречило бы собственным догадкам моим о прошлом мис-ера Эллиота. Все это скорей подтверждает то, что мы сами о нем слышали и думали. Куда больше мне хотелось бы узнать, отчего он переменился.

— Нет, хотя бы ради меня, если бы вы были так добры и кликнули Мэри; впрочем, постойте. Я знаю, вы будете даже так добры, что сами пойдете ко мне в спальню и принесете маленькую резную шкатулку, которая стоит там на шифоньере.

Энн, видя, что подругу не переспорить, все сделала, как ее просили. Она принесла шкатулку и поставила перед миссис Смит, и та, вздохнув, повернула ключик и сказала:

— Тут битком набито бумаг моего мужа. И это еще небольшая часть того, что после него осталось. Я ишу письмо мистера Эллиота, посланное до нашей женитьбы. Сама не знаю, почему оно уцелело. Муж был беспечен в таких делах, как все мужчины. И когда я стала разбирать его бумаги, я среди всякой ненужной всячины нашла и это письмо, а многие важные документы бесследно пропали. А, вот оно. Я его не сожгла, я и тогда уж была недовольна поведением мистера Эллиота и решила сохранить это свидетельство былой близости. Теперь же у меня явились новые причины радоваться тому, что я могу его представить.

То было письмо, адресованное Чарлзу Смигу, эсквайру, Танбридж-Уэлс, и помеченное июлем давнего 1803 года.

«Милый Смит. Право же, ты чересчур ко мне снисходителен. Хотел бы я, чтобы природа каждого наделяла таким золотым сердцем, но? прожив на свете двадцать

три года, я одно только твое покуда и встретил. Сейчас, поверь, я не нуждаюсь в твоём попечении, разжившись деньгами. Поздравь меня, однако. Я избавился от сэра Уолтера и мисс. Они повлеклись обратно в Киллинч, взявши с меня чуть ли не клятвенное обещание быть у них летом. Я же буду в Киллинче не ране как с исправником, который и растолкует мне, как поудобней продать его с молотка. Барон, впрочем, еще может жениться; ума у него достанет. Зато в таком случае они от меня отвяжутся, что и утешит меня вполне в потере наследства. С прошлого года он стал еще несносней.

Я уж и не рад собственному имени. Эллиот — какая скука! Слава богу, хоть Уолтера могу я отбросить. И ты, мой милый, сделай одолжение, вперед не оскорбляй меня вторым этим «У», ибо до конца дней я желаю пребыть преданным твоим слугою

Уильямом Эллиотом».

Прочтя об отце своем такие строки, кто б не смутился? И миссис Смит, заметя, как вспыхнула Энн, поспешила сказать:

— Да, выражения там самые сильные. Точных слов я не помню, но помню общую мысль. Вот он вам весь. А как перед мужем моим распинается, заметьте. Дальше, кажется, некуда.

Энн не тотчас оправилась от потрясения и обиды, прочтя такие слова о своем отце. Пришлось ей вспомнить, что, читая письмо, она преступала законы чести, что никого мы не вправе судить на основании подобных свидетельств, что частная переписка не терпит постороннего глаза, — а уж затем овладела она собой, смогла возвратить письмо, над которым задумалась, и произнести:

— Благодарю вас. Да, это бесспорное доказательство. Бесспорное доказательство всему, что вы говорили. Но зачем же теперь мы ему понадобились?

— Я и это берусь вам объяснить, — отвечала миссис Смит с улыбкой.

— Неужто беретесь?

— Я показала вам мистера Эллиота, каков он был двенадцать лет назад, а теперь покажу, каков он стал ныне. Тут уж письменных доказательств я не могу вам представить, но могу привести самые достоверные изустные свидетельства о мыслях его и намерениях. Он теперь не лицемерит. Он искренне хочет на вас жениться. Теперь он от чистого сердца оказывает знаки внимания вашей

Such a sister could
not be read without telling
her in a glow.

семье. Открою, однако, от кого идут мои сведения — от полковника Уоллиса.

— Полковник Уоллис! Так вы с ним знакомы?

— Нет. Прямой связи меж нами нет. Мой источник немного петляет. Но это не беда. Если по излучинам и соберется немного сора, его легко убрать. Мистер Эллиот без утайки поверяет виды свои на вас полковнику Уоллису, каковой полковник Уоллис — сам по себе, я полагаю, человек благородный, умный и скромный; но у полковника Уоллиса есть жена, прехорошенькая и глупая, которой он всегда рассказывает то, чего рассказывать бы не следовало. Она, оправляясь после родов, в разнеженном своем состоянии, всем делится с сиделкой; а сиделка, зная о нашем с вами знакомстве, очень натурально все докладывает мне. И вот в понедельник вечером моя приятельница посвятила меня в тайны Мальборо Билдингс. Значит, когда я говорю про «всю повесть», я не так уж и фантазирую, как вам казалось.

— Милая миссис Смит, ваш источник недостоверен. Какие бы мистер Эллиот ни имел на меня виды, они никак не объясняют шагов, им предпринятых для примирения с моим отцом. Все это было еще до моего приезда. Я застала их в самых дружественных отношениях.

— Я знаю. Я очень хорошо знаю, но...

— И право же, миссис Смит, едва ли стоит доверяться сведениям, почерпаемым из такого источника. Когда факты и мнения столько раз переходят от лица к лицу, искажаясь то глупостью одного, то неведением другого, в них мало остается от истины.

— Дайте же мне сказать! И вы сами будете судить, достоверны ли мои сведения, когда я помяну о подробностях, какие тотчас можете вы подтвердить или опровергнуть. Никто и не говорит, будто он помирился с отцом вашим ради вас. Да, он увидел вас до того, как вы явились в Бат, и вы ему понравились, но он не знал еще, кто вы. Так, по крайней мере, утверждает повествователь. Правда ли это? Видел он вас прошлым летом или осенью «где-то на западе», выражаясь его словами, еще не подозревая, кто вы?

— Да, в самом деле. Покамест все верно. В Лайме. Я была в Лайме.

— Ну так вот, — с торжеством продолжала миссис Смит. — Отдайте же должное моей приятельнице: первая часть ее повести подтвердилась. Итак, он увидел вас в Лайме, и вы до того ему понравились, что он счастлив был снова встретить вас на Кэмден-плейс, уже в качестве

мисс Энн Эллиот, и с той самой минуты у него появилась еще одна причина бывать там. Но еще раньше была иная причина, о которой я вам сейчас и поведаю. Если что в моем рассказе покажется вам неверным или недостоверным, вы меня остановите. По моим сведениям, подруга сестры вашей, дама, которая живет сейчас вместе с вами и о которой вы мне как-то упоминали, приехала в Бат с мисс Элизабет и сэром Уолтером еще в сентябре (то есть когда они сами впервые здесь объявились) да так при них и осталась; она умная, вкрадчивая особа, она недурна собой, бедна и умеет понравиться, и положение ее и повадки наводят знакомых сэра Уолтера на мысль, что она решила стать леди Эллиот, и всех удивляет, как это мисс Элизабет не замечает опасности.

Тут миссис Смит помолчала немного; но Энн нечего было сказать, и она продолжала:

— Так представлялось дело людям, знакомым с вашей семьей еще задолго до того, как вы приехали; и полковник Уоллис достаточно наблюдал вашего отца, чтобы это заметить, хотя он и не был вхож на Кэмден-плейс. Но из расположения к мистеру Эллиоту он с интересом следил за событиями, и, когда мистер Эллиот явился в Бат на несколько дней незадолго до рождества, полковник Уоллис поведал ему о том, что все упорней твердила молва, и о собственных своих догадках. А надо вам сказать, что со временем понятие мистера Эллиота о баронетском достоинстве весьма круто изменилось. Родословная куда более его теперь занимает. Давно уж имея столько денег, сколько не в состоянии он потратить, удовлетворя вполне и жадность свою, и все свои прихоти, он постепенно научился связывать свое счастье с высоким титулом, какой предстоит ему наследовать. Мне это начинало казаться еще до прекращения нашей дружбы, и теперь догадка моя подтвердилась. Мысль о том, что он так и не будет сэром Уильямом, для него несносна. Вы можете, стало быть, поверить, что новость, сообщенная ему приятелем, его не обрадовала, и можете вообразить, что за этим последовало; он решил при первой возможности воротиться в Бат и задержаться там, восстановить прерванное знакомство и стать в те отношения к семейству, какие бы ему позволили убедиться в размерах угрозы, и, буде она окажется основательной, обойти упомянутую особу. Оба друга сочли, что план этот единственно верный; и полковник Уоллис взялся во всем помогать мистеру Эллиоту. Он собирался представиться, и миссис Уоллис собиралась представиться,

и все собирались представиться. И вот мистер Эллиот воротился; ходатайствовал о прощении; был прощен, как вы знаете, и снова принят в доме. И неотступной целью, и единственной (до приезда вашего в Бат), поставил он себе наблюдать за сэром Уолтером и миссис Клэй. Он не пропустил случая бывать с ними вместе, вечно становился у них на пути, являлся неожиданный; впрочем, к чему распространяться? Вы можете вообразить, на что способен ловкий человек, да и сами легко припомните кой-какие его маневры.

— Да,— сказала Энн,— обо всем этом я, кажется, и раньше догадывалась. Слушать о хитросплетениях коварства всегда противно. Уловки себялюбия и двуличия не могут не отвращать, но ничего удивительного я не услышала. Я знаю тех, кого поразили бы такие открытия о мистере Эллиоте, кому трудно было бы в них поверить, но сама я всегда что-то подозревала. Мне мнились тайные побуждения за явными его поступками. Хотелось бы мне знать, однако, нынешнее его суждение о вероятности события, которого он страшился. Уменьшилась ли, на его взгляд, опасность?

— Как я понимаю, уменьшилась,— отвечала миссис Смит.— Он считает, что миссис Клэй его боится, поняв, что он насквозь ее видит, и не решается при нем вести себя так, как вела бы в его отсутствие. Но коль скоро отсутствовать ему иногда приходится, я не постигаю, отчего он так уверен в успехе своего замысла при нынешнем влиянии ее на сэра Уолтера. Миссис Уоллис высказала забавную мысль, как доложила мне няня Рук, что в брачный контракт, когда вы с мистером Эллиотом поженитесь, включают якобы условие, по которому сэр Уолтер не вправе будет жениться на миссис Клэй. План поистине достойный миссис Уоллис! Однако няня Рук, моя разумница, видит всю его нелепость. «Господи, сударыня,— сказала она мне,— да ведь кто ж запретит тогда сэру Уолтеру еще на ком-то жениться!» Впрочем, сказать по правде, я не думаю, чтобы няня в глубине души была яркой противницей женитьбы сэра Уолтера. Как-никак ей положено радовать за материнство; и (от себя никуда ведь не денешься) кто знает, не роятся ли в голове ее смутные мечты о том, как она, по рекомендации миссис Уоллис, будет принимать роды у новоявленной леди Эллиот?

— Я очень рада, что все это узнала,— сказала Энн после недолгого раздумья.— Мне будет труднее сносить его общество, зато я знаю теперь, как мне поступить. Я знаю, как вести себя с этим человеком. Мистер Элли-

от — хитрый, суетный светский притворщик и все готов принести в жертву своему себялюбию.

С мистером Эллиотом, однако, еще не было покончено. Миссис Смит отвлеклась в сторону от первоначального предмета, и Энн, занятая интересами собственной семьи, позабыла, какие тяжкие грехи могли скрываться за намеками подруги; но теперь миссис Смит принялась их разъяснять, и Энн со вниманием выслушала повесть, каковая, ежели и не совсем оправдывала горячность миссис Смит, поведение мистера Эллиота рисовала бесчувственным и непростительным.

Энн узнала, что женитьба мистера Эллиота не повредила дружбе, они по-прежнему были неразлучны с мистером Смитом, и мистер Эллиот вовлекал приятеля в непосильные траты. Миссис Смит никак не желала счесть и себя виноватой и с большой неохотой признавала кое-какую вину в своем муже; но Энн заключала, что они и всегда жили не по средствам и вели вместе жизнь самую расточительную. По рассказу жены догадалась она, что мистер Смит был человек чувствительный, покладистый, но чересчур беспечен и прост; он был куда добрей своего приятеля и ничуть на него не похож, а тот помыкал им, быть может его презирая. Мистер Эллиот, зажив со всею пышностью вследствие женитьбы, склонен был потакать собственным прихотям, какие только можно удовлетворить, не роняя себя в глазах света (ибо при всем себялюбии своем он сделался осмотрителен), и, разбогатев именно тогда, когда друг его обеднел, он вовсе не заботился о средствах своего друга, но, напротив, вовлекал его в траты, которые неминуемо вели к разорению. И в самом деле, Смиты разорились.

Муж умер вовремя, так и не узнав всей печальной правды. Они и прежде попадали в тяжелые переделки, принуждены бывали испытывать терпение друзей, имели случай убедиться, что терпение мистера Эллиота испытывать не следует, но только уже после смерти мистера Смита открылось, до какой же степени расстроены дела его. Доверяя мистеру Эллиоту, что более делает чести сердцу его, нежели уму, мистер Смит назначил его своим душеприказчиком; но мистер Эллиот отказался исполнять его последнюю волю, доставя и без того несчастной вдове такие страдания, о которых нельзя было рассказывать без горечи и слушать без гнева.

Энн показали письма мистера Эллиота, писанные по этому случаю, и во всех видна была твердая решимость

его не обременять себя пустыми хлопотами и за холодной учтивостью сквозило жестокое безразличие к судьбе миссис Смит. Черствая и неблагодарная душа неприглядно в них открывалась, и кое-какие пассажи наводили Энн на мысль, что прямое вопиющее злодейство, пожалуй, не было бы страшней. Многое пришлось ей выслушать; о последних неприятных свиданьях, о всех неисчислимых своих бедах, обо всем, чего прежде коснулась она лишь намеком, миссис Смит наконец позволила себе распространиться.

Одно обстоятельство в особенности ее удручало. У нее были основания полагать, что часть состояния покойного мужа в Вест-Индии можно было бы вернуть, если умело за это приняться; и, хоть состояние было невелико, оно доставило бы ей средства жить безбедно. Но никто не хотел этим заняться. Мистер Эллиот не желал себя утруждать, а сама она ничего предпринять не могла, ибо не имела ни сил действовать, ни денег, которые бы ей позволили обратиться к посторонней помощи. Родных, которые бы помогли ей советом, у нее не было, и ей нечем было купить участие адвокатов. Все это усугубляло и без того тяжелое положение. Мысль о том, что судьба ее облегчилась бы, если б только вовремя похлопотать где следует, и страх, что промедление окажется непоправимо, терзали ее.

Потому-то и решилась она прибегнуть к помощи Энн. Она было уж заране готовилась потерять подругу; но поняв, что едва ли мистер Эллиот будет стараться их разлучить, раз он и не знает, что она в Бате, она подумала, что можно будет использовать влияние женщины, которую он любит, насколько позволят кое-какие хорошо ей известные свойства мистера Эллиота, да сразу и взялась за дело. Но как только Энн объяснила ей всю неосновательность предположений ее о помолвке, все тотчас и переменялось; но, обманувшись в своих надеждах, она уж не могла отказать себе в удовольствии разоблачить мистера Эллиота.

Ознакомясь с подробным сим его портретом, Энн не могла, однако, не выказать удивления, что миссис Смит в начале беседы отозвалась о нем столь лестно. Она ведь буквально его превозносила!

— Милая моя, — отвечала ей миссис Смит. — А как еще могла я себя вести? Я считала, что ваш брак дело решенное, пусть предложения он покамест и не делал, но он был в моих глазах все равно что ваш муж, и я не могла говорить о нем правду. Сердце мое обливалось кровью, пока я толковала о вашем счастье; но ведь он и в самом деле умен; и в самом деле он приятен; а с такой женщи-

ной, как вы, он еще мог бы исправиться. С первой женой обращался он дурно. Они были оба несчастны. Но она была легкомысленна и невежественна, он не мог ее уважать, и он никогда не любил ее. Я тешилась надеждою, что ваша участь будет завидней.

Энн подумала о том, что вдруг бы ей пришлось стать его женою, и содрогнулась при мысли о несчастьях, какие могло бы это повлечь. Вдруг бы она склонилась на доводы леди Рассел! И узнала бы правду слишком поздно!

Оставалось поскорей развеять заблуждения леди Рассел; и в конце важного сего совещания, длившегося чуть не до самого обеда, Энн взяла у миссис Смит позволение рассказать своему дорогому другу обо всех невзгодах, в которые ввергло ее поведение мистера Эллиота.

ГЛАВА XXII

Энн отправилась домой обдумать все, что она услышала. Лишь одно обстоятельство ее радовало. В сердце ее не осталось добрых чувств к мистеру Эллиоту. Он был полная противоположность капитану Уэнтурту с непрошеной своей навязчивостью; зло, которое причинил он ей вчера своими любезностями, непоправимый вред, какой мог он ей нанести, она видела теперь со всей беспощадностью. С жалостью было покончено. Но лишь одно это и радовало ее. Многое в настоящем и будущем ее пугало. Она огорчалась тем разочарованием и болью, какие предстояло испытать леди Рассел; унижением, которое витало над отцом и сестрой, и мучилась, предвидя все эти беды и не имея средства их отвратить. Слава богу, хоть сама она все узнала про мистера Эллиота. Она никогда не считала, что достойна награды за то, что не отвернулась от прежней подруги своей миссис Смит в ее беде, но вот она, однако,— награда! Миссис Смит рассказала ей такое, чего больше никто бы не мог рассказать. Надо ли стараться, чтобы прозрело все семейство? Праздный вопрос. Надо лишь поговорить с леди Рассел, все ей поведать, спросить у нее совета, а затем ждать исхода, набравшись терпения; но ведь всего трудней ей будет даваться терпение в том как раз, чего не узнает и сама леди Рассел; ибо главные страхи и тревоги будут секретом и от нее.

Придя домой, Энн обнаружила, что избежала общества мистера Эллиота, как и намеревалась; что он нанес им утренний визит и долго у них оставался; однако едва успела она себя поздравить и облегченно вздохнуть, тотчас она узнала, что его снова ждут вечером.

— Я и не думала его приглашать,— сказала Элизабет с напускной небрежностью,— но он уж очень напрашивался. Так, по крайней мере, утверждает миссис Клэй.

— Как не утверждать. Я в жизни своей не видывала, чтобы так набивались в гости. Бедняжка! Мне, право, стало его жаль. Ваша непоколебимая сестра, мисс Энн, склонна к жестокости.

— Ах,— вскричала Элизабет,— мне, слава богу, не привыкать к искательствам и намекам разных джентльменов, и не так-то легко меня разжалобить. Но когда я увидела, как он убивается, не застав моего отца, я тотчас ему уступила, ибо не могу же я их лишать возможности видеться. Оба так наслаждаются обществом друг друга. И оба так милы, право, и мистер Эллиот смотрит на отца с таким почтением.

— Они прелестны! — вскричала миссис Клэй, не осмеливаясь, однако, смотреть в сторону Энн.— Ну, ни дать ни взять, отец и сын! Милая мисс Эллиот, ведь вы позволите мне так выразиться?

— Ах, я никому и никак не запрещаю выражаться! Если уж у вас в голове эдакие мысли! Однако же я, по правде сказать, вовсе не замечала, чтобы мистер Эллиот был внимательнее ко мне прочих мужчин!

— Милая мисс Эллиот! — вскричала миссис Клэй, воздевая руки и взоры, а весь остаток своего изумления погружая в выразительное молчание.

— Хорошо, милая Пенелопа, вы можете о нем не вздыхать. Вы же слышали, я его пригласила. Я отослала его с улыбкой. Когда я узнала, что завтра он в самом деле отправляется на целый день к своим друзьям в Торнберри-парк, я сжалилась над ним.

Энн восхищалась талантливой игрою миссис Клэй, умевшей показать, как не терпится ей насладиться обществом того самого человека, которого увидеть хотела она всего менее. Миссис Клэй, конечно, противно было даже имя мистера Эллиота, а меж тем она сияла, будто была рада-радешенька тому, что ей мешают нераздельно посвящать себя сэру Уолтеру.

Энн было тоже весьма неприятно видеть, как мистер Эллиот входил в комнату; с мукой ждала она, что вот

он к ней подойдет, заведет разговор. Она и прежде догадывалась, что не всегда он искренен, теперь она усматривала неискренность в каждом его слове. Почтительность его к сэру Уолтеру она сравнивала с прежними решительными характеристиками и не могла не ужасаться; а когда она думала о том, как поступил он с миссис Смит, улыбки его и милые речи казались ей несносны.

Ей не хотелось слишком резкой переменой в обращении вызвать его упреки. Она старалась избежать расспросов и объяснений; но она намеревалась выказать ему столько холодности, сколько допускало их родство, и нечувствительно свести на нет ту ненужную короткость, которой умел он добиться. А потому она была натянутой и холодной, чем накануне.

Он желал вновь заставить ее любопытствовать, где и от кого слышал он о ней лестные отзывы; он желал, чтобы она его удостоила расспросами; но чары рассеялись. Он находил, что оживление и теснота вчерашней залы только и могли подстрекнуть суетность смиренницы-кузины. Он находил, что теперь и пытаться нечего вызвать ее интерес теми приемами, которые позволил он себе единственно оттого, что другие одолевали ее слишком настойчивыми притязаниями. Он не догадался умолчать как раз о том, что сразу привело ей на память самые его непростительные вины.

Не без удовольствия узнала она, что в самом деле он наутро покинет Бат, уедет спозаранок и вернется не ранее чем через два дня. Вечером сразу по приезде его уже пригласили на Кэмден-плейс; но хоть с четверга до субботы его не будет. Уж и того довольно, что ей вечно приходится терпеть миссис Клэй; но еще один лицемер и даже более фальшивый — это, право, уже слишком! Унизительно было думать о доверчивом неведении отца и Элизабет, ждать разочарований, какие им готовились! Уж лучше себялюбие миссис Клэй, уж лучше этот ужасный брак, только не хитросплетения мистера Эллиота, направленные на то, чтобы спасти сэра Уолтера.

В пятницу утром она решила отправиться к леди Рассел и все ей рассказать; и отправилась бы сразу после завтрака, когда бы миссис Клэй, любезно избавляя Элизабет от каких-то хлопот, тоже не собиралась выйти. А посему Энн переждала, пока минет угроза совместной прогулки, и, лишь убедясь, что миссис Клэй благополучно отбыла, она завела разговор о намерении своем провести утро на Ривер-стрит.

— Вот и прекрасно! — сказала Элизабет. — Мне нечего ей передать, кроме привета. Ах! Захвати ты, пожалуй, эту скучную книгу, которую она дала мне почитать, да благодари и не забудь сказать, что я ее прочла от корки до корки. Не могу же я вечно корпеть над новыми стихами и трудами историческими. Леди Рассел хоть кого замучит новинками. Кстати, ты ей не говори, но платье на ней вчера было просто уморительно. Я полагала, она не лишена вкуса, но на концерте мне было, право, за нее совестно. И такой натянутый вид! Как линейку проглотила! Словом, самый нежный привет.

— И от меня, — присовокупил сэр Уолтер. — Нижайшее почтение. Да скажи, что скоро сам я к ней буду. Долг учтивости. Я, впрочем, только карточку оставлю. Не стоит наносить утренние визиты даме в ее года, которая так небрежет своей наружностью. Уж я бы на ее месте стал, пожалуй, хоть румяниться — по крайней мере, не стыдно людям показаться. А то в последний раз подъезжаю — глядь, а шторы опустили.

Пока отец еще говорил, в дверь постучали. Кто бы это мог быть? Помня прежний обычай мистера Эллиота являться в любое время, Энн ожидала бы увидеть его, не будь он заведомо в семи милях от Кэмден-плейс. После непрременной задержки последовали непрменные приближающиеся шаги и миссис и мистер Чарлз Мазгроув были введены в гостиную.

Удивление было сильнее всех прочих чувств, вызванных их неожиданным визитом; но Энн была им искренне рада; прочие же не настолько огорчились, чтобы не в силах были изобразить радушие; а после того, как обнаружилось, что ближайшие их родственники вовсе не притязают на приют под их кровом, сэр Уолтер и Элизабет были в состоянии выказать им истинную сердечность. Они явились в Бат на несколько дней вместе с миссис Мазгроув и остановились в гостинице. Это вскоре выяснилось; но до тех самых пор куда сэр Уолтер и Элизабет не увлекли Мэри в другую гостиную, дабы насладиться ее восторгами, Энн не могла вытянуть из Чарлза ни членораздельного ответа о цели приезда, ни объяснения кое-каким улыбкам и настойчивым намекам на одно деликатное обстоятельство, которые бросала Мэри, равно как и рассказа о том, кто еще приехал с ними в Бат.

Наконец узнала она, что, не считая их обоих, в Бат явились миссис Мазгроув, Генриетта и капитан Харвил. Чарлз представил ей обо всем подробный отчет; и она

легко вообразила, как все сделалось. Сперва капитан Харвил надумал ехать в Бат по делам. Заговорил он о своем намерении еще на прошлой неделе; томясь бездействием, ибо охота на дичь уже закрылась, Чарлз положил отправиться вместе с ним, и миссис Харвил весьма одобряла сей план; Мэри, однако, и слушать не хотела о том, чтобы ее бросили одну, дулась, сердилась, и несколько дней и думать было нечего о поездке. Выручили отец и матушка. У матушки в Бате сыскались друзья, которых захотелось ей повидать; кстати же и Генриетта могла поехать с нею вместе и купить подвенечный наряд для себя и для сестры; а под крылышком миссис Мазгроув и капитану Харвилу было спокойней; Чарлза и Мэри, к общему удовольствию, тоже взяли в компанию. Явились они накануне поздно вечером. Миссис Харвил, ее дети и капитан Бенвик остались в Апперкроссе с мистером Мазгроувом и Луизой.

Энн удивляло только, что уж дошло до покупки подвенечного платья Генриетте. Ей-то казалось, что близкому браку будут препятствовать меркантильные расчеты. Но от Чарлза узнала она, что совсем недавно (уже после того, как Мэри к ней писала) один приятель выхлопотал для него на время чужой приход, и благодаря этим средствам и полной почти уверенности, что в недалеком будущем можно рассчитывать на доход более надежный, оба семейства уступили желанию молодых людей, и через несколько месяцев, не позже чем свадьба Луизы, была назначена их свадьба.

— А приход славный, — прибавил Чарлз, — всего в двадцати пяти милях от Апперкросса, места отменные, краса Дорсетшира. Вокруг чуть не самые лучшие заповедные леса во всем королевстве и три крупнейших поместья рачительных и любезных хозяев; и к двоим у Чарлза Хейтера будут рекомендательные письма. Только едва ли он оценит, — вздохнул Чарлз, — он мало смыслит в охоте. То-то и беда.

— Как же я довольна, — воскликнула Энн. — Как же я довольна, что все так славно устроилось. Обе сестры равно заслуживают прекрасной участи и так дружны, и хорошо, что светлые ожидания одной не омрачают будущего другой. Думаю, мистер и миссис Мазгроув от души рады за обеих.

— Рады-то они рады! Батюшка бы не прочь, чтобы джентльмены были побогаче, но иного не видит в них порока. Деньги, деньги, да двум дочкам сразу выложить — шуточное ли дело! Я, конечно, не хочу сказать, что это

не по справедливости. Пусть получают свою дочернюю долю. А мне он всегда останется любящим и щедрым отцом. Правда, Мэри не одобряет выбора Генриетты. Она его, знаешь ли, никогда не одобряла. Но она несправедлива к кузену, и она забывает про Уинтроп. Никак я ей не втолкую, какие это ценные земли. По нынешним временам вовсе недурная партия. А сам Чарлз Хейтер всегда мне нравился, и вперед я к нему не переменюсь.

— Прекрасные ваши родители,— воскликнула Энн,— теперь должны быть довольны! И они все делают для счастья дочерей. Какое благословение — зависеть от их доброй воли! Отец ваш и матушка, кажется, совершенно свободны от тщеславных предрассудков, которые часто ведут к беде и молодых и старых. Луиза, я надеюсь, совсем оправилась?

Он отвечал не без сомнения:

— Да, кажется, так. Она оправилась. Но она переменилась. Уж не бегают, не скачет, не пляшет, не хохочет. Совсем другая стала. Стукнешь ненароком дверью и она вся дрожит и трепыхается, словно молоденькая гагара на воде; а Бенвик вечно сидит рядом, бубнит стихи чли на ушко ей нашептывает с утра и до вечера.

Энн невольно засмеялась.

— Да, пожалуй, это не совсем в твоем вкусе,— сказала она.— Мне он, однако, кажется достойнейшим молодым человеком.

— А как же. Никто и не сомневается. Или я, по-твоему, деревенщина неотесанный и требую, чтобы все были как я? Я весьма высоко ставлю Бенвика; если его расшевелишь, он много чего порасскажет. Чтение не принесло ему особенного вреда, ведь он умеет не только читать, но и сражаться. Он храбрый малый. Я с ним ближе сошелся в прошлый понедельник. Мы славно состязались все утро, охотясь на крыс в риге у батюшки; и он показал себя таким молодцом, что я его теперь еще больше уважаю.

Здесь разговор их прервался, ибо решительно оказалось необходимо, чтобы Чарлз тоже отдал должное зеркалам и фарфору. Но Энн уже многое узнала о нынешнем положении обитателей Апперкросса и радовалась за них. И, хоть, радуясь, она вздыхала, во вздохах ее не было угрюмой зависти. Разумеется, и сама она не отказалась бы от более счастливого жребия, но вовсе не желала сестрам поменьше счастья.

Визит протекал как нельзя приятней. Мэри пребывала в отличном расположении духа, радуясь перемене места, и так была довольна путешествием в свекровиной карете четверкой и независимостью своей от Кэмден-плейс, что умела всем восхищаться как должно и с готовностью вникать во все преимущества Бата, о которых ей повествовали. Но еще более рассказов отца и сестры убеждал ее вид роскошных гостиных.

Элизабет испытывала некоторое время самые неподдельные страдания. Она чувствовала, что следовало бы

пригласить миссис Мазгроув и спутников ее на обед; но она не могла снести мысли, что в продолжение обеда перемена в обстоятельствах, сокращение штата прислуги неизбежно откроются тем, кто всегда смотрел снизу вверх на Эллиотов из Киллинча. Суетность боролась с приличием, и суетность победила, и тотчас Элизабет вздохнула с облегчением. Вот какими доводами она себя укрепляла: «Старомодные глупости; деревенское хлебосольство; мы не сторонники званых обедов; их никто почти в Бате не дает; леди Алисия их не дает вовсе; не пригласила даже семейство родной сестры, когда та провела здесь месяц целый; и ведь самой же миссис Мазгроув это ни к чему; ей было б с нами неловко; зачем это ей? Приглашу-ка я их на вечер; этак оно лучше; для них ново и развлечение. Они в жизни своей двух таких гостиных не видывали. Они счастливы будут прийти завтра вечером. У нас будет настоящий прием, небольшой, но изысканный». Своими умо-заклечениями Элизабет осталась довольна; и когда двое присутствовавших сподобились приглашения, а прочим его посулили, Мэри тоже была довольна. Ей объявили, что ее познакомят с мистером Эллиотом и представят леди Дэлримпл и мисс Картерет, которые, по счастью, тоже приглашены, и она была в восхищении. Мисс Эллиот предполагала иметь честь нанести миссис Мазгроув визит до обеда, а Энн отправилась вместе с Мэри и Чарлзом, чтобы тотчас взглянуть на нее и на Генриетту.

Свой разговор с леди Рассел пришлось ей отложить. Все трое на минутку зашли на Риверс-стрит, и Энн, убеждая себя, что можно несколько отсрочить задуманное сообщение, поспешила к Уайт Харт, к друзьям и спутникам минувшей осени, со всем жаром доброжелательства, пылавшим в ней по многим причинам.

Миссис Мазгроув и Генриетта оказались на месте и одни, и обе встретили Энн с распростертыми объятьями. Генриетта была в том состоянии недавно обретенного счастья и размягчения душевного, какие наполняли ее живым интересом ко всем, кто прежде не был ей вполне безразличен; нежность же миссис Мазгроув основывалась на благодарности. Энн наслаждалась сердечным теплом и искренностью, которых недоставало ей в домашнем кругу. Ее умоляли проводить с ними все свободное время, бывать у них каждый день, целый день, и объявляли членом семейства; она же в ответ дарила их обыкновенным своим участием и, когда Чарлз ушел, выслушала повесть миссис Мазгроув о Луизе, Генриеттину — о ней

самой, давала советы, рекомендовала модные лавки, а меж тем угождала и Мэри — поправляла ей ленты, поверяла счета, искала ключи, разбирала безделушки, пыталась ее уверить, что никто не желает ей зла,— словом, исполняла все желания, которые Мэри, со вниманием глядя в окно, выходившее на павильон минеральных вод, еще успевала высказать.

Утро предстояло суматошное. Сцена действия непрестанно менялась. Несли письма, а через пять минут уже несли пакеты. Энн и получаса не провела в просторной столовой, а в ней уж чуть не битком набилось гостей; степенные старушки обсели миссис Мазгроув, а Чарлз воротился в сопровождении капитана Харвила и капитана Уэнтуорта. Появление последнего, впрочем, лишь на минуту ее удивило. Она не могла не догадываться, что приезд общих друзей неизбежно сведет их вместе. Свидание в концертной зале открыло ей его чувства; оно оставило в ней восхитительное воспоминание. Однако по виду его она тотчас заключила, что несчастное заблуждение, послужившее тогда причиной поспешного его прощанья, все еще им владело. Он, казалось, избегал к ней приближаться и вступать в разговор.

Она старалась овладеть собою и предоставить события естественному их ходу. Она уговаривала себя: «Если оба мы любим, наши сердца отзовутся друг другу. Мы не дети, чтобы дать увлечь себя глупым обидам, стать жертвами капризного случая, играть своенравно собственным счастьем». Но уже через несколько минут поняла она, что, находясь вместе, в нынешних обстоятельствах им не избежать капризов коварного случая.

— Энн,— крикнула Мэри, не покидавшая своего поста.— Там миссис Клэй стоит под колонной, а с ней какой-то господин. Только что свернули с Бат-стрит. И как увлечены беседой! Кто бы это был? Поди-ка сюда, взгляни. Господи! Вспомнила. Это же мистер Эллиот!

— Нет,— живо отозвалась Энн.— Это не может быть мистер Эллиот, уж поверь. Он нынче в девять часов утра покинул Бат и не вернется до завтрашнего вечера.

Пока она говорила, она почувствовала, что капитан Уэнтуорт на нее смотрит, и тотчас она смутилась и пожалела о своих словах.

Мэри, оскорбленная тем, что могли предположить, будто она не узнает ближайшего родственника, с горячностью говорила о семейном сходстве, пылко уверяла, что у колонны стоит мистер Эллиот собственной персо-

ной, и настойчиво призывала Энн подойти к окну самой и в этом убедиться, но Энн решила не двигаться с места и старалась сохранять невозмутимость. Однако она заметила с тоской, что две гости многозначительно переглянулись, а стало быть, слух о ее помолвке широко распространился, и воцарившееся на минуту молчание обещало дальнейшее распространение его.

— Ну, подойди же, Энн,— кричала Мэри.— Подойди и удостоверься. Не поспешишь — опоздаешь! Они прощаются! Пожимают друг другу руки... Он уходит! Не узнать мистера Эллиота! Вот уж поистине! Ты, верно, совсем позабыла про Лайм.

Чтобы умиротворить Мэри, а быть может, скрыть собственное смущение, Энн не спеша подошла к окну. И успела увидеть, что не кто иной, как мистер Эллиот, вопреки ее убеждению, удалялся в одну сторону, а миссис Клэй поспешала в другую; и подавив удивление, какого не могла в ней не вызвать мирная беседа столь заведомых неприятелей, она сказала спокойно:

— Что ж, это мистер Эллиот. Значит, он переменял свое намерение, впрочем, я могла и напутать, я невнимательно слушала.

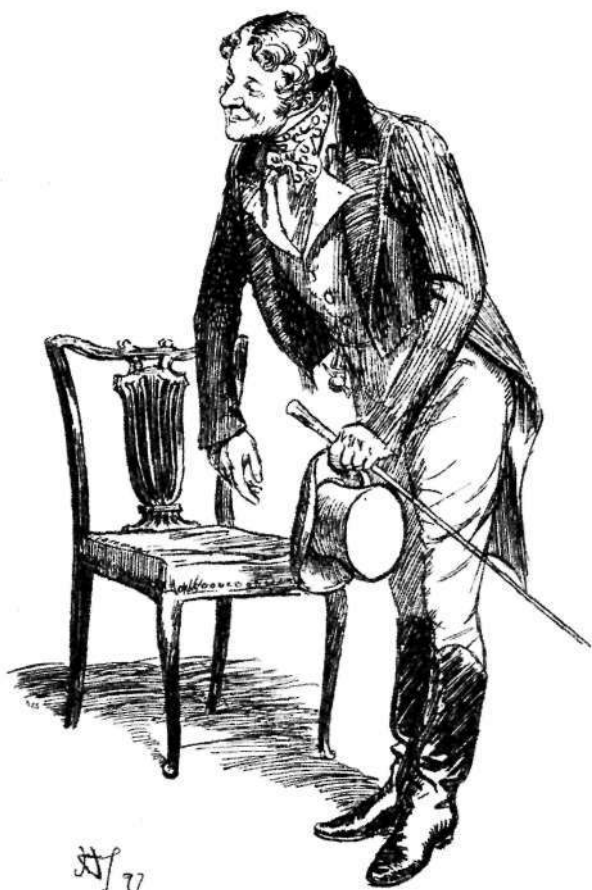
И она вернулась на свое место, в приятной надежде, что вела себя как должно.

Гости стали прощаться, и Чарлз, любезно их проводив, скорча затем у них за спиною рожу и полюбопытствовав, какая принесла их нелегкая, обратился к миссис Мазгроув со следующей речью:

— Ну вот, матушка, я кое-что сделал, за что вы, конечно, похвалите меня. Я был в театре и абонировал на завтра ложу. Что скажете? Не правда ли я хороший сын? Я знаю, вы любите театр. И места всем хватит. На девять человек ложа. Я пригласил капитана Уэнтуорта. Энн не обидится, если мы ее тоже пригласим. Мы все любим театр. Правильно я поступил, матушка?

Миссис Мазгроув начала было добродушно выражать полную свою готовность идти в театр, ежели не прочь Генриетта и остальные, но Мэри перебила ее, воскликнув:

— Господи! Ну, Чарлз, и как мог ты такое забрать себе в голову? Ложу на завтра! Но ведь на завтра мы приглашены к моему отцу! Или ты забыл? Нас настоятельно просили быть, мы ведь должны встретиться с леди Дэлримпл, мисс Картерет и мистером Эллиотом, ближайшими нашими родственниками! Нас хотят им представить! Как ты забывчив, Чарлз!

— Эка важность! — отвечал ей Чарлз. — Эка важность — вечерний прием. И вспомнить потом будет нечего. Твой отец мог бы нас и на обед пригласить, если ему так не терпится нас повидать. Поступай как знаешь, а я иду в театр.

— Ах, Чарлз, это будет ужасный, непростительный поступок, ведь ты же обещал у них быть!

— Ничего я не обещал. Я только ухмылялся и кланялся, и я сказал «Весьма польщен». Это еще не обещание.

— Нет, Чарлз, не спорь. Ты не можешь не пойти. Это немыслимо. Нас хотят представить. Мы всегда были так близки с Дэлримплами. Что бы ни случилось у нас, они всегда так живо нам сочувствовали. Мы очень, очень близкие родственники. А мистер Эллиот! Тебе непременно нужно с ним познакомиться! Он заслуживает твоего внимания. Сам посуди! Наследник моего отца, будущий глава нашего семейства!

— Не говори ты мне больше о наследниках и о семействе! — выкрикнул Чарлз. — Я не из тех, кто небрежет предержащей властью, кланяясь восходящему солнцу. Если уж я ради твоего отца не хочу идти, то зачем же я пойду ради его наследника? Не стыдно ли это? Да что мне в твоём мистере Эллиоте?

Небрежные речи Чарлза сослужили неоценимую службу Энн, которая заметила, что капитан Уэнтворт с жадностью ловит каждое его слово, а при последнем возгласе перевел вопросительный взгляд на ее лицо.

Чарлз и Мэри продолжали обмениваться мнениями в том же духе, он то ли шутя, то ли серьезно уверял, что пойдет в театр, она с неколебимой серьезностью восставала против его намерения, давая, однако ж, понять, что как ни полна она решимости отправиться на Кэмден-плейс, она почтет себя обиженной, если они пойдут в театр без нее. Наконец вмешалась миссис Мазгроув:

— К чему торопиться, Чарлз. Поменяй-ка ты эту ложу на вторник. Расставаться жаль, а ведь мы и общества мисс Энн лишимся из-за этого вечера у ее отца; а ни мне, ни Генриетте театр не в радость, если рядышком не будет мисс Энн.

Энн была от души ей благодарна за добрые слова еще и потому, что они давали ей повод сказать:

— Что до меня, сударыня, вечер у нас дома (если бы не Мэри) ничуть мне не послужил бы препятствием. Я не люблю подобных развлечений и с радостью променяла б его на театр и на ваше общество. Но, боюсь, не стоит и соблазняться.

Она выговорила эти слова и вся дрожала, зная, что они услышаны, и не решаясь поднять глаза и проверить, какое произвели они действие.

Все согласились на вторник; Чарлз, правда, еще поддразнивал жену, уверяя, что отправится в театр завтра, один, если никто не согласится ему сопутствовать.

Капитан Уэнтуорт встал и отошел к камину; быть может, заранее предполагая вскоре от него отойти и незаметно занять место рядом со стулом Энн.

— Вы не так уж долго пробывали в Бате,— заметил он,— чтоб успеть наскучить вечерними его приемами.

— Ах нет. Все это не в моем вкусе. Я не играю в карты.

— Знаю, прежде вы не играли. Вы не любили карт; время, однако, может многое переменить.

— Но я мало переменялась! — воскликнула Энн и осеклась, испугавшись сама не зная чего. Он переждал минутку и сказал, словно под влиянием вдруг нахлынувшего чувства:

— Да, срок немалый. Восемь лет с половиной — немалый срок!

Намеревался ли он продолжать, ей оставалось решать потом, в тиши уединения; ибо, все еще вслушиваясь в звуки его голоса, она была отвлечена Генриеттой, которая стремилась поскорее выйти и призывала других последовать ее примеру, покуда опять никто не нагрянул.

Делать было нечего. Энн объявила, что готова выйти тотчас, и старалась казаться искренней; но она чувствовала, что, зная Генриетта о том, с какой тоской покидала она свой стул и собиралась покинуть комнату, быть может, в сердце, переполненном кузеном и счастливой любовной уверенностью, и нашлось бы место для жалости к ней.

Сборы, однако, были прерваны. Послышались тревожащие звуки, приближались новые гости и дверь распахнулась перед сэром Уолтером и мисс Эллиот, чье появление словно разом заморозило всех. Энн тотчас ощутила гнет, и на всех лицах читала она его приметы. Непринужденность, свобода, веселость покинули комнату и сменились холодной сдержанностью, неловким молчанием и стесненной светскостью речей в ответ на изысканное равнодушие отца и сестрицы. И как тяжело было ей сознавать это!

От ревнивого взгляда Энн не укрылось одно приятное обстоятельство. Оба, уже без затруднения, узнали капитана Уэнтуорта, и Элизабет казалась куда любезней, нежели была она в концертной зале. Один раз она даже собственноручно к нему адресовалась и не раз на него поглядывала. Поистине, Элизабет обдумывала решительный шаг. Скоро все разъяснилось. Прилично побеседовав о том о сем, а больше ни о чем, она осуществила приглашение, заранее обещанное семейству Мазгроув. «Завтра вечером, в тесном кругу» — это произносилось весьма любезно, и карточки,

каковыми она снарядилась («Мисс Эллиот принимает у себя дома»), выкладывались на стол с премилой, одаряющей улыбкой, обращаемой равно ко всем, но вот одна карточка и одна улыбка были подчеркнуто выделены капитану Уэнтурту. Поистине, Элизабет довольно провела времени в Бате, чтобы научиться ценить человека с такой наружностью. Прошедшее было забыто. В настоящем капитан Уэнтурт мог служить достойным украшением ее гостиной. Карточка была вручена, и сэр Уолтер и Элизабет удалились.

Хотя и неприятное, вторжение было кратко, и, едва закрылась за ними дверь, ко многим вернулось прежнее оживление, но только не к Энн. Она думала лишь о приглашении, которого явилась она изумленной свидетельницей, о том, как странно было оно принято: скорей с удивлением, чем с признательностью, скорее учтиво, чем расстроганно. Она слишком его знала; она прочитала презрение в его взоре и не смела думать, что он мог принять эту подачку во искупление всех прежних обид. Уныние ее охватило. Он держал карточку в руке еще долго, после того как они ушли, словно погруженный в размышление.

— Подумать только, Элизабет никого не забыла! — произнесла Мэри оглушительным шепотом. — Стоит ли удивляться, что капитан Уэнтурт оторопел! Видишь, никак не может от карточки оторваться.

Энн поймала его взгляд, заметила, как вспыхнули его щеки, а рот на мгновение сложился в презрительную гримаску, и отвернулась, чтобы уже не видеть и не слышать того, что могло ее огорчить.

Общество разделилось. У мужчин были свои дела, у дам — свои, и на том Энн с ними и распростилась. Ее умоляли вернуться, отобедать вместе, остаться до вечера, но слишком долго нервы ее были в напряжении, она чувствовала, что ей не под силу переносить его долее и нужно поскорей уйти домой, где сможет она молчать сколько душе угодно.

Обещав им все завтрашнее утро, она довершила труды нынешнего длинной прогулкой до Кэмден-плейс, где предстояло ей чуть ли не вечер целый, под суматошные распоряжения Элизабет и миссис Клэй касательно завтрашнего, беспрестанное перечисление гостей и нескончаемые соображения об усовершенствованиях сего приема, призванных навеки запечатлеть его в памяти Бата, — втихомолку терзать себя неразрешимым вопросом — придет или нет капитан Уэнтурт? Они-то считали, что он явится

непременно, а ее мучила неизвестность, и каждые пять минут заставляли ее за новым решением. Более склонялась она, однако, к мысли, что он придет, ибо она склонялась к мысли, что прийти ему надобно; но напрасно она себя уговаривала, что к тому призывают его долг и скромность,— сердце ей нашептывало иное.

От томительных своих рассуждений она отвлеклась лишь затем, чтобы сообщить миссис Клэй, что видела ее в обществе мистера Эллиота три часа спустя после предполагаемого его отъезда, ибо, не дождавшись от самой дамы объяснений по поводу означенного свиданья, она решила о нем ей напомнить. На лице миссис Клэй она заметила смущение. Правда, уже в следующую секунду смущения и следа не осталось; но Энн, кажется, успела прочесть свидетельство того, что, запутавшись ли в собственных ковах, уступив ли неумолимой его властности, миссис Клэй принуждена была выслушивать (быть может, и полчаса кряду) урок мистера Эллиота о том, как следовало ей вести себя с сэром Уолтером.

Тем не менее она воскликнула, весьма сносно изображая искренность:

— Боже! И в самом деле! Вообразите, мисс Эллиот, иду я по Бат-стрит, и кого же вижу? Мистера Эллиота! В жизни я так не удивлялась. Он повернулся и дошел со мною до Памп-ярда. Что-то его задержало в Бате, а что — я и позабыла, я торопилась и плохо слушала, могу только утверждать, что воротится он непременно, как обещал, и не позже. Он уж спрашивал, когда ему завтра дозволено будет явиться. Он только и думает об этом «завтра», и я, разумеется, тоже только об этом и думаю с тех пор, как вошла в дом и на меня навалились все ваши новости, иначе разве вылетело бы у меня из головы, что я его встретила?

ГЛАВА XXIII

сего лишь один день прошел с тех пор, как Энн беседовала с миссис Смит; но столь важные события последовали за тем, и столь мало тревожило ее поведение мистера Эллиота, покуда не затрагивало чувств кой-кого другого, что назавтра она снова решила отложить объяснение с леди Рассел. Она обещала все свое утро Мазгроувам. Она связала себя сло-

вом. А разоблачение мистера Эллиота, как казнь Шехерезады, могло подождать и до следующего дня.

Ей, однако ж, не довелось быть точной; погода выпала скверная, и она долго жалела друзей своих и самое себя, покуда решилась наконец пуститься в дорогу. Когда она добралась до Уайт Харт и вошла к Мазгроувам, она обнаружила, что опоздала и явилась не первой. Миссис Мазгроув уже беседовала с миссис Крофт, а капитан Харвил с капитаном Уэнтуортом; и тотчас ей доложили, что Мэри и Генриетта, не вынеся ожидания, вышли на улицу, едва прояснело, но скоро будут и строго-настрого наказывали миссис Мазгроув не отпускать ее до их возвращения. Энн оставалось покориться, сесть и, сохраняя наружное спокойствие, безотлагательно предаться тем тревожениям, которые готовилась она испытать несколько позже. Без промедленья, без отсрочки предалась она блаженной муке, или мучительному блаженству. И двух минут не прошло, как капитан Уэнтуорт сказал:

— Сейчас мы сочиним твоё письмо, Харвил, только снабди меня пером и бумагой.

Перо и бумага сыскались на отдельном столике; капитан Уэнтуорт отошел туда и, почти поворотясь ко всем спиною, углубился в писание.

Миссис Мазгроув потчевала миссис Крофт историей помолвки своей старшей дочери, и как раз тем неудачным голосом, который, будучи ею принимаем за шепот, отдавался по всей комнате. К Энн не обращались, но, поскольку капитан Харвил, погруженный в раздумье, был нерасположен к беседе, она невольно слышала кое-какие подробности, например, «как мистер Мазгроув и мой брат Хейтер обо всем перетолковали; и мой брат Хейтер сказал то-то, а мистер Мазгроув ему в ответ то-то, а моя сестра Хейтер забрала в голову то-то, а молодые люди желали того-то, а я сперва говорю, что этому не бывать, а потом меня убедили, и я уж думаю, мол, авось-либо и обойдется» и многое еще в том же простодушном роде, — подробности, которые, даже и приправленные тонким вкусом, каким не располагала добрая миссис Мазгроув, разве только для главных героев сей истории и могли казаться нескучны.

Миссис Крофт слушала с примерным терпением, а если и вставляла слово, то всегда очень кстати. Энн от души надеялась, что джентльмены, поглощенные каждый своим, ничего не услышат.

— Ну вот, сударыня, мы хорошенько поразмыслили, — заключила миссис Мазгроув пронзительным своим ше-

потом,— и хоть можно бы, кажется, рассчитывать на лучшее, теперь-то уж нечего тянуть, потому что Чарлзу Хейтеру не терпится, да и Генриетта не хочет ждать. Мы и подумали — пусть их сразу поженятся и живут себе на здоровье. Не они первые, не они последние. По мне, все лучше долгой помолвки.

— Вот и я говорю,— живо отозвалась миссис Крофт.— Уж лучше молодым жить на скромные средства и сообща одолевать трудности, чем долгая помолвка. Я всегда говорю, что при обоюдной...

— Ох! Милая миссис Крофт! — возгласила миссис Мазгроув, не в силах дать ей докончить фразу.— По мне, хуже нет для молодых людей, чем долгая помолвка. Своим детям я никогда такого не пожелаю. Хорошо просватать невесту, когда знаешь, что через полгода, ну через год, непременно быть свадьбе, а уж долгая помолвка!..

— Да, сударыня,— согласилась миссис Крофт.— Тяжела и помолвка неверная, если нельзя назвать срок. Если нельзя предусмотреть, когда сыщутся средства для жизни семейственной, неразумно и свататься. Всякая мать, на мой взгляд, должна противиться такой помолвке.

Разговор принимал интересный для Энн оборот. Она кое-что вспомнила, и всю ее охватил трепет; и в тот самый миг, когда глаза ее обратились невольно к отдаленному столику, перо замерло в руке у капитана Уэнтурта, он поднял голову, прислушался, тотчас обернулся и бросил на нее быстрый, понимающий взгляд.

Обе дамы продолжали беседовать, вновь и вновь утверждая испытанное правило, подкрепляя его всеми известными им примерами дурных последствий, к каким вело нарушение его, но Энн уже ничего не слышала; лишь гул голосов шумел у нее в ушах. Мысли ее путались.

Капитан Харвил, и вовсе не слушавший разговора, теперь встал, отошел к окну, и Энн, в смутном рассеянии следившая за ним взором, вдруг поняла, что он подзывает ее к себе. Он кивал, словно говоря: «Подите-ка сюда, я хочу вам кое-что сказать»; и подкреплял приглашение своей открытой улыбкой, будто они целый век были знакомы. Она встала и подошла к нему. Дамы оказались теперь в дальнем конце комнаты, а столик капитана Уэнтурта стал теперь ближе к ней, хоть и не совсем близко. Едва она подошла, лицо капитана Харвила вновь приняло задумчивое, серьезное выражение, более ему свойственное.

— Взгляните,— сказал он, разворачивая сверток, который был у него в руках, и извлекая оттуда миниатюрный портрет.— Узнаете вы, кто это?

— Разумеется, это портрет капитана Бенвика.

— То-то и оно. И вы легко догадаетесь, кому он предназначен. Однако же (продолжал он с чувством) он был писан не для нее. Мисс Эллиот, помните ли вы, как брели мы вместе по Лайму и его жалели? Я тогда думал...— впрочем, пустое. Мыс Доброй Надежды — вот где был писан портрет. Там свел он знакомство с юным художником германским и, верный слову, данному бедной моей сестре, позировал ему и вез ей подарок; а теперь мне поручено почтительнейше вручить его другой. Что за комиссия! Для меня ли? Но к кому еще мог он прибегнуть? И я не обману его надежд. Правда, я без сожалений передаю эту честь другому. Вот он все исполнит (кивая на капитана Уэнтуорта), он как раз и пишет письмо.

Губы его дрогнули, и он заключил свою речь словами:

— Бедная Фанни. Уж она бы не забыла его так скоро!

— Да,— отвечала Энн тихим, растроганным голосом.— Да, я вам верю.

— Не в ее то было природе. Она боготворила его.

— Это не в природе всякой истинно любящей женщины.

Капитан Харвил усмехнулся, как бы говоря: «Вы столь уверены в женском постоянстве?»

Она отвечала на немой вопрос его тоже с улыбкой:

— Да, поверьте, мы не забываем вас так скоро, как вы забываете нас. Думаю, это судьба наша, а не заслуга. Тут уж ничего не поделаешь. Мы живем в домашнем ^кру^ту тиши уединения, во власти собственных чувств. Вас же скоро отвлекают волнения большого мира. Вечно у вас есть дело, цель, занятия всякого рода, жизнь предъявляет вам свои права, вас рассеивают невольно труды и перемены.

— Если вы и правы, и большой мир скоро отвлекает многих мужчин (а мне, пожалуй, и не хочется с вами соглашаться), то как приложить это к Бенвику? Заключение мира оставило Бенвика на берегу, и с самой той поры он жил с нами, в узком домашнем кругу.

— Верно,— сказала Энн.— Ваша правда. Я и позабыла. Но что же остается нам сказать теперь, капитан Харвилл? Если причины не в обстоятельствах внешних, значит, они внутри, значит, таково уж мужское сердце.

— Нет, нет. Вовсе не таково мужское сердце. Ни за что я не соглашусь, что мужскому сердцу, более чем женскому, свойственно забывать тех, кого любит оно, кого оно любило. Я подозреваю обратное. Я верю в соответствие чувств наших и телесной оболочки. И как сильнее наши тела, так сильнее и наши чувства; более стойко претерпевают они и волнения страсти, и бури рока.

— Быть может, чувства ваши и сильнее,— отвечала Энн.— Но, подчиняясь тому же духу сопоставлений, я позволяю себе утверждать, что наши чувства зато нежней. Мужчина крепче женщины, да, но век его недолог; что и подкрепляет вполне мой взгляд на мужскую любовь. Иначе было бы и несправедливо. И без того довольно выпадает вам невзгод, опасностей, лишений. Вы проводите дни свои в бореньях и трудах. Вдали дома, отечества, вдали друзей. Ни время ваше, ни здоровье, ни самая ваша жизнь вам не принадлежат. Несправедливо было бы (дрогнувшим голосом), когда бы ко всему вы были наделены и нежной женскою душою.

— Нет, тут мы никогда не согласимся...— начал было капитан Харвил, но их внимание вдруг отвлеклось легким шумом в дотоле совершенно тихом углу, где сидел капитан Уэнтуорт. Это всего-навсего упало на пол перо; но Энн вздрогнула, обнаружив, что он ближе к ней, чем она полагала, и склонна была подозревать, что и перо упало оттого, что он прилежно вслушивался в звуки, вовсе не предназначенные для его слуха.

— Кончил ты свое письмо? — спросил капитан Харвил.

— Не совсем, осталось еще несколько строк. Через пять минут я с ним разделаюсь.

— Я и не тороплю. Я надежно стал на якорь (улыбаясь Энн) и снаряжаюсь всем, чем следует. Не спешу выходить в море. Так вот, мисс Эллиот (понижая голос), как я уже сказал, тут мы никогда не согласимся. И, верно, никогда мужчина не согласится тут с женщиной. Однако, позвольте вам заметить, сочинители все против вас — все сочинения против вас, в стихах и в прозе. Будь у меня память, как у Бенвика, я вмиг нашел бы вам пятьдесят цитации в подтверждение моей мысли, и я в жизни своей не открывал книги, где не говорилось бы о женском непостоянстве. Да ведь вы скажете небось, что книги-то сочиняют мужчины.

— Быть может, и скажу. Нет, нет, с вашего позволения, книги мы уж лучше оставим в покое. У мужчин куда

более средств отстаивать свои взгляды. Образованность их куда выше нашей; перо издавна в их руках. Не будем же в книгах искать подтверждений своей правоте.

— Но в чем же тогда нам искать их?

— Да ни в чем. И надеяться нечего их найти. Каждый, я думаю, грешит снисхождением к своему полу; и уж к снисхождению этому притягиваются кое-какие события, случившиеся в собственном нашем кругу; ну, а на многие из этих событий (быть может, сильнее всего нас поразивших) как раз и невозможно сослаться, не обманывая чужой доверенности и не высказывая того, чего высказывать бы не следовало.

— Ах,— воскликнул капитан Харвил, и голос его выдавал глубокое волнение.— Когда б вы знали чувства мужчины, который, простясь с женою и детьми, глядит вослед увозящей их лодке, покуда она не скроется из глаз, а потом говорит, отвернувшись: «Бог весть, суждено ли еще свидеться!» Когда б вы знали, как томится душа его ожиданием; как, воротясь после года, проведенного в дальних морях, перемещенный в новый порт, считает он дни до встречи и сам себя обманывает, говоря «нет, до такого-то дня им здесь быть невозможно», а сам-то надеется, что они будут хоть на день, да раньше, и, наконец, видит их даже до этого дня, будто провидение наделило их крыльями! Когда бы я мог объяснить вам все это, и все, что готов терпеть и счастлив терпеть мужчина ради драгоценнейшего сокровища жизни своей! Я говорю, разумеется, про тех мужчин, у кого есть сердце! — И он с чувством прижал руки к собственному своему сердцу.

— О! — живо отозвалась Энн.— Мне хочется верить, я умею отдать должное таким чувствам. Боже упаси преуменьшать способность к верности и нежности у своих братьев! Я заслуживала бы презрения, посмей я предположить, будто одни женщины только и способны на постоянство. Нет, я знаю, ради близких вы способны на многое, на великое. Вы никаких не боитесь трудов, и терпение ваше безмерно, покуда — если мне позволительно будет так выразиться,— покуда вам есть для кого терпеть и трудиться. Я хочу сказать: покуда любимая женщина жива, и рядом, и предана вам. По мне, единственное преимущество женщины (преимущество весьма незавидное; и врагу бы не пожелала) — это сопособность наша любить дольше, когда у любви уж нет надежды на счастье или возлюбленного уж нет в живых.

Она не могла больше говорить; сердце ее было слишком полно; дыхание у нее прерывалось.

— Добрая вы душа,— воскликнул капитан Харвил и с нежностью коснулся рукою ее плеча.— Я не хочу с вами ссориться. А как подумаю о Бенвике — я и вовсе немею.

Здесь внимание их было отвлечено. Миссис Крофт собралась уходить.

— Ну, Фредерик, мы с тобой, кажется, расстаемся,— сказала она.— Я иду домой, а у тебя дела с твоим другом. Нынче вечером все мы, надеюсь, будем иметь удовольствие встретиться у вас (кивая Энн). Мы вчера получили приглашение от вашей сестры, и Фредерик, кажется, тоже получил карточку, хоть сама я ее не видела; и ты ведь тоже свободен вечером, Фредерик?

Капитан Уэнтуорт с великой поспешностью складывал свое письмо и то ли не мог, то ли не хотел дать прямого ответа.

— Да,— сказал он.— Правда. Мы расстаемся, но скоро мы с Харвилом тебя догоним; ведь ты готов, Харвил? Я иду через минуту. Я знаю, ты тоже идешь. Еще минута — и я в твоём распоряжении.

Миссис Крофт ушла, и капитан Уэнтуорт, тотчас запечатав письмо, в самом деле собрался идти, и весь вид его выражал нетерпение. Энн не знала, что и подумать. Капитан Харвил простился с нею самым нежным образом («Всего вам доброго. Храни вас Господь!»), а капитан Уэнтуорт не подарил ее ни словом, ни взглядом! Он вышел из комнаты, даже не взглянув на нее!

Но не успела она подойти к столу, за которым только что он писал, как послышались приближающиеся шаги; дверь отворилась; то был он. Он просит прощения, но он позабыл перчатки, и, перейдя через всю комнату к письменному столу и стоя спиною к миссис Мазгроув, он вынул из-под разбросанных бумаг письмо, положил его перед Энн, устремив на нее заклиняющий взор, схватил перчатки и сразу исчез, так что миссис Мазгроув даже почти не заметила его появления. Все свершилось в один миг!

Не станем и пытаться описать тот переворот, который произвел сей миг в сердце Энн. Письмо, не очень внятно адресованное «Мисс Э. Э.», и было, без сомнения, то самое письмо, которое складывал он с такой поспешностью. Он писал не только к капитану Бенвику, он писал и к ней! От этого письма зависело все счастье жизни ее, вся ее

будущность. Все могла она вытерпеть сейчас, все могла снести, кроме неизвестности. У миссис Мазгроув сыскались какие-то дела, и, надеясь на их прикрытие, Энн опустила на тот самый стул, где только что сидел он, и принялась безотлагательно пожирать глазами следующие строки:

«Я не могу более слушать Вас в молчании. Я должен Вам отвечать доступными мне средствами. Вы надрываете мне душу. Я раздираем между отчаянием и надеждою. Не говорите же, что я опоздал, что драгоценнейшие чувства Ваши навсегда для меня утрачены. Я предлагаю Вам себя, и сердце мое полно Вами даже более, чем тогда, когда Вы едва не разбили его восемь с половиной лет тому назад. Не говорите, что мужчина забывает скорее, что любовь его скорее вянет и гибнет. Я никого, кроме Вас, не любил. Да, я мог быть несправедлив, нетерпелив и обидчив, но никогда я не был неверен. Лишь ради Вас одной приехал я в Бат. Я думаю только о Вас. Неужто Вы не заметили? Неужто не угадали моих мечтаний? Я- и девяти дней не ждал бы, умей я читать в вашем сердце, как Вы, полагаю, умели читать в моем. Мне трудно писать. Всякий миг я слышу слова Ваши, которые переполняют, одолевают меня. Вот Вы понижаете голос, но я слышу нотки его и тогда, когда они недоступны для любого другого слуха. Слишком добрая! Слишком прекрасная! Вы справедливы к нам. Вы верите, что мужское сердце способно на верную любовь. Верьте же неизменности ее в сердце навеки преданного Вам Ф. У.

Я принужден уйти, не зная судьбы моей; но я ворочусь и последую за вами, едва найду возможность. Одно слово Ваше, один взгляд — и я войду в дом отца вашего нынче же — или никогда».

После такого письма — кто бы сразу опомнился? Полчаса тихих размышлений могли бы ее успокоить; те же десять минут, которые удалось ей побыть наедине со своими мыслями, не принесли успокоения. Покамест каждая минута несла новые тревоги. Счастье ее переполняло. И не успела она хоть немного прийти в себя, явились Чарлз, Мэри и Генриетта.

Напрасно боролась она с собой, стараясь себя не выдать; скоро ей пришлось сдаться. Не понимая ни слова из того, что ей говорили, она принуждена была сослаться на нездоровье. Тогда они разглядели, какой больной у нее

вид, и приступили к ней с сочувствием и заботой. А уж это было несносно. Догадайся они уйти и оставить ее одну, лучшего бы ей не нужно лекарства; но они обступили ее, не отступали, и в смятении она объявила, что должна идти домой.

— Господи, милая моя,— вскричала миссис Мазгроув.— Ступайте же, идите скорее и хорошенько отдохните до вечера. Жаль, Сары нет, она бы вас живо вылечила, а сама-то я лечить не умею. Чарлз, вызови-ка ты портшез. Ей нельзя идти пешком!

Какой портшез! Хуже ничего и придумать нельзя было. Отказаться от возможности поговорить с капитаном Уэнтуртом, тихо бредя по городу (а она очень подозревала, что встретила бы его) — нет, это было бессмысленно. Портшез был решительно отринут, и миссис Мазгроув, которая могла думать о болезни лишь одного-единственного свойства, тщательно удостоверясь, что Энн не упала и не ушиблась, что нет, в последние дни ей не случалось поскользнуться, упасть, ушибить голову, да, она совершенно убеждена, что не падала,— отпустила ее наконец с легким сердцем, в надежде увидеть вечером совершенно оправившейся.

Переборов смущение, Энн на всякий случай сказала:

— Я боюсь, сударыня, что мы плохо условились. Не будете ли вы добры напомнить остальным, что мы ждем вас всех у себя сегодня вечером. Как бы не вышло ошибки. Вы уж убедите капитана Харвила и капитана Уэнтурта, что мы надеемся видеть их обоих.

— Ах, милая моя, мы очень хорошо условились, вот вам моя порука. У капитана Харвила и в мыслях ничего другого нет.

— Вы полагаете? Но я неспокойна; а я бы так огорчилась. Вы обещаете мне об этом упомянуть, когда увидите их? Вы ведь их еще до обеда увидите. Обещайте же мне.

— Да скажу я им все, скажу, коли вы просите. Чарлз, если встретишь где капитана Харвила, не забудь исполнить поручение мисс Энн. Но право же, моя милая, вам не к чему тревожиться, капитан Харвил считает, что он дал слово, уверяю вас. И капитан Уэнтурт тоже, я убеждена.

Больше делать было нечего; но сердцу Энн чудились недоразумения, которые вдруг могли омрачить ее радость. Впрочем, и всякое недоразумение ведь должно было тотчас рассеяться. Если он и не явится на Кэмден-плейс, она может подать ему явственный знак через капитана

Харвила. Тут, однако, случилось еще одно досадное обстоятельство. Сердобольный Чарлз, искренне озабоченный ее недугом, вознамерился сопровождать ее до дому, и никакими силами нельзя было его отговорить. Это было на редкость некстати. Но Энн не умела долго оставаться неблагодарной; он пожертвовал ради нее свиданием с оружейных дел мастером, и она отправилась вместе с ним, не выказывая никаких иных чувств, кроме признательности.

Они шли по Юнион-стрит, когда быстрые шаги сзади, такие знакомые шаги, дали ей возможность подготовиться к встрече с капитаном Уэнтуортом. Он догнал их, но, словно в нерешительности, подойти ли ему или пройти мимо, ни слова не сказал и лишь посмотрел на нее. Энн успела овладеть собой настолько, что отважно и отнюдь не сурово встретила его взгляд. И щеки, только что бледные, вспыхнули румянцем, и движения из неуверенных стали решительными. Он пошел с нею рядом. Вдруг Чарлз сказал, пораженный внезапной идеей:

— Капитан Уэнтуорт, а вы куда направляетесь? До Гей-стрит или дальше?

— Я сам не знаю,— в недоумении отвечал капитан Уэнтуорт.

— Вы до Бельмонта не дойдете? Вы не будете близко от Кэмден-плейс? Потому что, если так, я без зазрения совести оставил бы Энн на ваше попечение. Она нынче переутомилась и не может идти одна, а мне бы надо к этому малому на Маркет-плейс. Он обещался мне показать одно отменное ружьецо, которое он как раз отсылает; сказал, не станет его паковать до самой последней минутки, чтоб я, стало быть, на него поглядел; а если я сейчас не поверну, мне не поспеть. Судя по описанию, очень похоже на ту двустволку, из которой вы, сами помните, как-то стреляли в Уинтропе.

Могли ли тут быть возражения? Лишь самая живая готовность, самое любезное согласие могли быть явлены взору наблюдателя; и удерживались улыбки, и тайком ликовали сердца. В один миг Чарлз оказался в самом начале Юнион-стрит, а парочка наша проследовала далее; и после немногих вступительных слов они отправились в сторону более тихой и пустынной аллеи, дабы ничем не нарушаемой беседой сделать сей час поистине благоденственным и достойным тех счастливейших воспоминаний, которых надлежало ему стать неиссякаемым источником. Там вновь обменялись они завереньями и обещаньями,

*I should have no regret in asking
you to take my place and give them
your own*

какие некогда уже, казалось, решили их участь, но сменились долгими, долгими годами разлуки и отчуждения. Там вновь воротились они в прошедшее, еще более счастливые, быть может, обновленным своим союзом; чувства их сделались нежнее, испытанней, они лучше узнали душу, верность, любовь друг друга. И там, неспешно бредя вверх по пологому склону, никого не видя кругом, ни важных мужей государственных, ни суетливых хозяек, кокетливых барышень, нянек с детьми, они обменивались признаньями и воспоминаньями, более же всего о том, что прямо предшествовало сей прогулке и было, уж разумеется, самым важным и занимательным. Перебирались само-малейшие подробности событий минувшей недели; о вчерашнем и нынешнем дне было говорено без конца.

Энн не обманывалась на его счет. Ревность к мистеру Эллиоту была тяжким грузом, вечным сомнением, пыткой. Она начала его терзать в тот самый час, когда он встретил Энн в Бате; после недолгой передышки она сгубила ему радость концерта; она же отзывалась во всем, что говорил он и о чем он умалчивал в последние двадцать четыре часа. Незаметно начала она уступать место надежде, какую ободряли в нем иные взоры Энн, слова и поступки; и наконец была вовсе побеждена теми суждениями, какие достигли его слуха во время беседы Энн с капитаном Харвиллом; под их-то неодолимым воздействием и схватил он лист бумаги, дабы излить свои чувства.

Он готов был повторить каждое написанное там слово. Он никого, кроме нее, не любил. Он никогда и не надеялся заменить ее другою. Он не встречал женщины, ей равной. Да, в этом он принужден был признаться: он был верен ей невольно, нет, против воли; он хотел забыть ее, он верил, что ее забыл. Он казался себе равнодушным, а он бесился; он знать не желал ее необыкновенных качеств, ибо жестоко от них пострадал. Образ ее неизгладимо запечатлелся в душе его, как само совершенство, чистейший образец стойкости и нежности; но он принужден был признаться, что лишь в Апперкроссе узнал он ей настоящую цену, что лишь в Лайме начал он понимать самого себя. В Лайме получил он не один важный урок. Восхищение мистера Эллиота его подстрекнуло, а сцены на набережной и в доме у Харвиллов показали ему, как высоко стоит она надо всеми.

Старания его полюбить Луизу Мазгроув (старания уязвленной гордости) и ранее, уверял он, были безнадеж-

ны; никогда не задевала Луиза, да и не могла она задеть его сердце; но лишь в тот печальный день, и потом, когда у него явился досуг для размышлений, понял он все превосходство души, до которой так далеко было Луизиной, и неоспоримую власть ее над собственной его душою. Тогда-то сумел он отличить постоянство убеждений от своенравной ветрености, сумасбродное упрямство от решимости строгого ума. Тогда-то понял он все недостижимое величие женщины, для него утраченной; и начал проклинать гордость и безумство напрасных обид, удержавших его от стараний вновь ее завоевать, когда случай свел их снова.

Он был наказан жестоко. Едва оправился он от ужаса и угрызений совести через несколько дней после несчастья, едва почувствовав себя живым, он почувствовал себя живым, но не свободным.

— Я понял,— сказал он,— что Харвил почитает меня связанным. Ни у Харвила, ни у жены его не было сомнений в нашей обоюдной склонности. Я был обескуражен, был растерян. Разумеется, я мог тотчас развеять их заблуждение, но вдруг мне представилось, что и прочие — семья ее, она сама — глядят на меня теми же глазами, и уж я не мог располагать собою. Я принадлежал ей по чести, ежели ей угодно было избрать меня. Я поступал неосторожно. Я был беспечен. Я не видел опасных последствий наших слишком коротких отношений. Глупые мои потуги влюбиться то в одну из барышень, то в другую грозили пересудами и толками, если еще не худшими бедами, а я об этом не догадывался. Я был кругом виноват и должен был поделом расплачиваться.

Словом, он слишком поздно понял, что он запутался; и с очевидностью удостоверясь, что Луиза ему не нужна, он обязан был считать себя с нею связанным, если чувства ее к нему были таковы, как полагали Харвилы. А потому он и решил покинуть Лайм и ждать вдали полного ее выздоровления. Желая по возможности дать роздых ей и самому себе, он отправился к своему брату, намереваясь затем вернуться в Киллинч и действовать так, как обстоятельства того потребуют.

— Шесть недель провел я с Эдвардом,— сказал он,— и радовался его счастью. Иной радости было мне не дано. Я ее и не заслужил. Он расспрашивал о вас с пристрастием; расспрашивал, переменились ли вы, не подозревая, что в моих глазах вы никогда не можете перемениться.

Энн улыбнулась и промолчала. Можно ли корить кого за промах столь милый? Приятно женщине в двадцать восемь лет узнать, что она не утратила очарования первой юности; но Энн стократ было приятней сравнивать сие суждение с прежними его речами и видеть в нем следствие, но не причину воротившейся любви.

Он отсиживался в Шропшире, кляня свою слепую гордость, свои нелепые расчеты, как вдруг неожиданное благословенное известие о помолвке Луизы с Бенвиком его развязало.

— Тут кончалось для меня худшее,— сказал он.— Отныне я мог добиваться счастья; я мог предпринимать к нему шаги. Слишком долго мучился я бездействием и дурными предчувствиями. В первые же пять минут я себе сказал: «В среду я буду в Бате». И я был в Бате в среду. Разве не вправе я был приехать? Разве непозволительны были мои мечты? Вы не вышли замуж. Вы могли сохранить прежние чувства, как я их сохранил. Еще одно обстоятельство меня ободрило. Я не сомневался, что вы окружены искателями, но и с уверенностью знал, что вы отвергли одного из них, более достойного, чем я; и невольно задавался я вопросом: «Не из-за меня ли?»

Можно было много рассуждать о первой встрече их на Мильсом-стрит, еще более можно было рассуждать о концерте. Тот вечер, кажется, весь состоял из незабвенных минут. На той минуте, когда она вошла в Осмиугольную гостиную и к нему обратилась, той минуте, когда появился мистер Эллиот и ее отторгнул, на последовавших затем минутах отчаяния и надежды он с особенной пылкостью остановился.

— Видеть вас,— воскликнул он,— среди тех, кто, уж разумеется, не желает мне успеха, видеть, как ваш кузен разговаривает с вами и улыбается, чувствовать все преимущества этого брака! Знать, что только о том и помышляют все, кто умеет на вас повлиять! И допуская даже, что вы к нему равнодушны, сознавать, какой заручился он сильной поддержкой. Не довольно ли было всего этого, чтобы я выставил себя глупец глупцом? Мог ли мой взгляд не выражать моих мучений? А глядя на ту, что сидела с вами рядом, помня прошедшее, зная воздействие ее на вас, не умея забыть, как повлияли на вас уже однажды доводы рассудка — на что я мог и надеяться?

— Вы могли понять разницу,— отвечала Энн.— Вы могли иметь ко мне более доверия; теперь иные обстоятельства, и я сама иная. Пусть мне тогда и не

следовало уступать доводам рассудка, вспомните, однако, что убеждали меня в пользу благоразумия и против превратностей неверной участи. Я уступила, казалось мне тогда, чувству долга, но о каком же долге говорить теперь? Выйти замуж за человека, мне безразличного, значило бы непростительно пренебречь чувством долга ради участи самой темной.

— Мне бы следовало об этом догадаться,— отвечал он.— Но я не мог. Я не умел вывести должных следствий из недавних наблюдений моих о вашей природе. Я не умел призвать их себе на помощь; их заслонили, их затмили бывшие чувства, много лет меня томившие. Я думал о вас как о женщине, которая отринула и предала меня, на которую я менее всех имел влияния. Я видел вас в обществе особы, руководившей вас в тот страшный год. Я не имел оснований полагать, что власть ее над вами уменьшилась. И я не мог так вдруг себя преодолеть.

— А мне казалось,— отвечала Энн,— что обращение мое с вами могло бы вас избавить от сомнений.

— Нет, нет! Непринужденное обращение ваше могло быть всего лишь следствием помолвки вашей с другим. В таком убеждении я вас и покинул; и однако ж, решился снова искать с вами встречи. Утром надежда вернулась ко мне, и потому я позволил себе еще задержаться в Бате.

И вот Энн снова была дома, и куда счастливее, чем подозревали ее домашние. Все утренние страхи, все тревоги рассеялись после этого разговора, и она ступила в дом, полная такого непереносимого счастья, какое даже приходилось ей умерять минутными опасениями, что оно не может продолжаться. Ей непременно надо было побыть одной, чтобы немного успокоиться, и она пошла в свою комнату и там в тихих благодарных мыслях почерпала стойкость и бесстрашие.

Настал вечер, в гостиных зажглись огни, съезжались гости. То был обычный светский раут, сборище тех, кто никогда прежде не встречался, тех, кто встречался слишком часто, пустая суета, круг, слишком широкий для беседы дружеской и слишком узкий для многообразия суждений; но, по мнению Энн, никогда еще ни один вечер не пролетал так скоро. Сияющая, прехорошенькая от счастья, вызывая общее восхищение и ничуть его не сознавая, она для каждого находила добрые и милые чувства. Был тут мистер Эллиот, она избегала, но она жалела его. Были Уоллисы, она забавлялась, зная их мысли, леди Дэлримпл и мисс Картерет — скоро им предстояло сделаться всего

лишь безвредными кузинами. Она не замечала миссис Клэй, и обращение отца и сестрицы с гостями ничуть ее не задевало. С Мазгроувами она болтала просто и весело, с капитаном Харвиллом задушевно, как с братом; с леди Рассел пыталась завести разговор, которому мешала восхитительная тайна; к адмиралу и миссис Крофт испытывала нежное расположение и особенный интерес, который та же тайна побуждала ее скрывать; и то и дело встречалась она на минутку с капитаном Уэнтуортом, и все время надеялась встретить снова, и все время сознавала, что он близко.

В который раз случайно оказавшись рядом с ним и поглощенная, по-видимому, как и он, созерцанием очаровательных тепличных растений, она ему сказала:

— Я думала о прошедшем и старалась судить беспристрастно о том, верно или нет поступила я сама; и мне кажется, я поступила верно, послушавшись дружеских увещаний той, кого вы непременно еще полюбите. Она заменила мне мать. Поймите меня правильно. Я вовсе не утверждаю, будто, давая свой совет, она не ошибалась. Быть может, то был случай, когда советовать и вовсе невозможно. Сама я в подобных обстоятельствах такого совета не дала бы. И все же я была права, послушавшись ее, и поступи я иначе, не порви я помолвки, я страдала бы даже еще более, ибо совесть моя была бы неспокойна. Сейчас (если только такое согласно с природой человеческой) мне не в чем себя упрекнуть; и если я не ошибаюсь, строгое чувство долга — в женщине вовсе не худшее свойство.

Он взглянул на нее, взглянул на леди Рассел и, снова взглянув на нее, отвечал, словно по зрелом размышлении:

— Покамест нет, но для нее есть еще надежда на мое прощение. Я надеюсь, мы с нею полюбим друг друга. Но я тоже думал о прошедшем, и невольно мне представился вопрос, не был ли кое-кто еще злейшим врагом моим, даже чем эта дама? И это я сам. Скажите, если б, воротясь тогда, в осьмом году в Англию с несколькими тысячами фунтов и получив «Лаконию», если б я писал к вам тогда, ответили б вы на мое письмо? Согласились бы вы возобновить нашу помолвку?

— Согласилась бы я? — таков был весь ответ; но голос выразил остальное.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Вы б согласились! Разве я о том не думал, не мечтал, как о венце всех моих успехов! Но я чересчур был горд, и гордость

мне мешала. Я не понимал вас тогда. Я не желал понять вас, я гнал от себя мысли о вас. Кого же мне винить, как не себя! Могло не быть шести напрасных горьких лет разлуки. И это мученье, сознаюсь, для меня внове. До сей поры пребывал я в завидной надежде, что всеми милостями судьбы я сам себе обязан. Я кичился тем, что честными трудами добивался я заслуженной награды. Как иным великим людям в обратных обстоятельствах,— прибавил он с улыбкою,— придется мне покориться своей блаженной участи. Мне должно научиться выносить счастье, какого я не стою.

ГЛАВА XXIV

то же не догадается о том, что было дальше? Если уж молодые люди забрали себе в голову соединиться, они непременно добьются своего, будь они даже самые бедные, самые безрассудные и менее всего способны составить счастье друг друга. Пусть мораль наша и мало поучительна, она зато верна; а если даже и такие браки удаются, то отчего бы Энн Эллиот и капитану Уэнтурту, при благословениях зрелого ума, чистой совести и располагая вдобавок независимыми средствами, было не одолеть всех препятствий? Они одолели их тем более, что им немного пришлось и претерпеть, ибо сухая сдержанность родных — одна только их огорчала. Сэр Уолтер не спорил против выбора Энн, а Элизабет всего и позволила себе вид холодности и безразличия. Капитан Уэнтурт, имея двадцать пять тысяч фунтов и достигши самого высокого положения, какое могли доставить дарования и заслуги, уже не был теперь пустое место. Ему простительно было посвататься к дочери глупого промотавшегося баронета, которому не хватило смысла и чести играть роль, ему отведенную провидением, и который покуда давал за дочь лишь малую толику из причитавшихся ей десяти тысяч фунтов.

В самом деле сэр Уолтер, хоть и не испытывал истинного счастья, ибо он не считал себя польщенным и он не любил Энн, не находил, однако, что дочь его сделала предосудительную партию. Напротив, приглядевшись к капитану Уэнтурту, рассмотрев его хорошенько при дневном свете, он был немало впечатлен его наружностью

и почел, что преимущества красоты на его стороне уравнивают преимущества знатности на стороне Энн; вдобавок же имя его звучало вовсе недурно, и оттого сэръ Уолтер с большой охотой приготавливал перо свое к тому, чтобы сделать в книге книг соответствующую запись.

Единственный человек, которого не на шутку боялась огорчить Энн, была леди Рассел. Энн знала, что леди Рассел неприятно будет понять и отставить мистера Эллиота и нелегко будет ближе сойтись с капитаном Уэнтуртом и по справедливости оценить его. Меж тем леди Рассел это предстояло. Ей предстояло узнать, что насчет обоих она ошиблась; что обоих ложно судила она по внешности; что, не пленясь повадкой капитана Уэнтурта, заподозрила она в ней признаки опасной ветрености, а весьма довольная степенными манерами мистера Эллиота, вкрадчивую их любезность она почла за следствие благородного ума и правил самых строгих. Ей ничего не оставалось, как признать, что она кругом была права, переменить свои суждения, отринуть старые надежды и предаться новым.

Есть в иных людях дар быстро распознавать чужую душу, глубоко проникать чужой характер, дар природный и не заменяемый никаким опытом, и здесь-то леди Рассел уступала своему юному другу. Но была она женщина очень добрая, и если она и хотела быть умной и прозорливой, еще более хотела она счастья Энн. Энн любила она более своих дарований, и, преодолевши первую неловкость, она без особенного труда полюбила как мать того, кто был причиной счастья другого ее дитяти.

Из всего семейства Мэри, кажется, первая оценила преимущества произошедшей перемены. Выдать сестру замуж куда как лестно, и кто же, как не она, споспешествовал сему союзу, удерживая Энн подле себя целую осень; а коль скоро собственная сестра, разумеется, лучше сестер мужа, приятно было и то, что капитан Уэнтурт богаче и капитана Бенвика и Чарлза Хейтера. Не без душевных мук, быть может, когда потом они встретились, увидела она Энн обладательницей прав старшинства и премиленького ландо; зато в будущем ее ждало прекрасное утешение. Энн не предстояло владеть Апперкроссом и окружающими землями, стать во главе семейства; и если б еще устроилось так, чтобы капитан Уэнтурт не сделался баронетом, она бы с Энн не поменялась.

Хорошо было бы, если б и старшая сестрица довольствовалась своей участью, ибо едва ли может она пере-

мениться. Скоро пришлось ей пережить отступление мистера Эллиота, и уж никто из молодых людей с достойным положением в свете покуда не пробуждал в ней даже и несбыточных надежд, канувших вместе с ним.

Весть о помолвке кузины Энн застала мистера Эллиота совершенно врасплох. Рушились самые светлые мечты его о счастье семейственном, самые светлые надежды

удерживать сэра Уолтера от брака неусыпным надзором, на который положение зятя давало б ему права. Разочарованный и неутешный, он, однако, кое-что умел предпринять для собственного блага и удовольствия. Скоро он покинул Бат; а из того, что миссис Клэй тоже вскоре затем уехала и, по слухам, обосновалась в Лондоне под его покровительством, стало ясно, какую он играл двойную игру и как полон был решимости не потерпеть отставки хоть от одной умной женщины.

Чувства миссис Клэй одержали верх над расчетом, и ради молодого человека она пожертвовала возможностью и далее охотиться за сэром Уолтером. Она умеет, однако, не только чувствовать, но и мыслить, а потому и неизвестно, кто из них еще окажется дальновиднее, и не придется ли ему, предотвративши брак ее с сэром Уолтером и подавшись на ласки и уговоры, назвать ее в конце концов супругою сэра Уильяма.

Сэр Уолтер и Элизабет были, без сомнения, угнетены и обескуражены, потеряв свою приятельницу и разочаровавшись в ней. Разумеется, у них остались утешением блистательные их кузины, но они, верно, давно уж догадались, что льстить и угождать другим, когда тебе не льстят и не угождают,— не так уж и весело.

Для Энн, очень скоро уверившейся, что леди Рассел склонна любить капитана Уэнтурта, как ей и должно, ничто не омрачало счастья, кроме сожалений, что у нее нет круга, достойного такого человека. Здесь ощущала она с ним свое неравенство. Что он богаче, ничуть ее не печалило; она о том и не задумывалась; но не иметь семьи, которая бы приняла и оценила его по заслугам, которая могла бы предложить радушие, доброжелательство и лад в обмен на готовный, радостный прием, ей оказанный его братьями и сестрами,— вот что было горько, и она сослезлась и мучилась, насколько можно мучиться в столь счастливых обстоятельствах. Всего два имени могла она прибавить и к списку друзей его — леди Рассел и миссис Смит. Леди Рассел, несмотря на ее бывшие прегрешенья, он принял в свое сердце. Коль скоро его не заставляли признавать, что она поступила правильно, когда-то их разлучив, он не признавал в ней более никаких недостатков, а разнообразные достоинства миссис Смит тотчас снискали ей неизменное его расположение.

Довольно было уж и той доброй услуги, какую недавно оказала она Энн, чтобы вследствие их брака она не только не лишилась друга, но обрела двоих. Она была

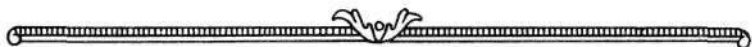
самой первой гостьей в новом их жилище, и капитан Уэнтуорт, помогая ей вернуть состояние мужа в Вест-Индии, обивая за нее пороги, сочиняя письма, одолевая все мелочные хлопоты с неутомимой заботливостью дружбы и подлинным бесстрашием, расплатился сполна за все, что сделала она или думала сделать для жены его.

Жизнь миссис Смит не омрачилась тем, что поправились ее дела, здоровье, и она часто наслаждалась обществом милых своих друзей, ибо веселость и живость ума ей не изменили; а обладая драгоценными сими дарами, уж никакого преуспевания земного могла она не опасаться. Даже и купаясь в роскоши, пользуясь несокрушимым здоровьем, она бы оставалась счастлива. Источник радостей ее был в пылком воображении, как у ее друга Энн он был всегда в любящем сердце. Энн была сама нежность, которой вполне отвечала нежнейшая привязанность капитана Уэнтуорта. Ремесло его только и заставляло друзей желать, чтобы нежности этой убавилось, опасность войны будущей только и туманила ее небосвод. Она гордо несла звание жены моряка и неусыпными тревогами платила законную дань за то, что приобщилась племени, едва ли не более славному домашними своими добродетелями, нежели важною службою отечеству.

КОММЕН-
ТАРИИ

ЭММА

Этот самый длинный свой роман Джейн Остен писала 14 месяцев — с января 1814 по март 1815 года. Поскольку отношения Джейн Остен с ее издателем Эджертоном ухудшились из-за того, что он отказался опубликовать «Мэнсфилд-парк» вторым изданием, по совету брата Генри, оказывавшему большую помощь сестре в издательских делах, Джейн Остен предложила рукопись «Эммы» Джону Мэррею. Для этого ей пришлось поехать в Лондон, где она, к полной своей неожиданности, из-за внезапной болезни брата, у которого она остановилась, задержалась намного дольше, чем предполагала.

Мэррей «мошенник, но при этом очень мил», — такую характеристику своему новому издателю дала в одном из писем к сестре Кассандре Джейн Остен. «Эмма» понравилась Мэррею, но, несмотря на это, он предложил автору всего 450 фунтов, затребовав к тому же и авторские права на «Чувство и чувствительность» и «Мэнсфилд-парк». Это практически означало, что за саму «Эмму» он заплатит Джейн Остен всего 150 фунтов. Цифра была явно меньше самых скромных ожиданий Джейн Остен. Парадоксально, но за все свои опубликованные при жизни книги она получила только 700 фунтов!

Из-за затянувшихся переговоров с Джоном Мэрреем, а также из-за того, что Джейн Остен уже по завершении работы подвергла текст значительной переработке, публикация книги отодвинулась почти на девять месяцев. «Обсервер» объявил выход «Эммы» на 10 декабря, но так как Мэррей одновременно трудился над выпуском второго издания «Мэнсфилд-парка», в указанный срок книга не вышла. Мэррей опасался, что вообще не сможет издать «Эмму» в 1815 году, поэтому отдал распоряжение обозначить на титульном листе 1816 год как год выхода

романа. И все же наборщики успели сверстать книгу к 16 декабря, и в день сорокалетия Джейн Остен она появилась на прилавках книжных лавок. Было отпечатано всего 2000 экземпляров. Впрочем, этого количества оказалось достаточно: за 1816 г. было распродано только 1250 экземпляров. Вторым изданием «Эмма» вышла лишь в 1833 г.

Лондонский период жизни Джейн Остен, совпавший с публикацией «Эммы», заслуживает более подробного рассказа. Болезнь Генри становилась все серьезнее, не на шутку испугавшаяся Джейн Остен вынуждена была обратиться за консультацией и помощью к врачу, мистеру Хадену, который, как оказалось, состоял в дружеских отношениях с семьей принца-регента. Во время одного из визитов к больному Хаден заметил, что принц-регент — большой поклонник таланта Джейн Остен и что все ее книги есть в его личной библиотеке. О том, как Джейн Остен была представлена принцу-регенту и об истории посвящения ему «Эммы», рассказано в предисловии к первому тому настоящего Собрания сочинений. Здесь же уместно добавить, что жанр посвящения оказался для Джейн Остен очень трудным. Промучившись над ним, она обратилась за помощью к Джону Мэррею, который был рад оказать ей подобную услугу. Весьма любезно он сообщил, что распорядился изготовить специально для принца-регента несколько томов «Эммы» с королевской геральдикой на кожаном переплете.

Хотя вся история с посвящением очень тяготила Джейн Остен, один раз она все же попыталась извлечь пользу из этого знакомства. Наборщики работали над текстом «Эммы» очень медленно. На постоянные жалобы Джейн Остен Мэррей отвечал, что из-за наполеоновских войн в стране ощущается нехватка бумаги. Потеряв терпение, в одном из писем к Мэррею Джейн Остен спрашивает: «Может быть, на Ваших наборщиков все же подействует сообщение, что «Эмма» с высочайшего разрешения будет посвящена принцу-регенту?»

«Эмма» была последним произведением Джейн Остен, которое увидело свет при ее жизни. Экземпляр романа Джейн Остен послала в подарок Марии Эджуорт, книги которой высоко ценила. Но с ответным письмом Эджуорт она не успела познакомиться: его уже после смерти писательницы получил Генри, что, впрочем, может быть, и к лучшему. Вряд ли Джейн Остен поразилась бы отзыву Марии Эджуорт об «Эмме»: «В книге нет никакого сюжета,— писала Эджуорт,— кроме, пожалуй, того,

что Эмма выясняет, что человек, которого она предназначала в мужа Гарриет, любит ее саму... хорошо сваренная жиденькая овсяная кашка, с точки зрения отца Эммы, очень полезная, правда, трудно объяснить кухарке, что автор имеет под этим в виду».

Отзывы на роман долго не появлялись в печати. Джейн Остен очень волновалась, мучила себя постоянным вопросом: «Не исписалась ли она?» Чтобы как-то успокоиться, она начала собирать суждения друзей и близких. Эти суждения интересны в первую очередь как свидетельство вкусов эпохи. Кассандре «Эмма» понравилась больше, чем «Гордость и предубеждение», но значительно меньше, чем «Мэнсфилд-парк». Любимая племянница Джейн Остен Фанни Найт говорила, что «терпеть не может главную героиню». В целом на семейном совете было решено, что «Эмма» — неудача Джейн Остен: в романе нет ни действия, ни благородных характеров.

Появившиеся между мартом и сентябрем 1816 г. рецензии мало чем отличались от того, что считали в семейном и дружеском кругу.

Но вот в «Ежеквартальном обозрении» появилась рецензия Вальтера Скотта, которая была не только отзывом на «Эмму», но и обстоятельным обзором всего ее творчества. Этот отзыв Джейн Остен ценила очень высоко, единственно, что огорчило ее, это то, что Вальтер Скотт не упомянул в своем обзоре «Мэнсфилд-парк». Фактически это было первое квалифицированное, глубоко обоснованное суждение о творчестве Джейн Остен.

С точки зрения Вальтера Скотта, «Эмма» показывает «глубокое знание человеческого сердца, и это знание поставлено на службу чести и добродетели». Скотт отмечает, что Джейн Остен изменила движение романа «от романтического вымысла» в сторону реальной жизни, и проникательно добавляет, что в этом ей, безусловно, принадлежит пальма первенства. Скотта поразило умение писательницы быть столь верной природе, ее умение подмечать и точно описывать события обычной жизни. Он ставит автора «Эммы» выше Марии Эджуорт, подчеркивает, что она «уникальна в своем изображении жизни среднего класса». Да, соглашается Скотт, в «Эмме» мало действия, но внимание читателя от этого нисколько не ослабевает.

Оценку, данную Скоттом, через несколько десятилетий повторит благодарная ученица Джейн Остен Джордж Элиот: «Знание писательницей мира, ее особый такт, с которым она описы-

вает своих героев, заставляет меня вспомнить художников фламандской школы».

Скотт первый отметил' новый тип реализма Джейн Остен, хотя само понятие «реализм» появилось в английском литературном словаре только в 1840 году. Его статья не была подписана, но все знали, кто ее автор. Оценка Скотта приободрила Джейн Остен, и уже в «Доводах рассудка» она весьма почти-тельно упомянула своего рецензента, хотя, как известно, не всегда соглашаясь с ним в вопросах искусства.

В романе немало автобиографических деталей. Действие происходит в Суррее, и Хайбери весьма напоминает Букхем, место, которое Джейн Остен часто навещала и хорошо знала. Пансион миссис Годдард, безусловно, списан с Эбби-скул в Реддинге, где учились Джейн и Кассандра. Подобно их собственной наставнице миссис Латурнелл, добродушная миссис Годдард придерживалась весьма поверхностных взглядов на образование женщин, свято полагая, что в первую очередь юным воспитанницам необходимо привить любовь к домашнему очагу. Шарады, о которых немало говорится в романе, пользовались большой популярностью в семье Джейн Остен. И сама Джейн Остен сочиняла шарады, которые потом с увлечением разыгрывались ее близкими. Брат Джейн Остен Генри послужил прототипом для мистера Уэстона; мать писательницы выведена в нескольких персонажах книги. Болезненность и мнительность миссис Черчилл — одна из черт характера миссис Остен. В характере и поведении мистера Вудхауса также узнаются черты маменьки писательницы. История усыновления Фрэнка богатой четой Черчиллов похожа на усыновление брата Эдварда четой Найтов. Интеллектуальное одиночество Эммы напоминает интеллектуальное одиночество самой Джейн Остен.

Стр. 12. *Бранзуик-сквер* — фешенебельный район Лондона.

Стр. 16. ... *вступил в ряды сформированной в ту пору милиции своего графства.*— *Милиция* — территориальные войска Англии, которые не выводились за пределы страны и формировались во время войн или внутренних волнений.

Стр. 20. *Аптекарь* — так во времена Джейн Остен называли любого медика средней руки, практикующего в сельской местности. В медицинской иерархии аптекарь занимал вторую ступень после врачей, т. е. членов Колледжа врачей; порой случалось, что аптекарь вообще не имел специального образования.

Лишь немногие из аптекарей были лицензиатами Общества аптекарей. На низшей ступени медицинской иерархии стояли хирурги, которые вплоть до 1745 г. объединялись в одну гильдию с цирюльниками.

Стр. 30. ... *читает вслух «Извлечения из изящной словесности» — чудо, как интересно. «Векфильдского священника» он читал... а такие книжки, как «Лесной роман» и «Дети аббатства», — нет.*— Круг чтения мистера Мартина красноречиво говорит о его литературных симпатиях и вкусах. Явно, что в своем выборе он ориентировался на то, что было принято в приличном обществе, поэтому высоко ставил *«Извлечения из изящной словесности»*, книгу, составленную неким Гарриком и пользующуюся в конце XVIII и начале XIX вв. большой популярностью в Англии. Конечно, он, человек серьезный и обстоятельный, выше ценил поучительный роман Оливера Голдсмита *«Векфильдский священник»* (1766), чем «готическое» сочинение Анны Рэдклифф *«Лесной роман»* (1791), и довольно слащавое произведение ирландской писательницы Регины Марии Рош *«Дети аббатства»* (1798).

Стр. 54. *Бонд-стрит* — одна из главных торговых улиц Лондона, известна фешенебельными магазинами, особенно ювелирными, и частными картинными галереями.

Стр. 72. *«Гладким не бывает путь истинной любви».*— Шекспир, *«Сон в летнюю ночь»*, акт I, сц. 1.

... *до Михайлова дня...*— По церковному календарю Михайлов день, иными словами день архангела Михаила, приходится на 29 сентября. В Англии он начинается один из кварталов года, с чем обычно связаны сроки платежей и пр.

Стр. 93. *Саут-Энд* — морской курорт в графстве Эссекс, в 36 милях от Лондона.

Стр. 155. *«Межи наши прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня».*— Ветхий Завет, Псалтырь, 15, 6.

Стр. 191. ... *доставили фортепьяно... от Бродвуда...*— «Бродвуд» — фирма по изготовлению роялей и пианино. Основана в 1728 г.; называется по имени владельца Джона Бродвуда.

Стр. 192. *Спинет*—клавесин небольших размеров.

Стр. 216. *Краммер* Иоганн Баптист (1771—1858) — немецкий пианист, композитор, педагог.

«Робин Адэр» — ирландская песня, получившая особенную популярность в Англии во второй половине XVIII в. По преда-

нию, Робин Адэр — реальное историческое лицо (первая половина XVIII в.).

Стр. 242. *Цветник Альбиона!* — Название, которое относится к различным английским графствам, в первую очередь к Кенту и Уорсетширу.

Стр. 250. *Порою жемчуг чистый — бездны вод, // Глубины океанские, таят...* — Строки из «Элегии, написанной на сельском кладбище» английского поэта Томаса Грея (1716—1771).

Стр. 272. *Ежели она в самом деле больна... то отчего не поедет в Бат... в Клифтон?* — Бат — старинный курортный город в графстве Сомерсетшир. Клифтон — модный курорт вблизи Бристоля.

Стр. 274. *... нас облачат в шафранные одежды Гименя...* — Ссылка на символ брачной церемонии, описанный у Джона Мильтона (1608—1674) в «L'Allegro».

Стр. 275. *Родом из Бирмингема, а это, как вы знаете, не лучшая рекомендация.* — Видимо, подразумевается сугубо промышленный характер Бирмингема и соответственно рабочий или же буржуазный контингент населения города.

Стр. 301. *... хорошенькая инкрустированная шкатулочка танбриджской работы...* — Танбриджские изделия (от названия местечка Танбридж в графстве Кент) — шкатулки, подносы и т. п. с изображением замков и ландшафта, украшенные инкрустацией из кусочков разной древесины, вымоченных в местной минеральной воде для придания им разнообразных оттенков.

Стр. 306. *«То, что я вижу, мной сотворено».* — Строка из поэмы английского поэта Уильяма Купера (Каупера) (1731—1800) «Задача».

Стр. 309. *Пембрук* — небольшой стол на четырех ножках, квадратной формы, с откидными досками.

Стр. 356. *«Не друг тебе весь мир, не друг — его закон».* — Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт V, сц. I (Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник).

Стр. 400. *«Коль в деле женщина, мой друг, / Все расступаются вокруг».* — Строки из басни английского поэта и драматурга Джона Гейя (1685—1732) «Заяц и его дружки».

Стр. 407. *Мадам де Жанлис* Мадлен Фелисите (1746—1830) — автор легко и увлекательно написанных романов с отчетливой нравоучительной тенденцией.

Стр. 415. *Эстли* — известный цирк, который содержал в Лондоне Филип Эстли в конце XVIII — начале XIX вв.

ДОВОДЫ РАССУДКА

Джейн Остен начала работу над романом 8 августа 1815 года и к июлю 1816 года завершила ее. Заглавие «Доводы рассудка» было придано роману посмертно, первоначально он назывался «Эллиоты».

Любопытные замечания о работе над романом, точнее, о переделке его заключительных глав, можно найти в воспоминаниях племянника писательницы Джеймса Эдварда Остен-Ли: «Книга была закончена к концу июля. Однако воссоединение героев происходило иначе, нежели в конечном варианте,— в доме адмирала Крофта. Такого рода развязка была не по вкусу тетушке Джейн. Она находила ее банальной и вялой, хотела чего-нибудь более оригинального. Это ее очень угнетало — к тому же здоровье ее значительно ухудшилось. Однажды вечером у нее было особенно плохое настроение, и в таком состоянии духа она отправилась спать. Однако хандра была совсем не в характере тетушки. Уже на следующее утро она проснулась бодрая, полная планов и надежд. К ней вернулась уверенность в своих силах. И тогда она отложила в сторону главу, которая ей так не нравилась, и написала две других, совершенно новых. В результате всех изменений в книге появилась сцена, описывающая приезд Мазгроувов в Бат, наполненная людьми, шумная сцена в гостинице «Белый олень», очаровательный разговор между капитаном Харвиллом и Энн Эллиот, который подслушивает капитан Уэнтворт и благодаря которому любящие наконец уясняют чувства друг друга. Десятая и одиннадцатая главы «Доводов рассудка» — последнее, что тетушка создала перед смертью, ее последний подарок читателям, о которых она очень пеклась. Убежден, что и среди писателей, и в среде ее почитателей могли бы найтись такие, которым была очень по сердцу и прежняя глава. И все же сравнение в пользу «переделки». В последних, наново написанных главах как-то особенно ясно высвечиваются характеры некоторых персонажей — мальчишество Чарлза Мазгроува,

необоримый эгоизм его жены. Отвергнутая глава сохранилась в рукописном виде. В ней, конечно же, нельзя не почувствовать уверенную руку автора...»

Отвергнутая Джейн Остен глава впервые была напечатана в 1871 году в издании, которое сопровождали «Воспоминания» Джеймса Эдварда, откуда и взято приводимое выше суждение. В его словах есть, однако, неточности. Четверть из отвергнутой главы почти дословно была воспроизведена в одиннадцатой главе, а первоначальная одиннадцатая глава стала двенадцатой, в которую были внесены довольно-таки значительные изменения. Вся работа по «переделке» длилась с 18 июля по 6 августа.

Как бы то ни было, переделка окончания романа — важное событие в творческой судьбе Джейн Остен; переделанные главы показывают направление художественной эволюции писательницы — ее стремление к более драматическому изображению событий даже по сравнению с предыдущими книгами. Впервые ее герои выясняют свои отношения не в прямой беседе, но косвенно — понять чувства друг друга помогает услышанный случайно разговор. Видимо, есть и еще одна причина, по которой Джейн Остен переделала конец, — обычно ее концовки поспешны, ироничны, представляют собой скорее конспект того, что последует. Концовка «Доводов рассудка» вполне законченна, некоторая поспешность в изложении чувствуется только тогда, когда речь заходит о будущем семейном счастье героев. Об этой стороне жизни Джейн Остен, к сожалению, знала очень мало, а потому предпочла не писать о неведомом ей.

В переписке Джейн Остен с Кассандрой можно найти существенные замечания о замысле «Доводов рассудка». В письме от декабря 1808 г. Джейн Остен пишет: «У каждого есть возможность попытаться счастье — во всяком случае, хотя бы раз в жизни — и выйти замуж по любви». Собственно, о том, что у любви должно быть естественное течение, что любовь молодых людей должна основываться прежде всего на взаимном чувстве, а не на расчетах, весь роман.

При том, что все произведения Джейн Остен в той или иной мере автобиографичны, этот роман самый автобиографичный. Хотя Джейн Остен недолюбливала свою героиню Энн Эллиот, называя ее «слишком хорошей», в ней воплотились многие черты создательницы. Сходство ощутимо во внешности, складе ума, даже в том, что она, как сама Джейн Остен, «увяла» к 28 годам.

Есть сходство в человеческих и интеллектуальных привязанностях: любви к музыке, серьезному чтению, жизни в глуши, дальним одиноким прогулкам. Похожи и их любовные истории. Как и Джейн Остен, Энн в девятнадцать лет влюбилась в человека без средств и по настоянию близких рассталась с ним. В этих эпизодах трудно не узнать историю любви Джейн Остен к Тому Лефрою. Капитан Харвил похож на брата писательницы Фрэнка, которому, как и литературному герою, были присущи домовитость, умение мастерить. Капитан Уэнтуорт очень напоминает жениха Кассандры, погибшего в битве при Сан-Доминго. Описание Лайма, которому отведено такое значительное место в романе, основано на собственных впечатлениях Джейн Остен — она посетила Лайм в 1804 году и составила об этом городе самое благоприятное мнение. Домик Харвилов в Лайме напоминает домик миссис Дин, в котором останавливались Остены во время пребывания здесь. Известно, что Джейн Остен предпочитала называть своих героев вымышленными именами и фамилиями, но в «Доводах рассудка» использованы фамилии некоторых ее близких знакомых, в частности, Уэнтуорт — фамилия одного из дальних родственников писательницы.

Впервые «Доводы рассудка» были изданы вместе с «Нортенгерским аббатством» в декабре 1817 года. Издание осуществил Генри Остен, он же написал предисловие к публикации, озаглавив его «Биографическая заметка». На титульном листе был обозначен 1818 год, иными словами, книга увидела свет через пять месяцев после смерти автора.

Романы были встречены и критикой, и публикой более чем равнодушно. Правда, в марте 1818 года в журнале «Британский критик», кстати, это был первый печатный орган, который назвал истинное имя писательницы, рецензент заметил, что «ее романы обладают удивительным, законченным совершенством, которое трудно превзойти». Однако анонимный рецензент упрекает писательницу в отсутствии «воображения», «выдумки». В книгах Джейн Остен, пишет он, «все взято из нашего опыта», герои «мелки». Конечно, продолжает он, верность жизни делает ее героев «настоящими»... «мы мгновенно узнаем в них наших знакомых, слышим их подлинные голоса... У этой писательницы особый дар наблюдения».

В таком же тоне была выдержана рецензия и в «Блэквуд мэгезин». В номере за май 1818 года неизвестный автор назвал

«Нортенгерское аббатство» «живым и веселым романом», а «Доводы рассудка» «книгой патетической». Общий же вывод был таков, что в романах «нет ровным счетом никакого сюжета».

Так сложилась традиция восприятия книг Джейн Остен как скучных и обыденных. Об этом писала и Шарлотта Бронте, и Марк Твен. Традиция эта просуществовала вплоть до конца XIX века, когда Дж. Льюис и Джордж Элиот открыли для себя Джейн Остен и, потрясенные силой ее реализма, глубоким знанием человеческих характеров, психологии, даром комического, придающего особое очарование ее прозе, провозгласили автора «Гордости и предубеждения», «Мэнсфилд-парка», «Эммы» классиком национальной литературы. Традиция Джейн Остен животворна и по сей день. Такие выдающиеся мастера современной английской прозы, как Ричард Олдингтон, Сомерсет Моэм, Джон Бойнтон Пристли, Вирджиния Вулф, Энгус Уилсон, Мюриел Спарк и многие другие, называют ее своим учителем и вдохновительницей.

Стр. 432. *Карл Второй* (1630—1685) — король Англии с 1660 г., из династии Стюартов.

Стр. 437. *Таттерсоллз* — лондонский аукцион чистокровных лошадей, названный по имени его основателя Ричарда Таттерсоллз (1724—1795).

Стр. 441. *Будучи вдовой всего только личного дворянина* — иными словами, рыцаря. По английским законам, «рыцарь» — личное дворянское звание, обыкновенно присваивается за особые заслуги политическим деятелям, ученым, артистам. Перед именем рыцаря ставится титул «сэр», перед фамилией его жены — «леди».

Стр. 445. *Это заключение мира всех наших богатых морских офицеров погонит на сушу.* — Свыше 20 лет с февраля 1793 до апреля 1814 г. Англия вела войну сначала против революционной, затем против наполеоновской Франции.

Стр. 451. *Мистер Уэнтворт, помнится, совершенное ничто; без роду без племени; ничего общего со Стрэффордами.* — По всей видимости, реминисценция из сочинения Дж. Хоукинза «Жизнь Джонсона» (1787), где на стр. 7 говорится: «... господин по фамилии Уинкворт, который, как полагали, состоял в родстве со Стрэффордами, взял себе имя Уэнтворта...»

Стр. 452. *... участвовал в битве при Сан-Доминго.* — Битва при Сан-Доминго — одно из сражений во время наполеоновских

войн. Здесь 6 февраля 1806 г. французы были разбиты английскими моряками под предводительством сэра Джона Дакуорта.

Стр. 465. *Эксетер* — один из старейших колледжей Оксфордского университета. Основан в 1314 г.

Стр. 472. ...и думать не могла во весь день 29 сентября...— иными словами, на Михайлов день (см. коммент, к с. 72).

Стр. 497. ... *Чарлз Хейтер*... был к тому же и старший сын...— По существующей во времена Джейн Остен традиции, имение наследовал старший сын; младшие сыновья должны были выбирать между армией, юриспруденцией и церковью. На покупку прихода, офицерского патента и юридическое образование выделялась определенная сумма; порой старший сын выплачивал младшим пожизненное годовое содержание.

Стр. 506. *Сей орех*...— По-видимому, весь отрывок с рассуждениями капитана Уэнтуорта о достоинствах ореха — пародия на известную поэму Уильяма Вордсворта «Терн» (1793—1794).

Стр. 513. *Остров Уайт* — расположен в проливе Ла-Манш, одно из самых красивых мест Англии.

Стр. 518. ... что следует предпочесть «*Мармион*» ли «*Дева озера*» или совершенно даже напротив, как расценить «*Гяура*» и «*Абидосскую невесту*»...— «*Мармион*» (1808) и «*Дева озера*» (1810) — поэмы Вальтера Скотта, упомянутые здесь в столь хвалебном контексте как благодарность поэту за отзыв об «*Эмме*» в «Ежеквартальном обозрении» (см. преамбулу к «*Эмме*», а также Предисловие к I тому настоящего издания). «*Гяур*» (1813) и «*Абидосская невеста*» (1813) — поэмы Байрона. О скептическом отношении Джейн Остен к Байрону см. Предисловие.

Стр. 527. «*Гармония в сем говоре валов*...» — Байрон, «Паломничество Чайльд Гарольда», Песнь 4 (перев. К. Д. Батюшкова).

Стр. 533. *Нисколько не склонная соревноваться с Эммой в чувствах ее к Генри*...— Эмма и Генри — герои одноименной поэмы английского поэта Мэтью Прайора (1664—1721).

Стр. 556. *Изящные часики на камине серебристо вызвали одиннадцать раз*...— Аллюзия на строки из поэмы Александра Поупа (1688—1744) «Похищение локона».

Стр. 557. «*Гауленд*» — средство для ухода за кожей лица, рекламировавшееся в «Хронике Бата» в январе 1814 г.

Стр. 600. *Она не могла не сравнить себя при этом с мисс Пароль*...— Мисс Лароль — персонаж романа Фанни Берни

(1752—1840) «Цецилия, или Воспоминания наследницы», где мисс Лароль, находясь в опере, прибегает к тем же ухищрениям, что и Энн, дабы оказаться ближе к предмету своей симпатии.

Стр. 608. *Темпл* — название двух из четырех лондонских «Судебных корпораций». Построены на месте, где в XII—XIV вв. жили рыцари-тамплиеры.

Стр. 610. *Танбридж-Уэлс* — фешенебельный курорт в графстве Кент.

Стр. 640. *Письмо, не очень внятно адресованное «Мисс Э. Э.»*.— По правилам этикета времен Джейн Остен молодым людям, если только они не были официально помолвлены, считалось неприличным состоять в переписке. Однако влюбленные в романах Джейн Остен, даже если они и не помолвлены, переписываются, что, в свою очередь, показывает, каких свободных и широких взглядов по этому поводу придерживалась писательница.

Иллюстрации к роману выполнены Ч. Броком, Дж. Остеном, Х. Томсоном. Джон Остен (1886—1948) —английский художник-иллюстратор, график, гравер. Известность приобрел в 20-е гг. своими изысканно-утонченными рисунками к произведениям В. Шекспира, Д. Дефо, Л. Стерна, Дж. Байрона, Ч. Диккенса, У. Теккерея и особенно Джейн Остен.

Е. Гениева

СОДЕРЖАНИЕ

ЭММА. Роман. Перевод М. Кан.	7
ДОВОДЫ РАССУДКА. Роман. Перевод Е.Суриц	431
Комментарии Е. Гениевой.	657

Издательство приносит благодарность библиотеке в Бостон Спа Уэтерли и университетской библиотеке Саутгемптона, любезно предоставившим иллюстрации Э. Уоллиса Милла к «Эмме» и Ч. Брока к «Доводам рассудка». Издательство также благодарит ассоциацию Великобритании—СССР за содействие в получении этих материалов.

0-76

Остен Дж.

Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3: Эмма; •Доводы рассудка: Романы: Пер. с англ./Редкол.: Г. Анджапаридзе, Е. Гениева, М. Климова и др.; Сост. и коммент. Е. Гениевой; Ил. Э. Уоллиса Миллза, Дж. Остена, Х. Томсона, Ч. Брока.— М.: Худож. лит., 1989.— 669 с.

ISBN 5—280—00306—9 [Т. 3]

ISBN 5—280—00303—4

В третий том Собрания сочинений Джейн Остен (1775—1817) входят романы «Эмма» (1816) и «Доводы рассудка» (1818)

4703000000—025

л
о

028(01)-89

подписное

ББК *4.4Вл.

ДЖЕЙН ОСТЕН
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том III

Редактор Н. Будавей
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
Г. Володина и Т. Медведева

ИБ № 4916

Сдано в набор 29.03.88. Подписано к печати 19.12.88. Формат 84X108'/₂- Бумага офсетн. № 1. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,28. Усл. кр.-отт. 141,54. Уч.-изд. л. 38,75. Тираж 200 000 экз. Изд. № VI—2848. Заказ № 399. Цена 6 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Можайский полиграфкомбинат В/О «Сов-экспорткнига» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93